N° 201.

21155

РУССКАЯ

ИСТОРІЯ.

I.

РУССКАЯ ИСТОРІЯ.

Н. Устрялова.

ИЗДАНІЕ ПЯТОЕ,

ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ

ИСТОРИЧЕСКИМЪ ОБОЗРѢНІЕМЪ

ЦАРСТВОВАНІЯ

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

НИКОЛАЯ I.

Съ 5 картами и 45 планами.

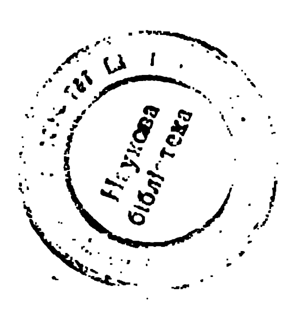
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ДРЕВНЯЯ ИСТОРІЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АПОЛЛОНА ФРИДРИХСОНА.

1855.



Печатать позволяется,
съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 10 Декабря 1854 года.

Ценсоръ В. Бекетовъ.

ВВЕДЕНІЕ.

—

I. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРІЯ ВЪ СМЫСЛѢ НАУКИ.

Русская исторія, въ смыслѣ науки, какъ основательное знаніе минувшей судьбы Русскаго народа, должна объяснить постепенное развитіе гражданской жизни его, отъ перваго начала ея до настоящаго времени, съ тѣмъ, чтобы, разливъ свѣтъ на главныя условія быта общественнаго и раскрывъ, почему они существуютъ такъ, а не иначе, указать: какое мѣсто занимаетъ Россія въ системѣ прочихъ государствъ; какія правила политики внутренней и внѣшней наиболѣе были сообразны съ ея выгодами; какія причины, какъ плоды времени и обстоятельствъ, ускоряли или замедляли успѣхи промышленности и образованности. Цѣль ея.

Цѣлью науки опредѣляется предметъ ея. Русская исторія достигаетъ своей цѣли вѣрнымъ изображеніемъ послѣдовательныхъ перемѣнъ въ состояніи Русской державы, съ указаніемъ причинъ тому и слѣдствій. Такимъ образомъ предметъ ея— постепенный переходъ Россіи изъ одного положенія въ другое. Какъ перемѣны государственныя всегда зависятъ отъ стеченія многихъ обстоятельствъ, отъ причинъ ближайшихъ и отдаленныхъ, отъ прямаго и косвеннаго дѣйствія ихъ: то исторія должна обнимать все, что имѣло вліяніе на судьбу государства, что оставило по себѣ слѣды замѣтные. Въ слѣдствіе того, она изображаетъ: достопамятныя дѣйствія людей, управлявшихъ внутреннею и внѣшнею политикою Россіи; успѣхи законода- Предметъ.

тельства, промышленности, наукъ и художествъ; вліяніе религіи, правовъ и обычаевъ.

ачепіе Русской исторіи.

Въ системѣ знаній, отечественная исторія имѣетъ высокое значеніе и тѣсную связь со всѣми науками общественнаго образованія. Съ одной стороны мы съ справедливою гордостію можемъ сказать, что предки наши, застигаемые неоднократно безпримѣрными бѣдствіями, какихъ не вынесъ бы ни одинъ народъ, спасали себя не случаемъ, не чужеземною помощію, а собственными силами, вѣрою въ Провидѣніе, усердіемъ къ престолу, любовію къ отечеству, что они умѣли выпутываться съ честію и славою изъ самыхъ трудныхъ обстоятельствъ, что страницы нашей исторіи ознаменованы болѣе дѣлами доблести, нежели порока, и что наконецъ только она описываетъ дѣянія Петра Великаго. Съ другой стороны, объясняя постепенное развитіе государственнаго устройства, озаряя въ неразрывной цѣпи вѣковъ все отечественное, она разливаетъ яркій свѣтъ на гражданскую жизнь нашу, на свойства народа, на положеніе государства среди сосѣдей, вообще на современное состояніе Россіи, о коемъ правильно можно судить только по сравненію настоящаго съ прошедшимъ. Кромѣ того, послѣ рѣшительнаго вліянія на насъ Европейскаго образованія, когда пробудилась мысль о народности, обѣщающая столь вожделѣнные плоды въ будущемъ, исторія вѣрнѣе всѣхъ умозрительныхъ изслѣдованій можетъ сказать, въ чемъ заключаются элементы Русской народности, или тѣ основныя начала, изъ которыхъ развилась наша жизнь государственная, общественная и семейная.

едства къ изученію исторіи.

Основательное знаніе отечественной исторіи пріобрѣтается постояннымъ изученіемъ всѣхъ вообще памятниковъ отечественной старины, или историческихъ источниковъ, и знакомствомъ съ позднѣйшими изысканіями ученыхъ: первые сообщаютъ живое понятіе о старинѣ; вторые поясняютъ недосказанное ими болѣе или менѣе удачными соображеніями. Историческіе источники бываютъ или письменные, или неписьменные. Къ первымъ относятся: 1) сказанія современниковъ; 2) акты государственные; 3) произведенія наукъ и изящной словесности; ко вторымъ принадлежатъ: 1) изустныя преданія; 2) остатки искусствъ и ремеслъ.

Сказанія современниковъ суть извѣстія тѣхъ людей, которые частію сами видѣли описываемыя событія, частію узнавали ихъ отъ другихъ лицъ самовидцевъ, и передавали по-

томству свѣдѣнія о видѣнномъ и слышанномъ въ лѣтописяхъ, дневникахъ, запискахъ, письмахъ и проч. Какъ подробное, связное объясненіе минувшаго, этотъ источникъ служитъ основою историческаго знанія. Пользуясь имъ, должно смотрѣть, могъ ли современникъ знать достовѣрно описанныя имъ событія и такъ ли передалъ ихъ потомству, какъ зналъ? Чѣмъ болѣе имѣлъ онъ средствъ узнать событія и чѣмъ добросовѣстнѣе описывалъ видѣнное или слышанное имъ, тѣмъ сказанія его любопытнѣе для потомства: съ одной стороны, ни высокимъ саномъ, ни обширными свѣдѣніями, ни дѣятельнымъ участіемъ въ дѣлахъ повѣствуемыхъ, онъ не внушитъ потомству довѣрія безъ любви къ истинѣ; съ другой стороны, самая дѣтская откровенность будетъ безплодною въ свидѣтелѣ малосвѣдущемъ или неискусномъ.

Акты государственные бываютъ внутренніе и внѣшніе, постоянные и временные. Къ нимъ относятся: уставы гражданскіе, военные, церковные, торговые и проч. грамматы и указы по частнымъ случаямъ; дѣла слѣдственныя; договоры дипломатическіе. Какъ памятники дѣйствій правительства, они указываютъ степень образованности, состояніе промышленности, правила политики, весь механисмъ гражданскаго устройства. Чѣмъ обильнѣе ими исторія, тѣмъ она выразительнѣе и достовѣрнѣе: каждое событіе, запечатлѣнное актомъ, въ главномъ основаніи несомнѣнно, и если новая исторія далеко превосходитъ древнюю точностію и полнотою, то сею выгодою она обязана наиболѣе актамъ государственнымъ.

Памятники наукъ и изящной словесности, нерѣдко выражая характеръ времени живѣе самыхъ подробныхъ извѣстій историческихъ, опредѣляя степень образованности и вкусъ народа, принадлежатъ также къ историческимъ матеріаламъ. Во всѣхъ письменныхъ памятникахъ должно обращать вниманіе на языкъ: какъ орудіе выраженія мыслей, еще болѣе какъ хранилище идей, онъ даетъ средства судить о родствѣ народныхъ поколѣній, о степени вліянія одного племени на другое, о направленіи и успѣхахъ гражданственности.

Изустныя преданія суть разсказы о минувшемъ времени, сохранившіеся отчасти донынѣ только въ памяти народной, отчасти внесенные въ историческія сочиненія, со всѣми признаками свѣдѣній о старинѣ отдаленной, дошедшихъ до бытописателя чрезъ нѣсколько поколѣній. Предшествуя обыкновенно памятникамъ письменнымъ и служа основою перво-

начальной исторіи каждаго народа, они тѣмъ любопытнѣе, чѣмъ сообразнѣе съ общимъ ходомъ событій, съ духомъ времени и чѣмъ менѣе заключаютъ въ себѣ явно баснословнаго.

Остатки искусствъ, художествъ и ремеслъ, зданія, монументы, картины, монеты, одежда, оружіе, домашняя утварь, также изстари сохранившіяся обыкновенія, при помощи письменныхъ источниковъ, могутъ живо выражать характеръ вѣка и часто вести къ важнымъ заключеніямъ. Они тѣмъ драгоцѣннѣе для потомства, чѣмъ древнѣе; въ особенности любопытны тѣ памятники, которые, относясь къ міру, уже исчезнувшему, напоминаютъ гражданскій бытъ, отличный отъ нашего.

Самое подробное знаніе фактовъ не принесетъ существенной пользы, если они не будутъ приведены въ стройную систему, гдѣ каждое явленіе было бы на своемъ мѣстѣ, какъ слѣдствіе предъидущаго и причина послѣдующаго; каждое событіе имѣло бы свое знаменованіе, сообразное съ его важностію, и вело бы къ предполагаемой исторіею цѣли. Для соединенія фактовъ въ одно стройное цѣлое, въ одну живую картину минувшаго, правильно очерченную и ярко освѣщенную, необходимо: 1) вникнуть въ общій ходъ событій и найти нить, которая связываетъ всѣ явленія непрерывною цѣпью: она образуется самымъ ходомъ происшествій, вліяніемъ вѣка, геніемъ народа, и по мѣрѣ измѣненія тѣхъ и другихъ пружинъ, измѣняетъ свое направленіе; 2) опредѣлить точки, гдѣ нить событій измѣняется, въ слѣдствіе стремительнаго переворота дѣлъ или быстраго развитія гражданственности, и сообразно этому измѣненію раздѣлить всѣ факты на нѣсколько разрядовъ, для лучшаго обзора и уразумѣнія ихъ; 3) припаровляясь къ общему историческому ходу, размѣстить всѣ явленія, по мѣрѣ важности, такъ, чтобы въ изображеніи ихъ соблюдена была точность и соразмѣрность, съ правильною связью причинъ и слѣдствій. Перспектива, въ особенности правильное освѣщеніе, необходимы какъ въ живописи, такъ и въ исторіи.

Изъ сего слѣдуетъ, что изучая отечественную исторію, должно предварительно составить ясную идею объ отличительномъ характерѣ ея и о тѣхъ эпохахъ, которыя производили рѣшительныя перемѣны въ судьбѣ Русскаго народа.

II. ОЧЕРКЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

Эпохи Русс. исторіи

Гражданское общество, служившее основою Русской державы, возникло въ племени Славянъ, подъ верховною властію одной господствующей фамиліи, главою которой былъ Норманскій витязь Рюрикъ. Оно получило названіе *Руси* и средоточіемъ сначала имѣло Новгородъ. Въ первый вѣкъ бытія, Русь раздвинула свои предѣлы отъ береговъ Ильменя до пороговъ Днѣпровскихъ, до истоковъ Вислы, западнаго Буга, до устья Оки и верховьевъ Хопра; всѣ восточныя поколѣнія Славянскаго и частію Финскаго племени, обитавшія между сими рубежами, безъ всякихъ почти понятій о жизни гражданской, въ патріархальной простотѣ нравовъ, признали неограниченное господство Рюриковыхъ потомковъ и вошли въ составъ Руси, средоточіемъ которой сталъ уже Кіевъ. По введеніи Христіанской вѣры Греческаго исповѣданія, при Владимірѣ святомъ, они слились въ одинъ народъ Русскій и образовали одно государство, получившее окончательное устройство при Ярославѣ I, который наложилъ печать закона на главныя условія жизни гражданской, опредѣливъ частію письменными уставами, частію своими дѣйствіями судъ и расправу, порядокъ престолонаслѣдія, зависимость князей удѣльныхъ отъ великаго, права и обязанности духовенства, предѣлы своей державы и отношенія ея къ сосѣдямъ.

Около половины XI вѣка кончилось *основаніе Руси;* съ тѣхъ поръ внѣшнее расширеніе ея прекращается; настаетъ бореніе между потомками Владиміра святаго. Это бореніе, неминуемое слѣдствіе современнаго понятія о правѣ на удѣлъ каждаго члена господствующей фамиліи, не только не уничтожило единства Руси, но еще болѣе скрѣпило узы общественныя, распространивъ всюду одинъ языкъ, одну вѣру, одни уставы гражданскіе, утвердивъ право одного рода Владиміра святаго на власть верховную. Мысль о необходимости единодержавія никогда не исчезала.

Прежде однакожъ, чѣмъ кончилась семейная борьба Рюриковыхъ потомковъ и таившаяся мысль о единодержавіи успѣла сосредоточить народныя силы, неотразимые завоеватели, пришедшіе изъ глубины Азіи, Монголы, покорили всю Русскую землю, обложили ее данью и присвоили себѣ право возводить и низвергать князей, не измѣнивъ впрочемъ внутренняго устройства, оставивъ неприкосновенными

главные элементы государственные: вѣру, языкъ, гражданскіе уставы и право Рюрикова дома на исключительное господство. Тяжкое иго угнетало Русь около двухъ вѣковъ съ половиною. Въ первый вѣкъ рабства, она была беззащитною жертвою ослѣпленія князей, лютости Монголовъ, хищности и фанатизма западныхъ сосѣдей; въ началѣ втораго вѣка совершился великій переворотъ, имѣвшій рѣшительное вліяніе на судьбу нашего отечества. Русскія княжества къ востоку отъ Днѣпра постепенно стали исчезать и входить въ составъ *государства Московскаго,* признавая надъ собою власть одного дома, въ родѣ Іоанна Калиты, потомка Владиміра святаго, изъ поколѣнія князей Суздальскихъ. Русскія княжества къ западу отъ Днѣпра, кромѣ Галиціи, присоединившейся къ Польшѣ, слились также въ одно цѣлое и образовали вмѣстѣ съ Литовскимъ народомъ самостоятельное государство, подъ именемъ *великаго княжества Литовскаго,* главою коего былъ домъ Гедимина. Отселѣ Русская земля раздѣлилась на двѣ половины, на восточную или Московскую и западную или Литовскую. Какъ въ той, такъ и въ другой возникаетъ новый порядокъ вещей, отличный отъ прежняго.

Русь восточная, съ начала XIV вѣка оживленная умомъ князей Московскихъ, мало по малу сосредоточила раздробленныя силы, вступила въ борьбу съ Монголами, свергла съ себя ненавистное иго, избавилась отъ неустройствъ удѣльной системы и образовала державу сильную, самостоятельную — *Русское царство.* Главою ея былъ государь самодержавный, съ наслѣдственною властью, переходившею по праву первородства отъ отца къ сыну въ родѣ Іоанна Калиты, а съ 1613 года, послѣ жестокаго потрясенія Самозванцами, въ домѣ Романовыхъ. Постоянною цѣлью Русскихъ царей, по сверженіи ига до конца XVII вѣка, было: въ дѣлахъ внутреннихъ органическое устройство государства въ духѣ древнихъ уставовъ и самодержавія, получившее окончательное образованіе при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и сынѣ его Өеодорѣ; въ дѣлахъ внѣшней политики, на югѣ и востокѣ обузданіе Татарскихъ ордъ, покореніемъ ихъ Русскому скипетру, на западѣ постепенное сближеніе съ Европою торговыми связями и возвращеніе земель за Днѣпромъ и при Балтійскомъ морѣ, искони составлявшихъ часть Русской земли. Въ слѣдствіе сего главнымъ явленіемъ исторіи Русскаго царства было постоянное развитіе мысли о необ-

ходимости возстановить Русскую землю въ тѣхъ предѣлахъ, которые имѣла она при Ярославѣ и около трехъ вѣковъ послѣ него; изъ этого источника проистекали всѣ наши споры съ Польшею, Ливонскимъ Орденомъ и Швеціею, овладѣвшими многими областями нашего отечества во время бѣдственнаго рабства.

Русь западная до конца XVI вѣка оставалась подъ властью князей Литовскихъ, въ родѣ Гедимина, но такъ же, какъ и восточная, спасла свою вѣру, свой языкъ, свои уставы гражданскіе. Слѣдовательно самыя крѣпкія узы связывали ее съ восточною Русью, и народъ, свято сохраняя законъ прародительскій, неоднократно обнаруживалъ живѣйшее желаніе возвратиться въ подданство царя православнаго, цѣлыми областями присоединяясь къ его державѣ. Ни въ той, ни въ другой части Руси, мысль о соединеніи ихъ въ одно цѣлое никогда не исчезала; еще въ началѣ XIV вѣка, когда блеснулъ первый лучъ надежды на освобожденіе отъ ига Монголовъ, владѣтели Москвы приняли титулъ великихъ князей *всея Руси*. Она живо пробудилась со временъ Іоанна III, которому добровольно поддались многія области, составлявшія часть Литовскаго княжества. Случайное обстоятельство положило преграду къ сліянію и прочихъ областей въ одно цѣлое: Польша, страшась могущества потомковъ Гедимина, примкнула къ ихъ державѣ, избравъ на свой престолъ внука его Ягелла, и всѣми мѣрами старалась отклонить опасное для нея соединеніе западной Руси съ восточною. Но какъ съ одной стороны, Русскіе цари имѣли неотъемлемое право на западную Русь, гдѣ предки ихъ водворили жизнь гражданскую и святую вѣру, гдѣ въ полномъ блескѣ развилась Русская жизнь, и при единодушномъ желаніи той и другой части быть подъ властію одного государя, соединеніе рано или поздно было неизбѣжно; съ другой же стороны, судьба Польскаго королевства была уже неразлучна съ судьбою великаго княжества Литовскаго: то, по естественному порядку вещей, сама Польша должна была неминуемо войти въ составъ одной державы Русской. Эта истина была очевидна въ XVI и въ XVII вѣкѣ, когда, по пресѣченіи династіи Ягеллоновой, благомыслящіе Поляки, тѣмъ болѣе Литовскіе чины неоднократно поручали судьбу свою Русскимъ царямъ. Однѣ интриги Польскихъ магнатовъ и Езуитовъ препятствовали соединенію двухъ народовъ одноплеменныхъ, единовѣрныхъ, разлученныхъ случайными об-

стоятельствами и поставленныхъ судьбою въ такое положеніе, что только подъ державною десницею одного вѣнценосца они могли найти миръ и благоденствіе. — Оставаясь подъ властію Польши до временъ Екатерины II, исключая областей, возвращенныхъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, западная Русь испытала всѣ бѣдствія анархіи, свирѣпствовавшей въ Польскомъ королевствѣ, и величайшее зло народное, гоненіе за вѣру. Иго Польское было тягостнѣе Татарскаго.

Въ началѣ XVIII вѣка, все, о чемъ заботились, къ чему стремились Русскіе цари, было рѣшено Петромъ Великимъ. Совершивъ исполинскій, безпримѣрный въ исторіи подвигъ, преобразовавъ и себя и свой народъ, водворивъ въ своемъ государствѣ войско, флотъ, промышленность, торговлю, науки, художества, новую, лучшую жизнь, даровавъ отечеству то, что западная Европа получила послѣ вѣковыхъ усилій, ознаменованныхъ крестовыми походами, городскими общинами, огнестрѣльнымъ оружіемъ, реформацією, однимъ словомъ воплотивъ въ себѣ все, что приготовило первенство Европы надъ прочими частями свѣта, Петръ поставилъ свое государство на такую степень, что оно явилось незапно исполиномъ въ кругу своихъ сосѣдей и уже при первыхъ преемникахъ Петра стало усвоивать плоды Европейской гражданственности. Отселѣ началась исторія *Россійской имперіи*, настала та сфера, въ которой мы живемъ; древній Русскій міръ исчезъ съ большею частію его уставовъ, законовъ, формъ, нравовъ, обычаевъ. Только два главные элемента, религія и самодержавіе, слившіеся съ Русскою жизнію, остались неприкосновенными.

Екатерина II довершила мысль и древнихъ царей и многіе планы Петра: соединила подъ свою державу почти всю Русскую землю, вмѣстѣ съ значительною частью Польскаго королевства, которое съ отдѣленіемъ западной Руси, не могло существовать самобытно въ формахъ анархіи, даровала своему государству рѣшительный перевѣсъ надъ всѣми сосѣдями и ознаменовала внутреннее управленіе многими учрежденіями для народной промышленности и образованности.

Усвоивъ лучшіе плоды Европейской гражданственности, безъ вредныхъ плевелъ, одушевляемая отличительнымъ свойствомъ народнаго характера, безпредѣльною преданностію вѣрѣ и престолу, Россія была непоколебима, среди всеобщаго потрясенія западныхъ государствъ Французскою револю-

люціею, и подъ знаменемъ Александра I, избавила Европу отъ величайшаго изъ завоевателей, Наполеона.

Наконецъ, съ восшествіемъ на престолъ императора Николая I, начался новый, современный намъ періодъ Русской исторіи: живѣе, чѣмъ когда либо, пробудилась мысль о необходимости органическаго устройства державы, основаннаго на истинныхъ началахъ народности и образованія.

Періоды Русской исторіи

Сообразно съ общимъ отличительнымъ ходомъ событій нашего отечества, можно раздѣлить Русскую исторію на двѣ главныя части, на древнюю и новую.

I. Древняя исторія, отъ начала Руси до Петра Великаго (862 — 1689), изображая постепенное развитіе трехъ главныхъ началъ, изъ коихъ возникла Русская жизнь, Славянскаго, Норманскаго и Византійскаго, подъ вліяніемъ въ одной части съ половины XIII вѣка Монголовъ, въ другой съ конца XVI вѣка Поляковъ, представляетъ слѣдующія явленія:

1. *Основаніе Руси*, соединеніе Славянъ въ общество гражданское господствомъ Норманновъ, Христіанскою вѣрою и законодательствомъ Ярослава, 862—1054.

2. *Раздробленіе Руси* по праву удѣльному на нѣсколько союзныхъ княжествъ въ Рюриковомъ потомствѣ, 1054—1238.

3. *Раздѣленіе Руси* на восточную и западную, подъ игомъ Монголовъ, 1238 — 1328.

4. *Образованіе* въ восточной Руси *государства Московскаго*, 1328—1462; въ западной Руси *великаго княжества Литовскаго* и соединеніе его съ Польшею, 1320 — 1569.

5. *Борьба* государей Московскихъ съ *Монголами* за право независимаго господства въ восточной Европѣ, съ *Польшею* за Литовское княжество, 1462—1604.

6. *Потрясеніе* Русскаго царства *Самозванцами*, 1604—1613, великаго княжества Литовскаго *Уніею*, 1596.

7. *Возобновленіе борьбы* Русскихъ царей съ Польшею за Литовское княжество, при явномъ стремленіи восточной Руси къ благоустройству, при новыхъ усиліяхъ Польскаго правительства уничтожить народность въ западной Руси, 1613 — 1689.

II. Новая исторія, отъ Петра Великаго до смерти Императора Александра I (1689—1825), имѣя отличительнымъ характеромъ измѣненіе древняго образа жизни, дѣятельное участіе Россіи въ дѣлахъ Европейскихъ и быстрое развитіе

умственныхъ и промышленныхъ силъ, представляетъ слѣдующія главныя явленія:

1. *Преобразованіе Русскаго царства въ Россійскую имперію* Петромъ Великимъ, 1689 — 1725.

2. *Утвержденіе установленнаго имъ порядка*, при первыхъ его преемникахъ, 1725 — 1762.

3. Начало *органическаго устройства* Россійской имперіи и *соединеніе* всѣхъ почти Русскихъ земель въ одно цѣлое Екатериною II, 1762—1796.

4. Рѣшительное *участіе* Россіи въ судьбѣ Европейскихъ государствъ, при новыхъ мѣрахъ къ внутреннему благоустройству, при очевидномъ смягченіи нравовъ и быстромъ *развитіи* умственныхъ и промышленныхъ силъ, 1796 — 1825.

5. Наконецъ отличительный характеръ современнаго намъ періода, съ 1825 г. есть *органическое развитіе силъ государства* изъ собственныхъ началъ его и въ свойственныхъ ему формахъ образованія.

III. ИСТОЧНИКИ ДРЕВНЕЙ ИСТОРІИ.

Сказанія современниковъ.

I. Сказанія современниковъ, объясняющія древнюю Русскую исторію, могутъ быть раздѣлены на отечественныя и иноземныя. Къ первому разряду относятся: лѣтописи безъименныя и записки особъ извѣстныхъ; ко второму преданія иноземцевъ, писавшихъ о нашемъ отечествѣ по слуху, и записки очевидцевъ.

1. *Лѣтописи безъименныя* [1] представляютъ почти непрерывный рядъ записокъ монастырскихъ, съ конца XI вѣка до половины XVII столѣтія, дѣеписателей неизвѣстныхъ, наблюдавшихъ событія большею частію издали, впрочемъ добросовѣстныхъ и безпристрастныхъ. Достовѣрность Русскихъ лѣтописей, подтверждаемая, въ сущности дѣла или въ главныхъ обстоятельствахъ, согласіемъ иноземныхъ писателей и многими актами, обнаруживается еще болѣе, если вникнемъ въ самый ходъ событій. Начало лѣтописей положено инокомъ Кіевопечерскаго монастыря, преподобнымъ Несторомъ, родившимся около 1050 года и умершимъ въ концѣ XI вѣка. Онъ писалъ частію по преданію старожиловъ, дополняя и

1. Лучшіе списки изданы Археографическою Коммиссіею, подъ заглавіемъ: Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, 1846 — 1853, въ 6 томахъ; въ 1 томѣ заключается Лѣтопись Лаврентьевская до 1305 и Троицкая до 1419; во 2 Ипатьевская до 1305; въ 3 и 4 четыре Новгородскія лѣтописи до 1716 и первыя Псковскія до 1609; въ 5 и 6 вторыя Псковскія лѣтописи до 1486 и двѣ Софійскія до 1534.

повѣряя ихъ Греческими хрониками, частію по собственнымъ наблюденіямъ, и служилъ образцомъ для позднѣйшихъ лѣтописцевъ: слѣдуя примѣру его, люди духовные, столь же скромные и добросовѣстные, описывали событія, распри князей, дѣла церковныя, войны внѣшнія, знаменія небесныя, необыкновенныя явленія природы, хотя кратко, часто поверхностно, даже ошибочно, но всегда съ любовію къ истинѣ. До начала XIII вѣка лѣтописи сходствуютъ одна съ другою содержаніемъ, описывая дѣла всей Руси; со времени нашествія Монголовъ, разсказываютъ преимущественно событія областныя.

2. *Записки* людей извѣстныхъ начинаются съ половины XVI вѣка: онѣ слишкомъ малочисленны въ сравненіи съ подобными историческими матеріалами западной Европы. Особеннаго вниманія заслуживаютъ: *Курбскаго* исторія Іоанна Грознаго [1], *Авраамія Палицына* сказаніе объ осадѣ Троицкаго монастыря Поляками [2], *Шушерина* житіе патріарха Никона [3], *Кошихина* о Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича [4].

3. *Преданія иноземцевъ*, писавшихъ о древнѣйшемъ состояніи нашего отечества мимоходомъ, по слуху, могутъ служить весьма важнымъ дополненіемъ нашихъ лѣтописей, повѣствующихъ кратко о первыхъ вѣкахъ Руси. Особенно замѣчательны: а) Византійскіе писатели: сенаторъ *Прокопій* [5] и императоръ *Маврикій* [6], о состояніи Славянъ Дунайскихъ въ VI вѣкѣ; императоръ *Константинъ Багрянородный* [7] о св. Ольгѣ и внутреннемъ устройствѣ Руси въ X вѣкѣ; *Левъ Діаконъ* [8] о войнѣ Святослава съ Цимисхіемъ, *Кедринъ*, о Владимірѣ святомъ. б) Восточные, наиболѣе Аравійскіе купцы, путешественники и ученые, знавшіе Руссовъ на берегахъ Волги: *Фоцланъ* [9], *Масуди, Гаукалъ, Абулфеда* и другіе. в) Скандинавскія саги или историческія преданія о Норманнахъ X и XI вѣка. [10]. г) Нѣмецкіе лѣтописцы X, XI и XII столѣтій: *Луитпрандъ* [11], епископъ Кре-

1. Сказанія Князя Курбскаго, 1833, въ 2 томахъ.
2. Издано нѣсколько разъ; первое изд. 1784.
3. Напечатано въ Спб. 1817.
4. Издано Археографическою Коммисіею, Спб. 1840.
5. Procopii Çaesareensis Historiarum sui temp. lib. Parisiis, 1662.
6. Mauricii artis militaris libri XIII. Ups. 1664.
7. De administrando Imperio; de Ceremoniis Aulae Bysantinae et caet.
8. Исторія Льва Діакона Калойскаго, Спб. 1820.
9. Ibn Fosslans und anderer Araber Berichte, 1823.
10. Эймундова сага (1833) и многія другія.
11. Luitprandi opera. Antver. 1640.

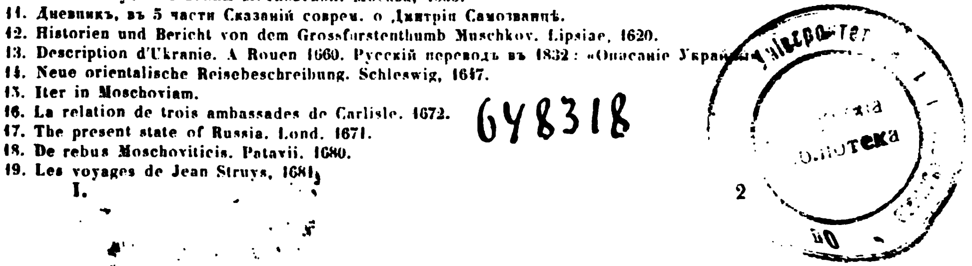
монскій объ Игорѣ; *Дитмаръ* [1], епископъ Мерзебургскій о Владимірѣ св. и Ярославѣ; *Ламбертъ* [2] Ашафенбургскій объ Изяславѣ; *Гельмольдъ* [3], о миѳологіи Славянъ Прибалтійскихъ. д) Польскіе лѣтописцы, компиляторы не всегда вѣрные древнихъ хроникъ Русскихъ, еще болѣе пристрастные въ описаніи современныхъ событій, но весьма замѣчательные для объясненія дѣлъ Россіи съ Польшею: *Кадлубко* [4], епископъ Краковскій довелъ свою лѣтопись до начала XIII вѣка; *Длугошъ* [5], до конца XV вѣка; *Кромеръ* [6], до половины XVI вѣка; *Стрыйковскій* [7] до конца XVI, и въ особенности *Кояловичъ* [8], достовѣрнѣе другихъ описавшій дѣла Литовскаго княжества до 1569 года.

4. *Записки иноземцевъ очевидцевъ*, писавшихъ о нашемъ отечествѣ съ половины XIII вѣка, преимущественно по собственнымъ наблюденіямъ, весьма разнообразнымъ, выразительнымъ и чрезвычайно важнымъ для объясненія событій, нравовъ, обыкновеній. Иноземные наблюдатели наиболѣе оставили свѣдѣній отъ начала XVI вѣка до конца XVII, когда являясь въ Москву одинъ за другимъ послами, агентами, путешественниками, или вступая въ Русскую службу, они съ живѣйшимъ любопытствомъ смотрѣли на Россію, гдѣ все было для нихъ ново, чудно, отлично отъ Европейскаго, и записывали все видѣнное и слышанное ими съ единственною цѣлію доставить своимъ соотечественникамъ ясное понятіе о полунощной Московіи. Изъ нихъ замѣчательны: а) О періодѣ Монгольскомъ, преимущественно о самыхъ Монголахъ: *Плано-Карпини, Асцелинъ и Рубруквисъ* [9], западные миссіонеры, бывшіе у Батыя, Гаюка и другихъ хановъ въ XIII вѣкѣ; *Марко-Поло* [10], Венеціанскій дворянинъ, болѣе 20 лѣтъ служившій Монгольскимъ ханамъ въ XIII вѣкѣ; *Шильдбергеръ* [11], Баварецъ, плѣнникъ Баязета и Тамерлана, участвовавшій въ ихъ походахъ болѣе 30 лѣтъ. б) О состояніи Россіи отъ Іоанна III до Самозванцевъ: *Контарини* [12],

1. Chronici Ditmari libri VIII. Hannov. 1707.
2. De rebus gestis Germanorum. Ratisb. 1726.
3. Chronica Slavorum. Lubecae 1659.
4. Historia Polonica. Wratisl. 1823.
5. Historiae Polonicae libri XIII. Lipsiae 1711.
6. De origine et rebus gestis Polonorum. Basil. 1555.
7. Chronica Polska, Litewska et caet. 1582.
8. Historiae Litvanae lib. II. 1650 и 1669.
9. Записки ихъ изданы Бержерономъ: Voyages faits principalemant en Asie (La Haye 1735 и еще лучше, къ сожалѣнію только двухъ первыхъ, Д. И. Языковымъ, въ «Собраніи путешествій къ Татарамъ», 1825.
10. Delle mirabigli del mondo, 1496.
11. Eine wunderbar. History. Одна изъ древнѣйшихъ печатныхъ книгъ.
12. Viaggio del. magn. Ambr. Contarini. Venet. 1559.

посланникъ Венеціанскій, бывшій въ Москвѣ при Іоаннѣ III; *Павелъ Іовій* [1], Римскій кардиналъ, узнавшій много любопытнаго о Москвѣ отъ Русскаго гонца; баронъ *Герберштейнъ* [2], посолъ императора Максимиліана I къ в. к. Василію Іоанновичу, лучшій, основательнѣйшій изъ писателей иноземныхъ; *Францискъ да-Колло* [3], посолъ цесарскій къ в. к. Василію; *Ченселеръ*, Англійскій капитанъ, *Дженкинсонъ*, *Баусъ, Рандолфъ, Горсей* [4], посланники Елисаветы Англійской при Іоаннѣ IV; *Таубе и Крузе* [5], свидѣтели жестокости Іоанновой; Антоній *Поссевинъ* [6], папскій легатъ, описавшій свои пренія о вѣрѣ съ Іоанномъ IV; *Флетчеръ* [7], посолъ Елисаветы къ Ѳеодору Іоанновичу, весьма умный наблюдатель внутренняго состоянія Россіи. в) О Самозванцахъ: *Маржеретъ* [8], капитанъ гвардіи Лжедимитріевой; *Мартинъ Беръ* [9], Московскій пасторъ, лучшій историкъ Самозванцевъ; *Жолкѣвскій* [10], Польскій военачальникъ, подробно и вѣрно описавшій избраніе Владислава на Русскій престолъ; *Самуилъ Маскѣвичъ* [11], офицеръ Польской службы; *Петрей* [12], Шведскій посланникъ къ Василію Шуйскому и Самозванцамъ. г) О царствованіи дома Романовыхъ: *Бопланъ* [13], Французскій инженеръ, Польской службы, оставилъ весьма подробныя свѣдѣнія о Малороссіи; *Олеарій* [14], Голштинскій ученый, путешествовавшій по Россіи при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ; *баронъ Мейербергъ* [15], посолъ Леопольда I къ Царю Алексѣю Михайловичу, жившій въ Москвѣ около года; *Гюи-Мьежъ*, секретарь графа Карлейля [16], посла Англійскаго къ нему же; *Коллинсъ* [17], Англійскій врачъ царя Алексѣя; *Рейтенфельсъ* [18], посланникъ Тосканскій; *Стрейсъ* [19], Голландскій корабельный мастеръ, свидѣтель мятежа Стеньки Рази-

1. De Legatione Basilii Magni Principis Moscoviae. 1551.
2. Rerum Moscoviticarum commentarii. Первое изданіе въ Вѣнѣ, 1549; лучшее въ Базелѣ, 1556.
3. Trattamento di pace tra il s. Sigismondo e Gran Basilio, въ Падуѣ, 1603.
4. Извѣстія Англичанъ объ Іоаннѣ Грозномъ напечатаны Гаклюйтомъ въ первомъ томѣ: The navigations и проч. 1599 и 1809.
5. Zar Iwan der Grausame. Dorp. 1818.
6. Moscovia. Vilnae, 1586.
7. Of the Russe Common-Wealth. Lond. 1591.
8. Estat de l'Empire de Russie. Первое изданіе 1607. Русскій переводъ въ 3 т. Сказ. совр. о Дм. Самозв. 1832.
9. Лѣтопись Московская, въ I части Сказ. совр. о Димитріи Самозв. 1831.
10. Начало и успѣхъ войны Московской. Москва, 1835.
11. Дневникъ, въ 5 части Сказаній соврем. о Димитріи Самозванцѣ.
12. Historien und Bericht von dem Grossfurstenthumb Muschkov. Lipsiae, 1620.
13. Description d'Ukranie. A Rouen 1660. Русскій переводъ въ 1832: «Описаніе Украй...
14. Neue orientalische Reisebeschreibung. Schleswig, 1647.
15. Iter in Moschoviam.
16. La relation de trois ambassades de Carlisle. 1672.
17. The present state of Russia. Lond. 1671.
18. De rebus Moschoviticis. Patavii. 1680.
19. Les voyages de Jean Struys, 1681.



на; *Таннеръ* [1], Богемецъ, спутникъ Литовскихъ пословъ къ Θеодору Алексѣевичу; *Кемпферъ* [2], ученый путешественникъ Нѣмецкій, бывшій въ Россіи въ правленіе царевны Софіи, и весьма многіе другіе.

Государственные.

II. Акты государственные, до половины XIII вѣка или до утвержденія господства Монголовъ въ Русской землѣ, слишкомъ малочисленны, отчасти потому, что ихъ истребило время, при содѣйствіи невѣжества и Монголовъ, отчасти и потому, что, по тогдашнему устройству государственному, письменность не могла быть столь разнообразною и необходимою, какъ въ послѣдствіи. Они дошли до потомства не въ подлинникахъ, а въ спискахъ, сохранившихся въ лѣтописяхъ и въ разныхъ сборникахъ [3], и хотя наиболѣе по этому обстоятельству нѣкоторые критики считали ихъ подложными, но какъ основательнѣйшія изслѣдованія подтверждаютъ ихъ достовѣрность, то они должны быть причислены къ источникамъ историческимъ. Таковы суть: мирные договоры Олега, Игоря и Святослава съ Греками; церковные уставы Владиміра св. и Ярослава I о правахъ Россійскаго духовенства; Русская Правда о судѣ и расправѣ [4].

Съ половины XIII вѣка, въ особенности со времени основанія государства Московскаго, тѣмъ болѣе послѣ Іоанна III, акты государственные становятся несравненно обильнѣе и служатъ важнымъ пособіемъ Русской исторіи, поясняя какъ внутреннее устройство государства, такъ и внѣшнюю политику. Изъ нихъ мы узнаемъ: отношенія удѣльныхъ князей къ великому князю Московскому [5]; постепенное расширеніе предѣловъ государства Московскаго, вмѣстѣ съ городами и областями, ему принадлежавшими [6]; подробности суда и расправы [7]; порядокъ сбора государственныхъ доходовъ [8]; образованіе войска [9]; устройство церкви [10]; внѣшнія отношенія къ сосѣдямъ, пріобрѣтенія, уступки и проч. [11].

1. Legatio Polono-Lithuanica. Norimb. 1689
2. Отрывки изъ его дневника въ книгѣ Аделунга: «Баронъ Мейербергъ», 1827.
3. Древнѣйшій подлинный актъ есть граммата Мстислава I (1125 — 1132) Новгородскому Юрьевскому монастырю на землю и судныя пошлины.
4. О договорахъ Олега, Игоря и Святослава, см. разсужденія Погодина въ его Несторѣ. Церковные уставы защищалъ митрополитъ Евгеній; Русскую правду превосходно изъяснилъ Эверсъ, въ сочиненіи: Das älteste Recht der Russen. 1826.
5. Договорныя грамматы Новгородцевъ и удѣльныхъ князей съ великими, съ 1265 по 1480.
6. Духовныя завѣщанія государей Московскихъ съ 1328.
7. Уставныя грамматы разныхъ князей, судебники, уложеніе и весьма многіе указы царей Русскихъ.
8. Таможенные и торговые уставы.
9. Разряды и грамматы по случаю разныхъ походовъ.
10. Жалованныя грамматы духовенству, монастырямъ; уставъ Патріаршій и проч.
11. Дѣла посольскія въ государственномъ архивѣ.

Многіе поясняютъ сверхъ того подробности событій [1]. Лучшія собранія суть: *Государственные грамоты и договоры*, изданные графомъ Румянцевымъ въ 4 томахъ [2]; *Акты, собранные Археографическою экспедиціею* Академіи наукъ и. изданные Археографическою коммиссіею [3], первые два тома *Полнаго собранія законовъ Россійской имперіи.*

Памятники словесности.

III. Памятники словесности до конца XVII вѣка состоятъ преимущественно изъ сочиненій писателей духовныхъ, изъ лѣтописей (если разсматривать ихъ въ литературномъ смыслѣ), изъ посланій святителей, изъ переводовъ съ Греческаго и частію Латинскаго языковъ [4]. Изъ писателей свѣтскихъ особенно замѣчательны: Владиміръ Мономахъ, Сочинитель Слова о полку Игоревомъ, князь Курбскій и немногіе другіе. Къ сему же разряду относятся и народныя пѣсни, изъ коихъ нѣкоторыя носятъ на себѣ печать глубокой древности.

IV. Преданія изустныя замѣтны преимущественно въ древнихъ лѣтописяхъ; нѣкоторыя украшены вымысломъ [5]. Памятники искусствъ и ремеслъ разсѣяны по всей Россійской имперіи. Изъ нихъ особенно важны монеты, оружіе, утварь, зданія и проч.

Изслѣдованія ученыхъ.

Съ начала XVIII столѣтія люди ученые стали приводить въ порядокъ и обработывать историческіе источники наши; лучше всѣхъ воспользовался ими Карамзинъ, авторъ *Исторіи государства Россійскаго.* Съ чистою любовію къ истинѣ, къ наукѣ и родной старинѣ, съ рѣдкимъ искусствомъ владѣть Русскимъ словомъ, при пособіи огромнаго запаса матеріаловъ, изъ которыхъ многіе только ему были доступны, онъ начерталъ величественную картину минувшей судьбы нашего отечества до воцаренія дома Романовыхъ. Правда, критика нашла въ его сочиненіи значительные недостатки: не вполнѣ правильное воззрѣніе на общій ходъ событій, слабое развитіе внутренней жизни Русскаго народа, не всегда

1. Слѣдственныя дѣла о Максимѣ Грекѣ, Царевичѣ Димитріи и проч., также окружныя грамматы или манифесты.
2. Спб. 1813 — 1826.
3. Первые четыре тома изданы въ 1836 году; въ послѣдствіи напечатано еще 5 томовъ актовъ историческихъ, 1841 — 1842, 5 томовъ Дополненій къ нимъ отъ конца X вѣка до конца XVII, 1846 — 1853, 5 томовъ Актовъ о западной Россіи, 1846 — 1853, одинъ томъ Актовъ Юридическихъ, 1838 и 2 тома Актовъ о Россіи, извлеченныхъ изъ иностранныхъ архивовъ, преимущественно изъ Ватиканскаго, А. Тургеневымъ 1841 — 1842.
4. Древнѣйшій памятникъ письменности — Евангеліе, писанное для посадника Остромира въ 1096. Изд. Востоковымъ въ 1843.
5. О походѣ Олега на Византію, о мести и хитростяхъ Ольги, о войнѣ Святослава съ Цимисхіемъ.

вѣрные выводы; при всемъ томъ, какъ удачный сводъ всѣхъ почти извѣстныхъ матеріаловъ древней отечественной исторіи, въ духѣ старинныхъ лѣтописей, какъ добросовѣстный трудъ писателя умнаго, образованнаго, со всемъ жаромъ художника любившаго предметъ свой, сочиненіе Карамзина доселѣ превосходитъ все, что было писано прежде его и послѣ его. Дополненіемъ и поправками ему служатъ изслѣдованія *Эверса, Лерберга, Круга, Френа, Погодина* и нѣкоторыхъ другихъ, впрочемъ весьма немногихъ, истино ученыхъ изыскателей старины отечественной.

ДРЕВНЯЯ ИСТОРІЯ.

ГЛАВА I.

ОСНОВАНІЕ РУСИ.

Общее нача государств

Основаніе государствъ, т. е., соединеніе поколѣній одного или нѣсколькихъ племенъ въ общество гражданское, обыкновенно совершается такъ медленно, незамѣтно, такъ мало оставляетъ по себѣ памятниковъ, что исторія, съ трудомъ проникая въ сумракъ временъ отдаленныхъ, рѣдко можетъ объяснить непрерывнымъ рядомъ событій, какимъ образомъ народы разстаются съ дикою волею, признаютъ власть закона и, свѣдавъ выгоды общежитія, образуютъ державы: все это бываетъ дѣломъ вѣковъ и сцѣпленія многихъ, мало извѣстныхъ обстоятельствъ. Одно только явленіе общее, несомнительное, замѣтно при началѣ почти всѣхъ державъ древнихъ и новыхъ; гражданское общество возникаетъ по большей части изъ соединенія двухъ или нѣсколькихъ народовъ разноплеменныхъ, изъ коихъ сначала одинъ господствуетъ, а другой повинуется, въ послѣдствіи оба сливаются въ одно племя. Такъ возникли первыя общества въ Египтѣ, въ Греціи, въ древней Италіи, въ Германіи, Франціи, Англіи. Основаніе всѣхъ почти государствъ въ главныхъ чертахъ одинаково; но отъ различія въ свойствахъ народныхъ, въ отношеніи побѣдителей къ побѣжденнымъ, въ вѣрѣ, въ климатѣ, въ обстоятельствахъ случайныхъ, каждое государство при самомъ началѣ получаетъ особен-

ное направленіе, въ коемъ скрывается сѣмя будущей жизни его, какъ въ зернѣ прозябаемомъ таится свойство плода. И потому, разсуждая объ основаніи своего отечества, мы должны указать, какіе народы и какимъ образомъ составили гражданскій союзъ, получившій названіе Руси.

Всѣ памятники Русской древности, въ особенности сказанія нашихъ лѣтописцевъ, свидѣтельствуютъ, что краеугольный камень основанію Руси положили два народа, Славяне и Норманны, что господство Норманновъ въ землѣ Славянской завязало первый узелъ общественный, что Христіанская вѣра скрѣпила его, а правленіе Ярослава I, наложивъ печать закона на главныя условія юнаго общества, утвердило въ немъ тотъ порядокъ вещей, изъ котораго въ послѣдствіи развивались главныя явленія нашей исторіи, измѣняясь по мѣрѣ вліянія внѣшнихъ обстоятельствъ и успѣховъ общественной жизни. Два столѣтія продолжалось основаніе Руси, первый періодъ нашей исторіи. Для уразумѣнія его необходимо обозрѣть: 1) судьбу *Славянъ* вообще и въ особенности тѣхъ отраслей Славянскаго племени, которыя вошли въ составъ Руси; 2) главныя черты *Норманновъ*; 3) соединеніе Славянъ съ Норманнами въ одно общество гражданское, подъ именемъ *Руси*; 4) введеніе *Христіанской вѣры*; 5) правленіе *Ярослава I*.

I. СЛАВЯНЕ *.

Появленіе въ исторіи.

Племя, извѣстное нынѣ подъ именемъ Славянскаго, при первомъ появленіи въ исторіи, въ концѣ V и въ началѣ VI вѣка по Рождествѣ Христовѣ, занимало многочисленными поколѣніями пространство отъ моря Балтійскаго до Чернаго и Дуная, отъ Одера до береговъ Днѣпровскихъ. Встрѣчая въ исторіи столь сильный, до конца V столѣтія подъ симъ именемъ совершенно неизвѣстный народъ, въ эпоху всеобщаго переселенія народовъ, мы могли бы думать, что онъ пришелъ въ Европу по слѣдамъ Гунновъ и другихъ дикихъ ордъ средней Азіи, еслибы въ языкѣ, въ природныхъ свойствахъ Славянъ, въ наружномъ видѣ, въ очертаніи лица, въ самыхъ нравахъ, не было признаковъ, что подобно Германцамъ, они принадлежали къ семейству аборигеновъ или коренныхъ обитателей Европы. Поздно же явились они въ

* Лѣтопись Нестора. Schafarik Slawische Alterthumer. 2 Th. Leipz. 1843.

историческомъ мірѣ подъ собственнымъ названіемъ потому, что сами не оставили никакихъ свидѣтельствъ о прежней судьбѣ своей, а Греки и Римляне, давая чуждымъ народамъ имена произвольныя, нерѣдко одно и тоже племя въ разныя эпохи называли разными именами, включая въ одинъ разрядъ разноплеменные народы; такимъ образомъ Славяне могли быть извѣстны имъ вмѣстѣ съ другими народами, подъ общимъ неопредѣлительнымъ названіемъ Скиѳовъ и Сарматовъ [1].

Судьба Славянскаго племени, отъ перваго появленія его въ исторіи до образованія въ немъ въ IX и X вѣкѣ государствъ Русскаго, Польскаго, Богемскаго, Моравскаго, Сербскаго и другихъ, мало извѣстна. Въ VI и VII столѣтіи замѣтнѣе другихъ отраслей дѣйствуютъ Славяне южные или Дунайскіе; въ началѣ VIII столѣтія они скрываются отъ взоровъ исторіи, и ѳеатръ переносится на берега Одера и Эльбы; въ IX столѣтіи пробуждается дѣятельность на Вислѣ, около Ильменя и по теченію Днѣпра. Славяне южные уступаютъ свои земли другимъ чуждымъ народамъ, или смѣшиваются съ ними; Славяне западные признаютъ власть Карла Великаго и преемниковъ его; Славяне восточные образуютъ самостоятельную державу, Русь. Укажемъ на главныя событія и черты Славянской жизни.

Славяне южные или Дунайскіе были страшными врагами Византійской имперіи во все время царствованія императора Юстиніана Великаго [2]. Съ самаго начала его правленія, съ 527 года, они стали вторгаться въ его области чрезъ Дунай и тѣмъ были опаснѣе, что съ воинственною отвагою соединяли хитрость и искусство, умѣли таиться въ оврагахъ, за кустами, даже въ рѣкахъ, и презирая опасности, какъ бы играли войною. Если же удавалось искусному вождю Греческому окружить отдѣльныя толпы ихъ, храбрость ихъ усугублялась: они бились отчаянно, жены сражались рядомъ съ мужьями, и никакія муки не могли принудить плѣннаго Славянина измѣнить единоземцамъ. Самъ Юстиніанъ Великій съ твердынь неприступной столицы видалъ, какъ грозныя толпы этого народа опустошали увеселительные дворцы въ окрестностяхъ Царяграда, и Велизарій съ трудомъ, болѣе золотомъ, нежели оружіемъ, спасъ отъ нихъ Византію.

1. По словамъ Прокопія, Славяне сами себя называли Спорами, т. е. Сербами, какъ думаетъ Шафарикъ.
2. Прокопій.

Нравы ихъ.

Что побуждало Славянъ къ неутомимой враждѣ съ Греками, достовѣрно неизвѣстно. Историки Византійскіе приписываютъ ихъ набѣги ненасытному грабительству. Не имѣя никакого памятника Славянскаго того времени, мы не можемъ ни подтвердить, ни отвергнуть сказаній ихъ непріятелей. Впрочемъ единогласное свидѣтельство писателей современныхъ [1] удостовѣряетъ, что Славяне въ VI вѣкѣ находились еще на самой низкой степени образованности: они жили отдѣльными колѣнами или семействами, не зная ни крѣпостей, ни городовъ, имѣя однакоже селенія; любили болѣе всего свободу необузданную; одна власть старѣйшинъ управляла односемейными; инаго господства не терпѣли. Въ обстоятельствахъ важныхъ, когда непріятель грозилъ ихъ странѣ опустошеніемъ, или сами задумывали грабить сосѣдей, многія семейства соединялись для совѣта и рѣшали дѣло по приговору старѣйшинъ. Но своевольство неукротимое всегда отличало Славянъ Дунайскихъ; рѣдкое совѣщаніе оканчивалось мирно; мечи обыкновенно рѣшали ихъ споры. Вождь, указывавшій путь въ землю непріятельскую, могъ пріобрѣсть ихъ довѣренность и повиновеніе только личною храбростію или особеннымъ искусствомъ, и рѣдко имѣлъ силу обуздывать своихъ товарищей : они сражались гдѣ и какъ хотѣли; но каждый Славянинъ всегда бросался прямо въ средину враговъ, и не смотря на долговременное искусство, легіоны Византійскіе часто обращали предъ ними тылъ. Выигравъ сраженіе, Славяне обыкновенно въ конецъ опустошали непріятельскую землю, все предавали огню и мечу, не щадили ни возраста, ни пола, и обремененные добычею, удалялись въ свои лѣса недоступные.

Но дикая свирѣпость не была отличительнымъ ихъ характеромъ. Славянское племя вообще имѣло болѣе склонности къ жизни мирной, чѣмъ воинственной. Какъ Славяне Прибалтійскіе въ концѣ IV вѣка извѣстны были тихимъ нравомъ [2], такъ и Славяне Дунайскіе, если ни вторженіе непріятелей, ни внутренніе раздоры не воспламеняли ихъ страстей, любили жизнь мирную, семейную, охотно занимались земледѣліемъ, отличались добродушіемъ, и своимъ гостепріимствомъ удивляли просвѣщенныхъ Грековъ, оставивъ эту добродѣтель въ наслѣдство самымъ отдаленнымъ потомкамъ : путешественника встрѣчали, какъ ста-

1. Прокопія и Маврикія.

2. Византійскіе историки Феофилактъ, Анастасія и Феофанъ.

ришнаго знакомаго, угощали съ радостію и сдавали другъ другу на руки, отвѣтствуя за его безопасность; рабамъ (плѣнникамъ), по миновании опредѣленнаго срока, возвращали свободу, или принимали ихъ въ свои семейства. Чистота нравовъ, которою славились жены и дѣвы ихъ, есть другая прекрасная черта характера народнаго: Славянки такъ были привязаны къ своимъ мужьямъ, что не разлучались съ ними въ самыхъ битвахъ, и нерѣдко потерявъ ихъ, искали утѣшенія въ смерти, чтобы не горевать вдовицами [1].

Народъ съ такими свойствами не могъ надолго оставаться на степени народа дикаго, обнаруживая явное стремленіе къ жизни общественной. Славяне уже любили земледѣліе, завели села и, мечемъ ограждая національную независимость, ждали только, чтобы свѣтъ божественной религіи смягчилъ ихъ душу, а умъ какого нибудь Кекропса или Нумы Помпилія направилъ ихъ силы къ цѣли нашего бытія, къ общежитію и образованности. Но не на берегахъ Дуная суждено было имъ достигнуть этой цѣли: тамъ пролегалъ главный путь, коимъ кочевыя орды средней Азіи стремились на Римскую имперію и одна за другою вытѣсняли Славянъ.

Болгары и Авары.

Въ VII столѣтіи появились на берегахъ Дуная сильные враги, пришедшіе изъ за Дона, Болгары, которые сначала вмѣстѣ съ Славянами опустошали имперію, а потомъ обратили оружіе на своихъ союзниковъ, и частію покорили ихъ, частію принудили переселиться за Тейсъ и Карпатскія горы [2]. Въ слѣдъ за ними новые варвары, видомъ и свирѣпостью напоминавшіе Гунновъ, Авары или Обры, изъ за Каспійскаго моря перенеслись въ Европу, поработили Болгаръ съ подвластными имъ и независимыми отъ нихъ Славянами, и утвердили свое господство отъ Волги до Эльбы. Презирая благодѣянія труда и природы, Авары жили грабежемъ, и свою добычу, сокровища подвластныхъ имъ народовъ, складывали въ укрѣпленные станы, которыхъ слѣды сохранялись долго на берегахъ Тейса и Алуты. Тщетно нѣкоторыя поколѣнія Славянъ старались спасти свою независимость, и одинъ изъ вождей ихъ, Лавритасъ, съ презрѣніемъ говорилъ посламъ хана Аварскаго Бояна, требовав-

1. Маврикій. 2. Несторъ.

шимъ покорности, что никто въ мірѣ не лишитъ ихъ свободы, доколѣ есть война и мечи въ свѣтѣ: Боянъ вступилъ въ ихъ землю и обратилъ въ пепелъ всѣ *селенія* [1]. Поражаемые неодолимымъ завоевателемъ, Славяне или покорились ему, или по слѣдамъ прежнихъ выходцевъ, удалились за Карпатскія горы. Одни изъ нихъ двинулись къ западу и сѣверу въ Иллирію, Богемію, Мекленбургію, Померанію и Польшу, гдѣ уже обитали единоплеменники ихъ, другіе же удалились на равнины нынѣшней западной Россіи [2].

авяне западные.

Славянскія поколѣнія, удалившіяся съ береговъ Дуная на сѣверозападъ въ VII столѣтіи, заняли все пространство отъ Эльбы до Вислы, и смѣшавшись тамъ вѣроятно съ единоплеменниками своими, приняли названія *Чеховъ* въ Богеміи, *Моравовъ* въ Моравіи, *Сорабовъ* въ Турингіи (между Салою и Эльбою), *Ободритовъ и Вильцевъ* между нижними частями Эльбы и Одера, *Поморянъ* при Балтійскомъ морѣ въ Помераніи, *Ляховъ* или *Лехитовъ* въ Польшѣ. До конца VIII вѣка они вели безпрерывную борьбу на юговостокѣ съ Аварами, на сѣверозападѣ съ Франками. Освобожденные отъ ига Аваровъ оружіемъ Карла Великаго, они должны были большею частію признать его господство. Преемники Карловы старались утвердить эту власть введеніемъ Христіанской вѣры въ земляхъ Славянскихъ; но дѣйствовали насильственными мѣрами и нерѣдко вынуждали Славянъ къ упорной защитѣ ихъ правовъ, языка, вѣры и свободы. Властолюбіе Нѣмецкихъ императоровъ, при вмѣшательствѣ Римскихъ папъ, долго препятствовало мирному развитію гражданственности, къ которой Славяне обнаруживали явное стремленіе, занимаясь земледѣліемъ, торговлею, имѣя села и города, сохранившіе доселѣ Славянскія названія.

авяне восточные.

Поколѣнія Славянъ, вытѣсненныя Аварами съ береговъ Дуная и Чернаго моря, и удалившіяся къ сѣверовостоку, вѣроятно въ VII или въ началѣ VIII вѣка, заняли все пространство отъ истоковъ Вислы до Оки, отъ Ладожскаго озера до пороговъ Днѣпровскихъ [3]. Какіе народы обитали въ этомъ пространствѣ до прихода новыхъ вселъниковъ и какъ Славяне утвердились тамъ, силою ли оружія, другими ли средствами, достовѣрно неизвѣстно. Мы знаемъ, что при Иродотѣ жили здѣсь какіе-то Андрофаги и Меланхлены, что въ I столѣтіи по Рождествѣ Христовѣ, племя Вендовъ за-

1. Византійскіе историки. 2. Несторъ. 3. Несторъ.

нимало равнины, орошаемыя Вислою, Двиною и Волховомъ (гдѣ, по словамъ Нестора, св. апостолъ Андрей уже видѣлъ Славянъ), что съ III столѣтія, въ продолженіе 400 лѣтъ, приходили въ нынѣшнюю южную Россію разные народы: съ сѣвера Готѳы, основавшіе тамъ въ IV вѣкѣ могущественное государство, съ востока несмѣтныя толпы Гунновъ, Аланъ, Болгаръ, Аваровъ; но въ VII или VIII столѣтіи, какъ можно догадываться, только малочисленные остатки этихъ народовъ могли удержаться въ западной Россіи, и Славяне, вѣроятно, нашли тамъ земли, мало заселенныя, гдѣ скитались слабыя толпы частію единоплеменниковъ ихъ, частію чуждыхъ народовъ, скоро слившихся съ ними.

Не вся нынѣшняя Европейская Россія была занята Славянами. Къ сѣверозападу отъ нихъ, въ нижнихъ частяхъ Нѣмана и Двины обитали отрасли народа Литовскаго, населявшаго и восточную Пруссію. Происхожденіе его неизвѣстно; одни писатели признаютъ его смѣсью Вендовъ, Готѳовъ, Чуди и всельниковъ Римскихъ; другіе самобытною отраслью племени Славянскаго [1]. Поколѣнія его были *Пруссы* въ нынѣшней восточной Пруссіи; *Ятвяги* въ Гродненской губерніи; *Литва* въ Виленской; *Корсь* въ Курляндіи; *Ливь и Летгола* въ Лифляндіи. — Къ сѣверовостоку отъ Славянъ, за Ильменемъ, Бѣлоозеромъ и Окою, обитало другое самобытное племя Финновъ, еще извѣстное Тациту. Съ незапамятныхъ временъ, оно занимало глубину сѣверной Европы, никогда не славилось ни завоеваніями, ни успѣхами жизни общественной, живо выражало въ своихъ чертахъ, въ самыхъ способностяхъ души, окружающую его природу, скупую на дары и печальную. Оно раздѣлялось на многія вѣтви, изъ коихъ главнѣйшими были: *Чудь* въ Эстляндіи, *Нарова* по берегамъ Наровы, *Ижера* по Невѣ, *Ямь* или *Емь* въ южной Финляндіи, *Корела* въ Олонецкой губерніи, *Весь* на Бѣлѣозерѣ, *Пермь* въ Пермской губерніи, *Меря* вокругъ Ростова, *Мурома* около Мурома, *Черемиса*, *Мордва* въ Казанской и Вятской губерніи и проч. Сосѣди ихъ.

На юговостокѣ сосѣдями Славянъ были Хазары, могущественный народъ, единоплеменный древнимъ Туркамъ, искони обитавшій между Чернымъ и Каспійскимъ морями.

1. Шафарикъ.

Они являются въ исторіи въ III столѣтіи по Р. X; въ V и VI извѣстны были своими набѣгами на Арменію и сѣверную Персію. Тщетно Персидскій шахъ Хозрой старался оградить отъ нихъ свое государство построеніемъ знаменитой стѣны Кавказской: Хазары часто прорывались въ Арменію. Халифы Арабскіе, покорившіе Персію, также нерѣдко испытывали опустошительные набѣги ихъ, особенно въ концѣ VII вѣка. Въ началѣ VIII столѣтія они утвердили свою власть въ Тавридѣ, подвластной Византійскимъ императорамъ, которые съ тѣхъ поръ нерѣдко вступали съ Хазарскими государями въ родственныя связи, чтобы удержать ихъ отъ впаденій въ имперію. Хазары раздѣлялись на многія поколѣнія, подъ властію особенныхъ князей, зависѣвшихъ впрочемъ отъ верховнаго князя, кагана или хакана; столицею его былъ Атель или Балангіаръ, при устьѣ Волги. Въ концѣ VIII столѣтія они держались закона Еврейскаго; многія поколѣнія исповѣдывали также религію Христіанскую; въ послѣдствіи, въ X вѣкѣ господствующею вѣрою была Магометанская.

ѣнія ихъ. Въ новомъ отечествѣ своемъ Славяне должны были измѣнить прежній образъ жизни: борьба съ Аварами связала разсѣянныя семейства ихъ узами братства; переселеніе въ чуждыя страны, опасности пути, сосѣдство новыхъ народовъ, необходимость взаимной помощи и обороны, все требовало тѣснѣйшаго союза. Въ слѣдствіе того на берегахъ Днѣпра, Волхова, Оки, Двины, Припяти и Горыни, Славяне являются уже не разсѣянными колѣнами, какъ на берегахъ Дуная, а съ именемъ народовъ отдѣльныхъ или союзовъ. Такъ поселившіеся по Днѣпру (въ Кіевской губерніи) назвались *Полянами*, по берегамъ Днѣстра *Лутичами* и *Тиверцами*, въ Волыни *Древлянами*, по сѣверовосточнымъ отраслямъ Карпатовъ *Хорватами*, по западному Бугу *Бужанами*, по Двинѣ и Припяти *Полочанами* и *Дреговичами*, по Деснѣ и Сулѣ *Сѣверянами*, по Окѣ *Вятичами*, на берегахъ Сожи *Радимичами*, въ верховьяхъ Двины, Днѣпра и Волги *Кривичами*, на берегахъ же озера Ильменя удержали имя *Славянъ*. Нѣкоторые изъ Славянскихъ народовъ построили города: Поляне Кіевъ; Сѣверяне Любечъ, Черниговъ; Кривичи Смоленскъ, Изборскъ, Полоцкъ; Древляне Коростенъ [1]. Эти города могли быть ничтожны, могли состоять

1. Несторъ.

изъ хижинъ, огражденныхъ тыномъ или рвомъ для защиты отъ лютыхъ звѣрей и хищныхъ сосѣдей; но тамъ люди соединялись родствомъ, дружбою; тамъ была колыбель гражданскаго общества; открывалась первая, главная ступень къ людкости, къ понятіямъ о выгодахъ общежитія.

Въ такомъ положеніи находилось племя Славянъ, занявшее земли нынѣшней Европейской Россіи, когда пришли къ нимъ Норманны и соединили ихъ отрасли въ одно цѣлое, въ одинъ народъ, получившій названіе Русскаго.

II. НОРМАННЫ *.

Отечествомъ Норманновъ была Скандинавія, страна суровая климатомъ, бѣдная необходимыми для жизни потребностями, скупо награждающая трудъ земледѣльца, покрытая цѣпью безплодныхъ скалъ и утесовъ, вѣковыми лѣсами и многими озерами, окруженная почти со всѣхъ сторонъ бурнымъ моремъ. Здѣсь, въ безпрерывной борьбѣ съ жестокою стужею, съ голодомъ, съ бурями, человѣкъ или падалъ подъ тяжестью нуждъ и прозябалъ подобно растенію, или одолѣвъ природу, присвоивалъ и желѣзную крѣпость тѣла, и мощную силу души, со всѣмъ пыломъ страстей, съ самобытнымъ характеромъ, отпечаткомъ окружающихъ его явленій. Всегда, при первомъ развитіи силъ общественныхъ, человѣкъ зависѣлъ отъ климата и свойства страны: въ Греціи онъ полюбилъ художества и поэзію, въ средней Азіи кочевую жизнь, въ Швейцаріи скотоводство, въ Финикіи торговлю, въ Египтѣ земледѣліе. Скандинавъ могъ быть только пиратомъ, такъ точно, какъ житель Аравіи бедуиномъ. Напрасно проливая потъ, чтобы воздѣлать неблагодарную почву, съ трудомъ успѣвая завести малочисленное стадо, онъ тѣмъ охотнѣе разгуливалъ по своимъ озерамъ и по водамъ морскимъ, что въ ихъ нѣдрахъ находилъ удобнѣйшія средства къ утоленію голода. Море стало его стихіею. Тамъ онъ привыкалъ къ опасностямъ, къ удальству, къ хищничеству. Бури и непогоды были ему забавою, неутомимая дѣятельность потребностью души, кровавыя битвы наслажденіемъ. Очеркъ ихъ

Съ такимъ образомъ жизни неразлучна свобода личная, и Скандинавы дорожили ею болѣе всего на свѣтѣ. Но какъ

* Depping. Histoire des expéditions maritimes des Normands. 2. v. 1826.

въ глазахъ ихъ первою добродѣтелью было мужество въ бояхъ, соединенное съ силою тѣлесною, съ умомъ лукавымъ, и потомки дорожили подвигами предковъ, считая ихъ славу семейною, то уже съ самыхъ древнихъ временъ въ Скандинавіи существовало различіе между людьми благородными или родословными и простолюдинами: на этомъ различіи мало по малу утвердилось первенство и господство однѣхъ фамилій и подданство другихъ. Отъ того при первомъ появленіи въ исторіи, Скандинавы раздѣлялись на множество мелкихъ обществъ, изъ коихъ каждое имѣло своего *конунга* (князя или короля), съ наслѣдственною властію въ его родѣ. Онъ былъ главою суда и расправы, вождемъ въ битвахъ, награждалъ заслуги, наказывалъ преступленія. Дружину или дворъ его составляли *ярлы и герсы*, главные спутники своего конунга въ походахъ, исполнители воли его, производившіе именемъ его судъ и собиравшіе дань; *кемпе*, тѣлохранители, мечники королевскіе. Простолюдины были или *бенде*, свободные люди, или *трелле*, рабы, плѣнники.

Не взирая на единство языка и вѣры, конунги безпрерывно воевали другъ съ другомъ, побуждаемые частію голодомъ, соперничествомъ или безпокойною врожденною дѣятельностію. Къ войнѣ подстрекала ихъ и вѣра, основанная на мысли, что только храбраго, падшаго въ битвѣ, ждетъ праотецъ Одинъ въ обѣтованной Валгаллѣ, гдѣ *гилькеріи* будутъ угощать его роскошными яствами и напитками, а *скальды* въ безсмертныхъ пѣсняхъ прославлять его подвиги. Отъ того жажда битвъ доходила у нихъ до фанатизма: въ Скандинавскихъ сагахъ, или историческихъ преданіяхъ, нерѣдко упоминаются *берсеркеры*, ратоборцы, которые, не имѣя случая измѣрить свое оружіе, въ воинственномъ энтузіазмѣ грызли желѣзо, глотали горящіе угли. Кромѣ пламенной мечты о славѣ, о будущихъ наслажденіяхъ, самая необходимость, слѣдствіе увеличившагося народонаселенія, заставляла Скандинавовъ бросаться въ отчаянныя предпріятія. Въ вождяхъ недостатка не было: по коренному обычаю, каждый сынъ конунга былъ самъ конунгъ по рожденію, и имѣлъ право на конунгаръ или отдѣльное королевство; но какъ братья, при раздѣлѣ отцовскаго наслѣдства, обыкновенно обдѣляли другъ друга, то конунги, не получавшіе участка, собирали дружины и съ именемъ морскихъ королей пускались въ сосѣдственныя страны за добычею.

Уже задолго до Карла Великаго, Скандинавы безпокоили своими набѣгами западную Европу: древнѣйшіе походы ихъ относятся къ III столѣтію по Р. Х., когда, овладѣвъ Оркадскими островами, служившими въ послѣдствіи сборнымъ мѣстомъ для сѣверныхъ пиратовъ, они начали появляться толпами сперва въ Шотландіи и Британіи, потомъ въ Ирландіи [1]. Туземцы называли ихъ Датчанами, Англами и Остменами (восточными людьми). Первый набѣгъ на Францію былъ въ началѣ VI вѣка при Кловисѣ: они были отбиты и при Меровингахъ болѣе не показывались. При Карлѣ Великомъ, они снова появились въ сѣверныхъ предѣлахъ его имперіи: нѣсколько разъ опустошали Фрисландію; грозили самому Ахену. По смерти же Карла Великаго, уже знакомые съ благодатнымъ климатомъ юга, съ приманчивостью грабежа, Скандинавы и единоплеменные имъ обитатели Ютландіи, цѣлыми толпами, какъ голодные рои пчелъ, по выраженію современниковъ, стали врываться въ беззащитное государство его преемниковъ, и вскорѣ по всей Европѣ загремѣло имя *Норманновъ* (людей сѣвера). На легкихъ плоскодонныхъ челнахъ, поднимавшихъ до 50 человѣкъ, предводимые морскими королями, они приставали къ берегамъ Франціи, Англіи, Испаніи, Италіи; по направленію рѣкъ вторгались во внутренность земель, осаждали города многолюдные, нерѣдко слабою дружиною, брали богатые окупы, или все обращали въ пепелъ и развалины. Прибрежныя страны западной и южной Европы не знали, какъ избавиться отъ этихъ неутомимыхъ мореходцевъ: въ церквахъ молили Всевышняго о спасеніи отъ Норманновъ; короли давали имъ золото; подданные все, что могли, и все было тщетно: если удалялась одна толпа, приходили новыя въ большомъ числѣ, привлекаемыя молвою удачи счастливыхъ единоземцевъ. Долго, въ теченіе трехъ вѣковъ, страдали отъ нихъ обитатели береговыхъ странъ отъ устьевъ Рейна до пролива Дарданельскаго. Морскіе похо(ды)

Болѣе всѣхъ государствъ терпѣла Франція. Безпрерывныя вторженія Норманновъ въ эту страну начались немедленно по смерти Карла Великаго; при Людовикѣ Кроткомъ не проходило года, когда бы они не тревожили его имперіи, съ сѣвера и запада: появлялись на Сенѣ, грабили Аквита-

1. Aug. Thierry. Histoire de la conquête de l'Angleterre par les Normans.

нію, кромѣ того Галицію въ Испаніи; по смерти Людовика, знаменитый Норманнъ Гастингъ опустошилъ страну между Лоаромъ и Шеромъ, разорилъ Нантъ, нѣсколько разъ грабилъ Парижъ, Орлеанъ, Оксеръ, бралъ съ Карла Лысаго тяжкіе окупы; ходилъ за добычею въ Испанію, Мавританію, въ Италію; снова появлялся во Франціи и не давалъ ей покоя, между тѣмъ, какъ сподвижникъ его *Рюрикъ* держалъ въ страхѣ сѣверные предѣлы, гдѣ овладѣлъ Утрехтомъ. Во второй половинѣ IX столѣтія появился во Франціи знаменитѣйшій изъ Норманновъ Ролонъ (или Гролфъ), которому преемники Карла Лысаго нѣсколько разъ платили огромныя суммы, чтобы спасти свое государство отъ всеобщаго разоренія; наконецъ принуждены были уступить ему въ потомственное владѣніе одну изъ областей королевства, получившую названіе Нормандіи.

[От]ношенія съ Славянами. Предпринимая отдаленные походы въ моря Атлантическое и Средиземное, Норманны естественно не могли оставить безъ вниманія ближайшихъ странъ Прибалтійскихъ, въ особенности Славянскихъ, гдѣ находили, кромѣ хлѣба и мягкой рухляди, другую для себя выгоду: чрезъ землю восточныхъ Славянъ пролегалъ путь въ богатую Грецію, которую они считали самою обильною страною въ мірѣ всѣми благами природы и охотно отправлялись туда, отчасти для грабежа, отчасти для полученія платы за службу императорамъ; достовѣрно, что задолго до поселенія въ землѣ Славянской, въ императорской гвардіи были многіе Норманны. Путь, которымъ они ходили въ Грецію, былъ слѣдующій: Финскимъ заливомъ и Невою они вступали въ Ладожское озеро; оттуда Волховомъ въ Ильмень; изъ Ильменя шли вверхъ по теченію Ловати до истоковъ ея; здѣсь перетаскивали свои легкіе челны въ Днѣпръ и спускались въ Черное море. До половины IX столѣтія, Норманны приходили въ землю Славянскую на время и, кажется, не имѣли прочныхъ поселеній; когда же въ Скандинавіи, по смерти Карла Великаго, произошло всеобщее волненіе, и недостатокъ въ продовольствіи заставилъ обитателей ея искать новаго отечества, однѣ толпы бросились на западъ, другіе на востокъ. Въ Англіи, Франціи, Италіи, Норманны утвердились послѣ долговременной борьбы; въ землѣ Славянской не встрѣтили такого отпора и овладѣли ею безъ труда.

Варяги. Первое поселеніе Норманновъ, подъ именемъ Варяговъ въ землѣ Славянской, служившее началомъ Руси, разсказано

нашимъ лѣтописцемъ въ такомъ смыслѣ: «Въ 859 году пришли Варяги изъ за моря и наложили дань на Чудь, Славянъ, Мерю и Кривичей. Года чрезъ два они были изгнаны. Но раздоръ возникъ между народами, освободившимися отъ иноплеменниковъ; родъ возсталъ на родъ, управы не было. Страдая отъ безначалія и вѣроятно опасаясь быть вновь жертвою внѣшнихъ враговъ, Славяне рѣшились избрать себѣ князя, т. е. судью, правителя и защитника, въ той мысли, что только одна власть крѣпкая могла спасти ихъ. Послы Славянъ Ильменскихъ и Кривичей, вмѣстѣ съ послами двухъ Финскихъ народовъ, Веси и Чуди, отправились за море Варяжское, къ Варяго-Руссамъ, и сказали имъ: «Земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ; пріидите княжить и владѣть нами.» Нѣкто Рюрикъ согласился исполнить эту просьбу: сопровождаемый своими братьями Синеусомъ и Труворомъ, со всѣмъ родомъ своимъ, онъ прибылъ въ 862 году къ берегамъ Ильменя и, утвердивъ свое господство въ Новгородѣ, Ладогѣ, Изборскѣ, на Бѣлѣозерѣ, положилъ начало гражданскому обществу, получившему, отъ имени пришедшихъ съ нимъ Варяговъ, названіе Руси.»

Слова лѣтописца, что Руссы были изъ племени Варяговъ и что Славяне призвали ихъ добровольно править и владѣть, многимъ писателямъ кажутся неясными; спрашиваютъ обыкновенно: 1) кто были Варяго-Руссы и откуда они пришли; и 2) какъ рѣшились Славяне покориться добровольно единоземцамъ своихъ прежнихъ притѣснителей? Эти вопросы рѣшали различно: разсуждая о первомъ вопросѣ, Байеръ, Миллеръ, Шлецеръ, Карамзинъ и новѣйшіе писатели признаютъ Varяговъ Норманнами, Третьяковскій Славянами, Татищевъ и Болтинъ Финнами, Ломоносовъ Пруссами, Эверсъ Хазарами; относительно втораго вопроса, Миллеръ думалъ, что Норманны, бывъ призваны только для защиты границъ, въ послѣдствіи стали господствовать; Шлецеръ, Карамзинъ и другіе писатели, слѣдуя точному смыслу Нестора, полагали, что Славяне добровольно сами собою поручили имъ власть верховную. Варяги-Норманны.

По всей вѣроятности, Варяго-Руссы были Норманны, въ чемъ удостовѣряютъ слѣдующія доказательства: 1) Несторъ подъ именемъ Варяговъ вообще разумѣетъ многочисленное племя, обитавшее къ западу отъ Славянъ за Варяжскимъ моремъ и раздѣлявшееся, по его понятію, на пять поколѣ-

ній: *Свеи* (Шведы), *Урмяне* (Норвежцы), *Русь*, *Агняне* (Англы) и *Гте* (Готы); слѣдовательно Русы были единоплеменники Шведамъ и Норвежцамъ и обитали за Балтійскимъ моремъ, гдѣ въ IX вѣкѣ жили одни Норманны. 2) Столько же важно свидѣтельство языка: какъ имена первыхъ князей нашихъ, бояръ и пословъ неоспоримо Норманскія, такъ и названія семи Днѣпровскихъ пороговъ, приводимыя Константиномъ Багрянороднымъ, могутъ быть объяснены только Скандинавскими словами, чтобы согласить ихъ съ переводомъ Греческимъ; слѣды языка Скандинавскаго сохранились въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ Несторовой лѣтописи и Русской Правды [1]. 3) Изъ писателей иноземныхъ Луитпрандъ, имѣвшій случай знать Руссовъ въ X вѣкѣ, свидѣтельствуетъ, что народъ, именуемый у Грековъ Россами, на западѣ слыветъ подъ именемъ Норманновъ; нѣкоторые историки Арабскіе также называютъ Руссами жителей Скандинавіи [2]. 4) Наконецъ если въ характерѣ древнихъ Русскихъ законовъ находится менѣе признаковъ Скандинавскаго ихъ происхожденія, чѣмъ обыкновенно думаютъ, то одинъ взглядъ на дѣла потомковъ Рюрика удостовѣритъ, что только воинственный Норманнъ могъ быть праотцемъ Русскихъ князей, въ которыхъ живо отражаются всѣ черты Норманскія. Вопросъ, почему Скандинавы назывались въ Славянской землѣ Варягами, разрѣшается тѣмъ, что Норманны, служившіе Греческимъ императорамъ, составляли съ другими наемниками особенную дружину и были названы *союзники* (fœderati), на древнемъ Скандинавскомъ языкѣ, Væringar, или по Греческому произношенію, *Варангъ*: проходя чрезъ землю Славянскую на пути въ Грецію, Норманны говорили Славянамъ, что они Варанги, т. е. союзники Грековъ, и это слово, означавшее званіе, обратилось въ имя народа [3].

Относительно втораго вопроса, какимъ образомъ Славяне рѣшились добровольно покориться единоземцамъ своихъ прежнихъ враговъ, ими изгнанныхъ, и притомъ чрезъ два года, прежде всего замѣтимъ, что призваніе Варяго-Руссовъ союзомъ Славянъ и Финновъ несправедливо называютъ [4] событіемъ безпримѣрнымъ въ исторіи, предполагая, что послы Славянскіе пригласили къ себѣ тѣхъ самыхъ Норманновъ, которые за два года были изгнаны (вопреки Несто-

1. Тіунъ, Вира, Верьвь, Шлягъ, Безменъ, Грузъ, и многія другія слова очевидно Скандинавскія. См. Изслѣдованія Сабинина.
2. Френъ.
3. Байеръ производитъ это слово отъ warda: беречь, защищать. Другіе отъ древняго Германскаго слова war: война.
4. Карамзинъ.

ру: онъ говоритъ ясно, что изгнаны Варяги, т. е. пришельцы неизвѣстные, а призваны Варяго-Руссы); подобныя событія встрѣчаются въ исторіи и другихъ народовъ. Какъ жители Амальфи въ XI вѣкѣ сами просили къ себѣ Норманновъ и вручили имъ власть верховную; такъ и Славяне, угрожаемые внѣшними грабителями и внутренними мятежниками, могли искать защиты у тѣхъ Норманновъ, которые, вѣроятно, были имъ извѣстны прежде, по дружелюбнымъ сношеніямъ: ибо выше замѣчено, что задолго до Рюрика Норманны приходили въ землю Славянскую, отправляясь къ Царюграду, и естественно должны были искать дружбы туземцевъ, которые, извѣдавъ на опытѣ ихъ расторопность, могли замѣтить, то эти пришельцы далеко превосходили ихъ старѣйшинъ дѣятельностію ума, обогащеннаго странствованіемъ въ земляхъ отдаленныхъ. Въ смыслѣ гражданскомъ Славяне, вѣроятно, не уступали Норманнамъ, обнаруживая явную склонность къ общежитію земледѣліемъ и строеніемъ городовъ, изъ которыхъ Смоленскъ былъ укрѣпленъ, а Кіевъ торговалъ съ Византіею, между тѣмъ, какъ Норманны въ IX столѣтіи, въ блестящую эпоху жизни, когда скальды воспѣвали ихъ подвиги, занимались только разбоями, или съ именемъ конунговъ владѣли одними лѣсами и пустынями, гдѣ не было ни городовъ, ни селъ, и гдѣ не каждое семейство имѣло свою хижину; тѣмъ не менѣе ихъ удальство, врожденная сила души, умъ лукавый и гибкій, мужество въ бояхъ, все это могло сдѣлать сильное впечатлѣніе въ Славянахъ, которые въ слѣдствіе того рѣшились поручить свою участь смѣлымъ витязямъ. Къ этому могли присоединиться и другія намъ неизвѣстныя обстоятельства; по крайней мѣрѣ мы не въ правѣ, по одному сомнѣнію, ни на чѣмъ неоснованному, отвергать сказанія лѣтописца безпристрастнаго, который, вѣроятно, зналъ хорошо, какъ пришелъ Рюрикъ: ибо могъ бесѣдовать съ потомками его спутниковъ въ 4 или 5 колѣнѣ, когда преданія были еще въ свѣжей памяти.

III. НАЧАЛО РУССКАГО НАРОДА *.

От пришествія Рюрика на берега Ильменя, или отъ перваго соединенія Славянъ съ Норманнами, до принятія правнукомъ его Владиміромъ Христіанской вѣры, утвердив- Обозрѣніе.

* Несторъ.

шей бытіе Русской державы, главнымъ явленіемъ исторіи нашего отечества было быстрое расширеніе предѣловъ Руси, сперва на юговостокъ къ берегамъ Оки, потомъ на югъ по Днѣпру, далѣе на западъ до истоковъ Вислы и Нарева. Это расширеніе было слѣдствіемъ Норманскаго характера. Какъ въ западной Европѣ, такъ и въ Славянской землѣ, они дѣйствовали одинаково: стоило имъ только утвердиться въ одномъ мѣстѣ, чтобы далеко распространить свои набѣги, и если обстоятельства благопріятствовали, утвердить свою власть въ земляхъ, покоренныхъ оружіемъ ихъ. Овладѣвъ однимъ пунктомъ, они углублялись, по направленію рѣкъ, во внутренность страны, занимали прибрежные города или строили ихъ сами, налагали на окрестныхъ жителей дань, собирали ее силою оружія, и мало по малу сливались съ туземцами, заимствуя у нихъ вѣру, языкъ, нравы, обычаи, удерживая за собою одно право господства. Въ западной Европѣ имъ не удалось занять столь обширной страны и притомъ въ такое короткое время: тамъ они встрѣчали сильный отпоръ въ укрѣпленныхъ городахъ, въ благоустроенныхъ правительствахъ, въ самомъ народѣ, видѣвшемъ въ нихъ только грабителей или морскихъ разбойниковъ. Славянская земля была для нихъ открытою: туземцы, раздробленные на мелкія отдѣльныя поколѣнія, не могли ни соединить своихъ силъ, ни остановить завоевателей городами, которыхъ было не много, или естественными преградами, которыхъ вовсе не было: здѣсь легче было вести войну наступательную, чѣмъ оборонительную. Славяне тѣмъ охотнѣе могли жертвовать своею волею и признавать господство Норманновъ, что національность ихъ оставалась неприкосновенною: ибо вездѣ, куда ни приходили, во Франціи, въ Англіи, въ Италіи, Норманны скоро сливались съ туземцами; тѣмъ неизбѣжнѣе было это сліяніе въ землѣ Славянской, что тамъ они должны были разсѣяться въ странѣ обширной и по своей малочисленности, въ сравненіи съ массою покореннаго народа, утратить національную физіономію. Они были для Славянъ поколѣніемъ благороднымъ, господствующимъ, но не враждебнымъ, и служили только звѣномъ соединенія.

[О]бразъ правленія.

Установленная Норманнами въ Славянской землѣ система господства, по мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, въ главныхъ чертахъ, сходствовала съ ленною или феодальною системою государствъ, основанныхъ Германцами на развалинахъ Рим-

ской имперіи. «Какъ предводители Германцевъ», говорятъ эти писатели [1], «дѣлили покоренныя земли въ видѣ добычи между своими спутниками, распредѣляя участки по мѣрѣ заслугъ или по степени сана, такъ и Рюрикъ раздавалъ своимъ единоземцамъ, искавшимъ счастія на чужбинѣ, города и волости: примѣру его слѣдовали Олегъ, Игорь, Святославъ.» Мнѣніе несправедливое. Дружины Кловиса, Генгиста, Албоина и другихъ вождей Германскихъ, вторгались въ области Римскія не столько для своихъ предводителей, сколько для собственной пользы: пріобрѣтая мечемъ и кровью земли, города, сокровища, они дѣлили свою добычу, сообразно древнимъ уставамъ по жребію: вождь получалъ свою часть, воины свою въ неотъемлемую собственность. Этотъ дѣлежъ служилъ основаніемъ аллодіальной системы, изъ которой въ послѣдствіи возникла феодальная. Совсѣмъ не то было въ нашемъ отечествѣ. Русскіе князья, призванные Славянами властвовать, также привели съ собою дружину; но спутники ихъ не могли требовать отъ нихъ такой награды, на какую имѣли право Кловисовы Франки, Генгистовы Саксы: ибо Варяго-Руссы пришли съ Рюрикомъ не завоевателями. Правда Рюрикъ и Олегъ поручали города и волости своимъ единоземцамъ, но вѣроятно потому, что испытанной преданности ихъ довѣряли болѣе, чѣмъ сомнительной покорности старѣйшинъ Славянскихъ, не лишая себя права располагать произвольно участками своихъ намѣстниковъ. Съ теченіемъ времени эти участки могли бы обратиться въ наслѣдственныя отчины и феодальная система возникла бы въ нашемъ отечествѣ, если бы Рюриковы преемники были похожи на Хильпериковъ, Хильдериковъ, Дагобертовъ: Олегъ, Святославъ, Владиміръ не допустили развиться ни аллодіальному, ни феодальному праву, такъ, что для выраженія понятій о ленахъ, феодахъ и аллодіяхъ, въ языкѣ нашихъ праотцевъ не сохранилось и словъ равносильныхъ. Отсутствіе подобныхъ словъ рѣшительнѣе всего свидѣтельствуетъ, что феодальная система у насъ не существовала. Да и напрасно искать ея признаковъ въ нашемъ отечествѣ: она была не въ духѣ Норманновъ. Если единоземцы Рюрика, Роллонъ, Гвискардъ, установили въ Нормандіи и Неаполитанскомъ герцогствѣ феодальную систему, то это произошло отъ того, что задолго до нихъ она существовала во Фран-

1. Карамзинъ и другіе.

ціи и въ Италіи: слѣдовательно они не принесли ея, а заимствовали у туземцевъ.

...льная систе-ма.

Справедливѣе скажемъ, что господство Норманновъ въ землѣ Славянской имѣло свой отличительный характеръ, принесенный ими изъ Скандинавіи. Въ Скандинавіи, раздѣленной на множество независимыхъ поколѣній, при всей привязанности обитателей ея къ свободѣ личной, необузданной, искони господствовало право наслѣдственнаго первенства немногихъ фамилій, которыя возвышались надъ прочими благородствомъ предковъ, основаннымъ на славѣ оружія, на древности и знаменитости рода. Такія фамиліи были въ каждомъ поколѣніи Норманновъ, какъ въ древней Греціи до войны Троянской. Имъ принадлежала земля, въ которой они имѣли власть собирать дань, производить судъ и расправу. Власть ихъ, передаваемая изъ рода въ родъ, становилась неотъемлемою собственностію семейною. Въ ней участвовали всѣ члены фамиліи, съ почетнымъ названіемъ *конунговъ*, верховныхъ вождей въ битвахъ, главныхъ судей и правителей. Каждый сынъ конунга былъ самъ конунгъ, имѣлъ право на *конунгаръ*, или на отдѣльный, независимый участокъ, имѣлъ свой дворъ или дружину и господствовалъ самовластно; если же кому либо изъ сыновей не удавалось получить участка въ отцовскомъ наслѣдствѣ, онъ, не теряя имени конунга, добывалъ себѣ удѣлъ силою оружія: велъ войну съ братьями, или пускался въ море для грабежа чуждыхъ странъ. Въ случаѣ пресѣченія одного рода, конунгаръ переходилъ къ другому изъ той же фамиліи. Съ тѣми же понятіями о правѣ, объ исключительной власти одного семейства, объ участіи въ ней всѣхъ членовъ господствующаго рода, пришли Норманны и въ землю Славянскую. Благороднѣйшимъ колѣномъ Руссовъ было Рюриково: этому колѣну принадлежало исключительное право на власть конунга-князя. Слѣдовательно правленіе, введенное Норманнами, было не аллодіальное, ни феодальное, а удѣльное. Различіе ихъ еще болѣе объяснится въ послѣдствіи, при обозрѣніи событій по смерти Ярослава.

...ава князя.

Два главныя преимущества принадлежали князю: право верховнаго суда и право собирать дань. Судъ производилъ онъ или самъ, или чрезъ своихъ посадниковъ, т. е. намѣстниковъ. Для сбора дани ежегодно объѣзжалъ свои области съ дружиною; требовалъ мѣховъ, хлѣба, меду; съ цѣлыми обозами припасовъ возвращался въ столицу и раздавалъ ихъ

своей дружинѣ; но какъ сборъ дани не всегда могъ быть успѣшенъ или обиленъ, и Норманны не могли имъ довольствоваться, то князь предпринималъ походы въ сосѣдственныя земли за добычею; изъ этого источника проистекали постоянныя войны Русскихъ князей съ Византійскою имперіею, которая изъ всѣхъ странъ обѣщала богатѣйшую добычу. Сверхъ того къ войнѣ увлекала ихъ и страсть къ битвамъ, доходившая у Норманновъ до фанатизма. Разсматривая съ этой точки краткія преданія Русскихъ лѣтописей о первомъ вѣкѣ нашего отечества, до введенія Христіанской вѣры, изложимъ въ подробности постепенный ходъ событій.

Рюрикъ. 862 — 879.

Призванные союзомъ Славянъ, Кривичей, Чуди и Веси господствовать надъ ихъ страною, три брата Норманскіе Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ пришли въ новое отечество съ дружиною одноплеменниковъ и раздѣлили Русь, то есть, подвластную имъ страну, на три удѣла: Рюрикъ утвердился въ Ладогѣ, Труворъ въ Изборскѣ (недалеко отъ Пскова), Синеусъ на Бѣлѣозерѣ. Чрезъ два года младшіе братья умерли; старшій перенесъ свою столицу въ Новгородъ и сталъ властвовать одинъ, назначивъ посадниковъ или намѣстниковъ изъ своихъ единоземцевъ въ Полоцкъ, Ростовъ и Муромъ. Слѣдовательно, хотя лѣтопись не говоритъ о воинскихъ дѣйствіяхъ его; но зависимость Полочанъ, Ростовцевъ и Муромцевъ, не участвовавшихъ въ призваніи Варяговъ, свидѣтельствуетъ, что Рюрикъ не измѣнялъ Норманскому характеру и успѣлъ расширить оружіемъ предѣлы Руси на юговостокъ до береговъ Оки, на югозападъ до Двины.

Аскольдъ и Диръ.

Въ тоже время два единоземца его, Аскольдъ и Диръ, также отъ племени Русскаго, но вожди особенной дружины, не получивъ ни волости, ни города въ Русской землѣ, исключительно принадлежавшей Рюрику и дому его, съ согласія князя, отправились на югъ искать счастія въ Византійской имперіи, гдѣ намѣревались вступить въ службу императорскую, по примѣру многихъ единоземцевъ своихъ. На пути по Днѣпру, они увидѣли Кіевъ, узнали, что жители его платятъ дань Хазарамъ, успѣвшимъ покорить, кромѣ того, Вятичей, освободили Кіевъ отъ власти иноплеменниковъ и сами завладѣли имъ: ни Хазары, ни Поляне не въ силахъ были бороться съ витязями Норманскими. Неожиданная удача перемѣнила ихъ прежнее намѣреніе: они

имныхъ выгодахъ торговыхъ, поклялся Перуномъ и Волосомъ въ ненарушимости мира и, повѣсивъ свой щитъ на вратахъ Царяграда, обремененный добычею, возвратился въ отечество. Баснословныя обстоятельства, которыми преданіе украсило Греческій походъ Олеговъ, не взирая на молчаніе Византійскихъ писателей, рѣшительнѣе всего свидѣтельствуютъ успѣхъ набѣга Руссовъ на Византію; иначе современники не имѣли бы повода выдумывать ни шелковыхъ парусовъ, ни колесъ, на коихъ Русскія ладьи при попутномъ вѣтрѣ подкатились къ Царюграду. Дѣло въ томъ, что Олегъ воспользовался слабостію имперіи и возвратился съ богатою добычею. Народъ, встрѣчая своего князя побѣдоноснаго, удивляясь сокровищамъ Греціи, и золоту, и шелковымъ тканямъ, и дарамъ благословеннаго климата, и произведеніямъ хитраго искусства, смотрѣлъ на Олега, какъ на чародѣя и прозвалъ его *вѣщимъ* или мудрымъ.

Между тѣмъ Византійскій дворъ, двукратно испытавъ нашествіе Руссовъ, желалъ оградить себя отъ новыхъ вторженій и предложилъ Русскому князю подтвердить миръ и дружбу письменнымъ договоромъ: Олегъ согласился, безъ сомнѣнія убѣжденный въ выгодахъ союза съ образованною Греціею для своего народа. Послы его явились въ Византію и тамъ, въ сентябрѣ 911 года, заключили трактатъ слѣдующаго содержанія: 1) съ обѣихъ сторонъ обязались сохранять миръ и дружбу на вѣчныя времена; 2) Руссамъ дозволено приходить въ Грецію для торговли и для службы императорамъ; 3) въ случаѣ споровъ между частными лицами, Руссами и Греками, дѣло рѣшится по очевиднымъ доказательствамъ; при недостаткѣ ихъ, клятвою; 4) за смерть, смерть убійцѣ; если онъ скроется, родственники убіеннаго получаютъ законную часть изъ его имѣнія; 5) за ударъ мечемъ пеня 6 литръ серебра; 6) пойманный въ воровствѣ можетъ быть умерщвленъ на мѣстѣ преступленія; 7) за грабежъ виновный платитъ втрое; 8) выброшенныя бурею лодки на Русскій или Греческій берегъ возвращаются хозяину; 9) плѣнники освобождаются; 10) бѣглые рабы Русскіе выдаются владѣльцамъ; 11) имѣніе Русса, умершаго въ Греціи безъ завѣщанія, возвращается въ его отечество. — Тѣсный союзъ съ Греками былъ послѣднимъ дѣломъ Олега, героя незабвеннаго въ нашей исторіи: ибо властвуя счастливо и мудро до самой кончины, около 33 лѣтъ, онъ скрѣпилъ крѣпкими узами разсѣянныя поколѣнія

Славянъ отъ Бѣлаозера до пороговъ Днѣпровскихъ, отъ истоковъ Оки до горъ Карпатскихъ, съ Норманскими пришельцами въ одинъ народъ Русскій.

Игорь, сынъ Рюриковъ, по смерти Олега принявшій достоинство великаго князя, не наслѣдовалъ ни ума, ни счастія своего предшественника. Подданные вѣроятно знали его слабость: по крайней мѣрѣ немедленно по кончинѣ твердаго правителя, открылся мятежъ въ землѣ Древлянской; еще сподвижники Олеговы могли смирить непокорныхъ, послѣ долговременныхъ усилій; но въ слѣдъ за тѣмъ обнаружился раздоръ въ самой дружинѣ его: отдавъ платимую Древлянами дань любимцу своему Свѣнельду, онъ возбудилъ ропотъ и зависть въ другихъ вельможахъ. Игорь. 912—945.

Въ концѣ своей жизни, до старости не ознаменованной никакимъ замѣчательнымъ дѣломъ для внутренняго устройства, ни подвигомъ ратнымъ, увлекаемый вѣроятно корыстолюбіемъ своей дружины, онъ нарушилъ договоръ Олега съ Греками и по примѣру его отправился къ Царюграду въ надеждѣ добычи [1]. Нечаянный набѣгъ его заставилъ 941
трепетать императора Романа. Греческій флотъ въ то время сражался съ Сарацинами въ Средиземномъ морѣ; Византія оставалась безъ защиты. Руссы вышли на берегъ и около 3 мѣсяцевъ опустошали окрестности ея съ ожесточеніемъ: плѣнниковъ распинали или ставили цѣлью для стрѣльбы изъ луковъ; другимъ ломали составы, инымъ вбивали въ голову гвозди. Между тѣмъ подоспѣло на помощь столицѣ восточное войско; Руссы удалились на лодки и вступили въ морскую битву. Греческій огонь, истребляя суда Игоревы, казался воинамъ его небесною молніею. Одни изъ нихъ погибли въ волнахъ, другіе бросились на берега Виѳиніи; но встрѣченные здѣсь храбрымъ Вардою, были побиты на голову. Князь едва спасся съ немногими и ушелъ восвояси.

Желая отмстить Грекамъ за пораженіе, въ три года онъ успѣлъ собрать новое войско, призвалъ изъ за моря Варяговъ или Норманновъ и нанялъ Печенѣговъ. Сей дикій народъ, неизвѣстнаго племени, принадлежавшій къ многочисленному разряду степныхъ ордъ средней Азіи, до исхода IX столѣтія кочевалъ между Ураломъ и Волгою; бывъ выгнанъ изъ тамошнихъ степей другою сильнѣйшею ордою Узовъ

1. Несторъ, Лунтпрандъ и Византійскіе историки.

или Половцевъ, въ концѣ Олегова правленія онъ приблизился къ Русскимъ предѣламъ и занялъ все пространство отъ береговъ Дона до самой Алуты, облегая весь сѣверный берегъ Чернаго моря. Свирѣпость въ лицѣ, хищность и кровопійство отличали Печенѣговъ отъ прочихъ народовъ. Игорь, заключивъ съ ними союзъ, пошелъ на Грецію, западнымъ берегомъ Чернаго моря. Многочисленную рать его при устьяхъ Дуная встрѣтили Романовы послы съ обѣщаніемъ заплатить дань, какую взялъ нѣкогда Олегъ; между тѣмъ дарили Печенѣговъ и успѣли расторгнуть союзъ ихъ съ Русскимъ княземъ; онъ взялъ предложенные дары и возвратился въ Кіевъ.

Византійскій дворъ спѣшилъ обязать преемника Олегова, какъ и прежде, письменнымъ договоромъ не тревожить Греціи. По желанію императора, послы Игоревы явились въ Византіи и заключили мирный договоръ, отчасти подтвердивъ Олеговъ, отчасти дополнивъ его новыми статьями, не столь выгодными, какъ прежнія [1]. Руссы клялись не нарушать дружбы, доколѣ сіяетъ солнце и міръ стоитъ; въ противномъ случаѣ, за вредные Грекамъ умыслы, обрекали своихъ единоземцевъ на вѣчную гибель. Руссы, приходившіе въ Грецію, долженствовали предъявлять письменный видъ, чего прежде не требовалось; не всѣ имѣли право получать съѣстные припасы, вопреки договору Олегову, и не могли зимовать въ Греціи, какъ бывало прежде. Кромѣ того великій князь обѣщалъ отражать Болгаръ, безпокоившихъ область Херсонскую, и давать вспомогательное войско по требованію императора. Всѣ эти условія явно клонились къ пользѣ Грековъ; Руссы, въ замѣнъ ихъ, не получали никакихъ выгодъ: самые дары, взятые Игоремъ, кажется, были незначительны.

По крайней мѣрѣ великій князь не могъ удовлетворить своей дружины Греческимъ золотомъ. Вельможи, завидуя Свѣнельду, говорили, что отроки его имѣютъ оружіе, одежду, а у нихъ нѣтъ ни того, ни другаго. Игорь пошелъ въ землю Древлянскую и собралъ дань для своей дружины вооруженною рукою; едва кончился поборъ, онъ пришелъ къ Древлянамъ вторично: жители главнаго города ихъ Коростена озлобились и умертвили Игоря, привязавъ его къ двумъ деревьямъ, которыя разорвали его на части [2]. Древ-

1. Несторъ. 2. Левъ Діаконъ.

ляне отложились отъ Кіева и провозгласили княземъ своимъ Мала. Главою Руси остался сынъ Игоревъ, малолѣтній Святославъ.

По смерти Игоря, положеніе Руси было опасное. Малолѣтство преемника его, явное несогласіе дружины, мятежъ Древлянъ, сосѣдство хищныхъ Печенѣговъ, все это грозило сильными потрясеніями, среди коихъ могли погибнуть плоды ума Олегова; болѣе всего надлежало опасаться, что, по примѣру Древлянъ, и другіе Славянскіе народы захотятъ возвратить прежнюю волю. Мать Святослава, незабвенная въ нашихъ лѣтописяхъ Ольга, спасла юную Русь. Вопреки обычаю Славянъ, тѣмъ болѣе Норманновъ, присвоивъ верховную власть, она правила до совершеннолѣтія сына, съ рѣдкимъ по тогдашнему времени благоразуміемъ: не искала новыхъ завоеваній, но ревностно заботилась о внутреннемъ благоустройствѣ, о смягченіи нравовъ, о первыхъ основаніяхъ гражданскаго порядка, и приготовила умы народа къ принятію Христіанской вѣры. Ольга. 945—957.

Древляне недолго считали себя независимыми: Ольга смирила ихъ местью ужасною, но безъ сомнѣнія справедливою и тѣмъ болѣе нужною, что подобныхъ волненій надлежало опасаться и въ другихъ областяхъ [1]. Молва о мести и хитростяхъ Ольгиныхъ, описанныхъ въ лѣтописи съ баснословными подробностями, долженствовала оставить сильное впечатлѣніе въ современникахъ и лишить ихъ всякой надежды на успѣхъ борьбы съ Рюриковымъ домомъ.

Зная, что неопредѣлительность въ сборѣ дани была главною виною мятежа Древлянскаго, Ольга спѣшила установить лучшій порядокъ въ подвластной ей странѣ: съ этою цѣлію, какъ заботливая хозяйка, она путешествовала по всему государству, раздѣляла землю на *погосты* и *уроки*, вѣроятно опредѣленные участки [2]; учреждала порядокъ въ платежѣ дани, судѣ и расправѣ; строила мосты; улучшала состояніе городовъ. Не знаемъ въ подробности всѣхъ ея учрежденій; но они долженствовали быть весьма важны: ибо спустя сто лѣтъ, народъ съ благодарностію воспоминалъ объ ея путешествіи; самые Древляне, строго наказанные великою княгинею, знали, гдѣ она останавливалась и забавлялась охотою; а Псковитяне берегли даже сани ея, какъ драгоцѣнность [3].

1. Несторъ. 2. Эверсъ. 3. Несторъ

57. Важнѣйшую услугу оказала Ольга своему народу принятіемъ Христіанской вѣры въ Царѣградѣ. Хотя она не успѣла крестить своихъ подданныхъ, но примѣръ ея, по всей вѣроятности, нашелъ многихъ подражателей, и въ послѣдствіи рѣшилъ недоумѣніе Владиміра. Христа Спасителя славили въ Кіевѣ еще прежде Ольги, вѣроятно со временъ Аскольда и Дира; при Игорѣ тамъ находилась церковь св. Иліи пророка; въ самой дружинѣ великаго князя были Христіане [1]. Мудрая Ольга легко могла убѣдиться въ ничтожествѣ идолопоклонства и въ святости Христіанской вѣры; она крестилась въ Царѣградѣ въ 957 году. Императоръ Константинъ Багрянородный былъ воспріемникомъ ея отъ купели, а патріархъ Поліевктъ наставникомъ въ истинахъ Христіанскихъ [2]. Возвратясь въ отечество, Ольга желала озарить свѣтомъ религіи и народъ и сына, но безъ насильственныхъ мѣръ, къ коимъ никогда не прибѣгали наши государи. Убѣжденія ея были тщетны: все зависѣло отъ великаго князя, который уже возмужалъ; Святославъ же, помышляя единственно о битвахъ и завоеваніяхъ, отвергалъ ученіе мира и любви, и хотя не запрещалъ подданнымъ креститься, но принявшимъ Христіанскую вѣру оказывалъ презрѣніе [3].

ославъ. –972. Святославъ былъ совершенный идеалъ Норманна. Лѣтописецъ описываетъ характеръ его такимъ образомъ: «Собравъ смѣлыхъ воиновъ, князь стремился въ бранное поле съ быстротою легкаго барса; за нимъ не тянулись обозы съ котлами и яствами: онъ питался кониною и мясомъ дикихъ звѣрей, которое самъ жарилъ на угляхъ; не любилъ и шатровъ: спалъ подъ открытымъ небомъ; конскій потникъ растилалъ подъ собою, сѣдло служило ему изголовьемъ. Таковы были и всѣ воины его.» Пятнадцатилѣтнее правленіе его было непрерывною цѣпью браней. Не одна корысть, главная пружина подобныхъ ему вождей, увлекала его въ отдаленныя земли: онъ искалъ не столько добычи, сколько славы, не менѣе корысти знакомой Норманнамъ, и каждый разъ, когда задумывалъ воевать съ сосѣдями, посылалъ вѣстника сказать имъ: «иду на васъ.»

Прежде всего онъ обратилъ оружіе на востокъ въ страну Славянскаго поколѣнія Вятичей, жившихъ по Окѣ, и по-

1. Объ этомъ упоминается въ его договорѣ съ императоромъ Греческимъ.
2. Константинъ подробно описалъ пріемъ ея въ Царѣградѣ
3. Несторъ.

корилъ ихъ. Хазары, считавшіе Вятичей своими данниками, хотѣли исторгнуть ихъ изъ власти Русскаго князя, и самъ каганъ вывелъ многочисленное войско: Святославъ разбилъ его наголову, овладѣлъ Саркеломъ или Бѣлою Вежею, крѣпостью, построенною Хазарами на берегахъ Дона, опустошилъ ихъ страну, простеръ свое оружіе до подошвы Кавказа, поразилъ тамъ Ясовъ и Касоговъ и утвердилъ господство Руссовъ на берегахъ Кубани. Потрясенная имъ Хазарская держава вскорѣ рушилась и была добычею Половцевъ.

Съ береговъ Кубани Святославъ перенесъ свое оружіе на 967.
берега Дуная въ Болгарію, куда звалъ его императоръ Никифоръ Фока, въ отмщеніе Болгарскому царю Петру, не согласившемуся признавать надъ собою верховную власть Византійскаго государя и безпокоившему владѣнія его частыми набѣгами [1]. Великій князь съ радостію принялъ вызовъ императора, посадилъ на суда до 60,000 молодыхъ воиновъ и явился въ устьяхъ Дуная. Петръ хотѣлъ отразить высадку; Святославъ разсѣялъ враговъ, овладѣлъ многими Болгарскими крѣпостями, наконецъ и главнымъ городомъ Переяславцемъ (нынѣ селеніе Преслава на правомъ берегу Дуная).

Вѣсть о бѣдствіи отечества принудила Святослава выйти изъ Болгаріи: пользуясь отсутствіемъ его, Печенѣги обложили Кіевъ, гдѣ заключилась Ольга съ дѣтьми великаго князя Ярополкомъ, Олегомъ и Владиміромъ. Кіевляне, изнуренные голодомъ и жаждою, уже помышляли о сдачѣ: смерть или лютая неволя грозила великой княгинѣ и внукамъ ея. Къ счастію, Русскій вождь Претичъ успѣлъ собрать слабую дружину въ окрестностяхъ и рѣшился спасти княжеское семейство или умереть: при звукѣ трубъ, онъ двинулся въ ладьяхъ по Днѣпру, прямо на враговъ, распустивъ слухъ, что за нимъ идетъ самъ Святославъ. Печенѣги оробѣли и удалились. Скоро прибылъ великій князь, настигъ свирѣпыхъ грабителей и прогналъ ихъ.

Но спокойная жизнь была для него несносна. «Не любо 969.
мнѣ въ Кіевѣ, говорилъ онъ матери и боярамъ; хочу жить въ Переяславцѣ на Дунаѣ; тамъ *среда* земли моей; туда стекаются всѣ блага: отъ Грековъ золото, паволоки, вина, плоды; отъ Чеховъ и Угровъ (Венгровъ) серебро и кони; изъ Руси медъ и невольники.» Ольга, лежавшая на одрѣ

1. Несторъ. Левъ Діаконъ. — Черткова Описаніе войны Святослава съ Греками.

смертномъ, просила дождаться по крайней мѣрѣ ея кончины, и вскорѣ, по выраженію лѣтописи, угасла, какъ денница предъ солнцемъ, какъ заря предъ свѣтомъ. Святославъ рѣшился исполнить свое намѣреніе, утвердить свою столицу въ Болгаріи. Отправляясь въ походъ, онъ раздѣлилъ Русь
970. между сыновьями: Ярополку отдалъ Кіевъ, Олегу землю Древлянскую, Владиміру Новгородъ.

Въ Болгаріи однакожъ встрѣтили Святослава, какъ непріятеля; владѣтель ея поладилъ съ Византійскимъ императоромъ, собралъ значительныя силы и не хотѣлъ отказаться отъ престола; соперники вступили въ кровопролитную битву близъ Переяславца. Болгары одолѣвали. «Здѣсь намъ погибнуть, воскликнулъ Святославъ, ударимъ, братцы, дружно,» и сломилъ враговъ. Столица Болгаріи взята приступомъ; прочіе города также заняты были Руссами.

Между тѣмъ въ имперіи произошла важная перемѣна. Никифоръ Фока погибъ; Армянинъ Іоаннъ Цимисхій облекся порфирою. Въ его маломъ тѣлѣ заключалась сила исполина, соединенная съ рѣдкимъ искусствомъ: ни одинъ воинъ не металъ удачнѣе его ни стрѣлъ, ни копій; ни одинъ атлетъ не славился такою быстротою бѣга и такимъ мужествомъ: нерѣдко онъ одинъ врѣзывался въ толпу враговъ и сразивъ многихъ, возвращался къ своимъ невредимый; въ широкой груди его душа пылала славолюбіемъ героя. Такой государь не могъ оставить Болгарію во власти Русскихъ. Цимисхій просилъ не тревожить ея, какъ древней области имперіи, и удалиться. Великій князь отвѣчалъ, что онъ намѣренъ завоевать и Грецію [1]. Отряды его уже начали появляться въ окрестностяхъ Адріанополя. Императоръ двинулъ всѣми силами имперіи: призвалъ Азіатскіе легіоны, составилъ полкъ изъ храбрѣйшихъ витязей, назвавъ его безсмертнымъ, пріучилъ свое войско къ искуснымъ движеніямъ, и вскорѣ явился подъ стѣнами Переяславца, прежде, чѣмъ великій князь успѣлъ собрать свои дружины, разсѣянныя по городамъ. Вождь его Сфенкалъ оборонялъ столицу съ упорствомъ; Греки взяли ее приступомъ и осадили самого Святослава въ Доростолѣ [2]. Одушевляемые примѣромъ князя, Руссы неоднократно выходили изъ крѣпости, стремительно нападали на враговъ, сражались безъ отдыха по цѣлымъ днямъ, нѣсколько разъ приводили въ

1. Левъ Діаконъ. 2. Нынѣ Силистрія.

замѣшательство легіоны; но Цимисхій всегда одолѣвалъ многочисленностію войска, искусствомъ движеній, личною храбростію. Потерявъ главныхъ вождей, видя кругомъ себя немногихъ воиновъ, изнуренныхъ голодомъ, Святославъ созвалъ дружину на совѣтъ и хотѣлъ знать, на что думаетъ она рѣшиться. Одни предлагали миръ съ Греками, другіе сѣсть на суда и отправиться восвояси. «Бѣгство не спасетъ насъ, сказалъ Святославъ, сразимся волею и неволею, да не посрамимъ земли Русской: мертвымъ срама нѣтъ. Станемъ крѣпко. Я иду предъ вами, и если положу свою голову, промышляйте, какъ хотите.» «Гдѣ твоя глава ляжетъ, отвѣчали Руссы, тамъ и свои головы сложимъ.» Открылась послѣдняя, отчаянная битва; долго она колебалась, доколѣ жестокая рана не принудила Святослава оставить поле сраженія. Утративъ большую часть войска, онъ предложилъ Цимисхію миръ, согласился оставить Болгарію, не тревожить Византійской имперіи, и, утвердивъ дружбу личнымъ свиданіемъ съ императоромъ, спѣшилъ возвратиться въ отечество [1]. Греки дали знать Печенѣгамъ, кочевавшимъ при устьѣ Днѣпра, что Русскій князь идетъ съ богатою добычею. Варвары заслонили ему путь; Святославъ хотѣлъ пробиться, но близъ пороговъ Днѣпровскихъ палъ въ сѣчѣ. 972.

Вражда Святославичей. 972 — 980

По смерти Святослава, Русь осталась раздробленною между его сыновьями, Ярополкомъ, Олегомъ и Владиміромъ, на три княжества: Кіевское, Древлянское и Новгородское. Ярополкъ, какъ старшій въ родѣ, принялъ достоинство великаго князя, или главы семейства; но удѣлы братьевъ были ему неподвластны: каждый князь, сообразно понятіямъ вѣка, считалъ свою область неотъемлемою собственностію. При независимости князей, при воинственномъ духѣ Норманновъ, междоусобія были неминуемы. Дѣти Святославовы разсорились за его любимца и сподвижника: князь Древлянскій убилъ на охотѣ Свѣнельдова сына Люта; престарѣлый отецъ, сражавшійся подъ знаменами Игоря и Святослава, неотступно требовалъ мести отъ великаго князя. Ярополкъ, въ наказаніе брату, хотѣлъ, кажется, лишить его Древлянской области; но судьба устроила иначе: побѣжденный въ битвѣ, Олегъ спасался бѣгствомъ въ городъ Овручъ; тѣснившіеся воины столкнули его съ мосту: тѣло

1. Несторъ.

его, раздавленное конями, едва могли отыскать подъ грудою мертвыхъ. Ярополкъ не желалъ смерти его и плакалъ надъ трупомъ брата; но по тогдашнему понятію о родовой мести, кровь требовала крови; союзъ родства былъ расторгнутъ. Младшій братъ, Владиміръ, смотрѣлъ на старшаго, какъ на врага своего рода, и считалъ своею обязанностію отмстить смерть брата смертью братоубійцы [1]. Для вѣрнѣйшаго успѣха, онъ удалился за море къ Норманнамъ, въ два года собралъ многочисленную дружину и пришелъ въ Русскую землю съ явнымъ намѣреніемъ отмстить брату; прежде всего отнялъ у него невѣсту Рогнѣду, дочь Полоцкаго князя Рогвольда, присвоившаго независимую власть надъ Полочанами; самого Рогвольда и дѣтей его умертвилъ; въ Полоцкѣ же утвердилъ свое господство. Ярополкъ, терзаемый совѣстію, не принималъ мѣръ къ сопротивленію; даже любимцы его держали сторону Владиміра; по совѣту одного изъ нихъ, Блуда, онъ предался въ руки брата, который въ собственномъ теремѣ велѣлъ его умертвить [2].

Владиміръ, язычникъ. 980 — 988.

По смерти Ярополка, оставшись единовластителемъ Руси, Владиміръ первыя восемь лѣтъ своего правленія ознаменовалъ безпрестанными походами: смирялъ непокорныхъ Вятичей, обуздывалъ Радимичей, ходилъ въ нынѣшнюю Галицію, гдѣ овладѣлъ Перемышлемъ и другими независимыми городами Червенскими; истреблялъ хищныхъ Ятвяговъ, Латышское поколѣніе при верховьяхъ Нѣмана, бралъ дань съ единоплеменныхъ имъ обитателей нынѣшней Лифляндіи; господствовалъ надъ Полочанами, переносилъ свое оружіе на самую Волгу, гдѣ бился съ Камскими Болгарами, единоплеменниками Болгаръ Дунайскихъ; кромѣ того велъ безпрерывную войну съ Печенѣгами. Слѣдствіемъ походовъ его, увѣнчанныхъ побѣдами, было новое расширеніе предѣловъ Руси, преимущественно на западѣ до нынѣшняго Люблина, Бреста, Гродна и Дерпта. Торжествуя побѣды, Владиміръ изъявлялъ живѣйшее усердіе къ богамъ своихъ предковъ: строилъ капища, воздвигалъ кумиры и приносилъ людей въ жетрву идоламъ [3]. Между тѣмъ въ судьбѣ Руси готовилась великая перемѣна. Чтобы вполнѣ понять всю важность этой перемѣны, бросимъ взглядъ на состояніе нашего отечества, предъ введеніемъ Христіанской вѣры.

1. Эверсъ. 2. Несторъ. 3. Несторъ.

Русская земля простиралась отъ истоковъ Вислы до устья Оки, отъ Ладожскаго озера до пороговъ Днѣпровскихъ. Обитатели ея, имѣя общее названіе Руссовъ, состояли изъ трехъ главныхъ разноплеменныхъ народовъ, изъ Славянъ, Финновъ и Норманновъ: первые занимали все пространство отъ истоковъ Вислы до береговъ Оки, отъ Ильменя до пороговъ Днѣпровскихъ; вторые жили къ востоку отъ нихъ за Волгою и Окою; Норманны, господствуя надъ обоими племенами, составляли вмѣстѣ съ ними одинъ народъ Русскій. Самое многочисленное племя было Славянское; его языкъ, нравы и обыкновенія господствовали въ Русской землѣ; различіе между Славянами и поселившимися среди ихъ Норманнами, столь замѣтное при первыхъ князьяхъ, стало исчезать уже при внукѣ Рюриковомъ, Святославѣ, первомъ князѣ Славянскаго имени; при Владимірѣ оно еще больше ослабѣло; всѣ почти дѣти его имѣли Славянскія имена; первый вельможа и пестунъ его, Добрыня, былъ Славянинъ; при всемъ томъ оно не могло совершенно искорениться: его поддерживали новыя толпы Норманновъ, охотно приходившія въ Русскую землю; они приносили съ собою свой языкъ, свою вѣру, свой образъ жизни, и не допускали единоплеменниковъ своихъ до рѣшительнаго слiянія съ туземцами. Русь въ 988.

Предѣлы Русской земли означились; Русскій народъ возникъ; но еще не рѣшенъ былъ вопросъ, долженъ ли онъ составлять одно цѣлое, или раздѣлиться на нѣсколько частей самостоятельныхъ. Введенная Норманнами система господства, имѣя основаніемъ право удѣльное, клонилась болѣе къ раздробленію Русской земли на нѣсколько государствъ независимыхъ, чѣмъ къ соединенію ихъ въ одну державу. Каждый сынъ великаго князя былъ князь по рожденію и имѣлъ право на удѣлъ, долженствовавшій оставаться отчиною или собственностію его потомковъ. Такой порядокъ престолонаслѣдія не могъ разорвать Русской земли въ послѣдствіи, когда Ярославъ опредѣлилъ взаимныя отношенія князей, и установились лучшія понятія о правахъ верховной власти. Но теперь этихъ условій еще не было. Самое кровное родство, при необузданности страстей, при суровости нравовъ, было слабымъ залогомъ единства Руси. Междоусобіе дѣтей Святославовыхъ доказало, отъ какихъ ничтожныхъ случаевъ могла возгорѣться вражда между братьями и какъ непримиримы были ихъ распри. Удѣльное право.

...вои дан.

Отношенія князей къ подданнымъ не могли благопріятствовать смягченію нравовъ. Ни тѣ, ни другіе не имѣли ясныхъ понятій о цѣли гражданской жизни. Князья искали въ подвластныхъ имъ земляхъ только дани и дружинъ: брали все, что могли, не заботясь о внутреннемъ устройствѣ, и скликали подъ свои знамена ратниковъ, съ которыми ходили въ чуждыя страны, также за добычею. Покоренные оружіемъ ихъ народы повиновались имъ до тѣхъ только поръ, доколѣ видѣли невозможность сопротивленія: но смотрѣли на господство князей, какъ на иго, и ловили каждый случай, чтобы избавиться отъ него. Малѣйшая слабость великаго князя, неудача его походовъ, семейная распря, все влекло за собою неминуемое возстаніе то въ томъ, то въ другомъ поколѣніи. Древляне едва не отдѣлились отъ Кіева, по смерти Игоря; Полочане уже не признавали власти Святослава; Радимичи, Вятичи искали независимости во время междоусобія дѣтей его.

...во мести.

Духъ раздора господствовалъ и въ частной жизни. Основаніемъ ея было право личной родовой мести. «Кровь за кровь, смерть за смерть» гласилъ законъ Русскій. Родственники убіеннаго или обиженнаго мстили не только виновному лицу, но и всему семейству его. Легко вообразить, какъ неизсякаемы были источники распрей и какъ непримирима была вражда, когда самый ничтожный случай могъ вооружить многія семейства одно противъ другаго. Право личной и родовой мести замѣтно въ договорахъ Олега съ Греками, которые, заключая съ нимъ дружбу, непремѣннымъ условіемъ мира постановили, что жена злодѣя не должна быть наказываема вмѣстѣ съ мужемъ, и что если виновный въ легкомъ проступкѣ не можетъ вознаградить обиженнаго всѣмъ имуществомъ, то клятва его прекращаетъ дальнѣйшую расправу. Самое разительное доказательство, что это право господствовало на Руси, есть смерть Ярополка: Владиміръ считалъ кровь старшаго брата необходимою для успокоенія тѣни младшаго и, безъ сомнѣнія, съ чистою совѣстію совершилъ братоубійство.

Такимъ образомъ, хотя преемники Рюрика успѣли завязать первый узелъ общественный; но Русь, какъ государство, еще не окрѣпла въ своемъ основаніи: право удѣльное разрывало ее на части; право безусловной дани ослабляло союзъ между князьями и подданными; право родовой мести замедляло развитіе гражданской жизни. Юная Русь

легко могла разрушиться и исчезнуть, такъ точно, какъ возникали и исчезали прежде ея союзы народовъ Скиѳскихъ, о которыхъ упоминаютъ древніе писатели. Казалось, ей нельзя было миновать этой участи. Самъ Владиміръ готовилъ ее въ жертву безначалія: имѣя 12 сыновей еще юныхъ, онъ ожидалъ только ихъ возраста, чтобы раздробить свою державу, сообразно понятіямъ вѣка. Слѣдствія можно было предвидѣть: Кіевскому престолу надлежало пасть; узы государства должны были расторгнуться, и скорѣе, чѣмъ въ полвѣка, тамъ, гдѣ властвовали Олегъ, Святославъ, Владиміръ, могли явиться независимые кацики, какъ было до пришествія Норманновъ. Но Провидѣніе пеклось о Русской землѣ: Владиміръ далъ ей непоколебимую основу, соединилъ многочисленныя поколѣнія неразрывными узами и указалъ вѣрный путь къ гражданственности: въ 988 году онъ принялъ со всѣмъ народомъ Христіанскую вѣру.

IV. ВВЕДЕНІЕ ХРИСТІАНСКОЙ ВѢРЫ *.

988.

Евангеліе, подтверждая всеобщія истины здраваго смысла, проповѣдуя чистѣйшую нравственность, безъ противорѣчія, безъ перерывовъ, изображая въ Верховномъ Существѣ не карателя смертныхъ, но безпредѣльную благость, любовь и надежду, вездѣ и всегда приносило человѣку даръ, котораго никакая мудрость смертнаго замѣнить не можетъ: смягчивъ сердце, озаривъ умъ, давъ просторъ всѣмъ благороднѣйшимъ способностямъ души, оно пробуждало въ народахъ стремленіе къ миру и общежитію, соединяло ихъ въ благоустроенныя общества и утверждало гражданственность на прочныхъ основаніяхъ. Плоды Христіанства вездѣ были одни и тѣже, съ тѣмъ только различіемъ, что въ иныхъ странахъ созрѣвали рано и спокойно, въ другихъ поздно, среди жестокихъ потрясеній, смотря по тому, какъ внѣдрялись сѣмена св. вѣры. Отъ перваго посѣва, отъ средствъ, которыми дѣйствовали сѣятели, зависѣла участь и исторія народа. Слѣдовательно, для истиннаго понятія о вліяніи Христіанской вѣры на Русскій народъ, должно пред- Вліяніе св. вѣры

* Несторъ.

варительно разсмотрѣть, какимъ образомъ она водворилась въ нашемъ отечествѣ.

Несторъ, имѣвшій всѣ средства узнать отъ внуковъ Владимірова поколѣнія главныя обстоятельства крещенія Руси, передалъ потомству слѣдующія свѣдѣнія:

казъ Нестора.

«Въ 987 году Владиміръ, созвавъ бояръ и старѣйшинъ, говорилъ имъ, что приходили къ нему Болгары и совѣтовали принять свой законъ; что Нѣмцы также хвалили свою вѣру; за ними Евреи, наконецъ Греки; что послѣдніе порицали всѣ иные законы, признавая одну свою вѣру истинною, и разсказывали много удивительнаго о сотвореніи міра, о судьбѣ перваго человѣка, о будущей жизни, о блаженствѣ людей праведныхъ, о вѣчной мукѣ грѣшныхъ. Бояре и старцы отвѣчали, что всякъ свое хвалитъ, а не порицаетъ, что у князя довольно людей разумныхъ: пусть пошлетъ испытать, чья вѣра лучше. Владиміръ послѣдовалъ ихъ совѣту и отправилъ десять мужей смышленныхъ и добрыхъ, узнать, кто лучше всѣхъ поклоняется Божеству, сперва въ Болгарію, признававшую Магомета, потомъ въ Нѣмецкую землю, подвластную папѣ, наконецъ въ Грецію. Императоры Византійскіе Василій и Константинъ, узнавъ причину прибытія Русскихъ пословъ, были весьма рады, приняли ихъ съ честію и велѣли патріарху совершить торжественную службу, сказавъ: «да видятъ Руссы славу Бога нашего.» Изумленные великолѣпіемъ Греческаго богослуженія, они были въ восторгѣ. По возвращеніи ихъ, князь созвалъ бояръ и старцевъ; послы разсказывали князю и его дружинѣ, что въ Болгаріи люди покланяются въ капищахъ, печальныхъ, смрадныхъ; что въ храмахъ Нѣмецкихъ много обрядовъ, но мало величія; въ Греціи же, когда послы вступили въ храмъ, не знали, гдѣ они, на небѣ или на землѣ; что на землѣ нѣтъ такой красоты, такого величія, что въ Греческихъ храмахъ присутствуетъ самъ Богъ; и какъ всякій человѣкъ, вкусивъ сладкое, не хочетъ горькаго, такъ и они, узнавъ вѣру Грековъ, не могутъ служить богамъ своимъ. Бояре и старцы сказали Владиміру, что если бы вѣра Грековъ была не лучшая, не приняла бы ея бабка великаго князя Ольга, мудрѣйшая изъ людей. Владиміръ изъявилъ желаніе креститься, не зналъ только гдѣ.

«На другой годъ послѣ этого совѣщанія, великій князь пошелъ съ войскомъ въ Тавриду и осадилъ Греческій городъ Херсонъ (въ 2 верстахъ отъ нынѣшняго Севастополя).

Жители оборонялись упорно. Владиміръ велѣлъ дѣлать на-
сыпь близъ городской стѣны, чтобы влѣзть на стѣны; осаж-
денные, посредствомъ тайнаго подкопа, уносили землю.
Усердіе одного Грека помогло ему: нѣкто Анастасъ бро-
силъ къ осаждающимъ стрѣлу съ запискою, что на востокъ
отъ Русскаго стана есть колодези, изъ которыхъ вода те-
четъ въ городъ подземнымъ каналомъ, что Руссы, перенявъ
ее, овладѣютъ городомъ. Владиміръ, давъ обѣтъ принять
святое крещеніе, если покоритъ Херсонъ, перекопалъ тру-
бы; вода остановилась; томимые жаждою, Греки сдались.
Побѣдитель велѣлъ объявить императорамъ Василію и Кон-
стантину, что онъ требуетъ руки сестры ихъ царевны Ан-
ны; если же получитъ отказъ, столицѣ ихъ не миновать
той же участи, какая постигла Херсонъ. Изумленные импе-
раторы отвѣчали, что христіанка не можетъ быть супругою
язычника; принявъ же святое крещеніе, Владиміръ и руку
царевны получитъ и въ царство небесное внидетъ; иначе
сестры своей не отдадутъ. Князь увѣрялъ Греческихъ по-
словъ, что онъ любитъ Греческую вѣру, уже давно испы-
тавъ ее, и согласенъ быть Христіаниномъ; ждетъ только
царевны и священниковъ, чтобы креститься. Братья съ тру-
домъ уговорили сестру быть избавительницею имперіи отъ
лютыхъ завоевателей. Съ ужасомъ и скорбію она отправи-
лась въ Херсонъ. Между тѣмъ Владиміръ разболѣлся такъ,
что ничего не могъ видѣть. Прибывшая царевна совѣтовала
ему креститься, увѣряя въ немедленномъ облегченіи. Онъ
согласился. Едва исполнился обрядъ св. крещенія и епис- 988.
копъ возложилъ на него руку, великій князь прозрѣлъ и
воскликнулъ съ восторгомъ: «Наконецъ увидѣлъ я Бога
истиннаго.» Дружина послѣдовала его примѣру. Брачное
торжество не замедлило совершиться.

«Просвѣщенный ученіемъ Христіанскимъ, Владиміръ по-
строилъ церковь въ Херсонѣ, тамъ, гдѣ Греки ссыпали зем-
лю, уносимую во время осады, возвратилъ городъ импера-
торамъ и сопровождаемый супругою, Анастасомъ, Херсон-
скими священниками, спѣшилъ возвратиться въ отечество,
взявъ съ собою мощи св. Климента и Ѳива, иконы, сосу-
ды и проч. Прибывъ въ Кіевъ, онъ велѣлъ истреблять ку-
миры; одни изъ нихъ были изрублены, другіе сожжены; а
Перуна, главнаго идола, приказалъ привязать къ хвосту
конскому и бросить въ Днѣпръ; народъ, огорченный по-

руганіемъ боговъ своихъ, разставался съ ними, проливая слезы, но противиться не дерзнулъ. Послѣ того, Владиміръ объявилъ, чтобы всѣ жители, богатые и убогіе, собирались на берегъ Днѣпровскій для принятія крещенія; если же кто не явится, тотъ будетъ ему противенъ. Кіевляне не прекословили, разсуждая, что если бы новая вѣра была не добрая, князь и бояре не приняли бы ея. Въ назначенный день безчисленное множество людей обоего пола стеклось на берегъ Днѣпровскій, и когда явился Владиміръ съ супругою и священниками, весь народъ погрузился въ воду: одни до персей, другіе по самую шею; взрослые держали младенцевъ. Таинство св. крещенія совершилось. Въ этотъ день, говоритъ лѣтопись, земля и небо ликовали. Послѣ того великій князь велѣлъ построить церкви, тамъ, гдѣ стояли кумиры, какъ въ Кіевѣ, такъ и въ другихъ городахъ и селахъ. Святая вѣра озарила всю Русскую землю.»

Сказаніе Нестора несомнительно въ двухъ главныхъ обстоятельствахъ, болѣе всего важныхъ для исторіи, именно въ томъ, что въ половинѣ X вѣка Владиміръ принялъ со всѣмъ народомъ своимъ Христіанскую вѣру отъ Грековъ, содѣйствіемъ Греческой царевны Анны, бывшей непремѣннымъ условіемъ его крещенія, и что св. религія водворилась въ нашемъ отечествѣ мирно, безъ явнаго насилія, безъ упорной борьбы съ язычествомъ. Въ истинѣ перваго событія удостовѣряетъ свидѣтельство современныхъ писателей Греческихъ, Нѣмецкихъ, Арабскихъ, согласныхъ съ Несторомъ если не въ подробностяхъ, по крайней мѣрѣ въ главномъ обстоятельствѣ. Истину втораго событія подтверждаетъ, — кромѣ молчанія нашихъ лѣтописей, о борьбѣ христіанства съ язычествомъ, чего онѣ безъ сомнѣнія не утаили бы, чтобы тѣмъ разительнѣе показать святость торжествующей религіи, — состояніе Руси въ XII вѣкѣ при внукахъ Владиміра, когда во всѣхъ областяхъ, подвластныхъ его дому, обнаруживаются очевидные признаки исключительнаго господства Христіанской вѣры, между тѣмъ, какъ слѣдовъ идолопоклонства вовсе незамѣтно.

'ричины быраго распрораненія св. вѣры.

Считая излишнимъ и едва ли возможнымъ объясненіе вопроса, что побудило Владиміра оставить вѣру предковъ, и для чего онъ воевалъ съ Византіею, коей дружба была для него необходима, обратимъ вниманіе на обстоятельства, благопріятствовавшія мирному и съ тѣмъ вмѣстѣ быстрому

распространенію Христіанской вѣры въ Русской землѣ. Они могли быть слѣдующія:

Скудость миѳологіи.

Славяне-язычники и слившіеся съ ними Норманны, вѣря въ бытіе верховнаго міроправителя, въ провидѣніе, въ безсмертіе души, не успѣли однакожь, подобно Эллинамъ, составить стройной, разнообразной системы многобожія: слѣдовательно, не находя въ вѣрѣ праотцевъ удовлетворительнаго рѣшенія многихъ загадокъ, раждающихся въ умѣ самаго грубаго человѣка, о смерти, о будущей жизни, о добродѣтели и порокѣ, охотно разставались съ скудною своею миѳологіею, когда услышали голосъ истины, столь понятный здравому, свѣтлому смыслу, коимъ искони отличался народъ Русскій. Надобно было только вразумить ихъ въ св. писаніе.

Благоразумі миссіонеров

Къ величайшему счастію, они приняли Евангеліе не изъ Рима, а изъ Византіи. Латинскіе миссіонеры не обращали ни одного народа въ Христіанскую вѣру, не вооруживъ противъ себя язычниковъ, и съ величайшимъ трудомъ, при неимовѣрныхъ усиліяхъ, достигали своей цѣли. Обыкновенно въ каждой странѣ, гдѣ они проповѣдывали ученіе Христово, ихъ встрѣчали какъ непримиримыхъ враговъ; въ отечествѣ древнихъ Саксовъ, въ землѣ Славянъ западныхъ, въ Швеціи, въ Пруссіи, въ Ливоніи, не говоря уже объ Америкѣ, они вступали въ жестокую борьбу съ туземцами и нерѣдко гибли отъ ярости озлобленнаго народа. Виною тому былъ не столько упорный нравъ туземцевъ, сколько самый образъ проповѣди: съ Латинскою библіею въ одной рукѣ, съ мечемъ въ другой, приходили къ нимъ Римскіе монахи, сопровождаемые нерѣдко войскомъ, совершали непонятные для язычниковъ обряды, на чуждомъ нарѣчіи, требовали себѣ десятины или десятой части всего имущества ихъ и безусловнаго повиновенія Римскому первосвященнику; встрѣчали, разумѣется, всеобщій ропотъ; начиналась борьба; пришельцы или гибли сами, или одолѣвали язычниковъ оружіемъ. Такъ дѣйствовали они, при Карлѣ Великомъ и Оттонахъ, въ землѣ Саксовъ и западныхъ Славянъ; такъ исчезли въ религіозной борьбѣ цѣлыя племена Пруссовъ и Ливонцевъ. Вотъ, почему Трирскій монахъ Адальбертъ, присланный Оттономъ I при св. Ольгѣ крестить Русскую землю, едва спасся отъ ярости озлобленныхъ Руссовъ. — Иначе проповѣдывали Христово ученіе Греческіе миссіонеры: постигая простую истину, что въ дѣлахъ совѣсти необхо-

димо убѣжденіе, а не насиліе, они всегда заботились о переводѣ св. писанія на языкъ понятный для тѣхъ народовъ, коихъ желали обратить въ христіанскую вѣру, и далеко превосходя Латинскихъ монаховъ умомъ гибкимъ, вкрадчивымъ, краснорѣчіемъ увлекательнымъ, самою чистотою нравовъ, пріобрѣтали довѣренность полудикихъ народовъ и безъ труда озаряли ихъ свѣтомъ истины. Такъ при содѣйствіи Грековъ, Библія была переведена на языки Готѳскій, Сирскій, Еѳіопскій, Армянскій. Они же переложили ее и на Славянскій, слишкомъ за сто лѣтъ до крещенія Владиміра, трудами братьевъ Кирилла и Меѳодія, ученыхъ мужей, родомъ изъ Ѳессалоники *.

бліи Присланные Греческимъ императоромъ Михаиломъ въ Моравію, по просьбѣ тамошнихъ князей Ростислава, Святополка и Коцела, для утвержденія Христіанской вѣры, въ чемъ не могли успѣть Латинскіе миссіонеры, Кириллъ и Меѳодій прежде всего приняли на себя трудъ перевести Библію и церковныя книги на языкъ Славянскій, бывъ убѣждены, что самая лучшая проповѣдь есть Евангеліе, когда только истины его будутъ внятны народу. Важныя препятствія ожидали ихъ въ этомъ великомъ дѣлѣ: Славянской грамоты еще не было; самый языкъ, выражая мысли народа грубаго, едва знакомаго съ понятіями гражданскими, казалось, не могъ передать всѣ красоты Греческаго языка, столь богатаго словами, столь разнообразнаго оборотами. Благочестивая ревность проповѣдниковъ указала имъ средства преодолѣть то и другое препятствіе. Они составили Славянскую азбуку, принявъ за основаніе Греческую, съ дополненіемъ изъ Еврейской и Армянской такихъ буквъ, которыя выражали звуки несвойственныя Грекамъ. По совершеніи этого труда, приступили къ переводу св. писанія. Избранное ими нарѣчіе, по мнѣнію однихъ писателей, было Чешское или Богемское [1], по мнѣнію другихъ смѣшанное изъ Болгарскаго, Сербскаго и Македонскаго [2]. Блестящій успѣхъ увѣнчалъ труды ихъ: въ короткое время они переложили на Славянскій языкъ весь кругъ церковныхъ книгъ, употребляемыхъ при богослуженіи. Общій голосъ свидѣтельствуетъ, что ни одинъ изъ Европейскихъ народовъ не имѣетъ столь вѣрнаго, точнаго перевода Библіи, какъ Славяне. Не только смыслъ, самые оттѣнки слога, величествен-

* Добровскій. Кириллъ и Меѳодій. М. 1825. 1. Карамзинъ. 2. Добровскій.

ная простота, торжественность св. писанія, все это передано съ удивительною точностію. Естественно раждается вопросъ, какимъ образомъ успѣли переводчики выразить высокія, нерѣдко отвлеченныя истины евангельскія, языкомъ народа грубаго, не простиравшаго понятій далѣе своего стада, плуга, или хищнаго набѣга? Трудно рѣшить этотъ вопросъ; нельзя однакожь не замѣтить, что въ самомъ языкѣ Славянскомъ они могли найти пособіе къ преодолѣнію многихъ препятствій: служа орудіемъ къ выраженію мыслей народа, всегда отличавшагося умомъ свѣтлымъ, смысломъ здравымъ, рѣдкою смѣтливостію, языкъ Славянскій даже въ грубомъ состояніи имѣлъ свойственное ему логическое устройство, соединенное съ гибкостію и разнообразіемъ оборотовъ. Умные переводчики постигли его таинства, смѣло составляли новыя выраженія, изобрѣтали новыя формы, новыя окончанія, созидали языкъ, но языкъ Славянскій, правильный, въ которомъ не было ни чуждыхъ звуковъ, ни чуждыхъ оборотовъ, исключая развѣ немногихъ случаевъ; все новое было извлечено изъ его же основныхъ началъ и ознаменовано свойственнымъ ему характеромъ. Этотъ переводъ св. писанія, составленный для Моравовъ, бывъ введенъ въ Русскую землю вмѣстѣ съ Христіанскою вѣрою, рѣшительнѣе всего могъ благопріятствовать распространенію св. ученія въ нашемъ отечествѣ.

Примѣръ св. Ольги.

Имѣя въ рукахъ столь вѣрное средство къ объясненію Христіанскаго вѣроисповѣданія, Греческіе миссіонеры, которыхъ имена, исключая одного Анастаса, къ сожалѣнію неизвѣстны, тѣмъ съ большимъ успѣхомъ могли дѣйствовать въ Русской землѣ, что тамъ умы давно были приготовлены: въ Кіевѣ еще при Игорѣ была церковь св. Иліи пророка; въ самой дружинѣ Владимірова дѣда находилися многіе Христіане; въ особенности примѣръ Ольги не могъ не оставить сильнаго впечатлѣнія въ народѣ, признававшемъ ее мудрою.

Ревность Владиміра.

Много могъ содѣйствовать имъ и самъ Владиміръ. По достовѣрному сказанію лѣтописи, послѣ крещенія онъ преобразился въ иного человѣка: бывъ язычникомъ, онъ безжалостно истребилъ семейство Рогвольда, обагрилъ руки въ крови брата, приносилъ въ жертву идоламъ людей; ставъ Христіаниномъ, онъ до того умягчился душею, что самыхъ злодѣевъ не хотѣлъ казнить смертью и изъявлялъ живѣйшее усердіе къ Богу Христіанскому: строилъ во славу Его,

при пособіи Греческихъ художниковъ, великолѣпные храмы, изъ которыхъ наиболѣе достопамятна церковь Десятинная, велѣлъ учить отроковъ грамотѣ и возвысилъ санъ духовный въ глазахъ народа, предоставивъ въ вѣдѣніе служителей церкви браки, разводы, несогласія между родителями и дѣтьми, церковную татьбу, непристойные поступки и проч. [1]. Кромѣ того, немедленно по принятіи Христіанской вѣры, онъ поручилъ своимъ дѣтямъ въ управленіе города и области, давъ имъ въ совѣтники людей, усердныхъ къ Христіанству.

ѣдствія. При такомъ стеченіи благопріятныхъ обстоятельствъ, св. вѣра, согласно съ преданіемъ Нестора, мирно водворилась въ нашемъ отечествѣ, какъ благодать Неба, быстро озарила всю Русь и принесла плоды вожделѣнные.

Вѣра во Христа Спасителя, имѣя основаніемъ миръ, любовь и надежду, долженствовала неминуемо смягчить нравы, обуздать страсти, ослабить право родовой мести, которое иначе могло быть весьма пагубно, при господствѣ удѣльнаго права.

Кромѣ того, сильнѣе языка, самыхъ кровныхъ узъ родственныхъ, соединяя людей тѣсными узами единовѣрія, она сроднила побѣдителей съ побѣжденными, уничтожила между ними различіе, и рѣшительнѣе всѣхъ уставовъ содѣйствовала къ сліянію разноплеменныхъ обитателей Русской земли въ одинъ народъ, въ одно общество гражданское, внушивъ ему ясныя понятія о будущей жизни, о добродѣтели, о необходимости закона, верховной власти, т. е. о такихъ условіяхъ, которыя служатъ стихіями государства благоустроеннаго.

Эти плоды были неминуемымъ слѣдствіемъ свойства самой религіи, и Русь раздѣляла ихъ со всею Европою, обязанною единственно Христіанской вѣрѣ перевѣсомъ своимъ надъ прочими частями свѣта на поприщѣ гражданственности и образованности. Вмѣстѣ съ тѣмъ Христіанство принесло нашему отечеству другія выгоды, бывшія слѣдствіемъ крещенія Владиміра по Греческому закону : сроднивъ Русь съ Греціею и отдаливъ ее отъ Рима, вѣра даровала нашему отечеству особенное, самобытное направленіе и образовала изъ него міръ отдѣльный, отличный отъ міра запад-

1. Уставъ св. Владиміра о церковныхъ судахъ.

наго въ главныхъ условіяхъ государственныхъ, въ устройствѣ іерархіи, въ кругѣ дѣйствій власти свѣтской и духовной, въ связяхъ внѣшней политики и во всѣхъ учрежденіяхъ внутреннихъ. Ниже увидимъ, что со временъ Ярослава, Русское духовенство находилось въ самыхъ благопріятныхъ отношеніяхъ къ верховной власти, и отечество наше не испытало тѣхъ бѣдствій, которыя были удѣломъ западной Европы, подвластной Римскому первосвященнику. Тѣсная связь съ Греціею принесла намъ наконецъ и ту пользу, что мы получили изъ Греціи многообразныя свѣдѣнія, столь плодотворныя при первомъ развитіи ума гражданскаго.

Такимъ образомъ Греки, давъ намъ переводъ св. писанія на языкѣ народномъ, доставили величайшую услугу, какой мы не могли надѣяться получить изъ Рима. Рѣдкое событіе имѣло столь важное, благотворное вліяніе на судьбу нашего отечества, какъ ученый трудъ Кирилла и Меѳодія. Слушая Божіе слово на языкѣ понятномъ, Русскіе встрѣтили св. вѣру, какъ что то родное, приняли ее безъ прекословія и такъ усвоили, что она стала непремѣннымъ условіемъ бытія народнаго, элементомъ Русской жизни, подобно языку или власти самодержавной. У насъ не было того страннаго разлада церкви съ обществомъ, который столь разителенъ въ западной Европѣ, крещенной Римскимъ духовенствомъ. Легко вообразить какъ трудно было Германскимъ народамъ убѣдиться, что св. вѣра есть необходимое условіе ихъ жизни, когда они слышали ея ученіе на языкѣ невразумительномъ: протекло нѣсколько вѣковъ прежде, чѣмъ Христіанская церковь въ западной Европѣ сроднилась съ обществомъ. Подобная участь грозила и нашему отечеству, еслибы Греки не принесли намъ перевода Библіи Кирилла и Меѳодія. Въ ихъ незабвенномъ трудѣ должно искать источника того религіознаго направленія, которое постоянно было отличительною чертою Русскаго народа: ибо св. вѣра слилась съ нашею жизнію. Предки наши были убѣждены, что только тотъ, кто исповѣдуетъ законъ Христіанскій по Греческимъ обрядамъ, заслуживалъ имя Русскаго; признавались у насъ Христіанами и народы подвластные папѣ, но папистъ не могъ быть Русскимъ.

Переводъ Библіи замѣчателенъ и въ другомъ отношеніи: онъ установилъ языкъ. Наши писатели смотрѣли на трудъ Кирилла и Меѳодія, какъ на образецъ совершенный, един-

ственный, старались подражать ему въ изложеніи своихъ мыслей, въ оборотахъ, въ слогѣ. Конечно излишняя подражательность сковывала языкъ и отдаляла мало по малу письменный или книжный отъ разговорнаго, такъ, что въ послѣдствіи разность между ними стала весьма ощутительна; но въ то же время она поддерживала въ немъ единство, не допустила его разрозниться на многія нарѣчія и соблюдала чистоту его отъ примѣси чужеземной. Притомъ, языкъ письменный однимъ, такъ сказать, порывомъ сталъ на ту степень, которой достигли Германо-Латинскія нарѣчія чрезъ нѣсколько вѣковъ, послѣ неимовѣрныхъ усилій. Славянскій переводъ Библіи, присвоивъ по крайней мѣрѣ существенныя достоинства Греческаго, заключая въ себѣ образцы краснорѣчія повѣствовательнаго, поучительнаго, описательнаго, представлялъ Русскимъ богословамъ, историкамъ, поэтамъ неисчерпаемый источникъ богатства.

Все это долженствовало имѣть рѣшительное вліяніе на умственное развитіе: мы имѣли въ семъ отношеніи неисчислимыя выгоды предъ западною Европою. Когда ни одинъ изъ Нѣмецкихъ ученыхъ X вѣка не хотѣлъ и не могъ выражать скудныхъ мыслей на языкѣ варварскомъ, т. е. народномъ, когда въ самыхъ храмахъ славили Бога Христіанскаго на языкѣ мертвомъ, для немногихъ вразумительномъ, когда нарѣчія Французское, Англійское, Голландское представляли дикую, нестройную смѣсь выраженій Латинскихъ и Германскихъ, и были еще только въ зародышѣ, языкъ Славянскій чистый, величественный, общій для государя и подданныхъ, для духовенства и мірянъ, имѣлъ уже форму постоянную, опредѣлительную, въ которую влились красоты богатѣйшаго въ мірѣ языка Греческаго. Еслиже плоды не соотвѣтствовали началу, и Европа въ послѣдствіи далеко опередила насъ на поприщѣ умственнаго образованія, виною тому было стеченіе многихъ обстоятельствъ: по крайней мѣрѣ, до нашествія Монголовъ, мы не уступали Европѣ въ надеждѣ на блестящую будущность.

V*. ПРАВЛЕНІЕ ЯРОСЛАВА I *.

1019 — 1054.

Святополк[ъ] 1014 — 101[9]

Владиміръ, слѣдуя духу времени и коренному обычаю Скандинавовъ, по коему каждый членъ владѣтельнаго дома имѣлъ право на участокъ, вскорѣ по введеніи Христіанской вѣры, раздѣлилъ Русскую землю на 12 удѣловъ между своими сыновьями, и уже самъ испыталъ пагубныя слѣдствія такой системы господства: Ярославъ Новгородскій не сталъ платить ему дани, призвалъ Норманновъ изъ за моря и готовился встрѣтить оружіемъ раздраженнаго отца. Владиміръ умеръ, не успѣвъ смирить непокорнаго сына. По смерти его, осталось 8 удѣловъ: въ Новгородѣ княжилъ Ярославъ, въ Ростовѣ Борисъ, въ Муромѣ Глѣбъ, въ Древлянской землѣ Святославъ, во Владимірѣ (Волынскомъ) Всеволодъ, въ Тмуторакани Мстиславъ, въ Туровѣ Святополкъ, въ Полоцкѣ домъ старшаго сына, Изяслава. Непримиримая вражда раздѣляла князей на три непріязненныя партіи: Святополкъ, сынъ Ярополковъ, усыновленный Владиміромъ, не могъ забыть смерти отца и по праву родовой мести, еще неискорененной Христіанскою вѣрою, считалъ своимъ долгомъ успокоить тѣнь его кровавыми жертвами [1]. Изяславъ, сынъ Владиміра и Полоцкой княжны Рогнѣды, отверженный отцемъ вмѣстѣ съ матерью, смотрѣлъ на другихъ сыновей его, какъ на враговъ, и ненависть къ нимъ передалъ сыну своему Брячиславу. Прочія дѣти Владиміра должны были опасаться и Святополка и Брячислава. Междоусобія были неизбѣжны: они обнаружились немедленно по кончинѣ Владиміра.

Святополкъ, объявивъ себя великимъ княземъ, звалъ братьевъ именемъ умирающаго отца, который будтобы желалъ съ ними проститься. Не зная о смерти Владиміра и не подозрѣвая кова, они спѣшили въ Кіевъ; тайные убійцы стерегли ихъ на пути: на берегу Альты [2] умерщвленъ Борисъ князь Ростовскій, близъ Смоленска Глѣбъ князь Муромскій, въ области Древлянской Святославъ. Таже участь готовилась и другимъ дѣтямъ Владиміра. Сестра ихъ Преслава успѣла предостеречь князя Новгородскаго, кото-

* Несторъ. Эверсъ: Das älteste Recht der Russen.

1. Эверсъ.

2. Небольшая рѣка, впадающая въ Трубежъ, близъ Переяславля.

рый между тѣмъ находился въ затруднительномъ положеніи: отказавъ Владиміру въ дани и замысливъ отразить его вооруженною рукою, онъ призвалъ Норманновъ. Новгородцы, оскорбленные наглостію пришельцевъ, многихъ изъ нихъ убили. Ярославъ, скрывъ мщеніе, созвалъ на пиръ знатнѣйшихъ гражданъ и велѣлъ ихъ умертвить. Едва совершилась эта месть, какъ пришло извѣстіе отъ Преславы о смерти огорченнаго отца, о гибели Бориса и Глѣба, о грозящей опасности всему дому Владимірову. Тутъ Новгородцы явили рѣдкое великодушіе: примирились съ княземъ, съ Норманнами, и пошли на Святополка. Разбитый Ярославомъ на берегахъ Днѣпра, князь Кіевскій бѣжалъ въ Польшу и просилъ помощи у тестя своего Болеслава Храбраго. Король Польскій, поддерживая зятя, вступилъ въ Русскую землю, и на берегахъ Буга разбивъ войско Ярославово, овладѣлъ Кіевомъ. Ярославъ едва могъ спастися бѣгствомъ въ Новгородъ, откуда думалъ удалиться въ Скандинавію. Новгородцы не пустили его и снова стали вооружаться; собрали поголовную дань; наняли Норманновъ.

Между тѣмъ Святополкъ потерялъ дружбу Болеслава: негодуя на тестя, задумавшаго навсегда остаться въ богатомъ Кіевѣ и присоединить этотъ городъ къ королевству, онъ велѣлъ тайно убивать Поляковъ, безпечно жившихъ по городамъ и селамъ Кіевскимъ. Болеславъ, опасаясь вѣроятно и самъ подобной участи, удалился въ Польшу, овладѣвъ на пути городами Червенскими. Въ слѣдъ за нимъ бѣжалъ и Святополкъ; обратился къ лютымъ врагамъ своего отечества, къ Печенѣгамъ, собралъ многочисленныя толпы ихъ и снова хотѣлъ овладѣть Кіевомъ. Бодрый Ярославъ встрѣтилъ его на берегахъ Альты, тамъ, гдѣ умерщвленъ Борисъ. Воспламененный местью за кровь брата, онъ стремительно ударилъ на своего злодѣя и, послѣ упорной
1019 сѣчи, одержалъ побѣду. Святополкъ, по сказанію Нестора, въ разслабленіи ума, бѣжалъ изъ отечества и скрылся въ Богеміи; по извѣстію же Эймундовой саги, былъ убитъ въ Кіевской области Норманнами. Ярославъ вступилъ въ Кіевъ и началъ господствовать надъ большею частію Русской земли, утвердивъ власть свою въ Кіевѣ, Новгородѣ, Ростовѣ, Муромѣ, Туровѣ и землѣ Древлянской. Полоцкъ и Тмуторакань остались за прежними князьями: города Червенскіе были въ рукахъ Поляковъ.

Но распри потомковъ Владиміровыхъ еще не кончились. Брячиславъ и Мстиславъ.
Брячиславъ Полоцкій и Мстиславъ Тмутораканскій не могли довольствоваться своими удѣлами и съ завистью смотрѣли на господство Ярослава въ большой части Владимірова государства. Междоусобія возобновились. Брячиславъ неожиданно напалъ на Новгородъ, ограбилъ его, однакожъ не могъ удержать за собою; былъ разбитъ и смирился. Гораздо опаснѣе былъ другой врагъ, Мстиславъ Тмутораканскій: господствуя на берегахъ Кубани, онъ ознаменовалъ себя многими побѣдами надъ народами Кавказскими, разрушилъ Хазарскую державу въ Тавридѣ, такъ, что самое имя Хазаръ исчезло, оставшись въ одной исторіи, и обратилъ оружіе на Ярослава, вѣроятно досадуя на присвоеніе имъ братнихъ удѣловъ. Рожденный болѣе для мирнаго правленія, чѣмъ для войны, Ярославъ не могъ устоять противъ счастливаго соперника, проигралъ битву у Листвена
(въ Черниговской области) и долженъ былъ уступить брату 1026.
цѣлую половину Руси на востокъ отъ Днѣпра. Они заключили искреннюю дружбу, и въ теченіе 10 лѣтъ, до самой смерти Мстислава, общими силами воевали съ внѣшними врагами. Тѣсный союзъ правителя благоразумнаго съ отважнымъ завоевателемъ возстановилъ прежніе предѣлы Руси: Мечиславъ король Польскій, потрясенный ихъ оружіемъ, возвратилъ города Червенскіе (Галицію), отторгнутые отцемъ его Болеславомъ. Когда же умеръ Мстиславъ, неоставившій потомства, удѣлъ его присоединился къ области Ярослава, который съ тѣхъ поръ господствовалъ единодержавно до самой кончины своей, имѣя вліяніе и на Полоцкъ. 1036.

Тридцатипятилѣтнее правленіе Ярослава достопамятно наиболѣе въ томъ смыслѣ, что оно довершило основаніе Русской державы. Правленіе Ярослава. 1019 — 1054.
До него князья Норманнскіе, соединяя Славянъ оружіемъ и данью въ одинъ покорный себѣ народъ, мало заботились о государственномъ устройствѣ, слѣдовали одному влеченію страстей, искали только битвъ, власти, корысти. Мысль о законѣ замѣтна въ дѣйствіяхъ Ольги; но уроки и погосты ея клонились единственно къ уравненію дани. По принятіи Христіанской вѣры, Русь не могла существовать въ прежнихъ формахъ язычества и войны, несогласныхъ съ новыми понятіями, внушенными св. вѣрою: внутреннія и внѣшнія отношенія Руси должны были измѣниться въ главныхъ основаніяхъ. Кровавыя распри дѣтей

Владиміровыхъ, при участіи сосѣднихъ народовъ, еще болѣе обнаружили необходимость лучшаго устройства. Ярославъ угадалъ потребность вѣка и въ постоянномъ стремленіи къ опредѣленію правъ, обязанностей, внутреннихъ и внѣшнихъ отношеній, наложивъ печать закона на главныя формы Русской гражданственности, довершилъ безотчетное дѣло своихъ предковъ, *основаніе Русской державы*, и далъ судьбѣ ея рѣшительное направленіе. Обнаруживая во всѣхъ дѣйствіяхъ своихъ духъ законодательства, онъ не столько изданіемъ закона, сколько образомъ своихъ дѣяній, утвердилъ въ Руси тотъ порядокъ вещей, изъ котораго въ послѣдствіи развивались главныя явленія нашей исторіи. Онъ установилъ: a) отношенія Новгорода къ великому князю; b) судъ и расправу; c) всеобщее господство Христіанской вѣры; d) іерархію; e) отношенія Руси къ Скандинавіи и сосѣдямъ; f) предѣлы Русской земли; g) главныя основанія удѣльнаго права.

Льготы Новгородцамъ.

Обязанный великокняжескимъ престоломъ, спасеніемъ своего рода, усердію Новгородцевъ, Ярославъ въ первые годы своего княженія далъ имъ *льготныя грамматы*, служившія въ послѣдствіи основаніемъ ихъ внутреннему устройству [1]. Эти грамматы истреблены временемъ и содержаніе ихъ въ точности неизвѣстно: знаемъ только достовѣрно, что въ продолженіе 4 вѣковъ Новгородъ дозволялъ управлять собою единственно тѣмъ князьямъ, которые клятвою подтверждали грамматы Ярославовы. Вникая однакожъ въ ходъ событій, можно полагать, что Ярославъ предоставилъ Новгороду исключительное право зависѣть, наравнѣ съ Кіевомъ, отъ великаго князя, рѣшать дѣла внутреннія судомъ народнаго вѣча и платить князю дань опредѣленную. Бывъ колыбелью Русской державы, но со времени Олега утративъ честь видѣть въ своихъ стѣнахъ престолъ великокняжескій, Новгородъ не хотѣлъ равняться съ прочими городами въ образѣ внутренняго управленія. Эта мысль влекла за собою неопредѣленное, но твердое понятіе о самостоятельности, о первенствѣ, замѣтное и при Святославѣ, которому Новгородцы грозили избрать своего князя, если онъ не дастъ имъ сына, и при Владимірѣ, которому они отказывали въ самой дани. Стремленіе къ самостоятельности могло быть слѣдствіемъ также торговой предпріимчивости,

1. Несторъ.

пробужденной выгодами мѣстоположенія на пути Скандинавовъ въ Грецію и близостію Балтійскаго моря: Новгородцы такъ были богаты, что могли содержать наемное войско, чему примѣры мы видѣли во время воіінъ Владиміра съ Ярополкомъ, Ярослава съ Святополкомъ. Чѣмъ болѣе скоплялось богатство, тѣмъ скорѣе развивалась мысль о правахъ собственности, тѣмъ усерднѣе было желаніе обезпечить ихъ закономъ и оградить себя отъ произвольной власти князей [1]. Впрочемъ Новгородъ не искалъ совершенной независимости; онъ желалъ имѣть только то, что въ послѣдствіи получалъ почти каждый монастырь за особенныя услуги государю, т. е. *несудимую граммату*. Слабость преемниковъ Ярославовыхъ дозволяла ему предаваться всѣмъ порывамъ необузданнаго своеволія и мало по малу присвоить нѣкоторыя права самостоятельнаго государства.

Русская Правда

Въ то же время Ярославъ даровалъ Новгороду письменный законъ, извѣстный подъ названіемъ *Русской Правды*, введенный въ послѣдствіи во всей Руси [*]. Законодатель хотѣлъ установить лучшій порядокъ суда и расправы, который, бывъ доселѣ основанъ на правѣ личной и родовой мести, не согласовался съ понятіями Христіанскими; для этой цѣли онъ начерталъ 17 статей, коими означилъ, чего долженъ былъ страшиться нарушитель общественнаго порядка и какого удовлетворенія могъ требовать обиженный. Главныя статьи Русской Правды, по Новгородскому списку, суть: 1) за смертъ *мужа* мститъ братъ или сынъ, или отецъ или двоюродные братья, или племянники; 2) если не будетъ мстителя, убійца платитъ 40 гривенъ; 3) за ударъ палкою, жердью, мечемъ, виновный платитъ 12 гривенъ; 4) за отсѣченіе руки 40 гривенъ; 5) за вырваніе уса или бороды, 12 гривенъ; 6) за обнаженіе меча 1 гривну; 7) за уводъ челядинца и коня 3 гривны; 8) въ случаѣ запирательства отвѣтчика, разбираютъ дѣло 12 выборныхъ. По смерти Ярослава, дѣти его прибавили 18 статей о правѣ собственности, о рабахъ, рубежахъ, сѣнѣ, скотѣ. Владиміръ Мономахъ дополнилъ Русскую Правду нѣсколькими статьями, о ростахъ или процентахъ и проч.

Старинные обычаи Славянскіе и Норманнскіе, освященные временемъ, были безъ сомнѣнія основаніемъ Русской Прав-

1. Эверсъ.
* Эверсъ. Das aelteste Recht der Russen. Dorp. 1826. Древнѣйшій списокъ, конца XIII вѣка, напечатанъ во 2 части «Русскихъ достопамятностей». М. 1843.

ды. Не касаясь тѣхъ изъ нихъ, которые сами по себѣ имѣли всеобщую силу закона, напримѣръ о наслѣдствѣ, законодатель желалъ исправить другіе, не столь опредѣленные, зависѣвшіе отъ произвола; хотѣлъ согласить ихъ съ правилами здраваго разсудка и ослабить слишкомъ вредные для гражданской жизни. Такъ принужденный утвердить коренной обычай младенчествующихъ обществъ, право личной и родовой мести, противный и духу Христіанства и цѣли общежитія, но освященный вѣками, законодатель старался по крайней мѣрѣ уменьшить зло, дозволивъ личную месть только ближнимъ родственникамъ и притомъ въ случаѣ смертоубійства; за прочія же преступленія установилъ денежную пеню. Обиженный получалъ удовлетвореніе сообразное обидѣ и не могъ простирать мщенія своего далѣе предѣла, назначеннаго закономъ; такимъ образомъ законодатель пресѣкалъ безконечный рядъ преступленій, доселѣ раждавшихся отъ самовольной расправы, водворялъ тишину и порядокъ. Онъ тѣмъ легче могъ достигнуть своей цѣли, что эти законы вполнѣ соотвѣтствовали тогдашнему понятію о возмездіи за обиду: если бы Ярославъ, вмѣсто денежной пени, установилъ наказанія исправительныя, тѣлесныя или временное заключеніе, сообразныя съ правомъ Греческимъ и безъ сомнѣнія извѣстныя ему, законы его остались бы недѣйствительны: оскорбленный, не получивъ возмездія, захотѣлъ бы самъ искать его.

Господство св. вѣры.

Льготныя грамматы и Русская Правда были первыми дѣлами Ярослава, предвѣстниками его мудраго правленія. Зная, что вѣра Христіанская болѣе всѣхъ законовъ могла способствовать успѣхамъ жизни гражданской, сынъ св. Владиміра, равно набожный и благочестивый, распространялъ ея ученіе въ самыхъ отдаленныхъ областяхъ не жестокимъ преслѣдованіемъ язычества, но средствами благоразумными: строилъ церкви, изъ коихъ въ особенности замѣчателенъ Софійскій соборъ въ Кіевѣ, переводилъ божественныя книги на языкъ отечественный, самъ читалъ ихъ неутомимо, многія списывалъ для народнаго употребленія, опредѣлялъ изъ казны своей содержаніе служителямъ церкви, дѣтей ихъ велѣлъ воспитывать и съ этою цѣлью основалъ народное училище въ Новгородѣ для 300 отроковъ. Новое поколѣніе увидѣло плоды его ревности просвѣщенной: явились не только достойные пастыри, но и писатели краснорѣчивые, преподобный Несторъ и св. Кириллъ, епископъ Туровскій.

Благоразумная политика Ярослава служила примѣромъ для его преемниковъ. Духовенство получило отъ него новыя льготы и важныя права: *Уставомъ о церковномъ судѣ*, онъ подтвердилъ уставъ Владиміровъ, предоставивъ кромѣ того вѣдѣнію митрополита и епископовъ многія тяжбы, съ опредѣленіемъ, чего они должны требовать отъ подсудимыхъ [1].

При всей набожности, при всемъ уваженіи къ сану духовному, Ярославъ не хотѣлъ однако, чтобы Русское духовенство было въ исключительной зависимости отъ Греческаго патріарха, подобно тому, какъ западное духовенство признавало верховную власть Римскаго папы. Ярославъ смотрѣлъ на Византійскую имперію, какъ на страну единовѣрную, какъ на государство знаменитое, просвѣщенное, но и Русь признавалъ державою самостоятельною, неподвластною ни императору, ни патріарху. Онъ не хотѣлъ стерпѣть, чтобы подданные его были обижаемы въ Царѣградѣ, и узнавъ о убіеніи Греками знатнаго Русса, объявилъ императору Константину Мономаху войну, послалъ сильное войско, подъ начальствомъ сына своего Владиміра, и удовлетворивъ чести оскорбленнаго государя, заключилъ миръ, какъ равный императору самодержецъ. Въ томъ же смыслѣ онъ дѣйствовалъ и въ отношеніи къ патріарху: считалъ его первосвятителемъ восточной церкви, но въ тоже время не отказывался отъ права назначать въ Русскіе митрополиты сановниковъ по собственному усмотрѣнію, и по случаю разрыва съ Греками, утвердивъ своею властію въ достоинствѣ Кіевскаго митрополита избраннаго Русскими епископами инока Иларіона, онъ опредѣлилъ ясно, что Русскій первосвятитель долженъ находиться въ полной зависимости отъ великаго князя. Рѣшительность его предупредила гибельныя слѣдствія двудержавія, свѣтскаго и духовнаго, которыхъ надлежало опасаться при первомъ неопредѣленномъ устройствѣ іерархіи и которыя были бы неминуемы, если бы Греческіе патріархи успѣли присвоить исключительное право назначать Руси духовныхъ сановниковъ. Преемники Ярослава возобновили сношенія съ Византійскими первосвятителями, требовали отъ нихъ митрополитовъ и епископовъ, предоставляли иногда ихъ суду случаи церковные, но не позволяли имъ по произволу вмѣшиваться въ дѣла церкви, тѣмъ менѣе въ дѣла гражданскія, и нерѣдко, по примѣру Ярослава, назначали

Іерархія.

1. Евгенія Описаніе Кіевской іерархіи, 1825.

митрополитовъ сами. Такимъ образомъ со временъ Ярослава установилась Русская іерархія, сходная съ Греческою въ устройствѣ внутреннемъ, въ правахъ и обязанностяхъ духовенства, въ отношеніяхъ его къ свѣтской власти, тѣсно соединенная съ нею догматами вѣры, обрядами богослуженія, тѣмъ не менѣе самостоятельная и независимая отъ восточныхъ патріарховъ въ дѣлахъ внутренняго управленія. Нельзя было желать лучшаго устройства церкви: она была безопасна и отъ вредныхъ нововведеній и отъ чуждаго вмѣшательства: съ одной стороны, составляя нераздѣльную часть восточной церкви, она не могла принять въ свои нѣдра ничего новаго, безъ согласія вселенскихъ соборовъ, слѣдовательно имѣла самый прочный залогъ чистоты вѣроисповѣданія; съ другой же стороны, имѣя свой опредѣленный кругъ, она не могла быть потрясаема козиями чуждаго властолюбія, по примѣру западныхъ государствъ, подвластныхъ Римскому папѣ.

Отношенія къ сосѣдямъ.

Опредѣливъ отношенія Руси къ странѣ, давшей ей вѣру, Ярославъ своими дѣйствіями указалъ правила, которыхъ преемники его держались въ дѣлахъ съ страною, давшею Русской землѣ государей, съ единоплеменною имъ Скандинавіею. До половины XI вѣка дружины Русскихъ князей нерѣдко пополнялись Норманнскими витязями, которые охотно приходили въ Русскую землю служить князьямъ ея, брали богатые дары (между прочимъ съ одного Новгорода 300 гривенъ ежегодно), приносили свои понятія, свои права, свой образъ жизни, слѣдовательно поддерживали различіе между Славянами и поселившимися среди ихъ своими единоземцами. Послѣ возстанія Новгородцевъ на дерзкихъ пришельцевъ, по смерти Владиміра, Ярославъ уничтожилъ собираемый въ пользу ихъ налогъ и тѣмъ прекратилъ выходы Скандинавовъ. Слѣдствіемъ было совершенное уничтоженіе различія между Славянами и водворившимися въ землѣ ихъ Норманнами; оно очевидно исчезло уже при первыхъ преемникахъ Ярославовыхъ: слово Руссъ стало означать Славянъ, слившихся съ Норманнами; слово Варягъ исключительно Скандинавскихъ выходцевъ, уже чуждыхъ на землѣ Русской.

Въ дѣлахъ съ сосѣдями Ярославъ дѣйствовалъ какъ государь, уважавшій права чуждаго владѣнія, и въ то же время, какъ бдительный стражъ Русской земли: не искалъ завоеваній, не уступалъ и своего. Все, что было пріобрѣте-

но оружіемъ предковъ, онъ считалъ собственностію своего дома и служилъ въ этомъ отношеніи примѣромъ для своихъ преемниковъ. Польша нашла въ немъ честнаго сосѣда: взявъ у Мечислава города Червенскіе (Галицію), отчасти построенные Владиміромъ, и неправильно присвоенные Болеславомъ Храбрымъ, Ярославъ не хотѣлъ пользоваться внутренними смятеніями Польскаго королевства, приходилъ туда съ войскомъ, какъ миротворецъ, и помогалъ Казимиру I обуздать мятежи въ Мазовіи; сверхъ того, вступилъ съ нимъ въ родство, отдавъ за него сестру свою Марію (Доброгнѣву). Эта политика, основанная на родствѣ, постоянно возобновлявшемся, на взаимной помощи и оборонѣ, на обоюдномъ признаніи правъ владѣнія того и другаго дома, служила болѣе 3 столѣтій руководствомъ для его преемниковъ.

Для сосѣдей хищныхъ, чуждыхъ уставовъ гражданскихъ, тревожившихъ Русь набѣгами, Ярославъ былъ грозою. Чаще всего онъ обращалъ оружіе на Печенѣговъ, неоднократно вторгавшихся въ южные предѣлы Руси, въ послѣдніе годы княженія Владиміра св.; рѣшительными побѣдами истребивъ цѣлыя толпы злодѣевъ, онъ такъ ослабилъ ихъ, что они не въ силахъ были тревожить наше отечество. Кромѣ того великій князь старался обуздать другихъ сосѣдей, не столь многочисленныхъ, но равно хищныхъ и упорныхъ: Ятвяговъ въ нынѣшней Гродненской губерніи, единоплеменныхъ имъ Литовцевъ въ Виленской губерніи, Чудь въ Эстляндіи, и Емь или Ямь въ южной Финляндіи. Для защиты Руси отъ вторженія дикихъ народовъ, окружавшихъ ее почти со всѣхъ сторонъ, онъ основалъ города и крѣпости: на берегахъ Роси для обузданія Печенѣговъ; Юрьевъ или Дерптъ для охраненія Псковской области; Ярославль на предѣлахъ Черемисскихъ. Система обороны государства построеніемъ крѣпостей на границахъ и непріязнь къ дикимъ кочевымъ народамъ руководствовала его преемниковъ.

Ярославъ не ограничивалъ своей политики одними сосѣдями: онъ искалъ тѣсной связи съ отдаленными Европейскими вѣнценосцами, указавъ тѣмъ, что Русь должна принадлежать къ системѣ государствъ Европейскихъ: кромѣ сестры, Маріи, вышедшей за Польскаго короля Казимира I, дочери великаго князя были супругами государей знаменитыхъ: Елисавета вышла за Гаральда, принца Норвежскаго,

который только рыцарскими подвигами успѣлъ заслужить ея руку; Анна сочеталась бракомъ съ Генрихомъ I королемъ Французскимъ, и была праматерью Генриха IV; Анастасія съ Андреемъ I королемъ Венгерскимъ. Сыновья его также избрали супругъ иноземныхъ: Всеволодъ женился на Греческой царевнѣ, Изяславъ на принцессѣ Польской, Вячеславъ на дочери владѣтеля Штадскаго, Игорь на графинѣ Орламиндской.

Со временъ Ярослава установились и границы Руси: на западъ до Финскаго залива, Нарева, западнаго Буга, истоковъ Вислы и горъ Карпатскихъ; на югъ до верховьевъ Прута, Ингула, Ворсклы, Хопра и Медвѣдицы; на востокъ до устья Оки и береговъ Волги; на сѣверъ до Ладожскаго и Онежскаго озера. Все, что заключалось между сими рубежами, навсегда удержало имя Руси, и не взирая на чужеземное господство, въ послѣдствіи нѣсколько вѣковъ продолжавшееся, оставалось Русскимъ по вѣрѣ, языку и внутреннему образу правленія.

ованія удѣльаго права.

Важнѣйшимъ дѣйствіемъ Ярослава, имѣвшимъ прямое, рѣшительное вліяніе на судьбу отечества, было опредѣленіе главныхъ началъ удѣльнаго права и взаимныхъ отношеній князей въ потомствѣ Владиміра св. Назначивъ каждому изъ пяти сыновей своихъ опредѣленную область, онъ установилъ, что старшій въ княжескомъ семействѣ есть глава государства, посредникъ, миротворецъ и защитникъ своихъ братьевъ, которые обязаны чтить его, какъ отца, но въ то же время имѣли неотъемлемое право на свои удѣлы. Съ тѣхъ поръ Русь образовала систему союзныхъ государствъ, другъ отъ друга независимыхъ, тѣмъ не менѣе соединенныхъ въ одно цѣлое, вѣрою, языкомъ и господствомъ одного дома.

ГЛАВА II.

РАЗДРОБЛЕНІЕ РУСИ НА УДѢЛЬНЫЯ КНЯЖЕСТВА.

—

I. УДѢЛЬНАЯ СИСТЕМА *.

1054—1238.

Очеркъ удѣ-ной систем

Съ половины XI вѣка исторія нашего отечества измѣняется въ своемъ характерѣ. Доселѣ она представляла отважные набѣги Руссовъ на землю восточныхъ Славянъ, со всѣми чертами Норманнской жизни; быстрое расширеніе господства ихъ отъ береговъ Ильменя сперва къ Бѣлуозеру, западной Двинѣ и берегамъ Оки, потомъ по Днѣпру къ Черному морю, отъ Днѣпра къ Дунаю, Вислѣ и Волгѣ; сліяніе покоренныхъ народовъ Славянскихъ въ одно цѣлое силою оружія, установленіемъ дани, Христіанскою вѣрою. По смерти Ярослава, настаетъ иной порядокъ вещей: остановленные въ стремленіи къ благословеннымъ странамъ юга оружіемъ и политикою сосѣдей, еще болѣе удерживаемые въ землѣ Славянской выгодами осѣдлой жизни, Руссы не раздвигаютъ своихъ предѣловъ далѣе рубежей, опредѣленныхъ Ярославомъ; внѣшнее расширеніе Норманнской стихіи прекращается; его замѣняетъ продолжительное бореніе внутреннее.

Это бореніе, подъ перомъ нашихъ лѣтописцевъ, представляетъ картину мрачную, утомительную: *великаны сумрака* Олегъ, Святославъ, Владиміръ, исчезаютъ; вмѣсто ихъ являются Ярославичи, Святославичи, Ольговичи, которые пре-

* Несторъ и его продолжатели, по спискамъ Лаврентьевскому, Ипатьевскому и Новгородскому. Evers. Studien zur gründlichen Kenntniss der Vorzeit Russlands. Dorp. 1830.

слѣдуютъ другъ друга, утихнутъ на короткое время и снова начинаютъ всеобщую борьбу, передавая свои споры дѣтямъ, внукамъ и правнукамъ. Движимыя властолюбіемъ ихъ, силы Руси пожираютъ себя взаимно, какъ непріязненныя стихіи.

Читая горькія жалобы современниковъ, потомство съ ужасомъ смотритъ на тогдашнія бѣдствія отечества; не понимаетъ, какъ не могли образумиться князья, послѣ неоднократныхъ испытаній; видитъ, сверхъ того, въ удѣльныхъ браняхъ всѣ признаки пагубнаго феодализма, и готово благодарить Татаръ, которые, сокрушивъ воинственное племя Владиміра св., дали средства ввести благодѣтельное единодержавіе.

Чтобы уразумѣть характеръ и значеніе удѣльной системы въ Русской исторіи, необходимо вникнуть въ духъ времени, въ порядокъ вещей, въ связь причинъ и слѣдствій, во всѣ обстоятельства, породившія ее и содѣйствовавшія ея развитію.

Удѣлы были неизбѣжны.

Внутреннее бореніе есть неизбѣжное зло каждаго возникающаго государства. При постоянномъ сосредоточеніи разнородныхъ силъ къ единству, гражданское общество образуется не вдругъ, а постепеннымъ развитіемъ элементовъ своихъ, послѣ продолжительнаго броженія, доколѣ каждая стихія не найдетъ своего мѣста, опредѣляемаго обыкновенно свойствомъ самыхъ элементовъ и взаимнымъ отношеніемъ ихъ. Это бореніе, начало органическаго устройства, по различію обстоятельствъ, обнаруживалось въ разныхъ видахъ, съ разными послѣдствіями: въ Греціи междоусобіями поколѣній, въ Римѣ спорами патриціевъ съ плебеями, въ Германской Европѣ раздорами королей съ папами и баронами, въ нашемъ отечествѣ бранями удѣльными. Раздѣленіе Руси на удѣлы было неминуемымъ слѣдствіемъ укоренившагося въ самомъ началѣ понятія о правѣ на верховную власть всѣхъ членовъ господствующей фамиліи. Это понятіе, опредѣлявшее порядокъ престолонаслѣдія въ Скандинавіи, принесено было Норманнами и въ основанную ими Русскую державу. Въ глазахъ ихъ благороднѣйшимъ колѣномъ было Рюриково: ему принадлежало исключительное право на власть конунга, князя. Въ слѣдствіе сего, уже Рюрикъ долженъ былъ раздѣлить покоренный Руссами участокъ земли Славянской съ своими братьями на 3 удѣла:

Новгородскій, Изборскій, Бѣлозерскій. Игорь правилъ всею Русью одинъ потому, что у него не было братьевъ; Святославъ тоже; по смерти его Русь раздѣлена была между его сыновьями на три удѣла: Кіевскій, Древлянскій, Новгородскій. Гибель Олега и Ярополка соединила Русь подъ власть одного Владиміра, который снова раздробилъ ее по числу сыновей и оставилъ по себѣ 8 удѣловъ: Кіевскій, Полоцкій, Новгородскій, Владимірскій, Древлянскій, Ростовскій, Муромскій, Тмутораканскій. Ярославъ, воспользовавшись смертью братьевъ, присоединилъ ихъ удѣлы (исключая Полоцкій) къ своему; но имѣя пять сыновей, не могъ не раздѣлить между ними своей державы. Съ тѣхъ поръ удѣльная система утвердилась въ нашемъ отечествѣ окончательно.

Различіе удѣльной системы от феодальной

Удѣльная система господства, установленная Рюрикомъ и преемниками его при самомъ началѣ Руси, только въ общихъ чертахъ сходствовала съ феодальною, съ которою неправильно ее смѣшиваютъ; но въ главныхъ основаніяхъ, въ началѣ, въ развитіи, въ послѣдствіяхъ, существенно отличалась отъ нея.

Феодальная система представляетъ бореніе королевской власти съ своеволіемъ вельможъ, которые, получивъ земли на правѣ вассаловъ, т. е. помѣщиковъ, обязанныхъ служить своему государю, пользовались слабостію его, хотѣли утвердить за своимъ потомствомъ свои помѣстья и быть независимыми. Короли, выпустивъ изъ рукъ важнѣйшія права верховной власти, напрягали всѣ силы къ обузданію строптивыхъ бароновъ; но, подавляемые могуществомъ Римскихъ первосвященниковъ, долго не могли достигнуть своей цѣли, и съ трудомъ удерживали за собою титло королевское, доколѣ усердіе городскихъ общинъ, при ослабленіи папъ, не дало имъ средствъ смирить вассаловъ. Посему вассальство, своеволіе вельможъ, папская власть, вліяніе городскихъ общинъ, были необходимыми условіями феодальнаго правленія.

Удѣльная система имѣла совершенно другія основанія, изъ коихъ главныя были слѣдующія: 1) Каждый потомокъ Владиміра св., какъ членъ господствующей фамиліи, именовался княземъ и имѣлъ право на удѣлъ, т. е. на извѣстную область. 2) Удѣльный князь былъ полный, независимый властелинъ своего участка; имѣлъ свою столицу,

свою дружину, или войско, своихъ бояръ, назначилъ епископа, строилъ города и крѣпости, издавалъ законы, производилъ судъ и расправу, награждалъ и наказывалъ по произволу, воевалъ и мирился съ кѣмъ хотѣлъ. 3) Старшему въ родѣ изъ князей удѣльныхъ принадлежала честь именоваться *великимъ*, съ правомъ мирить удѣльныхъ князей въ случаѣ распрей, требовать отъ нихъ войны съ врагами внѣшними, вообще быть главою Руси; впрочемъ онъ былъ самовластенъ только въ своемъ участкѣ, не вмѣшивался въ управленіе удѣлами, не собиралъ съ нихъ никакихъ налоговъ, даже обязанъ былъ давать отчетъ князьямъ удѣльнымъ, которые считали себя не вассалами его, а равными ему государями, и только въ общихъ дѣлахъ, касавшихся всей Русской земли, должны были прибѣгать къ нему, какъ къ общему посреднику. 4) Достоинство княжеское было наслѣдственно въ мужескомъ колѣнѣ; сыновья дѣлили между собою отцовскую область и передавали свои участки своимъ дѣтямъ; но престолъ великокняжескій принадлежалъ старшему въ родѣ. Въ слѣдствіе сего удѣльная система представляла союзъ многихъ княжествъ, *по праву* независимыхъ, самостоятельныхъ, но крѣпко соединенныхъ въ одно цѣлое вѣрою, языкомъ, господствомъ одного дома Владиміра св. и убѣжденіемъ въ необходимости одной верховной власти. Ни бояре, ни духовенство, ни городскія общины не имѣли прямаго вліянія на образованіе и паденіе удѣльной системы: она возникла изъ дѣлежа Русской земли между многими фамиліями Рюрикова дома, и потрясенная Монголами, пала подъ ударами князей Московскихъ и Литовскихъ.

При такомъ различіи въ основаніяхъ, самыя междоусобія князей, по видимому сходныя съ феодальными, отличаются отъ нихъ и характеромъ и послѣдствіями. Въ западной Европѣ борьба королей съ вассалами, споры угнетеннаго права съ грознымъ своеволіемъ, влекли за собою самоуправство вельможъ, безсиліе закона, разрушеніе городовъ, кулачное право. Наши удѣльныя брани, подъ перомъ лѣтописцевъ, представляютъ безпрерывные споры, походы, битвы, но слѣдствія были иныя. Народъ не томился въ неволѣ, города не разрушались, нравы не грубѣли: ибо тутъ не было вопроса о стѣсненіи княжеской власти; дѣло шло только о правѣ князей на удѣлы: они встрѣчали соперниковъ не въ боярахъ, не въ народѣ, не въ ду-

ховенствѣ, а въ равныхъ себѣ князьяхъ, въ братьяхъ единородныхъ; преслѣдовали другъ друга нерѣдко съ ожесточенiемъ; но щадили народъ, высшiя и нисшiя сословiя, берегли ихъ любовь и легко мирились между собою. Отъ того удѣльный перiодъ ознаменованъ цвѣтущимъ состоянiемъ городовъ, успѣхами промышленности, смягченiемъ нравовъ, могуществомъ Русской силы въ войнахъ съ сосѣдними народами. Удѣльная система принесла и прямую, существенную выгоду: послѣ бурнаго волненiя, болѣе двухъ вѣковъ державшаго нравственныя силы народа въ безпрерывномъ напряженiи, вездѣ, во всей Русской землѣ, вкоренились одинаковыя понятiя, желанiя, надежды, и Русскiй типъ такъ глубоко врѣзался, что въ послѣдствiи ни время, ни обстоятельства не могли изгладить нацiональнаго отпечатка.

Удѣльный перiодъ.

Возникнувъ въ одно время съ утвержденiемъ власти Норманновъ въ землѣ Славянской, удѣльная система существовала въ нашемъ отечествѣ до конца XVI вѣка, съ тѣмъ однако важнымъ различiемъ, что до половины XI вѣка она обнаруживалась, такъ сказать, промежутками и уступала внѣшнему расширенiю Норманнской стихiи; съ половины же XIII вѣка была подавляема властiю Монголовъ, а съ половины XV исчезала быстро предъ грознымъ самодержавiемъ; главною всеобщею пружиною внутренней и внѣшней жизни Русской она была около двухъ вѣковъ, отъ смерти Ярослава до покоренiя нашего отечества Монголами. Въ сiи два вѣка внутренняго боренiя элементовъ Руси, развилось и созрѣло удѣльное право, давъ начало и основанiе тѣмъ формамъ жизни общественной, въ которыхъ въ послѣдствiи возникла и образовалась, какъ стройное цѣлое, съ самобытнымъ характеромъ, Московская держава.

Отличительною чертою удѣльнаго перiода въ собственномъ смыслѣ (1054—1238) было неоднократное образованiе и уничтоженiе семейнаго господства въ одномъ родѣ: сначала оно возникло въ домѣ Ярослава и рушилось при внукахъ его; потомъ возобновилось въ родѣ Мономаха и рушилось при дѣтяхъ его; наконецъ возникло во многихъ поколѣнiяхъ и исчезло предъ властiю государей Московскихъ и Литовскихъ. Образованiе и уничтоженiе семейнаго господства было постоянно сопровождаемо спорами старшихъ поколѣнiй съ младшими; цѣль сихъ споровъ измѣнялась по

мѣрѣ развитія удѣльныхъ понятій: при дѣтяхъ и внукахъ Ярослава былъ споръ за удѣлы; при дѣтяхъ и внукахъ Мономаха за Кіевскій престолъ или за первенство; наконецъ послѣ Юрія Долгорукаго обнаружилась распря между многими княжествами, какъ независимыми государствами, въ которыхъ сверхъ того повторялась исторія Ярославичей и дѣтей Владиміровыхъ. Такимъ образомъ удѣльный періодъ представляетъ четыре главныя явленія: 1) споры дѣтей и внуковъ Ярослава за удѣлы; 2) возвышеніе дома Владиміра Мономаха; 3) паденіе дома Владиміра Мономаха и споры князей за первенство; 4) раздробленіе Руси на многія княжества независимыя.

II. СПОРЫ ДѢТЕЙ И ВНУКОВЪ ЯРОСЛАВА I ЗА УДѢЛЫ [1].

1054 — 1113.

…щаніе Ярослава.

Ярославъ, руководствуясь современнымъ понятіемъ о правѣ собственности, на смертномъ одрѣ, раздѣлилъ Русскую землю между своими сыновьями на пять удѣловъ: старшему, *Изяславу* далъ княжества Кіевское и Новгородское, *Святославу* Черниговское, *Всеволоду* Переяславское, *Вячеславу* Смоленское, *Игорю* Владимірское на Волыни [2]. Поручивъ обѣ столицы старшему сыну, Ярославъ присвоилъ ему титулъ великаго князя, съ правомъ быть главою Руси, покровительствовать младшихъ братьевъ, мирить ихъ въ случаѣ споровъ и защищать притѣсняемаго.

Система господства, опредѣленнаго Ярославомъ, имѣла три главныя основанія:

1) Право на удѣлъ только старшихъ представителей княжескаго дома и безудѣльность младшихъ. Къ старшему колѣну принадлежали пять сыновей его; къ младшему два внука, невключенные имъ въ число удѣльныхъ князей, родной *Ростиславъ* Владиміровичъ и двоюродный *Всеславъ* Брячиславичъ Полоцкій.

2) Право удѣльныхъ князей на пожизненную неотъемлемость предоставленнаго имъ участка, безъ опредѣленія впрочемъ порядка престолонаслѣдія.

1. Русская лѣтопись по Лаврентьевскому списку.
2. Къ удѣлу Черниговскому принадлежали Черниговъ, Тмуторакань (на полуостровѣ Таманѣ), Рязань, Муромъ и страна Вятичей; къ Переяславскому Переяславль, Ростовъ, Суздаль, Бѣлоозеро и Поволжье. Удѣлъ Владимірскій простирался до Сана и Карпатскихъ горъ.

3) Право великаго князя или старшаго въ родѣ быть главою Руси, посредникомъ, миротворцемъ, защитникомъ князей удѣльныхъ.

Установленная Ярославомъ система господства, основанная на правѣ власти только старшихъ представителей княжескаго дома, съ одной стороны поддерживала мысль о политическомъ единствѣ Руси, соединяя удѣлы въ одно цѣлое кровнымъ родствомъ князей, вѣрою, внутреннимъ убѣжденіемъ въ необходимости согласія для обороны отъ враговъ внѣшнихъ; съ другой, заключала въ себѣ неизсякаемые источники распрей и влекла за собою непрерывную цѣпь княжескихъ междоусобій. Главные источники несогласія были: 1) неопредѣленность отношеній великаго князя къ удѣльнымъ; 2) устраненіе младшихъ поколѣній отъ удѣловъ; 3) слабость первыхъ преемниковъ Ярославовыхъ. Источники споровъ.

По завѣщанію Ярослава, великій князь долженствовалъ быть главою Руси; но преемникъ его не могъ требовать отъ своихъ братьевъ такой же покорности, какою они обязаны были отцу; они видѣли въ старшемъ братѣ не столько государя, сколько равнаго себѣ владѣтеля; мысль о равенствѣ вкоренилась глубже, чѣмъ мысль о подчиненности: удѣлы были неотъемлемы. Князья, пользуясь всѣми правами независимости, не могли жить мирно другъ съ другомъ, уже по однимъ спорамъ за границы; при воинскомъ же духѣ Норманнскомъ, при безпокойной дѣятельности, эти споры были безконечны, тѣмъ болѣе, что дѣлежъ былъ неравенъ.

Первымъ поводомъ къ распрямъ было устраненіе младшихъ поколѣній отъ удѣловъ: Ярославъ, поручивъ Русскую землю только дѣтямъ и не давъ ничего внукамъ, хотѣлъ, кажется, установить закономъ, что младшее поколѣніе не имѣетъ права на удѣлъ, доколѣ старшее не угасло. По крайней мѣрѣ, и онъ, и первые преемники его (Изяславъ и Всеволодъ) слѣдовали этому правилу, т. е. не давали участковъ младшимъ въ родѣ потомкамъ св. Владиміра, хотя въ то же время своимъ дѣтямъ удѣлы назначали. Племянники и внуки считали себя обиженными и, по свойственному Норманнамъ обыкновенію, добывали области оружіемъ.

Въ такихъ обстоятельствахъ, князь Кіевскій могъ удержать за собою первенство, съ правомъ повелѣвать своими

братьями, только при помощи особеннаго ума и твердой воли; къ несчастію на Кіевскомъ престолѣ, въ теченіе 60 лѣтъ по смерти Ярослава, являлись одинъ за другимъ три слабые государя: Изяславъ I, Всеволодъ I и Святополкъ II; они малодушіемъ своимъ постепенно унижали санъ великаго князя, между тѣмъ, какъ удѣльные владѣтели, Святославъ Черниговскій, Олегъ, Романъ, Глѣбъ Святославичи, Всеславъ Полоцкій, Ростиславъ Владиміровичъ, дѣти его Володарь и Василько, Владиміръ Мономахъ, отличались силою души, властолюбіемъ, всѣми свойствами Норманнской удали.

Половцы. Князья властолюбивые или безпокойные легко находили средства къ достиженію своей цѣли, по крайней мѣрѣ къ войнѣ продолжительной и упорной, среди Половцевъ, народа дикаго, неразбиравшаго, кому принадлежало право на престолъ, готоваго по первому призыву явиться въ Русской землѣ, чтобы грабить ее. Орды Половецкія, неизвѣстнаго, кочующаго племени, приблизились отъ Каспійскаго моря къ юговосточнымъ предѣламъ Руси въ послѣдніе годы княженія Ярославова, частію вытѣснивъ, частію покоривъ остатки Печенѣговъ. Многочисленныя *вежи* ихъ покрывали все пространство отъ береговъ Прута до самой Волги. Не зная земледѣлія, Половцы питались скотоводствомъ, еще болѣе добычею грабежа, и неутомимо вторгались въ сосѣдственныя земли, особенно въ южныя области Руси, открытыя для ихъ набѣговъ. Къ нимъ-то обыкновенно обращались князья, тѣснимые соперниками, и всегда находили толпы грабителей; болѣе всѣхъ искали ихъ помощи князья Черниговскіе.

Изяславъ I. 1054 — 1078. Междоусобія начались враждою старшихъ поколѣній съ младшими, Ярославичей съ племянниками, Ростиславомъ Владиміровичемъ и Всеславомъ Брячиславичемъ. Ростиславъ, обдѣленный дѣдомъ, жилъ праздно въ Новгородѣ, гдѣ при Ярославѣ княжилъ отецъ его Владиміръ. Подстрекаемый воинственнымъ духомъ, онъ собралъ смѣлую дружину изъ
1064. Новгородцевъ, напалъ на Тмутаракань, область Черниговскаго
1066. скаго князя Святослава, овладѣлъ ею и выгналъ оттуда Глѣба Святославича. Это междоусобіе вскорѣ прекратилось смертію Ростислава, отравленнаго Греками, которые опасались честолюбивыхъ замысловъ его на Тавриду.

Гораздо долѣе безпокоилъ Ярославичей Всеславъ Полоц-

кій, обдѣленный, подобно Ростиславу, при раздѣлѣ Русской земли; онъ не хотѣлъ уступить имъ Полоцкъ, гдѣ княжили дѣдъ его Изяславъ, старшій сынъ Владиміра св. и отецъ, Брячиславъ, соперникъ Ярославовъ; даже думалъ овладѣть Новгородомъ: напалъ на него нечаянно и ограбилъ Софійскую церковь. Ярославичи спѣшили смирить его, вступили въ область Полоцкую, взяли Минскъ, разбили самого Всеслава, и заманивъ къ себѣ подъ предлогомъ переговоровъ, вѣроломно заключили въ Кіевѣ въ темницу. Управившись съ сыномъ Брячиславовымъ, они спѣшили отразить Половцевъ, опустошавшихъ область Кіевскую; но сами были разбиты ими на берегахъ Альты и едва спаслись бѣгствомъ. Изяславъ и Всеволодъ укрылись въ Кіевѣ, Святославъ въ Черниговѣ. Кіевляне, увидѣвъ бѣгущаго князя, взволновались и требовали оружія, чтобы снова итти въ битву; Изяславъ не хотѣлъ вести ихъ; вспыхнулъ мятежъ; онъ не могъ усмирить его. Народъ освободилъ Всеслава и провозгласилъ его великимъ княземъ. Изяславъ бѣжалъ въ Польшу, къ двоюродному брату своему, королю Болеславу 1069.
II, сыну Маріи Владиміровны, взялъ у него войско и при помощи Поляковъ снова овладѣлъ престоломъ. Всеславъ успѣлъ скрыться въ Полоцкѣ. Тишина водворилась, но на краткое время.

Во время Всеславова княженія въ Кіевѣ, Святославъ Черниговскій занялъ Новгородъ и не только не хотѣлъ уступить его Изяславу, возвратившемуся изъ Польши, но и самый Кіевъ рѣшился отнять у старшаго брата, недостойнаго быть главою Руси. Съ княземъ Черниговскимъ соеди- 1073.
нился Всеволодъ Переяславскій. Изяславъ вторично бѣжалъ изъ отечества, болѣе 4 лѣтъ скитался на чужбинѣ, искалъ покровительства у Болеслава II, у Генриха IV, императора Нѣмецкаго, у самого папы Григорія VII, который воспользовался этимъ случаемъ, чтобы причислить Русь къ папскимъ владѣніямъ [1]. Болеславъ не хотѣлъ вступиться за князя Кіевскаго; императоръ же и папа убѣждали Святослава примириться съ нимъ. Но слабыя старанія ихъ оста- 1077.
вались безплодными до самой смерти князя Черниговскаго: тогда Всеволодъ, невольный участникъ ссоры, примирился съ старшимъ братомъ и возвратилъ ему Кіевскій престолъ.

Еще прежде Святослава умерли Игорь и Вячеславъ,

1. Булла Григорія VII къ Изяславу, 1076, въ актахъ, собранныхъ Тургеневымъ. I. 1841.

князья Владимірскій и Смоленскій. Изъ Ярославичей остались только двое: Изяславъ и Всеволодъ. Они раздѣлили между собою землю Русскую на двѣ половины; хотѣли изгнать Всеслава изъ Полоцка, не дали удѣловъ племянникамъ, Борису Вячеславичу, Олегу и Роману Святославичамъ, Давиду Игоревичу; назначили только участки своимъ дѣтямъ. Этотъ дѣлежъ произвелъ новое междоусобіе: племянники искали удѣловъ вооруженною рукою. Всеславъ не думалъ уступить Полоцкъ, отбился отъ Всеволода и сына его Владиміра Мономаха. Олегъ же Святославичъ, въ союзѣ съ Борисомъ Вячеславичемъ, призвалъ на помощь Половцевъ, выгналъ Всеволода изъ Чернигова, сразился съ Изяславомъ, помогавшимъ брату, проигралъ битву и бѣжалъ въ Тмутаракань. Но эта битва стоила жизни великому князю и Борису.

Всеволодъ I. 1078 — 1093.

Главою Руси, болѣе именемъ и правомъ, нежели самымъ дѣломъ, остался одинъ Ярославичъ, Всеволодъ: онъ занялъ престолъ великокняжескій и утвердилъ дѣтей Изяславовыхъ въ отведенныхъ имъ удѣлахъ, а сыну своему Владиміру отдавъ Черниговъ, продолжалъ начатое предшественникомъ его усмиреніе строптивыхъ племянниковъ. Но не ему было управиться съ княземъ Полоцкимъ и Святославичами: первый воевалъ съ нимъ неутомимо, опустошая Смоленскую область; Святославичи приходили съ Половцами изъ Тмутаракани: даже Изяславичи, облагодѣтельствованные дядею, были недовольны своими удѣлами, требовали новыхъ и вооружались на Всеволода. Народъ между тѣмъ роптал на слабость государя, неумѣвшаго унять тіуновъ и намѣстниковъ; Половцы вторгались непрестанно и только мечъ Мономаховъ могъ обуздать враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ.

Святополкъ Изяславичъ. 1093—1113.

Смерть послѣдняго Ярославича, Всеволода, развязала руки князьямъ втораго колѣна Ярославова, внукамъ его. Они приступили къ дѣлежу земли Русской, предоставивъ титулъ великаго князя старшему въ родѣ, Святополку Изяславичу, князю малодушному и вѣроломному. Этотъ дѣлежъ въ самомъ началѣ разсорилъ всѣхъ князей: каждый изъ нихъ хотѣлъ увеличить свой удѣлъ. Святополкъ, вмѣсто примиренія двоюродныхъ братьевъ, коварными дѣйствіями ссорилъ ихъ другъ съ другомъ и съ самимъ собою. Четыре года враждовали князья, изгоняли одинъ другаго и равно-

душно смотрѣли на частыя вторженія Половцевъ, опустошавшихъ южныя области Руси. Владиміръ Мономахъ, сокрушаясь о бѣдствіяхъ отечества и готовясь нанести лютымъ врагамъ ударъ рѣшительный, пригласилъ князей на *съѣздъ* въ Любечъ, гдѣ, съ общаго согласія, раздѣлили Русь, 1097.
принявъ въ основаніе правило, что дѣтямъ припадлежитъ удѣлъ отцовскій. Святополку Изяславичу отдали Кіевъ, какъ столицу великокняжескую, и Туровъ, какъ отчину; Владиміру Мономаху, кромѣ наслѣдственной области Переяславской, Смоленскъ; Святославичамъ: Олегу Черниговъ, Давиду Рязань, Ярославу Муромъ; Давиду Игоревичу Владиміръ Волынскій; сверхъ того утвердили за племянниками, Мстиславомъ сыномъ Мономаха Новгородъ, за Ростиславичами Володаремъ и Василькомъ Перемышль и Теребовль. Всеславъ Полоцкій не участвовалъ въ княжескомъ съѣздѣ и удержалъ за собою Полоцкъ. Князья клялись жить мирно, рѣшать споры общимъ согласіемъ и обязались крестнымъ цѣлованіемъ защищать другъ друга отъ всякаго притѣснителя.

Договоръ въ Любечѣ положилъ прочное основаніе самостоятельности князей удѣльныхъ, предоставивъ наслѣдственное право поколѣніямъ на отцовскіе участки и власть судить самого великаго князя въ случаѣ его несправедливости. Но тишина не могла быть долговременною; въ дѣлежѣ заключались сѣмена распрей. Мономахъ, присвоивъ Новгородъ и Смоленскъ, вооружалъ противъ себя роды Изяслава, Вячеслава, Святослава, и только страхомъ своего имени могъ обуздывать ихъ, накликая грозу на дѣтей и внуковъ; Давидъ Игоревичъ съ своей стороны завидовалъ Ростиславичамъ, за отдѣленіе имъ лучшей части отцовскаго удѣла; а великій князь, лишенный даже права посредничества, думалъ самъ о присвоеніи Червенской области, гдѣ господствовали Володарь и Василько. Вражда вскорѣ обнаружилась злодѣйствомъ, дотолѣ неслыханнымъ, ослѣпленіемъ Василька Ростиславича Теребовльскаго въ Кіевѣ, по приказанію вѣроломнаго Святополка, въ слѣдствіе наущеній Давида Игоревича. Этотъ поступокъ вооружилъ всѣхъ князей удѣльныхъ на Святополка: предводимые Мономахомъ и 1097.
Олегомъ, они подступили къ Кіеву съ войскомъ и грозно требовали отвѣта отъ великаго князя, для чего онъ не хотѣлъ судиться *судомъ княжескимъ*, если Василько былъ виновенъ? Святополкъ сложилъ всю вину на Давида и обя-

зался наказать его; но вступивъ въ Волынь, обратилъ оружіе на Ростиславичей. Разбитый ими на голову, призвалъ на помощь короля Венгерскаго Коломана, который съ великими силами вступилъ въ Червенскую область. Давидъ, между тѣмъ примирившись съ Ростиславичами, призвалъ Половцевъ, подъ начальствомъ храбраго Боняка, ограбившаго за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ самый Кіевъ, и мужественный Володарь, подкрѣпленный имъ, снова поразилъ Святополка и Коломана близъ Перемышля. Венгры были изгнаны; но кровавая брань запылала въ югозападной Руси, между Святополкомъ, Давидомъ и Ростиславичами; въ тоже время Половцы опустошали края юговосточные. Мономахъ снова успѣлъ созвать князей на съѣздъ, близъ Кіева, чтобы примирить ослѣпленныхъ родственниковъ и снова успѣлъ. Давидъ, лишенный, общимъ приговоромъ двоюродныхъ братьевъ, Владиміра Волынскаго, отданнаго сыну Святополкову Ярославу, смирился и долженъ былъ довольствоваться однимъ Бужскомъ [1]. Прочіе князья остались при своихъ удѣлахъ. Вскорѣ водворилась всеобщая тишина внутренняя.

Примиреніе князей было слѣдствіемъ не столько искренняго желанія мира, сколько внѣшней опасности отечества, громимаго Половцами: пользуясь раздорами нашими, они неутомимо опустошали Русь во все время княженія Святополкова, разрушили многіе города, построенные Владиміромъ и Ярославомъ I на берегахъ Роси, Сулы, Десны, врывались въ самый Кіевъ. Напрасно думалъ Святополкъ родственнымъ союзомъ прекратить ихъ набѣги, и женился на дочери хана Половецкаго Тугоркана: дружба одного хана не мѣшала другимъ тревожить Русь. Князья нерѣдко соединяли свои силы, чтобы наказать варваровъ; но дѣйствуя несогласно, только губили свои рати и внушали врагамъ новую дерзость. Одинъ Мономахъ умѣлъ съ ними управляться: уже при отцѣ своемъ Всеволодѣ, онъ славился счастливыми походами въ землю Половецкую; при Святополкѣ же, господствуя въ области Переяславской, болѣе другихъ подверженной набѣгамъ грабителей, былъ грознымъ бичемъ ихъ и стражемъ отечества: полонивъ въ разное время болѣе ста лучшихъ хановъ, онъ выпустилъ ихъ изъ неволи, а болѣе двухъ сотъ казнилъ и потопилъ [2].

1 Въ Несторѣ.
2 Въ его поученіи дѣтямъ.

Частные успѣхи его не могли однакожъ даровать государству желаемой безопасности; силы Половцевъ съ каждымъ годомъ возрастали и грозили новыми бѣдствіями. На послѣднемъ съѣздѣ Мономахъ убѣдилъ всѣхъ князей, даже Полоцкаго Давида Всеславича, соединить свои силы, чтобы дружнымъ ударомъ избавить Русь отъ лютыхъ злодѣевъ, и повелъ союзные полки за Донъ, въ средину земли Половецкой, куда, кромѣ древняго Святослава, ни одинъ Русскій князь не дерзалъ углубляться; враги сдвинули свои вежи и окружили его воинство со всѣхъ сторонъ на берегахъ Сала [1]. Но рѣшительная побѣда Русскихъ, сокрушивъ главныя силы Половцевъ, надолго обуздала ихъ, и что всего важнѣе, доставила Мономаху верховное господство надъ Русью.

III. ВОЗВЫШЕНІЕ ДОМА ВЛАДИМІРА МОНОМАХА.

1113 — 1132.

Въ продолженіе 30 лѣтъ, во все время правленія Всеволода и Святополка, бывъ посредникомъ въ княжескихъ распряхъ, общимъ миротворцемъ, стражемъ отечества отъ лютыхъ Половцевъ, Мономахъ возвышался надъ всѣми современными князьями дальновидною политикою, твердостью, мужествомъ; народъ привыкъ видѣть въ немъ главу Руси. Послѣднія же побѣды надъ Половцами озарили его такою славою, что имя его, по сказанію лѣтописцевъ, гремѣло на востокѣ и западѣ, и Кіевляне, по смерти Святополка, не хотѣли никого видѣть на великокняжескомъ престолѣ, кромѣ Мономаха. Достоинство великаго князя, по праву, принадлежало князьямъ Черниговскимъ, которыхъ отецъ, Святославъ Ярославичъ, былъ старѣе Мономахова, Всеволода. Но Святославичи, при всеобщемъ желаніи народа, при могуществѣ Мономаха, не смѣли спорить съ нимъ о правѣ на Кіевъ, и вмѣстѣ съ другими признали его главою Руси.

Владиміръ Мономахъ. 1113 — 11

Присвоеніе Мономахомъ великокняжеской власти, мимо старшихъ братьевъ, произвело важную перемѣну въ удѣльной системѣ, бывшую слѣдствіемъ его политики. При свѣтломъ взглядѣ на современныя событія [2], онъ легко ви-

1. Салъ впадаетъ въ Донъ съ лѣвой стороны, въ землѣ Донскихъ Казаковъ.
2. Поученіе его дѣтямъ.

[illegible] Руси [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] Русской [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] Руси [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] присоединить къ отчинѣ своей, въ Переяславлю, Новгородъ, Смоленскъ, частію Черниговъ. Оставалось утвердить за собою Кіевъ, владѣтель котораго могъ еще быть главою Руси. Обстоятельства благопріятствовали: сильнѣйшихъ соперниковъ уже не было въ живыхъ, ни Всеслава Полоцкаго, ни Олега Черниговскаго, ни Володаря Перемышльскаго: всѣ они умерли прежде Мономаха [1]. Дѣти ихъ наслѣдовали отцовскіе удѣлы: но владѣли ими до тѣхъ только поръ, доколѣ исполняли волю великаго князя. Непокорные были укрощаемы рѣшительными мѣрами и теряли свои области, которыя переходили въ родъ Мономаховъ. Эта участь постигла сперва сына Всеславова, Глѣба князя Минскаго, потомъ сына Святополкова, Ярослава князя Владимірскаго: первый за непокорность взятъ былъ въ плѣнъ и умеръ въ Кіевской темницѣ; второй, также раздражившій Мономаха, тщетно искалъ помощи Венгровъ и Поляковъ: самъ потерялъ жизнь въ борьбѣ неравной: владѣнія были изгнаны: удѣлъ его отданъ одному изъ сыновей Владиміровыхъ, Андрею. Новгородцы съ своей стороны испытали строгость великаго князя: онъ смирилъ ихъ строптивость заточеніемъ знатнѣйшихъ гражданъ и далъ имъ въ посадники Кіевскаго вельможу.

Слѣдуя постоянно системѣ фамильнаго господства въ своемъ родѣ, Владиміръ утвердилъ большую часть Руси за своими дѣтьми и внуками, Кіевъ, Новгородъ, Смоленскъ, Суздаль, Переяславль, Владиміръ Волынскій; оставались неподвластными его дому только княжества Черниговское, Полоцкое и Червенское, гдѣ господствовали потомки другихъ поколѣній, Святослава, Всеслава и Ростислава, не смѣя однакожъ раздражать великаго князя неповиновеніемъ.

1. Всеславъ въ 1101, Олегъ въ 1115, Володарь въ 1124.

Власть его не уступала Ярославовой. Скрѣпивъ Русь внутри, сосредоточивъ всѣ силы ея въ своей державной десницѣ, онъ въ тоже время старался оградить ее извнѣ: Мстиславъ смирилъ мятежную Чудь; Всеволодъ Мстиславичъ Новгородскій, внукъ Мономаховъ, совершилъ походъ въ Финляндію, Юрій Суздальскій въ Камскую Болгарію, Ярополкъ Переяславскій въ землю Половецкую: они вездѣ одолѣвали враговъ, и Русь по прежнему стала грозною для сосѣдей. Между тѣмъ самъ Мономахъ объѣзжалъ свои области, строилъ города (Владиміръ на Клязьмѣ), воздвигалъ каменныя стѣны (въ Новгородѣ и Ладогѣ), созидалъ церкви, наводилъ мосты (чрезъ Днѣпръ), издавалъ законы (о ростахъ или процентахъ).

Хитрою политикою, громкими побѣдами, истинными заслугами, успѣвъ присвоить себѣ большую часть Руси и установить наслѣдство великокняжеской власти въ своемъ родѣ, подобно Ярославу, Мономахъ передалъ пріобрѣтенное имъ право своимъ дѣтямъ, возложивъ на нихъ трудную обязанность утвердить новый порядокъ вещей. Первый преемникъ, старшій сынъ его, Мстиславъ съ искусствомъ и успѣхомъ слѣдовалъ политикѣ отцовской, имѣвшей цѣлью возвратить великому князю прежнюю силу, верховное первенство, и утвердить его достоинство за однимъ родомъ со всею Русью. Для достиженія этой цѣли, Мстиславъ держалъ удѣльныхъ князей, своихъ братьевъ и племянниковъ, въ повиновеніи безпрекословномъ, требуя строго, чтобы каждый изъ нихъ довольствовался своею областью; князей же другаго племени, Святославичей, Всеславичей, Ростиславичей, обуздывалъ мѣрами рѣшительными, хотѣлъ быть миротворцемъ ихъ и не давалъ пощады непокорнымъ. Самымъ разительнымъ доказательствомъ его силы и очевиднаго стремленія къ фамильному господству было изгнаніе князей Полоцкихъ. Какъ потомки старшаго сына Владиміра св. Изяслава, наслѣдовавъ отъ праматери своей Рогнѣды непримиримую ненависть къ Ярославичамъ, они хотѣли быть независимы, искали всегда случая вредить имъ и не щадили отечества. Всеславъ около 57 лѣтъ неутомимо враждовалъ Изяславу, Всеволоду, Святополку, и былъ опаснѣе даже враговъ иноземныхъ. Мономахъ приготовилъ паденіе этого враждебнаго дома, успѣвъ обуздать князя Минскаго; Мстиславъ сдѣлалъ болѣе: соединилъ подъ свои знамена всѣхъ князей,

Мстиславъ I 1125—1132

исключая однихъ Ростиславичей, и послалъ ихъ въ землю
1128. Полоцкую брать города, полонить князей; успѣхъ былъ совершенный: всѣ князья Полоцкіе, три сына и два внука Всеславовы [1], съ женами и дѣтьми, отвезены въ Константинополь. Княжества Полоцкое и Минское отданы Изяславу Мстиславичу.

Завоеваніемъ Полоцкой области, Мстиславъ довершилъ планы Мономаха: самъ грозно и твердо, какъ глава и миротворецъ, господствовалъ въ Кіевѣ и Смоленскѣ; братья его княжили: Ярополкъ въ Переяславлѣ, Вячеславъ въ Туровѣ, Андрей въ Владимірѣ, Юрій Долгорукій въ Суздалѣ; дѣти: Всеволодъ въ Новгородѣ, Изяславъ въ Полоцкѣ и Минскѣ. Оставались только два удѣла не въ родѣ Мономаховомъ, Черниговскій, гдѣ княжилъ Всеволодъ Ольговичъ въ спорѣ съ дядею и двоюродными братьями, и Червенскій, гдѣ господствовали также несогласные потомки Володаря и Василька. Сіи удѣлы, стѣсняемые со всѣхъ сторонъ дѣтьми Мономаха, должны были исчезнуть сами собою отъ собственныхъ раздоровъ; надобно было только предупредить распри въ самомъ домѣ Мономаховомъ. Мстиславъ видѣлъ опасность и старался устранить ее, назначивъ престолъ, по смерти брата своего Ярополка, сыну своему Всеволоду, уже господствовавшему въ Новгородѣ. Этою мѣрою установлялся порядокъ престолонаслѣдія по низходящей линіи. Но вопреки дальновиднымъ расчетамъ и планамъ Мстислава, междоусобія, по смерти его, запылали съ большею яростію, чѣмъ прежде: распри князей, изъ споровъ дядей съ племянниками, обратились въ злобу родовую, во вражду поколѣній; стремленіе частей къ самобытности стало неодолимо.

IV. СПОРЫ КНЯЗЕЙ ЗА ПЕРВЕНСТВО [2].

1132 — 1157.

[illegible] Упрочивъ власть надъ Русью въ своемъ родѣ, Мономахъ надѣялся, подобно Ярославу, что при господствѣ одной фамиліи, кровное родство князей будетъ вѣрнѣйшимъ залогомъ цѣлости государственной и тишины внутренней; и

[1] Князья Ростиславъ и Святославъ Всеславичи, Василько и Іоаннъ Рогволдовичи.
[2] Русскія лѣтописи по спискамъ Кенигсбергскому, Ипатьевскому и Новгородскому.

тотъ и другой равно обманулись: источники распрей остались тѣже; въ исторіи потомковъ Мономаха повторилась исторія Ярославичей: дѣти его, исключая Мстислава, были малодушны, слабы, или вѣроломны, а внуки его отличались мужествомъ, смѣлостью, всѣми свойствами витязей Норманнскихъ. Вражда за дѣлежъ между дядями и племянниками была неизбѣжна.

Сверхъ того, присвоеніе младшимъ родомъ первенства и большей части Руси, уничтоживъ мысль о законности старѣйшинства, опредѣлявшаго порядокъ наслѣдства великокняжеской власти, открыло обширное поприще властолюбію князей безпокойныхъ, въ самомъ родѣ Мономаховомъ, и дало имъ смѣлость итти по слѣдамъ его. Тѣмъ менѣе думали отказаться отъ своего права старшіе потомки Ярославовы, князья Черниговскіе, что Кіевскій престолъ послѣ Мстислава былъ пріобрѣтеніемъ завиднымъ.

Въ слѣдствіе сего, возобновленная Мономахомъ Ярославова система рушилась: 1) отъ междоусобія дѣтей и внуковъ его, отъ вражды дядей съ племянниками; 2) отъ стремленія къ первенству князей Черниговскихъ, увлекшихъ за собою и другія поколѣнія.

Ярополкъ Вл… диміровичъ. 1132—1139.

Междоусобія въ родѣ Мономаховомъ обнаружились немедленно по вступленіи на престолъ Кіевскій слабаго Ярополка Владиміровича. Мстиславъ, передавая ему великокняжеское достоинство, обязалъ его договоромъ уступить въ удѣлъ сыну своему Всеволоду князю Новгородскому Переяславль, отчину Мономахову, съ коею соединялась уже мысль о правѣ на престолъ Кіевскій. Ярополкъ хотѣлъ исполнить договоръ; но братъ его Юрій, властолюбивый князь Суздальскій, самъ помышляя о Кіевѣ, выгналъ Всеволода изъ Переяславля; Ярополкъ, не умѣя поддержать своихъ распоряженій рѣшительными мѣрами, и въ тоже время проникая замыслы Юрія, отдалъ Переяславль брату своему Вячеславу, который согласился въ замѣнъ уступить свой удѣльный городъ Туровъ племяннику, Изяславу Мстиславичу; но вскорѣ раздумалъ, вѣроятно устрашенный опаснымъ сосѣдствомъ Половцевъ, и возвратился въ Туровъ. Переяславлемъ снова завладѣлъ Юрій; а Изяславъ, оставшись безъ удѣла, обратился къ брату, Новгородскому князю Всеволоду; оба Мстиславича соединились съ князьями Черниговскими, Ольговичами, и пошли на дядей: Всеволодъ съ Новгородцами на

Юрія, Изяславъ съ Ольговичами, призвавшими Половцевъ, на Ярополка. Первый проигралъ битву на Ждановой горѣ и бывъ за то изгнанъ Новгородцами, удалился во Псковъ, гдѣ и умеръ; а второй, опустошивъ область Переяславскую, примирился съ Ярополкомъ и получилъ отъ него Владиміръ
1137. Волынскій. Переяславль отданъ былъ Андрею Владиміровичу.

Князья Черниговскіе искусно вмѣшались въ эту вражду, чтобы раздѣлить силы дома Мономахова и ослабивъ ихъ раздоромъ, присвоить первенство, принадлежавшее имъ по праву. Они начали съ Новгорода, воспользовавшись своеволіемъ народа, и утвердили тамъ власть свою. Но избранный Новгородцами Святославъ Ольговичъ не умѣлъ угодить буйной черни, былъ изгнанъ и попался въ руки соперниковъ. Братъ его Всеволодъ, призвавъ Половцевъ, опустошилъ южныя области Руси. Тогда всѣ дѣти и внуки Мономаха соединились дружнымъ союзомъ и подступили къ Чернигову; Всеволодъ смирился и, чтобы отклонить грозу, заключилъ договоръ, ожидая перваго случая разсорить Мономахово племя и овладѣть Кіевскимъ престоломъ. Этотъ случай вскорѣ представился: Ярополкъ умеръ; мѣсто его спѣшилъ занять
1139. Вячеславъ Владиміровичъ. Зная малодушіе и безпечность новаго великаго князя, князь Черниговскій быстро подступилъ къ Кіеву и выгналъ Вячеслава.

[illegible] Всѣ потомки Мономаховы вооружились на Ольговича, примкнувъ считать Кіевъ собственностію своего рода. Всеволодъ спѣшилъ предупредить грозу и, пославъ воеводъ противъ Изяслава Мстиславича и Вячеслава Владиміровича, самъ пошелъ на Андрея Переяславскаго, въ намѣреніи отнять удѣлъ его для брата, какъ будущаго преемника своего. Дѣти Мономаховы мужественною обороною удержали за собою свои удѣлы; но, не успѣвъ соединиться, принуждены были заключить миръ и оставить Всеволода спокойнымъ обладателемъ Кіева. Мстиславичи даже подружились съ нимъ, въ надеждѣ получить послѣ него Кіевскій престолъ, какъ онъ обѣщалъ имъ. Всеволоду оставалось смирить только двухъ князей, постоянно враждовавшихъ ему: Юрія Суздальскаго и Владимірка Галицкаго. Юрій, младшій сынъ Мономаха, будучи властолюбивѣе и коварнѣе старшихъ братьевъ, давно уже готовилъ себѣ Кіевскій престолъ, не спускалъ взора съ Переяславля, и всѣми мѣрами старался утвердить свое влі-

яніе въ Новгородѣ. Подстрекаемые его происками, буйные Новгородцы изгнали братьевъ и сыновей великаго князя; при всемъ томъ не могли поладить съ Юріемъ и предавались всѣмъ неистовствамъ необузданной свободы. Сынъ же знаменитаго Володаря Перемышльскаго, Владимірко, не менѣе честолюбивый, еще болѣе хитрый и далеко превосходившій Юрія мужествомъ, бичъ Поляковъ и Венгровъ, основавъ свою столицу въ Галичѣ на Днѣстрѣ, прибиралъ къ своимъ рукамъ удѣлы братьевъ, вмѣшивался въ раздоры князей сѣверной Руси, искалъ случая увеличить свою область и простиралъ свои замыслы на Владиміръ Волынскій, гдѣ господствовалъ сынъ великаго князя. Всеволодъ убѣдилъ своихъ братьевъ и домъ Мономаха предпринять походъ на Галичъ. Окруженный со всѣхъ сторонъ непріятельскимъ войскомъ, хитрый Владимірко склонилъ на свою сторону брата Всеволодова Игоря, обѣщаніемъ содѣйствовать ему къ восшествію на Кіевскій престолъ и заключилъ миръ; вскорѣ нарушилъ его изгнаніемъ племянника, Іоанна Берладника, покровительствуемаго Всеволодомъ, снова вооружилъ противъ себя всѣхъ Русскихъ князей и снова избѣгнулъ мщенія, мужественною обороною Звенигорода воеводою Иваномъ Халдѣевичемъ. Между тѣмъ Всеволодъ скончался, назначивъ преемникомъ себѣ брата своего Игоря. 1146.

Кіевляне, раздражаемые неправосудіемъ и грабительствомъ тіуновъ Всеволодовыхъ, требовали, чтобы Игорь удалилъ ихъ и, получивъ обѣщаніе, согласились признать его государемъ; но не видя исполненія даннаго имъ слова, предложили престолъ Изяславу Мстиславичу, внуку Мономахову, напоминавшему своего дѣда мужествомъ, благочестіемъ, привѣтливостію, стольже хитрому и честолюбивому. Онъ прибылъ съ войскомъ изъ Переяславля и съ радостію былъ провозглашенъ великимъ княземъ; Игоря же народъ заключилъ въ темницу. 1146.

Игорь Ольгович.

Овладѣвъ Кіевомъ, Изяславъ накликалъ на себя враговъ со всѣхъ сторонъ: князья Черниговскіе должны были вооружиться за право родственника и за право старѣйшихъ; сыновья Мономаховы тѣмъ менѣе могли простить дерзкому племяннику, что Вячеславъ уже былъ великимъ княземъ, а Юрій давно искалъ сего достоинства, и питалъ личную вражду къ Изяславу; Владимірку Галицкому, для вѣрнѣйшаго успѣха его замысловъ, хотѣлось видѣть въ Кіевѣ не

Изяславъ Мстиславичъ. 1146—1154.

мужественнаго Мстиславича, а слабаго Игоря. Престолъ его окруженъ былъ отвсюду опасностями, какъ скала, подмываемая бурнымъ моремъ. Онъ устоялъ на своемъ, одолѣлъ враговъ искусною политикою, геройскимъ мужествомъ и умеръ великимъ княземъ, но подъ громомъ браней междоусобныхъ, низринувшихъ престолъ великаго князя Кіевскаго и разорвавшихъ Русь на части.

Прежде всѣхъ вооружился Святославъ Ольговичъ, для освобожденія брата своего Игоря; въ слѣдъ за нимъ Юрій Суздальскій. Великій князь, дѣйствуя быстро и рѣшительно, отражалъ ихъ набѣги и опустошалъ ихъ собственныя области тѣмъ успѣшнѣе, что князья Черниговскіе, двоюродные братья Святославовы, Изяславъ и Владиміръ Давидовичи, держали его сторону. Вскорѣ однакожъ союзники коварно его оставили, соединившись съ врагами. Вѣроломство ихъ озлобило Кіевлянъ, любившихъ Изяслава: раздраженная
1147. чернь умертвила Игоря, уже схимника. Смерть его воспламенила войну всеобщую. Соперники дрались съ ожесточеніемъ. Къ счастію Изяслава, Юрій своею медленностію и коварною политикою раздражалъ союзниковъ, даже собственныхъ дѣтей, между тѣмъ, какъ сынъ Мстислава умѣлъ заслужить уваженіе самыхъ враговъ. Князья Черниговскіе предложили миръ, дали клятву блюсти Русскую землю заодно съ Изяславомъ и вооружились на Юрія, за покушеніе его овладѣть Новгородомъ.

Святославъ Ольговичъ не могъ однако забыть смерть брата и, считая великаго князя убійцею его, соединился съ княземъ Суздальскимъ, который осадилъ Переяславль. Подъ стѣнами этого города сразились соперники. Осторожный Юрій, пользуясь опрометчивостію племянника, разбилъ его наголову, овладѣлъ Переяславлемъ, вскорѣ самымъ Кіевомъ
1149. и распредѣлилъ удѣлы. Изгнанный Изяславъ, укрывшись въ Владиміръ Волынскій, нашелъ союзниковъ въ короляхъ Польскомъ, Венгерскомъ и Богемскомъ, которые привели ему свои войска. Но Юрій умѣлъ склонить иноземцевъ къ удаленію изъ Руси, заключилъ тѣсную дружбу съ Владимиркомъ Галицкимъ и послѣ успѣшныхъ дѣйствій въ Волыни, прославившихъ мужественнаго сына его Андрея, при-
1150. нудилъ племянника смириться. Изяславъ сложилъ съ себя достоинство великаго князя, которое, съ общаго согласія, предоставили старшему дядѣ его, Вячеславу, и удоволь-

ствовался Владимірскою областью, съ данями Новгородскими.

Юрій не исполнилъ договора, удержавъ Кіевъ за собою. Вражда запылала снова; Изяславъ быстро пошелъ на него, выгналъ его изъ столицы, удалилъ и другаго дядю Вячеслава; но въ свою очередь разбитый союзникомъ Юріевымъ, княземъ Галицкимъ, удалился въ область Владимірскую, съ твердымъ намѣреніемъ побѣдить дядю или умереть. Оставленный всѣми князьями Русскими, онъ заключилъ союзъ съ королемъ Венгерскимъ Гейзою, получилъ отъ него 10,000 воиновъ, воинскою хитростію обманулъ Владимірка, заслонявшаго ему дорогу къ Кіеву, и такъ быстро подступилъ къ столицѣ, что Юрій едва успѣлъ спастися бѣгствомъ. Кіевляне приняли его съ восторгомъ и снова провозгласили великимъ княземъ. Для лучшаго успѣха, онъ умѣлъ заслужить любовь добродушнаго Вячеслава, который охотно согласился раздѣлить съ нимъ престолъ и призналъ его сы- 1151.
номъ своимъ. Венгры возвратились восвояси. Юрій между тѣмъ собралъ войско, напрягъ всѣ силы свои, призвалъ Ольговичей, Половцевъ, и осадилъ Кіевъ. Вячеславъ убѣждалъ Юрія забыть вражду и прекратить кровопролитіе, говоря, что Изяславъ объявилъ его своимъ отцемъ и государемъ. Князь Суздальскій соглашался признать старшаго брата государемъ, но требовалъ, чтобы племянники, Изяславъ и братъ его Ростиславъ, князь Смоленскій, удалились изъ Кіева. Вячеславъ не хотѣлъ разстаться съ ними: тогда рѣшили дѣло битвою, подъ стѣнами Кіева, упорною и кровопролитною. Не взирая на мужество сына своего Андрея, 1152.
Юрій былъ разбитъ наголову и бѣжалъ въ Переяславль; изгнанный и отсюда, ушелъ въ Городню и ждалъ благопріятнѣйшихъ обстоятельствъ отъ союзника своего Владимірка.

Но Изяславъ, умѣя побѣждать, умѣлъ и пользоваться побѣдою. Онъ снова призвалъ на помощь вѣрнаго союзника своего короля Гейзу и вмѣстѣ съ нимъ поразилъ Владимірка на берегахъ Сана. Князь Галицкій едва успѣлъ укрыться въ Перемышлѣ, притворился тяжело раненнымъ и молилъ союзниковъ о пощадѣ. Изяславъ, зная характеръ его, хотѣлъ довершить месть. Но Гейза, поспѣшая отразить отъ своихъ предѣловъ императора Мануила, вступившагося за друга своего, князя Галицкаго, склонилъ союзниковъ къ миру и обязалъ общаго врага клятвою навсегда остаться

другомъ Изяславу. Владимірко, по удаленіи Гейзы, не думалъ исполнить договоръ, и снова замышлялъ походъ на Изяслава, услышавъ, что Юрій опять вооружился. Неожиданная смерть прекратила его замыселъ. Сынъ его Ярославъ ласкалъ великаго князя; но также слѣдовалъ поли-

1153. тикѣ отцовской: новая всеобщая война грозила отечеству. Изяславъ не успѣлъ примирить своихъ враговъ и умеръ, оплакиваемый, какъ отецъ, своими подданными.

Юрій Долгорукій. 1154—1157.

Вячеславъ, переживъ племянника, котораго онъ любилъ какъ сына, призвалъ на престолъ великокняжескій другаго Мстиславича, Ростислава, князя Смоленскаго. Но ни князья Черниговскіе, ни Юрій не хотѣли признать его государемъ и сами искали Кіева. Изяславъ Давидовичъ выгналъ Ростислава, а Юрій вытѣснилъ Изяслава, и сѣлъ на Кіев-

1155. скомъ престолѣ. Онъ достигъ наконецъ своей цѣли, уже въ старости, и хотя по смерти Вячеслава имѣлъ болѣе другихъ право на первенство; но ни князья, ни подданные не любили его. Впрочемъ безпрерывныя междоусобія такъ всѣхъ утомили, что съ восшествіемъ Юрія на престолъ, водворилась тишина въ Руси, только не долговременная. Мстиславъ Изяславичъ, сынъ главнаго врага Юріева, не хотѣлъ признать его великимъ княземъ и дѣйствовалъ въ Волыни, какъ непріятель. Князья Черниговскіе соединились съ нимъ тѣснымъ союзомъ, къ которому пристали и другіе князья. Всеобщее междоусобіе готово было вспыхнуть: смерть Юрія

1157. предупредила его. Насталъ новый порядокъ вещей.

V. РАЗДРОБЛЕНІЕ РУСИ НА КНЯЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫЯ.

1157 — 1238.

Самостоятельность поколѣній.

Смертью Юрія Долгорукаго рушилась установленная Мономахомъ система соединенія Русскихъ княжествъ въ одно цѣлое властію великаго князя Кіевскаго. Доселѣ, въ продолженіе 100 лѣтъ, не взирая на явное стремленіе удѣльныхъ владѣтелей къ самостоятельности, не могла исчезнуть мысль о первенствѣ князя Кіевскаго, о зависимости отъ него удѣльныхъ. На престолъ его смотрѣли, какъ на опору верховной власти, и каждый князь, успѣвавшій утвердиться въ Кіевѣ, даже безъ законнаго права, далеко превосходилъ всѣхъ другихъ силою и мало по малу пріучалъ ихъ

къ повиновенію: такъ господствовали Всеволодъ Ольговичъ, Изяславъ Мстиславичъ, самъ Юрій Долгорукій, возсѣвшій уже на развалинахъ, ненавистный родственникамъ и народу. Онъ былъ послѣднимъ.

Понятіе о правѣ поколѣній на власть наслѣдственную, на самостоятельность неограниченную, достигло полнаго развитія, уничтожило понятіе о первенствѣ Кіевскаго владѣтеля, разорвало союзъ частей и раздробило Русь въ родѣ Владиміра св. на множество княжествъ независимыхъ, изъ коихъ каждое представляло міръ отдѣльный, принадлежало исключительно одной фамиліи и дробилось въ отрасляхъ ея на новыя княжества. Здѣсь вездѣ повторялась исторія прежней Руси, только въ меньшемъ объемѣ, ограничиваясь отраслями одного рода: тѣ же междоусобія дядей съ племянниками, тоже стремленіе къ первенству однѣхъ фамилій, противодѣйствіе другихъ. При внутреннемъ волненіи, княжества еще сталкивались другъ съ другомъ за право владѣнія Кіевомъ или Новгородомъ, переходившими изъ одного рода въ другой, и это столкновеніе было поводомъ къ новымъ распрямъ.

Рѣшительное стремленіе къ отдѣльной самостоятельности обнаружилось вскорѣ по смерти Мстислава Великаго, во всѣхъ потомкахъ Владиміра св. Многіе роды угасли, не достигнувъ этой цѣли; другіе же, пользуясь слабостію преемниковъ Мстислава, въ особенности враждою Ольговичей съ дѣтьми и внуками Мономаха, утвердили наслѣдственную власть въ пріобрѣтенныхъ ими удѣлахъ и передали ее своимъ потомкамъ. Четыре главныя отрасли, раздѣлившіяся въ концѣ XII и въ началѣ XIII столѣтія на многія вѣтви, господствовали въ Русской землѣ отъ смерти Юрія до нашествія Монголовъ: I, въ родѣ Всеслава Полоцкаго; II, Володаря Перемышльскаго; III, Святослава Черниговскаго и IV, Владиміра Мономаха. Главныя поколѣнія.

Родъ Всеслава Полоцкаго былъ старшею отраслію Владиміра св. Онъ господствовалъ до Мстислава Великаго въ Полоцкѣ, Друцкѣ, Минскѣ, Логожскѣ, Лукомлѣ, и другихъ городахъ земли Кривской, раздѣляясь на два главные дома, князей Полоцкихъ и Минскихъ; ранѣе всѣхъ другихъ потомковъ Владиміра св. хотѣлъ быть независимымъ, и не признавая первенства великаго князя Кіевскаго, постоянно враждовалъ дому Ярослава Мудраго. Потрясенный Влади- Князья Полоцкіе.

міромъ Мономахомъ, изгнанный въ Грецію Мстиславомъ I, родъ Всеславовъ успѣлъ снова утвердиться въ наслѣдственной области, при слабомъ Ярополкѣ, и съ тѣхъ поръ господствовалъ въ ней независимо до начала XIV вѣка. Внутреннія междоусобія свирѣпствовали здѣсь съ такимъ же ожесточеніемъ, по тѣмъ же причинамъ, какъ и въ другихъ княжествахъ Русскихъ. Въ непримиримой враждѣ, князья прибѣгали къ чужой помощи и давали поводъ утвердить надъ собою вліяніе князьямъ Суздальскимъ, еще болѣе Черниговскимъ; наконецъ до того себя ослабили, что не имѣли средствъ отразить стремленіе Литовскихъ завоевателей и подпали ихъ власти.

Князья Галицкіе.

Родъ Володаря Перемышльскаго ранѣе всѣхъ другихъ поколѣній Ярославовыхъ обнаружилъ стремленіе къ самостоятельности. Онъ господствовалъ болѣе 60 лѣтъ, до конца XII вѣка, независимо отъ великаго князя Кіевскаго, въ югозападной Руси; здѣсь, на берегахъ Днѣстра, сынъ Володаря Ростиславича, Владимірко построилъ городъ Галичъ и положилъ основаніе могущественному *княжеству Галицкому*, между Карпатами и обоими Бугами, присоединивъ къ нему удѣлы братьевъ и племянниковъ, Перемышль, Теребовль, Звенигородъ. Не довольствуясь богатою областью, онъ старался овладѣть Волынью и тѣснилъ тамошнихъ князей, завѣсившихъ отъ великаго князя Кіевскаго. Властолюбіе и вѣроломство его вооружало неоднократно всѣхъ почти князей Русскихъ на Галичъ. Всеволодъ Ольговичъ и Изяславъ Мстиславичъ нѣсколько разъ приходили туда съ союзниками и многочисленнымъ войскомъ: князь Галицкій спасалъ свой престолъ частію мужествомъ, частію помощію Венгровъ и Поляковъ, а болѣе всего распрями своихъ непріятелей. Для вѣрнѣйшаго успѣха въ своихъ властолюбивыхъ замыслахъ, онъ искусно вмѣшивался въ раздоры потомковъ Мономаха и въ родовую вражду ихъ съ Ольговичами, былъ непримиримымъ врагомъ Изяславу Мстиславичу и постояннымъ другомъ Юрію Долгорукому, которому болѣе всѣхъ другихъ союзниковъ содѣйствовалъ къ изгнанію Изяслава изъ Кіева. Преемникъ его Ярославъ Владимірковичъ слѣдовалъ иной политикѣ: не искалъ безполезныхъ завоеваній, любилъ миръ, покровительствовалъ промышленность, заслужилъ уваженіе не только Русскихъ князей, чтившихъ въ немъ государя мудраго, сильнаго, но и чуже-

земныхъ вѣнценосцевъ: Греческій императоръ Мануилъ искалъ его пріязни; Греческій царевичъ Андроникъ покровительства; сосѣдственные же короли Венгерскій и Польскій трепетали его оружія. Плодомъ мудрой политики Ярослава, названнаго современниками *Осмомысломъ*, было цвѣтущее состояніе Галицкаго княжества, богатство жителей, обширная торговля и очевидное смягченіе нравовъ народныхъ. Смертію недостойнаго преемника его Владиміра пресѣкся знаменитый домъ Володаря Перемышльскаго. Галичъ, послѣ многихъ волненій, перешелъ въ родъ Романа Мстиславича князя Волынскаго. 1198.

Родъ Святослава Черниговскаго въ потомствѣ двухъ сыновей его, Олега и Ярослава, раздѣлился на четыре главныя отрасли: князей Черниговскихъ, Сѣверскихъ, Рязанскихъ и Пронскихъ.

I. Домъ Олега, въ родѣ старшаго сына его *Всеволода* Ольговича, утвердилъ господство въ княжествѣ Черниговскомъ: въ родѣ младшаго сына *Святослава*, въ княжествѣ Сѣверскомъ.

Князья Черниговскіе

а) Князья *Черниговскіе* сосредоточивали вокругъ себя политику средней Руси: вели безпрестанныя войны, или заключали союзы съ князьями Смоленскими, Волынскими, Галицкими и Суздальскими; хотѣли имѣть вліяніе на Кіевъ, Полоцкъ, Новгородъ, и нерѣдко достигали своей цѣли. Присвоеніе Кіева, въ особенности Новгорода, вовлекало ихъ въ раздоры съ владѣтелями Суздальскими, которые со времёнъ Юрія Долгорукаго искали первенства надъ всѣми князьями и на этомъ основаніи хотѣли властвовать въ Новгородѣ, составлявшемъ искони удѣлъ великаго князя. Всѣ потомки Всеволода Ольговича отличались неутомимою дѣятельностію, воинственнымъ духомъ и безпокойнымъ нравомъ. Славнѣйшій изъ нихъ былъ сынъ Всеволодовъ, Святославъ: умомъ и оружіемъ онъ утвердилъ господство своего дома въ Черниговѣ (которымъ овладѣлъ было младшій родъ Святослава Ярославича въ поколѣніи Давида, подъ вліяніемъ князя Суздальскаго, Андрея Боголюбскаго), искусно ссорилъ потомковъ Мономаховыхъ, и съ успѣхомъ пользуясь ихъ распрями, господствовалъ въ Кіевѣ, Смоленскѣ, Новгородѣ и Полоцкѣ. Внукъ его Михаилъ Всеволодовичъ былъ свидѣтелемъ нашествія Батыева и жертвою своей великодушной твердости.

Князья Сѣверскіе.

b) Князья *Сѣверскіе*, потомки большею частію Святослава Ольговича, господствовали въ Новгородѣ Сѣверскомъ, Путивлѣ, Брянскѣ, Трубчевскѣ, Курскѣ и другихъ городахъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра. Раздѣляясь на многія отрасли, они устремляли воинственную дѣятельность свою преимущественно на южныхъ сосѣдей, Половцевъ, и нерѣдко предпринимали отважные походы въ землю Половецкую. Изъ нихъ болѣе всѣхъ прославились мужествомъ ратнымъ два брата, дѣти Святослава Ольговича, Игорь Сѣверскій и Всеволодъ Трубчевскій; смѣлый подвигъ ихъ описанъ въ Словѣ о полку Игоревомъ.

Князья Рязанскіе и Пронскіе.

II. Домъ Ярослава Святославича *Рязанскаго*, раздѣленный въ родѣ двухъ сыновей его Ростислава и Святослава на два поколѣнія, господствовалъ въ *Рязани и Муромѣ:* въ началѣ XIII столѣтія отрасль князей Рязанскихъ утвердилась въ *Пронскѣ*, въ поколѣніи внука Ростиславова Всеволода Глѣбовича. Потомки Ярослава Рязанскаго вели междоусобныя войны и дали поводъ Андрею Боголюбскому подчинить себя его власти; зависимость ихъ отъ Суздаля еще болѣе утвердилась при Всеволодѣ Юрьевичѣ. Но слабый Георгій Всеволодовичъ допустилъ имъ возвратить прежнюю самостоятельность.

Родъ Владиміра Мономаха, въ поколѣніи двухъ сыновей его Мстислава и Юрія, раздѣлившись на многія вѣтви, утвердилъ наслѣдственную власть въ большей части древней Руси. Старшее поколѣніе Мономахово господствовало въ княжествахъ Волынскомъ, Галицкомъ, Смоленскомъ и Ярославскомъ, младшее въ Суздальскомъ.

Князья Волынскіе.

I. Въ *Волынскомъ* княжествѣ, во Владимірѣ, Луцкѣ и другихъ городахъ, съ половины XII вѣка утвердилось старшее поколѣніе Мстислава I, въ родѣ сына его Изяслава Мстиславича; знаменитѣйшимъ изъ князей этого дома, былъ внукъ Изяславовъ Романъ Мстиславичъ, который въ 1198 году, по смерти Владиміра, послѣдняго потомка Володарева, овладѣлъ, при помощи Поляковъ, Галичемъ, прославился рѣдкимъ мужествомъ и неслыханнымъ тиранствомъ въ новомъ государствѣ своемъ: безъ пощады истреблялъ вельможъ, вымышлялъ муки и плавалъ въ крови подданныхъ; въ тоже время былъ грозою для всѣхъ сосѣдей, располагалъ Кіевомъ, громилъ Польшу, обуздывалъ Литву, Ятвяговъ, и величался именемъ самодержца всея Руси. Сынъ

его Даніилъ еще болѣе прославился мужественною борьбою съ Монголами и упрочилъ наслѣдственную власть своего дома въ княжествѣ Галицкомъ, гдѣ потомки его господствовали до соединенія Галиціи съ Польшею въ XIV столѣтіи.

II. Въ *Смоленскомъ* княжествѣ утвердилась другая отрасль Мстислава Великаго, въ родѣ втораго сына его Ростислава. Домъ его наиболѣе прославился двумя героями, Мстиславомъ Храбрымъ и Мстиславомъ Удалымъ. Мстиславъ Храбрый, сынъ Ростислава, ознаменовалъ себя мужествомъ въ восточной Руси, въ дѣлахъ Новгорода съ князьями Суздальскими; Мстиславъ Удалой, сынъ Храбраго, еще болѣе обезсмертилъ себя изгнаніемъ Венгровъ изъ Галиціи, которою они овладѣли было по смерти Романа, и битвою съ Монголами на Калкѣ. Въ концѣ XIII вѣка отрасль князей Смоленскихъ въ родѣ Θеодора Чернаго утвердилась и въ Ярославлѣ.

Кн. Смоленскіе и Ярославскіе.

1183.

1224.

III. Младшій родъ Мономаха, въ поколѣніи сына его Юрія Долгорукаго, утвердилъ наслѣдственную власть въ княжествѣ *Суздальскомъ*. Получивъ отъ отца въ удѣлъ страну менѣе другихъ обширную (между Волгою, Клязьмою и Протвою), лѣсистую, малолюдную, съ тремя городами Суздалемъ, Ростовомъ и Владиміромъ, Юрій проложилъ въ лѣсахъ пути, построилъ храмы, обратилъ язычниковъ въ вѣру Христіанскую, основалъ Переяславль Залѣсскій, Дмитровъ, Юрьевъ, Москву, правилъ своимъ удѣломъ независимо, и вступивъ на Кіевскій престолъ, отдалъ свою отчину сыну Андрею, который, по смерти отца, принялъ титулъ *великаго князя*. Возвышаясь надъ понятіями современниковъ, Андрей Боголюбскій хотѣлъ ввести единовластіе: первый изъ Русскихъ князей не раздавалъ удѣловъ ни братьямъ, ни племянникамъ, и съ именемъ великаго князя господствовалъ единодержавно. Недовольный ни обширною областію, которая распространялась до береговъ Камы, ни зависимостію или союзомъ одиннадцати князей, онъ рѣшился утвердить свою власть въ двухъ главныхъ пунктахъ Руси, въ Кіевѣ и Новгородѣ, откуда, опираясь на свою отчину, могъ повелѣвать, подобно Мономаху, почти всею землею Русскою. Рѣшительныя мѣры, къ которымъ онъ всегда прибѣгалъ въ важныхъ случаяхъ, вели его къ цѣли: Кіевъ былъ взятъ приступомъ и, отданный въ управленіе брату Андрееву Глѣбу, навсегда утратилъ первенство между Русскими городами. Новгородъ, послѣ упорнаго сопротивленія, также призналъ надъ собою власть государя Суздальскаго. Но

Князья Суздальскіе.

1169.

1175. преждевременная смерть не допустила его ввести новую систему господства. Престолъ Суздальскій, по смерти Андрея, долгое время былъ предметомъ распрей между двумя братьями его Михаиломъ и Всеволодомъ Юрьевичами и тремя племянниками. Всеволодъ, одолѣвъ соперниковъ, поддержалъ могущество княжества Суздальскаго, и хотя утратилъ господство надъ Кіевомъ и Полоцкомъ, но за то былъ сильнѣе самого Андрея въ сѣверовосточной Руси, утвердивъ
1222. свое вліяніе въ Рязани, Муромѣ, Пронскѣ, Новгородѣ, Псковѣ и Смоленскѣ. Междоусобіе дѣтей Всеволодовыхъ Константина и Георгія, соединенное съ правленіемъ слабымъ, имѣло слѣдствіемъ независимость Новгорода, Смоленска, Рязани, и раздробленіе Суздальской области на многіе удѣлы. При всемъ томъ Андрей и Всеволодъ оставили столь сильное впечатлѣніе въ умахъ современниковъ, что съ тѣхъ поръ князь Суздальскій могъ считать себя главою восточной Руси и преимущественно носилъ имя великаго князя. Предъ нашествіемъ Монголовъ княжество Суздальское раздѣлено было въ родѣ Всеволода Великаго на три главные удѣла: Ростовскій и Бѣлозерскій, гдѣ княжили дѣти Константина Всеволодовича; Владимірскій, гдѣ господствовалъ Георгій Всеволодовичъ съ титуломъ великаго князя; Переяславскій и Тверской, принадлежавшій Ярославу Всеволодовичу.

Княжество Новгородское.

Княжество Новгородское не принадлежало исключительно никакому поколѣнію Владиміра св., присвоило себѣ право избирать князя по произволу, ограничило его власть и, управляясь народнымъ вѣчемъ, представляло также міръ отдѣльный. Преемники Ярослава I, занятые междоусобіями въ южной Руси, упустивъ изъ виду сѣверную часть ея, дали время утвердиться въ Новгородѣ стремленію къ самостоятельности, замѣтному уже при первыхъ князьяхъ Норманнскихъ. Новгородцы съ искусствомъ воспользовались этими междоусобіями: такъ Святополкъ II долженъ былъ отказаться отъ намѣренія поручить Новгородъ своему сыну и согласился видѣть тамъ князя, угоднаго народу, Мстислава Владиміровича. Мономахъ и Мстиславъ I остановили бурное стремленіе къ независимости. Но едва вступилъ на Кіевскій престолъ слабый Ярополкъ, Новгородцы изгнали своего князя Всеволода Мстиславича, и народное вѣче, не требуя согласія Ярополкова, собственною властію избрало

посадника. Сей верховный сановникъ, дотолѣ зависѣвшій отъ князя, назначаемаго обыкновенно государемъ Кіевскимъ, долженъ былъ отселѣ исполнять волю только вѣча народнаго. Между тѣмъ запылала кровавая вражда Ольговичей съ домомъ Мономаха. Новгородцы пользовались ею искусно, выбирали князя, какого хотѣли, отстраняя слишкомъ сильныхъ, изъ опасенія за свои права, и достигли наконецъ чего искали: права избирать князя угоднаго народу. Тщетно властолюбивый Юрій употреблялъ всѣ средства, чтобы смирить ихъ, сѣялъ раздоръ, неразлучный съ господствомъ народнымъ, находилъ себѣ въ Новгородѣ друзей, тѣснилъ его предѣлы. Новгородцы ссорились, волновались, топили посадниковъ; но всегда, при первой опасности, дружно стояли за свою волю. Андрей Боголюбскій, желая быть главою всей Руси, властвуя неограниченно въ наслѣдственной области, назначая князей, себѣ подручныхъ, въ Кіевъ, Рязань, Черниговъ, Смоленскъ, даже въ отдаленный Полоцкъ, требовалъ безусловной покорности Новгорода, назначалъ ему князя, хотѣлъ быть верховнымъ судьею во всѣхъ дѣлахъ его гражданскихъ и церковныхъ. Новгородцы рѣшились отстоять свое право и подавить самовластіе государей Суздальскихъ въ самомъ началѣ: единодушно вооружились за св. Софію, за *великій* Новгородъ, отбили грозное ополченіе Андрея, состоявшее изъ дружинъ союзныхъ съ нимъ князей, и въ рѣшительномъ сраженіи взяли такъ много въ плѣнъ, что за гривну отдавали 10 Суздальцевъ. Андрей устоялъ однако на своемъ: сначала согласился примириться съ Новгородцами на *всей волѣ* ихъ; но вскорѣ, посредствомъ однихъ переговоровъ, довелъ ихъ до того, что они должны были признать сына его своимъ княземъ и представлять на верховный судъ Андрея дѣла гражданскія. Успѣхъ Боголюбскаго имѣлъ важныя послѣдствія: съ тѣхъ поръ каждый великій князь Суздальскій старался подчинить себѣ Новгородъ и утвердить тамъ верховную власть суда, съ правомъ получать ежегодно опредѣленную подать. Новгородцы, при всемъ желаніи полной независимости, не могли избавиться отъ неотступныхъ притязаній князей Суздальскихъ, искали союзниковъ въ князьяхъ Черниговскихъ, Смоленскихъ, и вообще слѣдовали правилу, признавать своимъ княземъ только того, кто давалъ клятву держать ихъ по старинѣ, по льготнымъ грамматамъ Ярославовымъ; если же замѣчали малѣйшій признакъ самовла-

стія, немедленно изгоняли его съ безчестіемъ и призывали другаго. Въ слѣдствіе сего тамъ являлись одинъ за другимъ князья изъ рода Суздальскихъ, Черниговскихъ, Смоленскихъ. Рѣдкій изъ нихъ княжилъ болѣе 3 лѣтъ, и въ теченіе ста лѣтъ въ Новгородѣ перемѣнилось 30 князей. Среди бурнаго волненія образовалось внутреннее устройство Новгородское, остававшееся неизмѣннымъ до Іоанна III. Главныя черты его были слѣдующія :

Верховная власть законодательная и судебная, въ дѣлахъ общихъ государственныхъ, принадлежала *народному вѣчу* или земскому совѣту, составленному изъ гражданъ Новгородскихъ. Собираясь по звуку вѣчеваго колокола, обыкновенно на дворѣ Ярославовомъ, иногда въ Софійскомъ соборѣ и въ другихъ мѣстахъ, оно опредѣляло миръ и войну съ сосѣдями; избирало князя, посадника, владыку (архіепископа); судило государственныя преступленія, измѣну, согласіе съ непріятелями; разсматривало самовольныя дѣйствія князя и посадника; назначало соразмѣрныя винѣ ихъ наказанія : первому изгнаніе, второму нерѣдко смерть, и удовлетворяло жалобамъ бѣдныхъ людей на богатыхъ.

Власть судебная въ дѣлахъ гражданскихъ была исключительнымъ правомъ *князя*, избраннаго народнымъ вѣчемъ. Онъ долженъ былъ наблюдать за внутреннимъ правосудіемъ и заботиться о внѣшней безопасности : для сего имѣлъ свою дружину, которая въ мирное время производила судъ и расправу; въ военное составляла княжеское войско. Въ награду за свои труды, князь Новгородскій пользовался судными пошлинами и опредѣленнымъ сборомъ съ разныхъ предметовъ. Во время похода онъ былъ главнымъ вождемъ, но распоряжалъ дѣйствіями вмѣстѣ съ посадникомъ. Вообще князь Новгородскій былъ только верховный судья и защитникъ Новгорода; если онъ не исполнялъ этихъ двухъ обязанностей, народное вѣче удаляло его.

Власть исполнительная была предоставлена *посаднику*, первому сановнику гражданскому, предсѣдателю народнаго вѣча. Онъ начальствовалъ вмѣстѣ съ *тысяцкимъ* надъ полками Новгородскими, велъ переговоры, былъ употребляемъ въ посольствахъ, помогалъ князю въ судѣ и расправѣ; исправлялъ княжескія обязанности въ случаѣ его отсутствія; вообще же былъ исполнителемъ всѣхъ опредѣленій народнаго вѣча.

Власть суда духовнаго принадлежала *владыкѣ* или архіе-

пископу, избранному вѣчемъ и утвержденному митрополитомъ Кіевскимъ. Владыка сверхъ того принималъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ гражданскихъ, какъ миротворецъ; но въ свою очередь давалъ отчетъ въ своихъ поступкахъ народному вѣчу.

VI. РУСЬ ВЪ НАЧАЛѢ XIII ВѢКА.

Главныя княжества.

Главныя княжества въ Русской землѣ, предъ нашествіемъ Монголовъ въ началѣ XIII вѣка, были:

1) Полоцкое, въ родѣ Всеслава Брячиславича.
2) Галицкое, въ родѣ Романа Мстиславича.
3) Черниговское, въ родѣ Всеволода Ольговича.
4) Сѣверское, въ родѣ Святослава Ольговича.
5) Рязанское, въ родѣ Ростислава Ярославича.
6) Муромское, въ родѣ Святослава Ярославича.
7) Волынское, въ родѣ Изяслава Мстиславича.
8) Смоленское, въ родѣ Ростислава Мстиславича.
9) Суздальское, въ родѣ Юрія Долгорукаго.
10) Новгородское.

Единство Руси.

Не взирая на раздробленіе государства, на безпрерывныя распри князей, даже на родовую вражду поколѣній, присвоившихъ власть наслѣдственную, крѣпкія узы соединяли всѣ части Русской земли въ одно цѣлое, въ одинъ міръ самобытный, неразрывный, ожидавшій только великаго ума, чтобы явиться въ грозномъ величіи. Во всѣхъ обитателяхъ Руси выражался одинъ типъ: они говорили однимъ языкомъ, исповѣдывали одну вѣру, находились подъ властію одного дома, имѣли одно устройство внутреннее, одинъ взглядъ на вещи, одни добродѣтели и пороки.

Языкъ.

Единственнымъ *языкомъ* во всей Русской землѣ было нарѣчіе Славянское: имъ говорили князья, бояре, люди духовные и свѣтскіе; на немъ совершали божественную службу, писали законы, церковныя книги, лѣтописи. Различіе могло быть только между языкомъ книжнымъ и разговорнымъ: первый, принявшій многія формы Греческія, введенныя переводомъ Библіи, былъ употребляемъ въ священнодѣйствіи и въ церковной литературѣ. Здѣсь онъ сохранилъ всѣ, даже несвойственныя ему, слова и обороты Греческіе, и скованный подражаніемъ языку библейскому, не расширялъ своихъ предѣловъ. Языкъ разговорный былъ живѣе, разнообразнѣе, не боялся словъ и оборотовъ чуждыхъ, если

они выражали новыя идеи, и смѣло заимствовалъ ихъ изъ сосѣдственныхъ нарѣчій Скандинавскихъ, Польскихъ, Венгерскихъ, даже Половецкихъ. Но могущественный своими элементами, своимъ глубокимъ смысломъ, своимъ мудрымъ устройствомъ, онъ сглаживалъ въ словахъ иноязычныхъ всѣ признаки чуждаго происхожденія, давалъ имъ нерѣдко свой смыслъ, свои формы и усвоивалъ ихъ, какъ родные звуки; отъ сего не могло быть рѣзкаго различія въ нарѣчіяхъ областныхъ: языкъ книжный былъ одинъ, языкъ народный тоже.

Вѣра. Еще болѣе единства мы встрѣчаемъ въ другомъ основномъ элементѣ гражданскаго общества, въ *религіи.* Вся земля Русская исповѣдывала вѣру Христіанскую, по Греческому обряду, безъ малѣйшихъ отмѣнъ въ богослуженіи, въ правахъ и обязанностяхъ духовенства. Ни язычество, ни расколы не возмущали спокойствія церкви. Все священное для Кіева, было святынею для Галича, Полоцка, Новгорода, Суздаля, Рязани; устройство монастырей, обряды священнодѣйствія, раздѣленіе іерархіи на степени, празднества, посты, все выражало одинъ типъ Византійскій.

[...]подство одного дома. Верховная власть надъ Русскою землею принадлежала *одному дому* Владиміра св. Хотя родъ его раздѣлился на многія отрасли самостоятельныя, даже одна другой непріязненныя; но при всемъ раздробленіи, князья тщательно берегли право своего дома на обладаніе Русскою землею: если угасало одно поколѣніе, другое спѣшило занять его мѣсто. Народъ такъ былъ убѣжденъ въ законности, въ неизбѣжной необходимости княжеской власти, и притомъ одного поколѣнія, что сами Новгородцы не могли жить безъ князя. Тѣмъ менѣе удавалось иноплеменникамъ оторвать хотя часть земли отъ того пространства, которое очертилъ Норманнскій мечъ во времена Владиміра св. и Ярослава I. Венгры и Поляки, пользуясь раздорами князей, неоднократно присвоивали югозападныя области Руси, но не надолго: если одинъ князь былъ не въ силахъ бороться съ иноплеменниками, другіе спѣшили ему на помощь, нерѣдко забывая личную вражду, и прогоняли коварныхъ сосѣдей. Такъ они дѣйствовали въ отношеніи къ Половцамъ, къ Венграмъ и Полякамъ; отнимали княжества другъ у друга, но иноземцевъ не пускали въ Русскую землю, держась правила: *не тронь нашего.*

Мысль о единодержавіи.

Кромѣ убѣжденія въ законномъ правѣ одного дома на верховное господство въ Русской землѣ, не исчезала мысль о необходимости *единодержавія*. Эта мысль обнаруживалась неоднократно, не только въ дѣйствіяхъ Владиміра Мономаха, но и въ политикѣ Андрея Боголюбскаго, Всеволода Суздальскаго, Мстислава Удалаго. При всей самостоятельности удѣловъ, многіе изъ нихъ такъ ослабѣли, что сами собою не могли держаться, и искали покровительства сильныхъ государей Суздальскихъ или Галицкихъ. Не даромъ князья принимали титулъ великихъ: они помнили, что нѣкогда этотъ титулъ давалъ право господствовать надъ всею землею Русскою. Такъ Всеволодъ Суздальскій, воспитанный въ Греціи, хотѣлъ быть главою государства и повелѣвать сѣверовосточнымъ краемъ; такъ Мстиславъ Удалой господствовалъ въ полуденномъ, съ именемъ царя Галицкаго.

Гражданское устройство.

Внутреннее устройство Русскихъ княжествъ было вездѣ одинаково (исключая Новгородъ и Псковъ). Каждый князь пользовался въ своемъ удѣлѣ неограниченнымъ правомъ суда и расправы, мира и войны: опредѣлялъ подати, строилъ города, назначалъ всѣхъ сановниковъ свѣтскихъ и духовныхъ. Дружину его составляли бояре, отроки и мечники. Съ нею онъ совѣтовался о дѣлахъ общественныхъ, чрезъ нее производилъ судъ и расправу, она же была и главнымъ войскомъ его; въ случаяхъ важныхъ созывалось народное вѣче, которое имѣло впрочемъ только голосъ совѣщательный. На войнѣ самъ князь предводительствовалъ главнымъ войскомъ, состоявшимъ изъ княжеской дружины и владѣльцевъ поземельныхъ, съ присовокупленіемъ иногда наемниковъ. Во время битвы онъ всегда былъ впереди своей рати и управлялъ ея движеніями. За сборомъ податей наблюдалъ также самъ князь, который для сего въ извѣстное время года объѣзжалъ свою область и возвращался въ столицу съ обозомъ хлѣба, меду, мягкой рухляди и другихъ естественныхъ произведеній. Судъ въ дѣлахъ тяжебныхъ и уголовныхъ производили княжескіе тіуны, которые опредѣляли соразмѣрныя винѣ наказанія денежною пенею: одна часть ея отдавалась обиженному, другая шла въ княжескую казну, третью бралъ себѣ тіунъ. Основаніемъ суда и расправы была Русская Правда, дополненная уставными грамматами князей, носившими одинъ отпечатокъ.

Церковное устройство.

Если устройство гражданское, при всей неограниченности князей, не представляло отмѣнъ замѣчательныхъ; тѣмъ

болѣе единства господствовало *въ устройствѣ церковномъ*, или въ іерархіи, одной изъ главныхъ стихій Европейской жизни. Главою Русской церкви былъ митрополитъ Кіевскій, назначаемый обыкновенно Византійскимъ патріархомъ; отъ митрополита зависѣли архіепископъ Новгородскій, епископы Ростовскій, Черниговскій, Переяславскій, Галицкій, Туровскій и другіе. Каждый князь, въ удѣлѣ коего находилась епархія, имѣлъ право назначить и низложить епископа, но не иначе, какъ съ согласія митрополита, который, сосредоточивая въ рукахъ своихъ верховную власть суда церковнаго, строго наблюдалъ за чистотою вѣры во всей Русской землѣ, за обрядами богослуженія, за исполненіемъ церковныхъ уставовъ.

ементы Руси.

Единство главныхъ началъ Русской гражданственности было неминуемымъ слѣдствіемъ счастливаго соединенія двухъ могущественныхъ элементовъ, изъ коихъ развилась Русская жизнь, Норманнскаго и Византійскаго. Элементъ Норманнскій отразился въ общественной жизни Руси: онъ былъ источникомъ фамильнаго права одного дома на власть верховную, суда и расправы, хозяйственнаго управленія, искусства воинскаго. Могущество его такъ сильно дѣйствовало на все пространство земель, къ коимъ только прикасался Скандинавскій мечъ, что ни вѣки, ни иноплеменные народы не могли изгладить врѣзаннаго имъ отпечатка. Но бури, сопровождавшія развитіе сего элемента, въ началѣ XIII вѣка еще не утихли и не дали ему созрѣть; многое оставалось въ Руси нерѣшеннымъ, когда пришли въ нее Монголы; не утвердились взаимныя отношенія князей, не опредѣлился порядокъ престолонаслѣдія, не означились степени сословій, не установились правильныя формы суда: законъ письменный еще не опредѣлилъ сихъ условій. Элементъ Византійскій отразился въ духовной жизни Руси: Греки дали намъ свою вѣру, вмѣстѣ съ обрядами богослуженія ввели повсемѣстно свою іерархію, церковный судъ, монастырскую жизнь, принесли образцы своего духовнаго краснорѣчія, своей исторіи; познакомили насъ съ своими искусствами, художествами, съ своею монетою и торговлею. Типъ Византійскій врѣзался еще глубже Норманнскаго, бывъ тѣсно соединенъ съ святынею народною.

Оба элемента, дѣйствуя въ своей сферѣ съ равною силою, не противоборствовали одинъ другому: ибо Греки,

давъ намъ свою іерархію, дали вмѣстѣ съ тѣмъ и понятіе о зависимости ея отъ государя. Не только каждый князь, въ удѣлѣ коего была епархія, могъ назначить и низложить епископа; но и самъ митрополитъ былъ утверждаемъ въ санѣ своемъ властію великаго князя Кіевскаго, который нерѣдко отвергалъ присланнаго патріархомъ Греческимъ первосвятителя, требовалъ другаго или назначалъ своего, безъ согласія патріаршаго. Отъ сего въ Руси не было слѣдовъ бѣдственнаго двудержавія, раздиравшаго западную Европу. Согласіе обоихъ элементовъ, поддерживая политическое единство Руси, въ то же время благопріятствовало развитію промышленныхъ и нравственныхъ силъ народа.

Въ началѣ XIII вѣка Русь заключала въ предѣлахъ своихъ лучшія, плодоноснѣйшія земли нашего отечества, простираясь отъ горъ Карпатскихъ, Сана, Вислы, Нарева и Нѣмана до устья Оки, отъ верховьевъ Ингула, Ворсклы, Хопра и Медвѣдицы до прибрежныхъ пустынь Ледовитаго моря. Въ правленіе Ярослава I, эта обширная страна могла быть значительно населенною по Днѣпру, Припяти, вообще въ югозападныхъ равнинахъ; на востокъ же отъ Днѣпра она заключала въ себѣ безлюдныя пустыни, или дремучіе лѣса Карачевскіе, Муромскіе, Суздальскіе, въ коихъ обитали разсѣянныя, полудикія племена. Общежиті

Двухвѣковые раздоры не могли конечно благопріятствовать успѣхамъ народонаселенія: отъ безпрерывныхъ походовъ, отъ ужасовъ войны междоусобной, Русь, казалось, обратится въ унылую степь, города падутъ, села исчезнутъ, жители одичаютъ; вышло иначе: гдѣ въ XI столѣтіи безмолвствовали пустыни или кочевали отдѣльныя племена, безъ всякихъ понятій о выгодахъ общежитія, тамъ въ XIII вѣкѣ мы видимъ *города*. Они возникали съ каждымъ поколѣніемъ, не только въ обильныхъ областяхъ Черниговской, Галицкой, Кіевской; но и въ Полоцкой землѣ, менѣе благодарной къ трудамъ земледѣльца, въ самой Суздальской странѣ, искони покрытой непроходимыми лѣсами. Среди двухсотлѣтняго волненія явилось въ Руси до 100 городовъ, болѣе или менѣе цвѣтущихъ.

Князья ли воздвигали ихъ для безопасности отъ непріятелей, болѣе внутреннихъ, чѣмъ внѣшнихъ, или народъ чувствовалъ выгоды общежитія и строилъ ихъ по внутреннему влеченію, рѣшить трудно. Изъ лѣтописей видно, что

нѣкоторые изъ нихъ были основаны князьями въ пограничныхъ областяхъ, для защиты отъ Печенѣговъ, Литвы, Половцевъ и другихъ грабителей; во время же раздоровъ, когда безначаліе и насиліе заставляли изыскивать всѣ средства къ оборонѣ, внутри государства также могли быть построены крѣпости, гдѣ князья безпокойные или слабые находили убѣжище и нерѣдко спасались отъ мести или властолюбія озлобленныхъ родственниковъ. Но такихъ крѣпостей было немного, и кажется, съ вѣроятностію можно думать, что съ сею цѣлію основаны были только тѣ города, которыхъ названіе удобно изъяснить, напримѣръ: Новгородъ Сѣверскій, Стародубъ, Переяславль, Дмитровъ, Владиміръ, Дѣдославль; другіе же съ непонятными именами, Суздаль, Москва, Рязань, Курскъ, Путивль, Мценскъ, Трубчевскъ, Клецкъ, Теребовль, Лукомль, Логожскъ, Чечерскъ, образовались мало по малу изъ многолюдныхъ старинныхъ селеній.

Какъ бы то ни было, Русскіе города XII и XIII столѣтій существенно отличались отъ Нѣмецкихъ бурговъ: въ нихъ жили не одни князья съ воинственными дружинами, но и мирные граждане, которые занимались промышленностію. Древніе города, не смотря на частыя опустошенія, съ каждымъ поколѣніемъ становились многолюднѣе. *Новгородъ* во время Ярослава, окруженный топкими болотами и лѣсами, ограничивалъ свою предпріимчивость землею Пермяковъ и берегами Финскаго залива; въ XIII столѣтіи онъ овладѣлъ уже всѣмъ пространствомъ отъ Бѣлаго озера до Мурманскаго моря и хребта Уральскаго, получалъ богатства сѣверной Азіи съ береговъ Оби, гдѣ имѣлъ уже прочныя поселенія, былъ въ тѣсной дружбѣ съ Болгарами, доставлявшими его купцамъ сокровища Персіи, посылалъ корабли въ Балтійское море, строилъ Русскія церкви на островѣ Готландѣ, и его войско проникало до самаго Стокгольма. Въ началѣ XIII вѣка имя Новгорода уже славилось на берегахъ Нѣмецкаго моря: ибо вскорѣ онъ занялъ почетное мѣсто въ союзѣ Ганзейскомъ. Если богатство его могло быть слѣдствіемъ благопріятныхъ обстоятельствъ, то чѣмъ изъяснить цвѣтущее состояніе другихъ городовъ, которые какъ будто возраждались изъ пепла въ новомъ, лучшемъ видѣ? *Кіевъ*, опустошаемый неоднократно Половцами, князьями Черниговскими и Суздальскими, славился красотою и богатствомъ на отдаленномъ

востокѣ. Купцы же Византійскіе съ такою выгодою сбывали на его рынкахъ свои издѣлія, что ни злодѣйства Половцевъ, облегавшихъ воды Днѣпровскія, ни внутреннія смятенія наши не устрашали Грековъ, посылавшихъ караваны въ область Кіевскую. *Смоленскъ, Полоцкъ, Витебскъ*, въ теченіе 200 лѣтъ бывшіе постоянною цѣлію княжескихъ походовъ, такъ извѣстны были промышленностію своихъ обитателей, что купцы Готландскіе, Любскіе, Бременскіе посѣщали ихъ съ охотою, имѣли въ нихъ собственныя церкви и заключали торговые договоры, утверждавшіе взаимную дружбу. Въ Галицкой области было много городовъ цвѣтущихъ. Поляки и Венгры съ завистію смотрѣли на богатство ея князей, имѣвшихъ средства содержать наемное войско. Король Венгерскій, удивляясь великолѣпію *Владиміра Волынскаго*, говорилъ, что подобныхъ городовъ онъ мало видалъ и въ Нѣмецкой землѣ.

Словесност

Усердно занимаясь земледѣліемъ, торговлею, воздвигая города, предки наши въ то же время не чуждались умственной жизни. Правда, уцѣлѣвшіе памятники Русской словесности XII и XIII столѣтій слишкомъ малочисленны, въ сравненіи съ остатками современной литературы Нѣмецкой или Французской: мы знаемъ только творенія трехъ или четырехъ духовныхъ писателей; записки одного князя, повѣсть одного поэта и нѣсколько лѣтописей; но какъ время, а болѣе люди истребили всѣ почти рукописи древнѣе XIV столѣтія, и произведенія Русской словесности XII и XIII вѣковъ дошли до потомства въ позднѣйшихъ спискахъ, сохранившихся иногда въ одномъ экземплярѣ: то мы имѣемъ право думать, что весьма немногія изъ древнихъ произведеній намъ извѣстны, и что большая часть ихъ погибла невозвратно, не оставивъ и слѣдовъ своего существованія. Между тѣмъ, если странникъ по немногимъ развалинамъ какого нибудь пантеона умѣетъ угадывать красоту цѣлаго строенія, то и бытописатель, въ полуистлѣвшихъ отрывкахъ собирая черты народной литературы, можетъ создать живую идею о духѣ времени и степени гражданской образованности. Лѣтописи Нестора и его продолжателей, Поученіе Владиміра Мономаха, творенія Кирилла епископа Туровскаго, Слово о Полку Игоревомъ свидѣтельствуютъ, что Русскіе, во время господства права удѣльнаго, знали уже искусство выражать свои мысли не только ясно, но и убѣди-

тельно, что имъ знакомы были произведенія словесности Византійской, что они имѣли наконецъ своихъ историковъ, своихъ поэтовъ.

ГЛАВА III.

ИГО МОНГОЛЬСКОЕ.

I. ПОКОРЕНІЕ РУСИ МОНГОЛАМИ *.

1223 — 1242.

зрѣніе. Внутреннее волненіе Руси, неминуемое слѣдствіе Норманнскаго владычества, послѣ двухвѣковой борьбы потомковъ Владиміра св., съ начала XIII вѣка приближалось къ развязкѣ: взаимныя отношенія князей становились яснѣе, права и обязанности подданныхъ опредѣлительнѣе, гражданственность самобытная возникала. Но прежде, чѣмъ кончилась эта борьба юнаго государства, прежде, чѣмъ созрѣли понятія о правѣ и установились формы общественныя, туча варваровъ изъ глубины Азіи прошла по Русской землѣ, искоренила цѣлыя поколѣнія, разрушила до основанія города и села, и когда стихла, Русь наполнена была однѣми развалинами. Сокрушенная тяжкими ударами, она изнемогла, признала надъ собою власть дикой, степной орды, и въ теченіе ста лѣтъ была жертвою безпримѣрнаго злополучія. Виною нашего злосчастія былъ дикій Татаринъ, потрясшій всю Азію и низринувшій несмѣтныя орды лютыхъ завоевателей на Русскую землю.

* Baron d'Ohsson, Histoire des Mongols. La-Haye. 4 vol. 1834.—Hammer-Purgstall, Geschichte der Mongolen in Russland. Pesth. 1840.—Іакинѳъ, Исторія Хановъ изъ дома Чингисова. Спб. 1829.

Монгол

Средняя Азія, обширная полоса степей отъ Волги до Японіи, отъ южныхъ предѣловъ Сибири до Китая, Тибета и Каспійскаго моря, искони была обитаема кочевыми народами. Въ началѣ XIII вѣка ее населяли три племени, раздѣлявшіяся на многія поколѣнія, Турецкое, Тунгузское и Татарское. *Турецкое* занимало западныя степи этой полосы, подъ именемъ Киргизовъ, Уйгуровъ, Кипчаковъ и другихъ народовъ. *Тунгузское* господствовало на востокѣ, въ сѣверномъ Китаѣ. Между сими племенами, по верховьямъ Амура, къ югу отъ Байкалскаго озера кочевало *Татарское*, подвластное Китайскимъ императорамъ, также раздѣлявшееся на многія поколѣнія, Наймановъ, Меркитовъ, Кераитовъ, Тайджутовъ, и пр. Въ числѣ ихъ были и Монголы, обитавшіе на берегахъ Онана и Керулана. Татары, отличаясь отъ прочихъ народовъ средней Азіи языкомъ и наружнымъ очертаніемъ лица, вели жизнь однообразную, кочевую: обиталищемъ ихъ были кибитки, богатствомъ стада, отечествомъ привольныя паствы, любимою пищею конина, стихіею война. Они были безпрестанно на конѣ, славились терпѣніемъ, чутьемъ удивительнымъ, самымъ лютымъ звѣрствомъ и безотчетнымъ повиновеніемъ своимъ вождямъ, Нойанамъ, имѣвшимъ власть наслѣдственную. Силы ихъ свѣжія, суровыя, неодолимыя исчезали въ мелкихъ раздорахъ. Стоило только соединить ихъ, чтобы привести въ трепетъ сосѣдей. Это совершилъ Темучинъ, въ послѣдствіи названный Чингизханомъ.

Чингизха

Темучинъ, сынъ Езугая, вождя 40,000 семействъ Монгольскихъ, кочевавшихъ при истокахъ Амура, до сорока лѣтъ своей жизни, боролся съ одними несчастіями и неудачами: по смерти отца оставленный своею ордою, которая не хотѣла повиноваться ему, тринадцатилѣтнему отроку, и присоединилась къ другой ордѣ Татарской изъ поколѣнія Тайджутовъ, онъ долго безъ успѣха силился присвоить наслѣдственную власть надъ нею; нѣсколько разъ попадался въ руки непріятелей, и только случаемъ избѣгалъ неминуемой смерти; послѣ 20 лѣтнихъ неудачъ онъ сталъ одолѣвать соперниковъ; прежде всего разбилъ Тайджутовъ и въ 80 котлахъ сварилъ плѣнныхъ. Эта мѣра доставила ему власть надъ мелкими ордами; оружіе, искусство, быстрота, надъ сильнѣйшими. Напрасно вожди окрестныхъ Татаръ составляли союзы, чтобы смирить Темучина; рѣшительными побѣдами надъ Меркитами и Кераитами, въ 10 лѣтъ онъ

покорилъ все племя Татарское, соединилъ разсѣянныя поколѣнія его въ одинъ народъ, воинственный, непобѣдимый, и не зналъ соперниковъ. Упоенный успѣхомъ, пожираемый властолюбіемъ, онъ хотѣлъ быть властителемъ вселенной, на 51 году жизни назвалъ себя *Чингизханомъ* (владыкою сильныхъ), и устремилъ свою грозную орду на обширныя государства средней Азіи, съ единственною цѣлію быть завоевателемъ. Успѣхъ слѣдовалъ за успѣхомъ. Сперва пала подъ его неотразимыми ударами имперія Тангутская, заключавшая въ себѣ западныя области нынѣшняго Китая; потомъ Уйгурская, по отраслямъ хребта Алтайскаго; въ слѣдъ за тѣмъ Кинская, въ сѣверномъ Китаѣ, дотолѣ господствовавшая надъ Татарами; далѣе Кара-Китайская въ Бухаріи, наконецъ Хоразмійская въ Персіи и Кабулѣ. Походы его были ознаменованы всѣми ужасами опустошеній; цвѣтущіе города исчезали невозвратно; народы гибли милліонами, или становились рабами завоевателя.

тва на Калкѣ. Гроза приближалась и къ нашему отечеству: въ 1224 году она коснулась южныхъ предѣловъ его. Низринувъ Хоразмійскую имперію, Чингизъ поручилъ окончательное завоеваніе этой страны двумъ полководцамъ своимъ: Чепе и
1223. Суботаю, а самъ возвратился къ берегамъ Амура, чтобы съ новыми силами нагрянуть на имперію южнаго Китая. Чепе и Суботай, исполнивъ свое порученіе, разоривъ въ конецъ всю Персію, повели свое войско, для соединенія съ Чингизханомъ, чрезъ Кавказскій перешеекъ, разбили въ горахъ Аланъ, за ними Половцевъ и погнали тѣхъ и другихъ къ берегамъ Днѣпра. Ханъ Половецкій Котянъ, неутомимо преслѣдуемый грозными пришельцами, со всѣмъ народомъ бросился въ Галицію и просилъ защиты у Галицкаго князя, своего зятя, Мстислава Удалаго. Нашествіе степныхъ ордъ изъ за Волги было для Русскихъ не новостью: князья не робѣли, соединяли свои дружины и прогоняли хищниковъ. Мстиславъ, по примѣру предковъ, спѣшилъ отразить *народъ невѣдомый*, призвалъ на ратный подвигъ князей Кіевскаго, Мстислава Романовича, и Черниговскаго, Мстислава Святославича, съ нѣкоторыми другими и бодро повелъ союзныя дружины отъ Днѣпра на востокъ къ Азовскому морю. Побѣда надъ передовыми отрядами Монголовъ близъ Днѣпра увеличила его смѣлость: онъ опередилъ союзниковъ, встрѣтилъ враговъ на Калкѣ, близъ нынѣшняго Маріуполя

и проигралъ битву: Русскіе были разбиты на голову; Мстиславъ Галицкій бѣжалъ; князь Кіевскій погибъ. Побѣдители гнались за бѣгущими до Днѣпра, опустошая землю Половецкую; но имѣя въ виду не завоеваніе новыхъ странъ, а соединеніе съ ханомъ, прямо отъ Днѣпра поворотили на востокъ и скрылись за Волгою, оставивъ Русскихъ въ недоумѣніи.

1 мая 1224

Оготай.

Судьба какъ будто отклоняла сокрушительный ударъ отъ нашего отечества. Чингизханъ, оставивъ Европу до времени въ покоѣ, чтобы довершить покореніе Азіи, обратилъ всѣ силы свои на имперію Китайскую и едва успѣлъ рушить западную часть ея, кончилъ дни свои въ глубинѣ Татаріи 72 лѣтъ. Смерть завоевателя, державшаго въ повиновеніи разноплеменные народы однимъ ужасомъ своего имени, однимъ страхомъ оружія, должна была съ одной стороны ободрить побѣжденныхъ, съ другой остановить стремленіе Монголовъ, пресыщенныхъ кровью и добычею. Но таково было могущество генія Чингизханова, что покоренные имъ народы не смѣли и думать о свободѣ; Монголы же, свидѣтели его славы, увлекаемые воинственнымъ фанатизмомъ, мечтали только о битвахъ и побѣдахъ, доколѣ не настало новое поколѣніе, знавшее о Чингизѣ по одному преданію. Главное правило его политики, давать миръ только побѣжденнымъ, обратилось въ священный законъ, и преемникъ его Оготай, слѣдуя этому правилу, двинулъ всѣми силами Монголовъ на страны Азіатскія и Европейскія, еще не признавшія его власти. Они пошли опустошать отдаленныя земли четырьмя многочисленными ордами: одна бросилась на Корею, другая на южный Китай, третья на Индію, четвертая на Европу. Корея, Китай, Кашемиръ были завоеваны въ короткое время, и испытавъ всю тягость рабства, утратили надолго самую надежду на независимость, подобно всѣмъ народамъ, которыхъ сокрушало Монгольское оружіе. Та же участь постигла и наше отечество.

1227.

Нашествіе Батыя.

Одиннадцать внуковъ Чингизхановыхъ соединили свои орды для завоеванія восточной Европы. Главнымъ вождемъ былъ племянникъ Оготаевъ, Батый сынъ Чучи. Онъ велъ до полумилліона дикаго, степнаго народа. Не внутренніе раздоры, не оружіе побѣдителей, не оскуденіе страны, двинули этотъ народъ изъ родныхъ кочевьевъ: онъ шелъ съ безотчетною, фанатическою жаждою крови, убійства, разо-

ренія. Стремленіе его было неотразимо: онъ ломился огромными массами, одушевленными одною мыслію грабежа, безусловно покорными одной волѣ и въ искусствѣ губить человѣчество не встрѣчавшими соперниковъ. Главныя основанія Монгольской тактики были: дружный ударъ, стремительный натискъ, искусная засада, благовременное отступленіе, отчаянная храбрость въ минуты опасности, смерть трусу, отвѣтственность частныхъ вождей въ случаѣ неудачи, правильное раздѣленіе на отряды и единство въ дѣйствіяхъ. Борьба съ такимъ народомъ для насъ была невозможна; мы съ отчаяннымъ мужествомъ защищали свою свободу: ни одинъ городъ не сдавался безъ сопротивленія: рѣдкій князь бѣгалъ отъ враговъ безъ боя; народъ стоялъ грудью за князей, за вѣру, отбивался въ крѣпостяхъ, въ Божьихъ храмахъ, и лучше хотѣлъ погибнуть въ пламени, въ жестокихъ мукахъ съ женами и дѣтьми, чѣмъ бросить оружіе. Но каждый городъ оборонялся отдѣльно. Самая очевидная опасность не могла примирить князей и соединить ихъ силы къ одной цѣли. Для этого требовались заблаговременные переговоры, убѣжденія, окончаніе старинныхъ распрей; главное, требовался умъ Мономаха или Андрея Боголюбскаго. Георгій Всеволодовичъ, сильнѣйшій изъ современныхъ князей, могъ располагать только своею областію Владимірскою, и не имѣлъ никакой власти надъ князьями удѣльными: они ждали враговъ въ укрѣпленныхъ городахъ и погибали въ нихъ съ семействомъ и народомъ.

Опустошеніе восточной Руси.

Въ два похода Батый завоевалъ наше отечество и наложилъ на него тяжкое иго рабства. Въ первый походъ онъ направилъ свои орды изъ Камской Болгаріи на сѣверовосточную Русь, и разоривъ Пронскъ, Бѣлгородъ, Ижеславецъ, подступилъ къ Рязани, требуя десятой части всего достоянія. Рязанцы отвергли это предложеніе и, одушевленные примѣромъ князя своего Юрія, рѣшились обороняться. Послѣ пятидневной осады, городъ былъ взятъ и сожженъ; князь и подданные, безъ различія возраста и пола, погибли

21 дек. 1237.

частію въ битвѣ, частію въ мукахъ. Отселѣ Батый двинулся прямо на сѣверъ; близъ Коломны разбилъ сына Георгіева Всеволода, заслонявшаго ему путь, сжегъ Москву и осадилъ Владиміръ. Георгій, поручивъ защиту столицы сыновьямъ, самъ удалился въ Ярославскую область, гдѣ поджидалъ князей союзныхъ. Жители Владиміра надѣялись упор-

ною защитою дать время великому князю собрать силы: но уже поздно. Монголы разрушили сей крѣпкій городъ до основанія и, чтобы лишить Георгія содѣйствія другихъ городовъ, разсѣялись отрядами по Суздальскому княжеству, опустошая Переяславль, Юрьевъ, Дмитровъ, Ярославль, Галичъ. Между тѣмъ самъ Батый пошелъ на великаго князя, и сокрушивъ его силы на берегахъ Сити, впадающей въ Мологу, двинулся было на Новгородъ путемъ Селигерскимъ; но не доходя ста верстъ, собралъ свои орды, обратился къ югу и взявъ Козельскъ (въ Калужской губерніи), послѣ семинедѣльной осады, вывелъ Монголовъ изъ Русской земли на берега Дона, чтобы завоеваніемъ страны Половецкой обезопасить свой тылъ въ движеніи на Русь югозападную. Развалины городовъ и селъ, несмѣтное множество труповъ означали слѣды Батыева нашествія.

7 февр. 1…

4 март. 1…

Опустошен… падной Ру…

Выгнавъ Половцевъ изъ Кипчака въ Галицію и Венгрію, Батый двинулъ свои силы двумя ордами на югозападную Русь. Одна разрушила до основанія Переяславль съ окрестными городами, другая Черниговъ. И здѣсь Монголы встрѣтили сопротивленіе отчаянное; но князья не успѣли соединить подданныхъ и такъ были ослѣплены, что уже зная о нашествіи враговъ, еще спорили о верховномъ правѣ на Кіевъ. Вскорѣ вся сила Батыева облегла древнюю столицу Руси, знаменитую на востокѣ и западѣ торговлею, богатствомъ, великолѣпіемъ. Даніилъ Галицкій, преемникъ Мстислава, отнявшій ее у Михаила Черниговскаго, ввѣрилъ защиту города боярину Димитрію, а самъ удалился въ Венгрію искать помощи Бѣлы IV. Кіевляне, ободряемые доблестнымъ вождемъ своимъ, оборонялись съ мужествомъ безпримѣрнымъ; сбитые съ укрѣпленій, они рѣзались до послѣдняго издыханія въ Софійскомъ соборѣ. Разрушивъ Кіевъ, Батый пошелъ въ Волынь и Галицію, гдѣ разорилъ въ конецъ Владиміръ, Галичъ, Кременецъ и многіе другіе города; оттуда нѣсколько разъ вторгался въ Польшу, Моравію, Силезію, Венгрію, Далмацію. Владѣтели сихъ странъ, по слабомъ сопротивленіи, спасали жизнь свою бѣгствомъ; ихъ подданные гибли въ пылающихъ развалинахъ городовъ и селъ, подъ мечами Монголовъ.

9 мая 12…

Вся Европа была въ ужасѣ, съ трепетомъ ожидая участи Руси, Венгріи, Польши,—и не безъ основанія: западные Христіане въ суевѣрномъ страхѣ видѣли въ Монголахъ орудіе кары небесной и готовились къ жертвѣ очистительной.

Батый на … гахъ Вол…

Папа призывалъ ихъ подъ знаменіе креста, но въ тоже время проповѣдывалъ крестовый походъ противъ императора Нѣмецкаго Фридриха II. Своевольные бароны не думали соединять своихъ полковъ съ полками этого мужественнаго героя, и Монголы въ западной Европѣ могли встрѣтить отдѣльныя дружины тяжело вооруженныхъ рыцарей, съ нестройными толпами крестьянъ, — преграду ничтожную для ихъ быстрой, многочисленной кавалеріи, привыкшей одолѣвать враговъ стремительнымъ натискомъ, тяжестью удара, искусствомъ движенія. Къ счастію Европы умеръ
юября 1241. Огтай: Батый поспѣшилъ сблизить свою орду съ главною, чтобы участвовать въ избраніи ему преемника, и оставивъ Венгрію, расположился кочевать въ Кипчакѣ или въ нынѣ-
1243. шнихъ степяхъ Астраханскихъ и Саратовскихъ, откуда могъ держать опустошенныя страны въ повиновеніи, и въ тоже время дѣйствовать на Татарію, смотря по обстоятельствамъ. Трехлѣтнія интриги, предшествовавшія избранію Гаюка, нелюбимаго Батыемъ, удержали его въ бездѣйствіи на берегахъ Волги. Это бездѣйствіе продолжалось и во все время правленія Гаюка, который самъ сбирался итти на Европу; по смерти же его, Батый занятъ былъ возведеніемъ хановъ на престолъ и уже не хотѣлъ разстаться съ привольными степями Астраханскими, гдѣ орда его привыкла кочевать, какъ въ родной сторонѣ. По стеченію этихъ случайныхъ обстоятельствъ, Монголы остановили свое стремленіе на западную Европу и расположились на берегахъ Волги.

ютая Орда. Орда Батыева, столь знаменитая въ нашей исторіи подъ именемъ Золотой, Кипчакской и Сарайской, заняла весь Кипчакъ или землю Половецкую, отъ береговъ Днѣстра до Урала, отъ Чернаго и Каспійскаго моря до Ворсклы, верховьевъ Хопра и устьевъ Камы[1]. Главныя силы ея сосредоточились на степяхъ Астраханскихъ, столь удобныхъ для кочеваго народа. Тамъ на берегахъ Ахтубы, въ 60 верстахъ отъ устьевъ Волги, Батый построилъ для себя Сарай, откуда онъ и первые преемники его властвовали надъ Русскою землею именемъ великаго хана, который, имѣя свой юртъ въ глубинѣ Татаріи, между рѣками Орхономъ и Тамиромъ, въ городѣ Каракорумѣ, какъ преемникъ Чингизовъ,

1. Орда Батыева состояла изъ народовъ Татарскаго племени: отъ того лѣтописцы называютъ ихъ Татарами Но какъ Чингизъ и преемники его были Монголы, то, кажется, справедливѣе именовать нашихъ властителей Монголами. Въ послѣдствіи, когда угаснетъ домъ Чингизовъ, и Золотая орда распадется на части, правильнѣе будетъ называть ихъ Татарскими ордами.

былъ верховнымъ повелителемъ всего Монгольскаго міра, назначалъ хановъ, начальствовавшихъ отдѣльными ордами, требовалъ отъ нихъ отчета въ управленіи покоренными землями, особенно въ сборѣ податей, и самъ опредѣлялъ налоги. Зависимость частныхъ хановъ отъ великаго хана продолжалась недолго: государство Чингизово, составленное изъ многихъ разноплеменныхъ народовъ, соединенныхъ одною силою оружія, однимъ страхомъ, безъ всякихъ узъ общественныхъ, занимая страны, раздѣленныя одна отъ другой неизмѣримыми пространствами, уже по самой обширности своей, должно было раздробиться на части. Кромѣ того, по закону Чингизову, потомство каждаго изъ четырехъ сыновей его имѣло право на юртъ или удѣлъ наслѣдственный: старшему сыну Чучи онъ назначилъ Кипчакъ, Чагатаю Трансоксіану или Мавренагаръ, Оготаю страну Уйгуровъ, Тулую наслѣдственную Монголію. Самовольное восшествіе на престолъ четвертаго преемника Темучинова, Хубилая, и удаленіе его изъ Каракорума въ Пекинъ ускорило разрывъ; въ Монгольскомъ мірѣ возникло множество самостоятельныхъ ордъ, которыя вели одна съ другою междоусобныя кровавыя войны, сливались, раздѣлялись, исчезали и снова возникали. Главными изъ нихъ были: Кипчакская, въ родѣ Чучи; Чагатайская, въ родѣ Чагатая; Иранская (Персія), въ родѣ Гулягу, и Катайская, въ родѣ Хубилая.

Ханы Золотой орды до конца XIV столѣтія были изъ
поколѣнія Чучи; власть ихъ переходила отъ брата къ бра-
ту и отъ дяди къ племяннику. Сперва господствовалъ въ
ней Батый, утвердившій владычество Монголовъ въ нашемъ
отечествѣ; за нимъ братъ его Беркай, при которомъ весь 1256.
Русскій народъ былъ обложенъ поголовною данью; ему на- 1266
слѣдовалъ третій братъ Батыя Менгутемиръ, положившій
начало введенію въ ордѣ Магометанской вѣры; послѣ Менгутемира, ордою Кипчакскою управляли два хана: меньшой братъ Батыевъ Ногай западными кочевьями и сынъ Батыевъ Туда-Мангу Сараемъ. Ногай, господствуя между Дономъ и Днѣстромъ, тревожилъ частыми походами Польшу и Венгрію; разбилъ своего племянника, лишилъ его жизни и овладѣлъ всею Золотою ордою; но чрезъ три года былъ изгнанъ сыномъ Менгутемировымъ Тохтою или Тохтагу и съ отчаянія самъ себя умертвилъ. Потомство Ногаево утвердилось въ Тавридѣ, гдѣ въ послѣдствіи основано отдѣльное ханство Крымское. Тохта же передалъ престолъ Сарайскій

въ 1313 году знаменитому Узбеку, покровителю первыхъ князей Московскихъ.

Иго. Господство Золотой орды въ Европѣ ограничивалось одною Русскою землею; сопредѣльныя нашему отечеству страны, Венгрія, Польша и Литва не были ей подвластны. Рабство наше началось съ 1243 года, когда Батый потребовалъ въ Сарай Русскихъ князей, принялъ ихъ, какъ вождей покоренной оружіемъ его страны, назначилъ дань и предоставилъ себѣ верховное право располагать судьбою Руси. Оно имѣетъ свой отличительный характеръ.

Чингизханъ и преемники его, покоряя народы, большею частію стоявшіе на высшей степени образованности, съ одною цѣлію завоеванія и грабежа, не хотѣли и не могли принять на себя заботы внутренняго управленія, господствовали издали, требовали одной дани, безусловной покорности, не вмѣшивались въ судъ и расправу, ни въ отношенія своихъ данниковъ къ сосѣдямъ, имѣли дѣло только съ туземными государями, которыхъ возводили на престолъ или низвергали по произволу, и рѣдко, только въ особенныхъ случаяхъ, замѣняли ихъ Монгольскими сановниками. Для обузданія же покоренной страны, на предѣлахъ ея обыкновенно располагалась орда, подъ начальствомъ одного изъ потомковъ Чингизхановыхъ.

Въ слѣдствіе сего, находясь въ подданствѣ Монголовъ, Русь удержала свое внутреннее устройство, по прежнему имѣла своихъ князей великихъ и удѣльныхъ, свой судъ и расправу, свою вѣру, своихъ сановниковъ свѣтскихъ и духовныхъ, воевала и мирилась со всѣми сосѣдями, не спрашивая согласія хановъ, и въ то же время испытала всѣ ужасы рабства. Главныя черты его въ первый вѣкъ были слѣдующія:

1) Непосредственнымъ, верховнымъ властителемъ Руси былъ ханъ орды Сарайской (Золотой или Кипчакской). Онъ присвоилъ себѣ право раздавать князьямъ области по своему произволу, назначать изъ числа ихъ великаго князя, судить ихъ въ случаѣ междоусобныхъ споровъ собственнымъ судомъ или чрезъ пословъ, отнимать у виновнаго княжество и наказывать его самою смертію.

2) Каждый князь, великій и удѣльный, не прежде могъ вступить въ управленіе наслѣдственною областію, какъ по утвержденіи ханомъ. Для этого онъ долженъ былъ ѣхать въ орду Сарайскую, а въ первые годы рабства въ Татарію,

бить челомъ хану, искать благоволенія сановниковъ его, дарить женъ его, самыхъ служителей, ждать иногда по цѣлому году и часто уступать свое право другому князю, болѣе хитрому, успѣвавшему заслужить благосклонность хана. Въ случаѣ немилости ханской, онъ могъ спасти себя и народъ свой однимъ смиреніемъ, дарами, частыми путешествіями въ орду.

3) Утверждая князей владѣтелями удѣловъ, ханъ по большей части не отступалъ отъ стариннаго нашего порядка престолонаслѣдія; но имѣлъ неограниченное право назначить младшаго князя мимо старшаго; впрочемъ никогда не поручалъ княжеской власти Монгольскимъ сановникамъ или не потомкамъ Рюрика.

4) Вся Русь была обложена данью, весь народъ былъ переписанъ поголовно опредѣленными для сего Монгольскими сановниками,—баскаками или численниками; Русскіе платили безпрекословно все, чего требовали ханы; въ случаѣ отказа дани, платили своею свободою.

5) Сборъ дани въ первый вѣкъ нашего рабства былъ отдаваемъ ханами, по Азіатскому обычаю, на откупъ купцамъ Хивинскимъ, Бухарскимъ, Армянскимъ, Еврейскимъ, которые являлись къ намъ подъ именемъ пошлинниковъ, таможниковъ, съ ханскими грамматами, не рѣдко съ отрядами Монголовъ, брали все, что могли, опредѣляли налоги по произволу; въ случаѣ неплатежа, назначали неумѣренные росты, а должниковъ несостоятельныхъ отводили въ неволю.

6) Наконецъ жертвуя своимъ имуществомъ и свободою, мы нерѣдко должны были жертвовать самою жизнію за своихъ тирановъ: князья обязаны были, по первому требованію, посылать свои дружины на подкрѣпленіе ханской рати въ походахъ ея на Литву, Венгрію и Кавказъ.

Владычество Монголовъ надъ Русью продолжалось 237 лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ Русскіе князья признали себя данниками Сарайскаго хана, до того времени, какъ Іоаннъ III объявилъ себя независимымъ и разрушилъ орду Кипчакскую. Государственное иго наше имѣло два періода: въ первый вѣкъ (1243—1328), оно угнетало всю Русскую землю всею тяжестію своею; во второй вѣкъ (1328—1480), ханы господствовали только въ восточной половинѣ Руси, и притомъ власть ихъ съ каждымъ новымъ поколѣніемъ ослабѣвала, уступая мѣсто инымъ пружинамъ; западную же Русь исторгли изъ власти Монголовъ князья Литовскіе, отнявъ ее въ то же время у потомковъ Владиміра св. и присвоивъ себѣ. Монгольск… періодъ

II. РУСЬ ВОСТОЧНАЯ.

1242—1328.

Подданство Руси. По удаленіи Батыя къ берегамъ Волги, Русская земля представляла самое печальное зрѣлище: цвѣтущіе города ея были грудами развалинъ; несмѣтное множество народа погибло подъ мечами варваровъ, или въ пламени своихъ жилищъ; многіе роды княжескіе пресѣклись. Уныніе было повсемѣстное. Князья вмѣстѣ съ народомъ упали духомъ; смотрѣли на жизнь, какъ на милость завоевателя, въ безусловной покорности видѣли единственное средство спасти ее, и по первому призыву Батыя, являлись одинъ за другимъ въ
1243. орду смиренно бить челомъ. Прежде всѣхъ отправился туда Ярославъ Всеволодовичъ, по смерти брата своего Георгія вступившій на престолъ Владимірскій; за нимъ удѣльные князья Суздальскіе и Рязанскіе; потомъ Михаилъ Черниговскій и владѣтели Сѣверскіе. Батый назвалъ Ярослава главою всѣхъ князей Русскихъ, утвердивъ однако и другихъ потомковъ Владиміра св. въ принадлежавшихъ имъ удѣлахъ, исключая одного Михаила Черниговскаго: сей благочестивый князь хотѣлъ лучше погибнуть, нежели поклониться
1246. кумирамъ, какъ того требовали Монгольскіе жрецы, и принялъ въ ордѣ вѣнецъ св. мученика.

Дѣленіе Руси восточную и западную. Назначеніе Ярослава великимъ княземъ всея Руси долженствовало, по видимому, соединить раздробленныя части государства въ одно цѣлое: на самомъ дѣлѣ Ярославъ, опираясь на волю хана, господствовалъ въ большей части Русской земли, назначая намѣстниковъ въ Кіевъ, Черниговъ, въ княжества Новгородское, Псковское, отчасти въ Полоцкое, властвуя въ Смоленскомъ, Рязанскомъ, во всѣхъ удѣлахъ Суздальскихъ. Но югозападная Русь была отъ него независима: Даніилъ Романовичъ Галицкій, долго не признавая Батыя своимъ повелителемъ, грозя вооружить на Монголовъ Европейскія государства, умѣлъ внушить къ себѣ
1250. такое почтеніе, что ханъ съ радостію утвердилъ его владѣтелемъ западной Руси, какъ скоро онъ явился въ орду покорнымъ данникомъ, послѣ тщетныхъ усилій избавиться отъ ига. Такимъ образомъ съ первыхъ лѣтъ Монгольскаго владычества, внутренняя и внѣшняя политика князей со-

средоточилась въ двухъ главныхъ пунктахъ: во Владимірѣ на Клязьмѣ и въ Галичѣ, съ одной стороны въ родѣ Ярослава Всеволодовича, съ другой въ потомствѣ Даніила Романовича; и хотя какъ тамъ, такъ и здѣсь все постоянно выражало одинъ типъ Русскій; однакожъ отъ вліянія внѣшнихъ обстоятельствъ, отъ различія въ политикѣ князей того и другаго поколѣнія, судьба восточной Руси была отлична отъ судьбы западной.

Ярославъ Всеволодовичъ, покоряясь необходимости, смиреніемъ старался отклонить отъ своего отечества новыя бѣдствія; неоднократно ѣздилъ въ орду къ Батыю, приносилъ ему дань, странствовалъ въ неизмѣримыхъ степяхъ Татаріи, гдѣ билъ челомъ великому хану, Гаюку, и претерпѣвъ всѣ роды уничиженія, самую жизнь кончилъ на возвратномъ пути изъ глубины Монголіи *. Иначе мыслилъ преемникъ его, Андрей Ярославичъ Суздальскій: онъ хотѣлъ воспользоваться общею ненавистью народною и возвратить отечеству независимость оружіемъ, не приготовивъ средствъ къ одолѣнію Монголовъ, еще крѣпкихъ внутреннимъ согласіемъ, непобѣдимыхъ въ борьбѣ открытой. Преждевременныя усилія стоили дорого ему и народу: Монголы пришли снова, чтобы въ конецъ разорить Русскую землю. Андрей принужденъ былъ бѣжать въ Швецію, оставивъ подданныхъ на произволъ врагамъ. Къ счастію явился спаситель.

Ярославъ и дѣ... его. 1246. Андрей.

Старшій сынъ Ярослава, Александръ, господствовавшій въ то время по волѣ хана въ Кіевѣ, спѣшилъ въ орду, укротилъ гнѣвъ Батыя, оправдалъ свой народъ, и признанный главою Руси, возобновилъ политику отца. Не слабость духа, не робость, а любовь къ отечеству принудила его унижаться предъ Монголами; мужество свое онъ доказалъ во многихъ войнахъ съ непріятелями Руси, до вступленія на великокняжескій престолъ: бывъ удѣльнымъ княземъ въ Новгородѣ, Александръ смѣло ополчался на враговъ отечества, въ кровопролитной сѣчѣ разбилъ Шведовъ на берегахъ Невы, нѣсколько разъ истреблялъ хищныхъ Литовцевъ и своими побѣдами привелъ въ ужасъ орденъ Ливонскій; но смирялся предъ грознымъ могуществомъ Монголовъ; угождалъ Батыю и сыну его Сартаку, коему дряхлый ханъ при жизни поручилъ Русь въ управленіе; неоднократно ѣздилъ въ орду, съ богатыми дарами, ласкалъ ханскихъ вельможъ,

Александръ Н... скій. 1252 – 1263

* Путешествіе Плано-Карпини къ Татарамъ. Изд. Языковымъ. Спб. 1825.

и въ надеждѣ усыпить злодѣевъ, до того простеръ свое смиреніе, что позволивъ ханскимъ численникамъ переписать народъ, для обложенія его тяжкою данью, самъ содѣйствовалъ имъ къ поголовной переписи и къ взысканію налоговъ, обуздывая народъ, самыхъ дѣтей своихъ, въ порывахъ великодушнаго, но безполезнаго негодованія. Такою политикою онъ спасъ отечество отъ конечнаго порабощенія: безъ сей мѣры ханы могли лишить князей власти и назначить въ правители Руси своихъ баскаковъ; Монгольскій судъ, Монгольскій образъ управленія, истребленіе всего Русскаго были бы неминуемымъ слѣдствіемъ. Братья Александровы, Ярославъ Тверской и Василій Костромской, слѣдовали его примѣру.

Дѣти Александра Невскаго.

Но дѣти и внуки Александра Невскаго и Ярослава Тверскаго упустили изъ виду главную цѣль ихъ политики. Александръ, смиреніемъ отклоняя новыя нашествія Монголовъ, хотѣлъ спасти Русь, ея вѣру, языкъ, внутреннее устройство; они же думали только о присвоеніи великокняжескаго достоинства, которое теперь давало власть надъ Русью, одинъ за другимъ являлись въ орду, клеветали другъ на друга, судились судомъ ханскимъ, набирали толпы Монголовъ и при помощи ихъ изгоняли другъ друга. Пагубное
1276 — 1328. ослѣпленіе князей продолжалось болѣе полувѣка, отъ смерти Василія Ярославича Костромскаго до Іоанна Калиты. Во все это время, самое мрачное въ нашей исторіи, мы видимъ однѣ крамолы, свирѣпые раздоры внутренніе, безпрерывныя нашествія Монголовъ, приводимыхъ самими князьями, не менѣе опустошительныя вторженія западныхъ сосѣдей, Шведовъ, Ливонскихъ рыцарей, Литовцевъ, очевидное изнеможеніе беззащитной Руси.

Андрей и Димитрій.

Кровавыя междоусобія начались при дѣтяхъ Александра Невскаго. Сынъ его Андрей, князь Городецкій, по совѣту бояръ, хотѣлъ свергнуть съ великокняжескаго престола роднаго брата, Димитрія, дарами и лестію склонилъ на свою сторону хана, получилъ отъ него граммату и войско, раз-
1280. зорилъ всю Владимірскую область отъ Ростова до Торжка, и выгналъ Димитрія. Когда же сей князь нашелъ усердныхъ защитниковъ въ жителяхъ Переяславля, Андрей вторично привелъ Монголовъ и снова одолѣлъ его. Димитрій обратился къ Ногаю, повелѣвавшему своею ордою на правомъ берегу Волги, и выхлопоталъ отъ него граммату. Андрей смирился; но чрезъ два года успѣлъ вооружить противъ сопер-

ника князей удѣльныхъ и оклеветать его предъ ханомъ. Монголы появились въ Руси, въ третій разъ, чтобы возвести Андрея на престолъ, и напомнили ей время Батыево: Муромъ, Суздаль, Владиміръ, Юрьевъ, Переяславль, Угличъ, Коломна, Москва, Дмитровъ, Можайскъ и другіе города были разорены. Одна Тверь спаслась мужествомъ юнаго князя своего, Михаила Ярославича. Вскорѣ Димитрій умеръ. Андрей достигъ своей цѣли: сѣлъ на престолъ великокняжескій и думалъ повелѣвать, по примѣру отца, всею Русью; 1294.
но князья удѣльные Михаилъ Тверской, Іоаннъ Переяславскій, Даніилъ Московскій хотѣли быть независимы. Андрей жаловался хану; ханъ нарядилъ судъ, подъ предсѣдательствомъ своего баскака. Князья были непримиримы: ни угрозы ханскаго посла, ни убѣжденія духовенства не могли согласить ихъ; они спорили съ Андреемъ за права независимости до самой смерти его. 1304.

Вражда Твери съ Москвою. 1304 – 1328.

Примѣръ Андрея открылъ князьямъ новый путь къ великокняжескому престолу, доказавъ имъ, что достоинство великаго князя принадлежало не тому, кто имѣлъ на оное право наслѣдственное, но тому, кто умѣлъ угодить хану. Право старѣйшинства, доселѣ опредѣлявшее порядокъ престолонаслѣдія, исчезло: имъ дорожилъ только тотъ, кому оно доставалось, т. е. старшій въ родѣ; младшіе не уважали этого права, предпочитая ему ханскій произволъ, открывавшій всѣмъ князьямъ путь къ престолу. Въ слѣдствіе сего смерть каждаго великаго князя воспламеняла вражду между искателями его достоинства: одни опирались на право, другіе на милость хана; спѣшили въ орду, чернили другъ друга, не щадили ни даровъ, ни ласкательствъ, и обыкновенно возвращались въ отечество непримиримыми врагами. Народу оставалось терпѣть и лить кровь за князей ослѣпленныхъ.

Михаилъ и Георгій.

По смерти Андрея, два князя хотѣли быть главою Руси: племянникъ Александра Невскаго Михаилъ Ярославичъ Тверской, какъ старшій въ родѣ, и внукъ Александровъ Георгій Даніиловичъ Московскій, младшій изъ князей удѣльныхъ; одни города стояли за князя Тверскаго, другіе за Московскаго. Соперники отправились въ орду на судъ хана. Ханъ утвердилъ Михаила. Георгій отвлекъ отъ него Новгородцевъ, 1304.
дотолѣ зависѣвшихъ отъ великаго князя. Михаилъ привелъ полки Монгольскіе и смирилъ Новгородъ. Князь Московскій принялъ другія мѣры: уѣхалъ въ орду, три года кланялся

Узбеку, женился на сестрѣ его Кончакѣ, и получивъ граммату на достоинство старѣйшаго князя, повелъ Монголовъ въ Тверскую область, для отмщенія сопернику. Михаилъ, не желая раздражать хана, отказывался отъ чести быть великимъ княземъ; Георгій хотѣлъ отнять у него наслѣдственную область и пошелъ съ сильною ратью на Тверь. Князь Тверской, доведенный до крайности, встрѣтилъ врага и поразилъ его наголову при селѣ Бортновѣ, взявъ въ плѣнъ жену Георгіеву Кончаку и воеводу Узбекова Кавгыдая; но снова предложилъ великодушный миръ, признавая князя Московскаго великимъ княземъ и требуя суда ханскаго. Къ его несчастію, Кончака умерла во время мирныхъ переговоровъ; Георгій бросился къ Узбеку и обвинилъ Ми-
1319 хаила въ смерти жены своей. Несчастнаго призвали въ орду и умертвили.

Георгій и Димитрій.

Князь Московскій вторично получилъ граммату на великокняжеское достоинство; но недолго пользовался плодами своего вѣроломства: сынъ Михаиловъ Димитрій, (Грозныя очи), имъ тѣснимый, жаловался Узбеку и выходилъ въ ордѣ для себя граммату на первенство. Георгій, чтобы поправить дѣло, снова отправился въ орду; за нимъ князь Тверской; они предстали на судъ хана. Димитрій такъ ненавидѣлъ своего врага, виновника смерти отцовской, что
1325. едва сошелся съ нимъ, вонзилъ въ него мечъ; вскорѣ погибъ и самъ, умерщвленный по приказанію хана.

Александръ и Іоаннъ.

Александръ Михайловичъ, второй сынъ Михаила Тверскаго, признанъ былъ Узбекомъ въ достоинствѣ великаго князя; но вскорѣ утратилъ его милость, истребивъ Монголовъ, приведенныхъ въ Тверь двоюроднымъ братомъ ханскимъ Шевкаломъ, для обращенія народа, какъ носилась молва, въ Магометанскую вѣру. Узбекъ далъ 50,000 войска князю Московскому Іоанну Даніиловичу, брату Георгіеву,
1328. для наказанія Александра и Тверитянъ. Область его была опустошена; самъ онъ бѣжалъ во Псковъ; оттуда въ Литву. Іоаннъ, въ награду за свое усердіе, получилъ граммату на достоинство великаго князя, и утвердивъ оное навсегда въ своемъ родѣ, далъ судьбѣ нашего отечества благотворное направленіе.

Враги западные.

Междоусобія потомковъ Ярослава Всеволодовича имѣли самое пагубное слѣдствіе, коего болѣе всего должно было опасаться наше отечество: князья удѣльные стали считать

себя совершенно независимыми отъ великаго князя и охотнѣе дружились съ Монголами, чѣмъ съ нимъ, частію для того, чтобы избавиться отъ его вліянія, частію и для того, чтобы присвоить право на первенство, которое, не давая власти, давало средства къ обогащенію казны: ибо дань переходила въ орду черезъ руки великаго князя. Къ концу перваго вѣка Монгольскаго владычества, силы Руси въ конецъ раздробились и какъ будто онѣмѣли: великій князь могъ располагать только своею отчиною и, съ трудомъ отбиваясь отъ завистливыхъ совмѣстниковъ, былъ не главою Руси, а только общимъ собирателемъ дани для Монголовъ. Не имѣя силъ управиться съ внутренними непріятелями, онъ тѣмъ менѣе могъ быть защитникомъ сѣверозападныхъ княжествъ, доселѣ непосредственно зависѣвшихъ отъ великокняжеской власти, Кривскихъ, Псковскаго и Новгородскаго. Два сильные врага постоянно тревожили эти области во все продолженіе перваго вѣка нашего рабства и къ концу его успѣли присвоить многіе Русскіе города: то были папы, устремлявшіе на Русь Шведовъ и Меченосцевъ, и Литовцы, движимые духомъ завоеванія.

Не довольствуясь владычествомъ надъ всѣми Германскими народами, вытѣсняя Греческое духовенство изъ южныхъ земель Славянскихъ, признававшихъ главою Византійскаго патріарха, Римскіе первосвященники со временъ Григорія VII, покровительствовавшаго Изяславу Ярославичу, не теряли надежды подчинить себѣ Русскую церковь и дѣйствовали тѣмъ ревностнѣе, что власть ихъ утвердилась въ самой Византіи, покоренной оружіемъ крестоносцевъ. Сначала они хотѣли уловить насъ хитрою политикою; обѣщали князьямъ защиту апостольскаго меча и вѣнцы королевскіе, ссылались на государей умершихъ, будтобы изъявившихъ согласіе покориться намѣстнику св. Петра [1], въ особенности спѣшили воспользоваться злополучіемъ Руси, сокрушенной Монголами: сулили ей свободу, защиту всей Европы, готовой для спасенія нашего предпринять крестовый походъ, если только наши князья согласятся зависѣть отъ Римской церкви,—и все тщетно: ни велерѣчіе легатовъ, ни папскія обѣщанія не могли поколебать нашего православія. Видя безуспѣшность такой политики, папы прибѣгли къ инымъ Папы.

1. Такъ писалъ Александру Невскому папа Иннокентій IV, увѣряя, будто бы отецъ его Ярославъ, находясь у великаго хана въ Татаріи, далъ слово папскому миссіонеру Плано-Карпини принять Латинскую вѣру. Мы имѣемъ записки Карпини: онъ ни слова не говорить о мнимомъ желаніи Ярослава оставить вѣру праотцевъ.

мѣрамъ; рѣшились распространить свою власть въ нашемъ отечествѣ мірскимъ оружіемъ и подстрѣкали Шведовъ и Ливонскихъ рыцарей къ обращенію Русскихъ въ Латинскую вѣру силою; тѣ и другіе, возбужденные папою, съ половины XIII вѣка стали непрестанно тревожить наши сѣверозападныя области, и мы, громимые съ востока фанатизмомъ воинственнымъ, въ то самое время на западѣ должны были бороться съ религіознымъ, не менѣе сильнымъ и опаснымъ.

Шведы. До половины XII вѣка Русскіе не имѣли никакихъ распрей съ Шведами. Основаніе Королемъ Эрикомъ IX многихъ
Съ 1157. Шведскихъ поселеній въ южной Финляндіи служило первымъ поводомъ къ раздору. Новгородцы съ неудовольствіемъ и опасеніемъ смотрѣли на пришельцевъ, силившихся обратить въ Латинскую вѣру и присвоить себѣ два народа, издавна подвластные Новгороду, Емь и Корелу: первый обиталъ въНиландѣ, Тавастландѣ и Саволаксѣ (въ южной части Финляндіи); второй въ Кореліи. Съ 1164 года началась война. Русскіе постоянно одерживали верхъ: при первомъ вторженіи непріятелей въ Ладожское озеро, Новгородцы истребили множество судовъ ихъ и удержали за со-
1184. бою Емь и Корелу; въ послѣдствіи выслали многочисленный флотъ, который, переплывъ Балтійское море, пробрался въ озеро Меларъ (протокомъ, гдѣ основанъ Стокгольмъ), и разорилъ въ конецъ многолюдный городъ Сигтуну; въ исходѣ же XII вѣка истребивъ большую часть Шведскихъ поселеній въ Финляндіи, сожгли городъ Або, бывшій мѣстопребываніемъ Латинскаго епископа. Шведы не хотѣли покинуть Финляндію и напрягали всѣ силы, чтобы удержать ее за собою. Война была безпрерывная.

Но до нашествія Монголовъ, единственнымъ поводомъ къ раздору Шведовъ съ Новгородцами было стремленіе одного народа вытѣснить другой изъ Еми и Кореліи. Съ тѣхъ поръ началась борьба религіозная. Самымъ достопамятнымъ явленіемъ въ этомъ смыслѣ былъ походъ Шведскаго полководца Биргера, посланнаго королемъ Эрихсономъ, для обращенія Новгородцевъ въ Латинскую вѣру, въ то самое время, когда Батый громилъ южную Русь. Виновникомъ нашествія Биргера былъ папа, который въ 1237 году повелѣлъ буллою Упсальскому епископу проповѣдывать въ сѣверныхъ странахъ крестовый походъ противъ Финляндіи и Руси. Тогдашній князь Новгородскій Александръ Яросла-

вичъ образумилъ Шведовъ: онъ разбилъ ихъ наголову при устьѣ Ижоры, на берегахъ Невы, собственнымъ копіемъ *возложилъ печать* на лице Биргера, убилъ епископа и заслужилъ отъ потомства прозваніе Невскаго. По смерти Александра, бывшаго грозою непріятелей, пользуясь раздорами сыновей его, Шведы присвоили всю Русскую Емь и часть Кореліи, гдѣ построили Кексгольмъ и Выборгъ; въ концѣ же XIII вѣка хотѣли овладѣть и теченіемъ Невы, при устьѣ коей основали Ландскрону, въ надеждѣ рано или поздно ввести въ Русскихъ земляхъ Римскую вѣру. Новгородцы вытѣснили ихъ, и чтобы удержать за собою Неву, въ началѣ XIV вѣка заложили крѣпость Орѣшекъ (нынѣшній Шлиссельбургъ). Безпрерывная война утомила оба народа: въ 1323 году они заключили вѣчный миръ Орѣховскій, опредѣливъ границею обоюдныхъ владѣній черту отъ устья рѣки Сестры до югозападной части нынѣшняго Кексгольмскаго уѣзда. Этотъ миръ служилъ въ послѣдствіи, до Михаила Ѳеодоровича, основаніемъ всѣхъ трактатовъ между Швеціею и Россіею. Но фанатизмъ не угасъ: Шведскіе короли, подстрекаемые папою, вскорѣ возобновили прежнюю мысль обратить Русскихъ оружіемъ въ Латинскую вѣру, доколѣ частыя неудачи не убѣдили ихъ въ непоколебимомъ православіи нашихъ предковъ. 16 іюля 1240

Еще ревностнѣе служили папѣ рыцари ордена Меченосцевъ, овладѣвшіе въ первый вѣкъ нашего ига всею Ливоніею, страшные для Пскова и Новгорода, сокрушенные послѣ долговременной борьбы Іоанномъ IV. Страна, извѣстная подъ общимъ названіемъ Ливоніи, заключающая въ себѣ нынѣ Эстляндію, Лифляндію, Курляндію, искони была обитаема народами частію Финскаго, частію Латышскаго самобытнаго племени: въ Эстляндіи Эстами и Чудью, въ Лифляндіи Ливами и Леттами, въ Курляндіи Корсью или Куронами. Первые три народа, со временъ Ярослава, построившаго въ землѣ ихъ Юрьевъ (Дерптъ), зависѣли отъ Новгородцевъ, частію отъ Псковитянъ и Князей Полоцкихъ, имѣвшихъ въ началѣ XIII столѣтія на Двинѣ города съ православными церквами, Кокейносъ (Кокенгаузенъ) и Герсике (Крейцбургъ). Упорствуя въ грубомъ язычествѣ, въ дикихъ нравахъ, жители Ливоніи весьма неохотно платили дань, и для обузданія ихъ князья Новгородскіе приходили къ нимъ съ войскомъ. Язычество Ливонцевъ съ конца XII Меченосцы

1186. вѣка обратило на себя вниманіе набожныхъ проповѣдниковъ Нѣмецкихъ, которые, слѣдуя общему духу времени, искали только случая и мѣста, чтобы ознаменовать свое усердіе къ Римской вѣрѣ, тѣмъ болѣе къ папѣ. Первымъ проповѣдникомъ христіанства въ Ливоніи, по благословенію Бременскаго епископа, былъ Августинскій священникъ Мейнгардъ, построившій на Двинѣ, съ согласія *великаго* князя Полоцкаго, Икскуль, для безопасности своихъ послѣдователей. По слѣдамъ Мейнгарда, въ самомъ концѣ XII вѣка, прибылъ съ крестоносною дружиною Албертъ Буксгевденъ, рѣшившій надолго судьбу Ливоніи. Утвержденный папою въ званіи Ливонскаго епископа, онъ не только положилъ прочное основаніе владычеству Нѣмцевъ на Двинѣ, построе-
1200. ніемъ города Риги, многихъ костеловъ и замковъ, но приготовилъ и преемникамъ своего званія вѣрное средство къ покоренію всей Ливоніи, образовавъ изъ сподвижниковъ своихъ, съ согласія папы Иннокентія III, военнодуховный ор-
1201. денъ, подъ названіемъ *Братства креста Господня.* Таково было начало знаменитаго ордена Меченосцевъ. Онъ получилъ отъ папы уставъ Храмовыхъ рыцарей, бѣлую мантію съ краснымъ крестомъ и право на владѣніе покоренными землями, но въ зависимости отъ Ливонскаго епископа. Послѣ тридцатилѣтней трудной борьбы съ туземцами, Меченосцы успѣли мечемъ и пламенемъ подчинить большую часть упорныхъ язычниковъ Римской церкви. Покоряя Ливонію, они обращали оружіе и на Русскіе предѣлы, сначала для отраженія Полоцкихъ князей, силившихся исхитить подвластную имъ страну на Двинѣ изъ рукъ пришельцевъ, въ послѣдствіи для утвержденія своего господства и Латинской церкви въ земляхъ Кривскихъ. Но чувствуя слабость своихъ средствъ, встрѣчая неодолимыя препятствія въ дикомъ упорствѣ Ливонцевъ и въ мужествѣ Русскихъ, Мече-
1237. носцы, съ согласія папы Григорія IX, въ 1237 году присоединились къ ордену Тевтонскому, господствовавшему въ Пруссіи; удержали однако свое прежнее устройство, своихъ епископовъ, своихъ гермейстеровъ, назначаемыхъ великими магистрами Тевтонскими, свое право на покоряемыя оружіемъ ихъ земли, пріобрѣли только новыя силы, новую бодрость, и съ тѣхъ поръ, подстрекаемые Римскимъ дворомъ, духомъ фанатизма, жаждою корысти, вступили въ безпрерывную борьбу съ князьями Полоцкими и Новгородскими. Постоянныя впаденія ихъ въ наши предѣлы нача-

лись въ то время, когда Батый разрушалъ Кіевъ, а Шведы хотѣли овладѣть Новгородомъ. Александръ Невскій едва успѣлъ отразить Биргера, долженъ былъ спѣшить на помощь Пскову, коимъ рыцари уже овладѣли. Мужественный 5 апрѣля 1242. князь выгналъ ихъ изъ Пскова, освободилъ Изборскъ, и поразивъ главныя силы непріятелей на Чудскомъ озерѣ, привелъ орденъ въ такой ужасъ, что гермейстеръ его Вельвенъ трепеталъ за самую Ригу и просилъ помощи у короля Датскаго; между тѣмъ, чтобы остановить успѣхи Русскихъ, уступилъ Новгороду значительную часть Леттаніи. По смерти Александра, война запылала снова. Рыцари, вопреки трактату, напали на Новгородцевъ, шедшихъ въ Эсто- 1268. нію противъ поселившихся тамъ Датчанъ; но при Раковорѣ или Везенбергѣ въ 1268 году потерпѣли жестокое пораженіе, положивъ на мѣстѣ много и Русскихъ, коими предводительствовалъ князь Димитрій Александровичъ. Гермейстеръ собралъ новыя великія силы, до 18,000, и осадилъ 1269. Псковъ, имѣя множество стѣнобитныхъ орудій. Князь Псковской, мужественный Довмонтъ, упорною защитою далъ время Новгородцамъ подоспѣть на помощь и отбилъ рыцарей.

При всѣхъ неудачахъ, Меченосцы хотѣли непремѣнно овладѣть Псковомъ, который съ тѣхъ поръ былъ главною цѣлью ихъ походовъ и стражемъ Русскихъ предѣловъ. Къ счастію нашему, въ концѣ XIII вѣка, въ орденѣ возникли раздоры между епископами и рыцарями, за право господства надъ покоренными землями, и на время отвлекли его вниманіе отъ Руси.

Къ довершенію бѣдствій нашего отечества, въ первый Литва. вѣкъ Монгольскаго владычества, на западныхъ предѣлахъ Руси усилился народъ, дотолѣ едва замѣтный въ нашей исторіи, съ половины XIV вѣка грозный для всѣхъ сосѣдей, — Литва. Единоплеменная съ коренными древнѣйшими народами, жившими по юговосточнымъ берегамъ Балтійскаго моря, съ Пруссами, съ Зимголою въ Семигаліи, Жмудью въ западной части Виленской губерніи, съ Корсью въ Курляндіи, съ Ливью и Летголою въ Лифляндіи, Литва искони обитала въ дремучихъ лѣсахъ, между Нѣманомъ и западною Двиною, въ нынѣшней Виленской губерніи, гдѣ въ низшихъ сословіяхъ доселѣ господствуетъ особенный языкъ, равно отличный отъ Славянскихъ, Нѣмецкихъ и Финскихъ нарѣчій. До нашествія Монголовъ, она извѣстна была ца-

шему отечеству смѣлыми набѣгами, коихъ цѣлью былъ одинъ грабежъ, упорною привязанностію къ полудикой жизни и грубымъ язычествомъ. Для обузданія сего свирѣпаго народа, со времени Ярослава I, рѣдкій изъ князей западной Руси не ходилъ въ его бѣдную страну, чтобы завоевать ее. При появленіи Русскихъ, жители скрывались въ глуши священныхъ лѣсовъ своихъ, и только въ крайности платили дань звѣриными шкурами, даже лыками и вѣниками. Походы Русскихъ князей не всегда были успѣшны: самъ Мстиславъ Великій, счастливый во всѣхъ воинскихъ предпріятіяхъ, испыталъ неудачу въ Литвѣ, гдѣ погибли цѣлые полки его, избитые врагами. Скудная дань, которую они иногда платили, стоила намъ дорого: князья, частыми вторженіями въ Литву озлобивъ ея обитателей и не успѣвъ покорить ихъ своей власти, накликали на себя враговъ непримиримыхъ. Съ половины XII вѣка Литовцы стали мстить намъ неутомимо, обнаруживая въ набѣгахъ грозную силу, страшную злобу, отчаянную дерзость: нерѣдко въ жестокую зиму, вырывались многочисленными толпами изъ своихъ лѣсовъ и съ остервененіемъ опустошали предѣлы Полоцкіе, Новгородскіе, Псковскіе, даже Волынскіе. Романъ Мстиславичъ Галицкій въ концѣ XII вѣка прекратилъ на время ихъ набѣги на Волынь и вообще на югозападную Русь, одержавъ надъ ними нѣсколько побѣдъ и грозою оружія внушивъ имъ такой страхъ, что имя его нѣсколько вѣковъ памятно было въ Литвѣ; тамъ еще въ XVI столѣтіи говорили въ пословицу: «Романе! худымъ живеши, Литвою ореши». Онъ впрягалъ плѣнниковъ въ соху для обработыванія земли. Въ другихъ княжествахъ сосѣдственныхъ, къ востоку, при слабости ихъ владѣтелей, Литовцы находили болѣе поживы: въ 1224 году они проникли до самой Русы; вскорѣ появились въ области Псковской, потомъ въ Полоцкой; въ 1239 году едва не овладѣли Смоленскомъ; въ тоже время тревожили и орденъ Ливонскій и Польшу; въ одной изъ битвъ съ Меченосцами они едва не истребили всего ордена: самъ гермейстеръ Вольквинъ положилъ въ ней голову со многими Псковитянами, призванными на помощь.

По завоеваніи Руси Монголами, въ первые годы нашего рабства, Литовцы выступили изъ своихъ лѣсовъ, съ рѣшительнымъ намѣреніемъ овладѣть сосѣдственными Русскими городами. Ими предводительствовали многіе конунгасы или

князьки, главою коихъ былъ храбрый и хитрый Миндовгъ, первый достовѣрный князь Литовскій, имѣвшій свою столицу въ Керновѣ, баснословно производимый Польскими лѣтописцами отъ племени Римлянъ, нашими отъ князей Полоцкихъ. Сперва онъ двинулъ весь свой народъ, всѣхъ подвластныхъ вождей на княжества Кривскія, Псковское, Новгородское. Напоръ Литвы такъ былъ стремителенъ, что Александръ Невскій восемь разъ выводилъ въ поле храбрую дружину противъ новыхъ завоевателей, овладѣвшихъ уже Торжкомъ; онъ вытѣснилъ ихъ и спасъ свои области. Раздоръ сыновей и внуковъ его облегчилъ Литовскимъ князьямъ завоеваніе княжествъ Полоцкаго, Минскаго и Витебскаго. Новгородъ и Псковъ, понимая всю опасность, напрягли всѣ свои силы, чтобы спасти свои города, и отстояли ихъ. Видя здѣсь неудачу, Литовцы обратились къ югу, раздвинули предѣлы свои до самаго Пинска, и грозили завоеваніемъ Волынскихъ княжествъ. Отселѣ исторія Литвы тѣсно соединяется съ исторіею югозападной Руси.

III. РУСЬ ЗАПАДНАЯ.

1238—1320.

Нашествіе Батыя оставило въ югозападной Руси столь же глубокіе слѣды, какъ и въ восточной: многіе цвѣтущіе города въ Волыни и Галиціи были разрушены до основанія, въ особенности Каменецъ, Галичъ, Перемышль; многія поколѣнія Волынскихъ князей изъ рода Изяслава Мстиславича угасли; жители скрылись въ лѣсахъ, или бѣжали въ сосѣдственныя государства, еще болѣе погибли. Даніилъ Романовичъ, преемникъ Мстислава Удалаго, видя невозможность бороться съ Монголами, удалился въ Венгрію; по минованіи же грозы, когда Батый возвратился къ берегамъ Волги, спѣшилъ исцѣлить нанесенныя имъ язвы: вызвалъ подданныхъ изъ лѣсовъ, возстановилъ разрушенные города и необыкновенною дѣятельностію въ короткое время образовалъ государство могущественное, заключавшее въ себѣ всю нынѣшнюю Галицію, Волынь, Подолію, часть Гродненской губерніи, Люблинскаго воеводства и большую часть Молдавіи.

Даніилъ Галицкій. 1238—1264.

Держава Галицкая не была подвластна великимъ князьямъ Владимірскимъ, утвержденнымъ въ ордѣ государями

всей Руси, ни Ярославу Всеволодовичу, ни Александру Невскому, тѣмъ менѣе преемникамъ ихъ: ибо Даніилъ осторожною политикою умѣлъ внушить Батыю такое къ себѣ уваженіе, что когда явился въ орду, послѣ долговременнаго отказа, съ покорностію, ханъ принялъ его болѣе какъ союзника, чѣмъ подвластнаго себѣ владѣтеля, и объявилъ главою югозападной Руси. Позже всѣхъ другихъ князей признавъ себя данникомъ Монголовъ, онъ не терялъ надежды на независимость, съ рѣдкимъ благоразуміемъ изыскивалъ средства къ освобожденію себя отъ ига и, чтобы успѣть въ своемъ намѣреніи, рѣшился искать помощи въ западныхъ Европейскихъ государствахъ. Болѣе всего онъ надѣялся на папу Иннокентія IV, который могъ ополчить Европу на Монголовъ, вступилъ съ нимъ въ дружелюбныя сношенія и обѣщалъ содѣйствовать соединенію восточной церкви съ западною, о чемъ папы постоянно заботились, если только согласится на оное вселенскій соборъ, который предполагалось созвать, какъ скоро Русь будетъ избавлена отъ враговъ. Иннокентій такъ обрадовался вызову Даніила, что
1254. прислалъ ему вѣнецъ королевскій и велѣлъ проповѣдывать крестовый походъ противъ Монголовъ. Ополченіе однако не состоялось отъ раздоровъ Христіанскихъ государей. Даніилъ, видя безсиліе папы, прервалъ сношенія съ Римскимъ дворомъ, удержалъ за собою титулъ королевскій, остался непоколебимъ въ православіи и однимъ союзомъ съ королями Польскимъ, Венгерскимъ, Богемскимъ хотѣлъ избавиться отъ рабства: укрѣпилъ города, собралъ войско многочисленное, такъ хорошо вооруженное, что оно заслужило удивленіе Венгровъ, коимъ помогало противъ императора Фридриха, и изгнавъ ханскихъ баскаковъ изъ всѣхъ областей своихъ до самаго Днѣпра, объявилъ себя непріятелемъ пре-
1259. емника Батыева. Сонмы Монголовъ устремились на Галицкое королевство; Даніилъ ждалъ только союзниковъ, чтобы вступить въ борьбу: они его оставили. Тутъ онъ увидѣлъ, что борьба невозможна, снова призналъ себя данникомъ хана, даже разрушилъ, по волѣ его, укрѣпленія Кременца, Луцка, Львова, Владиміра. При всемъ томъ онъ и преемники его менѣе всѣхъ Русскихъ князей раболѣпствовали хану: не ѣздили въ орду бить челомъ, не требовали ханскаго утвержденія въ отцовскихъ удѣлахъ, заставили Монголовъ уважать себя, грозя иногда тѣснымъ союзомъ съ Европою, иногда собственнымъ оружіемъ, главное же, не взи-

рая на раздробленіе Галицкаго королевства по праву удѣльному, дѣйствовали въ политикѣ внѣшней и внутренней съ рѣдкимъ въ нашей исторіи единодушіемъ.

По смерти Даніила, Галицкое королевство раздѣлилось на четыре удѣла: въ княжествѣ Владимірскомъ господствовалъ братъ его Василько; въ Перемышльскомъ, Луцкомъ и Галицкомъ сыновья Левъ, Мстиславъ и Шварнъ. Они вели счастливыя войны съ королями Польскими и съ князьями Литовскими, удерживая стремленіе сихъ новыхъ завоевателей на южную Русь; строили, обновляли города; платили Монголамъ дань, но не приглашали ихъ для разбора своихъ наслѣдственныхъ правъ на удѣлы, и только въ случаѣ войны съ сосѣдями призывали ихъ на помощь, какъ нѣкогда Половцевъ, съ тѣми же послѣдствіями: мнимые союзники болѣе вредили ихъ собственному государству, чѣмъ непріятелямъ, и мало по малу доводили его до изнеможенія. Сынъ Льва Даніиловича, Юрій, вступившій на престолъ въ самомъ началѣ XIV столѣтія, соединилъ подъ свою державу, по праву наслѣдства, всю югозападную Русь, и по примѣру великаго дѣда своего, въ сношеніяхъ съ иноземцами именовался королемъ Русскимъ (преемники же его назывались королями Малой Руси). Государство его было самымъ могущественнымъ изъ всѣхъ княжествъ Русскихъ, занимая страну обширную, плодородную, со многими цвѣтущими городами. При всемъ томъ, иго рабства тяготѣло надъ нимъ, такъ точно, какъ и надъ всею Русью; тяжкая дань, своеволіе баскаковъ, походы Монголовъ на Литву, Польшу и Венгрію, куда они неоднократно вторгались, все это изнуряло Галицкое королевство; оно могло назваться счастливымъ, только по сравненію съ другими княжествами.

Преемники Даніила. — *1301.*

После Монголовъ, главнымъ предметомъ политики королей Галицкихъ была Литва. Миндовгъ, встрѣтивъ отпоръ съ сѣверозападной Руси, обратилъ своихъ князьковъ на югъ и завоевалъ Новогродекъ. Даніилъ Романовичъ спѣшилъ заключить противъ него оборонительный союзъ съ князьями Польскими и съ орденомъ Ливонскимъ; въ то же время пользовался раздорами Литовскихъ князей, вооружалъ ихъ другъ противъ друга, билъ враговъ при каждой встрѣчѣ и проникъ въ самую Литву. Миндовгъ, тѣснимый со всѣхъ сторонъ, прибѣгнулъ къ хитрости: изъявляя желаніе креститься со всѣмъ народомъ, онъ просилъ покровительства Римскаго папы Александра IV, получилъ отъ него санъ коро-

Отношенія къ Литвѣ. — *1255.*

левскій въ награду за мнимое усердіе къ Христіанской вѣрѣ и при посредничествѣ его избавился отъ Меченосцевъ; Даніила же Романовича склонилъ къ миру, возвративъ ему Новогродекъ, Слонимъ, Волковискъ, и выдавъ дочь свою за меньшаго сына его Шварна, съ обѣщаніемъ не тревожить Волыни. Миндовгъ обманулъ и папу и Даніила: остался язычникомъ, спѣшилъ воспользоваться раздоромъ князя Галицкаго съ Монголами, и снова обратилъ оружіе на Волынскія княжества; но не успѣлъ овладѣть ими, бывъ умерщ-
1265. вленъ родственниками.

Смерть его сильно потрясла Литву и была поводомъ соединенія сей страны съ Галицкимъ княжествомъ, къ несчастію кратковременнаго. Сынъ Миндовга, Воишелгъ, принявшій Христіанскую вѣру по Греческому обряду, еще при жизни отца отказался отъ свѣта и, удаляясь въ Полонинскую обитель (Волынской губерніи), ревностно исполнялъ всѣ обязанности инока. Злодѣйство родственниковъ вызвало его къ мести: онъ свергнулъ съ себя монашескую одежду, явился
1266 въ Литвѣ грознымъ мстителемъ, при помощи сыновей Даніиловыхъ овладѣлъ государствомъ, истребилъ убійцъ своего отца и подозрѣвая подданныхъ въ соучастіи, плавалъ въ крови ихъ. Нѣсколько сотъ семействъ Литовскихъ, гонимыя Воишелгомъ, искали убѣжища во Псковѣ и тамъ крестились; въ числѣ ихъ былъ Довмонтъ, защитникъ Пскова, знаменитый набожностію и неоднократнымъ спасеніемъ своей новой отчизны отъ Ливонскихъ рыцарей, отъ самыхъ Литовцевъ. Воишелгъ искалъ престола только для того, чтобы наказать родственниковъ, виновныхъ въ смерти отца; совершивъ месть, онъ снова, въ одеждѣ инока, удалился
1267. въ монастырь, а государство уступилъ усердному сподвижнику, зятю своему Шварну, меньшому сыну Даніила Романовича. Шварнъ, получивъ отъ отца большую часть Галицкаго королевства, присоединилъ къ своему удѣлу все Литовское княжество, въ которомъ господствовалъ около двухъ лѣтъ. Преждевременная смерть его не допустила утвердиться соединенію Литвы съ Русью: старшій братъ его Левъ Даніиловичъ, наслѣдовавъ Шварнову область, Галицію, не умѣлъ утвердить свою власть въ Литвѣ, гдѣ его ненавидѣли, какъ убійцу Воишелга. Литовскимъ престоломъ овладѣлъ одинъ изъ туземцевъ, язычникъ Тройденъ, врагъ Русскихъ. Левъ, озлобленный вѣроломствомъ, и считая себя законнымъ наслѣдникомъ Литвы, обратился съ просьбою о помощи къ

хану Сарайскому Менгутемиру. Призванные имъ Монголы, соединясь съ полками Галицкими, Смоленскими, Сѣверскими, устремились въ Литву, чтобы завоевать ее для сына Даніилова; но остановленные на пути раздорами союзныхъ князей, дошли не далѣе Новогродека, и не столько повредили непріятелямъ, сколько Русскимъ княжествамъ, разоривъ на возвратномъ пути множество селъ и городовъ въ Галиціи. Эта неудача не образумила Льва: онъ снова призвалъ Монголовъ изъ Ногаева улуса; плоды были тѣже. Тройденъ и преемникъ его Витенъ утвердились на самой Горыни. Малолѣтство же наслѣдниковъ Льва и наконецъ пресѣченіе рода Даніилова доставило всю Волынь въ руки князей Литовскихъ.

IV. РУСЬ ВЪ НАЧАЛѢ XIV ВѢКА.

Въ началѣ XIV вѣка родъ Владиміра св., раздѣленный по прежнему на многія отрасли, господствовалъ въ зависимости отъ хановъ Сарайскихъ, въ тѣхъ же предѣлахъ, которые имѣла Русская земля предъ нашествіемъ Монголовъ, исключая княжества Кривскія, покоренныя Литвою, Ливонію, присвоенную Меченосцами, и южную Финляндію, отторгнутую Шведами. Все пространство отъ горъ Карпатскихъ, береговъ Сана, Западнаго Буга, Псковскаго озера и Выборга до Волги и Камы, отъ Ворсклы, верховьевъ Хопра и Медвѣдицы до Мурманскаго или Бѣлаго моря, было подвластно одному семейству. Многія отрасли его угасли, или не ознаменовавъ себя ничѣмъ достопамятнымъ, не были замѣчены лѣтописцами. Господствующимъ поколѣніемъ, какъ было до Монголовъ, осталось Мономахово, раздѣлившееся, въ потомствѣ правнука его Ярослава Всеволодовича и правнука Романа Мстиславича, на два главные рода, изъ которыхъ одинъ сосредоточивалъ въ себѣ всю политику въ восточной Руси, другой въ западной. Предѣлы Р[уси]

Родъ Ярослава Всеволодовича, въ потомствѣ трехъ сыновей его Александра, Андрея и Ярослава, раздѣлился на три отрасли: домъ Александра Ярославича Невскаго господствовалъ въ княжествѣ Московскомъ, домъ Андрея Ярославича въ Суздальскомъ и Нижегородскомъ, домъ Ярослава Ярославича въ Тверскомъ. Русь восточ[ная]

Московское княжество было слабѣе и малолюднѣе всѣхъ прочихъ княжествъ. Москва, самый юный изъ городовъ

Суздальской области, основанная вѣроятно не прежде Юрія Долгорукаго, по крайней мѣрѣ неизвѣстная прежде 1147 года, до нашествія Монголовъ, не имѣла даже своего князя и составляла отчину государей Суздальскихъ. Александръ Невскій отдалъ ее въ удѣлъ младшему сыну своему Даніилу, который, владѣя сначала одною Москвою съ нѣсколькими селами и деревнями, въ послѣдствіи увеличилъ свою область, пріобрѣвъ, по духовному завѣщанію племянника своего Іоанна Димитріевича, богатый и многолюдный Переяславль Залѣсскій. Сынъ его Георгій присовокупилъ еще Коломну, отнявъ ее у князя Рязанскаго. Іоаннъ Калита наслѣдовалъ, по смерти брата, кромѣ Москвы, Можайскъ, Коломну, Перемышль, Звенигородъ, Рузу, Серпуховъ, Переяславль.

Суздальское, вмѣстѣ *съ Нижегородскимъ*, принадлежало многимъ князьямъ изъ рода Андрея Ярославича; главою ихъ былъ внукъ его Константинъ Васильевичъ. Господствуя въ древнихъ городахъ, съ именемъ которыхъ современники привыкли соединять мысль о великокняжескомъ достоинствѣ, располагая сверхъ того Нижнимъ Новгородомъ, Галичемъ, Костромою, Городцомъ, Стародубомъ, Угличемъ, Константинъ былъ сильнѣйшимъ государемъ въ восточной Руси.

Тверское княжество, доставшееся по смерти Димитрія Михайловича, соперника Георгія Московскаго, брату его Александру, внуку Ярослава Ярославича, состояло изъ городовъ Твери, Ржева, Зубцова, Кашина: славилось мужествомъ народа и благородною твердостію князей, менѣе всѣхъ раболѣпствовавшихъ хану.

Какъ правнуки Ярослава Всеволодовича, признаннаго во время Батыя великимъ княземъ всея Руси, князья Московскіе, Суздальскіе и Тверской только себя считали вправѣ быть на великокняжескомъ престолѣ; потомки другихъ князей Владиміра св. не изъ рода Ярослава Всеволодовича, не оспоривали у нихъ этого права, искали одной независимости, и смотря по обстоятельствамъ, держались то той, то другой стороны. Въ числѣ княжествъ второстепенныхъ, относившихся къ системѣ восточной Руси, сильнѣйшія были: *Ростовское и Бѣлозерское*, принадлежавшія потомству Константина Всеволодовича, брата Ярославова; *Рязанское*, гдѣ господствовали потомки Ярослава Святославича Черниговскаго въ Рязани, Переяславлѣ, Пронскѣ; *Сѣверское*, здѣсь княжилъ родъ Святослава Ольговича и Михаила Всеволодо-

вича, раздѣляясь на князей Брянскихъ, Козельскихъ, Курскихъ, Глуховскихъ, Одоевскихъ, Карачевскихъ, Трубчевскихъ, Путивльскихъ, и другихъ; *Смоленское* оставалось за домомъ Ростислава Мстиславича, котораго отрасль утвердилась сверхъ того въ *Ярославль; Кіевское и Черниговское* княжества не всегда имѣли своихъ особенныхъ владѣтелей: главные города ихъ, состоявшіе изъ однихъ развалинъ, съ немногими жителями, были управляемы ханскими баскаками. Кіевъ такъ опустѣлъ, что митрополитъ всея Руси Максимъ, въ исходѣ XIII вѣка, перенесъ оттуда свой престолъ во Владиміръ на Клязьмѣ, бывшій со временъ Ярослава Всеволодовича столицею Руси. Впрочемъ въ ордѣ было принято за правило считать Кіевъ и Черниговъ въ числѣ городовъ великаго князя; но потомки Ярослава, занятые своими распрями, не имѣли даже времени и подумать о столь отдаленныхъ владѣніяхъ.

Новгородское княжество по прежнему принадлежало не исключительному поколѣнію, а тому, кто былъ признаваемъ въ ордѣ главою другихъ князей. Составляя въ нѣкоторомъ смыслѣ маіоратъ каждаго великаго князя, оно давало ему значительный перевѣсъ, если только онъ умѣлъ поладить съ вѣчемъ. Впрочемъ это случалось рѣдко: своеволіе черни болѣе ослабляло, чѣмъ усиливало великаго князя, озабочивая его безпрестанно спорами о правѣ собирать дань, производить судъ и расправу. Владѣнія Новгородскія были весьма обширны; въ нихъ находились города: Новгородъ, Ладога, Орѣшекъ, Руса, Копорье, Торжекъ, Вышній Волочокъ, Вологда, Устюгъ. Земли: Заволодская (въ Архангельской губерніи), Печерская, Пермская, Вятская, Югорская, доставлявшія мягкую рухлядь, даже дорогіе металлы, были области Новгородскія.

Псковское княжество, усвоивъ внутреннее устройство, сходное съ Новгородскимъ, составляло равнымъ образомъ маіоратъ великаго князя. Въ немъ находились города: Псковъ, Изборскъ, Опока, Торопецъ.

Русь югозападная.

Въ югозападной Руси господствовалъ также родъ Владиміра Мономаха, въ потомствѣ Романа Мстиславича Волынскаго. Многочисленныя княжества, извѣстныя прежде подъ именемъ Волынскихъ, Червенскихъ, Туровскихъ, Галицкихъ, принадлежавшія отчасти потомкамъ Мономаха и Володаря, отчасти другимъ отраслямъ Ярослава I, въ продолженіе

XIII вѣка вошли въ составъ одного могущественнаго государства, *королевства Галицкаго*, въ которомъ хотя были частные удѣлы, но владѣтели ихъ безпрекословно признавали надъ собою господство короля Галицкаго, въ родѣ Данiила Романовича. Оно простиралось отъ устьевъ Дуная до истоковъ Нѣмана, отъ береговъ Сана и горъ Карпатскихъ до Днѣпра, включая въ своихъ предѣлахъ всю нынѣшнюю Волынь съ частію Кіевской губерніи, Подолію, Галицію, часть воеводствъ Люблинскаго, Сандомирскаго и Гродненской губерніи. Замѣчательнѣйшіе города, подвластные потомкамъ Данiила, были: Галичъ, Львовъ, Перемышль, Дубно, Луцкъ, Владиміръ, Червень, Хелмъ, Белзъ, Каменецъ, Кременецъ, Овручъ, Туровъ, Пинскъ, Брестъ, Волковискъ, Новогродекъ.

сѣверо-западная.

Къ сѣверу отъ королевства Галицкаго, за верховьями Нѣмана, Русскія земли, принадлежавшія до половины XIII вѣка потомству Всеслава Полоцкаго, были во власти частію Литовскихъ князей, частію ордена Меченосцевъ. Первые утвердились въ Полоцкѣ, Витебскѣ, Минскѣ и зависѣвшихъ отъ нихъ городахъ; вторые въ Крейцбургѣ, Юрьевѣ и проч. Владычество тѣхъ и другихъ имѣло совершенно разныя начала. Литовскіе князья были идолопоклонники, признавали Перкуна, поклонялись священному огню, обожали лѣса, но вообще охотно крестились въ Христіанскую вѣру по Греческому обряду, и вступали въ брачные союзы преимущественно съ Русскими князьями. Они смотрѣли на Русь, какъ на новое отечество, гдѣ ожидала ихъ лучшая жизнь, и нерѣдко, въ случаѣ междоусобій, искали въ ней убѣжища: цѣлыя сотни семействъ переселились во Псковъ и Новгородъ, принявъ тамъ Христіанскую вѣру. Поступокъ Воишелга, отдавшаго свое государство сыну Данiилову Шварну, лучше всего объясняетъ взаимныя отношенія Литвы къ Руси: оба племени сливались въ одинъ народъ, въ которомъ Русскій языкъ, Русская вѣра, Русскіе уставы должны были господствовать. — Меченосцы отбирали наши города съ иною цѣлію: они вводили все свое, и дѣйствовали съ такимъ успѣхомъ, что въ тѣхъ странахъ, гдѣ господствовалъ орденъ, все Русское исчезало, все становилось Нѣмецкимъ; самыя названія Русскихъ городовъ и селъ были замѣнены Нѣмецкими именами.

ика князей.

Изъ вышесказаннаго очевидно, что Русь въ началѣ XIV вѣка находилась въ какомъ то нерѣшительномъ состояніи:

съ одной стороны главныя условія жизни общественной, выражавшія всюду одинъ типъ, соединяли всѣ земли ея въ одно цѣлое, въ одно государство, подвластное одному владѣтельному дому (исключая немногія области); съ другой же стороны стремленіе князей къ самостоятельности разрывало ее на части. Это стремленіе, подъ вліяніемъ Монголовъ, было столь сильно, что надлежало опасаться болѣе, чѣмъ когда либо неминуемаго раздробленія Русской земли на нѣсколько державъ самостоятельныхъ,—и Галицкое королевство, по видимому, служило примѣромъ для прочихъ княжествъ. При всемъ томъ узы единства были несокрушимы: кромѣ вѣры, языка, общественныхъ уставовъ, кромѣ недостатка физическихъ началъ раздробленія, самая мысль о первенствѣ, о верховномъ господствѣ того или другаго лица, занимавшая, ссорившая всѣхъ князей, свидѣтельствовала, что потомки Ярослава I смотрѣли на Русскую землю по прежнему: т. е. все, что носило на себѣ Русскій отпечатокъ, было ихъ общимъ достояніемъ. Удѣлы переходили изъ рукъ въ руки, сливались, раздѣлялись и снова соединялись. Какъ одинъ родъ успѣлъ присвоить власть надъ всею югозападною Русью, такъ другой домъ могъ господствовать въ восточной и мало по малу составить съ первымъ одно семейство: надлежало только рѣшить вопросъ, кто кого одолѣетъ. Этотъ вопросъ однакожъ до того былъ запутанъ, что только продолжительныя, кровавыя распри могли развязать его.

При такомъ положеніи дѣлъ, нельзя было ожидать скораго облегченія рабства. Главною, единственною цѣлію политики князей было первенство одного надъ другимъ. Стремленіе къ нему вооружало ихъ другъ противъ друга. Ханы Сарайскіе съ искусствомъ поддерживали духъ раздора, не давали преимущества исключительному поколѣнію и, назначая великихъ князей то изъ того, то изъ другаго рода, не усиливали ни одного. Всѣ князья были равны: каждый изъ нихъ могъ надѣяться на достоинство великокняжеское, и какъ оно стало гораздо почетнѣе, по крайней мѣрѣ прибыльнѣе, чѣмъ прежде, получить же его можно было только угодливостію хану: то всѣ они, при каждомъ упраздненіи престола, спѣшили въ орду, кланялись хану, искали его родства, дарили его женъ, мурзъ, и возвращались непримиримыми врагами. Слѣдовательно ханъ всегда имѣлъ средства подавить первый, великодушный порывъ къ госу-

дарственной независимости. Притомъ же орда была еще такъ могущественна, что могла бороться со всею Русью.

Золотая орда.

Въ Золотой ордѣ съ 1313 года господствовалъ ханъ доселѣ знаменитый на востокѣ, Узбекъ. Имя его, по Татарскимъ понятіямъ, соединяло въ себѣ идею всѣхъ царственныхъ добродѣтелей: многіе ханы считали себѣ за честь называться Узбеками. Долговременное 30 лѣтнее царствованіе, ознаменованное строгимъ правосудіемъ, крѣпостью правленія, подавило таившіяся въ ордѣ семена раздоровъ и такъ ее скрѣпило, что по первому мановенію хана, она могла подняться съ прежнимъ могуществомъ и сокрушить каждаго непріятеля. Важное обстоятельство еще болѣе усилило ее: уже со времень Беркая, многіе Монголы покланялись лжепророку; Узбекъ ввелъ Магометанскую вѣру во всѣхъ своихъ улусахъ. Духъ нетерпимости, на которомъ основано ученіе алкорана, не нашелъ въ Монголахъ столь усердныхъ фанатиковъ, какъ въ пламенныхъ жителяхъ Аравіи: одинъ неудачный опытъ въ Твери охладилъ въ нихъ ревность къ распространенію магометанства въ нашемъ отечествѣ; при всемъ томъ, исповѣдуя вѣру, согласную съ духомъ завоеванія, Монголы удвоили свои силы, и при первой борьбѣ, Русскіе могли встрѣтить въ нихъ грозныхъ противниковъ.

Въ слѣдствіе сего, предки наши менѣе, чѣмъ когда либо думали облегчить цѣпи рабства. Оно становилось годъ отъ году тягостнѣе. Князья трепетали ханскаго зова; пять знаменитыхъ потомковъ Ярослава I, Михаилъ Тверской, дѣти его Димитрій, Александръ съ сыномъ, Ѳеодоръ Стародубскій были жертвами звѣрскаго самовластія Узбекова. Баскаки его призывали на судъ потомковъ Мономаховыхъ, выслушивали ихъ оправданія и рѣшали княжескія ссоры, какъ верховные судьи. Народъ платилъ дань тяжкую; численники, таможники, мытари объѣзжали Русскую землю, собирали подать съ безпримѣрнымъ тиранствомъ, ставили должниковъ на правежъ или отводили въ неволю.

Такъ миновалъ первый вѣкъ нашего рабства!

ГЛАВА IV.

МОСКВА И ЛИТВА.

—

I. ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО МОСКОВСКОЕ *.

1328 — 1462.

Перемѣна къ лучшему.

Участь Руси въ первый вѣкъ ея рабства была самая злосчастная: съ востока и юга громили ее степныя орды, съ сѣвера и запада тѣснили фанатики и опустошали Литовцы; внутри терзали князья. Тяжкіе, безпрерывные удары довели ее до крайняго изнеможенія, до послѣдняго предѣла бѣдствія народнаго, за которымъ ожидала ее или смерть или новая жизнь. Судьба ея рѣшилась въ первой половинѣ XIV вѣка. Большая, лучшая часть древней Руси Ярославовой, исключая области Псковскую, Новгородскую, Суздальскую и Рязанскую, была исторгнута изъ власти Монголовъ князьями не Рюрикова племени и подпала господству потомковъ Литовскаго государя Гедимина; она сохранила вѣру, языкъ, нравы, обыкновенія, самое гражданское устройство; но утративъ господство природныхъ князей, по вступленіи внука Гедиминова Ягелла на Польскій престолъ, должна была раздѣлять судьбу Польши, участвовать во всѣхъ войнахъ ея, во всѣхъ неустройствахъ внутреннихъ, и терпѣть гоненіе за вѣру. Еще горшая участь грозила остальной Руси, восточной, подвластной Монголамъ: народъ привыкалъ къ рабству, безмолвно коснѣлъ въ невѣжествѣ, и въ суевѣрномъ страхѣ смотрѣлъ на свою неволю, какъ на удѣлъ, назначенный Провидѣніемъ. Князья гордились милостію хана, кланялись въ ордѣ, и только заботились, чтобы онъ не отдалъ ихъ престоловъ совмѣстникамъ или своимъ баска-

* Лѣтописи по спискамъ Никоновскому, Воскресенскому, Новгородскому и друг. — Собраніе государственныхъ грамотъ, изданныхъ графомъ Румянцовымъ. — Акты, изданные Археографическою коммиссіею.

камъ. Распри ихъ были непримиримы; болѣе, чѣмъ когда либо они разрознили Русскую силу и уже не думали о возможности свергнуть иго. Но когда все, казалось, погибло, среди всеобщаго разстройства, возвысила главу свою Москва, съ рѣшительнымъ намѣреніемъ сосредоточить раздробленныя силы Русскаго народа, спасти его отъ разновластія, отъ ига чужеземнаго, и подъ сѣнью Москвы, укрѣпляемая св. вѣрою, Русь воскресла къ новой жизни.

оскви.

Новый благотворный порядокъ вещей настаетъ въ восточной Руси въ первой половинѣ XIV вѣка: тамъ съ 1328 года водворяется тишина внутренняя. Князья еще спорятъ о верховномъ правѣ, но уже рѣдко осмѣливаются рѣшать свои споры кровавыми битвами, и уступаютъ исключительное первенство одной фамиліи, которая съ каждымъ поколѣніемъ беретъ явный перевѣсъ. Монголы все еще гнетутъ народъ налогами, но уже опредѣленными, не терзаютъ его откупщиками, какъ жертву беззащитную, и не разъ встрѣтивъ мужественный отпоръ князей, властвуютъ не безусловно. Литва расширяетъ свои предѣлы за Днѣпръ, но беретъ города послѣ долговременнаго сопротивленія и нерѣдко терпитъ неудачи. Восточная Русь сосредоточиваетъ свои силы; повинуется одному уму, одной волѣ, и обнаруживаетъ явное стремленіе къ независимости. Эта благодатная перемѣна началась съ тѣхъ поръ, когда Москва стала главою отечества и достоинство великокняжеское утвердилось въ потомствѣ Іоанна Даніиловича, внука Александра Невскаго [1].

иъ I.
— 1340.

Іоаннъ I (Калита) принадлежалъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ въ исторіи государей, которые, успѣвъ разгадать духъ времени, изобрѣтаютъ сообразную съ нимъ политику и даютъ направленіе судьбѣ народовъ. Онъ понялъ, что Русь, при всемъ изнеможеніи, заключала въ себѣ силы неодолимыя, но раздробленныя, несогласныя, слѣдовательно слабыя, что она умирала единственно отъ внутренняго неустройства, отъ запутанности княжескихъ отношеній, что спасти ее отъ неминуемой погибели могло только единодержавіе, которое сосредоточило бы всѣ силы ея къ одной цѣли, что для введенія единодержавія необходимо было утвердить власть ве-

1. Имя Москвы впервые упоминается въ 1147 году, когда Юрій Долгорукій, воюя съ Изяславомъ, пировалъ въ ней съ своими союзниками. Она долго именовалась селомъ Кучковымъ. Первымъ достовѣрнымъ княземъ ея былъ младшій сынъ Александра Невскаго Даніилъ, который усилилъ свое княжество пріобрѣтеніемъ Переяславля Залѣсскаго.

ликаго князя за однимъ родомъ, который могъ бы слѣдовать постоянной политикѣ, и вкоренить мало по малу мысль объ исключительномъ правѣ одной фамиліи на достоинство верховное.

Въ стремленіи къ этой цѣли Іоаннъ встрѣчалъ великія препятствія. Утвержденный ханомъ въ достоинствѣ великаго князя, онъ могъ властвовать неограниченно только въ наслѣдственной области Московской, состоявшей изъ 8 городовъ: Москвы, Можайска, Коломны, Звенигорода, Рузы, Серпухова, Перемышля, Переяславля Залѣсскаго; сверхъ того, какъ великій князь, господствовалъ въ княжествахъ Владимірскомъ, Псковскомъ и Новгородскомъ; всѣ прочія области, подвластныя Монголамъ, имѣли своихъ государей, не думавшихъ отказаться отъ права наслѣдственнаго. Однѣ изъ этихъ областей принадлежали древнимъ отраслямъ Ярослава I: Смоленская, потомкамъ Ростислава Мстиславича; Рязанская, Муромская и Пронская поколѣнію Святослава Черниговскаго; другія же княжества возникли изъ удѣла Юрія Долгорукаго и также имѣли своихъ князей наслѣдственныхъ: въ Ростовскомъ и Бѣлозерскомъ господствовали потомки Константина Всеволодовича, въ Суздальскомъ и Нижегородскомъ потомки Андрея Ярославича, въ Тверскомъ потомки Ярослава Ярославича. Каждый князь удѣльный считалъ свою отчину неотъемлемою собственностію и часто хотѣлъ лучше погибнуть въ ордѣ, чѣмъ уступить ее другому роду. Такимъ образомъ власть великаго князя въ восточной Руси имѣла три степени: въ отчинѣ своей онъ властвовалъ неограниченно и могъ завѣщать ее въ наслѣдство своимъ дѣтямъ, даже не спрашивая ханскаго дозволенія: ибо въ ордѣ обыкновенно утверждали сына въ отцовской области; княжествами Владимірскимъ и Новгородскимъ онъ управлялъ, какъ намѣстникъ ханскій; но не могъ отказать ихъ своимъ дѣтямъ: ибо Владиміръ и Новгородъ были только пожизненнымъ достояніемъ каждаго великаго князя. Въ прочихъ областяхъ, имѣвшихъ своихъ князей, онъ былъ только миротворецъ; сверхъ того получалъ отъ нихъ *выходы ордынскіе* или ежегодную дань для доставленія ханамъ. Великій князь въ свою очередь, наравнѣ съ прочими, зависѣлъ совершенно отъ произвола Татарскаго. Ханъ могъ, безъ всякаго суда, лишить его верховной власти, самой отчины; никакой умъ, никакія доблести не могли отвратить удара, въ случаѣ ханскаго гнѣва; на содѣй-

ствіе князей удѣльныхъ надежды не было: всѣ они ловили первый случай, чтобы самимъ сѣсть на престолъ великокняжескій.

ика Іоан- на.

При такомъ положеніи дѣлъ, еще рано было думать объ искорененіи удѣльной системы, тѣмъ менѣе о сверженіи ига. Іоаннъ Калита не искалъ ни того, ни другаго, и оставилъ событія итти обыкновеннымъ ходомъ, какъ было прежде: не отнималъ княжескихъ удѣловъ, не озлоблялъ хановъ, платилъ имъ дань и ѣздилъ въ орду. При всемъ томъ, въ кратковременное княженіе свое, онъ положилъ твердое начало новому порядку вещей, изъ котораго развивались послѣдующія событія. Постояннымъ правиломъ его политики было: 1) дать власти великаго князя ту силу, которую она имѣла при Ярославѣ I и Владимірѣ Мономахѣ; 2) утвердить право великаго князя исключительно за своимъ родомъ; 3) увеличить наслѣдственную отчину, Московское княжество, пріобрѣтеніемъ новыхъ областей и городовъ.

Возвышая санъ великаго князя и присвоивая верховную власть своему роду, Іоаннъ съ рѣдкимъ искусствомъ пользовался обстоятельствами времени. Главное орудіе къ достиженію своей цѣли онъ нашелъ въ самомъ источникѣ нашего злополучія, въ ордѣ. Ханы ордынскіе, безотчетно управляя нашимъ отечествомъ, назначали въ свои намѣстники преимущественно тѣхъ князей, которые успѣвали заслужить ихъ благосклонность смиренною угодливостію, багатыми дарами, поклонами. И прежде Калиты князья искали милости въ ордѣ; но никто изъ нихъ не умѣлъ такъ угодить ханамъ, какъ Іоаннъ Даніиловичъ: онъ неоднократно ѣздилъ къ Узбеку, приносилъ ему груды серебра, представлялъ дѣтей, какъ будущихъ усердныхъ слугъ ханскихъ, и неутомимо преслѣдовалъ Александра Михайловича Тверскаго, заслужившаго гнѣвъ Узбека. Пользуясь безпредѣльною довѣренностію хана, удовлетворяя корыстолюбію Монголовъ, Іоаннъ самовластвовалъ въ отечествѣ: именовался *великимъ княземъ всея Руси*, тѣснилъ князей, стращалъ ихъ гнѣвомъ ханскимъ, посылалъ къ нимъ своихъ бояръ для сбора ордынскихъ выходовъ, въ тоже время обогащалъ свою казну значительною частію дани, собираемой для Монголовъ, и могъ накупить себѣ селъ и городовъ въ областяхъ отдаленныхъ.

Не менѣе надежное орудіе нашелъ Іоаннъ внутри отечества, въ духовной власти митрополита. Пастыри Русской

церкви искони были миротворцами нашихъ князей; не принимая прямаго участія въ ихъ спорахъ, они могли однакожъ нерѣдко давать перевѣсъ тому, чью сторону держали: ибо глубокое благочестіе было отличительною чертою князей и народа древней Руси. Тяжкое иго, оставивъ нашимъ предкамъ одно утѣшеніе, религію, естественно возвысило санъ духовный тѣмъ болѣе, что и сами Монголы оказывали ему явное уваженіе. Митрополитъ не могъ спорить съ великимъ княземъ о правахъ верховной власти, но могъ служить ему крѣпкою опорою. Іоаннъ Калита угадалъ эту истину, и бывъ еще удѣльнымъ княземъ, убѣдилъ митрополита всея Руси св. Петра оставить Владиміръ (куда предшественникъ сего святителя, Максимъ еще въ 1299 году перенесъ свой престолъ изъ Кіева, тѣснимаго Монголами), и поселиться въ Москвѣ, гдѣ набожный князь обѣщалъ ему тишину и безопасность [1]. Здѣсь остались и преемники св. Петра, тѣмъ охотнѣе, что подъ вліяніемъ князей Московскихъ, они получали отъ хановъ многія льготы. Съ тѣхъ поръ Москва стала выше всѣхъ городовъ, какъ градъ первопрестольный, и если владѣтель ея встрѣчалъ еще соперниковъ, то мнѣніе общественное было на его сторонѣ. Іоаннъ Калита и преемники его, понимая всю выгоду столь важнаго обстоятельства, не рѣшались ни на одно значительное дѣло безъ совѣта и благословенія митрополита, который съ своей стороны, вполнѣ завися отъ великаго князя, служилъ ему самымъ надежнымъ орудіемъ къ обузданію внутреннихъ мятежниковъ угрозою отлученія отъ церкви. Такъ обѣ власти, духовная и мірская, соединяясь тѣсными узами, сосредоточивались къ одной цѣли, поддерживали одна другую и вскорѣ обнаружили силу неодолимую.

Плоды Іоанновой политики обнаружились немедленно по его кончинѣ. Три князя искали чести быть намѣстниками ханскими: Константинъ Михайловичъ Тверской, Константинъ Васильевичъ Суздальскій и Симеонъ Іоанновичъ Московскій. Первые два, какъ старшіе въ родѣ, какъ дяди Симеона, имѣли неоспоримое право на престолъ; но сынъ Калиты представилъ Узбеку вѣрную службу отца, въ тоже время не щадилъ даровъ ханскимъ вельможамъ, имѣя бо-

Симеонъ Гордый. 1340 — 1353

1. Св. Петръ, родомъ изъ Волыни, постриженный на 13 году въ одномъ пустынномъ монастырѣ, выучился тамъ иконной живописи и написалъ образъ Богоматери. Посвященъ въ митрополиты въ 1308 году въ Царградѣ. Св. Житіе его въ Степенной книгѣ, сочин. митрополитомъ Кипріаномъ при Димитріи Донскомъ.

гатую казну, между тѣмъ, какъ соперники его не могли сыпать золотомъ, и былъ объявленъ великимъ княземъ. Онъ вполнѣ понялъ отцовскую политику: столь же усердно угождалъ Узбеку и сыну его Чанибеку, столь же рѣшительно и грозно властвовалъ въ отечествѣ. Усыпляя хановъ льстивымъ смиреніемъ, онъ торжественно вступилъ на престолъ въ соборномъ храмѣ Владимірскомъ, по примѣру отца называлъ себя великимъ княземъ *всея Руси*, и держалъ удѣльныхъ владѣтелей въ такомъ почтительномъ отдаленіи, что современники прозвали его *гордымъ*. Спокойствіе господствовало внутри восточной Руси во все время его правленія: уже никто не смѣлъ съ нимъ спорить; сами Новгородцы, испытавъ его твердость, должны были платить ему дань.

Къ несчастію Симеонъ княжилъ недолго; его похитила лютая моровая язва, извѣстная подъ именемъ черной смерти [1]; изъ Китая она проникла въ Сирію, Египетъ, Грецію, Италію, Францію, Англію, Германію; отсюда въ Новгородъ и Псковъ, истребивъ несмѣтное множество народа; у насъ опустѣли цѣлые города. Судьба, какъ бы испытывая Русскую силу, готовила ей новые удары.

Іоаннъ II. 1353 — 1359.

Преемникъ Симеоновъ, второй сынъ Калиты, Іоаннъ, признанный въ достоинствѣ великаго князя Чанибекомъ, далеко уступалъ отцу и брату въ твердости и искусствѣ государственнаго управленія. Князья удѣльные, не споря съ нимъ о верховномъ правѣ, хотѣли быть по прежнему независимыми: рѣзались другъ съ другомъ и не слушали князя Московскаго.

Правда еще не совсѣмъ погибли плоды Іоанна Даниловича: умные бояре, воспитанные въ его школѣ, руководили сыномъ, слѣдуя указанію великаго и мудраго святителя митрополита Алексѣя, который духовною властію смирялъ крамольниковъ, тѣмъ успѣшнѣе, что самъ онъ пользовался особенною милостію хана [2]. Но Іоаннъ вскорѣ умеръ; въ тоже время, среди кровавыхъ распрей, погибли и Узбеки, покровители Москвы. Князья удѣльные, доселѣ терпѣвшіе ея насиліе, единственно изъ опасенія раздражить благосклон-

1. Онъ имѣлъ 6 сыновей: четверо изъ нихъ умерли въ младенчествѣ; двое вмѣстѣ съ отцемъ.

2. Св. Алексѣй, сынъ знатнаго Черниговскаго боярина Ѳедора Бяконта, постриженный 19 лѣтъ, возведенный въ санъ епископа Владимірскаго въ 1352 году, чрезъ годъ посвященный въ митрополиты, заслужилъ благоволеніе Чанибека, исцѣливъ жену его Тайдулу.

ныхъ къ ней хановъ, рѣшились возобновить свои права на первенство. Они тѣмъ болѣе надѣялись на успѣхъ, что изъ дома Московскаго остались три юные отрока, внуки Калиты, изъ которыхъ самымъ старшимъ былъ девятилѣтній Димитрій Іоанновичъ [1]. Пользуясь ихъ малолѣтствомъ, Димитрій Константиновичъ Суздальскій, внукъ Андрея Ярославича, получилъ въ ордѣ граммату, и объявилъ себя великимъ княземъ. 1359.

Геній Калиты спасъ Русь. Мысль объ исключительномъ правѣ его рода на первенство глубоко вкоренилась въ умахъ современниковъ. Митрополитъ и бояре Московскіе, частію для собственныхъ выгодъ, частію по убѣжденію совѣсти, спѣшили воспользоваться общественнымъ мнѣніемъ, и безъ труда выхлопотавъ въ ордѣ граммату юному Димитрію Іоанновичу, провозгласили его великимъ княземъ. Князь Суздальскій не хотѣлъ уступить; но устрашенный полками Московскими, смирился, призналъ Димитрія главою Руси и 1362. въ послѣдствіи скрѣпилъ дружбу, выдавъ за него дочь свою Евдокію.

Димитрій Донской. 1362 — 1389.

Доселѣ многія обстоятельства благопріятствовали князьямъ Московскимъ: собственныя силы ихъ были слабы; но они находили надежную опору въ покровительствѣ Узбековъ и безопасные отъ западныхъ сосѣдей, удерживаемыхъ Новгородомъ и Псковомъ, имѣли дѣло только съ недальновидными князьями, которые въ надеждѣ, что властолюбіе Московское скоро минуетъ, не брали мѣръ рѣшительныхъ. Теперь Москва увеличила свои области, могла выставить многочисленное войско и собственною силою одолѣть каждаго князя отдѣльно; но вмѣстѣ съ тѣмъ она обнаружила явное стремленіе къ самовластію, открыла глаза соперникамъ, могла опасаться отчаяннаго упорства князей, должна была выдержать всю тяжесть ударовъ князей Литовскихъ и обнажить мечъ на самихъ Монголовъ. Настало время окончательно рѣшить трудный вопросъ о правѣ, присвоенномъ Калитою. Димитрій рѣшилъ его, къ счастію отечества.

Потрясеніе удѣловъ.

По примѣру дѣда и дяди, именуясь великимъ княземъ *всея Руси*, онъ хотѣлъ властвовать надъ князьями удѣльными, вмѣшивался въ ихъ распри, тѣснилъ непокорныхъ, раздавалъ и отнималъ престолы. Князья Ростовскіе, Ниже-

1. Остались два сына Іоанновы Димитрій и Іоаннъ, и двоюродный братъ ихъ Владиміръ, сынъ Андрея Іоанновича.

городскіе, Стародубскіе, Галицкіе и многіе другіе, или безпрекословно, или по слабомъ сопротивленіи, признавали его своимъ главою. Но Тверь, Рязань и Новгородъ хотѣли быть независимы. Самымъ дѣятельнымъ и упорнымъ соперникомъ былъ князь Тверской Михаилъ Александровичъ, котораго отецъ погибъ въ ордѣ, по навѣтамъ дѣда Димитріева, Іоанна Калиты. Увлекаемый родовою местью и по праву старѣйшинства считая себя законнымъ государемъ Руси, Михаилъ не хотѣлъ терпѣть въ своей отчинѣ самоуправства Москвы и просилъ помощи у зятя своего Олгерда, женатаго на княжнѣ Тверской Уліаніи Александровнѣ. Князь Литовскій три раза поднималъ всѣ свои силы и доходилъ до самой Москвы, какъ побѣдитель, ознаменовавъ свои походы жестокимъ опустошеніемъ; но каждый разъ встрѣчалъ мужественный отпоръ и непреклонную волю Димитрія смирить князя Тверскаго. Олгердъ прекратилъ вторженія въ Московское государство и оставилъ шурина на произволъ судьбы. Михаилъ обратился къ Монголамъ, выхлопоталъ у хана граммату на великокняжеское достоинство, подружился съ Новгородомъ, и все напрасно: непреклонный Димитрій не уступилъ ему престола и заставилъ его смириться. Неудача Михаила, убѣдивъ князей въ невозможности одолѣть государя Московскаго сильною помощію сосѣдей, даже содѣйствіемъ хана, лишила ихъ всякой надежды возвратить самостоятельность.—Смиривъ князя Тверскаго, Димитрій обуздалъ и другаго врага, равно опаснаго, Олега Рязанскаго, который, еще при отцѣ его присвоивъ себѣ власть надъ всею Рязанскою областью, объявилъ себя независимымъ отъ Москвы и былъ жестокимъ врагомъ ея. Полки Московскіе овладѣли Рязанью и отдали ее князю Пронскому; Олегъ выгналъ совмѣстника, и притворною дружбою спѣшилъ умилостивить великаго князя.—Съ Новгородомъ Димитрій управился въ послѣдствіи.

1368.

...ьба съ ордою.

Стѣсняя князей удѣльныхъ, государь Московскій неоднократно раздражалъ хановъ непослушаніемъ, и хотя еще слѣдуя правилу предковъ, старался усыпить ихъ ласками, даже ѣздилъ въ Сарай; но съ одной стороны сама орда вызывала его на брань, съ другой, Русь, оживленная умомъ Калиты, готова была измѣрить свои силы, и Димитрій, достойный представитель народа, одушевленнаго ненавистью къ злодѣямъ, упованіемъ на Бога, рѣшился поднять оружіе на Монголовъ.

Орда Батыева, болѣе вѣка постоянно кочуя на Волгѣ, сохранила первый образъ жизни полудикой, которой не могла смягчить вѣра Магометанская, введенная въ концѣ XIII вѣка; не строила ни селъ, ни городовъ, не любила земледѣлія, и находила легкое средство къ существованію въ дани покоренныхъ народовъ. Время охладило въ ней воинственный жаръ, воспламененный Чингизханомъ; но безотчетная страсть къ разрушенію только уступила мѣсто ненасытному корыстолюбію, которое, измѣнивъ цѣль набѣговъ, не измѣнило ни лютой кровожадности, ни военнаго искусства, и орда, по прежнему сильная, безусловно покорная своимъ ханамъ, могла привести въ трепетъ великія государства. Одолѣть и смирить ее внѣшнимъ оружіемъ было невозможно: примыкая съ востока къ несмѣтнымъ ордамъ единоплеменниковъ, она всегда имѣла средства найти, въ случаѣ опасности съ запада, надежное убѣжище и оправиться отъ пораженія. Еслибы одинъ ханъ допустилъ Христіанамъ разсѣять свои улусы, другой легко могъ собрать ихъ, пробудить еще неостывшій фанатизмъ разрушенія и снова разгромить Европу. Это была гидра, которая отъ каждаго удара становилась ужаснѣе. Орда могла погибнуть только сама собою; надобно было выждать, когда внутренній раздоръ предастъ ее въ жертву безначалія и сокрушитъ главную пружину ея крѣпости, единодушіе; раздоръ же былъ неминуемъ, не взирая на всѣ мѣры дальновиднаго Чингизхана: орда Сарайская, подобно другимъ ордамъ, возникшимъ изъ его имперіи, уже при первыхъ преемникахъ Батыевыхъ, съ каждою перемѣною хана, была позорищемъ кровавыхъ сценъ; рѣдкій ханъ вступалъ на престолъ, не сорвавъ головы съ своихъ совмѣстниковъ. Бердибекъ, внукъ Узбековъ, умертвилъ отца и 12 братьевъ; 1357
преемникъ и родственникъ его Кульпа со всѣми сыновьями чрезъ 5 мѣсяцевъ былъ убитъ Наврусомъ, который въ свою 1359.
очередь зарѣзанъ полководцемъ Хидыремъ; Хидыря умертвилъ сынъ Темирхожа, княжившій только 6 дней; его свергнулъ темникъ (полководецъ) Мамай, возмутилъ всю орду и назвавъ ханомъ Авдула, перешелъ на правый берегъ Волги: въ Сараѣ воцарился Муратъ, въ землѣ Болгарской явился особенный ханъ, въ Мордовской тоже. Всѣ они рѣзались другъ съ другомъ и плавали въ крови Монголовъ. Эти неустройства были только предвѣстниками паденія орды, но не сокрушили ея; головы хановъ падали; она же была крѣп-

ка по прежнему: отдѣлившіяся части ея не могли жить своею жизнію, легко сливались въ одно цѣлое, и сильный Мамай, погубивъ всѣхъ соперниковъ, безъ труда возстановилъ
1370. Батыево царство, давъ ему въ ханы Мамантъ Салтана, именемъ котораго самъ властвовалъ. Орда по прежнему стала неодолима.

Димитрій мыслилъ иначе: бывъ еще въ малолѣтствѣ свидѣтелемъ мятежей ордынскихъ, онъ думалъ, что пришло время свергнуть постыдное иго и острилъ мечъ за свободу: договорныя грамматы съ князьями удѣльными свидѣтельствуютъ, что мысль избавить отечество одушевляла его съ первыхъ лѣтъ правленія. Съ одной стороны ободряло его мнимое безсиліе орды, терзаемой внутренними раздорами; съ другой же онъ угадывалъ, что при всеобщемъ народномъ озлобленіи на *Татаръ*, достигшемъ высшей степени, князья удѣльные волею и неволею должны будутъ соединить свои полки съ Московскими. Онъ такъ былъ увѣренъ въ успѣхѣ, что не взирая на войну съ Литвою, не препятствовалъ народу бить отряды Монголовъ, врывавшихся въ юговосточные города во время мятежей ордынскихъ; наконецъ управясь съ Олгердомъ, самъ выступилъ противъ нихъ съ Мо-
августа 1378. сковскими полками и на берегахъ Вожи (въ Рязанской области) истребилъ нѣсколько тысячъ злодѣевъ, посланныхъ Мамаемъ для разоренія Московскаго княжества.

Мамай поднялъ всю орду, чтобы смирить Русь, и для лучшаго успѣха заключилъ союзъ съ Ягелломъ великимъ княземъ Литовскимъ, который въ одно время съ нимъ долженъ былъ устремить свои силы на Москву съ запада. Димитрій давно ожидалъ грозы, взялъ свои мѣры и такую умѣлъ внушить къ себѣ довѣренность, что, по первому воззванію его, вся Русь восточная закипѣла бранною тревогою: всѣ князья, исключая измѣнника Олега Рязанскаго, даже дѣти Олгердовы, Андрей Полоцкій и Дмитрій Брянскій, стали съ своими полками подъ знамена Московскія, и предводимые Димитріемъ, спѣшившимъ предупредить соединеніе Мамая съ Ягелломъ, бодро пошли на встрѣчу Монголамъ къ берегамъ Дона. За Дономъ, на Куликовомъ полѣ, орошаемомъ рѣчкою Непрядвою (Тульской губерніи, Епифанскаго уѣзда), сразились Русскіе со всѣми силами Мамая. Оба вой-
сентября 1380. ска бились съ ожесточеніемъ на пространствѣ 10 верстъ. Димитрій былъ впереди своихъ полковъ. Борьба рѣшилась ударомъ засаднаго полка, подъ начальствомъ опытнаго вож-

дя, боярина Димитрія Волынскаго, и двоюроднаго брата великаго князя Владиміра Андреевича Серпуховскаго. 200,000 труповъ, если вѣрить преданію, покрыли поле Куликово. Мамай, разбитый на голову, въ бѣгствѣ искалъ спасенія: остатки его войска были разсѣяны близъ Маріуполя соперникомъ его Тохтамышемъ; самъ онъ погибъ въ Кафѣ, убитый Генуэзцами *. Но время нашей свободы было еще далеко.

Для избавленія Руси отъ неволи, надобно было разорить въ конецъ улусы Сарайскіе, чтобы искоренить гнѣздившуюся тамъ мысль о правѣ Чингизхановыхъ потомковъ на господство въ нашемъ отечествѣ. Димитрій не рѣшился на столь трудный подвигъ. Русь такъ дорого заплатила за Куликовскую побѣду, что долго не могла собраться съ силами для борьбы отчаянной; Кипчакъ же вскорѣ наполнился несмѣтными толпами Татаръ, взволнованныхъ въ глубинѣ Азіи новымъ Темучиномъ, Тамерланомъ. Орда Золотая ожила снова. Тохтамышъ, сподвижникъ Тамерлановъ, воцарившись въ Сараѣ, хотѣлъ властвовать и въ Руси; неожиданно ворвался въ ея предѣлы и дошелъ до самой Москвы. Великій 26 августа 13[…] князь удалился изъ столицы, чтобы собрать войско, поручивъ Москву Остею, внуку Олгердову. Мужественный Остей отбилъ всѣ приступы Татаръ. Тохтамышъ вступилъ въ мирные переговоры и воспользовавшись оплошностью Москвитянъ, повѣрившихъ клятвѣ князей Нижегородскихъ, что Татары не сдѣлаютъ имъ зла, нечаянно ворвался въ городъ и все предалъ огню и мечу. Разрушивъ столицу, онъ грозилъ опустошить всю землю Русскую, если Димитрій не смирится. Оставленный князьями, не имѣя средствъ продолжать борьбу съ Монголами, онъ согласился платить дань. Побѣда Куликовская не принесла тѣхъ плодовъ, коихъ ожидали современники: они искали свободы и по прежнему остались въ неволѣ. Тѣмъ не менѣе она имѣла благотворное вліяніе на будущую судьбу Руси: слава, озарившая Димитрія, разувѣрила Русскихъ въ суевѣрномъ мнѣніи о непобѣдимости Монголовъ, пробудила живѣйшее желаніе свободы, и что всего важнѣе, возвысила въ понятіяхъ современниковъ поколѣніе Калиты на чреду царскую. Народъ не могъ забыть Донскаго побоища и съ мыслію о побѣдѣ сливалъ мысль о Москвѣ: въ ней одной свѣтился отрадный лучъ свободы.

* Древнее сказаніе о побѣдѣ Димитрія Донскаго надъ Мамаемъ, изд. Снегиревымъ. М. 1840.

Оставшись данникомъ орды, Димитрій не терялъ надежды на свободу отечества, съ твердымъ упованіемъ передавалъ ее преемникамъ, и тѣмъ ревностнѣе заботился о довершеніи мысли своего дѣда, сосредоточить раздробленную Русь въ одно государство Московское. Никто изъ князей удѣльныхъ не смѣлъ съ нимъ спорить: побѣда Куликовская поставила его выше всѣхъ; одни только Новгородцы искали независимости, не хотѣли относиться въ дѣлахъ церковныхъ къ митрополиту, грабили Московскіе города и самовольно отдавали свои волости князькамъ Литовскимъ въ управленіе. Димитрій видѣлъ всю опасность отъ тѣсной связи ихъ съ Литвою и спѣшилъ разорвать ее: грознымъ ополченіемъ 26 областей осадивъ Новгородъ, обязалъ его признать себя верховнымъ государемъ, внести въ казну великокняжескую значительную пеню, и платить ежегодно такъ называемый *черный боръ* или поголовную подать съ низшихъ классовъ.

Усмиреніемъ князей удѣльныхъ, обузданіемъ своеволія Новгородцевъ, отпоромъ Литвѣ, блестящею побѣдою надъ Монголами, Димитрій достигъ той цѣли, къ коей стремился Калита, безспорнаго первенства князя Московскаго среди потомковъ Ярослава. Но этого было мало: удѣлы древніе исчезали; новые готовы были возникнуть въ самомъ родѣ Калиты; могла повториться прежняя исторія дѣтей Ярослава, Мономаха, Всеволода. Доселѣ одно случайное малолюдство Московскаго дома спасало его отъ раздоровъ. Димитрій оставлялъ по себѣ пять сыновей и одного двоюроднаго брата, Владиміра Андреевича Храбраго, героя Куликовской битвы; по древнему обыкновенію, Владиміръ, какъ старшій въ родѣ Калиты, имѣлъ неоспоримое право на власть великокняжескую; дѣти же Димитрія должны были получить въ наслѣдственную отчину особенные удѣлы. Наступалъ рѣшительный переломъ, долженствовавшій погубить или спасти отечество: при переходѣ власти великокняжеской изъ одной линіи въ другую, князья неминуемо равнялись, и мысль о царственности одной фамиліи исчезала. Московской державѣ грозило то же раздробленіе, съ тѣми же гибельными послѣдствіями, которыя испытала Русь по смерти Александра Невскаго. Димитрій спасъ ее, утвердивъ велококняжескій престолъ исключительно *въ своемъ* родѣ, съ согласія Владиміра, который договорною грамматою отказался отъ первенства и призналъ племянника, Василія Ди-

митріевича старшимъ или великимъ княземъ. Димитрій не могъ окончательно уничтожить удѣльнаго права, освященнаго вѣками, назначивъ отчины младшимъ сыновьямъ своимъ и брату, не могъ установить и наслѣдства престола въ прямой низходящей линіи, объявивъ преемникомъ Василію не внука, а одного изъ сыновей своихъ; но главный шагъ былъ сдѣланъ: право старѣйшинства, еще неискорененное, однакожъ весьма ослабленное, при новыхъ понятіяхъ о державной власти, должно было неминуемо уступить мѣсто праву первородства [1].

Довершивъ великую мысль Калиты, возвысивъ свой домъ выше всѣхъ домовъ удѣльныхъ, на чреду царскую, главою Руси восточной, Димитрій оставилъ своимъ преемникамъ довершить то, что самъ онъ началъ: сосредоточить Русскія силы въ одну державу Московскую, спасти ее отъ Литвы, вырвать изъ рукъ Монголовъ и утвердить новое право престолонаслѣдія, которое одно могло подавить удѣльную систему. Два поколѣнія созрѣвала мысль Калиты; еще болѣе требовалось времени, ума, благопріятныхъ обстоятельствъ, чтобы исполнить планы Донскаго. Хотя они были неминуемымъ слѣдствіемъ того, что уже совершилось, и развивались, такъ сказать, сами собою, вопреки всѣмъ препятствіямъ; тѣмъ не менѣе они могли исчезнуть, такъ точно, какъ исчезла система Мономахова, если бы благоразумный преемникъ Димитрія продолжительнымъ 36 лѣтнимъ правленіемъ не далъ времени окрѣпнуть дѣлу отцовскому.

Василій Димитріевичъ не имѣлъ блестящихъ свойствъ отца, ни его доблести воинской, ни его истинно царскаго великодушія, ни его благородной смѣлости; но былъ очень уменъ, остороженъ, и дѣйствовалъ такъ хитро, дальновидно, что Москва, по смерти его, стояла уже на развалинахъ удѣльной системы, готовая вступить въ рѣшительную борьбу съ Литвою и съ ордою. Въ дѣлахъ внутреннихъ онъ слѣдовалъ болѣе осторожной системѣ Іоанна Калиты и Симеона Гордаго, чѣмъ рѣшительной политикѣ своего отца: подобно Димитрію, старался увеличить Московскую державу присоединеніемъ тѣхъ областей, въ которыхъ преемники Василій I 1389 — 142

1. Димитрій назначилъ: 1. Василію, кромѣ великаго княжества, въ особенный удѣлъ Коломну; 2) Юрію Галичъ, Звенигородъ, Рузу; 3) Андрею Можайскъ, Верею, Калугу, Бѣлозерскъ; 4) Петру Дмитровъ; 5) Іоанну нѣсколько селъ. В. княгиня Евдокія получила разныя помѣстья. Владиміръ Андреевичъ имѣлъ свой удѣлъ, состоявшій изъ городовъ: Серпухова, Боровска, Волока, Ржева и другихъ.

Калиты господствовали какъ великіе князья, не имѣя права передавать ихъ своему дому въ смыслѣ отчины: столь же неутомимо тѣснилъ Новгородъ и князей удѣльныхъ, вмѣшиваясь въ ихъ распри, требуя ихъ къ себѣ на судъ; но всѣ свои дѣйствія, по примѣру Калиты, подкрѣплялъ волею хана Сарайскаго; для чего, въ началѣ правленія, неоднократно ѣздилъ въ орду, искалъ благосклонности *царя* и тѣмъ болѣе успѣвалъ, что Монголы, зная его силу, дорожили его покорностью. При такихъ мѣрахъ, князья удѣльные спасали тѣнь самостоятельности смиренными договорами и постоянною дружбою съ Москвою; ни Тверь, ни Рязань не
1392. рѣшались вступать съ нею въ борьбу; а Ростовъ, Суздаль, Нижній Новгородъ, Муромъ, одинъ за другимъ вошли въ составъ государства Московскаго.

Усиливая свое княжество внутри, Василій съ искусствомъ спасалъ его извнѣ отъ властолюбія Литвы и хищности Монголовъ. Въ Литовскомъ княжествѣ, во все время его правленія, господствовалъ могущественный Витолдъ, или Витовтъ, желавшій освободить Русь западную отъ вліянія Польши, Русь восточную отъ власти Монголовъ, составить изъ обѣихъ частей одно самостоятельное подвластное ему государство и быть грозою сосѣдей. Онъ обладалъ большею частію древней Руси, всѣми княжествами Заднѣпровскими, кромѣ Галицкаго, и хотѣлъ присвоить области, подвластныя Московскому государю, не взирая на то, что Василій женатъ былъ на дочери его Софіи. Для вѣрнѣйшаго успѣха, Витолдъ рѣшился прежде всего сокрушить Золотую орду и предложилъ Василію напасть на нее общими силами. Великій князь подстрекалъ славолюбиваго тестя къ войнѣ съ Монголами, въ надеждѣ ослабить враговъ врагами, но уклонялся отъ участія въ борьбѣ ихъ, зная, что Витолдъ, сокрушивъ орду, не пощадитъ и Москвы. Литовскій князь выступилъ противъ орды съ одними своими полками и на берегахъ Ворсклы былъ разбитъ на голову Монгольскимъ полководцемъ Эдигеемъ. Здѣсь пали лучшіе витязи его и сокрушились его грозныя силы. Великій князь доселѣ избѣгалъ ссоры съ могущественнымъ тестемъ, дозволивъ ему овладѣть Смоленскомъ, многими городами Рязанскими, тѣснить Новгородъ; послѣ пораженія Витолда при Ворсклѣ, онъ началъ дѣйствовать смѣлѣе и рѣшительнѣе, принявъ за правило не уступать Литвѣ ничего, что не было ею присвоено прежде, и какъ скоро Литовскій князь обнаружилъ

властолюбивые замыслы на Псковъ, Василій собралъ свои полки, выступилъ въ поле, остановилъ тестя и всегдашнею готовностью къ отпору удерживалъ стремленіе его на Русь восточную.

Съ тою же осторожностію, съ тѣмъ же благоразуміемъ онъ дѣйствовалъ въ отношеніи къ Монголамъ: главною цѣлью его было ослабить узы рабства и мало по малу уничтожить въ Ордѣ мысль о правѣ ея господствовать въ Руси. Къ этой цѣли онъ стремился неутомимо съ тѣхъ поръ, когда грозный завоеватель востока Тамерланъ потрясъ Батыево царство. Сынъ одного изъ мелкихъ князьковъ имперіи Чагатайской, изнуренной слабостію хановъ, властолюбіемъ и раздорами эмировъ, предавшихъ ее въ жертву Гетамъ или Калмыкамъ, Тамерланъ рѣшился освободить свое отечество отъ власти иноземной и возстановить его прежнее могущество. Начавъ свое поприще съ самыми ничтожными средствами, подобно Темучину, онъ успѣлъ одолѣть всѣ препятствія умомъ, храбростью, искусствомъ, обуздалъ эмировъ, покорилъ Гетовъ, и упоенный своими успѣхами, вздумалъ, по примѣру Чингизхана, быть владыкою вселенной. Его оружіе вскорѣ привело въ трепетъ всю Азію: Персія, Сирія, Турція, Индія, Китай, опустошенные свирѣпымъ завоевателемъ, признали власть его надъ собою. Сподвижникъ его Тохтамышъ, воцарившись въ Сараѣ, послѣ Мамаева пораженія на Куликовомъ полѣ, при Василіи Димитріевичѣ хотѣлъ быть независимымъ отъ своего могущественнаго покровителя и вступилъ съ нимъ въ борьбу. Разбитый на голову въ степяхъ Астраханскихъ, онъ не смирился, собралъ всѣ свои силы и напалъ на Тамерлана близъ нынѣшняго Екатеринограда. Битва была самая упорная и кровопролитная. Монголы рѣзались съ остервененіемъ и гибли тмами. Сотни тысячъ труповъ покрыли пространство между Терекомъ и Кумою. Счастливый Тамерланъ взялъ верхъ и разсѣялъ полки Тохтамыша. Великій князь Московскій съ радостію услышалъ о бѣдствіяхъ хана Золотой орды; но эта радость вскорѣ обратилась въ неописанный ужасъ: Тамерланъ, преслѣдуя бѣгущаго Тохтамыша, перешелъ Волгу, 1395.
двинулъ всѣ свои силы прямо на сѣверъ къ предѣламъ Руси и овладѣлъ Ельцомъ. Народъ съ трепетомъ услышалъ о нашествіи несмѣтныхъ враговъ и ждалъ возобновленія временъ Батыевыхъ. Василій не потерялъ бодрости, собралъ всѣ свои силы и расположился близъ Коломны, для отпора

Тамерлану; между тѣмъ зная, что только заступленіе небесъ могло спасти и Москву и Русь, онъ велѣлъ перенести чудотворную икону св. Богородицы изъ Владиміра въ столицу. Въ тотъ самый день, когда всѣ жители Москвы встрѣтили ее съ теплою мольбою о спасеніи, Тамерланъ, уже дошедшій до верховьевъ Дона, вдругъ обратился назадъ, вступилъ въ Золотую орду, разрушилъ Сарай, опустошилъ весь Кипчакъ и скрылся за Ураломъ *. По удаленіи Тамерлана, Тохтамышъ хотѣлъ возстановить разоренную орду; но встрѣтилъ опаснаго совмѣстника въ одномъ изъ Батыевыхъ потомковъ, въ Тимуръ-Кутлукѣ, который объявилъ себя ханомъ ордынскимъ, воцарился въ Сараѣ и изгналъ своего соперника; въ свою очередь Тимуръ былъ изгнанъ другими властолюбцами, снова потрясшими орду кровавымъ междоусобіемъ.

уста 95.

Нашествіе Тамерлана и внутренніе раздоры до того ослабили орду, что Василій нѣсколько лѣтъ не платилъ ей дани, не ѣздилъ въ Сарай, смиренно бить челомъ, не посылалъ туда и бояръ, какъ бывало прежде; впрочемъ не рѣшался озлоблять Монголовъ явнымъ отказомъ въ покорности, изъ опасенія образумить злодѣевъ, и въ надеждѣ, что орда падетъ сама собою отъ собственныхъ неустройствъ. Опасенія и надежды его были не безъ основанія: побѣдитель Витолда, Эдигей, проникнувъ намѣреніе Василія, безъ явной борьбы, однимъ прекращеніемъ связей съ ордою подъ благовидными предлогами заставить хановъ, такъ сказать, забыть Русь, рѣшился напомнить ему прежнюю покорность князей Московскихъ: нечаянно вторгся въ Русскіе предѣлы, осадилъ Москву, которою не могъ впрочемъ овладѣть отъ мужественной обороны Владиміромъ Храбрымъ, и съ богатымъ окуномъ возвратившись въ орду, грозилъ великому князю новымъ вторженіемъ, если онъ не смирится. Василій покорился необходимости и даже счелъ нужнымъ отправиться въ Сарай. Но въ слѣдъ за тѣмъ въ ордѣ возобновились жестокія междоусобія; явились многіе искатели ханскаго престола; соперники рѣзались, истребляли другъ друга, какъ было по смерти Узбека. Василій возобновилъ прежнюю политику, ласкалъ хановъ безъ униженія, изрѣдка посылалъ имъ дары, но не ѣздилъ болѣе въ орду и всегда готовъ былъ къ отпору.

ч.

* Mémoire sur Timour-leng par Charmoy Mém. de l'Acad. des scienc. de S. Pétersb. 6 série, III.

Къ концу жизни его восточная Русь сосредоточилась въ одно цѣлое подъ знамена Москвы; удѣльные князья такъ ослабѣли, что не смѣли думать о равенствѣ или соперничествѣ съ княземъ Московскимъ. Оставалось предупредить междоусобія въ самомъ семействѣ Калиты. Димитрій Донской успѣлъ устранить ихъ на цѣлое поколѣніе, благодаря великодушію Владиміра Храбраго; но въ тоже время глубоко посѣялъ сѣмя раздоровъ, назначивъ великимъ княземъ, по смерти старшаго сына, одного изъ прочихъ. Василій Димитріевичъ хотѣлъ исправить ошибку отца, или лучше сказать, довершить его дѣло, и наименовалъ себѣ преемникомъ не брата, Юрія Димитріевича, коему престолъ принадлежалъ по завѣщанію Донскаго, а собственнаго сына Василія.

Василій Васильевичъ, по распоряженію отца, принявъ ти- Василій I 1425 — 146
тулъ великаго князя, встрѣтилъ опаснаго соперника въ род-
номъ дядѣ Юріи Димитріевичѣ, князѣ Галицкомъ, имѣв-
шемъ право на престолъ по завѣщанію Димитрія Донскаго.
Первымъ слѣдствіемъ имъ спора былъ судъ въ ордѣ, на- 1425.
помнившій злосчастныя распри дѣтей Александра Невскаго.
Хотя искусство и дары бояръ Московскихъ склонили хана
Улу-Махмета признать Василія главою Руси, но Юрій не
хотѣлъ уступить, и кровавое междоусобіе, доселѣ щадив-
шее Москву, было другимъ слѣдствіемъ соперничества кня-
зей. Василій имѣлъ на своей сторонѣ народъ, который, по-
стигая всю выгоду новаго порядка престолонаслѣдія, сто-
ялъ за него усердно, какъ за государя истиннаго, закон-
наго. Юрій взялъ верхъ личнымъ мужествомъ и искусствомъ;
выгналъ племянника изъ Москвы, овладѣлъ ею и объявилъ
себя великимъ княземъ. Впрочемъ торжествовалъ недолго:
смерть скоро пресѣкла его честолюбивые замыслы. Василій 1434.
возвратился въ Москву; народъ встрѣтилъ его съ востор-
гомъ; но междоусобіе возобновилось на цѣлыя 20 лѣтъ.

Юрій оставилъ по себѣ трехъ сыновей, безпокойныхъ и жестокосердыхъ, Василія Косого, Дмитрія Шемяку и Димитрія Краснаго. Старшій изъ нихъ Василій Косой не былъ доволенъ своимъ удѣломъ Звенигородскимъ, питалъ сверхъ того личную ненависть къ Василію, бывъ оскорбленъ матерью его Софіею, объявилъ себя великимъ княземъ, собралъ войско и началъ опустошать государство Московское. Василій Васильевичъ успѣлъ разбить его, взялъ въ плѣнъ и ослѣпилъ.

Дмитрій Шемяка, князь Галицкій, рѣшился отмстить за брата, и ждалъ благопріятнаго случая. Этотъ случай скоро представился. Ханъ Золотой орды, Улу-Махметъ, изгнанный изъ Сарая, занялъ Бѣлевъ; но вытѣсненный отсюда по приказанію государя Московскаго, удалился въ Болгарію, возобновилъ разрушенную Казань, основалъ могущественное царство и объявилъ Василію войну за безчестное удаленіе изъ Бѣлева. Великій князь вышелъ противъ него съ войскомъ, былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ. Пользуясь этимъ
1443. несчастіемъ, Шемяка объявилъ себя великимъ княземъ и вступилъ въ переговоры съ Улу-Махметомъ о вѣчномъ заточеніи Василія въ Казани. Когда же ханъ счелъ за лучшее освободить своего плѣнника за богатый выкупъ, Шемяка увѣрилъ удѣльныхъ князей Тверскаго и Можайскаго, что это освобожденіе было слѣдствіемъ обязательства Василія предать Русь царю Казанскому и условился съ ними лишить его престола. Великій князь былъ схваченъ во время путешествія въ Троицкій монастырь, ослѣпленъ и сосланъ въ Угличъ. Шемяка занялъ Москву. Но жестокимъ поступкомъ своимъ, онъ вооружилъ противъ себя и народъ и князей удѣльныхъ; неправосудіе его довершило общее негодованіе. Многочисленные доброжелатели Василія, главою которыхъ были князья Ряполовскіе, рѣшились освобо-
1447. дить несчастнаго слѣпца. Шемяка, съ своей стороны видя всеобщее озлобленіе народа, долженъ былъ уступить ему столицу, призналъ его великимъ княземъ, обязался клятвою возвратить похищенную казну, жить въ мирѣ, не ссылаться съ непріятелями Москвы и не тревожить ея владѣній. Василій примирился съ нимъ. Но Шемяка не исполнилъ ни одного условія, не взирая на краснорѣчивыя увѣщанія Московскихъ святителей. Слѣдствіемъ была новая война. Соперники собрали всѣ свои силы и сразились подъ стѣнами
1450. Галича. Здѣсь была *послѣдняя* битва междоусобная, знаменитая кровопролитіемъ. Шемяка, разбитый на голову, потерялъ все свое войско, и едва спасся бѣгствомъ въ Нов-
1453. городъ, гдѣ вскорѣ умеръ отъ яда.,

По смерти Шемяки, Василій присоединилъ удѣлъ его, княжество Галицкое съ Устюгомъ и Костромою, къ своему государству; въ слѣдъ за тѣмъ, изгнавъ единомышленника его Іоанна Андреевича въ Литву, овладѣлъ Можайскомъ: вскорѣ присвоилъ удѣлъ ревностнаго сподвижника своего князя Боровскаго, который также долженъ былъ удалить-

ся со всѣмъ семействомъ своимъ въ Литовское княжество; наконецъ пользуясь смертью Рязанскаго князя, взялъ малолѣтнаго сына его въ Москву для воспитанія и послалъ своихъ намѣстниковъ управлять Рязанью. Кромѣ того, смирилъ Новгородъ и съ успѣхомъ отражалъ набѣги Татаръ Сарайскихъ; съ неменьшимъ успѣхомъ удерживалъ напоръ Литовцевъ, пользуясь съ одной стороны междоусобіями Золотой орды, съ другой неустройствами Литовскаго княжества, бывшаго, по смерти Витолда, жертвою кровавой распри Свидригайла съ Сигизмундомъ. Вообще къ концу княженія, наученный бѣдственнымъ опытомъ, еще болѣе руководимый совѣтами сына своего Іоанна, юнаго лѣтами, но зрѣлаго умомъ, Василій правилъ твердо, благоразумно, и явно стремился къ той цѣли, которую указалъ великій дѣдъ его, Димитрій Донской, къ соединенію восточныхъ Русскихъ княжествъ въ одно государство, подвластное одному семейству; но не искоренялъ удѣльной системы и, отнимая княжества у другихъ поколѣній, чтобы присвоить ихъ своему дому, снова дробилъ Московское государство между собственными дѣтьми. Новыя кровавыя распри были неизбѣжны; къ счастію Руси, преемникомъ Василію Темному былъ Іоаннъ III.

II. ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ *.

1320 — 1569.

Въ то время, когда восточная Русь, одушевляемая св. вѣрою, руководимая мудрою политикою князей Московскихъ, обнаруживала явное стремленіе къ государственной независимости, когда все предвѣщало ей лучшую долю, западная Русь успѣла уже разрушить оковы Монгольскаго владычества и образовать могущественное, самостоятельное государство, подъ именемъ *Литовскаго княжества*, грозное для всѣхъ сосѣдей воинственнымъ духомъ своихъ властителей. Но самостоятельность его продолжалась недолго: чрезъ полвѣка блестящей жизни, оно соединило судьбу свою съ судьбою Польскаго королевства, не могло однакожъ съ нимъ слиться, не могло и отдѣлиться, должно было терпѣть же- Обозрѣніе.

* Kojałowicz. Historia Lituanae. 2 t. Dantisci. 1650—1669.—Narbutt. Dzieie starozytne narodu Litewskiego. Wilno. 9 t. 1835—1841.

стокія потрясенія внутреннія и неоднократно обнажать мечъ на единовѣрную, единокровную Русь восточную.

Образованіе Литовско-Русскаго княжества многимъ историкамъ кажется непонятною загадкою: обыкновенно спрашиваютъ, какимъ образомъ народъ слабый, малочисленный, упорный въ идолопоклонствѣ, платившій нѣкогда Русскимъ князьямъ дань скудную, лыками, вѣниками, тѣснимый со всѣхъ сторонъ сильными сосѣдями, орденомъ Тевтонскимъ, рыцарями Ливонскими, Русскими князьями, Польскими королями, однимъ словомъ народъ Литовскій могъ въ короткое время, безъ явныхъ побудительныхъ причинъ, присвоить грозную силу, завоевать все пространство отъ западной Двины до Дуная, отъ Угры до Сана, соединить покоренные народы въ государство благоустроенное и своимъ оружіемъ привести въ трепетъ самихъ Монголовъ? Предложивъ такой вопросъ, бытописатели оставляютъ его безъ отвѣта. Но стоитъ только вникнуть въ отношенія Литвы къ Руси, чтобы понять, что такое было княжество Литовское и какъ оно достигло въ XIV вѣкѣ до степени первенствующаго государства въ восточной Европѣ.

Отношенія Литвы къ Руси.

Литва, въ собственномъ смыслѣ (особенное племя, живущее въ Виленской губерніи и доселѣ сохранившее свой языкъ), и прежде и послѣ Гедимина, истиннаго основателя Литовскаго княжества, всегда была народомъ малочисленнымъ, подвластнымъ чуждому вліянію во всѣхъ условіяхъ жизни общественной; она могла грабить сосѣдственныя княжества Русскія и Польскія, только отъ раздоровъ и слабости ихъ владѣтелей, такъ точно, какъ грабили насъ Печенѣги, Половцы, Болгары; первый храбрый князь безъ труда ее обуздывалъ; вспомнимъ побѣды Романа Волынскаго, Даніила Галицкаго, Александра Невскаго. Никогда не имѣла она и гражданственности самобытной, заимствовавъ внутреннее устройство или отъ Русскихъ, или отъ Поляковъ, удержавъ одинъ языкъ, и то въ низшихъ сословіяхъ. Князья Литовскіе успѣли утвердить свою власть въ западной Руси не побѣдами своего народа, а иными средствами.

Съ давняго времени они были въ тѣсныхъ родственныхъ связяхъ съ потомками Владиміра св. Сыновья ихъ обыкновенно женились на Русскихъ княжнахъ, дочери выходили за Русскихъ князей. Это родство такъ было постоянно, такъ часто возобновлялось, что со временъ Миндовга, въ особен-

ности послѣ Гедимина, рѣдкій изъ Литовскихъ князей не принадлежалъ по женскому колѣну къ роду Владиміра св. Такъ племянница Миндовга была за Даніиломъ Романовичемъ Галицкимъ, дочь его за Шварномъ Даніиловичемъ; Олгердъ сынъ Гедиминовъ женатъ былъ на княжнѣ Тверской, другой сынъ Любартъ на княжнѣ Волынской; сынъ Олгердовъ Корибутъ на княжнѣ Рязанской, другой сынъ Свитригайло на княжнѣ Тверской; одна дочь его была за Борисомъ Константиновичемъ Суздальскимъ, другая за княземъ Черниговскимъ; дочь Кейстута за Владиміромъ Андреевичемъ Храбрымъ; дочь Витолда Софія за Василіемъ Димитріевичемъ сыномъ Донскаго. Не упоминаемъ другихъ родственныхъ связей, не столь замѣчательныхъ.

Неминуемымъ слѣдствіемъ родства князей Литовскихъ съ Русскими было другое важное обстоятельство, тѣсно соединявшее одно поколѣніе съ другимъ: крещеніе большей части Литовскихъ владѣтелей по Греческому закону. Не только Воишелгъ и Довмонтъ (причисленный Грекороссійскою церковью къ лику святыхъ), всѣ дѣти Олгерда исповѣдывали Русскую вѣру, даже самъ Ягелло, крещенный папою какъ язычникъ; есть поводъ думать, что и Олгердъ умеръ схимникомъ *. Народъ Литовскій большею частію оставался въ язычествѣ: ибо Русское духовенство никогда не употребляло насилія къ обращенію идолопоклонниковъ; самая Пермь озарилась св. ученіемъ не прежде Димитрія Донскаго. Но князья Литовскіе, рожденные отъ Русскихъ княженъ, женатые на Русскихъ княжнахъ, крещенные въ Русскую вѣру, видѣли въ потомкахъ Владиміра св. своихъ единоплеменниковъ. Русскіе князья смотрѣли съ своей стороны также точно и на Литовскихъ князей: вели съ ними споры и войны въ томъ же смыслѣ, какъ воевали другъ съ другомъ, уступали удѣлы, мѣнялись ими, ссорились, мирились, роднились. Такъ Воишелгъ уступилъ все свое государство сыну Даніилову Шварну; такъ внукъ Даніиловъ отдалъ дѣтямъ Гедиминовымъ Владиміръ Волынскій; одинъ сынъ Олгердовъ помогалъ Мамаю противъ Димитрія Донскаго; другія дѣти его поддерживали Димитрія, много содѣйствовали къ побѣдѣ Куликовской и получили отъ сына Донскаго удѣлы даже въ княжествѣ Москов-

* Олгердъ былъ убѣжденъ къ принятію Христіанской вѣры Греческаго закона супругою своею Уліаніею, княжною Тверскою, и Печерскимъ архимандритомъ Давидомъ.

скомъ: однимъ словомъ уже со временъ Миндовга, а можетъ быть и ранѣе, Литовскіе князья такъ тѣсно были соединены съ Русскими, что можно было бы согласиться съ современными сказаніями о происхожденіи ихъ отъ князей Полоцкихъ, изъ рода старшаго сына Владиміра св., если бы наши лѣтописи не удостовѣряли, что не всѣ они были Христіане и что нѣкоторые изъ нихъ оставались въ язычествѣ, чего не могло случиться съ потомками Владиміра св. Теперь стоитъ только бросить взглядъ на состояніе западной Руси, около того времени, когда возникло Литовское княжество, чтобы понять истинныя причины его величія.

Гедиминъ. 1320 — 1345. Западная Русь въ началѣ XIV вѣка раздѣлена была между двумя главными поколѣніями: къ сѣверу отъ верховьевъ Нѣмана, въ древнихъ Кривскихъ княжествахъ, господствовалъ Литовскій князь Гедиминъ, овладѣвшій престоломъ по смерти Витена, котораго онъ умертвилъ; къ югу, въ обширномъ королевствѣ Галицкомъ, царствовали правнуки Даніила Романовича, Андрей и Левъ, сыновья Юрія Львовича. Гедиминъ былъ государь выше вѣка и народа: язычникъ отъ колыбели, онъ оказывалъ почтеніе Богу Христіанскому, строилъ церкви въ Новогродкѣ и въ столицѣ своей Вильнѣ, даже дозволялъ сыновьямъ своимъ креститься, старался образовать народъ, заключалъ торговые договоры съ Ганзейскимъ союзомъ, призывалъ купцовъ, художниковъ, ремесленниковъ. Онъ смотрѣлъ на югозападную Русь, какъ на легкую добычу, и хотя сынъ его Любартъ, женатый на дочери одного изъ потомковъ Даніиловыхъ, уже господствовалъ, съ согласія Андрея и Льва, во Владимірѣ Волынскомъ; но родство съ королями Галицкими было только поводомъ къ новымъ пріобрѣтеніямъ. Онъ велъ съ ними войны, такъ точно, какъ прежде и послѣ воевали на Руси князья, братья съ братьями, дяди съ племянниками. Короли Галицкіе не въ силахъ были одолѣть его; одинъ изъ нихъ погибъ въ сраженіи подъ стѣнами Владиміра Волынскаго, другой соединился съ князьями Сѣверскими, съ Монголами, и въ свою очередь былъ пораженъ на берегахъ Ирпени, въ Кіевскомъ княжествѣ.
1320. Эта побѣда доставила Гедимину весь правый берегъ Днѣпра съ Черниговомъ, Кіевомъ и Волынью: онъ принялъ титулъ великаго князя Литовскаго и Русскаго.

Приготовивъ господство въ большей части юговосточной

Руси свойствомъ съ потомками Даніила Романовича, довершивъ пріобрѣтеніе ея силою оружія, Гедиминъ утвердилъ свою власть благоразумнымъ правленіемъ: не тѣснилъ вѣроисповѣданія, не отмѣнялъ древнихъ уставовъ, оставилъ потомковъ Владиміра св. намѣстниками въ покоренныхъ городахъ, не отнявъ у нихъ и княжескаго титула; сверхъ того признавалъ верховный судъ Московскаго митрополита въ дѣлахъ церковныхъ. Русскіе безъ прекословія повиновались ему, уже привыкнувъ къ частымъ переходамъ удѣловъ изъ однихъ поколѣній въ другія, если только они были отраслями господствующаго племени; Литовскіе же князья, по темному преданію, которому впрочемъ вѣрили современники, еще болѣе по родству ихъ съ Русскими князьями, считались потомками Владиміра св. и уже давно принадлежали къ владѣтельному дому. Гедимина тѣмъ охотнѣе признавали государемъ въ Черниговѣ, Кіевѣ, Волыни, что здѣсь видѣли въ немъ грознаго соперника Монголамъ и избавителя отъ тягостнаго рабства: въ самомъ дѣлѣ, не вступая въ явную ссору съ Узбекомъ, даже дозволяя приходить его баскакамъ за дарами, Литовскій князь не думалъ ѣхать въ орду съ поклономъ, и смѣло ополчался на злодѣевъ, державшихъ сторону потомковъ Даніиловыхъ. Преемники же его отказались отъ всякихъ дружелюбныхъ связей съ ордою, и тѣмъ заслуживъ признательность своихъ новыхъ подданныхъ, еще болѣе утвердили свою власть любовію народною.

Сообразивъ все вышесказанное, очевидно, что основанная Гедиминомъ держава, подъ именемъ великаго княжества Литовскаго, было чисто Русская, что не только религія, языкъ, гражданскіе уставы выражали Русскій отпечатокъ, но и сами князья, въ глазахъ современниковъ, принадлежали къ владѣтельному дому Владиміра св.

Княжество Галицкое, въ собственномъ смыслѣ, не вошло въ составъ Гедиминовой державы: оно признало надъ собою власть короля Польскаго. По смерти послѣдняго потомка Даніила Романовича, Георгія, которымъ пресѣкся знаменитый домъ Романа Волынскаго, Галичане призвали на Галицкій престолъ единовѣрнаго князя Болеслава Мазовскаго, обязавъ его клятвою не отмѣнять древнихъ уставовъ, не касаться сокровищъ ни государственныхъ, ни церковныхъ, и во всѣхъ дѣлахъ важныхъ требовать согласія бо- Судьба Галиціи. 1336.

ярскаго. Болеславъ нарушилъ клятву, измѣнилъ православію, хотѣлъ обратить подданныхъ въ Латинскую вѣру, угнеталъ ихъ налогами, и заслужилъ всеобщую ненависть. Онъ былъ отравленъ. Казиміръ Великій, король Польскій,
1340. спѣшилъ воспользоваться неустройствами Галиціи, и въ 1340 году овладѣлъ ею, давъ обѣщаніе не тѣснить Греческой вѣры. Но гоненія вскорѣ возобновились, и Галиція испытала многія бѣдствія, увеличенныя Венгерскими королями, искавшими ея престола. Съ тѣхъ поръ Львовъ, Перемышль Любачевъ, Санокъ, Теребовль, Кременецъ, переходили изъ рукъ въ руки отъ одного иноплеменника къ другому.

Олгердъ. 1345 — 1377. Гедиминъ, слѣдуя обыкновенію Русскихъ князей, еще при жизни раздѣлилъ свое государство между семью сыновьями: младшему Явнуту отдалъ Вильну съ титуломъ великаго князя; Монтвиду Керновъ и Слонимъ; Наримунду Пинскъ, Мозырь и половину Волыни; Любарту другую половину Волыни съ городомъ Владиміромъ; Олгерду Кревъ и Витебскъ; Кейстуту Самогицію, Троки и Полѣсье; Коріату Новогродекъ и Волковискъ. Раздробленіе западной Руси было непродолжительно: Олгердъ, превосходя всѣхъ братьевъ умомъ, мужествомъ, властолюбіемъ, при содѣйствіи Кейстута, овладѣлъ Вильною и присвоилъ верховную власть надъ Литовскимъ княжествомъ. Явнутъ нашелъ убѣжище въ Москвѣ и тамъ крестился; Наримундъ въ Новгородѣ, гдѣ также принялъ Христіанскую вѣру; братья ихъ, равнымъ образомъ Христіане, оставшіеся въ западной Руси, долго не соглашались признавать Олгерда государемъ; наконецъ, при посредничествѣ Московскаго митрополита, примирились съ нимъ и остались въ своихъ удѣлахъ, но въ зависимости отъ великаго князя Литовскаго.

Олгердъ, во все продолженіе долговременнаго царствованія, былъ грозою сосѣдей; подстрекаемый властолюбіемъ, онъ велъ безпрерывныя войны, чтобы расширить, по примѣру отца, предѣлы своего государства. Самою упорною и продолжительною была борьба съ орденомъ Меченосцевъ: нѣсколько разъ онъ предпринималъ походы на Ливонію, проникъ до самаго Юрьева, разрушилъ Королевецъ (Кенигсбергъ); но въ свою очередь долженъ былъ поднять всѣ силы западной Руси, чтобы спасти сѣверныя владѣнія отъ ордена, подкрѣпленнаго новыми крестоносцами, пришедши-

ми въ великомъ числѣ изъ западной Европы, по заключеніи мира королемъ Французскимъ Филиппомъ съ Эдуардомъ Англійскимъ. Пользуясь затруднительнымъ положеніемъ Олгерда, Казимиръ Великій, король Польскій занялъ Брестъ, Бельзъ и значительную часть Волыни. Это вовлекло западную Русь въ продолжительную войну съ Польшею. Олгердъ восторжествовалъ и вытѣснилъ Поляковъ изъ Волыни. Еще счастливѣе воевалъ съ Монголами, разбилъ три орды, кочевавшія въ Подоліи, загналъ ихъ за Дунай, проникъ въ самую Тавриду и разрушилъ Херсонъ.

Дѣйствуя, какъ явный врагъ Монголовъ, Олгердъ не могъ быть другомъ князей Московскихъ, подвластныхъ ханамъ орды Кипчакской. Симеонъ Гордый, именуясь великимъ княземъ всея Руси, покровительствуя гонимыхъ имъ братьевъ, самъ вызывалъ его нѣкоторымъ образомъ на брань. Война съ Меченосцами не дозволяла Литовскому князю обратить всѣхъ силъ на восточную Русь. Озабоченный этою войною, онъ старался исподоволь проложить путь къ престоламъ восточныхъ княжествъ, тѣми же средствами, которыми дѣйствовалъ отецъ его въ югозападной Руси: вмѣшивался въ дѣла Новгородскія, далъ Пскову въ намѣст- 1346.
ники сына своего Андрея, хотѣлъ быть миротворцемъ Симеона съ княземъ Смоленскимъ, женился на княжнѣ Тверской Уліаніи Александровнѣ и выдалъ дочь свою за Бориса Константиновича Суздальскаго. Политика его обнаружи-
лась при слабомъ преемникѣ Симеоновомъ Іоаннѣ II и въ 1356.
малолѣтство Димитрія Донскаго: безъ явной войны, онъ занялъ Брянскъ, Бѣлый, Мстиславль и Ржевъ, раздвинувъ предѣлы своего княжества до береговъ Угры. Новгородъ, Тверь и Смоленскъ считали его своихъ покровителемъ. Однимъ словомъ, Олгердъ былъ въ тѣхъ же отношеніяхъ къ восточной Руси, или къ Московскому государству, въ какихъ находился прежде отецъ его Гедиминъ къ югозападной или къ Галицкому королевству. Какъ тамъ, такъ и здѣсь князья удѣльные видѣли въ Литовскихъ князьяхъ не столько завоевателей, сколько избавителей отъ ига Монгольскаго: города, болѣе другихъ ненавидѣвшіе рабство, Новгородъ, Псковъ, охотно признавали дѣтей и внуковъ Гедиминовыхъ своими князьями, и если не могли съ ними ужиться, то по тѣмъ же самымъ причинамъ, по которымъ не ладили съ потомками Мономаха. Народъ не чуждался ихъ, видя въ нихъ ревностныхъ Христіанъ. Оставалось только

рѣшить вопросъ, кто кого одолѣетъ: сынъ ли Гедимина, внукъ ли Калиты? Этотъ вопросъ возникъ при Димитріи Донскомъ. Онъ не только не хотѣлъ уступить Олгерду того, чего Литовскій князь не успѣлъ присвоить въ восточной Руси, но думалъ присоединить къ своей державѣ и тѣ области, которыми домъ Гедимина уже владѣлъ за Днѣпромъ, слѣдуя правилу великаго дѣда своего, что всѣ Русскія земли должны войти въ составъ одного государства, подвластнаго одному семейству. Отселѣ началась родовая вражда между потомками Гедимина и Калиты, какъ прежде между домами Олега и Мономаха, обратившаяся мало по малу, по соединеніи западной Руси съ Польшею, въ распрю народную.

Сынъ Гедимина, разгадавъ политику Димитрія Донскаго, уже безопасный со стороны Меченосцевъ, спѣшилъ нанести ему рѣшительный ударъ; поводомъ къ этой борьбѣ отчаянной было стѣсненіе княземъ Московскимъ шурина Олгердова князя Михаила Александровича Тверскаго. Три раза онъ собиралъ всѣ свои силы и вторгался въ восточную Русь, чтобы овладѣть ею: въ 1368 году, въ кровопролитной битвѣ близъ Тростенскаго озера (въ Рузскомъ уѣздѣ), истребилъ совершенно полки Московскіе, достигъ до самой Москвы и не успѣлъ взять только одного Кремля; чрезъ два года онъ пришелъ снова и опять проникъ до столицы,
1370 съ тою же неудачею; Димитрій успѣлъ взять свои мѣры: двоюродный братъ его Владиміръ Андреевичъ Храбрый, угрожая Олгерду съ тыла, принудилъ его заключить миръ, укрѣпленный родственнымъ союзомъ: дочь Кейстута отдала свою руку Владиміру Храброму.

1372. Этотъ миръ чрезъ два года былъ нарушенъ: Кейстутъ, посѣдѣвшій въ битвахъ, быстрымъ набѣгомъ разорилъ Переяславль Залѣсскій и Кашинъ; въ слѣдъ за нимъ явился Олгердъ въ третій разъ, но встрѣтилъ Димитрія готоваго къ бою, и потерявъ надежду смирить его, снова заключилъ миръ съ условіемъ, чтобы князь Тверской остался независимъ отъ князя Московскаго, въ надеждѣ господствовать въ Твери, и рано или поздно овладѣть Москвою, которая одна только могла съ нимъ бороться. Димитрій однако устоялъ на своемъ и принудилъ Михаила Александровича признать себя государемъ.

Ягелло. 1377 — 1434. Смерть пресѣкла замыслы Олгерда и повлекла за собою кровопролитныя междоусобія въ западной Руси; имѣя один-

надцать сыновей, онъ назначилъ преемникомъ великокняжескаго достоинства Ягелла, или Ягайла, сына Тверской княжны, миновавъ не только старшихъ дѣтей, рожденныхъ отъ перваго брака съ княжною Витебскою, но и брата своего Кейстута, бывшаго правою рукою во всѣхъ его походахъ; сверхъ того оставилъ множество племянниковъ и внуковъ. Кейстутъ, какъ старшій въ родѣ, рѣшился овладѣть великокняжескимъ престоломъ, взялъ Вильну и далъ племяннику княжество Кревское и Витебское; но хитрый Ягелло успѣлъ одолѣть дядю, заключилъ его въ темницу и тамъ замучилъ; та же участь грозила роднымъ и двоюроднымъ братьямъ Ягелла; преслѣдуемые его лютостію, они бѣгствомъ спасали свою жизнь: сынъ Кейстута, знаменитый въ послѣдствіи Витолдъ бѣжалъ въ Пруссію, сосѣдственную страну съ отцовскимъ удѣломъ; Олгердовичи, Андрей и Димитрій, и князья Волынскіе отдались въ покровительство Димитрія Донскаго. Пользуясь раздорами въ семействѣ Гедиминовомъ, князь Московскій послалъ сильное войско въ Литовско-Русскія области, для присоединенія ихъ къ своей державѣ; города Стародубъ, Трубчевскъ сдались безъ бою; другіе ждали только рати Московской, чтобы отворить ей ворота. Но Димитрій принужденъ былъ отозвать войско, получивъ вѣсть о нашествіи Монголовъ. Борьба съ Мамаемъ и Тохтамышемъ, въ коей Олгердовичи помогали ему, какъ самые усердные и опытные родственники, исключая Ягелла, державшаго сторону нашихъ злодѣевъ, не позволила ему исполнить намѣренія соединить всѣ Русскія земли въ одно государство. При всемъ томъ Русь западная такъ сблизилась съ восточною, узы родства такъ крѣпко связывали домъ Гедимина съ родомъ Калиты, оба поколѣнія такъ замѣтно сливались въ одно семейство, что споръ Донскаго съ Ягелломъ принималъ видъ семейной распри, въ томъ смыслѣ, какъ прежде ссорились наши князья за удѣлы, только въ обширнѣйшемъ объемѣ. И тотъ и другой стремились къ первенству, къ господству надъ всѣми Русскими землями: князья западные изъ рода Гедимина старались утвердить свою власть въ Смоленскѣ, Твери, Псковѣ, Новгородѣ, чтобы присвоить и самую Москву; князья Московскіе изъ рода Калиты отстаивали эти города и въ свою очередь помышляли о распространеніи своихъ владѣній за самый Днѣпръ, покровительствуя даже князьямъ Волынскимъ. Иногда бралъ перевѣсъ владѣтель западной Руси,

иногда владѣтель восточной; даже трудно сказать, отъ кого болѣе зависѣли княжества Смоленское, Тверское, Псковское, Новгородское. Однимъ словомъ соединеніе всѣхъ Русскихъ земель въ одно цѣлое было приготовлено уже при Димитріи Донскомъ. Но Судьбѣ угодно было отсрочить это вожделѣнное событіе, чтобы тяжкими уроками еще болѣе убѣдить потомство въ необходимости единодержавія въ землѣ Русской.

Въ 1386 году домъ Гедимина вступилъ на Польскій престолъ и, связавъ судьбу своего государства съ судьбою Польши, поставилъ западную Русь въ такое положеніе, что она могла соединиться съ восточною только послѣ долговременной борьбы: ибо съ тѣхъ поръ самая Польша должна была неминуемо войти въ составъ одной державы Русской. Для объясненія этого достопамятнаго случая, бросимъ взглядъ на судьбу Польши до избранія Ягелла въ Короли.

ша до 1386. Польша * возникла почти въ одно время съ Русью, также въ отрасли племени Славянскаго, которое дало бытіе и нашему отечеству, но подъ вліяніемъ иныхъ обстоятельствъ. Народы, вошедшіе въ составъ Польскаго королевства, около того времени, когда оно получило прочное основаніе введеніемъ Христіанской вѣры, подъ общимъ названіемъ Ляховъ или Лехитовъ, раздѣлялись на 4 главныя поколѣнія: Мазовшанъ, Ленчицанъ, Куявовъ и Полянъ или Поляковъ. Они занимали страну, извѣстную въ послѣдствіи подъ названіемъ Великой Польши, и подобно Русскимъ Славянамъ, издревле вели жизнь патріархальную; когда же въ VIII и IX столѣтіяхъ въ восточной Европѣ обнаружилось стремленіе къ жизни общественной, пробужденное Христіанскою вѣрою, и народы одноплеменные составили союзы для защиты себя отъ сильныхъ сосѣдей, Ляхи, тѣснимые съ запада Нѣмцами, съ юга Чехами, признали надъ собою верховную власть поколѣнія Пяста, и при Мечиславѣ I, во второй по-
965. ловинѣ X вѣка, озарились свѣтомъ Христіанской вѣры. Принявъ св. ученіе отъ Латинскихъ проповѣдниковъ, въ то время, когда папа хотѣлъ господствовать надъ всѣмъ Христіанскимъ міромъ въ дѣлахъ церкви, а Римскіе императоры искали верховной власти въ дѣлахъ свѣтскихъ, Польша не могла избавиться отъ вліянія ни того, ни другаго, и вошла въ систему западной Римской имперіи. Мечиславъ I долженъ былъ признать себя вассаломъ императора, платить

* A. Narcszevicz. Historya narodu Polskiego. Lipsk, 1836.

ему дань, помогать во всѣхъ его войнахъ и просить королевской короны, какъ милости, отъ папы, въ чемъ однако не успѣлъ: его не удостоили даже званія *герцога*, и считали только *барономъ* въ разрядѣ владѣтелей, зависѣвшихъ отъ Римской имперіи.

Сынъ Мечиславовъ Болеславъ Храбрый, современникъ Владиміра святаго и Ярослава I, поставилъ свое государство на высокую степень могущества, раздвинулъ его предѣлы счастливыми побѣдами на югѣ до горъ Карпатскихъ, на западѣ до Сала и Эльбы, на сѣверѣ до Балтійскаго моря, на востокѣ до западнаго Буга и Волыни; далъ ему внутреннее устройство, служившее въ послѣдствіи основаніемъ общественной жизни Польскаго народа, оградилъ его крѣпостями, возбудилъ промышленность основаніемъ многихъ городовъ, и получивъ отъ императора Оттона III титулъ королевскій, съ правомъ быть союзникомъ, а не вассаломъ имперіи, избавилъ свою державу отъ тягостнаго вліянія Нѣмцевъ, даже былъ грозою самихъ наслѣдниковъ Оттоновыхъ. Онъ оставилъ своимъ преемникамъ обширное государство, присоединивъ къ отцовскому достоянію, къ Великой Польшѣ, отъ Руси города Червенскіе или западную часть Галиціи и Волыни, отъ Чеховъ Малую Польшу съ городами Краковомъ и Сандомиромъ, отъ имперіи Моравію, Силезію и Поморанію. Но какъ земли, пріобрѣтенныя оружіемъ Болеслава Храбраго, принадлежали по праву перваго владѣнія уже извѣстнымъ династіямъ и составляли часть ихъ государствъ, то наслѣдники его должны были или отказаться отъ его завоеваній, или вести, для удержанія ихъ за собою, безпрерывныя войны съ тѣми державами, кои имѣли на нихъ первоначальное право. Скорѣе всего они утратили города Червенскіе, гдѣ домъ Рюрика утвердилъ свою власть прежде Пястова поколѣнія. Ярославъ I возвратилъ ихъ безъ труда; съ тѣхъ поръ они составляли неотъемлемую собственность потомковъ Владиміра св. до половины XIV вѣка. Отказавшись отъ всякихъ притязаній на Галицію и Волынь, Польскіе короли утвердили свою власть въ земляхъ, извѣстныхъ въ послѣдствіи подъ именемъ Малой Польши, столицею коей былъ Краковъ: ибо здѣсь не было равныхъ имъ совмѣстниковъ; но усилія ихъ удержать за собою Моравію, Силезію, Лузацію и Поморанію, были поводомъ къ безпрерывнымъ войнамъ съ туземными владѣтелями, искавшими независимости, и съ императорами Германскими.

992 — 1025.

При всемъ томъ преемники Болеслава Храбраго, до половины XII вѣка, неоднократно брали верхъ надъ западными сосѣдями, удержали за собою Силезію, Лузацію, восточную Померанію, и были могущественными государями.

1140. Со времени Болеслава Кривоустаго, въ продолженіе двухъ вѣковъ, Польша была жертвою внутреннихъ междоусобій королевскаго дома, добычею магнатовъ, Римскаго двора, Нѣмцевъ, Евреевъ и Литвы. Болеславъ Кривоустый утвердилъ въ своемъ государствѣ удѣльную систему, такъ точно, какъ Ярославъ въ Русской землѣ: и тотъ и другой раздѣлилъ свою державу по числу сыновей на нѣсколько княжествъ неотъемлемыхъ, отказавъ старшему въ родѣ право верховной власти. Болеславъ оставилъ четыре княжества: Краковское (съ Поморанiею и Силезiею), Сандомирское, Мазовецкое (съ Куявiею) и Польское (воеводства Гнѣзненское и Познаньское). Потомки слѣдовали его примѣру и дробили доставшiеся имъ удѣлы между дѣтьми на новые участки. Слѣдствiя были тѣ же, какiя испытало наше отечество: домъ Пяста раздѣлился на нѣсколько отраслей самостоятельныхъ, присвоившихъ наслѣдственное право на извѣстныя области. Отъ старшаго сына Болеслава, Владислава II пошли герцоги Силезскiе въ двухъ главныхъ отрасляхъ: Нижнесилезской и Верхнесилезской; къ первой относились герцоги Глогавскiе, Саганскiе, Ельскiе, Швейдницкiе, Яурскiе, Минстербергскiе, Лигницкiе, Бригскiе, Волавскiе и Бреславскiе; ко второй Тешенскiе, Заторскiе, Козельскiе, Опельнскiе, Ратиборскiе. Отъ Мечислава III: князья Великопольскiе, Познаньскiе, Калишскiе. Отъ Казимiра II: князья Куявскiе и Мазовецкiе, подраздѣлявшiеся на Ленчицкихъ, Серадскихъ, Иновроцлавскихъ, Черскихъ, Плоцкихъ, Сохачевскихъ. Всѣ эти поколѣнiя, въ видѣ самостоятельныхъ отраслей, возникли съ половины XII до половины XIV столѣтiя: одни угасали; другiя занимали ихъ мѣсто; иногда сливались, но вскорѣ раздѣлялись и вновь дробились. Междоусобiе было безпрерывное: споры за удѣлы, стремленiе однихъ князей къ самостоятельности, усилiя другихъ присвоить Краковскiй престолъ, владѣтель коего принималъ титулъ королевскiй, оспориваемый впрочемъ императоромъ и папою, все это влекло за собою пагубныя слѣдствiя: ослабленiе государства, медленные успѣхи гражданственности, кулачное право.

Къ бѣдствiямъ междоусобiя присоединилось другое зло,

коего мы не испытали. Съ одной стороны тѣсная связь съ Германіею познакомила высшія сословія съ феодальными понятіями: Польскіе магнаты, присвоивъ себѣ обширныя помѣстья, искали тѣхъ же правъ, коими пользовались Германскіе бароны, хотѣли господствовать въ своихъ отчинахъ независимо отъ князей, и самовольно располагали Краковскимъ престоломъ, предлагая оный тому изъ Пястовъ, кто обѣщалъ не касаться ихъ вольностей. Съ другой стороны исключительная зависимость Польскаго духовенства отъ папы давала Римскому двору средства вмѣшиваться въ княжескіе раздоры, располагать церковными отчинами и дѣйствовать вообще такъ, какъ дѣйствовали папы во всѣхъ подвластныхъ имъ государствахъ. Этого мало: не только высшее дворянство и духовенство, противуборствуя соединенію Польскихъ силъ къ одной цѣли, разрушали всякую мысль о единствѣ и вкореняли сѣмена разногласія, мятежа; самое среднее сословіе, оказавшее такъ много услугъ въ западной Европѣ, было чуждымъ элементомъ въ Польскомъ государствѣ и по языку и по правамъ своимъ: оно состояло преимущественно изъ Нѣмцевъ, коими нѣкоторые короли населили цѣлые города; захвативъ въ свои руки всю внутреннюю промышленность, сіи пришельцы не признавали законовъ Польскихъ и пользовались Магдебургскимъ правомъ. По примѣру ихъ, то же право предоставлено было и природнымъ Полякамъ привилегированныхъ классовъ. Съ половины XIV столѣтія Польшу наводнили еще Евреи, для коихъ она съ тѣхъ поръ стала истиннымъ отечествомъ: Евреи отбили у Нѣмцевъ торговлю; но сами Поляки мало отъ того выиграли.

Въ половинѣ XIV столѣтія состояніе Польши было несравненно злополучнѣе нашего: не взирая на Монгольское иго, на распри князей, у насъ всѣ условія жизни общественной были ознаменованы какимъ то неразрывнымъ единствомъ: все стремилось къ дружному согласію, и притомъ все выражало одинъ національный типъ. Власть духовная поддерживала свѣтскую и никогда съ нею не спорила; бояре и высшія сословія, не имѣя даже понятія о правахъ феодальныхъ, были истинною опорою престола; среднія и низшія сословія горѣли пламенною любовію къ своей вѣрѣ, къ своему государю, въ коемъ видѣли своего судью и защитника. Въ этомъ согласіи основныхъ элементовъ госу-

дарственныхъ заключалась неодолимая сила Русскаго народа. Въ Польшѣ, напротивъ того, во всемъ замѣтно было чудное разногласіе: король спорилъ съ папою, съ императоромъ за королевскій титулъ, съ родственниками за Краковскій престолъ: князья удѣльные спорили другъ съ другомъ за удѣлы, съ королемъ за независимость, съ вельможами за право суда, съ среднимъ сословіемъ за пошлины и оброки, съ духовенствомъ за десятину. Народъ раздѣлялся на природныхъ Поляковъ, на всельниковъ Нѣмецкихъ, на Евреевъ: тѣ и другіе имѣли свой языкъ, свои нравы и обыкновенія, свой судъ и расправу; сверхъ того были еще многочисленные классы привилегированные, имѣвшіе исключительное право монополій. Наконецъ въ самомъ языкѣ было разногласіе съ понятіями: въ Божественной службѣ, въ дѣлахъ судебныхъ, въ словесности господствовалъ языкъ Латинскій, непонятный для большей части народа: такъ было и во всей Европѣ (исключая одной Руси, гдѣ во всѣхъ случаяхъ употреблялся одинъ языкъ Русскій); но для государствъ, возникшихъ на развалинахъ Римской имперіи, Латинскій языкъ былъ въ нѣкоторомъ смыслѣ роднымъ, по крайней мѣрѣ благороднѣйшимъ; въ Славянской же землѣ онъ рѣшительно былъ чуждымъ нарѣчіемъ. При такомъ разногласіи правъ, понятій, уставовъ, при всеобщемъ противорѣчіи основныхъ элементовъ государственныхъ, Польша едва ли могла существовать въ видѣ самостоятельнаго государства: ей не доставало внутренней крѣпкой силы, которая возникаетъ только подъ вліяніемъ родныхъ уставовъ, роднаго языка, родныхъ обыкновеній, при неразрывномъ согласіи всѣхъ условій общественныхъ. Ей необходима была опора, которая поддерживала бы это нестройное тѣло, носившее въ себѣ отъ самаго рожденія недугъ разрушительный.

1333 Въ срединѣ XIV вѣка царствовалъ въ Польшѣ Казимиръ III, наслѣдовавшій отъ отца власть единодержавную, которую признавали всѣ потомки Пяста, исключая герцоговъ Силезскихъ. Многія отрасли владѣтельнаго дома угасли въ войнахъ междоусобныхъ; другія такъ раздробились, что не въ силахъ были спорить съ государемъ Краковскимъ; удѣльное правленіе ослабѣло. Казимиръ, одаренный умомъ и характеромъ, умѣлъ господствовать самодержавно, велъ счастливыя войны съ сосѣдями, строилъ города, исправлялъ законы, старался облегчить участь крестьянъ, заботился о просвѣщеніи народа и по справедливости заслужилъ отъ по-

томства имя *Великаго.* Смертью его угасъ королевскій домъ Пяста; хотя не всѣ отрасли его пресѣклись, но Казимиръ, вѣроятно постигнувъ бѣдственное положеніе Польши и надѣясь поддержать ее тѣснымъ союзомъ съ сосѣдственными государствами, убѣдилъ магнатовъ, еще при жизни своей, предложить престолъ племяннику своему Людовику королю Венгерскому. Магнаты тѣмъ охотнѣе согласились на желаніе Казимира, что надѣялись воспользоваться этимъ случаемъ къ утвержденію своихъ правъ, доселѣ основанныхъ на одномъ обыкновеніи, силою закона, и вмѣстѣ съ короною предложили Людовику pacta conventa, или условія, ограничивавшія власть короля и утверждавшія права дворянства. Людовикъ подписалъ pacta conventa; но вступивъ на престолъ Польскій, встрѣтилъ во всѣхъ сословіяхъ такой раздоръ, что рѣшился возвратиться въ Венгрію, и отнявъ у Польши Галицію, присоединилъ ее къ наслѣдственному королевству.

Ягелло на П[олъ]скомъ прест[олѣ] 1386.

Послѣ сильнаго потрясенія государства всеобщими мятежами, магнаты Польскіе объявили королевою меньшую дочь Людовика, пятнадцатилѣтнюю Ядвигу, снова устранивъ всѣ поколѣнія Пяста, и искали ей жениха. Естественнѣе всего было сочетать ее съ Вильгельмомъ герцогомъ Австрійскимъ, съ коимъ она была помолвлена еще съ колыбели; но Польскій сенатъ весьма хорошо понималъ, что герцогъ Австрійскій не въ силахъ будетъ спасти королевство отъ страшнаго врага, грозившаго ему съ востока, отъ Литовскаго великаго князя Ягелла, который, незадолго предъ тѣмъ въ конецъ разоривъ Малую Польшу, съ своей стороны искалъ руки Ядвиги и короны Казимировой. Онъ наводилъ такой ужасъ на Поляковъ, что его считали косматымъ чудовищемъ, и юная Ядвига ни за что въ свѣтѣ не соглашалась отдать свою руку свирѣпому *язычнику.* Тщетно старались вельможи побѣдить ея упорство, представляя всѣ бѣдствія, кои обрушатся на Польшу, если Ягелло получитъ отказъ; королева была непреклонна, доколѣ Польскіе епископы не тронули ея набожности: помня, какъ безуспѣшны были всѣ усилія Меченосцевъ ввести въ Литву Латинскую вѣру, и зная, что не только потомки Гедиминовы, но и подданные ихъ, оставляя идоловъ, обнаруживали явную наклонность къ закону православному, они опасались присоединенія всего Литовскаго народа къ Россійской церкви; слѣдовательно для Римскаго духовенства ни что не могло быть

пріятнѣе предложенія Ягеллова: оно всѣми силами поддерживало магнатовъ, старавшихся склонить королеву къ брачному союзу съ Литовскимъ княземъ, обѣщая ей царство небесное. Ядвига принуждена была наконецъ согласиться. Братья Ягелловы уже исповѣдывали Грекороссійскую вѣру; нельзя думать, чтобы и самъ онъ оставался въ язычествѣ: мать его, княжна Тверская, была Христіанка, отецъ умеръ схимникомъ; но честолюбіе было главною страстію сына Олгердова: замучивъ роднаго дядю Кейстута, чтобы господствовать въ Литвѣ, онъ по всей вѣроятности промѣнялъ православный законъ на Латинскій, чтобы получить титулъ короля Польскаго и руку прекрасной Ядвиги. Въ 1386 году онъ прибылъ въ Краковъ, крестился по Римскому обряду, вступилъ въ бракъ съ королевою и короновался, давъ предварительно присягу соблюдать Польскіе законы, ввести Латинскую вѣру въ Литвѣ, и соединить наслѣдственное княжество съ Польшею въ одно государство.

[Кр]ещеніе Литвы. Крещеніе Литвы совершилось безъ всякаго труда: въ Вильнѣ уже давно славословили Христа Спасителя; знатнѣйшіе вельможи исповѣдывали Грекороссійскую вѣру. Простой народъ былъ погруженъ въ язычество; покланялся огню Перкунову, обожалъ змѣй, боготворилъ рощи; но естественно уже терялъ уваженіе къ идоламъ, презираемымъ и князьями и высшимъ сословіемъ. Самъ Ягелло съ королевою и духовенствомъ прибылъ въ Вильну, древній огонь велѣлъ угасить, змѣй истребить, рощи вырубить. Идолопоклонники ждали, что небесный громъ поразитъ его, однако тщетно; имъ дали бѣлые кафтаны, красивую обувь; королева не щадила денегъ; они съ радостію брали дары и принимали къ себѣ Латинскихъ священниковъ. Одна Жмудь упорствовала; чрезъ полвѣка и она крестилась.

Гораздо труднѣе было соединить Литовское княжество съ Польшею въ одну державу: Поляки встрѣтили неожиданныя препятствія и не прежде, какъ чрезъ два столѣтія, успѣли уничтожить ихъ.

Витовдъ. [1]392—1430. Союзъ Литовскаго княжества съ Польскимъ королевствомъ разорвался въ самомъ началѣ. Главною виною тому было различіе вѣроисповѣданій. Не только въ Русскихъ областяхъ, подвластныхъ дому Гедимина, вѣра предковъ сохранялась во всей чистотѣ; въ самой Вильнѣ были ревностные послѣдователи Греческаго закона. Всѣ православные смотрѣли на

преданность Ягелла Полякамъ съ негодованіемъ; когда же король, ободренный успѣхомъ обращенія язычниковъ, подстрекаемый Римскимъ духовенствомъ, вздумалъ требовать и отъ Русскихъ присоединенія къ Латинской церкви, они изъявили явный ропотъ, и чтобы разорвать ненавистный союзъ съ гонителями своей вѣры, охотно признали великимъ княземъ, независимымъ отъ короля, двоюроднаго брата его Витолда.

Витолдъ, сынъ Кейстута, вмѣстѣ съ Ягелломъ оставилъ законъ православный и перекрестился въ Краковѣ. Но равнодушный къ различію вѣроисповѣданій, онъ искалъ одной славы и громкаго имени въ потомствѣ: хотѣлъ поставить государство своихъ предковъ на степень первенствующей державы въ восточной Европѣ и утвердить его самостоятельность. Для этой цѣли вмѣшивался въ дѣла Меченосцевъ и неоднократными побѣдами едва не сокрушилъ Ливонскаго ордена; перенесъ свое оружіе за Днѣпръ, овладѣлъ Смоленскомъ, унизилъ гордость Новгородцевъ и не завоевалъ Москвы только потому, что встрѣтилъ дѣятельность соперника въ благоразумномъ сынѣ Донскаго, Василіи Димитріевичѣ. Монголы его трепетали: Витолдъ легко очистилъ отъ ихъ улусовъ все пространство между Днѣпромъ и Азовскимъ моремъ, нѣсколько тысячъ Татаръ переселилъ въ Литву, гдѣ потомки ихъ живутъ доселѣ, сохранивъ вѣру праотцевъ, и думалъ господствовать надъ Золотою ордою, поддерживая Тохтамыша, какъ присяжника своего, въ борьбѣ съ Тимуромъ. Жестокое пораженіе Литовцевъ на берегахъ Ворсклы 1399.
Эдигеемъ разстроило замыслы Витолда: онъ такъ ослабѣлъ, что оставилъ всѣхъ сосѣдей въ покоѣ и примирился до времени съ Ягелломъ, который доселѣ видѣлъ въ немъ опаснаго недруга. Съ тѣхъ поръ постоянною заботою его было утвердить самостоятельность Литовскаго княжества. Для этой цѣли онъ установилъ въ своемъ государствѣ митрополію, отдѣльную отъ Московской. Витолдъ не предпочиталъ Латинскаго вѣроисповѣданія Грекороссійскому и не тревожилъ совѣсти своихъ подданныхъ; но не могъ равнодушно смотрѣть на зависимость западнаго православнаго духовенства отъ Московскаго первосвятителя и, подъ предлогомъ нерадѣнія Фотія о паствѣ, требовалъ у патріарха Царяградскаго особеннаго митрополита для своего государства; получивъ же отказъ, велѣлъ епископамъ собственною властію посвятить Григорія Цимвлака на Кіевскую митрополію. Епископы 1416.
не соглашались долго и уступили только насилію, бывъ угро-

жаемы самою смертію. Разрывая союзъ духовный съ Москвою, Витолдъ рѣшился уничтожить политическій съ Польшею, и чтобы поставить свое княжество на равную степень съ нею, хотѣлъ принять титулъ королевскій. Ягелло съ своей стороны, руководимый совѣтами Римскаго духовенства, всѣми мѣрами старался отклонить его отъ столь пагубнаго для Польши намѣренія, умолялъ папу не давать ему благословенія, отговаривалъ императора, не щадилъ даровъ, наконецъ, когда ничто не помогало, коварно уступалъ Витолду Польскую корону: великій князь отвергъ ее и пригласилъ многихъ вѣнценосцевъ въ Литву быть свидѣтелями его ко-
130. ронованія. Скоропостижная смерть разрушила всѣ его планы.

игайло. Смерть Витолда, вопреки ожиданію Римскаго двора, не утвердила соединенія западной Руси съ Польшею: мѣсто его занялъ родной братъ Ягелла Свитригайло; онъ былъ для королевства опаснѣе даже своего предмѣстника, питалъ непримиримую вражду къ брату, неоднократно обуздывалъ его силою оружія, истреблялъ Поляковъ, и успѣвъ заслужить всеобщую любовь Русскихъ, видѣвшихъ въ немъ защитника своей вѣры и независимости, подобно предшественнику, хотѣлъ принять вѣнецъ королевскій; но не имѣя талантовъ его, былъ не въ силахъ бороться съ хитрымъ Ягелломъ, который умѣлъ произвести въ Литвѣ войну междоусобную. Сигизмундъ, братъ Витолдовъ, поддерживаемый Поляками, вооружился на Свитригайла, изгналъ его и объявилъ себя великимъ княземъ, съ обязанностію платить королю дань, помогать ему во всѣхъ войнахъ, уступить Польшѣ Волынь съ Подоліею и не думать о вѣнцѣ королевскомъ. Между тѣмъ Свитригайло собралъ многочисленное войско, призвалъ на помощь Татаръ, Нѣмцевъ, еще болѣе нашелъ усердныхъ доброжелателей въ самомъ княжествѣ и вступилъ въ новую борьбу съ Сигизмундомъ.

134. Ягелло не дожилъ до окончанія этой войны кровопролитной, и старшій сынъ его Владиславъ III, избранный Поляками въ короли, не былъ признаваемъ великимъ княземъ Литовскимъ, за достоинство котораго спорилъ Свитригайло съ Сигизмундомъ; послѣдній одолѣлъ соперника, но въ свою очередь раздраживъ всѣ сословія жестокимъ правленіемъ и угодливостію Полякамъ, былъ убитъ князьями Чарторижскими.

По смерти Сигизмунда, Литовскіе чины не хотѣли слышать о подданствѣ королю Польскому и объявили великимъ княземъ своимъ втораго сына Ягеллова, Казимира. Союзъ обоихъ народовъ рушился. Поляки старались возобновить его, и какъ скоро не стало Владислава III, погибшаго въ войнѣ съ Турками подъ стѣнами Варны, спѣшили предложить Польскую корону Казимиру. Онъ желалъ принять ее; но Литовскіе чины, уже испытавъ многія невыгоды союза съ Польшею, отклоняли своего государя. Поляки убѣждали его неотступно; цѣлые два года терпѣли всѣ неустройства междуцарствія, не теряя надежды на согласіе Казимира, не щадили ни даровъ, ни обѣщаній; наконецъ достигли своей цѣли: великій князь согласился принять Польскую корону; но не прежде могъ выѣхать изъ Вильны въ Краковъ для коронованія, какъ обязавшись не считать великаго княжества за одно съ королевствомъ, уничтожить всѣ акты соединенія, оставить неприкосновенными всѣ права своего народа, гражданскія и церковныя, и возвратить Литовскому княжеству Волынь съ Подоліею, бывшую со временъ Олгерда постояннымъ предметомъ спора между великими князьями Литовскими и королями Польскими.

Казимиръ. 1440 — 1492.

1447.

Снова соединивъ корону великокняжескую съ королевскою, Казимиръ не могъ соединить обоихъ народовъ: они обнаруживали жестокую непріязнь другъ къ другу; Литовскіе чины не хотѣли являться на Польскіе сеймы, собирали свои собственные, неотступно требовали уничтоженія прежнихъ актовъ соединенія и грозили войною за Волынь и Подолію. Слабый Казимиръ, не зная, что дѣлать, думалъ даже отказаться отъ короны Польской. Смертью его союзъ опять разорвался. Великое княжество провозгласило своимъ государемъ сына его Александра; Поляки же, видя явную непріязнь Литвы, не смѣли уже надѣяться на согласіе великаго князя принять королевскую корону; желали по крайней мѣрѣ видѣть на престолѣ брата его, чтобы не совсѣмъ отдѣлиться, и избрали въ короли другаго сына Казимирова, Іоанна Албрехта. Оба они правили своими государствами независимо другъ отъ друга. По смерти Албрехта, Александръ согласился вступить на Польскій престолъ; преемникъ его Сигизмундъ I, младшій сынъ Казимира, также былъ и Литовскимъ княземъ и Польскимъ королемъ; но обѣ страны все еще представляли отдѣльныя государства, до 1569 года.

1492.

III. РУСЬ ВЪ ПОЛОВИНѢ XV ВѢКА *.

1. Государство Московское.

Составъ его.

Въ началѣ второй половины XV вѣка, предъ восшествіемъ на Московскій престолъ Іоанна III, Русь раздѣлялась на двѣ главныя системы, на восточную или Московскую и на западную или Литовскую. Политика восточной Руси сосредоточивалась въ домѣ Іоанна Калиты, политика западной въ домѣ Гедимина.

Домъ Іоанна Калиты въ одно столѣтіе овладѣлъ большею частію восточной Руси, сначала прикупкою къ наслѣдственному удѣлу селъ и деревень въ сопредѣльныхъ областяхъ, потомъ присоединеніемъ цѣлыхъ княжествъ. Іоаннъ Калита, получивъ отъ брата своего Георгія область небольшую, заключавшуюся въ границахъ нынѣшней Московской губерніи, съ частію Владимірской, прикупилъ къ ней многія села Костромскія, Ростовскія, Владимірскія, даже Новгородскія; примѣру его слѣдовали дѣти Симеонъ Гордый и Іоаннъ II: они также пріобрѣли значительную часть княжества Рязанскаго на лѣвой сторонѣ Оки и нѣсколько селъ въ окрестностяхъ Московскихъ. Димитрій Донской и преемники его дѣйствовали еще рѣшительнѣе: Димитрій присоединилъ цѣлое княжество Владимірское, область Мещерскую и часть земли Мордовской; Василій Димитріевичъ княжества Суздальское, Городецкое, Муромское, Ростовское; наконецъ Василій Темный отнялъ Елецкую область у князя Рязанскаго, сверхъ того удѣлы у двоюродныхъ братьевъ, и оставилъ своему дому государство обширное.

Въ составъ Московскаго государства вошли всѣ удѣлы, возникшіе въ родѣ Юрія Долгорукаго (исключая Тверской), Владимірскіе, Ростовскіе, Суздальскіе, Нижегородскіе, сверхъ того многія области, принадлежавшія другимъ отраслямъ Владиміра св., Смоленскія, Ярославскія, Черниговскія. Родъ прежнихъ удѣльныхъ князей не угасъ: потомки ихъ сохраняли даже титулъ княжескій и имѣли отчины, которыя передавали въ наслѣдство дѣтямъ; но они такъ раздробились въ своихъ многочисленныхъ отрасляхъ, что многіе изъ нихъ едва удержали за собою нѣсколько деревень и вполнѣ за-

* Лѣтописи и акты, изданные Археографическою коммиссіею.

висѣли отъ великаго князя Московскаго, утративъ всѣ права государей владѣтельныхъ. Такихъ отраслей безудѣльныхъ, возникшихъ изъ дома Владиміра св., въ восточной Руси было до 150: въ родѣ Андрея Ярославича Суздальскаго считалось 7 отраслей [1]; въ родѣ Константина Всеволодовича Ростовскаго до 17 отраслей [2]; въ родѣ Ивана Всеволодовича Стародубскаго до 18 отраслей [3]; въ родѣ Ѳедора Чернаго Ярославскаго до 40 отраслей [4]; въ родѣ Михаила Всеволодовича Черниговскаго до 43 отраслей [5]; сверхъ того были отрасли безудѣльныхъ князей: Тверскихъ [6], Рязанскихъ, Сѣверскихъ, Волынскихъ.

Домъ Калиты спасся отъ подобнаго раздробленія сколько благоразумною политикою его преемниковъ, столько и случайными обстоятельствами. Въ родѣ Калиты право удѣльное также опредѣляло порядокъ престолонаслѣдія, но съ тѣмъ достопамятнымъ различіемъ, что участки были неравны: старшій сынъ всегда получалъ самую большую часть отцовскаго достоянія. Этого правила держались всѣ князья великіе при назначеніи удѣловъ своимъ дѣтямъ. Сверхъ того отъ самаго начала княжества Московскаго господствовала мысль, что право владѣнія принадлежало не всему роду Калиты, а только семейству великокняжескому по нисходящей линіи: въ слѣдствіе этой мысли, каждый государь Московскій, наслѣдовавъ отъ отца державу, раздробленную съ братьями, мало по малу соединялъ ее въ одно цѣлое и снова дробилъ между сыновьями, минуя племянниковъ и двоюродныхъ братьевъ, или назначая имъ незначительные участки. Притомъ же сама Судьба благопріятствовала быстрому развитію единодержавія въ государствѣ Московскомъ: большая часть сыновей, внуковъ и правнуковъ Іоанна Калиты умерли или бездѣтными или во младенчествѣ.

Удѣлы въ Московскомъ княжествѣ.

Василій II распредѣлилъ удѣлы въ своемъ родѣ слѣдующимъ образомъ: 1) старшему сыну *Іоанну*, съ титуломъ великаго князя, назначилъ Москву, Коломну, Владиміръ, Переяславль, Кострому, Галичъ, Вятку, Суздаль, Нижній Новгородъ, Муромъ, Юрьевъ, Боровскъ, Суходолъ, Калугу, Алексинъ, и большую часть селъ Московскихъ; 2) *Юрію*

1. Въ числѣ ихъ были поколѣнія Скопиныхъ, Шуйскихъ, Горбатыхъ, Глазатыхъ, Ногтевыхъ.
2. Между прочими князья Лобановы, Буйносовы, Щепины, Бахтеяровы, Пріимковы.
3. Изъ нихъ наиболѣе замѣчательны Пожарскіе, Ромадановскіе, Гагарины, Хилковы.
4. Курбскіе, Шаховскіе, Львовы, Прозоровскіе, Сонцевы, Засѣкины, Бѣльскіе, Сицкіе.
5. Долгорукіе, Оболенскіе, Щербатовы, Одоевскіе, Репнины, Горчаковы, Воротынскіе.
6. Холмскіе, Микулинскіе, Телятевскіе, Дорогобужскіе.

Дмитровъ, Можайскъ, Мядынь и Серпуховъ; 3) *Андрею большему* Угличъ, Устюжну, Бѣжецкъ, Звенигородъ; 4) *Борису* Ржевъ, Волокъ Ламскій, Рузу; 5) *Андрею меньшему* Вологду, Кубену, Заозерье. 6) Половина Ростова, Романовъ, Усть-Шексна и Нерехта назначены въ удѣлъ супругѣ Василія Темнаго; другая половина Ростова осталась за князьями наслѣдственными. 7) Верея, Вышгородъ, Малый Ярославецъ и Бѣлоозеро отданы въ удѣлъ князю *Михаилу Андреевичу* Можайскому. 8) Ярославль имѣлъ своего удѣльнаго князя, владѣвшаго имъ по праву наслѣдства, но въ полной зависимости отъ великаго князя Московскаго. 9) Касимовъ отданъ въ удѣлъ Казанскому царевичу Касиму, также зависѣвшему отъ государя Московскаго.

льныя княжества. Вмѣстѣ съ домомъ Калиты господствовали въ восточной Руси, подвластной Монголамъ, поколѣнія Михаила Ярославича Тверскаго и Ярослава Святославича Рязанскаго. Новгородъ и Псковъ имѣли также права державъ самостоятельныхъ.

Тверское. I. Родъ *Михаила Ярославича* Тверскаго, властвуя въ тѣхъ же предѣлахъ, въ которыхъ заключалось Тверское княжество въ половинѣ XIV вѣка, по прежнему пользовался не только правами независимости, но и равенствомъ въ отношеніи къ великому князю Московскому. Раздѣленная до 1425 года на два удѣла, на Тверской и Кашинскій, отчина Михаилова въ 1462 году принадлежала одному *великому князю* Михаилу Борисовичу: онъ владѣлъ Тверью, Старицею, Кашиномъ, Зубцовымъ и Клиномъ.

Рязанское. II. Родъ *Ярослава Святославича* Рязанскаго, утративъ значительную часть своей отчины, весь лѣвый берегъ Оки, съ областью Елецкою, и все княжество Муромское, сохранилъ однакожъ свою самостоятельность и господствовалъ независимо въ Переяславлѣ Рязанскомъ, Пронскѣ, Ростиславлѣ, Перевитескѣ и старой Рязани. Старшій въ родѣ изъ владѣтелей Рязанскихъ именовался великимъ княземъ, по примѣру Московскаго и Тверскаго.

вгородское. III. Княжество *Новгородское*, признавая со временъ Іоанна Калиты своимъ господиномъ или покровителемъ великаго князя Московскаго, пользовалось по прежнему всѣми правами удѣльнаго княжества, сосредоточенными въ народномъ вѣчѣ. Оно состояло изъ пятинъ и волостей. Пятины были: Бѣжецкая, Вотская, Деревская, Шелонская и Обонежская;

волости: Заволочье, Лопь, Двинская земля, Пермь, Печора, Югра; города: Великій Новгородъ, Ладога, Руса, Торжокъ, Волокъ, Великіе Луки, Кексгольмъ, Выборгъ, Орѣшекъ, Каргополь и другіе.

IV. Княжество *Псковское*, имѣя внутреннее устройство подобное Новгородскому и также признавая своимъ господиномъ великаго князя Московскаго, состояло изъ главнаго города Пскова и 12 пригородовъ, въ числѣ которыхъ находились: Изборскъ, Опока, Гдовъ, Торопецъ и другіе. Псковское

Изъ вышесказаннаго очевидно, что восточная Русь въ 1462 году была раздѣлена на 5 главныхъ частей, а именно:

I. Государство Московское, состоявшее:
1) Изъ великаго княжества Московскаго.
2) Изъ княжества Дмитровскаго.
3) Изъ княжества Углицкаго.
4) Изъ княжества Волоцкаго.
5) Изъ княжества Вологодскаго.
6) Изъ княжества Ростовскаго.
7) Изъ княжества Ярославскаго.
II. Великое княжество Тверское.
III. Великое княжество Рязанское.
IV. Княжество Новгородское.
V. Княжество Псковское.

Главою восточной Руси былъ великій князь Московскій. Онъ имѣлъ исключительное право именоваться государемъ *всея Руси*, вести войну и заключать миръ по своему усмотрѣнію; требовать отъ князей содѣйствія противъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ, такъ, что недругъ Москвы былъ непріятелемъ всѣхъ удѣльныхъ владѣтелей; господствовать въ Новгородѣ и Псковѣ; сверхъ того, только онъ одинъ могъ сноситься съ ханами Кипчакскими и отъ него зависѣло платить дань или нѣтъ; въ первомъ случаѣ удѣльные князья обязаны были доставлять въ его казну ордынскій выходъ по разсчету. Однимъ словомъ, великій князь Московскій сосредоточивалъ въ своемъ лицѣ всю внѣшнюю политику, давалъ ей направленіе и строго наблюдалъ, чтобы князья безъ его вѣдома ни съ кѣмъ не ссорились, ни дружились, въ особенности съ Ордою и съ Литвою. Отношенія къ ней.

Власть государя Московскаго имѣла четыре степени: въ наслѣдственной отчинѣ она была неограниченна; тамъ великій князь былъ верховнымъ судьею, правителемъ и законо-

дателемъ. Въ княжествѣ Новгородскомъ, гдѣ народное вѣче присвоило большую часть правъ князей удѣльныхъ, онъ довольствовался только опредѣленною данью, подъ названіемъ даровъ, виры, пошлинъ и чернаго бора. Новгородцы обязаны были платить эту дань государю Московскому, какъ покровителю своему; онъ же съ своей стороны обязывался договорными грамматами не вмѣшиваться въ управленіе внутреннее, безъ согласія посадника не раздавать областей, ни въ какомъ случаѣ не требовать Новгородцевъ на судъ въ Москву, не покупать въ ихъ княжествѣ селъ, не увеличивать налоговъ, не назначать отъ себя таможенныхъ приставовъ. Еще болѣе ограничено было вліяніе великаго князя на братніе удѣлы: владѣтели ихъ пользовались въ своихъ участкахъ такими же правами, какими онъ въ своихъ, имѣя долю въ самой Москвѣ, гдѣ одна треть доходовъ шла въ казну великокняжескую, а двѣ трети принадлежали всѣмъ его братьямъ; они имѣли свой дворъ, своихъ бояръ, свое войско, чеканили монету, производили судъ и расправу, назначали налоги, вносили опредѣленную часть ихъ въ казну великаго князя для выхода ордынскаго только тогда, когда онъ самъ платилъ дань; иначе оставляли ее у себя: наконецъ пользовались правомъ передавать свои отчины дѣтямъ. Имъ недоставало одного права мира и войны, чтобы сравняться съ государемъ Московскимъ: въ обоихъ случаяхъ, они обязаны были дѣйствовать съ нимъ заодно; сверхъ того считали его своимъ покровителемъ и судьею въ семейныхъ спорахъ. Еще болѣе было ограничено вліяніе великаго князя Московскаго на владѣтеля Рязанскаго: а государя Тверскаго онъ признавалъ равнымъ себѣ, удѣлъ же его неприкосновеннымъ даже въ томъ случаѣ, еслибы ханъ Кипчакскій вздумалъ присоединить его къ Московскому.

Орда Золотая.

Узы нашего рабства съ конца XIV вѣка явно ослабѣвали не столько отъ побѣды Куликовской, сколько отъ внутреннихъ потрясеній царства Батыева.

Пораженіе Мамая на Придонскихъ поляхъ не сокрушило Золотой орды. Тохтамышъ, одинъ изъ потомковъ Чингизовыхъ, сильный дружбою Тамерлана, эмира хановъ Чагатайскихъ, изгнавъ Мамая и воцарившись въ ордѣ, умѣлъ возстановить ея грозное могущество, смирилъ Димитрія опустошеніемъ его государства, заставилъ платить себѣ тяжкую дань и возобновилъ право ордынскихъ хановъ располагать

великокняжескимъ престоломъ. Утвержденный имъ главою восточной Руси, Василій Димитріевичъ, въ первые годы своего правленія, неоднократно ѣздилъ въ Сарай бить челомъ. Орда стала сильна по прежнему. Но въ концѣ XIV вѣка она получила жестокій ударъ, слѣдствіемъ коего была столѣтняя непримиримая распря двухъ поколѣній, давшая нашему отечеству время собраться съ силами. Этотъ ударъ нанесъ ей Тамерланъ. Подобно Темучину, сынъ ничтожнаго князька въ имперіи Чагатайскихъ Монголовъ, онъ задумалъ покорить вселенную въ то время, когда не имѣлъ ничего, кромѣ тощаго коня и дряхлаго верблюда, и чрезъ нѣсколько лѣтъ сдѣлался владыкою 26 державъ средней, южной и западной Азіи. На пути побѣдъ встрѣтивъ соперника въ Тохтамышѣ и оскорбленный его неблагодарностію, онъ далъ ему два жестокіе урока, сперва на Уралѣ, потомъ на Терекѣ. Оба раза Тохтамышъ былъ разбитъ на голову и бѣжалъ наконецъ изъ Сарая въ Литву. Царство Кипчакское было разорено; столица его предана огню; несмѣтное множество Монголовъ погибло. По удаленіи Тамерлана, Тохтамышъ возвратился въ Кипчакъ и хотѣлъ возстановить орду; но здѣсь встрѣтилъ опаснаго совмѣстника въ сподвижникѣ Тамерлановомъ, Тимуръ-Кутлуѣ. Онъ велъ съ нимъ распрю за престолъ до самой смерти своей; эта распря продолжалась при дѣтяхъ и внукахъ ихъ. Сторону Тохтамыша держалъ Литовскій князь Витолдъ, желавшій видѣть его на Сарайскомъ престолѣ, чтобы именемъ его самому властвовать въ Москвѣ; за Тимуръ-Кутлуя стоялъ Эдигей, также сподвижникъ Тамерлановъ, дотолѣ управлявшій ханами Синей или Ногайской орды на Уралѣ. Соединивъ эту орду съ Сарайскою, Эдигей одолѣлъ Витолда, утвердилъ Тимура и дѣтей его на Кипчакскомъ престолѣ и располагалъ имъ подобно Мамаю. Орда снова стала сильною и опасною для насъ, однакожъ не надолго. Чингизиды изъ рода Тохтамышева не давали покоя Тимуридамъ, которые въ тоже время не щадили самихъ себя: братья рѣзались съ братьями, сыновья убивали отцевъ. Въ слѣдствіе постоянной вражды Чингизидовъ съ Тимуридами, царство Батыево въ первой половинѣ XV вѣка распалось на три, независимыя одна отъ другой, части, на орду Большую или Золотую, на орду Крымскую и на царство Казанское.

Большая орда, оставшись за поколѣніемъ Тимуръ-Кутлуя, занимала самую обширную часть Батыевыхъ улусовъ и при-

своивала себѣ право господствовать надъ Русью. При вступленіи на престолъ Іоанна III, въ ней царствовалъ одинъ изъ потомковъ Тимуровыхъ, Ахматъ, послѣдній нашъ повелитель.

Крымская орда получила прочное основаніе со временъ внука Тохтамышева Гаджи Гирея, который вмѣстѣ съ дѣдомъ нашелъ покровителя въ великомъ князѣ Литовскомъ, и поддерживаемый Казимиромъ I, объявилъ себя независимымъ ханомъ Крымскихъ улусовъ, мало подвластныхъ властителямъ Сарайскимъ уже со временъ Ногая. Гаджи-Гирей, родоначальникъ Крымскихъ Гиреевъ, господствовавшихъ въ Тавридѣ до Екатерины II, питалъ родовую вражду къ Тимуридамъ, ханамъ Золотой орды, и передалъ свою непріязнь дѣтямъ и внукамъ.

Казанское царство возникло въ одно время съ Крымскою ордою. Основателемъ его также былъ Чингизидъ, но не изъ рода Тохтамышева, Улу-Махметъ, царствовавшій сначала въ Золотой ордѣ, куда приходилъ къ нему на судъ Василій Темный, спорившій о великокняжескомъ престолѣ съ дядею своимъ Юріемъ Димитріевичемъ. Изгнанный изъ Кипчака Тимуридами, Махметъ искалъ покровительства у великаго князя Московскаго, и занялъ Бѣлевъ; но вытѣсненный и отсюда, бѣжалъ въ Камскую Болгарію. Тамъ обитали Татары, перемѣшавшіеся съ потомками древнихъ Болгаръ и Черемисовъ. При Батыѣ и первыхъ преемникахъ его, они зависѣли отъ Золотой орды; въ послѣдствіи имѣли неоднократно своихъ хановъ; грабили Русскія земли и въ свою очередь нерѣдко были смиряемы нашимъ оружіемъ. Средоточіемъ ихъ была Казань, основанная во время Батыя и разоренная Русскими въ концѣ XIV вѣка. Махметъ построилъ для защиты новую крѣпость на выгоднѣйшемъ мѣстѣ, соединилъ подъ свою власть всѣхъ обитателей древней Болгаріи и положилъ основаніе сильному государству. Сынъ его Мамутякъ, современникъ Іоанна III, принялъ титулъ царя Казанскаго: ибо отецъ его все еще именовался ханомъ Золотой орды.

Раздробленію Батыева царства предшествовали кровавые раздоры. Государи Московскіе, Василій Димитріевичъ и сынъ его Василій Темный, не хотѣли ими воспользоваться и объявить себя независимыми, изъ опасенія образумить своихъ злодѣевъ, искали ихъ дружбы, ѣздили въ орду Сарайскую для легчайшаго стѣсненія князей удѣльныхъ, по-

лучали отъ хановъ грамматы на цѣлыя княжества, напримѣръ Суздальское, Нижегородское, но вообще старались только ласкать ихъ и даже не всегда платили дань, отзываясь оскуденіемъ своего отечества; если же Монголы приходили съ оружіемъ, чтобы силою исторгнуть то, чего они не хотѣли платить, Москва смѣло ополчалась и вступала въ борьбу съ врагами. Такъ самъ Эдигей, раздраженный неповиновеніемъ Василія Димитріевича, встрѣтилъ мужественный отпоръ подъ стѣнами столицы и могъ взять только временный окупъ. Ханы прибѣгали иногда къ рѣшительнымъ мѣрамъ и назначали въ достоинство великаго князя потомковъ не Іоанна Калиты; но уже поздно: государи Московскіе не уступали своихъ правъ. Однимъ словомъ Москва еще не дерзала на рѣшительную борьбу съ ордою, обращалась къ ней иногда въ случаѣ необходимости для собственныхъ выгодъ, постоянно ласкала ее; но въ тоже время нерѣдко оказывала явное ослушаніе и не скрывала надежды на близкую свободу: въ рѣдкой договорной грамматѣ великихъ князей съ удѣльными не находимъ словъ: *аще Богъ освободитъ отъ орды.*

При твердомъ намѣреніи потомковъ Калиты свергнуть иго, при очевидномъ превосходствѣ Русскихъ надъ Монголами въ успѣхахъ жизни гражданской, при явномъ изнеможеніи орды, рабство наше не могло быть продолжительно: оно приближалось къ концу; но слѣды его уже обнаружились.

Монголы оставили глубокіе слѣды въ нашемъ отечествѣ. Слѣдствія ига
Вліяніе ихъ на судьбу Руси наиболѣе замѣтно въ ходѣ самыхъ событій, въ раздробленіи Русской земли на двѣ части, на Московскую и Литовскую, въ перевѣсѣ князя Московскаго надъ удѣльными. Это однакожъ не главное и притомъ едва ли прямое слѣдствіе нашего рабства: правда, поддерживая домъ Іоанна Калиты, ханы сильно потрясли удѣльную систему и приготовили для Руси единодержавіе; но соображая исторію свою до Монголовъ, мы вправѣ сказать, что и безъ нихъ удѣльная система, при новыхъ, лучшихъ понятіяхъ о правахъ верховной власти, рушилась бы такъ точно, какъ пала феодальная въ западной Европѣ, гдѣ зло вкоренилось еще глубже. Притомъ же ханы не всегда покровительствовали князей Московскихъ: со временъ Димитрія Донскаго, они неоднократно покушались исторгнуть у

нихъ первенство, отдавая великокняжескій престолъ князьямъ Тверскимъ, Нижегородскимъ, Рязанскимъ. Монгольская печать глубоко врѣзалась въ многообразныхъ формахъ жизни общественной или внутреннемъ устройствѣ и въ характерѣ народномъ. Съ перваго взгляда вліяніе Монголовъ на гражданственность Русскаго народа не могло быть значительно: они вели жизнь кочевую, далеко уступали намъ въ развитіи ума, не могли передать намъ никакихъ идей гражданскихъ, управляли нашими предками издали, не смѣшиваясь съ ними; наконецъ мы видѣли въ нихъ злодѣевъ, нехристей, и все *Татарское* считали поганымъ; при всемъ томъ они властвовали надъ Русью долго, болѣе 2 вѣковъ: вліяніе было неминуемо.

Для объясненія слѣдствій нашего ига, необходимо сравнить, въ главныхъ условіяхъ жизни общественной, Русь XIII вѣка съ Русью XV вѣка, чтобы видѣть, какія перемѣны произошли въ государственномъ организмѣ. Главные предметы, на кои должно обратить вниманіе, суть: 1) право верховной власти; 2) сословія народныя; 3) государственное управленіе въ отношеніи къ сбору податей, суду и расправѣ; 4) дѣло ратное; 5) языкъ; 6) вѣра.

Верховная власть

До Монголовъ верховная власть надъ Русскою землею принадлежала всему роду Владиміра св., раздѣленному на многія отрасли. Каждый потомокъ его имѣлъ право на удѣлъ и въ своемъ участкѣ былъ государь неограниченный: производилъ судъ и расправу, воевалъ и мирился по произволу, собиралъ подати, оставлялъ свой удѣлъ въ наслѣдство дѣтямъ. Каждый владѣтель довольствовался простымъ титуломъ князя, исключая старшихъ въ родѣ, кои назывались великими князьями, вступалъ на свой *столъ* безъ пышныхъ обрядовъ, имѣлъ немногочисленную дружину или дворъ, самъ собиралъ подати, самъ производилъ судъ и расправу и распоряжалъ дѣлами ратными на полѣ брани.

При Монголахъ, въ концѣ ихъ владычества, верховная власть надъ Русскою землею сосредоточивалась въ немногихъ поколѣніяхъ и притомъ такъ, что только одно лице давало направленіе общимъ дѣламъ государственнымъ: безъ согласія его, князья удѣльные не могли ни воевать, ни мириться, иначе подвергались опасности потерять свои удѣлы. Верховный князь носилъ титулъ великаго князя всея Руси: принималъ свое достоинство торжественно въ соборномъ

храмѣ Владимірскомъ; прочіе потомки Владиміра св. удержали названіе князей, но исключая двухъ или трехъ не изъ дома Іоанна Калиты, утратили всѣ права удѣльныя и вошли въ разрядъ подданныхъ. Столь важная перемѣна въ понятіяхъ о верховной власти была слѣдствіемъ мудрой политики государей Московскихъ, коимъ много однакожъ содѣйствовали Монголы.

Менѣе перемѣнъ замѣтно въ состояніи народа, въ раздѣленіи его на сословія, въ кругѣ его обязанностей и въ отношеніяхъ къ верховной власти. Сословія народныя по прежнему были высшее, среднее и низшее. Къ первому относились *мужи княжіе* или тѣ особы, которыя составляли княжескій совѣтъ и занимали почетныя мѣста въ управленіи. Они имѣли званія *бояръ*, первостепенныхъ сановниковъ, *воеводъ*, предводителей войска, *намѣстниковъ*, областныхъ правителей, и *тіуновъ* или судей. Къ среднему классу принадлежали владѣльцы поземельные, подъ именемъ *дѣтей боярскихъ*, *люди градскіе*, граждане, *гости;* они имѣли свою собственность недвижимую. Въ низшемъ классѣ состояли *черные люди и смерды* (крестьяне), неимѣвшіе ни земли, ни собственныхъ домовъ, однакожъ лично свободные; наконецъ *холопи*, крѣпостные люди: это были плѣнники, или несостоятельные должники, давшіе на себя кабалу. Всѣ вообще сословія вполнѣ зависѣли отъ своего государя и были обязаны ему безотчетнымъ повиновеніемъ. Одни бояре могли переходить отъ князя къ князю, но въ такомъ случаѣ теряли свои помѣстья. Монголы не имѣли прямаго вліянія на развитіе гражданскихъ понятій нашихъ: ибо не могли передать намъ ничего новаго. Замѣтно однакожъ, что при нихъ власть князей въ отношеніи къ подданнымъ усилилась болѣе прежняго: до Монголовъ неоднократно встрѣчаются вѣча, или народныя собранія въ Ростовѣ, Владимірѣ, Кіевѣ; при Монголахъ вѣча вездѣ замолкли, исключая Новгородъ и Псковъ. Все стало покорствовать безъ всякаго условія великому князю: въ немъ одномъ видѣли избавителя отъ тяжкаго рабства; ему готовы были жертвовать и имуществомъ и жизнію. Сословія народныя.

Прямое, непосредственное вліяніе ига обнаружилось въ государственномъ управленіи, относительно къ двумъ главнымъ предметамъ, сбору податей и суду. До Монголовъ финансовая система наша имѣла самыя простыя основанія; внутреннее устройство не требовало отъ государя значитель- Сборъ податей

ныхъ издержекъ: заведеній общественныхъ не было; судьи получали пошлины съ вершенныхъ дѣлъ; люди ратные содержали себя сами; въ награду за усердіе или за отличные подвиги, князь раздавалъ добычу, земли; а чаще всего угощалъ своихъ сподвижниковъ роскошными пирами. Государственные расходы ограничивались издержками на содержаніе князя, его семейства и двора. Для покрытія ихъ, онъ имѣлъ свои *княжескія села*, съ которыхъ получалъ доходы естественными произведеніями, подобно всѣмъ поземельнымъ владѣльцамъ; имѣлъ свои заповѣдныя лѣса, рыбныя ловли; сверхъ того въ извѣстное время года объѣзжалъ свой удѣлъ и собиралъ дань натурою, по мѣрѣ возможности, и едва ли въ опредѣленномъ количествѣ, хлѣбомъ, медомъ, воскомъ, живностію; наконецъ съ тяжебныхъ и уголовныхъ дѣлъ обвиненный судомъ платилъ виру или пеню въ казну княжескую. При такой ограниченности государственныхъ расходовъ, владѣльцы поземельные и люди житые жертвовали князю только избыткомъ своего достоянія; промышленность сельская и городская имѣла путь свободный, не встрѣчая заставъ между отдѣльными княжествами; наконецъ не было большой необходимости въ звонкой монетѣ: предки наши знали цѣну серебра и золота, охотно брали то и другое отъ Грековъ и Нѣмцевъ, для удобнѣйшей покупки чужеземныхъ товаровъ; но въ домашнемъ быту не встрѣчали въ дорогихъ металлахъ особенной надобности, и обыкновенно ходячею монетою была мягкая рухлядь, подъ названіемъ кунъ, бѣлокъ и проч.

Монголы ввели новую, дотолѣ неизвѣстную намъ финансовую систему: покоривъ Русь и всѣми силами удерживая надъ нею господство, преимущественно изъ корысти, они требовали съ насъ дани. Сборъ дани въ первые годы нашего рабства было ничто иное, какъ грабежъ. Ханы присылали своихъ баскаковъ съ войскомъ брать все, что можно было взять, или отдавали Русскія княжества въ откупъ Хивинцамъ, Бухарцамъ, Армянамъ, Жидамъ, которое также приходили съ вооруженными отрядами и собирали десятину поголовно. Въ послѣдствіи, когда иго смягчилось, въ XIV столѣтіи князья Московскіе приняли на себя доставлять ханамъ *ордынскій выходъ*. Количество его опредѣлительно неизвѣстно: Димитрій Донской вносилъ 5,000 руб. тогдашнихъ на свою долю [1]; прочіе князья по соразмѣрности. Над-

1. Пять древнихъ рублей съ двумя гривнами вѣсили фунтъ.

лежало изыскивать всѣ средства къ удовлетворенію корыстолюбія орды; кромѣ выхода, князья Московскіе должны были доставлять ханамъ, женамъ ихъ, мурзамъ, богатые подарки и притомъ гораздо болѣе другихъ князей, своихъ соперниковъ: ибо только дарами они могли поддержать свое право на первенство. Для покрытія столь тягостной повинности, введены были разнообразные налоги, отчасти съ Татарскими названіями: со всѣхъ произведеній сельской и городской промышленности взималась пошлина въ разныхъ видахъ, за провозъ, за складку, за мѣру, за вѣсъ, за куплю, за продажу; съ дворовъ, съ лавокъ, съ земли, съ рыбныхъ ловель, съ мельницъ, со всего сбирали подать. Однимъ словомъ, Русскій не могъ ни купить, ни продать самаго ничтожнаго предмета промышленности безъ явки и безъ пошлины; для этой цѣли учреждены были заставы въ каждомъ городѣ, въ каждомъ селѣ, при всѣхъ перевозахъ: ихъ отдавали обыкновенно на откупъ. Металлическая монета, подъ Татарскимъ названіемъ *деньги*, нерѣдко съ Татарскимъ клеймомъ, замѣнила прежнюю мѣну произведеній.

Легко вообразить, какъ много затрудняли эти налоги развитіе промышленности внутренней и внѣшней: въ самомъ дѣлѣ она какъ будто онѣмѣла. Кромѣ частаго опустошенія городовъ и селъ Монголами, самая безнадежность пользоваться плодами трудолюбія отнимала руки у земледѣльцевъ и у городскихъ промышленниковъ. Даже великіе князья (напр. Іоаннъ Калита), были бѣднѣе нынѣшнихъ зажиточныхъ дворянъ. Одинъ Новгородъ постоянно расширялъ кругъ своей торговой дѣятельности: отдаленный отъ Монголовъ, безопасный отъ ихъ вторженій, онъ находился въ тѣсной связи съ Нѣмецкими землями, былъ вторымъ въ числѣ городовъ, составлявшихъ Ганзу, получалъ отъ нея товары Европейскіе, передавалъ ей произведенія востока и славился своими богатствами. Примѣру его слѣдовалъ отчасти и Псковъ. Но цвѣтущее состояніе этихъ городовъ не могло оживить внутреннія области нашего отечества, гдѣ народъ, обремененный налогами, страдалъ въ бѣдности, а города знаменитые, Кіевъ, Черниговъ, лежали въ развалинахъ.

Тягость налога, падавшаго на среднія и низшія сословія, влекла за собою не менѣе пагубныя слѣдствія въ другомъ отношеніи: народъ прибѣгалъ ко всѣмъ средствамъ, чтобы облегчить злополучную участь; унижаясь предъ откупщиками, обманывая ихъ, привыкая къ разнымъ уловкамъ, свойствен- Судъ и распра[в]

нымъ человѣку, угнетенному неволею, онъ утратилъ прежнюю благородную гордость и познакомился со многими пороками. Новый порядокъ суда и расправы былъ неизбѣженъ.

До Монголовъ, за самыя важныя преступленія виновный платилъ только своимъ имуществомъ, внося опредѣленную закономъ пеню: обвиняемый же въ преступленіи недоказанномъ былъ судимъ, смотря по уликамъ или по свидѣтельству постороннихъ лицъ, и нерѣдко могъ оправдать себя присягою или судебнымъ поединкомъ. Тѣлесное наказаніе не было терпимо ни въ какомъ случаѣ. Выраженіе *да будетъ мнѣ стыдно*, служило порукою въ ненарушимости самыхъ священныхъ обязательствъ. Монголы ввели свою расправу: требуя дани, они выводили должниковъ на *правежъ*, сѣкли кнутомъ, пытали, казнили смертію, чтобы страхомъ муки получить то, чего хотѣли. Правда, они не вмѣшивались въ судъ гражданскій; но какъ съ одной стороны, при тяжкомъ наказаніи должниковъ, уголовные преступники не могли ожидать лучшей доли; съ другой же стороны, нравы народные загрубѣли и денежная пеня стала возмездіемъ недостаточнымъ: то расправа Татарская мало по малу введена была и въ дѣлахъ гражданскихъ. Со времени Донскаго уголовныхъ преступниковъ казнили уже смертію. Правежъ, кнутъ, пытка, оставались долго памятниками владычества Монголовъ, доколѣ успѣхи образованности не смягчили нравовъ.

...ло ратное. Наконецъ въ дѣлѣ ратномъ замѣтна также значительная перемѣна. Въ древнихъ походахъ на Грековъ, Печенѣговъ. Половцевъ, въ междоусобныхъ распряхъ, война постоянно была дѣломъ княжескихъ *дружинъ*: каждый князь имѣлъ свою. Она состояла изъ *бояръ*, *отроковъ*, *мечниковъ*. Съ нею обыкновенно совѣтывался князь о дѣлахъ общественныхъ, чрезъ нее производилъ судъ и расправу: она же была и главнымъ войскомъ его. Отправляясь въ походъ, князь вооружалъ свою дружину топорами, саблями, мечами, стрѣлами, копьями, и присоединивъ къ ней на время нужное число *воевъ* или ратниковъ изъ своихъ слугъ, иногда изъ купцовъ и градскихъ обывателей, рѣдко изъ земледѣльцевъ, составлялъ *полкъ*, раздѣлявшійся на стрѣлковъ и копѣйщиковъ. Главный воевода полка именовался *тысяцкимъ*; впрочемъ рѣдкій князь не самъ предводительствовалъ своею *ратью*. При звукѣ трубъ, вои собирались около княжескаго *стяга*

или знамени, и выступали въ походъ; за ними везли оружіе, которое воины разбирали предъ началомъ самой битвы. Впереди *сторожи* развѣдывали путь, добывали *языковъ*, искали *сакму* или слѣдъ непріятелей, стараясь узнать по оному о числѣ ихъ и направленіи. Встрѣтясь съ врагами въ полѣ, союзные князья *держали совѣтъ* и устроивали полки: каждый занималъ опредѣленное мѣсто. Отрядъ стрѣлковъ начиналъ битву, пуская тучу стрѣлъ; потомъ вступали въ рукопашный бой; иногда хватались за руки и сѣклись мечами. Князь обыкновенно былъ впереди, съ копьемъ или топоромъ въ рукѣ, ободряя воиновъ словами и еще болѣе собственнымъ примѣромъ. Войско малочисленное ограждало себя *осѣкомъ* или тыномъ изъ кольевъ съ насыпью. Участь битвы обыкновенно зависѣла отъ смѣтливости князей: обыкновенно одерживалъ побѣду тотъ, кто успѣвалъ зайдти врагу въ тылъ и разстроить его нечаяннымъ ударомъ. Веселый пиръ и добыча были наградою побѣдоносной дружинѣ.

Подъ владычествомъ Монголовъ, военное искусство наше, не измѣняясь въ основѣ, въ общей идеѣ, мало по малу получило особенный характеръ, отпечатокъ времени и обстоятельствъ. Главное войско состояло по прежнему въ княжеской дружинѣ или въ *дворѣ*; однако часто долженъ былъ вооружаться и весь народъ. Сверхъ того, при постоянномъ изнеможеніи, мы отвыкли встрѣчать враговъ въ открытомъ полѣ и болѣе любили воевать подъ защитою крѣпостей. Поголовное ополченіе и оборонительная война суть двѣ отличительныя черты ратнаго дѣла нашего при Монголахъ. Прибавимъ и третью: Норманны язычники ободряли себя въ битвахъ мыслію объ Одинѣ, о наслажденіяхъ въ Валгаллѣ; Руссы Христіане въ походахъ Половецкихъ призывали на помощь пресвятую Богородицу, въ распряхъ междоусобныхъ мечтали о славѣ; при Татарахъ умирали съ единственною мыслію о терновомъ вѣнцѣ Христовомъ. Въ устройствѣ ратей, въ раздѣленіи и отчасти въ вооруженіи войскъ, въ самомъ образѣ войны, мы встрѣчаемъ многое, чего не видимъ въ древней Руси и что могло быть заимствовано отъ Монголовъ. По примѣру ихъ, мы раздѣляли свои рати на десятни, сотни и тысячи; движеніями ея управляли два или три воеводы, изъ которыхъ одинъ былъ старшимъ; главное же мы дѣйствовали исключительно конницею и притомъ вооружали весь народъ, такъ, что когда во всей Европѣ болѣе и болѣе убѣждались въ необходимости войскъ посто-

янныхъ, мы уже чуждые Европѣ, вступивъ въ сферу Азіатскихъ народовъ, перенимали ратное дѣло у своихъ властителей; мало думали объ искусствѣ и славѣ; желали только сокрушить враговъ массою силъ и опустошить въ конецъ непріятельскую землю.

Языкъ. На языкъ и церьковъ Монголы не имѣли прямаго вліянія: исключая немногія слова, означавшія нѣкоторые, неизвѣстные намъ до нихъ предметы [1], языкъ Русскій не принялъ никакихъ формъ Татарскихъ; сохранилъ свою чистоту, свою стройность и по прежнему служилъ единственнымъ средствомъ къ выраженію мыслей для всѣхъ сословій свѣтскихъ и духовныхъ, во всѣхъ случаяхъ жизни общественной и домашней. Несчастныя обстоятельства, въ которыхъ находилась Русь подъ игомъ Монголовъ, не могли благопріятствовать успѣхамъ нашей словесности; при всемъ томъ языкъ сдѣлался обильнѣе словами и оборотами: Русскіе вполнѣ чувствовали свое злополучіе, не могли утаить своей горести, говорили смѣло противъ Татаръ и для выраженія своей ненависти, своего злосчастія, старались быть краснорѣчивыми. Отъ того, сравнивая письменные памятники XII столѣтія съ памятниками XV вѣка, мы находимъ въ послѣднихъ болѣе точности, ясности, опредѣлительности; формы стали обильнѣе и разнообразнѣе.

Вѣра. Въ томъ же смыслѣ Монголы содѣйствовали развитію религіозныхъ понятій. Одна только вѣра, надежда на Бога, могла облегчить страданія народныя. Умы приняли религіозное направленіе; возникли многіе монастыри, въ послѣдствіи знаменитые [2]; Московскіе митрополиты стали дѣятельно участвовать въ дѣлахъ государственныхъ, поддерживали самодержавіе и, не взирая на дарованныя ханами льготы [3], благословляли князей и народъ на борьбу съ злодѣями земли Русской. Это религіозное направленіе однакожъ не было фанатизмомъ: всегда благоразумные въ дѣлахъ вѣры, предки наши чуждались только нововведеній, крѣпко держались старины. И догматы и обряды церкви остались неприкосно-

1. Напримѣръ, введены слова: алтынъ, аршинъ, аулъ, базаръ, балалайка, барышъ, башня, буеракъ, и другія немногія, изъ которыхъ неболѣе 50 доселѣ сохранились въ языкѣ; другія исчезли вмѣстѣ съ владычествомъ Монголовъ.

2. Троицко-Сергіевскій; Валаамскій; Ипатьевскій; Чудовъ; Симоновъ; Савинъ; Вознесенскій Срѣтенскій; Кириллобѣлозерскій; Соловецкій и многіе другіе. Вообще съ 1240 до 1480 основано до 150 монастырей.

3. Ханы освобождали церковныя имѣнія отъ всякихъ даней и пошлинъ; служителей церкви отъ воинской службы, подводъ и всякой работы. См. ханскіе ярлыки въ Древней Россійск. Вивліоѳикѣ, т. VII.

венными. Такимъ образомъ, давъ иное направленіе почти всѣмъ условіямъ жизни общественной, Монголы не измѣнили того, что служитъ залогомъ самобытности народной, ни языка, ни вѣры.

Болѣе перемѣнъ замѣчаемъ въ судьбѣ западной Руси: тамъ съ конца XIV вѣка обнаружилось Польское вліяніе.

2. Великое княжество Литовское.

Домъ Гедимина въ одно столѣтіе присвоилъ себѣ цѣлую половину Руси Ярославовой и Мономаховой. Гедиминъ, наслѣдовавъ отъ Витена Литву въ собственномъ смыслѣ, заключавшуюся въ предѣлахъ нынѣшней Виленской губерніи, присоединилъ къ ней сначала Кривскія княжества, Полоцкое, Минское, Витебское, частію посредствомъ родственныхъ связей, частію силою оружія. Здѣсь онъ нашелъ средства безъ труда овладѣть югозападною Русью или княжествами Черниговскимъ, Кіевскимъ и Волынскимъ. Однѣ области достались ему также по родственнымъ связямъ; другія по праву завоеванія: князей онъ сокрушалъ оружіемъ; народъ склонялъ на свою сторону надеждою на свободу отъ ига Монгольскаго. Сынъ его Олгердъ вытѣснилъ мелкія орды Монгольскія изъ Подоліи и раздвинулъ предѣлы своего государства до устья Днѣпровскаго. Витолдъ наконецъ овладѣлъ Смоленскомъ. Соединенныя такимъ образомъ Русскія земли получили названіе Литовскаго княжества. Въ половинѣ XV вѣка, оно простиралось на сѣверъ до Динабурга, Великихъ Лукъ и Вязьмы; на востокъ до Калуги, Курска и Ворсклы; на югъ до устья Днѣпровскаго; на западъ до Люблина, Дрогичина и Ковна. Составъ его.

Въ составъ Литовскаго княжества вошли слѣдующія земли:

I. *Литовскія* въ собственномъ смыслѣ: 1. *Литва*, нынѣшняя Виленская губернія, раздѣлявшаяся на воеводства Виленское и Трокское; 2. *Жмудь* или Шамаите (Самогиція), нынѣ Ковенская губернія, уѣзды Россіенскій, Шавльскій и Тельшевскій. Въ Литвѣ и Жмуди обитали коренные Литовцы, крещенные при Ягеллѣ въ Римско-католическую вѣру; но обѣ эти страны не составляли и 12 части великаго княжества; въ прочихъ 11 частяхъ обиталъ Русскій народъ.

II. *Русскія земли:* 1) *Бѣлая Русь*, княжества Полоцкое, Минское, Витебское, Смоленское, Мстиславское; 2) *Черная Русь*, воеводства Новогродское, Слонимское, Волковиское, Слуцкое; 3) *Полѣсье*, воеводства Брестское, Пинское; 4) *Подляхія* (нынѣ часть Бѣлостокской области), страна древнихъ Ятвяговъ съ Русскими городами Бѣльскомъ и Дрогичиномъ; 5) *Волынь*, воеводства Луцкое, Владимірское, Кременецкое; 6) *Подолія*, воеводства Каменецкое, Летичевское; 7) *Украйна*, воеводства Кіевское, Черниговское и Новгородъ-сѣверское.

Заключая въ предѣлахъ своихъ преимущественно Русскія земли, Литовское княжество, до вступленія Ягелла на Польскій престолъ, представляло такой же союзъ княжествъ, какой мы видѣли въ восточной Руси. Тамъ были князья частію изъ рода Гедимина, частію изъ рода Владиміра св. Поколѣніе Гедимина было господствующимъ и находилось въ тѣхъ же отношеніяхъ къ княжескимъ отраслямъ изъ рода Владиміра св., къ князьямъ Мстиславскимъ, Воротынскимъ, Одоевскимъ, Брянскимъ, Трубчевскимъ, въ какихъ былъ домъ Калиты къ князьямъ Тверскимъ, Рязанскимъ, Ростовскимъ, Ярославскимъ. Великій князь Литовскій стремился къ неограниченному, самодержавному господству надъ всею западною Русью и утверждалъ первенство въ своемъ семействѣ, устраняя какъ боковыя отрасли своего дома, такъ и другія владѣтельныя поколѣнія [1]. Одни изъ удѣльныхъ князей безпрекословно признавали его своимъ государемъ, удерживая впрочемъ наслѣдственное право на извѣстные города [2]; другіе спорили съ нимъ за самостоятельность, заключали договоры, разрывали ихъ и въ случаѣ неудачи дружились съ государями Московскими [3], такъ точно, какъ непріятели потомковъ Іоанна Калиты искали помощи у Литовскихъ государей. Однимъ словомъ здѣсь повторялась исторія Москвы, съ тѣмъ однако важнымъ различіемъ, что въ распри князей Литовскихъ не вмѣшивались Монголы, утратившіе право господства надъ югозападною Русью уже со временъ Олгерда. Легко понять, что при такомъ ходѣ событій, Литовское княжество, представляя систему Русскихъ княжествъ, выражало всѣ условія Русской жизни,

1. Гедиминъ передалъ верховную власть своимъ дѣтямъ; Олгердъ своимъ, устранивъ братьевъ и племянниковъ; Ягелло тоже.
2. Таковы были князья Одоевскіе, Трубчевскіе, Карачевскіе, Острожскіе, Слуцкіе, Друцкіе.
3. Олгердъ спорилъ съ братьями, Витолдъ и Свитригайло съ Ягелломъ.

тѣмъ болѣе, что дѣти и внуки Гедимина исповѣдывали Христіанскую вѣру по Греческому закону.

По вступленіи Ягелла на Польскій престолъ, дѣла приняли иной оборотъ. Не взирая на слабость союза Литовскаго княжества съ Польшею, на рѣшительное намѣреніе князей и народа расторгнуть его, Поляки исподоволь успѣли ввести въ западную Русь гораздо болѣе новизнъ, несродныхъ Русскому народу, чѣмъ Монголы въ восточную, хотя первые были только союзники и то менѣе 100 лѣтъ, а вторые властвовали безотчетно уже два вѣка. Польское вліяніе началось при Ягеллѣ, усилилось при его преемникахъ и въ половинѣ XV вѣка было замѣтно съ образѣ правленія, въ составѣ народныхъ сословій, въ правахъ и обязанностяхъ разныхъ классовъ, въ судѣ и расправѣ. Не надобно думать, что Поляки въ XIV и XV столѣтіяхъ далеко превосходили Русскихъ успѣхами гражданственности: Русская жизнь, развившись изъ собственныхъ началъ, имѣла многія выгоды предъ Польскою, выражая во всемъ, если не зрѣлость уставовъ, по крайней мѣрѣ согласіе элементовъ своихъ. Виною Польскаго вліянія на западную Русь были иныя обстоятельства. Болѣе всего содѣйствовалъ тому самъ Ягелло: чтобы получить руку прекрасной Ядвиги, онъ обѣщалъ Полякамъ соединить великое княжество съ королевствомъ въ одно государство, не опредѣливъ впрочемъ условій соединенія. Но какъ въ слѣдъ за тѣмъ Витолдъ присвоилъ верховную власть въ Литовскомъ княжествѣ и обнаружилъ рѣшительное намѣреніе утвердить его самостоятельность; то Ягелло, въ надеждѣ разрушить замыслы соперника, на Городельскомъ сеймѣ издалъ постановленіе, коимъ Литовское дворянство уравнено съ Польскимъ во всѣхъ правахъ и обязанностяхъ: оно получило право собираться на сеймы, для сужденія о дѣлахъ государственныхъ; неограниченную власть въ своихъ помѣстьяхъ; гербы, званія по образцу Польскому. Послѣ того Ягелло царствовалъ еще двадцать лѣтъ, и во все время продолжительнаго царствованія своего неутомимо заботился о тѣсномъ союзѣ обоихъ народовъ уравненіемъ ихъ во всѣхъ правахъ, считая это средство единственнымъ способомъ удержать за своимъ потомствомъ наслѣдственное государство. Такимъ образомъ уже при немъ въ Литовскомъ княжествѣ установились сеймы; появились могущественные магнаты; возникла шляхта или мелкопомѣстное дворянство;

Вліяніе Поль[...]

1413.

многіе города получили такъ называемое Магдебургское право; государство раздѣлилось на воеводства и повѣты; воеводы, каштеляны, старосты, земскіе судьи замѣнили прежнихъ намѣстниковъ, посадниковъ, волостелей и тіуновъ. Все это влекло за собою многія перемѣны въ образѣ внутренняго управленія, въ судѣ и расправѣ, въ сборѣ податей, въ дѣлѣ ратномъ, наконецъ въ правахъ и обыкновеніяхъ. Польскій аристократизмъ обнаружился въ Литовскомъ княжествѣ, и сынъ Ягелла, Казимиръ, уже долженъ былъ угождать сеймамъ.

Языкъ. Впрочемъ, около половины XV вѣка, Польскія формы еще не успѣли совершенно вытѣснить Русскія: Литовское княжество удержало свои гражданскіе законы, свою монету; спасло и главные элементы народности, языкъ и вѣру. При Виленскомъ дворѣ, въ высшемъ обществѣ, въ судопроизводствѣ, въ богослуженіи, господствующимъ языкомъ былъ Русскій. Правда, при недостаткѣ твердыхъ, положительныхъ правилъ, онъ уже началъ принимать Польскія слова, отчасти самые обороты; но какъ для тѣхъ и другихъ находились равносильныя слова и обороты въ Русскомъ языкѣ, то онъ безъ труда могъ освободиться отъ несродныхъ ему новизнъ подъ перомъ искуснаго писателя [1].

Вѣра. Вѣра же православная сохранилась во всей чистотѣ ея первобытной. Напрасно Ягелло, по внушенію Римскаго двора или Польскаго духовенства, думалъ насильственными мѣрами поколебать православіе, запрещая браки католиковъ съ некатоликами, не дозволяя послѣдователямъ Грекороссійской церкви занимать государственныя должности, покровительствуя приверженцевъ Римскаго закона: старанія его были безуспѣшны и только раждали непріязнь между обоими народами; въ Литовскомъ княжествѣ неоднократно обнаруживалось всеобщее желаніе разорвать тягостный союзъ съ Польшею. Преемники Ягелла, прекративъ гоненіе за вѣру, руководствовались до конца XV вѣка благоразумною терпимостію, окружали себя вельможами Греческаго закона и нѣсколько разъ подтверждали права, дарованныя православному духовенству Ярославомъ I и другими князь-

1. Въ актахъ князей Литовскихъ XV вѣка, писанныхъ обыкновенно по Русски, встрѣчаются слѣдующія слова: пркдкове предки; шкода вредъ; абыхмо чтобы мы; казалъ приказалъ; з'Вильны изъ Вильны; маетъ имѣетъ; за дѣда нашего при дѣдѣ нашемъ; тымъ рѣчомъ тѣмъ рѣчамъ. Такія новизны безъ сомнѣнія не могли измѣнить основнаго характера языка; притомъ же онѣ встрѣчаются изрѣдка, и всѣ бумаги Литовскія XV вѣка легко можетъ понимать каждый незнающій по Польски.

ями изъ дома Владиміра св. Самое отдѣленіе Кіевской митрополіи отъ Московской, бывшее слѣдствіемъ не религіознаго раскола, а политики Витолда, не имѣло вреднаго вліянія на православіе. Кіевскій митрополитъ, по примѣру Московскаго, относился въ дѣлахъ церковныхъ не къ папѣ, а къ Цареградскому патріарху. Догматы вѣры и обряды церкви остались неприкосновенными.

Соборъ Флорентійскій.

Въ первой половинѣ XV вѣка опасность инаго рода угрожала Грекороссійской церкви въ Литовскомъ княжествѣ; вскорѣ однакожъ и она миновала, не оставивъ почти никакихъ слѣдовъ: то было такъ называемое Флорентійское соединеніе, снова доказавшее непоколебимость Русскихъ въ православіи. Императоръ Византійскій Іоаннъ Палеологъ, утративъ почти всѣ области своей имперіи, завоеванныя Турецкимъ султаномъ Амуратомъ, и опасаясь вскорѣ потерять самую столицу, рѣшился искать помощи у западныхъ вѣнценосцевъ. Папа Евгеній IV обѣщалъ ему воздвигнуть всю Европу противъ Турокъ, если Греческое духовенство согласится съ Римскимъ на соединеніе восточной церкви съ западною. Императоръ, доведенный до крайности, принялъ вызовъ папы; положено было созвать въ Италіи соборъ для разсмотрѣнія главныхъ пунктовъ раскола. Сначала онъ открылся въ Феррарѣ, куда собрались знатнѣйшія духовныя особы Греческія и Римскія; въ числѣ первыхъ былъ и Московскій митрополитъ Исидоръ, родомъ изъ Ѳессалоники, снискавшій дружбу папы еще до посвященія своего въ санъ Россійскаго іерарха. Ученые богословы съ той и другой стороны 15 разъ сходились для рѣшенія четырехъ главныхъ вопросовъ: 1) о происхожденіи св. духа; 2) о чистилищѣ; 3) о просфорахъ; 4) о первенствѣ папы. Ефесскій митрополитъ Марко, мужъ ученый и непоколебимый, обличивъ ясными доводами заблужденія Латинскихъ ѳеологовъ, удерживалъ императора отъ согласія на соединеніе. Соборъ перенесенъ во Флоренцію: здѣсь, вопреки всѣмъ усиліямъ Марка, Греческіе святители, отчасти обольщаемые надеждою спасти имперію помощію папы, отчасти принуждаемые угрозами, силою, томимые голодомъ, уступили Латинскимъ и признали первенство папы, о чемъ Римскій дворъ болѣе всего заботился. 1439.

Папа и императоръ равно обманулись въ своихъ ожиданіяхъ: вся Греція изъявила громкій ропотъ противъ Флорентійскаго соединенія; весьма немногіе согласились признать

папу главою Христіанства; народъ бѣжалъ изъ храмовъ, гдѣ слышалъ имя его. Усердіе къ защитѣ имперіи уступило мѣсто богословскимъ преніямъ, которыя кончились тѣмъ, что папа былъ отверженъ, а Константинополь взятъ Магометомъ II, успѣвшимъ воспользоваться несогласіями Грековъ. Еще менѣе успѣха видѣлъ папа въ Русской землѣ. Исидоръ, подписавшій постановленіе Флорентійскаго собора, едва появился въ Москвѣ и произнесъ на литургіи имя папы, великій князь Василій Васильевичъ Темный торжественно уличилъ его въ ереси и предалъ суду духовному и свѣтскому. Обвиненный въ предательствѣ вѣры изъ личныхъ выгодъ корыстолюбія, онъ былъ заключенъ въ Чудовъ монастырь, откуда тайно бѣжалъ въ Римъ и умеръ тамъ въ санѣ кардинала. Евгеній надѣялся, по крайней мѣрѣ, утвердить свою власть въ Литовскомъ княжествѣ: въ самомъ дѣлѣ Исидоръ, самовольно принявъ званіе патріарха, успѣлъ, при содѣйствіи Казимира, возвести на Кіевскую митрополію ученика своего Григорія Болгарина, вмѣстѣ съ нимъ бѣжавшаго изъ Москвы; но Григорій былъ единственный митрополитъ западной Руси, признававшій власть папскую; по смерти его въ теченіе 150 лѣтъ всѣ Кіевскіе митрополиты отвергали соборъ Флорентійскій, поддерживали православіе и искоренили слѣды Исидорова ученія.

Со времени Витолда, Литовскіе митрополиты имѣли свое пребываніе преимущественно въ Вильнѣ, частію въ Новогродкѣ, рѣдко въ Кіевѣ, и завѣдывали православными епископами Полоцкимъ, Смоленскимъ, Черниговскимъ, Брянскимъ, Туровскимъ, Луцкимъ, Владимірскимъ, Хелмскимъ, Галицкимъ. Грекороссійское духовенство менѣе всѣхъ другихъ сословій получило выгодъ отъ союза Литовскаго княжества съ Польшею: великіе князья неоднократно старались уравнять его въ правахъ съ Латинскимъ духовенствомъ и нѣсколько разъ торжественно обѣщали дать митрополиту и епископамъ мѣсто въ сенатѣ и на сеймахъ; но по упорству Римскаго двора, эти обѣщанія никогда не были исполняемы, и Русское духовенство должно было терпѣть весьма многія неудобства.

Для малочисленныхъ послѣдователей Римскаго закона, появившихся въ западной Руси съ конца XIV вѣка, Ягелло учредилъ епископство въ Кіевѣ.

Орденъ Ливонскій.

Въ заключеніе бросимъ взглядъ на состояніе Ливонскаго ордена * отъ конца XIII вѣка до половины XV столѣтія: судьба его тѣсно связана съ исторіею Руси. Основанный Албрехтомъ Буксгевденомъ, подъ именемъ *Братства креста Господня*, для обращенія обитателей нынѣшней Лифляндіи въ Христіанскую вѣру, Ливонскій орденъ чрезъ 36 лѣтъ послѣ своего основанія, принужденъ былъ соединиться съ Тевтонскимъ орденомъ, утвердившимся съ тою же цѣлію въ началѣ XIII вѣка въ Пруссіи, и вскорѣ овладѣлъ всею Лифляндіею, Эстляндіею и Курляндіею. Гермейстеры его были назначаемы или утверждаемы гросмейстерами Тевтонскими; впрочемъ орденъ дѣйствовалъ самостоятельно. Верховная власть по дѣламъ свѣтскимъ и духовнымъ около ста лѣтъ сосредоточивалась въ лицѣ Рижскаго епископа, возведеннаго папою въ 1255 году въ достоинство архіепископа: онъ имѣлъ право мира и войны, суда и расправы; раздавалъ земли и помѣстья; вообще былъ главою ордена. Въ концѣ XIII вѣка власть его стала ослабѣвать: города, слѣдуя примѣру Ганзейскихъ городовъ, хотѣли быть независимы въ дѣлахъ внутренняго управленія; владѣльцы поземельные, получившіе отъ архіепископа помѣстья на правѣ вассаловъ, утверждали ихъ за своимъ потомствомъ и составляли многочисленное сословіе феодальнаго дворянства; гермейстеръ наконецъ стремился къ верховному, исключительному господству надъ всею Ливоніею и старался исхитить оное изъ рукъ архіепископа силою оружія. Явная вражда партій обнаружилась въ началѣ XIV вѣка и прекратилась только съ паденіемъ ордена въ половинѣ XVI вѣка. Главными соперниками были архіепископъ и гермейстеръ; перваго поддерживали города, въ особенности Рига; второй имѣлъ на своей сторонѣ орденъ, усилившійся особенно съ тѣхъ поръ, когда король Датскій уступилъ ему Эстляндію, утраченную въ половинѣ XIII вѣка. Междоусобія нерѣдко доходили до ожесточенія; нѣсколько разъ рыцари брали Ригу приступомъ. Въ слѣдствіе непримиримыхъ распрей и рѣшительнаго стремленія разныхъ властей къ самостоятельности, Ливонія къ концу XV вѣка раздѣлилась на весьма многія небольшія области, изъ которыхъ однѣ принадлежали духовнымъ владѣтелямъ, архіепископу Рижскому и епископамъ Дерптскому, Эзельскому, Курляндскому, Ревельскому; другія ордену, гермейстеру, маршалу, командорамъ, бальи и рыцарямъ. Отъ архіепископа завись-

* Th. Hiärn. Ehst-Lif-und Lettlaendische Geschichte. Herausg. v. Napiersky. Riga 1835.

ли 16 городовъ и замковъ, отъ ордена до 50. Столицею гермейстера былъ Венденъ. Города находились въ цвѣтущемъ состояніи и вели обширную торговлю съ Ганзою; владѣльцы ихъ имѣли огромныя богатства и большею частію утопали въ роскоши. Связь Ливонскаго ордена съ Тевтонскимъ была весьма слабая, особенно съ тѣхъ поръ, когда гросмейстеръ принужденъ былъ уступить Польшѣ значительную часть орденскихъ владѣній, и признать себя вассаломъ короля Польскаго.

ГЛАВА V.

РУССКОЕ ЦАРСТВО ВЪ БОРЬБѢ СЪ ТАТАРАМИ И ПОЛЯКАМИ.

I. ІОАННЪ III *.

1462 — 1505.

Услуги Іоанна III.

По смерти Василія Темнаго, въ восточной Руси открывается зрѣлище утѣшительное: разновластіе быстро исчезаетъ; удѣльная система падаетъ; орда Сараїская гибнетъ; потомки Чингизовы не смѣютъ даже думать о господствѣ надъ Русскою землею; владѣнія ихъ одно за другимъ входятъ въ составъ могущественнаго царства, получившаго съ начала XVII вѣка названіе Россіи. Европа привѣтствуетъ ее, какъ новую державу; еще не включаетъ въ свою систему, но уже охотно ведетъ съ нею дѣятельныя сношенія торговыя. Русскіе цари столь же усердно ищутъ дружбы государей Европейскихъ, заимствуютъ отъ просвѣщенныхъ народовъ пло-

* Лѣтописецъ Русскій, изд. Львовымъ. Спб. 1792, въ 5 том. — Новгородскія лѣтописи, изд. Археограф. коммиссіею. — Лѣтопись по Никоновскому списку, въ 8 т. — Акты, изд. гр. Румянцовымъ и Археограф. коммиссіею — Герберштейнъ. Commentarii rerum Moscoviticarum, Basil. 1556.

ды ремеслъ и художествъ, не измѣняя однакожъ прародительскимъ правамъ и обыкновеніямъ; между тѣмъ заботятся о лучшемъ порядкѣ суда и расправы, о военномъ устройствѣ, о народной промышленности; въ то же время не упускаютъ изъ виду единоплеменной Руси, отторгаемой Польшею, и съ первыхъ лѣтъ государственной независимости обнаруживаютъ явное намѣреніе соединить всю Русскую землю подъ свою державу. Одушевляемая св. вѣрою, скрѣпляемая самодержавіемъ, Россія къ концу XVI вѣка развиваетъ мощныя силы.

Виновникомъ достопамятной перемѣны въ судьбѣ восточной Руси, основателемъ могущественнаго Русскаго царства, былъ старшій сынъ Василія Темнаго, Іоаннъ III. На цѣлыя два столѣтія онъ установилъ правила внутренней и внѣшней политики; преемникамъ оставалось только довершить его планы, чтобы возвеличить свое государство, и каждый разъ, когда они слѣдовали его указаніямъ, отечество наше пріобрѣтало новыя силы. Не ознаменовавъ себя никакимъ блестящимъ подвигомъ, который изумилъ бы современниковъ, не заслуживъ и признательности ихъ, Іоаннъ является истинно великимъ предъ судомъ потомства: все, что доселѣ терзало Русь, что грозило ей новыми бѣдствіями, и разновластіе удѣльное, и Монгольское владычество, и стѣсненіе Московскаго государства домомъ Гедимина, все рушилось безъ тягостной борьбы, какъ бы само собою, единственно помощію дальновидной политики. Рѣдкій государь умѣлъ такъ хорошо постигнуть потребности своего вѣка и народа, такъ искусно воспользоваться всѣми средствами и такъ удачно дойти до своей цѣли, какъ Іоаннъ III. Отъ сего все, что ни дѣлалъ онъ, подобно дѣяніямъ Петра Великаго, осталось вѣковымъ. Но разность между обоими государями была чрезвычайная: Петръ созидалъ все вновь, всему давалъ новую, лучшую форму Европейскую, былъ героемъ на поляхъ брани, неутомимымъ законодателемъ, художникомъ, учителемъ своего народа; за каждое дѣло брался со всею живостію огненнаго характера и всѣ препятствія одолѣвалъ безпримѣрною силою души, самою быстротою своихъ дѣйствій. Іоаннъ усердно держался старины отечественной, не измѣнялъ ни нравовъ, ни обыкновеній, ни общественныхъ уставовъ, никогда не славился и личнымъ мужествомъ, главное же въ каждомъ предпріятіи обнаруживалъ хладнокровную расчетливость, ждалъ благовременнаго случая, готовилъ

вѣрныя средства, заставлялъ своихъ враговъ дѣйствовать вмѣсто себя, и только тогда прибѣгалъ къ крутымъ мѣрамъ, когда наступала рѣшительная минута: тутъ онъ устремлялъ всю массу своихъ силъ и приводилъ въ движеніе всѣ приготовленныя заранѣе пружины.

Съ такимъ характеромъ, при долговременномъ 43 лѣтнемъ правленіи, онъ постоянно стремился къ великой цѣли, руководившей всѣми дѣйствіями его: образовать изъ Русской земли, раздробленной иноплеменниками и природными князьями, державу самостоятельную и благоустроенную. Для достиженія этой цѣли, ему надлежало рѣшить много вопросовъ: уничтожить удѣльную систему, покорить Новгородъ, отнять у потомковъ Чингизовыхъ мысль о верховной власти надъ восточною Русью, исторгнуть изъ рукъ Гедиминовыхъ потомковъ Русь западную, собрать всѣ Русскія земли въ одно цѣлое, дать своей державѣ лучшее устройство внутреннее, отдалить ее отъ Азіи, къ которой она доселѣ примыкала, и сблизить съ Европою. Одни изъ этихъ вопросовъ были рѣшены имъ окончательно; другіе же онъ предоставилъ времени и благоразумію наслѣдниковъ.

Уничтоженіе удѣловъ.

Уничтоженіе удѣльной системы совершилось въ нашемъ отечествѣ не вдругъ: разновластіе исчезало постепенно, во все время Іоаннова правленія, и окончательно прекратилось уже при сынѣ его. Единодержавіе было главною цѣлію его политики; но всегда вѣрный правилу прибѣгать къ рѣшительнымъ мѣрамъ только въ крайности, онъ не хотѣлъ начать открытую борьбу съ удѣльными владѣтелями, даже заключалъ съ ними договоры о взаимной неприкосновенности отчинъ; призналъ великаго князя Тверскаго равнымъ себѣ государемъ; не трогалъ правъ ни Пскова, ни Новгорода; дозволилъ юному князю Рязанскому, воспитанному въ Москвѣ, возвратиться въ отцовскую область: требовалъ только, чтобы князья дѣйствовали съ нимъ за одно, признавали его старшимъ и не ссылались съ непріятелями Москвы. Исполняя свято договоры, не нарушая правъ удѣльныхъ, онъ хотѣлъ, чтобы и князья уважали его право *старѣйшинства*, присвоивъ этому слову тотъ же смыслъ, какой имѣло оно при Владимірѣ Мономахѣ и при Димитріи Донскомъ: безъ воли его, князья не смѣли предпринять ничего важнаго, ни заключать союзовъ, ни искать управы оружіемъ въ обыкновенныхъ своихъ распряхъ: въ противномъ случаѣ имъ гро-

зилъ неумолимый гнѣвъ *Государя*. Однимъ словомъ, еще не касаясь удѣловъ, Іоаннъ былъ самодержавнымъ, подобно Владиміру Мономаху. Политика одного сходствовала съ политикою другаго, съ тѣмъ однако важнымъ различіемъ, что Мономахъ не искоренялъ удѣловъ; Іоаннъ же ловилъ каждый случай, для соединенія всѣхъ княжествъ въ одно государство, безъ явнаго впрочемъ насилія, и такъ искусно велъ дѣла, что удѣлы исчезали сами собою. Одни князья, не изъ рода Іоанна Калиты, напримѣръ Ростовскіе и Ярославскіе, имѣвшіе небольшіе участки, отвсюду окруженные Іоанновыми областями, вскорѣ убѣдились, что право владѣтельное было для нихъ одною тягостію, что отчины ихъ рано или поздно отойдутъ къ Москвѣ, хотѣли лучше заслужить милость государя и при жизни добровольно уступали ему свои удѣлы; другіе же, умирая бездѣтными, от- 1463 — 1474. казывали ему свои отчины духовнымъ завѣщаніемъ: такъ онъ пріобрѣлъ княжества Дмитровское [1], Вологодское [2], Верейское [3], Волоцкое [4], со многими городами; третіе наконецъ, именно родной братъ государя Андрей Большой [5] и шуринъ его князь Тверской Михаилъ Борисовичъ [6], сами нарушивъ договоръ тайными сношеніями съ ордою и съ Литвою, навлекли на себя гнѣвъ Іоанна: первый былъ заключенъ въ темницу, гдѣ и умеръ; второй бѣжалъ въ Литву и не возвращался; княжества ихъ, Тверское и Углицкое, присоединены къ Москвѣ. Право владѣтельное удержалъ одинъ князь Рязанскій безусловною покорностію государю Московскому.

Такимъ образомъ, къ концу Іоаннова правленія, рушилась удѣльная система, въ то самое время, когда въ Европѣ пресѣклась феодальная, съ тѣмъ однако различіемъ, что Людовикъ XI, Фердинандъ Католикъ, Генрихъ VII, утвердили самодержавіе кровью своихъ подданныхъ; Іоаннъ же, одолѣвъ величайшія препятствія единственно силою ума, ни

1. Съ Можайскомъ и Серпуховымъ, по смерти брата Юрія, умершаго холостымъ, въ 1472.
2. Съ Кубеною и Заозерьемъ, по завѣщанію брата Андрея Меньшаго, умершаго бездѣтнымъ, въ 1481.
3. По завѣщанію дяди Михаила Андреевича (внука Донскаго), не смѣвшаго отказать наслѣдственнаго удѣла своему сыну Василію Удалому, который навлекъ на себя гнѣвъ Іоанна и бѣжалъ съ женою Гречанкою, племянницею Софіи, въ Литву, въ 1483.
4. Съ Рузою и Ржевомъ отъ племянниковъ, дѣтей Бориса Васильевича Волоцкаго, умершаго въ 1494.
5. Предъ нашествіемъ Ахмата онъ разсорился съ великимъ княземъ и уѣхалъ въ Литву къ Казимиру; въ послѣдствіи не хотѣлъ содѣйствовать къ совершенному истребленію орды и не давалъ вспомогательнаго войска; заключенъ въ темницу въ 1491.
6. Родной братъ первой супруги Іоанновой. Овдовѣвъ въ 1483, онъ хотѣлъ жениться на внукѣ Казимира Литовскаго и вступилъ съ нимъ въ переговоры. Іоаннъ объявилъ ему войну; устрашенный Михаилъ отказался отъ всякихъ связей съ Литвою; но вскорѣ завелъ тайную переписку съ королемъ, котоpая обнаружилась. Войска Московскія осадили Тверь; Михаилъ бѣжалъ къ Казимиру. Княжество его присоединено къ Московскому, въ 1486.

чѣмъ не запятналъ своей славы. Конечно обстоятельства были иныя: много помогала ему Судьба; многое приготовлено было его дѣдомъ и прадѣдомъ; при всемъ томъ князь Тверской и Андрей Васильевичъ могли бороться со всякимъ соперникомъ, кромѣ Іоанна.

Покореніе Новгорода.

Гораздо труднѣе было сладить съ Новгородомъ. Здѣсь Іоаннъ имѣлъ дѣло не съ однимъ лицемъ, а съ цѣлымъ народомъ, готовымъ умереть за свои льготы, данныя Ярославомъ Мудрымъ и увеличенныя слабыми его преемниками. Вѣче, присвоивъ послѣ Владиміра Мономаха право избирать себѣ князя, вести войну, заключать миръ, опредѣлять дань, производить судъ и расправу, со всѣми государями Владимірскими и Московскими постоянно спорило за границы обоюдныхъ владѣній, за дары и пошлины, предоставленные великому князю, за неподсудимость своихъ гражданъ его намѣстникамъ. Съ половины XIV столѣтія, когда началъ усиливаться домъ Гедимина, Новгородцы годъ отъ году были неуступчивѣе въ своихъ правахъ, требовали отъ каждаго великаго князя Московскаго присяги въ ненарушимости старинныхъ льготъ, грозя въ противномъ случаѣ признать покровителемъ своимъ великаго князя Литовскаго, и неоднократно поручали цѣлыя области въ управленіе дѣтямъ и внукамъ Гедиминовымъ. Преемники Іоанна Калиты, тѣснимые со всѣхъ сторонъ врагами, Ордою, Литвою, князьями удѣльными, благоразумно уклонялись отъ разрыва съ необузданнымъ народомъ и подтверждали его права, присвоенныя имъ во время бурнаго безначалія. Такимъ образомъ Новгородъ считалъ себя независимымъ и явно силился отдѣлиться отъ Московскаго государства. Иначе думалъ Іоаннъ: слѣдуя обычаю предковъ, въ началѣ своего правленія онъ оставилъ неприкосновенными всѣ преимущества Новгородскія; но при первомъ порывѣ своеволія, когда вѣче оскорбило его намѣстниковъ, присвоило княжескіе доходы и земли и взяло съ жителей присягу только именемъ Новгорода, государь напомнилъ Новгородцамъ, чтобы они держали имя его *грозно и честно по старинѣ*, и не забывали, что предки его именовались великими князьями Владимірскими, Новгородскими и всея Руси. Вѣче прибѣгло къ обыкновенной политикѣ: подстрекаемое вдовою посадника Борецкаго Марѳою, женщиною богатою, честолюбивою, искавшею власти въ своемъ отечествѣ, оно хотѣло испугать

Іоанна тѣснымъ союзомъ съ Казимиромъ Литовскимъ и торжественною грамматою объявило его своимъ государемъ, на тѣхъ же условіяхъ, какъ господствовали князья Московскіе. Такой поступокъ требовалъ рѣшительныхъ мѣръ къ обузданію мятежнаго народа. Іоаннъ спѣшилъ предупредить Казимира и двинулъ всѣми силами; всѣ князья удѣльные, тогда еще не утратившіе своихъ областей, не исключая и Тверскаго, соединились съ нимъ; грозное ополченіе, подъ личнымъ начальствомъ государя, вступило въ область Новгородскую, какъ въ землю непріятельскую, опустошая все пространство отъ Торжка до Ильменя. Побѣда князя Холмскаго на берегахъ Шелони, гдѣ легло около 12,000 мятежниковъ, разсѣяла ихъ войска. Іоаннъ, взявъ въ плѣнъ многихъ знатныхъ гражданъ, однимъ, въ томъ числѣ и сыну Марѳы посадницы, бояриму Димитрію, велѣлъ отрубить головы; другихъ разослалъ по темницамъ; многимъ, менѣе виновнымъ, даровалъ свободу. Шелонская побѣда, еще болѣе рѣшительная строгость великаго князя образумила Новгородцевъ: они увидѣли въ Іоаннѣ не соперника, не врага обыкновеннаго, а государя, имѣвшаго право карать и миловать, и безусловною покорностію спѣшили смягчить его. Онъ простилъ Новгородцевъ, взявъ въ пеню 15,500 руб. или около 80 пудъ серебра; не уничтожилъ ни вѣча, ни древнихъ льготъ, признанныхъ прежними князьями; подтвердилъ ихъ новою договорною грамматою; возвратилъ завоеванныя мѣста; однимъ словомъ, согласился править по старинѣ, съ тою однако важною отмѣною, что присвоилъ себѣ верховный судъ въ случаѣ несогласія его намѣстниковъ съ Новгородскими сановниками.

1471.

9 іюля.

1471.

Но судьба Новгорода была уже рѣшена въ умѣ Іоанновомъ: оставить его при прежнихъ правахъ было бы несогласно съ системою единовластія, уже со временъ Калиты признанною необходимымъ условіемъ бытія Русской державы. Онъ не рѣшился уничтожить тѣнь его самостоятельности, послѣ Шелонской побѣды, изъ опасенія встрѣтить отчаянное упорство въ народѣ, издавна привыкшемъ къ волѣ, хотѣлъ прежде приготовить умы въ свою пользу и найти друзей въ самомъ Новгородѣ. Въ семь лѣтъ онъ достигъ своей цѣли. Пользуясь верховнымъ правомъ суда, Іоаннъ умѣлъ заслужить такое уваженіе умомъ, безпристрастіемъ, строгостію, что благомыслящіе Новгородцы, негодуя на внутреннія неустройства, на лихоимство своихъ сановниковъ,

охотно прибѣгали къ правосудію великаго князя: большая часть народа, всѣ бѣдные граждане были на его сторонѣ. Видя недруговъ только въ высшемъ сословіи, онъ былъ увѣренъ въ слабомъ сопротивленіи и ждалъ одного повода, чтобы сравнять Новгородъ съ прочими городами въ общемъ составѣ государственнаго устройства. Этотъ поводъ вскорѣ представился: въ 1477 году вѣчевые послы, прибывшіе въ Москву, наименовали его *государемъ* Новгорода, вмѣсто господина, какъ прежде назывались князья: онъ требовалъ объясненія, не хотятъ ли Новгородцы присягнуть ему, какъ полному властителю? Вѣче отозвалось съ укоризною, что оно не думало давать ему титулъ государя; между тѣмъ друзья Борецкихъ волновали народъ и преслѣдовали друзей
1477. Москвы. Іоаннъ, оскорбленный дерзкимъ отвѣтомъ, рѣшился навсегда прекратить неустройства; попрежнему собралъ всѣ свои силы; подданные съ усердіемъ стекались подъ его знамена, признавая Новгородцевъ врагами отечества и клятвопреступниками. Друзья Мароы посадницы подстрекали гражданъ къ мужественному отпору; отчаянное сопротивленіе ожидало Іоанна; онъ избѣгалъ кровопролитія, тѣснилъ народъ голодомъ, искусно велъ переговоры; многочисленные друзья его, главою коихъ былъ архіепископъ Өеофилъ, одержали наконецъ верхъ. Новгородъ изъявилъ безусловную по-
января 1478. корность. Вѣче было уничтожено, званіе посадника отмѣнено; старинныя формы суда и сбора податей, напоминавшія самостоятельность внутренняго управленія, уступили мѣсто новымъ формамъ въ духѣ самодержавія. Іоаннъ, опредѣливъ Новгороду намѣстникомъ своего боярина (князя Оболенскаго-Стригу), далъ слово забыть все прошедшее и наказалъ только немногихъ, главныхъ недоброжелателей своихъ, въ томъ числѣ и Мароу посадницу, заключивъ ее въ Нижнемъ Новгородѣ.

Іоаннъ, начавъ дѣло, не любилъ останавливаться на срединѣ. Опасаясь, чтобы не пробудилась въ Новгородцахъ мысль о прежнихъ правахъ, онъ старался подавить ее при каждомъ новомъ неустройствѣ. Два обстоятельства могли еще воскресить древнюю волю Новгородцевъ: съ одной стороны знатные граждане, отказавшись отъ старинныхъ льготъ, сохраняли свои обширныя помѣстья и таили замыселъ возстановить прежній образъ правленія; съ другой стороны купцы Ганзейскіе, приносившіе свои понятія о господствѣ народномъ, могли волновать умы и поддерживать духъ свое-

волія. Іоаннъ постепенно искоренилъ то и другое зло: многіе бояре, люди житые и торговые, обвиненные въ злыхъ умыслахъ, были заключены; семейства ихъ переселены въ отдаленныя области; помѣстья же розданы Московскимъ сановникамъ [1]. Купцы Ганзейскіе также были изгнаны изъ Новгорода въ концѣ Іоаннова правленія: раздраженный самоуправствомъ Ревельскаго магистрата съ Русскими подданными, государь требовалъ отъ Ливонскаго ордена возмездія, и получивъ грубый отказъ, воспользовался этимъ случаемъ чтобы пресѣчь всѣ связи съ Нѣмцами; онъ велѣлъ схватить купцовъ Ганзейскихъ, числомъ до 50, находившихся въ Новгородѣ, и бросить въ темницы, гдѣ они большею частію умерли, имѣнія же отобрать въ казну; лавки, гостиные дворы и божницу запечатать. Эта строгость навела такой ужасъ на всю Ганзу, что она прекратила на долгое время сношенія съ Россіею и перевела свою торговлю въ Ригу, Дерптъ, Ревель и Нарву. 1481 — 149

Утративъ все, что давало силу, скопляло богатства, поддерживало духъ независимости, Новгородъ мало по малу, къ концу Іоанновой жизни, ничѣмъ не отличался отъ другихъ Русскихъ городовъ въ общемъ составѣ государственнаго управленія.—Псковъ, имѣвшій устройство сходное съ Новгородскимъ, спасъ свое вѣче, своихъ посадниковъ, старинныя формы суда и расправы, единственно постоянною вѣрностію государю Московскому и усерднымъ содѣйствіемъ во всѣхъ его предпріятіяхъ, особенно въ войнѣ съ Новгородцами. Іоаннъ не трогалъ его до перваго случая, руководствуясь правиломъ, не употреблять силы безъ необходимости, и оставилъ преемникамъ легкій трудъ уничтожить старину Псковскую.

Освобожденіе Русской державы отъ власти Монголовъ есть одно изъ важнѣйшихъ дѣяній мудрой политики Іоанновой, тѣмъ болѣе достопамятное, что отечество избавилось отъ рабства, не ослабивъ себя трудною борьбою. Паденіе Золотой орды, подобно уничтоженію удѣльной системы и покоренію Новгорода, совершилось не вдругъ: оно было дѣломъ всей жизни Іоанновой. Зная, что для независимости отечества, надобно было сокрушить орду, разсѣять ея Сверженіе

1. Такъ въ Водцкой пятинѣ, розданы помѣстья служилымъ людямъ Тучковыхъ, Ряполовскихъ, Шереметевыхъ и проч.

улусы и уничтожить гнѣздившуюся въ Сараѣ мысль о мнимомъ правѣ Чингизовыхъ потомковъ господствовать надъ Русскою землею, Іоаннъ въ тоже время видѣлъ, что самая блистательная побѣда не разгромитъ царства Кипчакскаго, что рѣшительный ударъ, какъ подвигъ героя Донскаго, только образумитъ злодѣевъ и соединитъ раздѣлившіеся улусы попрежнему въ одинъ юртъ неодолимый. Единственнымъ средствомъ погубить орду было предать ее въ жертву внутреннихъ раздоровъ. Уже предшественники Іоанновы понимали эту истину; но частію отъ слабости, частію отъ незрѣлой еще политики, не знали искусства усиливать ордынскія распри. Іоаннъ рѣшился ослабить враговъ врагами, довести ихъ до изнеможенія и потомъ уже нагрянуть всею массою своихъ силъ. Онъ достигъ вожделѣнной цѣли съ рѣдкимъ успѣхомъ, устранилъ отъ своей державы бѣдствія кровопролитной борьбы и избавилъ ее отъ ига однимъ умомъ.

Въ первые годы по восшествіи на престолъ, около 10 лѣтъ, Іоаннъ не отказывалъ въ дани хану Большой орды Ахмату, принималъ его пословъ съ честію, но безъ прежняго униженія, посылалъ въ орду своихъ съ дарами, вообще уклонялся отъ всякаго повода къ разрыву; между тѣмъ бралъ свои мѣры. Сперва обратилъ вниманіе на царство Казанское независимое отъ орды, даже непріязненное ей, и хотѣлъ присвоить надъ нимъ верховную власть, чтобы съ одной стороны обезопасить восточные предѣлы своей державы отъ опасныхъ хищниковъ, съ другой же открыть удобный путь въ орду, при первой борьбѣ съ нею, посредствомъ Волги. Но онъ еще не въ силахъ былъ сладить даже съ отдѣль-
1467—1469. ною Казанью: неоднократные походы воеводъ его не имѣли успѣха. Оставивъ Казань до времени въ покоѣ, государь заключилъ тѣсный союзъ съ Крымскимъ ханомъ, основанный на взаимныхъ выгодахъ и тѣмъ болѣе прочный. Въ Тавридѣ, по смерти Гаджи Гирея, возникли раздоры между сыновьями его: Менгли Гирей, изгнавъ старшаго брата Нордоулата, бѣжавшаго въ Литву, искалъ себѣ покровителя. Ни Литовскій князь, ни ханъ Большой орды не могли ему благопріятствовать: первый поддерживалъ Нордоулата, второй питалъ родовую вражду къ потомкамъ Тохтамыша. Іоаннъ, зная хорошо все, что дѣлалось вокругъ его, пред-
1478. ложилъ союзъ Менгли Гирею; тотъ съ радостію принялъ его вызовъ и заключилъ самую тѣсную съ нимъ дружбу. Нельзя было избрать лучшаго союзника: Менгли Гирей, по

первому слову государя Московскаго, громилъ то Орду, то Литву, не щадилъ для выгодъ его ни себя, ни друзей ни враговъ, и до конца жизни Іоанновой служилъ ему съ рѣдкимъ усердіемъ.

Увѣренный въ его дружбѣ, великій князь приступилъ къ дѣлу: прогналъ ханскихъ пословъ и пересталъ платить дань. Ахматъ, уже недовольный скупостію великаго князя, послѣ тщетныхъ усилій смирить его собственнымъ войскомъ, заключилъ наступательный союзъ съ Казимиромъ, который, упустивъ изъ рукъ своихъ Новгородъ и думая возвратить его, обѣщалъ выставить всѣ свои силы, чтобы въ одно время съ Ордою ударить на Россію съ запада. Іоаннъ, видя неизбѣжность борьбы, отъ которой тщательно уклонялся, взялъ свои мѣры: какъ скоро двинулся ханъ, Менгли Гирей вторгся въ Подолію и остановилъ Казимира; между тѣмъ Звенигородскій воевода Ноздроватый и Крымскій царевичъ Нордоулатъ, искавшій покровительства великаго князя и служившій ему залогомъ вѣрности Менгли Гирея, съ отдѣльнымъ отрядомъ спустились на судахъ Волгою въ беззащитные улусы. Самъ государь въ тоже время спѣшилъ вывести въ поле свои силы; подданные, вѣруя его уму и счастію, ополчались съ восторгомъ за свободу отечества и, ободряемые духовенствомъ, горѣли желаніемъ сразиться съ врагами: возобновилось время Донскаго. Іоаннъ могъ обѣщать себѣ еще болѣе успѣха, чѣмъ великій прадѣдъ его, имѣя сильнѣйшее войско и зная очевидную слабость Ахмата. Но онъ не хотѣлъ жертвовать подданными безъ нужды, берегъ свои силы, заслонилъ только Ахмату путь въ Россію на берегахъ Угры и, вопреки общему желанію, столь краснорѣчиво выраженному въ посланіи Ростовскаго архіепископа Вассіана, уклоняясь отъ битвы, ждалъ вѣстей отъ Ноздроватаго. Тотъ съ полнымъ успѣхомъ совершилъ свое порученіе: разгромивъ улусы, гдѣ остались одни старцы, жены и дѣти, разрушивъ Сарай, взявъ множество плѣнниковъ, съ богатою добычею воротился въ отечество. Ахматъ съ ужасомъ свѣдалъ о разореніи своего царства и бѣжалъ отъ 1480.
Русскихъ предѣловъ [1]. Его постигла участь Мамая: Ногай-

1. Ахматъ шелъ отъ Дона мимо Мценска и Одоева къ Угрѣ, чтобы соединиться съ Литовцами; 8 октября подступилъ къ Угрѣ и остановился на правомъ берегу рѣки; Русскіе расположились на лѣвомъ; перестрѣливались 4 дня. Іоаннъ предлагалъ миръ и дары; Ахматъ, сказавъ, что князь уже девять лѣтъ не платитъ дани, требовалъ, чтобы онъ просилъ прощенія у царскаго стремени. Переговоры пресѣклись; прошло двѣ недѣли въ бездѣйствіи. Въ это время архіепископъ Вассіанъ краснорѣчивымъ посланіемъ побуждалъ государя къ рѣшительному удару. По наступленіи морозовъ, 7 ноября государь велѣлъ войску отступить на поля Боровскія, гдѣ на

скіе мурзы, подъ начальствомъ Шейбанскаго князя Ивака, кочевавшіе по Уралу, спѣшили воспользоваться злополучіемъ Большой Орды, еще болѣе богатою добычею опустошенныхъ ею Литовскихъ городовъ, вытѣснили Ахмата изъ Приволжскихъ степей, загнали его къ берегамъ Азовскаго моря и тамъ
1481. умертвили. Ивакъ сталъ господствовать по Волгѣ: но не смѣя и думать о владычествѣ надъ Русью, искалъ одного добраго расположенія государя Московскаго. Дѣти же Ахматовы съ остатками своей Орды долго скитались по степямъ между Кумою, Дономъ и Днѣпромъ, вели жестокую войну съ Менгли-Гиреемъ, нерѣдко съ успѣхомъ, и все еще величались именемъ нашихъ властителей. Іоаннъ, въ союзѣ съ Крымскимъ ханомъ, могъ бы сокрушить безъ труда гнѣздо нашихъ злодѣевъ; но лучше хотѣлъ употребить свои силы на важнѣйшее дѣло: чрезъ семь лѣтъ послѣ неудачнаго покушенія Ахмата, свѣдавъ о раздорахъ, возникшихъ въ Казани по смерти Ибрагима, онъ послалъ туда мужественнаго
1487. воеводу Холмскаго, чтобы поддержать партію благопріятную Москвѣ: Холмскій сдѣлалъ болѣе: взялъ Казань приступомъ и возвелъ на престолъ меньшаго сына Ибрагимова, Магмета Амина, обязавъ его быть присяжникомъ и данникомъ Іоанна; брата же его Алегама прислалъ плѣнникомъ въ Москву. Съ тѣхъ поръ тѣнь Батыева царства не находила себѣ мѣста: съ одной стороны тѣснили ее, по волѣ государя, Казанскіе Татары, съ другой неутомимо преслѣдовалъ Менгли-Гирей, какъ для собственной безопасности, такъ и еще болѣе въ угожденіе своему могущественному союз-
1502. нику. Наконецъ, послѣ неоднократныхъ битвъ, года за три до смерти Іоанна, дѣятельный Гирей истребилъ совершенно Орду Кипчакскую: послѣдній ханъ ея, все еще считавшій себя въ правѣ быть повелителемъ Руси, Шигъ Ахметъ, искалъ убѣжища въ Литвѣ и нашелъ темницу: онъ умеръ плѣнникомъ въ Ковнѣ.

...ба съ Ягеллонами. Оставивъ Менгли Гирею заботы добивать слабую орду, Іоаннъ между тѣмъ обратилъ вниманіе на западную Русь. По примѣру Димитрія Донскаго, онъ считалъ Русскія области, подвластныя потомкамъ Гедимина, древнимъ достояніемъ своего дома, присвоеннымъ иноплеменниками во вре-

выгодномъ мѣстѣ думалъ дать сраженіе: войско оробѣло и побѣжало, никѣмъ гонимое; Ахматъ, опасаясь засады, также ударился въ бѣгство въ противную сторону, разоривъ на пути 12 Литовскихъ городовъ въ отмщеніе Казимиру, вторично обманувшему хана. Въ память освобожденія Россіи отъ ига, Іоаннъ установилъ ежегодный праздникъ Богоматери 23 іюня.

мена *невзгоды* отечества; съ той же точки смотрѣлъ и на владѣнія Меченосцевъ. Мысль о правахъ дома Калиты на всю Русскую землю неоднократно обнаруживалась въ сношеніяхъ Іоанна съ дворами Польскимъ, Австрійскимъ и Венгерскимъ: онъ изъявлялъ имъ рѣшительное намѣреніе *добывать* не только Витолдовыхъ завоеваній, но и самаго Кіева со всею Волынью. Предполагая при первомъ удобномъ случаѣ возобновить свои права, государь, по обыкновенію, готовилъ вѣрныя средства къ успѣху: заключилъ тѣсный родственный союзъ съ господаремъ Молдавскимъ Стефаномъ 1482.
Великимъ, женивъ на дочери его Еленѣ старшаго сына своего, вступилъ въ дружбу съ королемъ Венгерскимъ Матѳеемъ Корвиномъ, преемникомъ знаменитаго Гунніада, искалъ союза съ Германскимъ императоромъ Максимиліаномъ, и 1490.
подтверждая дружественные договоры съ Менгли Гиреемъ, соглашался дѣйствовать противъ Орды, опасной для одного Крыма, только въ такомъ случаѣ, когда ханъ не оставитъ въ покоѣ Казимира. Почти со всѣхъ сторонъ окруживъ Литовскаго государя союзниками, Іоаннъ нашелъ друзей въ самой Литвѣ: не взирая на долговременное господство дома Гедиминова, въ западной Руси никогда не исчезала мысль о родствѣ ея съ восточною. Эта мысль, поддерживаемая единовѣріемъ, языкомъ, свѣжими преданіями исторіи, такъ сильно обнаруживалась, что Казимиръ, опасаясь добровольнаго подданства Литовской Руси Іоанну, избѣгалъ борьбы съ могущественнымъ соперникомъ. Въ самомъ дѣлѣ обитатели Заднѣпровскихъ странъ доселѣ чуждались Московскаго государства, единственно изъ ненависти къ Монгольскому владычеству; но едва рушилось ненавистное иго, они стали смотрѣть на Іоанна, уже знаменитаго умомъ и славою, какъ на истиннаго, природнаго государя всей Русской земли, и другъ предъ другомъ искали чести быть его подданными. Прежде всего изъявили это желаніе правнуки Олгерда, единовѣрные намъ князья Ольшанскій, Бѣльскій, Олельковичъ, въ послѣдствіи князья племени Владиміра св., имѣвшіе свои отчины въ Сѣверскомъ княжествѣ, Одоевскіе, Воротынскіе, Бѣлевскіе, Перемышльскіе и другіе, давая 1492.
только знать королю, что слагаютъ съ себя званіе его присяжниковъ и возвращаются подъ сѣнь древняго отечества. Казимиръ требовалъ, чтобы Іоаннъ не принималъ ихъ, и хотѣлъ поддержать свое требованіе силою оружія; но въ то самое время Менгли Гирей опустошилъ Кіевъ и заставилъ

короля подумать о безопасности своихъ владѣній. Казимиръ вскорѣ умеръ, въ самомъ началѣ войны съ Іоанномъ. Литовско-Русскіе чины спѣшили воспользоваться этимъ случаемъ, для расторженія тягостнаго союза съ Польшею, и объявили своимъ великимъ княземъ сына Казимирова Александра, между тѣмъ, какъ старшій братъ его Албрехтъ вступилъ на Польскій престолъ. Александръ, видя явную невозможность бороться съ Іоанномъ, пріобрѣтшимъ всеобщую любовь въ западной Руси, считалъ единственнымъ средствомъ къ спасенію своего престола кровное родство съ сильнымъ соперникомъ и просилъ руки дочери его Елены, уступая Сѣверское княжество. Іоаннъ охотно согласился
1494. ны, уступая Сѣверское княжество. Іоаннъ охотно согласился на это предложеніе, въ надеждѣ соединить Русскую землю еще тѣснѣйшими узами, поддержать Греческій законъ, тѣснимый въ Литвѣ Римскимъ духовенствомъ, и прекратить распри обоихъ государствъ, проистекавшія не отъ вражды народной, а отъ личной непріязни вѣнценосцевъ. Къ сожалѣнію, надежда его не исполнилась: Александръ, вступая съ нимъ въ родство, хотѣлъ только связать ему руки; усердно преданный Римскому двору, онъ преслѣдовалъ своихъ подданныхъ Греческаго вѣроисповѣданія, самую супругу принуждалъ къ перемѣнѣ религіи. Слѣдствіемъ безразсудной политики его были всеобщія жалобы православныхъ, кончившіяся новымъ отпаденіемъ отъ Литовскаго княжества Русскихъ городовъ Чернигова, Рыльска, Стародуба, Новгорода Сѣверскаго и другихъ. Іоаннъ принялъ ихъ подъ свое покровительство, и послѣ тщетныхъ стараній образумить зятя, прибѣгнулъ къ оружію. Кровопролитная война запылала. Московское войско постоянно имѣло верхъ; полководецъ Іоанновъ, князь Даніилъ Щеня одержалъ рѣшительную побѣду надъ Литовскимъ войскомъ при рѣкѣ Ведроши (близъ
1500. Дорогобужа), взявъ въ плѣнъ самого военачальника, князя Константина Острожскаго. Между тѣмъ Крымцы опустошили Кременецъ, Владиміръ Волынскій, Луцкъ. Доведенный до крайности, Александръ искалъ помощи у Ливонскаго ордена, и нашелъ сильнаго союзника въ мужественномъ гермейстерѣ Плеттенбергѣ, который неоднократными побѣдами надъ Русскими войсками, въ особенности на Сирицѣ
1501. близъ Изборска, замедлялъ успѣхи нашего оружія. Война становилась годъ отъ году упорнѣе, тягостнѣе для Россіи: Александръ, по смерти брата, вступилъ на Польскій престолъ и могъ располагать силами обоихъ государствъ; союз-

ники наши дѣйствовали слабо, или вовсе отказались отъ участія: Стефанъ Молдавскій, огорченный гнѣвомъ Іоанна на свою дочь, присталъ къ сторонѣ нашихъ непріятелей; Матѳей Корвинъ умеръ еще до начала войны; мѣсто его занялъ братъ Александровъ Владиславъ; самъ Менгли Гирей не оказывалъ прежняго усердія, завися на старости отъ своихъ дѣтей и мурзъ, подкупленныхъ Литовскимъ княземъ; царь Казанскій обнаруживалъ явную непріязнь и безпокоилъ наши восточные предѣлы. Къ этому присоединились семейныя горести Іоанна, бывшія слѣдствіемъ смерти старшаго сына его. Утомленный безпрерывною дѣятельностію, онъ избѣгалъ борьбы долговременной, держась правила дѣйствовать болѣе посредствомъ союзниковъ, чѣмъ собственными силами. Александръ, съ своей стороны, опасаясь Турокъ, еще ревностнѣе искалъ мира, требуя однакожъ возвращенія всѣхъ завоеванныхъ нами городовъ, какъ своей *отчины*. Іоаннъ, велѣвъ ему сказать, что отчина королевская есть земля Польская и Литовская, Русская же его собственность, и что онъ намѣренъ добывать Смоленска, Кіева и другихъ городовъ, согласился единственно заклю- 1503.
чить съ Литвою и съ орденомъ перемиріе на 6 лѣтъ, удержавъ за собою все княжество Сѣверское и обязавъ Дерптскаго епископа платить себѣ ежегодную дань.

Связь съ Европою.

Соединяя Русскія земли въ одно цѣлое, въ государство единодержавное, Іоаннъ въ тоже время заботился о сближеніи своего отечества съ Европою, въ слѣдствіе простой мысли, что Россія, по своему положенію, по вѣрѣ, по языку, долженствовала войти въ составъ государствъ Европейскихъ. Тѣсная связь съ Европою началась съ первыхъ лѣтъ его правленія и стала въ особенности замѣтна къ концу его жизни. Поводомъ къ этой связи былъ достопамятный случай, обильный и другими важными послѣдствіями. По завоеваніи Турками Царяграда, братъ послѣдняго Византійскаго императора Константина, Ѳома Палеологъ искалъ убѣжища въ Римѣ и тамъ поселился съ семействомъ. Дочь его Софія, славившаяся умомъ и красотою, обращала на себя вниманіе многихъ Европейскихъ вѣнценосцевъ, въ томъ числѣ короля Французскаго и герцога Медіоланскаго. Папа Павелъ II предложилъ ея руку Іоанну, въ надеждѣ, что царевна, воспитанная въ правилахъ Флорентійскаго соединенія, убѣдитъ своего мужа признать Римскаго первосвя-

щенника главою Россійской церкви, и что государь Московскій, по свойству съ Палеологами, освободитъ Грецію отъ варваровъ, по крайней мѣрѣ не оставитъ ихъ въ покоѣ и отвлечетъ ихъ силы отъ Италіи, трепетавшей при одномъ имени Магомета. Іоаннъ охотно согласился принять
1472. руку царевны и сочетался съ нею бракомъ; но не исполнилъ ни одного изъ папскихъ предположеній: не думалъ признавать духовную власть Римскихъ первосвященниковъ въ своемъ государствѣ и не хотѣлъ воевать съ Турками, сберегая свои силы для сокрушенія ордъ Татарскихъ и для борьбы съ потомками Гедимина. Бракъ его съ Софіею имѣлъ совсѣмъ другое вліяніе на судьбу нашего отечества.

Европа, пораженная бѣдствіемъ Византіи, съ живѣйшимъ любопытствомъ смотрѣла на страну, куда удалилась последняя отрасль знаменитаго дома Палеологовъ; узнала, что *Московія* есть держава Христіанская, что государь ея обладаетъ обширными землями и можетъ бороться даже съ Турками. Послы Европейскіе одинъ за другимъ стали являться въ Москвѣ; заключали дружественные и торговые договоры, въ особенности надѣялись на дѣятельное участіе наше въ крестовомъ походѣ, о коемъ думали на западѣ, для изгнанія Турокъ. Іоаннъ охотно дружился съ Европейскими государями, и хотя не принималъ никакого участія въ судьбѣ западнаго Христіанскаго міра, ограничивая свою политику сосѣдственными землями; но умѣлъ извлечь самыя существенныя выгоды для своего отечества изъ союза съ Европейскими державами; вызывалъ, въ особенности изъ Венеціи, Милана, Флоренціи, искусныхъ зодчихъ, литейщиковъ, монетчиковъ, серебрянниковъ, рудокоповъ; воздвигалъ, при пособіи ихъ, величественныя зданія въ кремлѣ, лилъ пушки, чеканилъ монету, отыскивалъ руду, укрѣплялъ города. Изъ художниковъ, прибывшихъ вскорѣ за Софіею, Фіоравенти Аристотель (изъ Болоніи) построилъ Успенскій
1479. храмъ, великолѣпнѣйшій памятникъ зодчества XV вѣка, Марко Фрязинъ Грановитую палату; Павелъ Дебосисъ прославился литейнымъ искусствомъ [1]. Въ слѣдъ за царевною появились въ Москвѣ многіе Греки, которые принесли съ собою драгоцѣнныя рукописи, сообщили намъ свои свѣдѣнія, отчасти и политику. Сама Софія, своимъ умомъ, характеромъ, своими совѣтами не мало содѣйствовала къ испол-

1. Искусный зодчій, Аристотель, сверхъ того, лилъ пушки, чеканилъ монету, управлялъ огнестрѣльнымъ снарядомъ или артиллеріею.

нію великихъ плановъ Іоанновыхъ : воспитанная при дворѣ, искони знаменитомъ пышностію, она безъ сомнѣнія не могла быть довольна прежнимъ простымъ образомъ жизни нашихъ государей; по крайней мѣрѣ со времени ея прибытія, дворъ Московскій уже не уступалъ въ великолѣпіи Византійскому : учреждены были многія придворныя званія, дотолѣ неизвѣстныя; введены разные торжественные обряды (напримѣръ цѣлованіе царской руки); въ самомъ титулѣ и въ гербѣ государя произошли перемѣны : въ сношеніяхъ съ иноземцами онъ сталъ именоваться *Царемъ Бѣлой* или Великой Россіи, исчислялъ всѣ подвластныя ему земли, и принялъ гербъ Византійскій, орла двуглаваго, соединивъ его съ прежнимъ Московскимъ (изображеніемъ св. Георгія побѣдоносца). Все это сильно поражало умы подданныхъ и возвышало Іоанна на степень истиннаго самодержца : потомки Владиміра св., наравнѣ съ простыми царедворцами, гордились званіемъ боярскимъ и съ почтеніемъ цѣловали руку государя. Наконецъ едвали не Софію должны были благодарить современники за рѣшительность Іоанна вступить въ борьбу съ Ахматомъ : по крайней мѣрѣ, онъ только тогда пересталъ платить дань и выгналъ пословъ ордынскихъ изъ Москвы, когда сочетался съ нею бракомъ; а Герберштейнъ именно свидѣтельствуетъ, что царевна неотступно требовала отъ него сверженія постыднаго ига.

Внутреннія учрежденія.

Іоаннъ наконецъ установилъ порядокъ и внутренняго государственнаго устройства. Думать о введеніи наукъ, объ умственномъ образованіи народа, о смягченіи нравовъ, было еще не время : прежде всего надлежало умножить государственныя силы и доходы, опредѣлить формы суда и расправы, главное же обезпечить судьбу Россіи лучшимъ порядкомъ престолонаслѣдія. Отличительнымъ характеромъ внутреннихъ учрежденій Іоанновыхъ была не столько новость основныхъ началъ, сколько опредѣлительность прежнихъ формъ гражданственности. Тщательно избѣгая всего иноземнаго, усердно держась старины отечественной, онъ не измѣнялъ ни правъ, ни взаимныхъ отношеній; но въ тоже время опредѣлялъ имъ сферу, давалъ лучшее направленіе, сообразное съ системою единодержавія, и подобно Ярославу, наложивъ печать закона на главныя условія жизни общественной, заслужилъ отъ потомства справедливое имя законодателя : по указаніямъ его, въ послѣдствіи развивалась Русская жизнь до Петра Великаго.

Для умноженія военныхъ силъ, онъ роздалъ помѣстья многочисленному классу людей свободныхъ *Дѣтямъ боярскимъ*, коихъ обязалъ преимущественно военною службою, такъ, что по первому требованію, они выступали въ походъ въ полномъ вооруженіи съ извѣстнымъ числомъ ратниковъ; сверхъ того для единства дѣйствій, принялъ постояннымъ правиломъ раздѣлять войско на полки, ввелъ разряды или расписаніе корпусовъ по мѣстамъ; опредѣлилъ взаимныя отношенія воеводъ, требовалъ строгой дисциплины, и усилилъ снарядъ или артиллерію, которая съ тѣхъ поръ была непремѣнною принадлежностію нашего ратнаго дѣла. Наконецъ онъ же положилъ начало войску постоянному, принявъ исключительно въ службу воинскую многихъ Литовцевъ и Нѣмцевъ. Для умноженія государственныхъ доходовъ, онъ установилъ лучшій порядокъ въ сборѣ податей и судныхъ пошлинъ; земледѣльцы были расписаны на сохи и обложены опредѣленнымъ количествомъ денегъ или сельскихъ произведеній. Порядокъ суда и расправы былъ опредѣленъ Уложеніемъ, составленнымъ, по волѣ Іоанна, въ 1497 году дьякомъ Гусевымъ [1]. Тутъ находятся сверхъ того постановленія о куплѣ, займѣ, наслѣдствѣ, земляхъ, холопяхъ и земледѣльцахъ. Оно служило основаніемъ Судебнику царя Іоанна Грознаго и Уложенію царя Алексѣя Михайловича.

Но важнѣйшихъ изъ внутреннихъ дѣяній его было распоряженіе о нераздѣльности Московскаго государства. Первенецъ Іоанновъ отъ Маріи Тверской, именемъ также Іоаннъ Младой, коего имя находимъ во всѣхъ актахъ на ряду съ именемъ государя, женатый на дочери Стефана Молдавскаго, умеръ прежде отца, въ 1490, оставивъ сына Димитрія. Великій князь, уже близкій къ дверямъ гроба, долго не рѣшался, кого назначить себѣ преемникомъ, внука, или втораго сына, Василія. Дворъ раздѣлился на партіи. Въ 1498 доброхоты Василіевы, безъ сомнѣнія противъ вѣдома его, хотѣли избавить его отъ соперника ядомъ: заговоръ открылся; Іоаннъ казнилъ злоумышленниковъ, въ числѣ ихъ и дьяка Гусева, составившаго Уложеніе; къ Василію приставилъ стражу; даже съ супругою не хотѣлъ видѣться, а внука объявилъ преемникомъ и торжественно вѣнчалъ на

[1] До 1817 г. это уложеніе извѣстно было только по отрывкамъ, приведеннымъ въ сочиненіи Герберштейна, когда стараніемъ канцлера Румянцева найденъ современный списокъ его и напечатанъ Калайдовичемъ.

царство въ храмѣ Успенскомъ. Чрезъ годъ онъ примирился съ Софіею, казнилъ многихъ бояръ, оклеветавшихъ ее, и назвалъ Василія государемъ, великимъ княземъ Новгорода и Пскова. Димитрій же именовался великимъ княземъ Владимірскимъ и Московскимъ. Къ счастію отечества, Іоаннъ успѣлъ предупредить бѣдствія двудержавія: чрезъ три года (1502), онъ разгнѣвался, по неизвѣстнымъ причинамъ, на Елену и Димитрія, запретилъ внуку именоваться великимъ княземъ, приставилъ къ нему стражу, а Василія объявилъ государемъ всея Руси. Елена умерла съ тоски въ 1505: сынъ же ея оставался въ тѣсномъ заключеніи до самой смерти, въ 1509. Назначивъ старшаго сына Василія государемъ всея Руси, младшимъ Іоаннъ далъ значительныя помѣстья отъ трехъ до осьми городовъ со многими селами [1]. Они имѣли свой дворъ, своихъ сановниковъ, пользовались всѣми доходами съ назначенныхъ имъ областей; но не имѣли тѣхъ правъ владѣтельныхъ, кои принадлежали прежнимъ князьямъ удѣльнымъ: не могли судить у себя душегубства, не чеканили монеты, не участвовали въ откупѣ государственномъ, тѣмъ менѣе могли сноситься съ иноземными державами. Однимъ словомъ, они были только частными владѣльцами, подобно богатымъ помѣщикамъ; верховная же власть сосредоточивалась въ одномъ лицѣ государя.

II. ВАСИЛІЙ III [*].

Заслуги Василія.

Іоаннъ оставилъ своимъ преемникамъ три великія дѣла: 1) постепеннымъ соединеніемъ всѣхъ Русскихъ земель въ одно цѣлое, расширить предѣлы своей державы на западѣ до тѣхъ рубежей, въ коихъ господствовалъ домъ Владиміра св. прежде Монголовъ; 2) рѣшительнымъ вліяніемъ на судьбу Татарскихъ улусовъ, возникшихъ изъ Золотой орды, обезопасить государство съ востока; 3) общими положительными законами въ духѣ самодержавія опредѣлить главныя условія общественной жизни, и въ тоже время тѣсными союзами съ западными государями сблизить свое отечество съ

1. Юрію Дмитровъ, Звенигородъ, Кашинъ, Рузу, Брянскъ, Серпейскъ; Димитрію Угличъ, Хлепень, Рогачевъ, Зубцовъ, Опоки, Мещовскъ, Опаковъ, Мологу; Симону Бѣжецкій Верхъ, Калугу, Козельскъ; Андрею Верею, Вышегородъ, Алексинъ, Любутскъ, Старицу, Холмъ, Новый городокъ

* Лѣтописи Псковская и Никоновская. — Акты, изд. Археографич. коммиссіею. — Герберштейн commentarii rerum Moscoviticarum. Basil. 1556. — Pauli Iovii de legatione Basilii, magni principis Moscoviae, 1551.

Европою, чтобы воспользоваться плодами искусствъ и промышленности образованныхъ народовъ. Основанія политики его такъ были просты, такъ явно клонились къ благоденствію государства и притомъ данное имъ направленіе такъ было могущественно, что и внутри и извнѣ все развивалось изъ началъ, имъ установленныхъ. Вытѣснить чуждое господство изъ западной Руси, обуздать Казань, Астрахань, оторвать Россію отъ Азіи, познакомить ее съ Европою, наложить печать закона на всѣ проявленія гражданственности, дотолѣ основанной большею частію на однихъ обычаяхъ, вотъ цѣль, къ коей неутомимо стремились преемники Іоанновы до Петра Великаго. Каждый изъ нихъ, по мѣрѣ силъ, способностей, различными путями, сообразно съ обстоятельствами, подвигался къ этой цѣли. Около двухъ вѣковъ Московская политика не измѣнялась, и какъ все постоянное, основанное на твердыхъ началахъ, принесла вожделѣнные плоды. Россія окрѣпла и пріобрѣла исполинское могущество.

Василій Іоанновичъ нѐ наслѣдовалъ отъ отца ни ума плодотворнаго, ни искусства геніальнаго, ни самаго счастія; но весьма хорошо понималъ его планы, старался поддержать его твореніе и не уклонялся отъ проложеннаго пути. Тоже стремленіе къ единодержавію, къ господству надъ западною Русью, бывшею во власти дома Гедиминова, къ обузданію хищныхъ народовъ Татарскихъ, руководило политикою Василія. Выборъ самыхъ средствъ былъ одинаковъ: по примѣру отца, онъ искалъ враговъ своимъ врагамъ; находилъ усердныхъ союзниковъ въ западныхъ государяхъ, сносился съ отдаленнымъ востокомъ и скрѣплялъ Россію внутри. Тридцатилѣтнее государствованіе его было продолженіемъ Іоаннова, хотя менѣе счастливымъ и блестящимъ.

Война Литовская.

Мысль о единовержавіи была неразлучна съ мыслію о соединеніи всѣхъ Русскихъ земель въ одно цѣлое. Та и другая была основаніемъ политики Іоанна III; къ той же цѣли неутомимо стремился и сынъ его. Въ самомъ началѣ правленія Василій пытался кончить споръ дома Калиты съ родомъ Гедимина за право господства въ западной Руси миролюбивымъ образомъ. Тамъ, по примѣру Польши, утвердилось правленіе избирательное: по смерти каждаго великаго князя, Литовскіе чины предлагали корону тому, кто казался имъ болѣе достойнымъ; но сеймъ уже считалъ себя вправѣ располагать престоломъ по произволу. Василій пом-

нилъ доброжелательство цѣлыхъ городовъ и областей Заднѣпровской Руси къ отцу его, и по смерти Александра, умершаго вскорѣ послѣ Іоанна, изъявилъ Литовско-Русскимъ 1506.
вельможамъ намѣреніе быть ихъ государемъ, чтобы прекратить семейную распрю двухъ народовъ единоплеменныхъ и единовѣрныхъ. Но прежде, чѣмъ узнали въ Вильнѣ о желаніи государя Московскаго, братъ Александровъ Сигизмундъ I былъ уже объявленъ великимъ княземъ Литовскимъ и въ слѣдъ за тѣмъ королемъ Польскимъ. Василій не хотѣлъ отказаться отъ правъ своего дома на Смоленскъ, Кіевъ, Волынь. Сигизмундъ думалъ возвратить то, что уже пріобрѣлъ Іоаннъ. Важное обстоятельство ускорило разрывъ: знатнѣйшій изъ Литовскихъ вельможъ, князь Михаилъ Глинскій искалъ чести служить государю Московскому и съ двумя братьями отдался въ его покровительство, обѣщая легкое завоеваніе Кіева и Волыни. Наши войска перешли за Днѣпръ и достигли до самой Вильны. Сигизмундъ успѣлъ однакожъ выставить многочисленную рать и вооружить на Россію Хана Крымскаго. Избѣгая борьбы слишкомъ трудной, государь согласился заключить миръ. Король утвердилъ за нимъ 1508.
навсегда пріобрѣтенія Іоанновы. Но согласіе было непродолжительно: Сигизмундъ нарушалъ договоръ явнымъ недоброжелательствомъ къ Василію, оскорблялъ его сестру, вдовствующую королеву Елену, приставивъ къ ней даже стражу, старался разсорить его съ братьями, главное же подстрекалъ Крымскихъ Татаръ къ впаденіямъ въ Россію. Началась вторая война кровопролитнѣе первой: она продолжалась 10 лѣтъ. Василію помогали императоръ Германскій Максимиліанъ и гермейстеръ Ливонскій, заключившіе съ нимъ дружественный договоръ; Сигизмундъ имѣлъ союзника болѣе дѣятельнаго въ Крымскомъ ханѣ, коего вооружилъ противъ насъ обязательствомъ платить ежегодно по 15,000 червонцевъ. Успѣхъ былъ то на той, то на другой сторонѣ. Василій, самъ предводительствуя войскомъ, два раза подступалъ къ Смоленску: жители изъявляли живѣйшее желаніе покориться ему; но твердость Литовскаго воеводы Салогуба удерживала ихъ; наконецъ, когда государь подступилъ въ третій разъ, они сдались ему добровольно, безъ боя. Сигизмундъ въ свою очередь одержалъ надъ Московскими полками блестящую побѣду: знаменитый плѣнникъ нашъ, князь Константинъ Острожскій, обласканный Василіемъ, давъ клят- 1514.
ву не измѣнять ему, передался къ непріятелямъ, принялъ

главное начальство надъ Литовскими полками и при Оршѣ разбилъ наголову все наше войско, положивъ на мѣстѣ до 30,000 человѣкъ, взявъ въ плѣнъ всѣхъ воеводъ, овладѣвъ обозомъ, знаменами, огнестрѣльнымъ снарядомъ. Впрочемъ это пораженіе не имѣло дальнѣйшихъ послѣдствій: Острожскій тщетно подступалъ къ Смоленску и не могъ овладѣть имъ; князь Василій Шуйскій, поддерживаемый усердіемъ народа, отстоялъ городъ. Государь между тѣмъ пріобрѣлъ новаго союзника въ великомъ магистрѣ Тевтонскомъ, Албрехтѣ Бранденбургскомъ, желавшемъ освободить Пруссію отъ Польши. Мы оправились отъ Оршинскаго пораженія. Война возобновилась съ новыми усиліями; тщетно Максимиліанъ чрезъ посла своего барона Герберштейна предлагалъ свое посредничество къ заключенію мира: государь требовалъ Кіева, Витебска, Полоцка, и хотя впаденіе Крымскихъ Татаръ, вмѣстѣ съ Казанскими дошедшихъ до самой Москвы, побудило его согласиться на пятилѣтнее перемиріе, въ
1522 послѣдствіи, при посредничествѣ Карла V, возобновленное еще на 6 лѣтъ и утвердившее за нимъ Смоленскъ; при всемъ томъ онъ не отказался отъ правъ своихъ на Кіевъ, Полоцкъ, Витебскъ и другіе города, искони принадлежавшіе роду Владиміра св.

и съ Крымомъ

Главною виною нашихъ неудачъ въ войнѣ съ Сигизмундомъ были неоднократныя вторженія Крымскихъ Татаръ въ восточные предѣлы. Со временъ Василія начинаются губительные набѣги ихъ. Менгли Гирей, столь усердно служившій Іоанну III, пережилъ своего союзника и желалъ съ тою же ревностію служить сыну его; но отягченный старостію, не могъ унять ни мурзъ, ни самыхъ дѣтей, которые за Польское золото охотно брались опустошать наши предѣлы и доходили до самой Рязани; сверхъ того и самъ былъ не доволенъ скудными дарами; тѣмъ бѣдственнѣе стали ихъ
1515. вторженія по смерти Менгли Гирея: сынъ его, Магметъ Гирей вздумалъ даже возобновить мнимое право Чингизовыхъ потомковъ на господство въ Россіи, хотѣлъ быть судьею между Василіемъ и Сигизмундомъ, раздавалъ имъ города, требовалъ отъ насъ дани. Россія, укрѣпленная самодержавіемъ, не могла страшиться прежняго ига, и Василій съ презрѣніемъ отвергнулъ посредничество хана; тѣмъ не менѣе дерзкіе замыслы Магметъ Гирея были для насъ весьма тягостны. Онъ успѣлъ посадить на престолъ Казанскій брата своего Саипъ Гирея, изгнавъ оттуда нашего присяж-

ника Шигъ Алея; господствовалъ въ Астрахани и такимъ
образомъ могъ двинуть на насъ всѣ орды, возникшія изъ
древняго Батыева царства. Въ то время, когда главныя си-
лы наши были на западной границѣ, Магметъ Гирей со всѣ-
ми подвластными ордами нечаянно бросился на Москву, раз-
билъ нашихъ воеводъ при Окѣ и осадилъ столицу. Чтобы 1521.
спасти ее отъ разрушенія, бояре Московскіе дали хану бо-
гатый окупъ и отъ имени государя, безъ вѣдома его, обя-
зались договорною грамматою платить въ Крымъ ежегодную
дань. На возвратномъ пути Магметъ Гирей подступилъ къ
Рязани, чтобы и съ нее взять также окупъ; но воевода Ря-
занскій, мужественный Хабаръ Симскій, счастливымъ уда-
ромъ смялъ Татаръ и отбилъ постыдную граммату, доказавъ
отечеству, что времена Батыевы возобновиться не могутъ.
Вскорѣ самъ Магметъ Гирей палъ подъ ножами Ногайскихъ
мурзъ. Крымъ на долгое время сталъ жертвою кровопро-
литныхъ войнъ междоусобныхъ.

Кромѣ затруднительной борьбы съ Крымскимъ ханомъ, дру- Война съ
гое важное обстоятельство побудило великаго князя оста- занью.
вить до времени Сигизмунда обладателемъ западной Руси,
опасность государства съ восточной стороны. Съ тѣхъ поръ,
какъ Іоаннъ Великій наложилъ на царство Казанское свою
руку, оно не могло избавиться отъ нашей власти, но еще
упорствовало въ совершенномъ подданствѣ. Самъ Іоаннъ
предъ концемъ жизни, на смертномъ одрѣ, долженъ былъ
заботиться о смиреніи присяжника своего Магметъ Аминя,
который по внушеніямъ лукавой жены, взволновалъ поддан-
ныхъ и вторгался въ предѣлы Нижегородскіе. Василій, по- 1505.
стоянно вѣрный правиламъ отца, не хотѣлъ упустить изъ
рукъ столь важнаго пріобрѣтенія, и въ самомъ началѣ пра-
вленія принудилъ Магметъ Аминя раскаяться, обязавъ его
признать свою зависимость отъ государя Московскаго. Око-
ло 15 лѣтъ Казанцы были смирны. По смерти Магметъ Ами- 1519.
ня, уланы и мурзы ихъ просили себѣ новаго царя отъ ру-
ки великаго князя. Онъ далъ имъ юнаго Шигъ Алея. Даль-
новидная политика руководствовала симъ выборомъ: Шигъ
Алей, воспитанный въ Москвѣ, усердно преданный Василію,
былъ внукъ Ахмата, послѣдняго хана Золотой орды, и слѣ-
довательно естественный врагъ хана Крымскаго, уже опас-
наго намъ своими замыслами. Магметъ Гирей, желавшій ви-
дѣть на Казанскомъ престолѣ брата своего Саипа, умѣлъ
возмутить строптивый народъ, который, негодуя на Алея

за усердную преданность великому князю, выгналъ его и съ радостію принялъ Саипа. Новый царь, поддерживаемый братомъ, утвердился на престолѣ, не хотѣлъ слышать о подданствѣ государю Московскому, безъ милосердія истреблялъ нашихъ купцовъ, рѣзалъ самыхъ посланниковъ, осаждалъ Москву вмѣстѣ съ братомъ. Василій спѣшилъ воспользоваться неустройствами Крыма и двинулъ всѣми силами, чтобы исхитить Казань изъ власти непріязненнаго намъ рода. Саипъ не могъ удержаться на престолѣ и бѣжалъ въ
1524. Крымъ; народъ однакожъ отказался принять Шигъ Алея и съ величайшимъ упорствомъ стоялъ за племянника Саипова, Сафа Гирея. Государь не хотѣлъ видѣть и его на престолѣ; снова двинулъ всѣми силами; послѣ кровопролитныхъ битвъ, Сафа Гирей также удалился. Казанцы смирились: Василій
1530. далъ имъ въ цари меньшаго брата Шигъ Алеева, Еналея, который обязался быть присяжникомъ его и до того простеръ покорность, что даже не могъ жениться безъ воли государя Московскаго. Усмиреніе Казани, озаботивъ послѣдніе годы Василіевой жизни, отвлекло его вниманіе отъ главной цѣли, отъ западной Руси.

Конецъ удѣламъ.

Тѣмъ успѣшнѣе слѣдовалъ Василій политикѣ отца въ стремленіи къ единодержавію. Въ началѣ его государствованія, Псковъ, князь Рязанскій, также присоединившіеся отъ Литвы князья Сѣверскій и Стародубскій еще пользовались тѣнью самостоятельности; Іоаннъ оставилъ имъ старинное право внутренняго управленія, судебной власти и сбора податей,— Пскову въ благодарность за постоянное усердіе гражданъ, изъявлявшихъ всегда готовность служить ему безпрекословно; князю Рязанскому, по особенной благосклонности къ супругѣ его, родной сестрѣ своей Аннѣ; князьямъ Сѣверскому и Стародубскому изъ опасенія, чтобы они не возвратились въ подданство государю Литовскому; главное же, Іоаннъ не трогалъ ихъ старины, по явному усердію ихъ къ Москвѣ. Василій равнымъ образомъ не имѣлъ повода гнѣваться на нихъ: Псковъ былъ щитомъ Москвы на западѣ; князь Сѣверскій Василій Шемякинъ грозою Крыма; князь Рязанскій терпѣливо сносилъ присоединеніе цѣлой трети своего княжества къ Московскому и не ссорился съ Василіемъ за принятіе имъ титула князя Рязанскаго. Но самая тѣнь отдѣльной самостоятельности была несогласна съ системою единодержавія, и сынъ Іоанновъ искалъ только предлога, чтобы, рушивъ окончательно удѣльную систему, во всѣхъ

областяхъ установить одинакій образъ государственнаго управленія. Внутреннія несогласія Псковитянъ и смиренныя жалобы ихъ на великокняжескихъ намѣстниковъ, послужили поводомъ къ обвиненію ихъ въ строптивости. Василій безъ всякаго кровопролитія, однимъ повелѣніемъ уничтожилъ народное вѣче, отмѣнилъ званіе посадника и сравнилъ Псковъ съ прочими городами, давъ ему Московскихъ сановниковъ для суда, расправы и сбора податей. Благоразумные Псковитяне сами видѣли необходимость такой мѣры, и хотя съ сожалѣніемъ, но безъ упорной борьбы, разстались съ своею
стариною. Князь Рязанскій, Іоаннъ, былъ обвиненъ въ не- 1510.
пріязненныхъ сношеніяхъ съ Крымомъ, явился въ Москву
для оправданія, былъ заключенъ въ темницу, оттуда бѣ- 1521.
жалъ въ Литву, и тамъ умеръ въ неизвѣстности. Еще горшая участь постигла послѣдняго удѣльнаго князя, Василія Шемякина Сѣверскаго, бывшаго бичемъ Татаръ Крымскихъ: оклеветанный недоброжелателями, въ особенности родственникомъ и сосѣдомъ своимъ, Симеономъ Стародубскимъ, въ тайныхъ связяхъ съ Литовскимъ государемъ, онъ безъ страха явился въ Москву, представилъ несомнѣнныя доказательства своей невинности, съ честію возвратился въ удѣлъ и по прежнему служилъ отечеству; но чрезъ пять лѣтъ, снова обвиненный въ измѣнѣ, опять добровольно явился въ Москву на судъ и уже не возвращался: онъ умеръ въ темницѣ. 1526

Смертью Шемякина пресѣклись удѣлы въ нашемъ отечествѣ. Братья Васильевы, получивъ по завѣщанію отца, особенные города, но не имѣя правъ владѣтельныхъ, не тревожили великаго князя, какъ было прежде, безконечными спорами за границы обоюдныхъ владѣній, за раздѣлъ доходовъ; не грозили союзами съ Литвою, не смѣли даже думать объ утвержденіи за собою договорными грамматами назначенныхъ отцемъ участковъ и усердною службою государю устраняли всякій поводъ къ неудовольствію. Наконецъ Василій подтвердилъ самымъ торжественнымъ и положительнымъ образомъ уставъ Димитрія о наслѣдствѣ престола по праву первородства въ прямой нисходящей линіи, назначивъ преемникомъ старшаго сына своего, трехлѣтняго Іоанна, рожденнаго отъ второй супруги его, Елены Васильевны Глинской; братья великаго князя, наравнѣ со всѣми подданными, обязались повиноваться младенцу-государю безпрекословно[1].

[1] Первою супругою его была Соломонія изъ дома Сабуровыхъ. Послѣ 20 лѣтняго брака, Василій развелся съ нею за неплодіе, силою постригъ ее въ Суздальскій монастырь и женился на

III. ІОАННЪ IV *.

1533 — 1584.

авленіе Елены. 533 — 1538. Пятидесятилѣтнее государствованіе сына Василіева Іоанна Грознаго представляетъ три картины, отличающіяся одна отъ другой рѣзкими чертами: юность его ознаменована жестокосердіемъ матери, беззаконнымъ властолюбіемъ бояръ, несчастіями внѣшними и внутренними; лѣта зрѣлаго мужества озарены славою побѣдъ, мудрою политикою, внутреннимъ благоустройствомъ; на старости онъ былъ грозою болѣе подданныхъ, чѣмъ враговъ отечества.

По завѣщанію отца, Іоаннъ долженъ былъ находиться подъ опекою матери и бояръ до пятнадцатилѣтняго возраста. Елена правила государствомъ съ небольшимъ 4 года, опираясь на государственную думу, состоявшую изъ братьевъ Василіевыхъ и 20 знатнѣйшихъ вельможъ, въ числѣ которыхъ были князья Бѣльскіе, Шуйскіе, Глинскіе, Оболенскіе, Одоевскіе; болѣе же другихъ имѣлъ силы наперсникъ великой княгини Овчина-Телепневъ Оболенскій. Въ дѣлахъ внѣшнихъ Елена не уклонялась отъ политики своего супруга: безъ потери продолжала войну съ Сигизмундомъ I, хотѣвшимъ возвратить утраченныя области, и принудила его къ пятилѣтнему перемирію, уступивъ одинъ Гомель и удержавъ новыя крѣпости Себежъ и Заволочье; не страшилась угрозъ
1537 хана Крымскаго и напрягала всѣ силы къ утвержденію Русскаго владычества въ Казани, гдѣ мурзы, умертвивъ Еналея и призвавъ снова Сафа Гирея, хотѣли избавиться отъ опеки Московскаго двора; между тѣмъ новыми договорами укрѣпляла дружественные союзы съ императоромъ Германскимъ Карломъ V, съ королемъ Шведскимъ, съ господаремъ Молдавскимъ и съ султаномъ; заботилась равнымъ

Еленѣ. Этотъ разводъ съ женою невинною и добродѣтельною заслужилъ укоризну современниковъ. Сильнѣе всѣхъ говорилъ въ защиту Соломоніи мужъ ученый и образованный Максимъ Грекъ. Вызванный великимъ княземъ изъ славной обители на Аѳонской горѣ, для разсмотрѣнія и перевода древнихъ Греческихъ рукописей, хранившихся во дворцѣ, Максимъ съ жаромъ и любовію принялся за это дѣло, разобралъ драгоцѣнную библіотеку великокняжескую, какой, по словамъ его, не было ни въ Греціи, ни въ Италіи, нѣкоторыя книги перевелъ (напрям. Толковую псалтирь), кромѣ того написалъ до 150 ученыхъ разсужденій богословскаго содержанія, доселѣ любопытныхъ рѣзкимъ изображеніемъ современныхъ нравовъ, сдѣлался любимцемъ государя и заступникомъ людей, невинно гонимыхъ. Неосторожное ходатайство за Соломонію дало средство многочисленнымъ завистникамъ погубить его. Онъ заточенъ въ Тверской монастырь, откуда лѣтъ черезъ 20 переведенъ въ Троицко-Сергіеву лавру, гдѣ и умеръ въ 1556 г.

* Царственная книга или Московская лѣтопись съ 1533 до 1560, составленная по всей вѣроятности подъ надзоромъ Адашева, напеч. Щербатовымъ. — Сказанія кн. Курбскаго, Спб. 1833. — Акты, изд. гр. Румянцовымъ и Археогр. коммиссіею.

образомъ о внутреннемъ устройствѣ: строила, возобновляла, укрѣпляла города; населяла пустыни выходцами Литовскими и установила лучшую монетную систему, истребивъ старинныя, разнообразныя деньги и повелѣвъ изъ фунта серебра чеканить 6 рублей. Одно только пятно очерняетъ ея память: чтобы утвердить себя и сына на престолѣ, она безъ жалости губила братьевъ своего супруга, не пощадивъ и собственнаго дяди: Юрій Іоанновичъ Дмитровскій, Андрей Іоанновичъ Старицкій и князь Михаилъ Глинскій, единственно по навѣтамъ наушниковъ, безъ всякой вины, были ввержены въ темницы и тамъ погибли.

Преждевременная смерть Елены, не взирая на жестокость ея характера, на общую нелюбовь къ ней, была для отечества великимъ несчастіемъ: государство осталось безъ правителя. Іоанну не было и 8 лѣтъ; боярская дума имѣла право опеки, по завѣщанію Василія; но въ самыхъ республикахъ всегда господствуетъ одинъ умъ; тѣмъ менѣе можно было ожидать добраго отъ правленія двадцати сановниковъ въ государствѣ, основаніемъ котораго было единодержавіе. Ни одинъ изъ вельможъ, окружавшихъ престолъ юнаго Іоанна, не возвышался надъ другими блестящимъ талантомъ: всѣ они стремились къ господству, и каждый встрѣчалъ многихъ соперниковъ, не уступавшихъ ни въ честолюбіи, ни въ дарованіяхъ, ни въ числѣ приверженцевъ. Дворъ раздѣлялся на партіи; соперники тѣснили другъ друга; нерѣдко схватывались съ оружіемъ въ рукахъ: сильные давили слабыхъ и въ свою очередь падали подъ ударами сильнѣйшихъ; каждая сторона, взявъ верхъ, спѣшила воспользоваться беззаконною властію, грабила города и цѣлыя области: народъ, страдая отъ лихоимцевъ, отъ корыстолюбивыхъ олигарховъ, въ тоже время съ трепетомъ видѣлъ опустошеніе отечества иноплеменниками. Правленіе вельможъ продолжалось около 10 лѣтъ. Правленіе вельможъ. 1538—1547.

Сначала присвоилъ верховную власть старшій изъ бояръ, князь *Василій Шуйскій*; за нимъ братъ его *Иванъ*. Самовластно повелѣвая въ думѣ, они заключали вельможъ въ темницы, расхищали казну; грабили своими клевретами все государство, свергли митрополита Даніила и съ дерзкимъ нахальствомъ обходились съ самимъ государемъ. Шуйскіе.

Князь *Иванъ Бѣльскій*, ходатайствомъ новаго митрополита Іосафа освобожденный изъ темницы, успѣлъ составить сильную партію, устранилъ князя Ивана Шуйскаго отъ Бѣльскіе.

правленія и, присвоивъ верховную власть, господствовалъ съ братьями умѣреннѣе прежнихъ олигарховъ: уничтожилъ многіе незаконные налоги, введенные его предшественниками, облегчилъ участь невинныхъ узниковъ, въ томъ числѣ двоюроднаго брата Іоаннова Владиміра Андреевича Старицкаго, и мужественнымъ отпоромъ хану Крымскому Саипъ Гирею на берегахъ Оки спасъ отечество отъ разоренія.
1541. Власть его, къ сожалѣнію, продолжалась не болѣе года.

Шуйскіе. *Иванъ Шуйскій* съ вооруженными клевретами ворвался въ государевъ дворецъ, схватилъ Бѣльскаго, митрополита, всѣхъ приверженцевъ умѣренной партіи, и разославъ ихъ въ
1544. заточеніе, снова сталъ главою государства: начались прежнія смуты и козни. Пресыщенный властію, онъ добровольно удалился и сдалъ правленіе ближнимъ родственникамъ своимъ, главою которыхъ былъ *Андрей Шуйскій*, деспотъ наглый и свирѣпый. Въ присутствіи государя, бывшаго уже 13 лѣтъ, онъ едва не замучилъ любимца его Воронцова; самое ближнее родство съ царскимъ семействомъ не спасало никого отъ подозрительнаго олигарха.

Глинскіе. Опасаясь ссылки, или казни, и наравнѣ съ другими стремясь къ верховной власти, дяди Іоанновы, князья *Глинскіе* Юрій и Михайло Васильевичи, успѣли низринуть Шуйскаго
1543. и сами заступили его мѣсто. Въ свою очередь прикрывая замыслы властолюбія волею государя, они безъ пощады преслѣдовали опасныхъ достоинствомъ вельможъ и многимъ изъ нихъ отрубили головы. Правленіе ихъ ознаменовано безпрерывными опалами: они погубили Шуйскаго Скопина, Темкина, Головина, Бутурлина, Кубенскаго, Палецкаго, Воронцова, Горбатаго и другихъ.

Воспитаніе Іоанна. Десятилѣтнее вельможедержавіе оставило два вредныя слѣдствія. Первымъ было униженіе государства извнѣ: бояре, занятые своими распрями, не могли съ успѣхомъ поддерживать планы Іоанна Великаго; утратили прежнее вліяніе на Казань, трепетали хана Крымскаго, который въ правленіе ихъ казался народу вторымъ Мамаемъ, и равнодушно смотрѣли на господство Поляковъ въ западной Руси. Еще пагубнѣе было другое слѣдствіе, небрежное воспитаніе Іоанна. Съ быстрымъ умомъ, съ твердою волею соединяя пылкое воображеніе, сильныя страсти, онъ могъ быть великимъ государемъ при тщательномъ надзорѣ, при постоянномъ направленіи къ добродѣтели; бояре дѣйствовали именно на перекоръ: въ порывахъ своеволія, оскорбляя его

дерзостію, вкореняя въ младую душу его ненависть къ самимъ себѣ, къ своимъ дѣтямъ и внукамъ, они въ тоже время не обуздывали въ немъ страстей, чтобы угожденіемъ самымъ вреднымъ наклонностямъ быть для него необходимыми. Наслѣдовавъ отъ матери крутой нравъ, Іоаннъ уже въ забавахъ обнаруживалъ какое то жестокосердіе; бояре не только не заботились о смягченіи его характера, но еще болѣе ожесточали оный: забавлялись, когда онъ травилъ собаками своихъ царедворцевъ, или топталъ конемъ народъ. Этого мало: уже съ малолѣтства они пріучили его къ опаламъ, и съ радостію смотрѣли, какъ онъ срывалъ головы съ ихъ совмѣстниковъ.

Достигнувъ совершеннолѣтія, Іоаннъ хотѣлъ самъ править государствомъ, и свою власть освятилъ торжественнымъ обрядомъ: въ 1547 году онъ вѣнчался на *царство* въ Успенскомъ храмѣ, принявъ титулъ *царя*, съ которымъ у насъ соединяли идею неограниченнаго самодержца; но въ слѣдствіе нерадиваго воспитанія, онъ не зналъ ни высокаго назначенія своего, ни истинныхъ потребностей государства, страдавшаго и отъ царскихъ сановниковъ, и отъ внѣшнихъ непріятелей; проводилъ время въ шумныхъ забавахъ, игралъ милостями и опалами, слушалъ однихъ льстецовъ и наушниковъ. Глинскіе по прежнему держали въ рукахъ своихъ кормило правленія, заслуживая всеобщую ненависть корыстолюбіемъ клевретовъ, неправымъ судомъ, жестокими казнями. Къ счастію Россіи, судьба послала ему иныхъ руководителей, которые хотя не могли искоренить вредныхъ сѣмянъ, но умѣли въ продолженіе 13 лѣтъ вести его путемъ славы и добродѣтели и сдѣлать много для отечества. 1547.

Вскорѣ послѣ царскаго вѣнчанія, при дворѣ и во всемъ государствѣ произошла незапная перемѣна: Глинскіе лишились своей власти, клевреты ихъ удалены, во дворцѣ умолкли шуты и скоморохи; мѣсто ихъ заступили мужи умные и добродѣтельные. Правительство обнаружило необыкновенную дѣятельность въ дѣлахъ внутреннихъ и внѣшнихъ; каждое дѣйствіе его стало выражать мудрую политику, ясную идею о потребностяхъ государства, стремленіе къ благу отечества; однимъ словомъ возобновилось время Іоанна Великаго. Виновникомъ столь благодатной перемѣны былъ Новгородскій іерей Сильвестръ. Онъ сблизился съ государемъ по случаю великаго пожара, испепелившаго Москву. Сильвестръ Адашевъ.

21 іюня 1547. Приписывая бѣдствіе чарамъ Глинскихъ (по разглашеніямъ Шуйскихъ, которые хотѣли удалить ихъ, чтобы самимъ первенствовать), разъяренная чернь съ неистовствомъ преслѣдовала мнимыхъ чародѣевъ и одного изъ Глинскихъ, Юрія, дядю государя, умертвила въ Успенскомъ храмѣ. На пепелищѣ Москвы открылся страшный бунтъ. Въ то время, когда Іоаннъ, удалясь на Воробьевы горы, съ трепетомъ слышалъ вопли мятежниковъ, приходитъ къ нему Сильвестръ, укоряетъ его въ сильныхъ выраженіяхъ, грозитъ новымъ гнѣвомъ небеснымъ, потрясаетъ его душу. Одаренный отъ природы умомъ здравымъ, Іоаннъ какъ будто очнулся, постигъ всю бездну зла, въ которую ввергли его недостойные любимцы, и рѣшился быть инымъ человѣкомъ, отцемъ своихъ подданныхъ, государемъ въ точномъ смыслѣ.

Укротивъ мятежъ и очистивъ совѣсть смиреннымъ покаяніемъ предъ соборомъ святителей, юный царь созвалъ въ Москву выборныхъ чиновъ изъ всѣхъ сословій, и сопровождаемый духовенствомъ, дворомъ, вышелъ къ нимъ на Лобное мѣсто: въ трогательной рѣчи изобразилъ неустройства прежняго времени, обѣщалъ предать забвенію все прошедшее и быть *царемъ правды*. Онъ сдержалъ свое слово. Престолъ его окружили люди ревностные ко благу отечества. Выше всѣхъ не знатностію сана, а довѣренностію государя, стояли два незабвенные мужа, Сильвестръ и Адашевъ. *Сильвестръ*, сохранивъ простое званіе іерея, былъ душою правленія, виновникомъ всѣхъ благихъ предначертаній Іоанна, стражемъ его добродѣтели. Окольничій Алексѣй *Адашевъ*, столь же безкорыстный, неискавшій ни чиновъ, ни богатства, равно преданный царю и отечеству, искусный дипломатъ, храбрый воинъ, пользуясь дружбою Іоанна и никогда не употребляя ея во зло, былъ блюстителемъ правосудія въ государствѣ, велъ переговоры съ иноземными послами и неоднократно съ блестящимъ успѣхомъ предводительствовалъ войскомъ. Соединенные постоянною дружбою, одною мыслію объ отечествѣ, они тѣмъ скорѣе могли поставить Іоанна на путь добродѣтели, что имъ помогала царица *Анастасія Романовна*, дочь боярина Романа Юрьевича Захарьина, государыня умная, благонравная, кротостію своего характера смягчавшая суровый нравъ супруга и обуздывавшая его страсти. Сильвестръ и Адашевъ нашли государю людей, равно искусныхъ и въ государственномъ управленіи и на полѣ ратномъ. Главнымъ вождемъ былъ князь Михаилъ Во-

ротынскій, герой Казани, гроза Татаръ Крымскихъ: ему не уступали ни въ мужествѣ, ни въ усердіи къ престолу Иванъ Шереметевъ, князь Александръ Горбатый-Суздальскій, Серебряный-Оболенскій, Щенятевъ, Пронскій, Курбскій, братья царицы Захарьины и многіе другіе. Митрополитъ Макарій, умный и образованный, ревностно содѣйствовалъ Сильвестру и Адашеву [1].

Руководимый совѣтами Сильвестра и Адашева, Іоаннъ прежде всего обратилъ вниманіе на внутреннее состояніе державы, разстроенной въ его малолѣтство, повелѣвъ боярской думѣ и собору святителей принять мѣры къ *земному строенію* или государственному устройству. Воля его была исполнена съ безпримѣрною дѣятельностію и съ вожделѣннымъ успѣхомъ: въ короткое время изданы важные законы, обнимавшіе многія условія жизни общественной, законы тѣмъ болѣе достопамятные, что основаніемъ ихъ служила ясная идея о потребностяхъ государства, о доброй нравственности, о необходимости образованія. Правительство болѣе всего заботилось о правосудіи: собравъ, исправивъ, дополнивъ законы, въ особенности Уложеніе Іоанна III и отдѣльныя уставныя грамматы, оно ввело во всемъ государствѣ общую систему уголовныхъ законовъ, подъ названіемъ *Судебника* [2]. Здѣсь весьма ясно и подробно означены всѣ роды преступленій, опредѣлена мѣра наказаній и отвѣтственность судей. Подданные ограждены были отъ самовластія намѣстниковъ мудрымъ постановленіемъ: городамъ и селамъ даровано право изъ лучшихъ гражданъ избирать старостъ и цѣловальниковъ, или присяжныхъ, для суда народнаго вмѣстѣ съ царскими сановниками. Чистота нравовъ была другимъ не менѣе важнымъ предметомъ заботливости правительства: соборнымъ дѣяніемъ, извѣстнымъ подъ именемъ *Стоглава*, оно установило правила церковнаго благочинія, искоренило разные соблазны, обуздало суевѣріе, и старалось поставить духовенство на такую степень, чтобы оно служило примѣромъ для мірянъ [3]. Но какъ благотворное вліяніе самыхъ мудрыхъ законовъ зависитъ отъ

Внутреннее устройство.

Судебникъ.

Стоглавъ.

1. Онъ велѣлъ перевести Греческую Минею и прибавивъ къ ней Житія святыхъ Русскихъ, установилъ для нихъ соборомъ 1547 службу и празднества; приказалъ сочинить Степенную книгу отъ Рюрика до 1559, первый сводъ нашихъ лѣтописей, и способствовалъ учрежденію первой въ Москвѣ типографіи.

2. Лучшее изданіе въ Актахъ Археографич. коммиссіи.

3. Стоглавъ, заключающій въ себѣ многія любопытныя черты нравовъ вѣка, еще не изданъ: отдѣльныя статьи его напечатаны въ Актахъ Археограф. коммиссіи.

исполненія ихъ, а чистота нравовъ неразлучна съ образованіемъ ума, то правительство приняло мѣры къ достиженію того и другаго; для первой цѣли учреждена была въ нѣкоторомъ смыслѣ исправительная полиція; главою ея былъ Алексѣй Адашевъ: онъ принималъ жалобы отъ всякаго обиженнаго и докладывалъ ихъ государю; другіе довѣренные сановники наблюдали за тишиною общественною, преслѣдовали пьянство, буйство и разные пороки: городамъ и селамъ дозволено избирать, для наблюденія за земскою исправою, сотскихъ и пятидесятниковъ изъ гражданъ извѣстныхъ честностію. Для второй цѣли, для образованія подданныхъ, положено было завести народныя училища въ Москвѣ и другихъ городахъ. Этого мало: Іоаннъ поручилъ Саксонцу Шлиту набрать въ Германіи для царской службы ремесленниковъ, художниковъ, лекарей, типографщиковъ, людей искусныхъ въ языкахъ и наукахъ. Завистливая политика Ганзы и Ливонскихъ рыцарей, опасавшихся нашего просвѣщенія, разрушила великій планъ Іоанновъ, и Шлитъ не успѣлъ исполнить его порученія [1]. При всемъ томъ доказательствомъ мудрой заботливости его о просвѣщеніи подданныхъ служитъ основаніе первой у насъ типографіи въ Москвѣ. Въ 1553 царь повелѣлъ устроить особенный домъ книгопечатанія въ Никольской улицѣ, подъ руководствомъ двухъ мастеровъ, діакона Ивана Ѳедорова и Петра Тимоѳеева Мстиславца, которые въ 1564 году издали *Дѣянія и посланія Апостоловъ*, древнѣйшую изъ книгъ, напечатанныхъ въ Россіи [2].

Училища.

Войско

Внѣшняя безопасность государства была обезпечена лучшимъ устройствомъ войска. Слѣдуя примѣру дѣда, Іоаннъ роздалъ земли на пространствѣ 60 и 70 верстъ отъ Москвы боярамъ, окольничимъ, дворянамъ, дѣтямъ боярскимъ, съ тѣмъ, чтобы, по первому требованію, они выступали въ походъ съ опредѣленнымъ числомъ вооруженныхъ ратниковъ. Такимъ образомъ главныя военныя силы сосредоточились въ окрестностяхъ столицы. Въ послѣдствіи, онъ велѣлъ измѣрить все государство и уравнять помѣщиковъ землями, смотря по ихъ заслугамъ и достоинствамъ; назначилъ рат-

1. Съ дозволенія императора Карла V, онъ нанялъ въ Нѣмецкой землѣ болѣе 120 художниковъ и ученыхъ и отправился въ Россію. Любскій сенатъ посадилъ его въ темницу: спутники его разсѣялись.

2. По смерти Макарія, гонимые невѣжествомъ, Ѳедоровъ и Мстиславецъ удалились изъ Россіи, милостиво были приняты королемъ Сигизмундомъ, завели типографію во Львовѣ, въ послѣдствіи въ Острогѣ, гдѣ въ 1581 году напечатали всю библію, извѣстную подъ именемъ Острожской.

нымъ людямъ денежное жалованье на время похода, опредѣливъ для того подать на городскіе промыслы и отмѣнивъ за то судные платежи; учредилъ безсмѣнную рать, подъ именемъ Стрѣльцовъ, и ввелъ строгую подчиненность, запретивъ воеводамъ считаться родословными правами. Слѣдствія этихъ мѣръ были неисчислимы: съ одной стороны правительство знало свои силы; знало, кто обязанъ былъ военною службою, и въ какомъ числѣ могъ выставить войско каждый городъ; съ другой стороны отмѣна судныхъ платежей имѣла благопріятное вліяніе на правосудіе, устранивъ поводъ къ лихоимству; а ровная раздача помѣстьевъ дала нѣсколькимъ тысячамъ людей способныхъ средства быть полезными отечеству. Въ случаѣ надобности мы выводили въ поле до 300,000 человѣкъ, исправно вооруженныхъ.

Борьба съ Татарами.

Въ дѣлахъ внѣшней политики совѣтники Іоанновы имѣли цѣль высокую: хотѣли поставить Русское царство на степень первенствующей державы въ восточной Европѣ. Для достиженія этой цѣли, они считали необходимымъ прежде всего избавить отечество отъ тягостнаго сосѣдства Татарскихъ народовъ, и все свое вниманіе обратили на царства, возникшія изъ Золотой орды. Правительство наше болѣе, чѣмъ когда либо, смотрѣло на Татаръ, какъ на чуждыхъ пришельцевъ, какъ на злодѣевъ Русской земли, непримиримыхъ враговъ креста Господня. Помня опустошительные набѣги ихъ въ правленіе Василія и въ малолѣтство Іоанново, съ непрерывною цѣпью бѣдствій Монгольскаго ига, зная, что Россія только тогда съ успѣхомъ станетъ дѣйствовать въ отношеніи къ западу, когда будетъ безопасна отъ вѣковыхъ губителей своихъ, дворъ Московскій считалъ необходимымъ сокрушить остатки Батыева царства и раздвинуть Русскіе предѣлы до рубежей, указанныхъ самою природою, до хребта Уральскаго, до береговъ Каспійскихъ, до Кавказа и Чернаго моря.

Состояніе Татаръ.

Силы Татаръ сосредоточивались въ трехъ главныхъ пунктахъ: въ Казани, Астрахани и въ Крыму. *Казань*, укрѣпленная неприступными твердынями, которыя не разъ отражали Русское войско, была главою могущественнаго царства. Необширное пространствомъ, заключаясь между Волгою, Уральскимъ хребтомъ, Камою и Самарою, оно кипѣло многолюдствомъ и богатствомъ. Подданные царя Казанскаго, Татары, Чуваши, Мордва, Вотяки, Черемиса, Башкирцы,

славились и хищностію набѣговъ и дѣятельною торговлею. Дворъ его, блистая великолѣпіемъ востока, состоялъ изъ множества князей, мурзъ, улановъ и другихъ сановниковъ. Казанцы болѣе всѣхъ другихъ Татаръ обнаруживали стремленіе къ гражданскому устройству; имъ недоставало одного: опредѣленнаго порядка престолонаслѣдія. Смерть каждаго царя влекла за собою кровавые раздоры. Пользуясь ими, вельможи присвоили право возводить и свергать царей, предавали отечество въ жертву безначалія и открыли путь сосѣдямъ къ вліянію на судьбу Казани. Дворъ Московскій давалъ имъ своего царя, ханы Ногайскіе своего, ханы Крымскіе также. Уступая иногда той, иногда другой сторонѣ, Казанцы не хотѣли однакожъ отказаться отъ независимости и неоднократно обнаруживали грозную силу въ борьбѣ съ нами за свободу отечества.

Астрахань была главою другаго царства Татарскаго, возникшаго въ низовьяхъ Волги, послѣ паденія Ахматовой орды, вѣроятно изъ остатковъ ея: оно далеко уступало Казанскому въ силѣ, даже въ воинственномъ духѣ народа. Тѣснимые съ одной стороны Ногаями, съ другой Крымцами, цари Астраханскіе искали то нашего союза, то покровительства султана Турецкаго, и смотря по обстоятельствамъ, были то друзьями нашими, то врагами.

Гнѣздомъ Татаръ былъ *Крымъ*. Здѣсь они сохранили всю воинственность, всю хищность временъ Батыевыхъ. Не зная, подобно Казанскимъ Татарамъ, выгодъ торговли, они жили однимъ грабежемъ, громили Польшу, Русь западную, Русь восточную, требовали даровъ и отъ Польскаго короля, и отъ Литовскаго князя, и отъ государя Московскаго. Дружба ихъ покупалась вѣсомъ золота: кто болѣе платилъ, того они щадили; кто менѣе, того грабили. Крымскіе ханы уже со временъ Менгли Гирея зависѣли отъ Турецкаго султана [1]. Эта зависимость была для нихъ болѣе выгодна, чѣмъ тягостна: они посылали султану только дары и всегда могли надѣяться на сильную помощь въ случаѣ опасности; самовластвовали въ ордѣ, воевали и мирились съ кѣмъ хотѣли, и какъ потомки Тохтамыша, мечтали даже о правѣ господствовать въ Русской землѣ. Не взирая на отдаленность отъ Москвы, они знали все, что дѣлается въ нашемъ отечествѣ,

1. Въ 1476 году визирь Магомета II явился съ флотомъ у береговъ Крыма, овладѣлъ Кафою, уничтожилъ здѣсь господство Генуэзцевъ, покорилъ весь полуостровъ и увелъ въ плѣнъ Менгли Гирея съ братьями. Султанъ наименовалъ его Крымскимъ ханомъ въ зависимости отъ Порты.

и готовы были явиться съ нѣсколькими тысячами удалыхъ наѣздниковъ подъ стѣнами столицы, при первомъ удобномъ случаѣ.

Покореніе Казани.

Вступая въ борьбу со всѣми ордами Татарскими, Московскій дворъ желалъ не обуздать ихъ, а покорить своей власти. Начали съ Казани. Тамъ, по смерти недруга нашего, Сафа Гирея, настало обыкновенное безначаліе: мурзы и уланы требовали царя отъ Крымскаго хана; нѣкоторые желали дружбы съ Москвою. Іоаннъ, по совѣту бояръ, спѣшилъ воспользоваться неустройствомъ Казани, самъ повелъ войско и осадилъ ее, однакожъ безъ успѣха: враги отбились; мы не хотѣли отказаться отъ своего намѣренія и для вѣрнѣйшаго успѣха основали крѣпость Свіяжскъ, которая могла служить намъ опорою въ военныхъ дѣйствіяхъ. Устрашенные приготовленіями къ новому походу, Казанцы надѣялись выиграть время, и просили себѣ царя отъ руки Іоанна. Государь далъ имъ Шигъ Алея, который былъ только орудіемъ нашей политики и вскорѣ жестокимъ правленіемъ возбудилъ всеобщій ропотъ. Самъ Адашевъ отправился въ Казань, для примиренія царя ея съ народомъ, и такъ искусно велъ переговоры, что Алей согласился оставить престолъ и возвратиться въ Москву, а подданные его изъявили желаніе повиноваться намѣстнику Московскому: Адашевъ далъ имъ князя Микулинскаго. Но Казанцы скоро одумались, не хотѣли слышать о связяхъ съ Москвою и приняли всѣ мѣры къ упорной оборонѣ, избравъ главою царевича Астраханскаго, мужественнаго Едигера. Тогда предпринятъ былъ достопамятный походъ Казанскій: 130,000 воиновъ, 1552.
исправно вооруженныхъ, подъ личнымъ предводительствомъ Іоанна, обложили Казань со всѣхъ сторонъ. Въ продолженіе пяти недѣль, происходили непрерывныя битвы, ознаменованныя отчаяннымъ упорствомъ осажденныхъ, геройскимъ мужествомъ Русскихъ и доблестію воеводъ Іоанновыхъ, Воротынскаго, Горбатаго-Шуйскаго, Микулинскаго, Курбскаго, Пронскаго, Серебрянаго-Оболенскаго и многихъ другихъ. 1 октября 1552 года Казань взята была приступомъ; царь ея Едигеръ попался въ плѣнъ; храбрѣйшіе защитники ея погибли въ сѣчахъ. Іоаннъ, уже не думая возстановлять Казанскаго царства, присоединилъ его къ своей державѣ, назначилъ намѣстника, учредилъ внутреннее управленіе, построилъ церкви, монастыри и установилъ епархію, въ которой первымъ архіепископомъ былъ св. Гурій. Мятежи во- 1553.

зобновлялись; но дѣятельность правительства успѣла укротить ихъ. Мало по малу Казань вошла въ составъ Россіи.

Завоеваніе Астрахани.

Въ слѣдъ за паденіемъ Казанскаго царства, рушилось и Астраханское; оно было покорено безъ всякаго труда: сперва Іоаннъ назначилъ въ Астрахань царемъ Ногайскаго князя Дербыша, какъ своего присяжника; вскорѣ, узнавъ его измѣну, послалъ войско немногочисленное, но подъ начальствомъ дѣятельныхъ воеводъ, к. Пронскаго и храбраго Вешнякова: они изгнали Дербыша и привели въ подданство го-
1554.
сударю весь край Астраханскій.

Слухъ о нашихъ завоеваніяхъ распространился далеко по Азіи: ханы Хивинскій и Бухарскій спѣшили прислать пословъ для заключенія торговыхъ трактатовъ; царь Сибирскій предлагалъ дань; князья Черкесскіе присягнули Іоанну въ вѣрности; земли Шевкалская, Тюменская и Грузинская хотѣли быть въ нашемъ подданствѣ. Безопасность восточныхъ предѣловъ, дѣятельная торговля съ Азіею были неминуемыми слѣдствіями завоеванія царствъ Казанскаго и Астраханскаго. Обезпечивъ себя съ востока, правительство наше немедленно обратило все вниманіе на югъ. Покореніе Крыма казалось столь же необходимымъ для безопасности отечества, какъ и завоеваніе Казани.

Казаки.

Между Крымомъ и южными предѣлами Россіи пролегали необозримыя степи, искони обитаемыя кочевыми народами разныхъ племенъ, вѣръ и названій. До начала XIII столѣтія тамъ являлись Печенѣги, Половцы; въ цвѣтущее время Кипчакскаго царства любили кочевать Татары, которые съ постепеннымъ паденіемъ Золотой орды, мало по малу стали исчезать; вмѣсто ихъ, на берегахъ Дона, Донца, Ворсклы, въ низовьяхъ Днѣпровскихъ, появились люди свободные, Греческой вѣры, Русскаго языка, непризнававшіе надъ собою ни чьей власти; они слушались только своихъ атамановъ, питали непримиримую ненависть къ Татарамъ, тревожили набѣгами Польшу, Литву, Молдавію, не щадили и Россіи: то были *Казаки*. Имя Казаковъ встрѣчается въ нашихъ лѣтописяхъ еще въ половинѣ XV вѣка; такъ назывались въ то время удальцы бездомовные, безсемейные, обрекавшіе себя на подвиги ратные, въ особенности на войну съ басурманами. Чуждаясь всякихъ узъ общественныхъ, они не терпѣли ни селъ, ни городовъ, жили на *украйнахъ* или въ степяхъ, прилегавшихъ къ пограничнымъ городамъ, сто-

рожили ихъ отъ незапнаго нападенія, давая знать о появленіи враговъ, нерѣдко и сами грабили города, которые брались защищать, частію по удальству, частію по неудовольствію. Тотъ же смыслъ соединялся съ именемъ *Казака* и въ западной Руси, гдѣ они впервые появляются въ началѣ XVI вѣка. Такъ были Казаки Мещерскіе, Городецкіе, Касимовскіе, Рязанскіе, Путивльскіе, Рыльскіе, Полоцкіе, Витебскіе. Но главнымъ пунктомъ, гдѣ развилась Казацкая жизнь въ полномъ блескѣ, было низовье Дона : здѣсь образовалось Казацкое общество, въ видѣ особеннаго народа, и отсюда пустило оно отрасли до береговъ Днѣпра, Урала, Кубани. Народъ Казацкій возникъ изъ сліянія разноплеменныхъ людей, искавшихъ необузданной воли; въ составъ его вошли остатки древнихъ Половцевъ, Черкесы, переселившіеся съ Кавказа, Русскіе удальцы, для которыхъ тягостны были законы, бѣглые Поляки, Литовцы, Молдаване, отчасти и Татары, не терпѣвшіе самовластія хановъ. Чудная смѣсь племенъ отразилась въ чертахъ Казаковъ, въ ихъ языкѣ, въ самомъ образѣ жизни : лице ихъ доселѣ выражаетъ нѣчто Азіатское; языкъ состоитъ изъ словъ Русскихъ, Польскихъ, Татарскихъ; безстрашіе въ битвахъ напоминаетъ дѣтей Кавказа, именемъ которыхъ они гордились, называя себя безъ разбора и *Казаками и Черкасами*. Но ближайшее сходство ихъ нарѣчія съ языкомъ Русскимъ, въ особенности вѣра Греческаго закона, бывшая непремѣннымъ условіемъ для каждаго новаго пришельца, вступавшаго въ Казацкое общество, свидѣтельствуетъ, что основаніе ему положили Русскіе.

Не имѣя впрочемъ никакихъ средствъ объяснить рядомъ событій, когда и какъ образовалось на Дону Казачество, знаемъ только достовѣрно, что оно становится особенно замѣтнымъ въ началѣ XVI вѣка, что главнымъ притономъ его былъ городокъ *Раздоры*, при устьѣ сѣвернаго Донца, что оно представляло воинственное братство, имѣвшее свои уставы; стихіею его была война; главнымъ правиломъ вѣчная непріязнь къ басурманамъ и необузданная воля. Атаманъ водилъ Казаковъ въ битвы, дѣлилъ добычу, но имѣлъ весьма ограниченную власть : всѣ дѣла важныя рѣшались общимъ приговоромъ въ Казацкихъ кругахъ.

Подобное братство появилось въ то же время на Днѣпрѣ, за порогами. Главнымъ притономъ его была *Сѣчь*, или укрѣпленный городокъ, находившійся первоначально на островѣ

Хортицѣ. Запорожцы именовали себя и Казаками и Черкасами, исповѣдывали Грекороссійскую вѣру, жили одною добычею, слушались однихъ атамановъ и вели безпрерывную войну съ Крымскими Татарами, защищая отъ ихъ впаденій Русь Литовскую. Сигизмундъ I, въ благодарность за ихъ услуги, дозволилъ имъ селиться въ Каневѣ, Чигиринѣ и Черкасахъ; но городская жизнь была для нихъ тягостна: они приходили въ города только на зиму, лѣтомъ же удалялись въ Запорожье, гдѣ жили на всей волѣ казацкой.

Война съ Крымомъ. Намѣреваясь истребить орду Крымскую, Московскій дворъ склонилъ на свою сторону Донцевъ и Запорожцевъ, обѣщая имъ милость царя православнаго. Тѣ и другіе считали Россію своимъ отечествомъ и охотно взялись служить государю, признавая его своимъ истиннымъ покровителемъ. Зна-
1557. менитый вождь Запорожцевъ, князь Дмитрій Вишневецкій вступилъ въ царскую службу, предлагая не только разорить Крымъ, но и завоевать для Іоанна Кіевъ со всѣми городами Волынскими. Онъ взялъ Очаковъ; между тѣмъ Казаки Донскіе не давали покоя Азову; въ то же время единоплеменники ихъ Пятигорскіе Черкесы, жившіе по берегамъ Кубани и также усердные къ нашему отечеству, овладѣли Таманомъ или древнею Тмутораканью. Ханъ Крымскій Девлетъ Гирей неоднократно покушался смѣлымъ набѣгомъ устрашить Москву, какъ бывало прежде; но каждый разъ встрѣчалъ на берегахъ Оки сильное войско, готовое къ отпору; между тѣмъ отряды наши заходили ему въ тылъ и истребляли цѣлыя тысячи злодѣевъ, отнимая плѣнныхъ, коней и добычу. Казаки съ каждымъ годомъ становились опаснѣе для хана: на берегахъ Дона и Днѣпра появились царскіе сановники, которые управляли ихъ дѣйствіями и водили ихъ въ битвы. Изъ числа ихъ замѣчателенъ дьякъ Ржевскій, нѣсколько лѣтъ пугавшій Крымъ: успѣвъ заслужить довѣренность и Донцовъ и Запорожцевъ, онъ тревожилъ Крымъ то съ запада, то съ востока. Но героемъ этой брани съ невѣрными, грозою Тавриды, былъ братъ царскаго любимца, Данило Адашевъ, витязь юный и предпріимчивый: съ малочисленнымъ отрядомъ дѣтей боярскихъ и стрѣльцовъ, онъ пришелъ въ Запорожье, присоединилъ къ своей дружинѣ Казаковъ, построилъ лодки, спустился къ устью Днѣпровскому, взялъ на морѣ два корабля и ворвался въ Тавриду.
1559. Улусы запылали; цѣлыя селенія были истреблены; ханъ такъ оробѣлъ, что не смѣлъ вступить съ Русскими въ бит-

ву, и тщетно старался собрать Татаръ къ отпору. Разоривъ западную часть Крыма, Адашевъ съ торжествомъ возвратился въ Запорожье, съ богатою добычею, со множествомъ освобожденныхъ изъ плѣна Христіанъ, готовясь къ новымъ подвигамъ. Къ довершенію бѣдствій орды, ее посѣтилъ лютый моръ: улусы пустѣли, стада гибли. Царскіе совѣтники неотступно убѣждали государя послать сильное войско, для завоеванія Крыма, гдѣ все предвѣщало однѣ побѣды. Іоаннъ не согласился, считая орду уже неопасною, и обратилъ всѣ силы свои на западъ, для завоеванія Ливоніи, вопреки совѣтамъ Сильвестра и Адашева.

Покореніемъ Ливоніи Іоаннъ хотѣлъ открыть государству удобный путь къ сношеніямъ съ Европою, считая тѣсную связь съ западными державами необходимою для успѣховъ промышленности и образованія своего народа. Нѣтъ сомнѣнія, что и мудрые совѣтники его мыслили также; но Сильвестръ и Адашевъ хотѣли сначала управиться съ восточными и южными сосѣдями, чтобы тѣмъ успѣшнѣе дѣйствовать на западѣ; Іоаннъ послѣ паденія Казани, уже презирая Крымскую орду, немогшую сладить съ одними Казаками, изъявилъ рѣшительное намѣреніе сблизиться съ Европою и не упускалъ ни одного случая, который могъ содѣйствовать столь благородному стремленію. Самымъ разительнымъ доказательствомъ тому служитъ радость его при первомъ появленіи въ Москвѣ Англичанъ, занесенныхъ бурею въ Двинскій заливъ, подъ начальствомъ капитана Ченслера[1]; постоянная дружба съ Англійскою королевою Елисаветою, и весьма значительныя преимущества, предоставленныя ея подданнымъ въ нашемъ отечествѣ, съ правомъ торговать безпошлинно, отыскивать руду, заводить конторы и отправлять товары въ Персію. Всѣми средствами стараясь сблизиться съ Европою, Іоаннъ не могъ быть равнодушенъ къ политикѣ Ливонскаго ордена, который, опасаясь нашего просвѣщенія, не пропускалъ чрезъ свои земли полезныхъ для насъ Европейцевъ, разглашалъ въ Германіи нелѣпыя басни о Русскомъ правительствѣ и при всякомъ случаѣ оказывалъ Россіи явную непріязнь. Очевидная вражда Меченосцевъ

Война Ливонская.

1553.

1. Ченслеръ въ царствованіе Эдуарда VI былъ отправленъ въ сѣверный океанъ съ 4 кораблями, для открытія пути Ледовитымъ моремъ въ Китай и восточную Индію; товарищъ его погибъ съ 2 кораблями у Русской Лапландіи; онъ же, приставъ въ Двинскомъ заливѣ, явился въ Москвѣ съ грамматою Эдуарда ко всѣмъ сѣвернымъ и восточнымъ государямъ о взаимной торговлѣ. Anglorum navigatio ad Moscovitas. Franc. 1600.

оправдывала намѣреніе Іоанна сокрушить орденъ. Кромѣ того, онъ считалъ Ливонію древнею собственностію своего дома и видѣлъ въ рыцаряхъ чуждыхъ пришельцевъ, овладѣвшихъ Русскими землями во время бѣдствій отечества: главное же, онъ смотрѣлъ на орденскія владѣнія, какъ на легкую добычу сосѣдей: рыцари утратили суровыя добродѣтели своихъ предковъ, жили въ великолѣпныхъ замкахъ, утопали въ роскоши, проводили дни въ веселіи, ссорились другъ съ другомъ, были въ непримиримой враждѣ съ епископами и не слушались своихъ гермейстеровъ. Духъ воинственнаго братства въ нихъ исчезъ; его замѣнилъ раздоръ; мужество уступило изнѣженности нравовъ. Пороки такъ глубоко вкоренились, что дряхлый орденъ не могъ существовать независимо, и по примѣру Тевтонскаго, долженъ былъ признать покровительство одного изъ государей, Русскаго, Польскаго или Шведскаго. Іоаннъ рѣшился предупредить совмѣстниковъ *.

Поводъ къ разрыву найти было нетрудно: ссылаясь на договоръ дѣда съ Плеттенбергомъ, Іоаннъ требовалъ отъ Дерптскаго епископа дани за 50 лѣтъ. Послѣ разныхъ отговорокъ, легко устраненныхъ искуснымъ дипломатомъ царскимъ, Адашевымъ, епископъ обязался заплатить дань, но
1558. денегъ не давалъ, надѣясь выиграть время и получить помощь отъ гермейстера. Государь послалъ войско для *наказанія* Ливоніи, какъ мятежной области. Оно нигдѣ не встрѣтило враговъ въ полѣ и опустошило орденскія владѣнія до Риги и Ревеля. Гермейстеръ просилъ мира и отправилъ пословъ въ Москву для заключенія условій; мы прекратили военныя дѣйствія. Между тѣмъ жители орденскаго города Нарвы вздумали разорить построенный нами на берегу Наровы Иванъ-городъ. Адашевъ объявилъ посламъ, что послѣ такого вѣроломства, государь не хочетъ слышать о мирѣ, и требуетъ уже не дани Юрьевской, а подданства всей Ливоніи, какъ страны, искони составлявшей часть Русской земли. Войско наше, предводимое П. Шуйскимъ, Серебрянымъ и Курбскимъ, снова вступило въ Ливонію, уже не для разоренія, а для завоеванія. Жителямъ, добровольно покорявшимся, давали миръ и пощаду, требуя отъ нихъ одной присяги Іоанну, какъ государю Ливонской земли; упорные въ сопротивленіи не находили себѣ мѣста; укрѣп-

* Heidenstein. De bello Moscovitico. Franc. 1600.

ленные города одинъ за другимъ или сдавались или испытывали всѣ слѣдствія приступа; рѣдкій изъ нихъ могъ выдержать осаду; все бѣжало или признавало влость Русскихъ. Гермейстеръ Фирстенбергъ, послѣ тщетныхъ усилій ободрить рыцарей къ оборонѣ, сложилъ съ себя достоинство: вмѣсто его избранъ главою ордена знатнѣйшій изъ командоровъ, Готгардъ Кетлеръ, рыцарь доблестный, хитрый политикъ, искусный вождь. Не надѣясь спасти Ливонію собственными силами, онъ искалъ помощи у королей Шведскаго, Датскаго, Польскаго, у Германскаго императора и Римскаго папы. Всѣ они убѣждали Іоанна дать миръ Ливоніи, и всѣ получили въ отвѣтъ, что Ливонцы суть древніе данники Россіи, что онъ казнитъ ихъ за невѣрность, обманы, торговыя вины и разореніе церквей. Между тѣмъ воеводы его, въ особенности Адашевъ и Курбскій одерживали побѣды за побѣдами и завоевали большую часть Ливоніи, взявъ Нейшлосъ, Дерптъ, Везенбергъ, Лаисъ, Оберпаленъ, Маріенбургъ и др. Главныя силы Меченосцевъ рушились въ кровопролитной битвѣ при Эрмисѣ, недалеко отъ Феллина; въ ней положили головы послѣдніе рыцари; наконецъ съ паденіемъ самаго Феллина, орденъ оставшись рѣшительно безъ всякой защиты, не могъ долѣе существовать самобытно.

Но доведенной до крайности, Кетлеръ не хотѣлъ слышать о подданствѣ царю Московскому и рѣшился отдать Ливонію лучше иноплеменнику, чѣмъ государю, имѣвшему по крайней мѣрѣ на значительную часть ея право древняго господства. Виленскимъ договоромъ гермейстеръ, съ согласія остальныхъ рыцарей, призналъ Сигизмунда Августа, великаго князя Литовскаго, государемъ Ливоніи, съ условіемъ не измѣнять ни вѣры ея, ни законовъ, ни правъ гражданскихъ; самъ же получилъ въ наслѣдственное владѣніе Курляндію и Семигалію съ титломъ герцога, какъ вассалъ Польши; между тѣмъ Эстонія отдалась въ покровительство короля Шведскаго Эрика XIV; епископство Эзельское объявило государемъ короля Датскаго Фридриха II, который далъ ему въ правители брата своего Магнуса. Орденъ Меченосцевъ рушился; владѣнія его раздѣлились на пять частей: восточная часть, прилегавшая къ Московскимъ предѣламъ, занята была Русскими войсками и присягнула Іоанну; сѣверная была во власти Шведовъ; южная покорилась Сигизмунду Августу; Эзель признавалъ Магнуса; Курляндія и Семигалія составляли герцогство Кет-

Паденіе орд

1561

лерово. Этотъ раздѣлъ не былъ однакожъ утвержденъ обоюднымъ согласіемъ: Іоаннъ хотѣлъ всей Ливоніи: Сигизмундъ Августъ требовалъ того же; Эрикъ, не уступая Эстоніи, былъ врагъ какъ Польши, такъ и Россіи; король Датскій находился въ тѣхъ же отношеніяхъ. Слѣдствіемъ совмѣстничества четырехъ державъ была кровопролитная, двадцатилѣтняя война Россіи съ Польшею и Швеціею, породившая долговременное соперничество на сѣверѣ: оно прекратилось не ранѣе, какъ при Петрѣ Великомъ.

Имѣя сильное благоустроенное войско, воеводъ искусныхъ на полѣ брани, Іоаннъ безъ труда надѣялся управиться со всѣми соперниками, и не безъ основанія. Ливонія была беззащитною жертвою, добычею сильнаго; король Шведскій, недостойный сынъ Густава Вазы, Эрикъ XIV, ознаменовавъ свое правленіе безразсуднымъ тиранствомъ, не могъ быть намъ опасенъ, какъ по слабости своихъ силъ, такъ и по непріязни короля Датскаго, спорившаго съ нимъ за Эстонію; король же Датскій тѣмъ менѣе могъ вредить намъ, и по отдаленности, и по равнодушію къ нему Ливонцевъ. Главнымъ соперникомъ былъ Сигизмундъ Августъ, имѣвшій на своей сторонѣ право, уступленное ему орденомъ: располагая силами Польши и Литвы, онъ могъ выставить многочисленное войско и тревожить насъ Крымскимъ ханомъ, питавшимъ непримиримую злобу къ Россіи. Но Іоаннъ имѣлъ надъ нимъ явный перевѣсъ, находя усердныхъ доброжелателей въ западной Руси, гдѣ народъ, тѣснимый Римскимъ духовенствомъ, смотрѣлъ на него какъ на защитника вѣры православной. Легкое завоеваніе Полоцка, считавшагося не-
1563. приступнымъ и взятаго самимъ государемъ въ началѣ войны, слабый отпоръ другихъ городовъ, очевидное равнодушіе Заднѣпровской Руси къ королю, все доказывало, что вмѣшательство Сигизмунда Августа въ дѣла Ливоніи будетъ стоить ему дорого: онъ могъ потерять всю Русь Литовскую. Но дѣла приняли оборотъ неожиданный; послѣ 20 лѣтней борьбы, послѣ неимовѣрныхъ усилій, Іоаннъ до того изнемогъ, что отказался отъ всѣхъ завоеваній на западѣ, потерялъ значительную часть Новгородской области и едва не пожертвовалъ Псковомъ. Виною тому была удивительная перемѣна въ его характерѣ, обнаружившаяся со всѣми ужасными послѣдствіями въ самомъ началѣ войны съ Польшею.

Бывъ около 13 лѣтъ образцемъ монарховъ, ревностныхъ къ благу отечества, мудрымъ законодателемъ, героемъ на поляхъ брани, Іоаннъ въ остальное время своей жизни, цѣлые 24 года, заставлялъ трепетать только своихъ подданныхъ *. Мучимый странною подозрительностію, видя кругомъ себя мнимыхъ измѣнниковъ, крамольниковъ, онъ безъ пощады преслѣдовалъ злодѣевъ своихъ и предавалъ ихъ мучительной казни, съ цѣлыми семействами, не различая ни возраста, ни пола. Причины столь ужасной перемѣны изъяснить трудно: достовѣрно только то, что Іоаннъ сталъ какъ будто инымъ человѣкомъ по смерти первой супруги своей, Анастасіи Романовны. По навѣтамъ наушниковъ, приписывая преждевременную кончину ея чародѣйству Сильвестра и Адашева, онъ лишилъ ихъ своей довѣренности. Оба они, немедленно по кончинѣ царицы, удалились отъ двора: Сильвестръ въ монастырь, Адашевъ въ Ливонію съ званіемъ воеводы. Ихъ судили заочно въ самовластномъ управленіи государствомъ. Сильвестръ заточенъ въ Соловецкую обитель; Адашевъ отданъ подъ стражу въ Дерптѣ, гдѣ вскорѣ и умеръ. Между тѣмъ царь окружилъ себя людьми недостойными, въ числѣ которыхъ очень замѣчательны, какъ злѣйшіе враги всѣхъ честныхъ гражданъ, Басмановъ, Малюта Скуратовъ, Вяземскій, и безъ пощады началъ преслѣдовать друзей Сильвестра и Адашева: одни изъ нихъ погибали подъ сѣкирою палача; другіе, впрочемъ весьма немногіе, спасались бѣгствомъ въ чуждыя страны. Безмолвная покорность подданныхъ, готовыхъ умереть по первому слову государя, безъ ропота, исключая одного Курбскаго, не убѣдила Іоанна въ ихъ невинности, не разсѣяла его подозрѣній: онъ считалъ необходимымъ искоренить мнимую крамолу, будто бы гнѣздившуюся въ высшемъ сословіи, и обратилъ весь гнѣвъ свой на бояръ, зараженныхъ, по его мнѣнію, властолюбіемъ Адашева и Сильвестра.

Перемѣна въ Іоаннѣ.

1560.

Для вѣрнѣйшаго успѣха въ своемъ намѣреніи, онъ прибѣгнулъ къ странному способу: притворно отказался отъ престола и удалился въ Александровскую слободу (нынѣ городъ Александровъ, Владимірской губерніи), извѣстивъ столицу, что не можетъ долѣе видѣть беззаконія боярскаго; когда же духовенство и выборные чины всѣхъ сословій явились къ нему съ неотступною просьбою принять бразды

Опричнина.

* Сказанія кн. Курбскаго, Спб. 1833.—Oderborn Ioannis Basilidis vita. Franc. 1600.—Guagnini Moscoviae Descriptio. Franc. 1600.

правленія, онъ согласился на общее желаніе, но съ условіемъ, чтобы духовенство не претило ему казнить измѣнниковъ. Съ тѣхъ поръ главною заботою его было искорененіе крамолы: онъ не вмѣшивался въ дѣла внутреннія, исключая только самыя важныя, и поручилъ большую часть государства, подъ именемъ *Земщины*, вѣдѣнію сперва Касимовскаго царя Симеона, въ послѣдствіи избранныхъ бояръ; себѣ же, въ собственное управленіе, взялъ до 20 городовъ со многими волостями, подъ названіемъ *Опричины*[1], и учредивъ многочисленный отрядъ *Опричниковъ* или тѣлохранителей, хотѣлъ быть только верховнымъ блюстителемъ тишины общественной. Слобода Александровская была его столицею; тамъ, въ укрѣпленномъ дворцѣ, похожемъ на монастырь, окруживъ себя новыми любимцами, изъ которыхъ составилъ въ нѣкоторомъ смыслѣ монашескую братію, онъ проводилъ одну половину дня въ непрестанной молитвѣ, другую въ допросѣ и казни лицъ подозрительныхъ. Никакія заслуги, никакія добродѣтели не спасали жертвъ, обвиняемыхъ опричниками: такъ погибли герои Казани Шереметевъ, Щенятевъ, Горбатый-Шуйскій, Воротынскій; кромѣ того митрополитъ Филиппъ, двоюродный братъ царя Владиміръ Андреевичъ, съ супругою и дѣтьми; гнѣвъ его падалъ на цѣлые города: нѣсколько тысячъ народа истреблено въ Твери, Новгородѣ, Москвѣ; наконецъ отъ руки Іоанна палъ и старшій сынъ его Іоаннъ.

Война съ Польшею.

По удаленіи Сильвестра и Адашева, Іоаннъ уже не сталъ заботиться о внутреннемъ устройствѣ государства, о чемъ такъ пеклись они, не бралъ мѣръ къ обузданію хана Крымскаго, злѣйшаго изъ враговъ Россіи; упустилъ изъ вида Запорожье, которое прежде готово было присягнуть ему, съ трудомъ удерживалъ въ покорности воинственныхъ сыновъ Дона; думалъ отказаться отъ царства Астраханскаго, считая невозможнымъ удержать его за Россіею, и видѣлъ непрестанное волненіе въ Казани. Онъ обратилъ исключительное вниманіе на Ливонію; тамъ и въ Литвѣ сосредоточивались всѣ Русскія силы; битвы были безпрерывныя то съ Шведами, то съ Поляками и Ливонцами; нѣсколько разъ заключали перемиріе и снова брались за оружіе. Русскіе

1. Царь объявилъ своею собственностію города Можайскъ, Вязьму, Козельскъ, Перемышль, Бѣлевъ, Лихвинъ, Суздаль, Шую, Галичъ, Вологду, Устюгъ, Старую Русу и др. Въ Москвѣ же отдѣлилъ улицы Чертольскую, Арбатскую и половину Никитской.

бились съ обычнымъ мужествомъ; но уже некому было вести ихъ къ побѣдамъ. Іоаннъ страшился поручить свои войска героямъ временъ Адашевыхъ. Общій ходъ дѣйствій не обнаруживалъ ни искусства, ни рѣшительности. Потерявъ наконецъ надежду присоединить Ливонію къ Россіи силою оружія, Іоаннъ прибѣгнулъ къ хитрости: склонилъ на свою сторону владѣтеля Эзеля, Датскаго принца Магнуса, выдалъ за него свою племянницу Марію, дочь Владиміра Андреевича, и давъ ему титло короля Ливонскаго, признавалъ 1570.
независимость его отъ Россіи и Польши, требуя отъ одного Магнуса такой же присяги, какую давали Германскіе владѣтельные князья императору. Но молва о жестокосердіи Московскаго государя такъ ужасала Ливонію, что она хотѣла лучше остаться за королемъ Польскимъ. Самъ Магнусъ, опасаясь погибнуть въ Россіи, передался къ ея непріятелямъ. Продолжительное междуцарствіе въ Польшѣ, по смерти Сигизмунда Августа благопріятствовало успѣхамъ 1577.
нашего оружія, даже могло прекратить борьбу сліяніемъ Литвы и Польши съ Россіею въ одну державу; Литовскіе чины, убѣжденные въ необходимости соединенія обѣихъ частей Руси, желали видѣть Іоанна на престолѣ Ягеллоновомъ: онъ упустилъ столь благопріятный случай и вскорѣ самъ долженъ былъ подумать о защитѣ собственныхъ владѣній; на Польскій престолъ вступилъ Стефанъ Баторій, мужъ ума необыкновеннаго, искусный полководецъ. Онъ овладѣлъ Полоцкомъ, Великими Луками, вытѣснилъ Рус- 1579.
скія войска изъ Ливоніи и направилъ путь прямо къ Москвѣ; царскіе воеводы не смѣли вступить съ нимъ въ битву и бѣжали. Іоаннъ трепеталъ за столицу. Но Псковъ удержалъ стремленіе Баторія; упорная оборона Псковитянъ, подъ начальствомъ Ивана Петровича Шуйскаго, ослабила короля: въ неоднократныхъ приступахъ, онъ потерялъ лучшую часть войска; ропотъ шляхты принудилъ его отступить; между тѣмъ царь, уже не надѣясь на собственныя силы, успѣлъ найти дѣятельнаго посредника въ папѣ Григоріи XIII, изъявивъ, къ величайшей радости его, притворное намѣреніе воевать съ Турками, немедленно по заключеніи мира съ Баторіемъ. Папскій легатъ Антоній Поссевинъ примирилъ Россію съ Польшею договоромъ Запольскимъ, заключеннымъ въ деревнѣ Киверовѣ горѣ между 1582.
Опоками и Порховомъ, въ 15 верстахъ отъ Запольскаго яму *.

*. Antonii Possevini opera. Colon. 1586.

Іоаннъ отказался отъ всѣхъ притязаній на Ливонію, признавъ ее Польскою областію. Эстонія осталась въ рукахъ Шведскаго короля, которому царь сверхъ того уступилъ Русскіе города: Ямы, Иванъ-городъ и Копорье.

Сожженіе Москвы.

Къ бѣдствіямъ войны Польской присоединилось опустошеніе отечества ханомъ Крымскимъ. Злобствуя за поискъ Адашева и зная, что всѣ наши силы на западной границѣ, онъ ворвался въ Россію, безъ труда дошелъ до Москвы, предалъ ее пламени, и съ богатою добычею возвратился въ улусы, ознаменовавъ свой набѣгъ пепломъ городовъ и трупами беззащитныхъ Россіянъ, оставленныхъ государемъ, который укрывался въ Новгородѣ и думалъ даже удалиться въ Англію. Удача ободрила Девлетъ-Гирея; по прошествіи года, онъ пришелъ вторично съ дерзкимъ намѣреніемъ изгнать Іоанна; но тутъ встрѣтилъ его послѣдній вождь, уцѣлѣвшій отъ временъ Адашевыхъ, князь Михаилъ Воротынскій: успѣвъ собрать малочисленную дружину, онъ сразился съ ханомъ въ 50 верстахъ отъ Москвы, разбилъ его на голову, взялъ въ плѣнъ многихъ князей, овладѣлъ обозомъ, отбилъ добычу и наполнилъ овраги между Лопаснею и Рожаемъ трупами Татарскими, избавивъ Москву отъ конечнаго разрушенія. Самъ же получилъ въ награду лютую смерть: обвиняемый въ чародѣйствѣ, онъ умеръ въ истязаніи.

1572.

Завоеваніе Сибири.

Въ послѣдніе годы Іоаннова царствованія, впрочемъ безъ вѣдома, даже противъ воли его, положено основаніе Русскому владычеству въ западной Сибири *. Тамъ, на берегахъ Тобола, Иртыша и Оби, въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣка, изъ древнихъ улусовъ Татарскихъ, изъ Вогуличей и Остяковъ, составилось сильное царство, столицею котораго былъ городъ Искеръ или Сибирь, въ 16 верстахъ отъ нынѣшняго Тобольска. Оно признавало господство князей Ногайскихъ; изъ нихъ Едигеръ, устрашенный паденіемъ Казани, обязался платить дань Русскому государю. Едигера вытѣснилъ Киргизскій ханъ Кучумъ, который овладѣлъ всѣмъ пространствомъ отъ хребта Уральскаго до верховьевъ Оби, силою обратилъ туземцевъ въ Магометанскую вѣру, присоединилъ къ нимъ хищныхъ Киргизовъ, подружился съ Ногаями, и не хотѣлъ уже признавать себя данникомъ Іоанновымъ, подъ смертною казнію запретивъ Остякамъ, Вогуличамъ, Югорцамъ, посылать въ Москву ясакъ или

* Миллеръ. Описаніе Сибирскаго царства. Спб. 1750.—Спасскій. Лѣтопись Сибирская. Спб. 1821.

дань мягкою рухлядью: сверхъ того подстрекалъ Черемису къ мятежу и неоднократно тревожилъ Пермь набѣгами. Непріязнь его обнаружилась въ то время, когда Адашевъ замышлялъ сокрушить орду Крымскую, а государь думалъ завоевать Ливонію.

Озабоченное дѣлами важнѣйшими, правительство наше не хотѣло раздѣлять силъ для усмиренія Кучума, и охотно согласилось на предложеніе умныхъ и богатыхъ помѣщиковъ Сольвычегодскихъ, имѣвшихъ соляныя варницы на Вычегдѣ, двухъ братьевъ Якова и Григорія Строгановыхъ, которые вызвались собственными средствами оберегать Пермь отъ Сибирскихъ и Ногайскихъ хищниковъ *. Государь далъ имъ земли по Камѣ и Чусовой, дозволилъ строить крѣпости, заводить селенія, имѣть снарядъ огнестрѣльный, пушкарей и воиновъ, принимать къ себѣ всякихъ людей, кромѣ бѣглыхъ, вѣдать и судить ихъ независимо отъ Пермскихъ намѣстниковъ. Строгановы основали нѣсколько остроговъ и городковъ по Чусовой и Сылвѣ, учредили свое войско изъ бродягъ и бездомковъ, завели пушки и были стражами сѣверовосточной Россіи, уничтожая всѣ замыслы Кучума взволновать подвластную намъ Черемису, силою оружія обуздывая Остяковъ и Башкирцевъ. Съ 1572 года началась жестокая война ихъ съ царемъ Сибири: Кучумъ посылалъ своего храбраго племянника Маметкула разорять крѣпости по Камѣ и Чусовой; Строгановы, отстоявъ ихъ, хотѣли, для обузданія опаснаго врага, потревожить его въ собственныхъ владѣніяхъ, и выпросили у государя жалованную граммату на построеніе крѣпостей по берегамъ Тобола, на выплавку рудъ за хребтомъ Уральскимъ и на безпошлинную торговлю съ Бухарцами и Киргизами. Яковъ и Григорій умерли, не успѣвъ совершить похода: они завѣщали великое дѣло меньшему брату Семену, съ дѣтьми своими Максимомъ и Никитою, которые, наслѣдовавъ умъ и дѣятельность отцовъ, рѣшились воспользоваться удальствомъ Донскихъ Казаковъ, съ опасностью быть ихъ жертвою или навлечь гнѣвъ государя.

Строгановы.

1558.

1574.

Донскіе Казаки, такъ усердно служившіе Россіи во времена Адашева, по удаленіи его, славились одною хищностью; разбивали караваны, ходившіе въ Москву отъ Каспійскаго моря, грабили царскую казну, не щадили пословъ Азіатскихъ и неоднократно вынуждали государя высылать

Ермакъ.

* Именитые люди Строгановы. С. Петербургъ. 1842.

противъ себя войско. Смѣлость ихъ была безпредѣльна: громя Крымъ, свирѣпствуя на берегахъ Волги, безпокоя нашу Украйну, они доходили до Урала, гдѣ разрушили Сарайчикъ, столицу Ногаевъ. Болѣе всѣхъ отличался быстротою набѣговъ, мужествомъ въ бояхъ, одинъ изъ атамановъ ихъ Ермакъ Тимофеевъ, заслужившій за разбои царскую опалу. Строгановы вызвали его на подвигъ чести и славы, и указали Сибирь. Онъ пришелъ къ нимъ съ дружиною охотниковъ, отважныхъ бойцовъ, числомъ не болѣе 540 человѣкъ, присоединилъ къ ней 300 витязей, служившихъ Строгановымъ; устроилъ войско, назначилъ атамановъ, есауловъ, пятидесятниковъ, и давъ обѣтъ доблести и цѣломудрія, повелъ свою рать на судахъ Чусовою, Тагилемъ, Турою, въ Сибирское царство. Іоаннъ, свѣдавъ о походѣ Казаковъ, изъявилъ Строгановымъ гнѣвъ за дружбу съ разбойниками, требовалъ отозванія ихъ, и въ случаѣ ослушанія грозилъ большею опалою. Но блестящій успѣхъ оправдалъ ихъ. Ермакъ, послѣ нѣсколькихъ битвъ съ Кучумовыми войсками, рѣшилъ борьбу кровопролитною сѣчею на берегахъ Иртыша, взялъ столицу его Искеръ, плѣнилъ самаго опаснаго соперника, царевича Маметкула, загналъ Кучума въ степи Ишимскія и утвердилъ господство Россіи отъ хребта Уральскаго до Иртыша. Храбрѣйшій изъ сподвижниковъ его, Иванъ Кольцо, приговоренный за прежніе разбои на Волгѣ къ лютой казни преступника, явился въ Москву и ударилъ Іоанну челомъ — царствомъ Сибирскимъ. Государь изъявилъ милость Строгановымъ, Ермаку и всѣмъ сподвижникамъ его, послалъ на подкрѣпленіе завоевателямъ Сибири, уже ослабленнымъ битвами, нѣсколько сотъ стрѣльцовъ, подъ начальствомъ князя Болховскаго, и велѣлъ епископу Вологодскому отправить въ новое царство священниковъ для Христіанскаго богослуженія; Ермаку же поручилъ главное начальство надъ покоренными оружіемъ его землями. Русское господство было еще непрочно: Кучумъ имѣлъ многихъ приверженцевъ. Мурза его Карача, обманувъ Казаковъ мнимою преданностію, успѣлъ произвесть всеобщій бунтъ въ Татарахъ и Остякахъ. Нѣсколько тысячъ мятежниковъ осадили Ермака въ Искерѣ: онъ отбилъ ихъ, и страхомъ своего имени обуздалъ недовольныхъ; но болѣзни уменьшили его дружину, между тѣмъ Кучумъ оправился въ силахъ, и напавъ нечаянно на Казаковъ, большую часть ихъ истребилъ. Самъ Ермакъ погибъ въ сѣчѣ на берегахъ Ир-

1580. 1582. 1583.

тыша, или, какъ повѣствуютъ другіе, утонулъ въ волнахъ его; остальные Казаки, числомъ не болѣе 150, спѣшили возвратиться въ Россію. Кучумъ же, овладѣвъ Искеромъ, возстановилъ свое царство. Іоаннъ не успѣлъ утвердить за собою Сибири и даже былъ въ опасности потерять Казанское царство, гдѣ возникли новые мятежи, взволновавшіе и Черемису.

IV. ѲЕОДОРЪ I *.

1584 — 1598.

Іоаннъ оставилъ сыну своему Ѳеодору государство, истомленное продолжительною войною за Ливонію, еще болѣе жестокимъ правленіемъ его, въ непріязненныхъ отношеніяхъ ко всѣмъ сосѣдямъ: король Шведскій овладѣлъ древними Русскими городами на предѣлахъ Эстоніи и совершенно отрѣзалъ насъ отъ Балтійскаго моря; король Польскій, исхитивъ Ливонію, хотѣлъ возвратить и Витолдовы завоеванія; ханъ Крымскій, подстрекаемый Баторіемъ, собиралъ силы, чтобы снова опустошить Россію; султанъ Турецкій, утвердившись на восточной сторонѣ Кавказскаго перешейка, думалъ завоевать Астрахань; орда Ногайская поддерживала Кучума и подсылала отряды злодѣевъ на помощь строптивой Черемисѣ. Западныя державы Европейскія, послѣ неудачной войны Ливонской, уже не надѣясь на наше содѣйствіе въ крестовомъ походѣ противъ Турокъ, не дорожили нашимъ союзомъ. Одна Англія находилась въ тѣсныхъ связяхъ торговыхъ; но эти связи не приносили намъ большой выгоды, предоставивъ въ монополію Англичанъ всю нашу торговлю и оттѣснивъ купцевъ Ганзейскихъ. Состояніе Р сіи.

Преемникъ Іоанна, третій сынъ его отъ Анастасіи Романовны, Ѳеодоръ отличался прекрасными свойствами души, былъ нрава кроткаго, человѣколюбиваго, набожности безпредѣльной, съ величайшимъ усердіемъ исполнялъ всѣ обязанности истиннаго Христіанина; но видѣлъ въ мірѣ только суету, чуждался тягостныхъ заботъ правленія, и имѣя всѣ добродѣтели частнаго человѣка, былъ слабымъ вѣнценосцемъ, особенно послѣ такого самодержца, какъ Іоаннъ Гроз- Характеръ Ѳ дора.

*. Никоновская лѣтопись, часть VIII.—Fletcher. Of the Russe common-wealth. Lond. 1591.—Акты, изд. гр. Румянцовымъ и Археограф. коммиссіею.

ный, и при тѣхъ запутанныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ находилась Россія. Зная слабость его, отецъ назначилъ ему въ помощь верховную думу изъ пяти знатнѣйшихъ сановниковъ: князя Ивана Ѳедоровича Мстиславскаго, Никиты Романовича Юрьева, Ивана Петровича Шуйскаго, Бориса Ѳедоровича Годунова и Богдана Яковлевича Бѣльскаго; но бѣдствія вельможедержавія, терзавшія отечество въ малолѣтство Іоанново, были еще въ свѣжей памяти у всѣхъ, и опасенія Россіи за будущую судьбу ея могли бы оправдаться, еслибы въ числѣ совѣтниковъ не было Бориса Годунова. Онъ царствовалъ именемъ Ѳеодора. Взявъ рѣшительный перевѣсъ надъ всѣми членами думы по свойству съ государемъ, за которымъ была родная сестра его Ирина Ѳеодоровна, Годуновъ утвердилъ свое первенство дальновиднымъ умомъ, хитрою политикою, искусствомъ властвовать, и отъ начала до конца Ѳеодорова царствованія, цѣлыя 14 лѣтъ, былъ душею правленія. Все дѣлалось именемъ царя, но волею одного Бориса.

Борисъ Годуновъ.

Съ именемъ Годунова потомство привыкло соединять идею ненасытнаго честолюбца, направлявшаго всѣ дѣйствія къ беззаконному присвоенію престола и достигшаго своей цѣли злодѣйскимъ убійствомъ невиннаго отрока, царевича Димитрія, послѣдней отрасли дома Іоанна Калиты. Въ самомъ дѣлѣ свидѣтельство современниковъ такъ единогласно, смерть царевича такъ была необходима для одного Бориса, что по всей вѣроятности онъ заслужилъ проклятіе потомства. Но если трудно оправдать его въ приписываемомъ злодѣяніи, то съ другой стороны нельзя согласиться съ мнѣніемъ тѣхъ писателей, которые видятъ въ немъ только хитраго честолюбца: онъ вполнѣ разумѣлъ искусство управлять государствомъ, сдѣлалъ для Россіи много и еще болѣе готовилъ ей въ будущемъ.

Покореніе Сибири.

Болѣе всего обнаружился умъ Годунова въ дѣлахъ внѣшнихъ: слѣдуя охранительной политикѣ Іоанна III, равно осторожной, дальновидной и съ тѣмъ вмѣстѣ предпріимчивой, онъ не уступалъ сосѣдямъ ничего, что только вошло прежде въ составъ Московскаго государства; въ тоже время старался ослабить недруговъ Россіи, поселяя между ними раздоры, доводя ихъ до изнеможенія, и всегда имѣя въ готовности сильное войско, чтобы отразить враговъ оружіемъ. Первымъ дѣломъ его было обузданіе мятежной Черемисы

и прочное утвержденіе владычества Россіи въ западной Сибири. Еще не зная о гибели Ермака, онъ отправилъ на помощь ему нѣсколько отрядовъ стрѣльцовъ; спасшіеся отъ гибели, сподвижники завоевателя Сибири присоединились къ нимъ и повели ихъ къ Искеру, гдѣ уже властвовалъ не Кучумъ, а соперникъ его князь Сейдякъ, поддерживаемый Ногаями. Царскіе воеводы Чулковъ и Воейковъ въ рѣшительной битвѣ взяли его въ плѣнъ и вторично сокрушили царство Сибирское. Кучумъ еще держался въ степи Барабинской; Русскіе оттѣснили его далеко за Иртышъ и, построивъ крѣпости Пелымъ, Березовъ, Тобольскъ, Кетскій Острогъ, со многими другими, уже не боялись утратить завоеванія Ермакова.

Не опасаясь Татарскихъ народовъ съ востока, Годуновъ тѣмъ болѣе заботился о южныхъ предѣлахъ отечества, коимъ грозилъ ханъ Крымскій. Для обузданія его, нашъ дворъ сначала хотѣлъ вступить въ тѣсную связь съ Турціею; когда же эта мѣра не удалась, и ханъ даже подступилъ къ Москвѣ, подъ стѣнами коей потерпѣлъ впрочемъ жестокое пораженіе, правитель иными средствами старался пресѣчь Крымскіе набѣги: онъ основалъ многія крѣпости на южной границѣ, Ливны, Кромы, Воронежъ, Бѣлгородъ, Осколъ, Валуйки, возобновилъ, укрѣпилъ города, въ томъ числѣ Курскъ, опустѣвшіе съ XIII вѣка, и устроилъ такъ называемую *засѣку*, линію укрѣпленій частію естественныхъ, частію искуственныхъ отъ Брянска до Мурома: въ мѣстахъ лѣсистыхъ онъ велѣлъ по дорогамъ валить деревья, въ рѣкахъ на бродахъ вбивать колья и сваи, въ степяхъ копать рвы и дѣлать остроги; особенно старался прервать сакмы или пути, коими обыкновенно вторгались Татары. Этой системѣ обороны слѣдовали мы до самого Петра Великаго. Татары, опасаясь засадъ и зная, что каждое движеніе ихъ извѣстно Москвѣ, не смѣли углубляться въ наше отечество, какъ было прежде, и могли грабить только пограничныя селенія.

Укрѣпленіе южной границы

1591.

Довольствуясь охранительными мѣрами въ отношеніи къ народамъ Татарскимъ, Годуновъ все вниманіе свое устремлялъ на западъ. Тамъ онъ видѣлъ въ полномъ блескѣ развитіе гражданственности и старался усвоить ее своему отечеству, не щадя никакихъ сокровищъ для Европейцевъ, полезныхъ Россіи свѣдѣніями или искусствами, вызывая художниковъ, ученыхъ, людей ратныхъ. Для сближенія съ образованною Европою, онъ старался возобновить союзы съ древними

Сношенія съ Европою

друзьями Россіи, съ Англіею, Даніею и Австріею, склоняя ихъ на свою сторону отчасти выгодами торговли, отчасти обѣщаніемъ воевать съ Турками. Но сношенія съ Европою были весьма затруднительны: мы имѣли одинъ приморскій городъ, на отдаленномъ сѣверѣ, куда неохотно пускались иноземцы, тѣмъ болѣе, что Англичане, присвоивъ право монополіи, устраняли отъ Архангельска всѣхъ другихъ Европейцевъ. Правда, Годуновъ двукратною войною съ Шве-
1595. дами успѣлъ исторгнуть изъ рукъ ихъ Русскіе города, ближайшіе къ Балтійскому морю, Иванъ-городъ и Копорье, также Кексгольмъ, возвращенные Шведами по Тявзинскому договору; при всемъ томъ они не могли доставить намъ тѣхъ выгодъ, которыя обѣщали города Прибалтійскіе. Единственнымъ путемъ въ Европу могла быть Ливонія. Осторожный правитель, не вступая въ новую борьбу за нее съ опаснымъ Баторіемъ, хотѣлъ прежде приготовить умы въ свою пользу: ласкалъ Ливонцевъ, охотно принималъ ихъ въ царскую службу; въ тоже время искусно сѣялъ раздоры между Шведами и Поляками, раздѣлявшими орденскія владѣнія, и ждалъ благопріятнѣйшаго времени. Но главнымъ предметомъ его политики было Литовское княжество.

[...]ѣла Литовскія.

Видя невозможность вырвать Русь изъ власти Поляковъ силою оружія и считая войну только поводомъ къ порожденію ненависти между двумя народами единовѣрными и единоплеменными, онъ искалъ иныхъ средствъ къ соединенію всѣхъ Русскихъ земель въ одно цѣлое. Стефанъ Баторій умеръ. Польскій сеймъ, въ угожденіе Литовскимъ чинамъ, постоянно желавшимъ дружбы съ Московскимъ государствомъ, просилъ Ѳеодора Іоанновича принять корону Ягеллонову. Государь, слѣдовавшій во всемъ совѣтамъ Годунова, изъявилъ согласіе, но предложилъ такія условія, изъ коихъ было очевидно, что потомки Калиты всегда считали себя вправѣ господствовать надъ Русскими землями за Днѣпромъ: онъ хотѣлъ короноваться, какъ Польскій король и Литовскій великій князь, въ Москвѣ и носить корону Ягеллонову подъ шапкою Мономаховой. Надменные паны Польскіе считали такія условія унизительными, и вопреки желанію Литовскихъ чиновъ, провозгласили королемъ Шведскаго принца Сигизмунда, снова упустивъ случай найти въ Россіи вѣрную союзницу, которая одна могла спасти ее отъ грядущихъ бѣдствій.

Патріарх[ъ въ] Москвѣ

Годуновъ равнодушно смотрѣлъ на отказъ Польскаго сейма, считая незавиднымъ пріобрѣтеніе страны, гдѣ вкоренилось необузданное безначаліе; онъ простиралъ свои виды единственно на Русь Заднѣпровскую. Уже претерпѣвая гоненіе отъ Римскаго двора, многочисленные послѣдователи Грекороссійской вѣры въ западной Руси громко изъявляли желаніе имѣть своимъ государемъ царя православнаго и депутаты ихъ долго не хотѣли признать великимъ княземъ Литовскимъ Сигизмунда. Это желаніе обнаруживалось такъ явно, что Годуновъ, предвидя рано или поздно добровольное подданство Заднѣпровской Руси, не хотѣлъ прибѣгать къ оружію, изъ опасенія раздражить умы, и надѣялся одною политикою довести единовѣрный народъ, угнетаемый Римскимъ духовенствомъ, до расторженія тягостнаго союза съ Польшею. Надобно было только поддержать его въ православіи. Эта обязанность лежала на патріархѣ Византійскомъ, какъ на главѣ Грековосточной церкви въ духовномъ смыслѣ; съ паденіемъ же Царяграда, Греческіе первосвятители не могли съ успѣхомъ бороться съ Римскимъ папою, который, называя ихъ данниками султана, быстро распространялъ свою власть. Годуновъ рѣшился противупоставить ему независимаго первосвятителя и убѣдилъ Ѳеодора учредить престолъ патріаршій въ Москвѣ. Возведенному въ санъ патріарха Московскаго и Всероссійскаго, митрополиту Іову, вселенскіе первосвятители предоставили верховное право блюсти Христіанскую паству на всемъ пространствѣ земель Русскихъ. Съ тѣхъ поръ Москва, занявъ мѣсто Царяграда, становилась въ полномъ смыслѣ средоточіемъ Русской земли, градомъ первопрестольнымъ [1]. Слѣдствія долженствовали быть самыя благодѣтельныя. Но бурное время Самозванцевъ разстроило великое дѣло Борисово, породивъ народную вражду между Москвою и Литвою.

1589.

Укрѣплені[е] крестьян[ъ]

Доказавъ рѣдкій умъ въ дѣлахъ внѣшней политики, поставивъ Россію на высокую степень могущества, опасною для всѣхъ сосѣдей, онъ былъ въ равной степени искусный строитель державы. Главною цѣлью его внутренняго управленія было ввести добрую нравственность, улучшить до-

1 Нѣкоторые писатели видятъ въ этомъ дѣяніи Годунова какой-то мелкій расчетъ честолюбія, предполагая, что правитель, уже помышлявшій о престолѣ, думалъ найти себѣ твердую опору въ особѣ патріарха, который своимъ саномъ могъ его поддерживать. Мнѣніе едвали справедливое: въ такомъ случаѣ митрополитъ могъ оказать ему ту же услугу. Кромѣ того благочестивый Ѳеодоръ едвали согласился бы, безъ важныхъ побудительныхъ причинъ, на такое нововведеніе въ церкви; да и сами Греческіе патріархи не рѣшились бы дать Россіи святителя, который лишалъ ихъ всѣхъ выгодъ, получаемыхъ ими отъ нашего отечества.

машнее хозяйство, пробудить промышленность. Съ этою цѣлью, кромѣ строгихъ указовъ, запрещавшихъ пьянство, лихоимство и другіе пороки, онъ произвелъ важную перемѣну въ состояніи народномъ: въ Россіи крестьяне имѣли обыкновеніе переходить въ извѣстный срокъ отъ помѣщика къ помѣщику; слѣдствія такихъ переходовъ были весьма вредны: народъ не заботился о домостроительствѣ, привыкалъ къ бродяжничеству и полукочевой жизни. Для пресѣченія зла, правитель запретилъ въ 1592 году *крестьянскій выходъ*, или отнялъ у земледѣльцевъ свободу переходить отъ одного владѣльца поземельнаго къ другому, и велѣлъ имъ оставаться на тѣхъ земляхъ, на которыхъ они жили во время изданія указа: одни были закрѣплены за государемъ, другіе за монастырями, третьи за лицами, имѣвшими право владѣть землею.

V. БОРИСЪ ГОДУНОВЪ *.

1598 — 1604.

ıреніе Бориса.

Смертью Θеодора Іоанновича пресѣклось Рюриково поколѣніе государей Московскихъ въ родѣ Іоанна Калиты. Вездѣ и всегда переходъ державной власти отъ древней династіи къ новой обнаруживался жестокимъ переломомъ государственнымъ; вездѣ являлись искатели празднаго престола, возникали непримиримыя партіи, свирѣпствовало безначаліе; сосѣднія державы пользовались неустройствомъ *безгосподарнаго* народа и нерѣдко уничтожали его самобытность. Такъ воцарились Капетинги, Валуа, Бурбоны, Тюдоры; такъ пала Бургундія. Отечеству нашему грозилъ переломъ тѣмъ болѣе опасный, что Русскій народъ, въ продолженіе многихъ вѣковъ, привыкъ видѣть на престолѣ государей только царской крови и признавалъ власть ихъ священною, доступною для одного только дома. Смертью Θеодора не всѣ отрасли Владиміра св. угасли: въ сословіи людей *родословныхъ* были потомки даже Юрія Долгорукаго, отъ племени князей Суздальскихъ, Ростовскихъ, Бѣлозерскихъ, Стародубскихъ, кромѣ многихъ другихъ потомковъ Владиміра св., происходившихъ отъ рода князей Черниговскихъ и Смоленскихъ [1];

* Лѣтопись Бера в сочиненіе Маржерета въ Сказаніяхъ современниковъ о Димитріи Самозванцѣ. 1831.—Акты, изд. Археограф. коммиссіею.

1. Отъ Суздальскихъ: Шуйскіе, Скопины; отъ Ростовскихъ: Пріимковы, Бахтеяровы, Буйносовы.

но всѣ они давно уже стояли въ ряду *слугъ* государя Московскаго и никто изъ нихъ никогда не дерзалъ мыслить о царской коронѣ, принадлежавшей исключительно дому Іоанна Калиты. Если же теперь пресѣченіе царскаго дома давало имъ поводъ вспомнить свое происхожденіе, то раждался вопросъ, кто болѣе другихъ изъ многочисленной толпы потомковъ Рюрика имѣлъ право на корону? Притомъ же они могли встрѣтить совмѣстниковъ въ домѣ Романовыхъ и Годуновыхъ, которые въ понятіи современниковъ стояли ближе къ престолу, какъ члены царскаго семейства, по свойству съ послѣдними государями. — Потрясеніе жестокое, всеобщее было неминуемо.

Переломъ обнаружился невдругъ; важное обстоятельство, казалось, отклоняло его отъ нашего отечества: уже около 14 лѣтъ народъ привыкъ покорствовать Борису Годунову; какъ шуринъ послѣдняго государя, какъ самовластный правитель при жизни его, онъ давно исключилъ себя изъ круга подданныхъ, сталъ выше всѣхъ потомковъ Владиміра св., заслонивъ собою и Романовыхъ, не говоря о Нагихъ, Сабуровыхъ и другихъ свойственникахъ прежнихъ государей по брачнымъ союзамъ. Общій голосъ призывалъ его на царство: одинъ Борисъ понималъ непрочность своихъ правъ, и болѣе 5 недѣль отказывался отъ короны; наконецъ, когда всѣ желанія слились въ одинъ восторгъ безпредѣльный, онъ рѣ- 1598
шился быть родоначальникомъ новой династіи [1].

Единодушный приговоръ всѣхъ чиновъ государственныхъ вручилъ Борису право, коего онъ не имѣлъ. Для утвержденія этого права, онъ принялъ такія мѣры, что, казалось, престолъ его будетъ непоколебимъ. Торжественный обѣтъ никого не допустить до нищеты, никого не казнить смертію, произнесенный имъ при коронаціи, поставилъ его на ту степень, на которой предки наши привыкли видѣть своихъ государей, соединяя съ идеею царя идею без-

Лобановы; отъ Бѣлозерскихъ: Бѣлосельскіе, Вадбольскіе, Ухтомскіе; отъ Стародубскихъ: Гагарины, Палецкіе, Пожарскіе, Ранодановскіе, Ряполовскіе, Хилковы; отъ Черниговскихъ: Горчаковы, Долгорукіе, Лыковы, Воротынскіе, Оболенскіе, Одоевскіе, Щербатовы; отъ Смоленскихъ: Вяземскіе, Дашковы, Прозоровскіе, Сицкіе, и многіе другіе.

1. Θеодоръ умеръ 6 января 1598; Москва присягнула супругѣ его Иринѣ; царица отказалась отъ короны и 15 января удалилась въ Новодѣвичій монастырь, гдѣ постриглась подъ именемъ Александры; въ слѣдъ за тѣмъ бояре и высшее духовенство предложили вѣнецъ Борису; онъ отвергъ его, объявивъ намѣреніе также принять схиму. 17 февраля собралась въ Кремлѣ земская дума и, по предложенію патріарха Іова, положила единогласно просить Бориса о принятіи короны; 20 февраля объявили ему объ избраніи его на царство; 21 февраля всѣ жители Москвы и выборные изъ городовъ устремились къ Новодѣвичьему монастырю, съ крестами и св. иконами, для убѣжденія Бориса; онъ согласился наконецъ послѣ долговременнаго отреченія; вступилъ въ Москву 30 апрѣля; короновался 1 сентября.

предѣльной благости. Новые законы объ исключительной зависимости духовенства отъ патріарха въ дѣлахъ гражданскихъ и окончательное укрѣпленіе крестьянъ за высшими сановниками, соединили выгоды новаго царя съ выгодами духовенства и дворянства, которыя всегда служатъ опорами монархическаго правленія. Усиливая высшія сословія, Борисъ тѣмъ болѣе старался обезопасить и возвысить себя и свое поколѣніе родствомъ съ Европейскими государями [1], охранительною стражею иноземною, коей онъ ввѣрилъ свою особу, и бдительнымъ надзоромъ за опасными совмѣстниками.

Царствованіе Бориса.

Благоразумная политика въ дѣлахъ внутреннихъ и внѣшнихъ должна была упрочить родъ Годунова на Московскомъ престолѣ. Мысль, что для Россіи настало время окончательно разорвать тяжкую цѣпь, связывавшую ее съ востокомъ, и занять почетное мѣсто въ системѣ державъ Европейскихъ, была основою Борисовой политики. Онъ не терялъ изъ вида народовъ Татарскихъ, ни Сибири, ни Крыма, ни Кавказа; но не хотѣлъ имѣть ихъ исключительнымъ предметомъ своей заботливости, какъ прежде, и съ искусствомъ пожиналъ плоды своихъ предшественниковъ: довершивъ покореніе западной Сибири основаніемъ многихъ крѣпостей, Верхотурья, Туринска, Томска, оградивъ южные предѣлы государства отъ набѣговъ Крымцевъ устройствомъ засѣки, еще болѣе всегдашнею готовностію къ отпору, онъ довольствовался одними охранительными дѣйствіями, жаловалъ Татарскихъ царевичей въ цари, сѣялъ между ними раздоры, и устремлялъ все свое вниманіе на западъ. Главною цѣлію его было ослабить постоянныхъ враговъ нашихъ Швецію и Польшу, вмѣстить Россію въ составъ государствъ Христіанскихъ и познакомить ее съ плодами Европейской промышленности и образованности. Для первой цѣли онъ искусно пользовался раздорами Швеціи и Польши, чтобы исхитить изъ ихъ власти Ливонію, посредствомъ коей Россія могла вступить въ сношенія съ Европою; для второй имѣлъ безпрерывныя сношенія, кромѣ Англіи, съ Германскимъ императоромъ, въ намѣреніи вооружить Европу противъ султана, и дѣятельнымъ участіемъ въ крестовомъ походѣ пріобрѣсть право на тѣсную связь съ Европою; для оживленія же народной промышленности, онъ открылъ къ государству

1. Дочь его Ксенія была помолвлена за Датскаго принца Іоанна: бракъ не совершился, единственно по случаю кончины жениха, умершаго въ Москвѣ горячкою.

свободный доступъ всѣмъ мореходнымъ державамъ, въ особенности союзу Ганзейскому; наконецъ для образованія народнаго, хотѣлъ основать въ Москвѣ *университетъ*. При такихъ мѣрахъ, при такомъ умѣ, все покорствовало Борису: народъ привыкъ видѣть въ немъ государя великаго и съ любовію смотрѣлъ на юнаго сына его Θеодора, украшеннаго всѣми талантами ума и сердца, какъ на будущую надежду свою. Но законъ природы непреложенъ; новая династія не могла утвердиться на престолѣ безъ государственнаго потрясенія: въ 6 годъ Борисова царствованія явился Самозванецъ.

ГЛАВА VI.

УНІЯ И САМОЗВАНЦЫ.

—

I. СОЕДИНЕНІЕ ЛИТВЫ СЪ ПОЛЬШЕЮ *.

1569.

Между тѣмъ, какъ Россія, домомъ Іоанна Калиты избавленная отъ бѣдствій удѣльной системы, исторгнутая изъ власти Монголовъ, образовала могущественное царство, Литовское княжество, заключавшее въ предѣлахъ своихъ лучшую часть древней Руси, утратило прежнюю самостоятельность, вошло въ составъ Польскаго королевства и допустило наложить на себя иго народу слабому, мало знакомому съ порядкомъ гражданскимъ, еще менѣе съ славою завоеваній. Это иго, по своимъ слѣдствіямъ, было бѣдственнѣе Татарскаго: Татары разрушали Русскіе города, губили на- Судьба западн. Руси.

* Kojałowicz. Historiae Lituanae lib. II. 1640—1669.

родъ, князей, брали дань тяжкую, но не трогали ни вѣры, ни языка, ни гражданскихъ уставовъ, и Россія, спасшая народное достояніе, всегда носила въ нѣдрахъ своихъ залогъ будущаго величія. Поляки, поработивъ западную Русь не оружіемъ, а политикою, не могли свирѣпствовать подобно Монголамъ; за то вводили въ Литовское княжество свой образъ правленія, чудную смѣсь анархіи съ деспотизмомъ, потрясали тамъ вѣру, гнали языкъ, и лишая обитателей западной Руси того, что было святынею предковъ, чѣмъ дорожитъ каждый народъ, предавали ихъ въ жертву Жидамъ и Татарамъ.

диненіе съ Польшею.

Соединеніе Литовскаго княжества съ Польскимъ королевствомъ совершилось почти чрезъ двѣсти лѣтъ по восшествіи Ягелла на престолъ Пястовъ, при послѣднемъ потомкѣ его, Сигизмундѣ Августѣ. Обитатели западной Руси постоянно уклонялись отъ тѣснаго союза съ Поляками и никогда не желали составлять съ ними одинъ народъ, чему самымъ разительнымъ доказательствомъ служитъ, кромѣ явнаго стремленія имѣть отдѣльныхъ государей, двухвѣковой споръ за Волынь и Подолію: даже вопреки желанію великихъ князей, Литовскіе сеймы никогда не соглашались считать этихъ земель Польскими областями. Сосѣди равнымъ образомъ смотрѣли на оба государства, какъ на отдѣльныя державы: послѣдній вождь Меченосцевъ, Готгардъ Кетлеръ, принужденный оружіемъ царя Іоанна Васильевича Грознаго сложить съ себя достоинство гермейстера, согласился уступить орденскія владѣнія Сигизмунду Августу съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы они вошли въ составъ не Польскаго королевства, а великаго княжества Литовскаго. Соединенія западной Руси съ королевствомъ желали во-первыхъ сами Ягеллоны; во-вторыхъ Польскіе вельможи; въ-третьихъ Римское духовенство. Каждый имѣлъ свою цѣль.

Ягелло и потомки его, всѣ безъ исключенія слабые, преданные роскоши, безъ блестящихъ свойствъ ума и души, но всѣ равно тщеславные, охотно принимали корону Пястовъ, какъ даръ, соглашаясь на предлагаемыя Польскими магнатами условія. Магнаты же съ своей стороны не могли найти лучшихъ для себя государей: Ягеллоны безъ прекословія утверждали прежнія ихъ права, не скупились на новыя, были равнодушны къ своеволію сеймовъ, раздавали обширныя помѣстья и до того были щедры, что сынъ Казимировъ Александръ, раздаривъ всѣ королевскія отчины, не

зналъ, чѣмъ покрыть расходы собственнаго стола. Къ личнымъ выгодамъ дворянства присовокупилась выгода и всего королевства: признавая королемъ великаго князя Литовскаго, оно обуздывало воинственный народъ, искони страшный оружіемъ, находило въ немъ защиту отъ Татаръ Крымскихъ и предупреждало опасное для себя соединеніе западной Руси съ восточною. Но едвали не усерднѣе всѣхъ хлопотало о союзѣ Литовскаго княжества съ Польшею Латинское духовенство: въ этомъ союзѣ видѣло оно самое удобное средство къ исполненію постоянной мысли Римскаго двора подчинить Россійскую церковь папѣ, не терявшему надежды присвоить надъ нею власть, даже послѣ неудачныхъ попытокъ при Даніилѣ Романовичѣ и Александрѣ Невскомъ. Надежда его пробудилась съ живѣйшею силою послѣ того, какъ Ягелло, вступая на престолъ Пястовъ, далъ легкомысленное обѣщаніе обратить въ Латинскую вѣру наслѣдственное государство. Думая, что рѣчь идетъ о всѣхъ подданныхъ его, Польскіе епископы съ жаромъ принялись за дѣло: по ихъ убѣжденію, Ягелло издалъ нѣсколько строгихъ законовъ противъ послѣдователей Греческой вѣры, запрещалъ браки католиковъ съ некатоликами, требовалъ, чтобы высшіе сановники были Римскаго вѣроисповѣданія. Хотя эта мѣра была безуспѣшна, и Литовское княжество неоднократно отдѣлялось отъ Польши, грозившей гоненіемъ православію; но Римскій дворъ надѣялся, что время дастъ иной оборотъ дѣлу.

Опасаясь, чтобы съ пресѣченіемъ дома Ягеллонова, Литовское княжество не отошло къ государству Московскому, какъ того желали всѣ православные, добровольно, цѣлыми городами, присоединяясь къ державѣ потомковъ Іоанна Калиты, Польскіе вельможи, поддерживаемые духовенствомъ, умоляли Сигизмунда Августа принять мѣры къ укрѣпленію союза всѣхъ подвластныхъ ему народовъ. Король неоднократно для сей цѣли созывалъ сеймы, но всегда безуспѣшно, доколѣ живъ былъ князь Николай Радзивилъ, канцлеръ Литовскій, благородный защитникъ народности своего отечества; онъ говорилъ, что «Поляки льнутъ къ Литвѣ, какъ пчелы къ цвѣтамъ, чтобы высосавъ медъ, бросить ихъ.» По смерти Радзивила, не опасаясь найти упорныхъ противниковъ соединенія, Сигизмундъ предложилъ на сеймѣ Люблинскомъ исполнить, что обѣщалъ предокъ его Ягелло, и торжественною присягою утвердить соединеніе Литвы съ

Польшею въ одно неразрывное государство. Представители великаго княжества Литовскаго, по прежнему чуждаясь Поляковъ, сильно возражали противъ такой мѣры, изъявляя громкій ропотъ. Когда же Сигизмундъ прибѣгнулъ къ насилію, они большею частію оставили сеймъ, не откланявшись королю. Волю его согласились исполнить весьма немногіе; но въ числѣ ихъ были двое изъ знатнѣйшихъ вельможъ, имѣвшіе рѣшительное вліяніе въ своемъ отечествѣ и по богатству и по многочисленности приверженцевъ, князь Константинъ Острожскій, воевода Кіевскій, и князь Александръ Чарторижскій, воевода Волынскій: въ угожденіе Сигизмунду, они заглушили упреки народной гордости и
1569. подписали постановленіе Люблинскаго сейма. Положено было Литовское княжество и Польское королевство соединить въ одну *Рѣчь посполитую* (respublica); ни тому, ни другому не избирать отдѣльно государя; королю Польскому быть и великимъ княземъ Литовскимъ; для избранія короля и для сужденія о дѣлахъ государственныхъ, депутатамъ Литвы и Польши собираться на общемъ сеймѣ въ Варшавѣ; дѣла рѣшать большинствомъ голосовъ; правамъ и преимуществамъ обоихъ народовъ быть совершенно равными; вѣроисповѣданію оставаться свободнымъ. Такимъ образомъ послѣ двухвѣковыхъ усилій, Поляки достигли своей цѣли: скрѣпили союзъ княжества Литовскаго съ королевствомъ; но вскорѣ они убѣдились, что въ этомъ вожделѣнномъ для нихъ союзѣ зрѣютъ не тѣ плоды, которыхъ они ожидали.

Отношенія Литовскаго княжества къ Россіи.

Смертью Сигизмунда Августа угасъ домъ Ягеллоновъ. Поляки приняли за правило возводить на престолъ иноземцевъ и заключать съ каждымъ королемъ pacta conventa, или въ нѣкоторомъ смыслѣ контрактъ, на основаніи котораго государь не имѣлъ никакой власти и совершенно зависѣлъ отъ сейма, или справедливѣе отъ вельможъ: онъ дѣлался орудіемъ партій и необузданнаго своеволія. Оставалось только найти, кто бы согласился подписать pacta conventa. Сеймъ думалъ избрать Австрійскаго принца; но султанъ Турецкій объявилъ ему рѣшительную волю, что онъ не хочетъ видѣть на Польскомъ престолѣ никого изъ Австрійскаго дома и предлагалъ въ короли Французскаго принца. Поляки охотно согласились на это предложеніе, во-первыхъ потому, что они не желали раздражать султана; во-вторыхъ потому, что самая странность выбора льстила ихъ тщеславію, доказывая Европѣ, что рѣчь посполитая имѣетъ власть вручать коро-

ну кому хочетъ; главное же, дворянство было увѣрено, что принцъ, менѣе всѣхъ помышлявшій о коронѣ, безъ прекословія подпишетъ всѣ предложенныя ему условія; духовенство съ своей стороны видѣло въ немъ самаго ревностнаго покровителя Латинской церкви: ибо незадолго предъ тѣмъ онъ участвовалъ въ истребленіи Гугенотовъ въ Парижѣ. Взвѣсивъ всѣ выгоды, сеймъ не призналъ никого достойнѣе Генриха Валуа быть королемъ: онъ избранъ панами Польскими.

Иныя правила руководствовали представителей великаго княжества Литовскаго. Русскіе искони привыкли думать, что верховная власть принадлежитъ тому, кто избранъ Провидѣніемъ, и что Судьба назначила единственно дому Владиміра св. господствовать въ Русской землѣ. Съ этою мыслію они повиновались князьямъ изъ Рюрикова колѣна; съ тою же мыслію признавали надъ собою власть дома Гедиминова, считая его, по темному преданію, отраслію того же владѣтельнаго племени, отъ коего происходили и государи Московскіе. Теперь, когда домъ Гедимина угасъ, въ права его вступалъ домъ Іоанна Калиты. Въ самомъ дѣлѣ представители великаго княжества Литовскаго, съ негодованіемъ отвергнувъ чуждаго принца, почти единодушно предлагали корону царю Іоанну Васильевичу Грозному, уже довольно зная о крутости его характера. Іоаннъ не обнаружилъ большой охоты принять корону Пястовъ; сверхъ того встрѣтилъ сильное упорство въ Полякахъ; Генрихъ Валуа между тѣмъ прибылъ, и Литовскіе чины съ огорченіемъ согласились признать его государемъ. Но Генрихъ увидѣлъ на Польскихъ сеймахъ такое буйное своеволіе, что чрезъ пять мѣсяцевъ послѣ коронаціи, тайно бѣжалъ изъ Польши во Францію, гдѣ, по смерти Карла IX, его ожидала болѣе завидная корона Французская. На мѣсто его Поляки спѣшили избрать Стефана Баторія, воеводу Семиградскаго, снова въ угожде- 1575.
ніе султану, который считалъ его своимъ данникомъ. Баторій былъ истинно великій государь: съ ничтожными средствами, предводительствуя буйною шляхтою, онъ заставилъ трепетать Іоанна Грознаго и вырвалъ изъ рукъ его Ливонію. Какъ умный политикъ, вполнѣ понимая непрочность союза западной Руси съ Польшею и предугадывая, что въ немъ кроются сѣмена вѣчнаго раздора, долженствовавшія погубить Польшу, онъ искренно желалъ избавить королевство отъ грозившей ему бѣды и предлагалъ Ѳеодору Іоанновичу

заключить заранѣе договоръ о соединеніи рѣчи посполитой съ Московскимъ государствомъ, немедленно по кончинѣ одного изъ обоихъ государей такъ, чтобы оставшійся въ живыхъ царствовалъ и въ Москвѣ и въ Варшавѣ. Бояре наши, считая такое предложеніе коварною сѣтью, отвергли оное съ негодованіемъ. Но едва умеръ Баторій, при назначеніи ему преемника, Литовско-Русскіе чины снова подали рѣшительный голосъ въ пользу Θеодора Іоанновича и такъ были тверды въ своемъ намѣреніи, что Польскіе паны должны были съ ними согласиться и провозгласили королемъ Русскаго государя; однакожъ вскорѣ поставили на своемъ: успѣли представить условія, предложенныя Θеодоромъ, унизительными для рѣчи посполитой, и избрали на престолъ Шведскаго принца Сигизмунда III, потомка Ягеллонова по женскому колѣну [1].

Двукратное, рѣшительное намѣреніе великаго княжества Литовскаго поручить судьбу свою Московскому государю, встревожило и Римскій дворъ и Польскій сенатъ. Они видѣли, что по соединеніи западной Руси съ восточною, Польша должна будетъ или войти въ составъ Русскаго государства, подобно царству Казанскому, или отдѣлившись отъ Литовскаго княжества, возвратиться въ то ничтожное состояніе, въ которомъ была прежде до Ягелла. Конечно Поляки должны были считать себѣ за честь видѣть своими государями такихъ вѣнценосцевъ, каковы были потомки Іоанна Калиты; но признавая власть Русскаго самодержца, магнаты Польскіе не могли ручаться за свою необузданную волю, за право шумѣть на сеймахъ, спорить съ королемъ, самовластвовать въ помѣстьяхъ. Для расторженія союза западной Руси съ восточною, въ Польшѣ, со временъ Сигизмунда III, составленъ планъ искоренить въ Литовскомъ княжествѣ все Русское, чтобы, сокрушивъ самые священные залоги бытія народнаго, создать новое племя и слить его съ Поляками.

Четыре главныя условія служатъ основаніемъ народности: гражданскіе уставы, языкъ, вѣра, исторія. Они были главною препоною сліянію обитателей западной Руси въ одинъ народъ съ Поляками, напоминая имъ, на каждомъ шагу, родство съ обитателями Московскаго государства.

1. Онъ былъ сынъ Екатерины Сигизмундовны, дочери Сигизмунда I, вышедшей замужъ за Шведскаго принца Іоанна, сына Густава Вазы. О желаніи Литовскихъ чиновъ присоединиться къ Россіи, см. статью Малиновскаго въ Трудахъ общества древностей Россійскихъ. М. 1833.

Правда Поляки успѣли уже ввести въ Литовское княжество многія формы своего правленія, но законы гражданскіе оставались чисто Русскими. Собранные въ одно цѣлое при Сигизмундѣ I, дополненные при Сигизмундѣ II и утвержденные Сигизмундомъ III, они были напечатаны въ 1588 году въ Вильнѣ, подъ именемъ Литовскаго статута, на *Русскомъ языкѣ* *. — Господствующимъ языкомъ въ Литовскомъ княжествѣ былъ Русскій; только въ сѣверной части княжества, въ воеводствахъ Виленскомъ и Трокскомъ, удержалось Латышское нарѣчіе; но обитатели этихъ областей, составляя въ общей массѣ народонаселенія не болѣе 12 части, были слишкомъ малочисленны въ сравненіи съ Русскимъ народомъ; притомъ же одни низшія сословія сохранили древнее нарѣчіе; высшія предпочитали ему языкъ Русскій: его употребляли въ священнодѣйствіи (по Греческому закону), во всѣхъ дѣлахъ гражданскихъ, въ общежитіи; на немъ писали всѣ судебные акты и государственныя постановленія; онъ былъ языкомъ придворнымъ до времень Сигизмунда Августа, который сталъ замѣнять его Польскимъ. — Спасая родное слово, народъ тѣмъ усерднѣе берегъ святыню предковъ: во всѣхъ Русскихъ областяхъ, вошедшихъ въ составъ Литовскаго княжества, господствовалъ Греческій законъ. Православные епископы имѣли свое пребываніе въ Луцкѣ, Владимірѣ Волынскомъ, Туровѣ, Пинскѣ, Могилевѣ, Полоцкѣ. Въ самой Вильнѣ, средоточіи Литвы, исповѣдывавшей Латинскую вѣру, было болѣе 30 церквей Грекороссійскихъ и только 7 костеловъ Римскихъ. Тамъ находилась и каѳедра православной митрополіи. Дворъ великаго князя состоялъ изъ вельможъ большею частію Греческаго вѣроисповѣданія; въ числѣ ихъ были не только потомки древнихъ Русскихъ князей, но и многіе коренные Литовцы, напримѣръ: князья Вишневецкіе, Дубровецкіе, Корецкіе, Крошинскіе, Масальскіе, Огинскіе, Острожскіе, Рожинскіе, Любецкіе, Сангушки, Чарторижскіе; дворяне Воловичи, Глѣбовичи, Кмиты, Пацы, Поцеи, Сапѣги, Хоткѣвичи, Хребтовичи и др. Всѣ они исповѣдывали, до конца XVI вѣка, вѣру православную. — Кромѣ законовъ гражданскихъ, языка и вѣры, исторія живо напоминала обитателямъ западной Руси, что предки ихъ принадлежали къ тому же семейству, отъ котораго произошли обитатели и восточной Руси; ихъ плѣняла слава государей Московскихъ, какъ слава родины.

* Статутъ великаго княжества Литовскаго 1588, Изд. Москов. обществомъ Исторіи и древ. Россійс.

Такимъ образомъ главныя условія народности, то, что составляетъ неразрывную связь племенъ, отвлекая Литовское княжество отъ Польши, сближали его съ Московскимъ государствомъ. Поляки рѣшились разорвать эту связь. Начали съ вѣры.

II. УНІЯ *.

1596.

Характеръ православія.

Россійская церковь, отъ самаго начала ея до конца XVI столѣтія, болѣе 6 вѣковъ, была единая, нераздѣльная, составляя часть вселенской православной церкви; послѣдователи ея, во всей Русской землѣ, съ неуклоннымъ постоянствомъ держались однихъ и тѣхъ же правилъ, догматовъ, обрядовъ. Славянскій переводъ Библіи, трудовъ Кирилла и Мефодія, служилъ основою православія; Греческій номоканонъ, заключавшій въ себѣ правила св. отцевъ, вмѣстѣ съ грамматами великихъ князей и соборными постановленіями, опредѣлялъ судъ и расправу; Византійскій патріархъ утверждалъ Русскихъ святителей. Все, что было постановлено вселенскими соборами, соблюдалось у насъ строго; все, чему вѣрили, что признавали отцы и дѣды, переходило, какъ завѣтъ священный, изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ.

Безмятежность православной церкви основана была преимущественно на благопріятныхъ отношеніяхъ духовенства къ обществу, установленныхъ при Владимірѣ св. и Ярославѣ мудромъ, на личныхъ достоинствахъ святителей и на характерѣ народномъ. Россійское духовенство не составляло, подобно Римскому, отдѣльнаго міра въ государствѣ: оно вполнѣ зависѣло отъ великаго князя, безъ воли котораго никакое важное церковное распоряженіе не могло быть приведено въ дѣйствіе. Святители по большей части украшались Христіанскими добродѣтелями: не вмѣшивались въ дѣла свѣтскія, когда не было на то желанія государей; если же являлись на поприщѣ политическомъ, то всегда къ чести своего званія: во время удѣльное, они мирили князей; при Монголахъ благословляли Русскихъ на борьбу съ губителями отечества; въ дѣлахъ же вѣры не обнаруживали духа нетерпимости или фанатизма, не искали славы на-

* Бантышъ-Каменскій. Исторія объ Уніи. М. 1805. — Евгеній. Описаніе Кіевской іерархіи, Кіевъ, 1825.

сильственнаго обращенія иновѣрцевъ въ свой законъ и отклоняли вызовы Римскихъ папъ къ пренію о вѣрѣ, считая подобные споры безполезными. Ревностно исполняя свой долгъ, распространяя въ народѣ не только истины Христіанскія, но и полезныя свѣдѣнія житейскія, напримѣръ, врачебныя, служители православной церкви въ то же время съ рѣдкою скромностію передавали потомству память современныхъ событій въ безпристрастныхъ лѣтописяхъ. Однимъ словомъ, Русское духовенство не было въ разладѣ ни съ міромъ, ни съ человѣкомъ, ни съ властію. Все это отразилось и въ народѣ: предки наши, слушая слова Евангелія на языкѣ понятномъ, въ храмахъ, исполненныхъ красоты и величія, пріобрѣли ту набожность тихую, мирную, которою они отличались отъ всѣхъ Европейскихъ народовъ. Они смотрѣли на свою церковь, какъ на единую, святую; чуждались всего не Русскаго, всякой новизны; желали только одного: безмятежно покланяться Христу Спасителю, по примѣру отцовъ и дѣдовъ.

При такомъ религіозномъ направленіи, въ нѣдрахъ самой церкви не могло быть ни ересей, ни расколовъ. Изрѣдка находили на нее тучи извнѣ: Болгарскіе и Сирскіе святители, присылаемые Греческими патріархами, приносили иногда духъ любостяжанія, дававшій поводъ къ разнымъ соблазнамъ; но неустройства продолжались недолго и не оставляли никакихъ слѣдовъ. Самое отдѣленіе Кіевской митрополіи отъ Московской, бывъ дѣломъ самовластнаго Витолда, не уничтожило единства Грекороссійской церкви и не поколебало православія: въ западной Руси, или въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, остались тѣ же догматы, обряды, какъ и въ восточной. Кіевскій митрополитъ, наравнѣ съ Московскимъ, признавалъ верховную власть Византійскаго патріарха. Слѣдственно это отдѣленіе не было расколомъ церкви.

Между тѣмъ постоянная опасность угрожала православію съ запада, изъ Рима. Папы, вопреки всѣмъ неудачнымъ попыткамъ, не оставляли насъ въ покоѣ, при каждомъ удобномъ случаѣ возобновляя старанія подчинить своей власти Россійскую церковь. Такъ они разставляли сѣти Роману Волынскому, Даніилу Галицкому, Александру Невскому, обѣщая имъ вѣнцы королевскіе, въ награду за признаніе своей власти; проповѣдывали крестовые походы въ Швеціи, въ Ливоніи, въ Польшѣ, въ Венгріи, чтобы силою оружія Властолюбіе папы.

обратить Русскихъ въ Латинскую вѣру, и все напрасно: ни князья, ни подданные не измѣняли закону прародительскому. Римскій дворъ не терялъ однако надежды, и въ половинѣ XV вѣка успѣлъ потревожить Греческую церковь въ самой Византіи, впрочемъ не надолго. Соборъ Флорентійскій остался безъ важныхъ послѣдствій: ни Греки, ни Русскіе не хотѣли признать власть папы. Послѣ такой неудачи, казалось, Римскій дворъ убѣдится въ невозможности поколебать Грекороссійскую церковь и оставитъ ее въ покоѣ, особенно когда въ подвластныхъ ему странахъ, въ Германіи, Франціи, Голландіи, Швеціи, Англіи, появились многочисленныя секты протестантовъ. Быстрые успѣхи Лютера, Кальвина и другихъ реформаторовъ, свидѣтельствовали, что господство папы было слишкомъ тягостно для самыхъ древнихъ его приверженцевъ. Но политика Римскаго двора не измѣнялась: воспламеняя въ западной Европѣ междоусобныя войны, для истребленія Лютеранъ, Кальвинистовъ, Цвингліянъ, онъ не спускалъ глазъ и съ нашего отечества.

Езуиты.

Главнымъ орудіемъ его былъ орденъ Езуитовъ, учрежденный именно съ тою цѣлію, чтобы распространить папскую власть во всѣхъ концахъ міра, между народами, никогда непризнававшими ея, въ замѣнъ утраченнаго господства въ большей части Европы. Езуиты всегда и вездѣ дѣйствовали одинаково, съ рѣдкимъ искусствомъ, съ неутомимою ревностію, не разбирая средствъ къ достиженію цѣли. При Сигизмундѣ Августѣ они появились въ Польшѣ; нашли тамъ еще болѣе усердныхъ покровителей, чѣмъ въ самой Италіи, овладѣли совѣстью королей, господствовали на сеймахъ, въ сенатѣ, управляли политикою. Отселѣ они начали разставлять сѣти для уловленія Русскихъ. Езуиты такъ были увѣрены въ своихъ силахъ, такъ хорошо умѣли тревожить совѣсть людей, что сначала считали возможнымъ совратить Русскихъ съ пути православія однимъ искусствомъ убѣжденія: съ сею цѣлію множество книгъ, частію полемическихъ, частію догматическихъ, разсѣяно было въ Литовскомъ княжествѣ; между тѣмъ въ Вильнѣ, Полоцкѣ, на Волыни учреждены были школы для воспитанія юношества; этого мало: ревностнѣйшій изъ членовъ ордена, Антоній Поссевинъ дерзнулъ даже думать о возможности склонить Іоанна Грознаго къ соединенію восточной церкви съ западною, и послѣ заключенія Запольскаго мира, въ на-

граду за свое усердіе, просилъ неотступно царскаго согласія на споръ о вѣрѣ. Іоаннъ вступилъ съ нимъ въ богословское преніе, торжественно, въ присутствіи своего двора; три раза бесѣдовалъ съ нимъ о власти папы, о разности догматовъ, обрядовъ, и одною силою здраваго смысла, опираясь на правоту своего дѣла, пристыдилъ умнѣйшаго изъ Езуитовъ въ нелѣпыхъ заблужденіяхъ. Въ западной Руси, равнымъ образомъ нашлись ревностные поборники православія: въ числѣ ихъ особенно замѣчателенъ князь Константинъ Острожскій; не послѣднее мѣсто занимаетъ и князь Курбскій. Вопреки всѣмъ усиліямъ, успѣхъ Езуитовъ былъ незначителенъ, и по всей вѣроятности замыслы ихъ кончились бы ничѣмъ, еслибы стеченіе совершенно постороннихъ для церкви обстоятельствъ не помогло имъ.

Луцкій епископъ Кириллъ Терлецкій, порочною жизнію вынудивъ Константинопольскаго патріарха Іеремію нарядить судъ для изслѣдованія своихъ преступленій, въ числѣ коихъ были даже уголовныя [1], и опасаясь лишиться сана, успѣлъ вооружить противъ патріарха Кіевскаго митрополита Михаила Рагозу, который, также чувствуя себя не совсѣмъ правымъ, боялся, что и до него дойдетъ очередь строгаго суда патріаршаго. Для устраненія опасности, они согласились отдаться въ покровительство папы. Надежда избавиться отъ бѣды была главною, побудительною причиною ихъ намѣренія; къ ней присоединилась и другая: потомки Ягелла, уравнявъ Литовское княжество съ Польскимъ королевствомъ въ правахъ гражданскихъ, не дали православному духовенству тѣхъ преимуществъ, которыми пользовалось Римское: Русскіе епископы не присутствовали въ сенатѣ и при всякомъ случаѣ уступали Латинскимъ. Честолюбивый Рагоза искалъ тѣхъ же выгодъ, и получивъ отъ Сигизмунда III обѣщаніе на уравненіе правъ, началъ дѣйствовать за одно съ Терлецкимъ. Душею совѣтовъ ихъ былъ Ипатій Поцей, человѣкъ хитрый, искусный въ богословіи, бывшій прежде каштеляномъ въ Брестѣ, постриженный Терлецкимъ въ монахи и посвященный митрополитомъ Рагозою въ санъ Владимірскаго епископа. Въ первый годъ своего святительства, Поцей созвалъ четырехъ епископовъ въ Брестъ, подъ предлогомъ разсужденія о мѣрахъ къ безопасности право-

(Начало Уніи; 1589; 1590.)

1. Его обвиняли въ двоеженствѣ, въ смертоубійствѣ, въ дѣланіи фальшивой монеты, въ покровительствѣ воровъ.

славной церкви, утѣсняемой Польскимъ сенатомъ и Латин-
скимъ духовенствомъ; говорилъ, что патріархи, подвластные
Турецкому султану, не пекутся о выгодахъ Русскаго духо-
венства, заботятся только о собственномъ богатствѣ, утѣс-
няютъ православныхъ поборами, и какъ лучшее средство
къ устраненію всѣхъ неудобствъ, предлагалъ *Унію* или сое-
диненіе Грековосточной церкви съ Римскою, на основаніи
Флорентійскаго собора. Терлецкій былъ согласенъ съ нимъ;
другіе три епископа отвергли эту мѣру. Поцей рѣшился
приготовить прежде умы, объѣздилъ всю Литовскую Русь,
вездѣ разсѣявая плевелы съ укоризнами на патріарховъ, и
чрезъ три года созвалъ второй соборъ, многочисленнѣйшій,
1593. во Львовѣ; но также безъ успѣха; въ слѣдъ за тѣмъ тре-
тій въ Брестѣ. Здѣсь 2 Декабря 1594 года митрополитъ
Рагоза, четыре епископа (изъ коихъ двое еще не были по-
священы) и одинъ архимандритъ подписали соборное опре-
дѣленіе объ Уніи [1]. Положено было: подъ предлогомъ не-
радѣнія патріарховъ о Россійской церкви, соединить ее съ
Римскою, на основаніи Флорентійскаго собора, признать па-
пу главою всего Христіанства, но оставить неприкосновен-
ными всѣ обряды Грековосточной церкви, священнодѣй-
ствовать на Русскомъ языкѣ и не требовать отъ папы ста-
вленныхъ грамматъ на утвержденіе избираемыхъ епископовъ.

Главные виновники раскола, Терлецкій и Поцей, съ согласія Сигизмунда, тайно отправились въ Римъ, гдѣ, къ величайшей радости Климента VIII, представивъ ему въ подлинникѣ опредѣленіе Брестскаго собора, не только признавали папу главою православной церкви въ Литовскомъ княжествѣ, но и согласились сами собою, даже безъ вѣдома пославшихъ, принять многое, чего не было имъ поручено, напримѣръ вѣрованіе въ дѣйствительность индульгенцій. Между тѣмъ епископы Львовскій Гедеонъ и Перемышльскій Михаилъ (Копыстенскій), свѣдавъ о посольствѣ въ Римъ, объявили торжественно, что они не согласны на Унію; еще сильнѣе и краснорѣчивѣе говорилъ и писалъ противъ раскола князь Константинъ Острожскій. Напрасно Рагоза, опасаясь возстанія, увѣрялъ князя, что онъ не думаетъ из-

1. Постановленіе подписали: Михаилъ, митрополитъ; Ипатій, епископъ Владимірскій и Брестскій; Кириллъ, епископъ Луцкій и Острожскій; Григорій, нарѣченный архіепископъ Полоцкій и Витебскій; Діонисій, епископъ Хелмскій и Бельзскій; Леонтій, епископъ Пинскій и Туровскій; Іона, архимандритъ Кобринскаго монастыря и тотъ же Іона, назвавъ себя нарѣченнымъ епископомъ Пинскимъ и Туровскимъ. Не согласились на постановленіе: Наѳанаилъ, архіепископъ Полоцкій; Михаилъ, епископъ Перемышльскій и Гедеонъ, епископъ Львовскій и Каменецкій.

мѣнять православію; молва о предательствѣ церкви митрополитомъ взволновала всю Русь Литовскую; низшія сословія изъявляли громкій ропотъ; высшія не хотѣли участвовать въ коронномъ сеймѣ, доколѣ не будетъ рѣшенъ вопросъ о вѣрѣ.

Терлецкій и Поцей, возвратясь изъ Рима съ папскою буллою, коею Климентъ VIII просилъ Сигизмунда сравнять уніатовъ во всѣхъ правахъ съ Латинскимъ духовенствомъ (чего король впрочемъ не исполнилъ), спѣшили созвать новый соборъ опять въ Брестѣ, для торжественнаго введенія Уніи. Туда съѣхалось множество особъ духовныхъ и свѣтскихъ изъ всего княжества Литовскаго, также изъ Греціи; явились и Польскіе епископы. Но еще до начала совѣщанія обнаружилась непримиримая вражда: соборъ раздѣлился на двѣ стороны; самая многочисленная, главою коей былъ князь Острожскій, объявила рѣшительно, что Русскій народъ не хочетъ слышать объ Уніи, что митрополитъ предалъ церковь папѣ изъ личныхъ видовъ, что онъ и сообщники его должны быть лишены сана, какъ измѣнники православія. Противная сторона, слабая числомъ, но сильная покровительствомъ Сигизмунда, обнародовала актъ объ Уніи, соединилась съ Латинскимъ духовенствомъ, вступила въ костелъ и на литургіи провозгласила имя папы вмѣсто патріаршаго. Унія возникла. Но въ началѣ она имѣла еще менѣе приверженцевъ, чѣмъ даже соборъ Флорентійскій, и по всей вѣроятности, при очевидной ненависти къ ней народа, исчезла бы сама собою, еслибы Езуиты не приняли мѣръ къ ея распространенію.

Брестскій Соборъ. 1596.

Бывъ дѣломъ немногихъ лицъ, руководимыхъ личными видами, Унія въ самомъ началѣ находила приверженцевъ только въ такихъ людяхъ, которые, подобно Рагозѣ, Терлецкому и Поцею, искали мірскихъ выгодъ и заглушали упреки совѣсти. Число ихъ не могло быть значительно; Русскій народъ роптал явно на такую неслыханную новость, и весьма естественно: не имѣя никакого богословскаго основанія, Унія не была даже ученіемъ секты, въ родѣ сектъ Лютеранскихъ; дѣло шло только о томъ, кого признавать главою церкви, папу ли, патріарха ли? Нельзя было думать, чтобы Русскій народъ согласился промѣнять патріарха на папу, когда все напоминало ему о Греціи, отдаляя отъ Рима, и обряды богослуженія, и догматы вѣры, и права церкви, и преданія исторіи. Езуиты однакожъ не

Мѣры къ распространенію Уніи.

унывали; руководимый совѣтами ихъ и слѣпою привязанностію къ Римскому двору, Сигизмундъ III спѣшилъ довершить начатое дѣло: онъ принялъ за правило не дозволять посвященія въ митрополиты и епископы людей, отвергавшихъ Унію; отдавалъ уніатамъ богатѣйшіе монастыри и приходы; оказывалъ имъ при всякомъ случаѣ явное доброжелательство, притѣсняя православныхъ; возводилъ на степени государственныхъ сановниковъ преимущественно послѣдователей Уніи. Неминуемымъ слѣдствіемъ такой политики была непримиримая ненависть обѣихъ партій: одна старалась уничтожить другую: ибо вмѣстѣ существовать не могли. Уніаты, дѣйствуя въ духѣ Езуитовъ, для собственной безопасности, еще болѣе изъ видовъ корыстолюбія, всѣми средствами старались умножать число своихъ послѣдователей, и находя въ судахъ гражданскихъ, епископскихъ, на сеймахъ, въ сенатѣ, въ королѣ, ревностныхъ покровителей, преступали нерѣдко предѣлы справедливости. Ненависть ихъ преимущественно устремлялась на служителей церкви, недоступныхъ соблазну: всѣ непоколебимые въ православіи подвергались всякаго рода оскорбленіямъ; съ безчестіемъ были изгоняемы изъ приходовъ, по ложнымъ доносамъ предавались суду и нерѣдко оканчивали жизнь въ оковахъ. Цѣлые округи оставались безъ священниковъ; церкви были заперты или разрушены; нѣкоторыя обращены въ шинки, въ конюшни; мертвыхъ некому было отпѣвать, младенцевъ крестить. При такихъ насильственныхъ мѣрахъ, Унія распространялась; Сигизмундъ и Езуиты радовались исполненію своихъ замысловъ; но радость ихъ была недолговременна: Малороссія доказала имъ, какихъ плодовъ могла ожидать Польша отъ Уніи.

Малороссія. Малороссія *, со временъ Витолда, составляя часть великаго княжества Литовскаго, заключавшуюся въ предѣлахъ нынѣшнихъ губерній Кіевской, Подольской, Полтавской и Черниговской, въ 1569 году, вмѣстѣ съ другими областями западной Руси, присоединилась къ Польскому королевству. Для всѣхъ Русскихъ областей владычество Поляковъ было тягостно; для Малороссіи нестерпимо. Здѣсь, на берегахъ Днѣпра, Десны, Сулы, все носило свой глубоко врѣзанный отпечатокъ; Кіевъ, съ окрестными городами, съ своими хра-

* Бантышъ-Каменскій. Исторія Малой Россіи. 3 ч. М 1830. — Маркевичъ. Исторія Малороссіи. 5 ч. М. 1842. — Engel. Geschichte der Ukraine. Halle, 1796.

мами, св. угодниками, историческими воспоминаніями, поддерживалъ народность и не давалъ ослабѣть Русскому духу. Поляки не только не могли сродниться съ обитателями Малороссіи, но и навлекли на себя ихъ ненависть, присвоивая земли, угнетая низшія сословія, вводя Жидовъ, Езуитовъ. Тѣже бѣдствія были удѣломъ и другихъ Русскихъ областей, соединившихся съ Польшею; но Бѣлоруссія, Волынь, Галиція, съ безмолвіемъ сносили страданія, не находя средствъ къ сверженію ига. Малороссія не стерпѣла своихъ бѣдствій: она имѣла ревностныхъ защитниковъ своей вѣры, своихъ уставовъ, въ собственныхъ сынахъ, въ Казакахъ.

Казаки Малороссійскіе образовались по примѣру Донскихъ. Первоначальное воинственное братство, служившее основаніемъ ихъ, возникло въ концѣ XV вѣка, въ низовьяхъ Днѣпра, подъ именемъ Черкасъ и Запорожцевъ. Подобно Донскимъ Казакамъ, они принимали въ свои коши всѣхъ людей отважныхъ, искавшихъ необузданной воли. Единственною цѣлью ихъ жизни была война съ Татарами Крымскими и Турками. Рѣдкій годъ проходилъ безъ кровавыхъ сѣчь *. Запорожцы обыкновенно садились въ легкіе челны, спускались по Днѣпру къ лиману и штурмовали Татарскія крѣпости Очаковъ, Бѣлгородъ, Исламъ-Кермень; нерѣдко врывались въ Крымъ; случалось, предпринимали и отважнѣйшіе поиски: появлялись на своихъ чайкахъ въ Черномъ морѣ, не страшась ни бурь, ни Турецкаго флота, грабили окрестности Варны, самаго Стамбула, даже разоряли берега Анатоліи. Нѣсколько разъ Крымскіе ханы, подкрѣпляемые Турецкими янычарами, старались истребить Запорожцевъ, слабыхъ числомъ, сильныхъ рѣдкою отвагою, и всегда безъ успѣха. Казаки разсыпались по островкамъ Днѣпровскимъ, въ густыхъ камышахъ, встрѣчали враговъ ружейною пальбою, бросались въ рукопашный бой и отбивались. Многіе вожди ихъ еще до конца XVI вѣка вписали свое имя въ скрижали исторіи дѣлами славы. Таковы были: первый извѣстный предводитель ихъ Евстафій Дашковичъ, товарищъ его Ланцкоронскій и Вишневецкій. Они водили Казаковъ на Крымъ, въ Черное море, въ Молдавію, Венгрію, тревожили иногда Польшу, не щадили и Русской земли. По примѣру Запорожцевъ, образовались казацкія дружины въ Ма- Запорожье.

* Beauplan. Description d'Ukranie. Rouen, 1660. — Рус. пер. Описаніе Украйны. Спб. 1832.

лороссійскихъ городахъ. Онѣ состояли изъ воинственныхъ людей, соединенныхъ тѣсными узами братства, свободныхъ отъ общественныхъ повинностей и зависѣвшихъ единственно отъ своихъ старшинъ.

Дашковичъ. Государи Московскіе и великіе князья Литовскіе, постигавшіе всю важность казачества, которое могло служить оплотомъ для нихъ противъ хищныхъ Гиреевъ, другъ предъ другомъ старались присвоить надъ нимъ верховную власть. Съ своей стороны Казаки считали необходимымъ для себя покровительство Христіанскаго государя и долго колебались между Москвою и Литвою. Евстафій Дашковичъ, которому они обязаны первымъ правильнымъ устройствомъ, сохранившимся до конца XVI вѣка, указалъ имъ на царя Московскаго, какъ на истиннаго покровителя: плѣненный умомъ
1504. и славою Іоанна III, онъ искалъ чести служить ему и ударилъ челомъ со всѣмъ Запорожьемъ. Обстоятельства, соединенныя съ отдаленностію Казаковъ отъ тогдашнихъ Московскихъ предѣловъ, не допустили Іоанна утвердить надъ ними господство. Съ такимъ же предложеніемъ обратился къ внуку его, царю Іоанну Грозному, одинъ изъ преемниковъ Дашковича, князь Дмитрій Вишневецкій, обѣщая исторгнуть изъ власти Поляковъ Кіевъ, Волынь и Подолію. Государь, имѣя въ виду завоеваніе Ливоніи, и желая быть
1557. покойнымъ со стороны великаго князя Литовскаго, отвергнулъ уже занятые Вишневецкимъ во имя его Кіевскіе города и принялъ только его одного въ свою службу. Несчастная перемѣна въ характерѣ Іоанна побудила Вишневецкаго удалиться изъ Россіи.

Баторій. Стефанъ Баторій спѣшилъ воспользоваться несогласіемъ Казаковъ съ Москвою. Лучше всѣхъ предшественниковъ постигая выгоды отъ присоединенія ихъ къ королевству, онъ ласкалъ ихъ, давалъ имъ жалованье, сулилъ разныя льготы въ случаѣ подданства, и достигъ своей цѣли: они согласились признать его своимъ покровителемъ и обязались быть стражами Украйны отъ Татаръ. Баторій далъ Мало-
1576. россійскимъ Казакамъ правильное устройство, сообразное съ ихъ нравами и обычаями: раздѣлилъ ихъ на 10 полковъ или повѣтовъ (Чигиринскій, Корсунскій, Черкасскій, Уманскій, Ладыженскій, Богуславскій, Кіевскій, Переяславскій, Полтавскій и Миргородскій); каждый полкъ избиралъ своихъ старшинъ: обознаго, судью, писаря, есаула, хорунжаго, полковника, сотника и атамана; имѣлъ свой судъ и рас-

праву, получалъ во время службы жалованье. Главное начальство поручено было гетману, которому Баторій далъ королевское знамя, бунчукъ, булаву и городъ Батуринъ въ столицу. Право избирать гетмана предоставлено Казакамъ, которые сверхъ того были освобождены отъ податей и земскихъ повинностей. Опредѣленное число ихъ простиралось до 20,000. Такимъ образомъ Казаки составили въ нѣкоторомъ смыслѣ постоянное земское ополченіе Малороссіи. Оставшіеся на Днѣпровскихъ порогахъ удержали имя Запорожцевъ. Притонъ ихъ назывался Сѣчью и былъ переносимъ, смотря по обстоятельствамъ, съ одного мѣста на другое. Главная Сѣчь находилась на Хортицкомъ островѣ, ниже пороговъ, въ 15 верстахъ. Тамъ жили Казаки холостые, искавшіе опасности, грабежа и необузданной воли.

Признавъ своимъ покровителемъ Польскаго короля, Казаки не требовали отъ рѣчи посполитой ничего, кромѣ свободы бить невѣрныхъ и неприкосновенности своихъ уставовъ. Сигизмундъ III вздумалъ отнять у нихъ и то и другое. Вмѣсто того, чтобы пользоваться мужествомъ Казаковъ и образовать изъ нихъ оплотъ для Польши отъ вторженій Крымскихъ Татаръ, даже при содѣйствіи ихъ завоевать Тавриду, Сигизмундъ видѣлъ въ нихъ только виновниковъ вражды Польши съ Крымомъ. Въ самомъ дѣлѣ, считая, подобно рыцарямъ среднихъ вѣковъ, войну съ невѣрными главною цѣлью всѣхъ мыслей и желаній, витязи Малороссійскіе стекались въ Запорожье, не давали покоя ни Туркамъ, ни Татарамъ и отважными поисками въ Черномъ морѣ накликали на Польшу месть самого султана, коего она страшилась, какъ опаснѣйшаго непріятеля. Но принятыя королемъ мѣры къ обузданію воинственныхъ дѣтей Малороссіи только раздражали ихъ. Сигизмундъ хотѣлъ лишить ихъ того, чѣмъ болѣе всего они дорожили: воли и вѣры. Притѣсненія начались съ 1589 года, когда сеймъ опредѣлилъ: быть Казакамъ въ вѣдѣніи коронпаго гетмана, отъ коего вполнѣ зависѣть и старшинамъ ихъ; безъ позволенія его не ходить на поиски; Малороссійскимъ помѣщикамъ не отпускать крестьянъ къ Запорожцамъ, не продавать имъ, подъ смертною казнію управляющихъ помѣстьями, ни пороху, ни свинцу, ни жизненныхъ припасовъ. Столь насильственныя мѣры взволновали Казаковъ; они спѣшили доказать сейму свою волю: соединились съ Донцами, пустились въ Черное море, выжгли Трапезунтъ, ограбили Синопе и,

Угнетеніе Малороссіи.

1590.

возвратясь въ Сѣчь съ добычею, обратили оружіе и на Поляковъ. Кіевскій воевода князь Острожскій съ трудомъ успѣлъ смирить ихъ. Сигизмундъ долженъ былъ убѣдиться, что только благоразумная осторожность могла утвердить зависимость Малороссіи отъ королевства; король дѣйствовалъ вопреки правиламъ здравой политики: онъ считалъ самымъ лучшимъ средствомъ къ обузданію Казаковъ Унію. По во-
1596. лѣ его, Станиславъ Жолкѣвскій съ многочисленнымъ Польскимъ войскомъ вступилъ въ Малороссію, требуя, чтобы Казаки обязались присягою въ повиновеніи коронному гетману и признали папу со всѣми постановленіями Брестскаго собора. Всеобщій ропотъ Малороссіи былъ отвѣтомъ воззванію Уніатовъ. Казаки провозгласили своимъ гетманомъ храбраго Наливайку, встрѣтили Жолкѣвскаго близъ Чигирина, разбили его на голову, опустошили Волынь и Бѣлоруссію.

Войны Казацкія. Отселѣ запылала въ Малороссіи война почти безпрерывная между Казаками и Поляками; первые сражались за вѣру праотцевъ, за права, утвержденныя Баторіемъ; вторые напрягали всѣ силы къ распространенію Уніи: началась непримиримая вражда, доходившая до ожесточенія. Сеймъ неоднократно опредѣлялъ искоренить поголовно всѣхъ Казаковъ; они въ свою очередь возненавидѣли своихъ притѣснителей болѣе самыхъ Татаръ и не давали пощады ни старому, ни малому. Успѣхъ борьбы былъ то на той, то на другой сторонѣ: когда палъ Наливайко, взятый въ плѣнъ подъ Лубнами и замученный въ Варшавѣ, Казаки, оставшись безъ вождя, не въ силахъ были изгнать Езуитовъ и Уніатовъ, поддерживаемыхъ Польскими войсками. Безпримѣрное гоненіе было удѣломъ Малороссіи: Русскій народъ
1597. объявленъ на сеймѣ *бунтливымъ* и осужденъ въ рабство; Русскіе помѣщики утратили свои земли, перешедшія въ руки Польскихъ шляхтичей, если не хотѣли признать Унію; Русскіе храмы были запечатаны, или отданы въ аренду Жидамъ, которые отпирали ихъ для священнодѣйствія не иначе, какъ за извѣстную плату, до пяти талеровъ; крестины, свадьбы и похороны также были въ откупу у Жидовъ.

Сагайдачный. Но Малороссію хранило Запорожье: туда, въ неприступную для Поляковъ Сѣчь, стекались враги Уніи. Избранный ими въ гетманы Петръ Конашевичъ Сагайдачный успѣлъ внушить къ себѣ уваженіе Сигизмунду III сколько грозою своего оружія, столько и важными услугами, оказанными Польшѣ во время Московскаго похода въ 1618 году, и еще

болѣе при осадѣ Хотина Турками. Въ первомъ случаѣ, Сагайдачный избавилъ сына Сигизмундова отъ стыда безславнаго отступленія изъ предѣловъ Россіи и доставилъ ему всѣ выгоды Деулинскаго договора; во второмъ, помогъ Владиславу отстоять Хотинъ, спасти Польшу отъ вторженія 100,000 Турокъ и Татаръ. Пользуясь своими силами, ревностный въ православіи, онъ 4 раза принуждалъ сеймъ издавать постановленія въ пользу Грекороссійскаго духовенства; обуздывалъ Уніатовъ и Езуитовъ; писалъ противъ нихъ весьма умныя сочиненія, еще болѣе дѣйствовалъ: по его старанію, Іерусалимскій патріархъ Θеофанъ посвятилъ въ Кіевскіе православные митрополиты Іова Борецкаго.

По смерти Сагайдачнаго, гоненіе возобновилось съ безпримѣрнымъ ожесточеніемъ во всѣхъ Русскихъ областяхъ, 1622. подвластныхъ Сигизмунду; болѣе всего страдала Малороссія. Въ доказательство, съ какимъ насиліемъ Польское правительство обращало православныхъ въ Унію, приведемъ одинъ примѣръ: установленъ былъ такъ называемый *пасочный* сборъ, отданный въ откупъ Жидамъ; только они имѣли право продавать пасхальные хлѣбы къ празднику свѣтлаго воскресенія; Уніаты покупали ихъ за обыкновенную цѣну; Неуніаты платили пошлину. Первые отличались отъ послѣднихъ лоскуткомъ бумаги съ надписью *Уніатъ*. Если же при освященіи хлѣбовъ, откупщикъ находилъ испеченные прихожанами, онъ взыскивалъ съ нихъ въ пеню тройную цѣну. Сверхъ того, требовалось непремѣнно, чтобы каждое семейство покупало столько хлѣбовъ, сколько было въ немъ душъ, не исключая и младенцевъ.

Такія мѣры снова вывели Казаковъ изъ терпѣнія: они Тарасъ. избрали вождемъ Тараса Трясилу и близъ Переяславля поразили наголову шедшаго для усмиренія ихъ короннаго гетмана Конецпольскаго. Вся Малороссія возстала; Польскіе 1628. помѣщики большею частію изгнаны, нѣсколько тысячъ Жидовъ изрублено. Но время ея спасенія было еще далеко. Сигизмундъ выслалъ сильное войско. Николай Потоцкій успѣлъ окружить Казаковъ, предводимыхъ Павлюкомъ, и обѣщалъ имъ пощаду въ случаѣ покорности. Павлюкъ по- Павлюкъ. ложилъ оружіе; его схватили, отвезли въ Варшаву, какъ плѣнника, и тамъ со всѣми старшинами предали мучительной казни: съ Павлюка, съ живаго, содрали кожу. Въ слѣдъ за тѣмъ сеймъ постановилъ, что Казаки равны крестья- 1638. намъ, и назначилъ для управленія ими коммиссара съ нео-

граниченною властію живота и смерти. Малороссы еще разъ пытались свергнуть иго: провозгласили гетманомъ Остраницу и разбили вѣроломнаго Потоцкаго. Торжество ихъ было недолговременно: мужественный Остраница былъ схваченъ, подобно Павлюку, обманомъ и испыталъ ту же участь: онъ былъ колесованъ; сподвижники его погибли не менѣе мучительною смертью. Съ нимъ Малороссія потеряла послѣднюю надежду на освобожденіе отъ Польскаго ига и во все время правленія Владислава была беззащитною жертвою самовластія магнатовъ, изувѣрства Езуитовъ, корыстолюбія Жидовъ. Владиславъ не былъ виновенъ въ угнетеніи Малороссіи: онъ жалѣлъ о злосчастной долѣ ея и неоднократно предлагалъ сейму облегчить ея участь; но каждый разъ встрѣчалъ непреклонное упорство въ Польскихъ вельможахъ и епископахъ: первые не хотѣли разстаться съ обширными помѣстьями, отнятыми у Казаковъ, вторые не теряли надежды утвердить Унію.

Остраница.

III. САМОЗВАНЦЫ *.

1604 — 1612.

ремя самозванцевъ.

Вскорѣ послѣ того, какъ западная Русь была взволнована Уніею, инаго рода потрясеніе поколебало Русь восточную и едва не предало ея въ руки иноплеменниковъ. Оно было слѣдствіемъ прекращенія державной династіи и въ главной идеѣ сходствуетъ съ подобными переворотами западныхъ народовъ: какъ тамъ, такъ и здѣсь возникалъ споръ за корону между многими искателями; тѣмъ не менѣе событія, ознаменовавшія его, безпримѣрны въ исторіи. Оно представляетъ странную борьбу двухъ вѣнценосцевъ, равно умныхъ, хитрыхъ, избранныхъ государственными чинами, съ неизвѣстными бродягами, увлекшими за собою всѣ сословія однимъ именемъ младенца, давно лежавшаго въ могилѣ. Русскій народъ, одушевленный свойственною ему привязанностію къ роду законныхъ царей своихъ, вопреки всѣмъ свидѣтельствамъ, не хотѣлъ вѣрить, чтобы домъ Іоанновъ могъ угаснуть, думалъ спасти послѣднюю отрасль его и до

* «Лѣтопись о мятежахъ» (8 часть Никоновской лѣтописи). «Сказанія современниковъ о Самозванцахъ», 5 ч. Спб. 1831—1834. (Записки Бера, Паерле, Маржерета, Маскѣвича).—P. Petreius de Erlesunda Historien. Lips. 1620. — Жолкѣвскій, записки, перев. съ Польск. М. 1835. — Акты, изд. гр. Румянцевымъ и Археогр. коммиссіею.

того простеръ свое заблужденіе, что, даже послѣ Разстриги, стоило только Жиду назвать себя Димитріемъ, чтобы видѣть полцарство Русское у ногъ своихъ. Ослѣпленіе продолжалось цѣлыя 6 лѣтъ; въ послѣдствіи, когда неоднократные уроки образумили нашихъ предковъ, страсти уже не знали границъ и внутреннія неустройства наши приняли характеръ обыкновеннаго въ подобныхъ случаяхъ безначалія: возникли партіи, вмѣшались сосѣди; начались междоусобныя войны; явились защитники народной славы; національное чувство пробудилось, и поддерживаемое религіею, спасло Россію, вручивъ судьбу ея дому Романовыхъ.

При такомъ ходѣ событій, внутренній переломъ Россіи, отличается отъ подобныхъ случаевъ, встрѣчающихся въ исторіи прочихъ державъ, особеннымъ характеромъ, въ которомъ отразилась вся душа Русскаго народа. Это не былъ кровавый споръ за вѣру, потрясаемую сектами, столь несвойственный Русскимъ, ни политическій расколъ, порожденный неясностью или столкновеніемъ правъ нѣсколькихъ фамилій, ни порывъ народнаго соеволія: это было краснорѣчивое выраженіе двухъ главныхъ страстей Русскаго народа — безпредѣльной любви къ царскому дому и ненависти къ иноземному владычеству. Первая страсть отразилась въ удачной борьбѣ самозванцевъ съ Борисомъ Годуновымъ и Василіемъ Шуйскимъ; вторая въ борьбѣ Русскаго народа съ Поляками и Шведами. Покидая Бориса и Василія, всѣ сословія стекались подъ знамена Разстриги и Тушинскаго вора, съ одною мыслію спасти царскую отрасль. Когда же обманъ обнаружился несомнѣнно, все возстало въ грозномъ величіи, подъ знаменами Ляпунова и Пожарскаго за Русскую землю, терзаемую иноземцами. Отъ того время самозванцевъ, начавшись всеобщимъ взрывомъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ кончилось всеобщею тишиною, не оставивъ никакихъ слѣдовъ въ государственномъ организмѣ, не измѣнивъ прежнихъ уставовъ, понятій, отношеній, между тѣмъ, какъ подобныя явленія въ другихъ странахъ влекли за собою долголѣтнее броженіе умовъ и нерѣдко измѣняли коренные уставы государственные. Въ слѣдствіе сего время самозванцевъ достопамятно не по вліянію на государственное устройство, а по разнообразію чудныхъ, почти невѣроятныхъ событій, по краснорѣчивому выраженію народнаго характера, по дѣйствіямъ лицъ, являвшихся на сценѣ. Оно представляетъ три главныя картины: борьбу Годунова съ первымъ

самозванцемъ, кончившуюся паденіемъ того и другаго; борьбу Василія Шуйскаго со вторымъ самозванцемъ, имѣвшую такой же конецъ; борьбу Русскаго народа съ Поляками и Шведами за государственную независимость, прекращенную воцареніемъ дома Романовыхъ.

а. Лжедимитрій I.

1605 — 1606.

[Смерть св. Димитрія.]

Главнымъ источникомъ всеобщаго потрясенія Московскаго государства было странное событіе, доселѣ еще невполнѣ разгаданное, случившееся за 7 лѣтъ до восшествія Бориса на престолъ, при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, — смерть младшаго брата царскаго, девятилѣтняго Димитрія. По завѣщанію отца, Іоанна Грознаго, получивъ въ удѣлъ городъ Угличъ, царевичъ жилъ тамъ подъ надзоромъ матери и дядей изъ рода Нагихъ, до 1591 года, когда вся Россія узнала о жалостной кончинѣ его. Разнеслась молва, что сынъ дьяка Битяговскаго, управлявшаго хозяйствомъ Углицкаго двора и подкупленнаго Борисомъ, Данило съ двоюроднымъ братомъ, Качаловымъ, 15 мая, среди бѣлаго дня, зарѣзалъ царевича, игравшаго на дворѣ съ своими сверстниками; пономарь соборной церкви, видѣвшій убійство, ударилъ тревогу; народъ сбѣжался, умертвилъ обоихъ Битяговскихъ, Качалова и другихъ подозрѣваемыхъ людей. Хотя слѣдствіе [1], произведенное по царскому повелѣнію княземъ Василіемъ Шуйскимъ, нашло, что Димитрій погибъ не отъ рукъ Битяговскихъ и Качалова, какъ полагали жители Углича, а въ припадкѣ падучей болѣзни самъ накололся на ножъ, и вдовствующая царица, за небреженіе сына, была пострижена, дяди же царевича заключены въ темницы, а жители Углича за мятежъ сосланы въ Сибирскія пустыни, гдѣ они въ послѣдствіи населили Пелымъ; но дѣло тѣмъ не кончилось. Странность случая, дотолѣ безпримѣрнаго, притомъ не совсѣмъ яснаго, повела къ догадкамъ; волненіе Углича, растерзавшаго одного изъ царедворцевъ и нѣсколько другихъ подозрительныхъ людей, давало новый поводъ къ сомнѣнію; показаніе же дяди царевичева Михаила Нагаго, который при допросѣ упорно свидѣтельствовалъ, что убійцами Димитрія

1. Розыскъ о смерти ц. Димитрія во 2 томѣ собранія государств. грамотъ, изд. гр. Румянцевымъ.

были Битяговскій и Качаловъ, убѣдило многихъ, что царевичъ не самъ былъ виною своей смерти. Это убѣжденіе естественно родило вопросъ, для чего же злодѣи омыли руки въ крови царственнаго отрока? Восшествіе Бориса на престолъ служило отвѣтомъ на этотъ вопросъ, показавъ, что смерть Димитрія только для него была необходима.

Нелюбовь къ рису.

Догадки о преступномъ участіи Годунова въ истребленіи послѣдней отрасли древней династіи мало по малу покрыли смерть царевича непроницаемымъ мракомъ, изъ котораго легко могли родиться новые толки въ народѣ. Эти толки тѣмъ болѣе плодились, что Борисъ, возвышаясь надъ понятіями современниковъ, разными новостями возбуждалъ противъ себя всеобщій ропотъ, и слѣдовательно приготовлялъ умы къ вѣрованію въ самыя несбыточныя сказки, имѣвшія цѣлію повредить ему: безпримѣрная строгость, съ которою онъ преслѣдовалъ пьянство, какъ преступленіе уголовное, вооружало противъ него едвали не всѣ сословія; измѣненіе закона о выходахъ крестьянскихъ, по которому крестьяне господъ мелкопомѣстныхъ могли переходить отъ помѣщика къ помѣщику, а крестьяне казенные, боярскіе, святительскіе, монастырскіе не имѣли этого права, озлобляло и народъ и владѣльцевъ: крестьяне роптали на кабалу, мелкіе помѣщики на ихъ свободу. Не менѣе пищи къ неудовольствію находили бояре и вообще люди родословные въ очевидной привязанности Бориса къ иноземцамъ и въ тайномъ бдительномъ надзорѣ, даже въ насильственныхъ мѣрахъ къ сохраненію внутренней тишины, къ обузданію крамолъ, столь обыкновенныхъ при воцареніи новой династіи. Наконецъ естественныя бѣдствія, голодъ и моръ, свирѣпствовавшіе нѣсколько лѣтъ сряду съ неслыханною лютостію, не взирая на заботливость Бориса облегчить народное злополучіе, все располагало умы къ волненію, къ толкамъ: народъ готовъ былъ вѣрить всему чудесному, всему нелѣпому, что только могло вредить Годунову [1].

Явленіе са званца.

При явномъ недоброжелательствѣ къ Борису, при легковѣріи народномъ, не трудно было взволновать умы самою

1. Такъ его обвиняли: въ нашествіи хана Крымскаго на Москву, призваннаго будто бы имъ, чтобы замять дѣло о царевичѣ; въ подмѣнѣ царскаго сына дочерью; въ смерти самого Ѳеодора и родной сестры Ирины, имъ отравленныхъ; въ ослѣпленіи Казанскаго царя Симеона, въ которомъ онъ видѣлъ мнимаго совмѣстника; въ смерти Датскаго принца Іоанна, жениха его дочери; въ отравленіи самого себя, и пр. Всѣ эти обвиненія очевидно неосновательны.

нелѣпою молвою, если только она сообразовалась съ духомъ вѣка. Въ 6 годъ Борисова царствованія, въ Литвѣ, явился человѣкъ ума быстраго, мечтательнаго, души безпредѣльно дерзкой, готовый на всякое отчаянное предпріятіе, именуя себя сыномъ Іоанна Грознаго, Димитріемъ, спасшимся въ Угличѣ отъ убійцъ, подосланныхъ Годуновымъ. Онъ открылся сперва въ Брагинѣ князю Адаму Вишневецкому, у котораго былъ слугою; тотъ познакомилъ его съ своимъ братомъ Константиномъ Вишневецкимъ; Константинъ ввелъ его въ домъ тестя своего, знатнаго вельможи Польскаго Юрія Мнишка, воеводы Сендомирскаго, который, впавъ въ неоплатные долги, охотно взялся помогать мнимому Димитрію, въ надеждѣ поправить свои финансы, и представилъ его королю. Сигизмундъ III не могъ забыть отказа Борисова признать его наслѣдственнымъ королемъ Шведскимъ, не могъ не замѣтить видовъ Годунова на Ливонію, и тѣмъ ласковѣе принялъ самозванца, что совѣтники королевскіе, Езуиты, видѣли въ немъ надежное орудіе къ утвержденію своей власти въ Россіи, о чемъ они усердно въ то время хлопотали. Признанный королемъ, Лжедимитрій легко могъ набрать значительную дружину частію изъ безпокойной шляхты, частію изъ Запорожскихъ Казаковъ, среди которыхъ онъ жилъ нѣсколько времени до появленія въ Литвѣ, и въ 1604 году отправился къ предѣламъ Россіи искать Московскаго престола. Борисъ принялъ всѣ мѣры къ уничтоженію безумнаго предпріятія въ самомъ началѣ: извѣстилъ короля и Польскихъ вельможъ, что мнимый Димитрій есть бѣглый монахъ Чудова монастыря, Гришка Отрепьевъ, послалъ для улики людей, знавшихъ его до побѣга изъ Москвы, учредилъ бдительную стражу на границѣ и вмѣстѣ съ патріархомъ обнародовалъ манифестъ, которымъ старался разувѣрить подданныхъ, описавъ подробно всю жизнь самозванца. Не взирая на мѣры Годунова, Лжедимитрій въ октябрѣ мѣсяцѣ 1604 года появился въ предѣлахъ Московскихъ и провозгласилъ Бориса похитителемъ престола[1].

ана съ Борисомъ.

Съ ничтожными средствами начавъ дерзкую борьбу съ могущественнымъ Борисомъ, самозванецъ около 4 мѣсяцевъ

[1] Доказательства, что мнимый Димитрій—самозванецъ, суть: 1) смерть царевича въ Угличѣ, гдѣ весь народъ видѣлъ его живымъ, видѣлъ и мертвымъ; 2) свидѣтельство матери Димитрія, отвергшей самозванца въ рѣшительную минуту; 3) свидѣтельство Басманова и другихъ лицъ, увѣрявшихъ въ томъ историка Бера; 4) разногласіе писателей и нелѣпыя подробности о мнимомъ спасеніи царевича. Общее мнѣніе признаетъ его Отрепьевымъ, основываясь на свидѣтельствѣ Бориса Годунова, который по горячимъ слѣдамъ могъ узнать, кто былъ его соперникъ: Борисъ убѣдился въ томъ донесеніемъ своихъ сановниковъ, посланныхъ въ Польшу для развѣдыванія, и въ особенности дяди Отрепьева, тоже говорившаго и современному историку Петрею.

видѣлъ слабую надежду на успѣхъ. Правда вся почти Сѣверская страна признала его своимъ государемъ: Черниговъ, Путивль, Рыльскъ, выслали ему хлѣбъ-соль; вскорѣ весь южный край взволновался; въ самомъ войскѣ Борисовомъ обнаружилось какое то недоумѣніе; но упорная защита Новгорода Сѣверскаго мужественнымъ Басмановымъ остановила распространеніе мятежа; столица и всѣ другіе города Московскіе не измѣняли государю; бояре и высшія сословія были вѣрны присягѣ; битвы же при Новгородѣ Сѣверскомъ, въ особенности при Добрыничахъ, близъ Сѣвска, едва не сокрушили самозванца: Запорожскіе Казаки большею частію его оставили; Польская дружина вмѣстѣ съ воеводою Сендомирскимъ возвратилась восвояси; самъ Лжедимитрій, съ трудомъ спасшійся отъ плѣна, едва могъ держаться въ Путивлѣ и думалъ бѣжать въ Польшу. Въ то самое время 1605.
незапно умеръ Борисъ, и дѣла приняли другой оборотъ. 13 апрѣля

Скоропостижная смерть его сильно поколебала умы, какъ Θеодоръ Б
явный знакъ небеснаго правосудія. Приписывая ее само- совичъ.
убійству, слѣдствію угрызенія совѣсти, народъ былъ въ недоумѣніи и только ждалъ, чью сторону возметъ войско, осаждавшее Кромы, гдѣ засѣли приверженцы Лжедимитрія, Донскіе Казаки, подъ начальствомъ атамана Корелы. Войско оставалось еще вѣрнымъ роду Годунова и, подобно Москвѣ, безпрекословно присягнуло сыну Борисову, юному Θеодору. Теперь все зависѣло отъ искусства и усердія вое- 17 апрѣля
начальниковъ: главный изъ нихъ, тотъ, на кого полагалъ всю надежду умирающій Борисъ, кто болѣе всѣхъ вредилъ самозванцу, и за свое усердіе былъ честимъ при дворѣ предъ всѣми боярами, Петръ Басмановъ, принявъ начальство надъ войскомъ, провозгласилъ царемъ *Димитрія*. Что 7 мая
побудило его къ такому поступку, доселѣ неизвѣстно, по крайней мѣрѣ не увѣренность въ правахъ мнимаго Димитрія, тѣмъ менѣе страхъ; по всей вѣроятности, увлекаемый безпредѣльнымъ честолюбіемъ, онъ хотѣлъ отдать престолъ безродному обманщику, въ надеждѣ быть первымъ по царѣ, чего не могъ бы достигнуть при Θеодорѣ, окруженномъ своею роднею. Измѣна Басманова рѣшила борьбу: царская рать, увлеченная примѣромъ его, предалась самозванцу; Москва послѣдовала примѣру войска; за Москвою всѣ города присягнули *Димитрію*, который отъ Путивля до самой

столицы вездѣ былъ встрѣчаемъ съ восторгомъ, какъ сынъ Іоанновъ. Θеодоръ Борисовичъ погибъ лютою смертію.

Лже- ...рія.

При всѣхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, требовалось много ума, много силы душевной, чтобы низринуть домъ Годунова и овладѣть Московскою короною. Въ самомъ дѣлѣ Лжедимитрій достигъ своей цѣли, очаровавъ современниковъ сколько именемъ Димитрія, столько личнымъ мужествомъ и рѣдкимъ искусствомъ властвовать надъ всѣмъ окружающимъ. Тотъ же умъ быстрый, ту же волю рѣшительную самозванецъ обнаружилъ и на престолѣ. Онъ постигъ безмѣрное величіе Россіи, въ сравненіи съ другими Христіанскими державами, и какъ глава многихъ царствъ, подвластныхъ Русскому скипетру, не довольствуясь царскимъ титуломъ, принялъ названіе императора; учредилъ сенатъ; думалъ дать лучшее устройство государству; вводилъ регулярное войско; заботился о народномъ образованіи, о смягченіи нравовъ, о сближеніи Россіи съ Европою, въ особенности съ Франціею, едва ли не лучше всѣхъ современниковъ понимая Генриха IV, къ которому питалъ такое уваженіе, что хотѣлъ лично съ нимъ познакомиться; наконецъ хорошо разумѣя истинныя отношенія Россіи къ сосѣднимъ державамъ, ревностно готовился къ походу на Турецкаго султана, какъ врага Христіанской вѣры и тѣмъ болѣе нашего отечества, по враждебному вліянію его на хана Крымскаго и другихъ владѣтелей Татарскихъ.

Но постигая потребности государства, Лжедимитрій не понималъ собственнаго положенія и вскорѣ утратилъ любовь народную. Онъ возбудилъ противъ себя всеобщую ненависть не мнимыми злодѣяніями, въ которыхъ глухо обвиняютъ его наши лѣтописи, именуя тираномъ кровожаднымъ, отступникомъ вѣры, богомерзкимъ человѣкомъ; напротивъ того, онъ явилъ рѣдкій примѣръ великодушія, простивъ князя Василія Шуйскаго, уличеннаго въ замыслѣ свергнуть его съ престола, простилъ многихъ и другихъ людей, замышлявшихъ мятежъ, и не только не думалъ измѣнить Грекороссійской вѣрѣ, но даже разсорился съ папою за слабое содѣйствіе Езуитамъ. Самозванецъ озлобилъ всѣ сословія легкомысліемъ: бояре негодовали на него за колкія насмѣшки надъ ихъ невѣжествомъ и за безпрестанныя похвалы всему иноземному; духовенство было озлоблено отнятіемъ у монастырей помѣстьевъ, назначенныхъ на жа-

лованье войску; народъ не могъ соединить, по тогдашнимъ понятіямъ, съ идеею царя его воинскихъ потѣхъ, его частію простой, частію разгульной жизни, его презрѣнія грубыхъ, тѣмъ не менѣе освященныхъ вѣками обычаевъ. Общее негодованіе уже обнаружилось, когда появилось въ Москвѣ болѣе 2000 Поляковъ съ невѣстою Лжедимитрія, Мариною Мнишекъ: дерзкимъ своеволіемъ, непомѣрною гордостію, оскорбленіемъ святыни, они вывели Москву изъ терпѣнія. Мятежъ вспыхнулъ; народъ, предводимый княземъ Василіемъ Шуйскимъ, вломился въ кремль; самозванецъ былъ разтерзанъ; многіе Поляки убиты; Марина, отецъ ея, родственники едва избѣгли смерти и заключены въ темницы.

1606. 2 мая.

17 мая.

b. Лжедимитрій II.

1606 — 1610.

По низверженіи самозванца, Москва провозгласила царемъ Василія Іоанновича Шуйскаго, за спасеніе отечества отъ злодѣя. Новый царь сдѣлалъ все для утвержденія себя на престолѣ: далъ обѣтъ блюсти законъ; объявилъ себя потомкомъ Александра Невскаго [1]; обнародовалъ многіе акты, свидѣтельствовавшіе самозванство предшественника; перенесъ для той же цѣли изъ Углича въ Москву мощи св. Димитрія; избралъ патріархомъ святителя ревностнаго, непоколебимаго въ православіи, Казанскаго митрополита Ермогена [2]; расположилъ войско по Окѣ и Украйнѣ; вступилъ въ переговоры съ Польскимъ королемъ для оправданія Москвы въ побіеніи Поляковъ.

Воцареніе Шуйскаго

Но ни заслуги, ни знаменитость рода, ни государственный умъ Василія не могли водворить тишины въ Россіи, гдѣ все располагало къ мятежу. Умы, встревоженные самозванцемъ, приготовленные ко всему чудесному и нелѣпому, волновались отъ каждаго неосновательнаго слуха; враги общественнаго порядка пользовались легковѣріемъ черни, подстрекали народъ къ возстанію и находили усердныхъ соумышленниковъ въ людяхъ знатныхъ, которые частію

1. Шуйскіе ведутъ свой родъ не отъ Александра Невскаго, а отъ брата его Андрея Ярославича Суздальскаго. Родоначальникомъ ихъ былъ князь Василій Кирдяпа, сынъ Димитрія Константиновича, соперника Донскаго.
2. Онъ былъ гонимъ Лжедимитріемъ за смѣлое осужденіе брака его съ Мариною, необращенною въ православную вѣру.

изъ нелюбви, частію изъ зависти къ новому государю, охотно содѣйствовали успѣхамъ его непріятелей. Та же сказка, которою воспользовался Отрепьевъ къ потрясенію Годунова, колебала престолъ и Шуйскаго: по прежнему разглашали нелѣпую молву о спасеніи мнимаго Димитрія отъ ярости обманутаго народа. Но эта молва ослѣпляла одну чернь; главные крамольники ей не вѣрили и только для личныхъ выгодъ содѣйствовали заблужденію народа. Отъ того кратковременное царствованіе Василія (не болѣе 4 лѣтъ) представляетъ непрерывный мятежъ государственный, ознаменованный низкою крамолою, измѣнами и вѣроломствомъ сосѣдей.

олненіе Сѣверы.

Возстаніе въ пользу мнимаго Димитрія, спасшагося будто бы въ Москвѣ, обнаружилось тамъ же, гдѣ встрѣтили и перваго самозванца съ хлѣбомъ-солью, въ странѣ Сѣверской. Виновникомъ мятежа былъ князь Шаховской, любимецъ Отрепьева, лучше всякаго знавшій о смерти его. Бывъ назначенъ Василіемъ воеводою въ Путивль, онъ разослалъ грамматы по всей южной Россіи о новомъ спасеніи сына Іоаннова. Долго, болѣе года, не было охотника выступить на сцену подъ маскою Димитрія; но между тѣмъ, какъ въ Польшѣ родственники воеводы Сендомирскаго, а въ Россіи единомышленники Шаховскаго искали человѣка, способнаго играть роль самозванца, грамматы мятежниковъ произвели желаемое дѣйствіе: вся южная Россія закипѣла бунтомъ, распространившимся отъ Путивля до Смоленска, Казани и Астрахани. Прежде всего составилось ополченіе въ городахъ Сѣверскихъ изъ бѣглыхъ крестьянъ, изъ холопей боярскихъ и Казацкой вольницы; честные граждане были увлечены примѣромъ или силою. Начальство надъ Сѣверскимъ войскомъ, во имя Димитрія, принялъ холопъ князя Телятевскаго, Иванъ Болотниковъ: онъ пошелъ къ Москвѣ, разбилъ на голову близъ Кромъ двухъ царскихъ воеводъ и своими успѣхами взволновалъ землю Рязанскую, гдѣ также собралось войско, главнымъ вождемъ котораго былъ Прокопій Ляпуновъ; примѣру Рязани послѣдовали города Смоленскіе и частію Тверскіе. Вторая побѣда Болотникова надъ царскими войсками при селѣ Троицкомъ открыла ему путь къ Москвѣ; подъ стѣнами ея, онъ соединился съ Ляпуновымъ и, ставъ лагеремъ въ селѣ Коломенскомъ, объявилъ Шуйскаго сверженнымъ съ престола. Москва однакожъ, увѣренная въ гибели перваго самозванца, тѣмъ болѣе ока-

зывала усердія къ защитѣ царя законнаго, что мятежники безъ пощады опустошали ея окрестности. Въ самомъ станѣ Коломенскомъ возникъ раздоръ: воеводы, избранные городами, не признавали власти Болотникова; притомъ и *Димитрій* все еще не являлся. Василій воспользовался этими обстоятельствами, объявилъ милость за раскаяніе, лютую казнь за упорство, и принявъ съ честію Ляпунова, увидѣвшаго обманъ, образумилъ Рязанцевъ. Болотниковъ, оставшись съ одними Казаками и Сѣверскими бродягами, выбитый изъ Коломенскаго стана юнымъ Скопинымъ-Шуйскимъ, долго 1606. 2 декабря
держался въ Калугѣ; вытѣсненный и отсюда засѣлъ въ Тулѣ, гдѣ присоединились къ нему Казаки Донскіе, подъ начальствомъ бродяги Илейки, выдававшаго себя еще при Отрепьевѣ за царевича Петра, мнимаго сына Ѳеодора Іоанновича. Съ неимовѣрными усиліями, послѣ трехмѣсячной 1607. 10 октября.
осады и непрерывнаго ряда битвъ, овладѣвъ Тулою, полонивъ и Болотникова и Лжепетра, царь разсѣялъ главное скопище мятежниковъ и думалъ безъ труда управиться съ остальными, еще державшимися въ Калугѣ, Козельскѣ и другихъ городахъ южной Россіи. Но бѣдствія только начинались.

Въ то время, когда Василій стоялъ подъ Тулою, въ Ста- Лжедимитрій I
родубѣ Сѣверскомъ явился наконецъ мнимый Димитрій, по всей вѣроятности орудіе Поляковъ, и едва ли не Жидъ: по крайней мѣрѣ такъ признавалъ его достовѣрный современный историкъ Польскій, Кобѣржицкій [1]. Сысканный и руководимый любимцемъ Отрепьева, Мѣховецкимъ, онъ безъ труда успѣлъ склонить на свою сторону всѣ города Сѣверскіе, уже приготовленные Болотниковымъ. Главною опорою его однако были Польскіе паны, другъ за другомъ спѣшившіе въ Россію съ сильными дружинами не столько для мнимаго Димитрія, сколько для корысти, князь Рожинскій, Тышкѣвичи, въ особенности отважный Лисовскій. Самозванецъ шелъ къ Москвѣ, по дорогѣ, проложенной Болотниковымъ; всюду встрѣчалъ усердныхъ доброжелателей до самаго Брянска, который остановилъ его и далъ время Василію собрать войско, распущенное по домамъ по взятіи Тулы. Но это войско, ввѣренное брату царскому Дмитрію 1608.
Шуйскому, было разбито близъ Болхова и съ ужасомъ бѣ- 14 апрѣля.

1. Жидомъ онъ названъ и въ граматѣ царя Михаила къ Морицу, принцу Оранскому. Авраамій Палицынъ считалъ его поповскимъ сыномъ, Матвѣемъ Верёвкинымъ. По словамъ Петрея, онъ былъ Бѣлорусецъ изъ мѣстечка Сокола.

жалъ къ Москвѣ. Самозванецъ шелъ до [illegible] достигъ до столицы и въ 12 верстахъ отъ нея, по Звенигородской дорогѣ, укрѣпился въ селѣ Тушинѣ, ожидая добровольной сдачи Москвы.

Семнадцать мѣсяцевъ стоялъ Воръ Тушинскій подъ Москвою. Силы его съ каждымъ днемъ увеличивались. [illegible] Запорожскій [illegible] привелъ къ нему на помощь. Казаки, по выраженію современниковъ, какъ муравьи двигались по Русской землѣ; пришли и новыя дружины изъ Польши подъ начальствомъ знаменитыхъ въ то время удальцовъ, изъ которыхъ прославился храбростію и разореніемъ Русской земли староста Усвятскій, Янъ Сапѣга; болѣе же много содѣйствовало успѣху царика соединеніе его съ Мариною, которая, получивъ свободу возвратиться въ отечество, пріѣхала въ Тушино и оказалась самозванцу, вопреки обѣщанію не признавать его своимъ мужемъ. Безчестный поступокъ ея, увѣривъ многихъ въ истинѣ новаго Димитрія, поколебалъ и Москву: легкомысленные стали толпами передаваться къ царику. [illegible] готовы были возмутиться въ [illegible]. Непредвидѣнное обстоятельство спасло Василія отъ руки злодѣя.

[illegible] Отчаявшись въ покореніи Москвы, самозванецъ отправилъ Сапѣгу и Лисовскаго къ Троицкой лаврѣ, чтобы овладѣть ея несмѣтными богатствами и сверхъ того лишить [illegible] [illegible] [illegible]. Основанная среди сосновыхъ лѣсовъ въ половинѣ XIV вѣка св. Сергіемъ Радонежскимъ, разрушенная Эдигеемъ, возобновленная въ началѣ XV вѣка преемникомъ Никономъ, Троицкая Сергіева лавра въ половинѣ XVI вѣка была обведена каменною оградою, вышиною въ 6 саженъ, толщиною въ 3, съ башнями и глубокимъ рвомъ. Іоаннъ Грозный, благоговѣя къ памяти св. Сергія, благословившаго Димитрія Донскаго на борьбу съ Татарами, не жалѣлъ ничего для его обители, привлекавшей [illegible] ежегодно несмѣтныя толпы поклонниковъ; построилъ въ ней два великолѣпные собора, [illegible] и нѣсколько зданій для монашествующихъ; возвелъ игумена на степень архимандрита, далъ ему [illegible]; подчинилъ вѣдѣнію его 11 монастырей и всѣ [illegible] монастырскія, разсѣянныя по всей Россіи, освобождалъ отъ пошлинъ и оброка. Въ началѣ XVII

[illegible]

вѣка въ нихъ было до 100,000 крестьянъ; а въ ризницѣ хранились богатства несмѣтныя въ монетѣ, сосудахъ, дорогихъ каменьяхъ и проч.

Кромѣ надежды на поживу, Поляки хотѣли овладѣть монастыремъ и для того, чтобы лишить Василія весьма крѣпкой опоры: обитель давала ему деньги, тревожила грамматами умы въ Тушинскомъ станѣ и высылала по дорогамъ вооруженныхъ монаховъ, для истребленія самозванцевыхъ шаекъ. Осадивъ лавру съ 30,000 войскомъ, Сапѣга и Лисовскій сперва думали взять ее лестью, но безъ успѣха; потомъ надѣялись разгромить твердыни ядрами и около 6 недѣль палили изъ 60 пушекъ: стѣны тряслись, но не падали. Окруженные со всѣхъ сторонъ непріятелемъ вдесятеро сильнѣйшимъ, томимые голодомъ, холодомъ, ослабленные болѣзнями, но ободряемые мужественными воеводами, княземъ Долгорукимъ и Голохвастовымъ, еще болѣе упованіемъ на св. Сергія, старцы монастырскіе, при содѣйствіи нѣсколькихъ сотъ стрѣльцовъ, съ удивительнымъ мужествомъ болѣе года отражали всѣ приступы храбрѣйшихъ вождей Польскихъ, съ искусствомъ разрушали тайные подкопы, неоднократно дѣлали счастливыя вылазки и отстояли лавру. Знаменитая осада ея много повредила самозванцу и спасла Москву: ибо лавра на цѣлые 16 мѣсяцевъ приковала къ своимъ стѣнамъ лучшую часть его войска и отдалила отъ столицы самыхъ опасныхъ враговъ, Сапѣгу и Лисовскаго.

1608. 25 сентября.

1610. 12 января.

Но примѣръ Сергіевой лавры не находилъ подражанія въ городахъ: они большею частію безъ битвы сдавались шайкамъ самозванца, бродившимъ во всѣхъ направленіяхъ отъ столицы. Одинъ Ростовъ, ободряемый митрополитомъ своимъ Филаретомъ, дерзнулъ сопротивляться и былъ разрушенъ; всѣ прочіе города, откуда Москва ожидала помощи, одинъ за другимъ признавали царика, даже отдаленный Псковъ. Подъ знаменемъ Москвы остались только Лавра, Переяславль-Рязанскій, Смоленскъ, Новгородъ, Нижній, Саратовъ и Казань. Столица, со всѣхъ сторонъ окруженная крамолою, бунтомъ, уже колебалась въ вѣрности Василію. Доведенный до крайности, онъ рѣшился прибѣгнуть къ послѣднему средству спасти себя, къ помощи иноземной, и чрезъ племянника своего, князя Михаила Васильевича Скопина, просилъ войска у Шведскаго короля Карла IX, предлагавшаго союзъ и вспоможеніе, еще при первомъ явленіи Тушинскаго вора, котораго Шведское правительство счита-

Князь Скопин

ло орудіемъ Сигизмунда, непримиримаго врага Швеціи. Охотно исполняя желаніе царя, король послалъ ему на помощь 5,000 воиновъ, съ тѣмъ, чтобы Василій платилъ имъ ежемѣсячно 100,000 ефимковъ, уступилъ Швеціи Кексгольмъ и помогъ Карлу отнять Ливонію у Сигизмунда. Наемное войско прибыло подъ начальствомъ Шведскаго генерала Якова Делагарди, уже знаменитаго подвигами въ Голландіи, въ послѣдствіи еще болѣе славнаго образованіемъ Густава Адольфа. Мужественный Скопинъ нашелъ въ немъ достойнаго себѣ сподвижника, равно юнаго, столь же храбраго и искуснаго, и прежде всего спѣшилъ возстановить власть царскую въ сѣверныхъ областяхъ отъ Копорья и Бѣлозерска до Москвы, отъ Пскова до Мурома, изгнаніемъ шаекъ самозванцевыхъ. Подкрѣпляемый наемниками, онъ менѣе чѣмъ въ полгода очистилъ все пространство отъ Новгорода до столицы; выгналъ Поляковъ и Русскихъ крамольниковъ изъ Русы, Орѣшка, Порхова, Торопца, Торжка, Твери, Переяславля, Владиміра, Ярославля, разбилъ Сапѣгу на голову при Колязинѣ монастырѣ, и занявъ крѣпкую позицію въ Александровой Слободѣ, удерживалъ всю сѣверную Россію въ покорности [1].

(1609. февраль)

(1609 13 августа.)

Встревоженный первыми побѣдами Скопина, самозванецъ спѣшилъ рѣшительнымъ ударомъ низринуть Шуйскаго съ престола, и послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, въ Іюнѣ 1609 года двинулъ всю Тушинскую силу, около 60,000 человѣкъ, на Москву. Столица, уже ободренная славою подвиговъ юнаго героя, съ живѣйшимъ усердіемъ ополчилась за государя и дружнымъ отпоромъ разсѣяла многочисленную рать злодѣя, такъ, что только оплошность царскихъ воеводъ дала ему время снова утвердиться въ Тушинѣ. Царство обмана исчезало; царство закона возстановлялось; волненіе умовъ было еще сильно, но уже явно склонялось въ пользу Василія: съ одной стороны, доблестный Скопинъ съ каждымъ днемъ увеличивалъ число доброжелателей къ своему дядѣ; съ другой, Поляки, клевреты самозванца, опустошая города и села, не щадя ни враговъ, ни друзей, возбуждали всеобщую ненависть къ виновнику народныхъ золъ, и только закоснѣлые мятежники упорствовали въ бунтѣ.

(Вторженіе Сигизмунда.)

Въ то самое время, когда все благопріятствовало Василію, и Москва съ нетерпѣніемъ ожидала Скопина, чтобы истребить Тушинскаго вора, Сигизмундъ III, доселѣ тайно вре-

1. Videkindi Historia belli Sveco-Moscovitici decennalis. 1672.

дившій государю Московскому покровительствомъ самозванца, вступилъ явнымъ непріятелемъ его въ Россію. Сеймъ, по желанію короля, опредѣлилъ войну за убіеніе многихъ Поляковъ, погибшихъ въ Москвѣ съ Отрепьевымъ, и за долговременную, безчестную неволю пословъ республики, Олесницкаго и Гонсѣвскаго. Но это было только предлогомъ; за годъ предъ тѣмъ послы королевскіе заключили съ Русскими боярами мирный трактатъ, которымъ всѣ неудовольствія обѣихъ сторонъ были прекращены, и Василій, свято исполняя условія договора, устранялъ всякій поводъ къ непріязни. Истинною виною вторженія Сигизмунда была надежда овладѣть Московскимъ престоломъ, внушенная ему немногими крамольниками, личными врагами Василія [1], которые увѣрили Польскій сенатъ, что при первомъ появленіи короля въ предѣлахъ Россіи, всѣ государственные чины встрѣтятъ его съ радостію. Онъ спѣшилъ воспользоваться смятеніями нашего отечества и самъ повелъ войско къ Смоленску, чтобы, взявъ его безъ выстрѣла, итти къ Москвѣ. 1609 въ сентябрѣ
Вторженіе Сигизмунда довершало бѣдствія Василія; паденіе его было неминуемо. Онъ рѣшился однако на борьбу, и сверхъ чаянія, находилъ въ ней средства утвердить свой престолъ. Первымъ плодомъ войны съ Польшею было удаленіе самозванца отъ Москвы: доселѣ онъ могъ держаться въ Тушинѣ только оружіемъ Поляковъ; Сигизмундъ, задумавъ самъ искать Московскаго престола, естественно не хотѣлъ болѣе покровительствовать ему и требовалъ, чтобы всѣ Поляки, служившіе Лжедимитрію, явились въ войскѣ королевскомъ. Это повелѣніе взволновало станъ Тушинскій: одни Поляки хотѣли итти къ королю; другіе, впрочемъ немногіе, остаться при царикѣ. Страшась плѣна, самозванецъ бѣжалъ въ Калугу и засѣлъ тамъ съ Мариною, уже неопасный для столицы [2]. Тушино опустѣло. Правда избавясь отъ одного врага, Василій долженъ былъ вступить въ борьбу съ другимъ сильнѣйшимъ; но Сигизмундъ не могъ замѣнить вора Тушинскаго: не имѣя даже мнимаго права на корону Московскую, онъ не только не находилъ въ Россіи многочисленныхъ приверженцевъ, подобно Лжедимитрію, но и вооружалъ противъ себя обѣ главныя партіи, доселѣ раздиравшія отечество, Московскую и Тушинскую: онѣ соединились 1609. 29 декабря.

1 Бояриномъ Мих. Салтыковымъ, княземъ Вас. Рубцемъ-Мосальскимъ, Юр. Хворостининымъ, Плещеевымъ, Молчановымъ и Андроновымъ, троекратно нарушившими присягу.
2. Тамъ онъ чрезъ годъ былъ застрѣленъ на охотѣ Ногайскимъ княземъ Петромъ Арслановымъ Урусовымъ, въ отмщеніе за смерть отца, утопленнаго въ Окѣ.

въ одинъ Русскій народъ, которому владычество иноземное было ненавистно. При самомъ вступленіи въ Россію, Сигизмундъ убѣдился, сколь жестоко обманула его надежда на добровольную покорность Москвы: Смоленскъ, первый Русскій городъ, остановилъ его стремленіе: мужественный воевода Шеинъ встрѣтилъ короля не хлѣбомъ-солью, а градомъ пуль и ядеръ. Между тѣмъ, какъ Поляки занялись осадою Смоленска, Василій, уже безопасный отъ вора Тушинскаго, нашелъ въ подданныхъ такое усердіе, что могъ
1610.) марта.
выслать въ поле 80,000 войско, вдвое сильнѣйшее Польскаго, подъ начальствомъ брата своего и Делагарди. Король находился въ затруднительномъ положеніи: онъ не смѣлъ ждать подъ Смоленскомъ воеводъ Василія, которые безъ труда могли разсѣять Поляковъ. Ему оставалось или выступить на встрѣчу Московской рати, чтобы отразить ее, или удалиться восвояси; но въ первомъ случаѣ онъ опасался оставить въ тылу у себя храбраго Шеина; во второмъ боялся мятежа въ королевствѣ, еслибы возвратился со стыдомъ безъ бою. Такимъ образомъ онъ думалъ уже не о Московскомъ престолѣ, а о сохраненіи своего войска и своей чести, и предлагалъ миръ царю Василію. Всѣ надежды Шуйскаго рушились смертью Скопина.

ть Скопина.

Два раза Василій былъ на краю гибели и каждый разъ спасалъ его Скопинъ: въ 1606 году отъ Болотникова рѣшительною побѣдою подъ стѣнами Москвы; въ 1609 отъ вора Тушинскаго битвами съ Сапѣгою, Лисовскимъ и другими клевретами его. Заслуживъ любовь всеобщую, безпредѣльную, только онъ одинъ поддерживалъ союзъ между государемъ нелюбимымъ и народомъ мятежнымъ. Скоропостижная смерть его разорвала этотъ союзъ: Москва, погре-
1610. | апрѣля.
бая 23 лѣтняго стратига своего, какъ единственнаго защитника, обнаружила непримиримую ненависть къ дому Василія, обвиняемому общимъ говоромъ народа въ смерти героя [1]. Слухъ объ отравѣ Скопина поколебалъ самыхъ вѣрныхъ царю: княжество Рязанское, взволнованное Прокопіемъ Ляпуновымъ, отложилось отъ Василія; примѣру его послѣдовали и другія области. Этого мало: только Скопинъ могъ ладить съ наемными иноземцами, людьми разныхъ вѣръ и націй; только для него Делагарди сражался за Василія и обуздывалъ свое войско, часто роптавшее за недоплату жа-

1. Пируя у царскаго брата Димитрія Шуйскаго, Скопинъ выпилъ чашу, поднесенную женою его, и въ тотъ же день умеръ, исходя кровью.

лованья. Усердіе Шведскаго генерала тѣмъ болѣе охладѣло, что военачальникомъ назначенъ царскій братъ Дмитрій Шуйскій, воевода неискусный, нелюбимый и притомъ подозрѣваемый въ злодѣйствѣ, опечалившемъ всю Россію. Такимъ образомъ смерть Скопина, отнявъ у Василія искуснаго полководца, лишивъ его и любви народной, и усердія иноземной дружины, приготовила паденіе его дома. Царь могъ выслать сильное войско противъ Сигизмунда; но умы уже волновались; въ самой Москвѣ мятежъ готовъ былъ вспыхнуть; требовалось одного удара, чтобы разсѣять Московскую рать и низринуть царя. Этотъ ударъ нанесъ ему Жолкѣвскій.

Свѣдавъ о движеніи Московскаго войска на помощь Смоленску, Сигизмундъ отрядилъ противъ него короннаго гетмана Станислава Жолкѣвскаго, которому не могъ дать впрочемъ болѣе 3,000 человѣкъ. Съ горстью людей, смѣлый гетманъ углубился въ Россію, чтобы не только отразить воеводъ царскихъ, но еще овладѣть Москвою, свергнуть Василія съ престола и возвести на оный королевича Владислава, какъ желали того весьма немногіе крамольники. 24 Іюня 1610 года онъ напалъ на пятидесятитысячное войско Московское при селѣ Клушинѣ, близъ Царева Займища. Въ пылу сраженія, Шведы и другіе наемники наши передались непріятелю, вопреки всѣмъ усиліямъ Делагарди удержать ихъ отъ столь безчестнаго поступка [1]. Дмитрій Шуйскій оробѣлъ и бѣжалъ; за нимъ бросилась вся рать его и разсѣялась; дорога къ Москвѣ была открыта. Первымъ слѣдствіемъ сего пораженія было всеобщее возстаніе городовъ и появленіе самозванца подъ стѣнами Москвы, съ надеждою овладѣть ею до прибытія Поляковъ; вторымъ низверженіе Василія: жители столицы, подстрекаемые Захаріемъ Ляпуновымъ, братомъ воеводы Рязанскаго, свели царя съ престола и силою постригли его въ монахи. Жолкѣвскій спѣшилъ воспользоваться плодами своей неожиданной удачи: предложилъ Москвитянамъ въ цари Владислава и отправился къ столицѣ.

Клушинская битва.

17 іюля.

с. Междуцарствіе.

1610 — 1613.

По сведеніи Василія съ престола, дума боярская, принявъ верховную власть, приглашала всѣ города къ возста-

Избраніе Владислава.

1. Дневникъ Маскѣвича въ Сказаніяхъ современниковъ о Димитріи Самозванцѣ, ч. V. — Жолкѣвскаго, Исторія войны Московской. М. 1835.

нію, къ присылкѣ людей ратныхъ и государственныхъ чиновъ, для избавленія Москвы отъ непріятелей и для избранія государя всею землею. Между тѣмъ въ столицѣ составились четыре партіи: одна, руководимая Ляпуновыми, надѣялась возстановить тишину въ Россіи избраніемъ царя по единодушному опредѣленію земской думы; другая, главою коей былъ князь Мстиславскій, для спасенія царства, предлагала скипетръ Владиславу; третья, самая слабая, хотѣла Тушинскаго вора; народъ же, внявъ гласу патріарха Ермогена, желалъ видѣть на престолѣ Михаила Романова. Появленіе Жолкѣвскаго подъ стѣнами Москвы рѣшило вопросъ въ пользу королевича: 17 Августа 1610 года гетманъ заключилъ съ боярами договоръ, коимъ Владиславъ объявленъ царемъ Россійскимъ, съ властью наслѣдственною, но ограниченною духовенствомъ въ дѣлахъ вѣры, боярами въ правосудіи и управленіи. Владиславъ не имѣлъ права: 1) строить иновѣрные храмы, отнимать у церквей имѣнія и вступаться въ дѣла святительскія; 2) безъ согласія бояръ, не могъ измѣнять Судебникъ, какъ основаніе гражданскаго правосудія, казнить смертью, лишать имущества, вводить новые налоги; 3) до вступленія на престолъ, обязанъ былъ принять православную вѣру, прекратить связь съ папою, утвердить смертную казнь для всякаго, кто перемѣнитъ Греческій законъ, принять всѣ титла царскія и жениться на Россіянкѣ. Съ такими условіями Москва присягнула королевичу безпрекословно; за Москвою многіе города, Рязань, Тверь, Владиміръ, и другіе. Торжественное посольство, главою коего были Ростовскій митрополитъ Филаретъ и
1610. 11 сентября. бояринъ князь Василій Голицынъ, отправилось къ Смоленску съ предложеніемъ престола всей Русской земли сыну Сигизмундову; между тѣмъ Поляки, вопреки договору, вступили въ Москву и заняли кремль. Сверженный царь вскорѣ отправленъ въ Польшу плѣнникомъ; тамъ онъ и умеръ, послѣ двухлѣтнихъ страданій, въ неволѣ.

Политика Сигизмунда. Сигизмундъ, не довольствуясь видѣть вѣнецъ Мономаховъ на главѣ своего сына, хотѣлъ самъ царствовать въ Россіи; соглашался на предложеніе Московскихъ пословъ, но подъ разными предлогами не отпускалъ Владислава; требовалъ прежде всего сдачи Смоленска, отъ своего имени давалъ повелѣнія боярской думѣ, награждалъ царскою казною своихъ доброжелателей, жаловалъ чины и помѣстья. Дума, составленная изъ людей недальновидныхъ, изъ бояръ Мсти-

славскаго, Куракина, И. Н. Романова, Шереметева, Нагова, Лыкова, Трубецкаго, окруженная сверхъ того Польскими войсками, исполняла волю короля, называла его въ своихъ грамматахъ *самодержцемъ* всея Руси и неоднократно предписывала Шеину сдать Смоленскъ. Шеинъ не повиновался, объявивъ, что онъ готовъ присягнуть Владиславу, а королю Смоленска не отдастъ. Въ томъ же смыслѣ вели переговоры и послы Московскіе, требуя немедленнаго прибытія королевича въ Москву, на основаніи заключеннаго съ Жолкѣвскимъ договора. Сигизмундъ медлилъ; напрасно самъ гетманъ, покинувъ столицу, спѣшилъ образумить короля, представлялъ ему очевидную невозможность властвовать въ Россіи, грозилъ въ случаѣ упорства всеобщею войною: всѣ убѣжденія его были тщетны. Король хотѣлъ непремѣнно овладѣть Смоленскомъ, считая отступленіе безславіемъ и надѣясь на легкое завоеваніе государства Московскаго. Проникнувъ его замыслы, безъ надежды на успѣхъ своего посольства, Голицынъ и Филаретъ дали знать патріарху о грозящей опасности. Шеинъ съ своей стороны о томъ же извѣстилъ всю Россію.

Ермогенъ, по низложеніи Шуйскаго, предлагавшій возвести на престолъ Михаила Романова, долго не соглашался признать королевича царемъ, изъ опасенія за православіе. Умный Жолкѣвскій успокоилъ его совѣсть, заслужилъ его благоволеніе и убѣдилъ согласиться на избраніе Владислава, давъ слово, что онъ приметъ законъ Грекороссійскій. Вѣсти отъ пословъ Московскихъ обнаружили замыслы Сигизмунда; тутъ осьмидесятилѣтній старецъ, строгій блюститель вѣры и законовъ, непоколебимый столпъ православія, возвысилъ краснорѣчивый голосъ въ защиту церкви, отечественныхъ уставовъ, государственной независимости, разрѣшилъ Москву отъ присяги Владиславу, разослалъ грамматы по всѣмъ городамъ съ призывомъ къ спасенію вѣры и благословилъ Шеина на упорную защиту. Тщетны были убѣжденія боярской думы, совѣтовавшей ему успокоить умы и покориться волѣ Сигизмунда; тщетны были и угрозы Поляковъ: онъ проклялъ измѣнниковъ и звалъ вѣрныхъ подъ знамена церкви и отечества. Воззванія Ермогена потрясли всю Россію; города вооружались съ безпримѣрнымъ единодушіемъ, сносились одинъ съ другимъ, пересылая грамматы патріарха; не хотѣли признавать ни Сигизмунда, ни

Патріархъ Ермогенъ.

1610. въ декабр

Владислава; думали только о спасеніи царства отъ ига иноземнаго и клялись въ непримиримой ненависти къ чужеплеменнымъ притѣснителямъ отечества.

Прокопій Ляпуновъ.

Ермогенъ былъ душею народнаго возстанія; Прокопій Ляпуновъ руководителемъ. Въ одно время читали его убѣдительныя граммати вмѣстѣ съ патріаршими отъ Рязани до Вологды, отъ Великаго Новгорода до Нижняго. Онъ указывалъ цѣль и средства къ тому, чего требовалъ Ермогенъ; назначалъ, когда полки должны выступить, гдѣ соединиться и къ какому сроку обложить Москву, чтобы вырвать ее изъ рукъ Поляковъ. Воззванія Ляпунова довершили всеобщее волненіе: всѣ сословія ополчились единодушно; дружины 25 городовъ двинулись къ Москвѣ, почти въ одно время, въ началѣ весны 1611 года: самъ Ляпуновъ выступилъ изъ Рязани съ полками Рязанскими и Сѣверскими, князь Дм. Трубецкой изъ Калуги; атаманъ Заруцкій изъ Тулы, князь Рѣпнинъ изъ Нижняго, князь Масальскій изъ Мурома, князь Пронскій изъ Романова, Мансуровъ изъ Галича, Нащокинъ изъ Вологды, князь Волконскій изъ Костромы, Волынскій изъ Ярославля, Измайловъ изъ Владиміра, атаманъ Просовѣцкій изъ Суздаля, Вельяминовъ изъ Новгорода.

Разрушеніе Москвы.

Свѣдавъ о возстаніи городовъ, Москва уже не таила своей злобы къ Полякамъ и нетерпѣливо ожидала перваго знака, чтобы истребить своихъ злодѣевъ. Появленіе передовой дружины Ляпунова, подъ начальствомъ князя Пожарскаго, взволновало столицу: народъ бросился на кремль, гдѣ засѣли Поляки въ числѣ 5,000 человѣкъ, съ 2,000 Нѣмцевъ, подъ главнымъ начальствомъ Гонсѣвскаго. Враги, чтобы отвлечь озлобленныхъ Москвитянъ, зажгли столицу; пожаръ быстро разлился по всему городу и вскорѣ обратилъ его въ пепелъ. Гонимые болѣе огнемъ, чѣмъ оружіемъ, жители не могли овладѣть твердынями кремля, ни спасти своихъ домовъ, объятыхъ пламенемъ, и разсѣялись по всѣмъ дорогамъ. Пожарскій, тяжело раненый, отступилъ; Гонсѣвскій же, подкрѣпленный полковникомъ Струсемъ, пробившимся сквозь Русскіе полки среди пылающихъ развалинъ, удержалъ за собою кремль и заключилъ патріарха въ темницу.

1611. 19 марта.

Смерть Ляпунова.

Дружины городовыя, по распоряженію Ляпунова, подступили къ Москвѣ въ одно время и увидѣли только пепелище, среди коего стоялъ неприступный кремль и каменныя башни китая-города, занятыя Поляками. Ляпуновъ и

сподвижники его вытѣснили враговъ изъ китая, но не могли овладѣть кремлемъ. Осада длилась; вожди дѣйствовали безъ общаго плана, завидовали и не помогали другъ другу. Тщетно выборные изъ войска, принявъ на себя званіе земской думы, старались устранить зло, вручивъ верховную власть тремъ воеводамъ, Ляпунову, Трубецкому и Заруцкому, съ правомъ собирать государственныя подати для земскаго дѣла, раздавать помѣстья, награждать и наказывать: осаждающіе раздѣлились на три партіи, одна другой непріязненныя; вѣрные отечеству пристали къ Ляпунову; всѣ бродяги, служившіе нѣкогда вору Тушинскому, къ боярину его Трубецкому, хотѣвшему быть единственнымъ, главнымъ военачальникомъ; Казаки къ Заруцкому, который таилъ замыслъ овладѣть Москвою для Марины, чтобы вмѣстѣ съ нею царствовать именемъ сына ея. Гонсѣвскій умѣлъ пользоваться распрями Русскихъ вождей, искусно сѣялъ между ними раздоры, сносился съ Заруцкимъ, и успѣлъ наконецъ погубить главнаго поборника государственной независимости: Ляпуновъ палъ жертвою злодѣйскаго кова. Гонсѣвскій составилъ отъ имени его подложную граммату о мнимомъ намѣреніи истребить всѣхъ Казаковъ и подослалъ ее въ Русскій станъ; Казаки, подстрекаемые Заруцкимъ, взволновались и умертвили Ляпунова.

Смерть Ляпунова рушила составъ народнаго ополченія; Бѣдствія Ро[ссіи]
дружины его, служившія вѣрѣ и отечеству, потерявъ вождя, разсѣялись по своимъ городамъ; Трубецкой и Заруцкій остались подъ Москвою, но только для того, чтобы присягнуть новому самозванцу, бѣглому діакону Исидору, принявшему имя Димитрія во Псковѣ; Казань и Вятскіе города провозгласили царемъ сына Марины; Новгородъ избралъ Шведскаго королевича Филиппа и отдался генералу Делагарди; Смоленскъ былъ взятъ Сигизмундомъ; доблестный 1611.
Шеинъ отведенъ плѣнникомъ въ Варшаву, въ слѣдъ за Го- 3 іюня.
лицынымъ и Филаретомъ; послѣдняя надежда истинныхъ сыновъ отечества, Ермогенъ погибъ въ душной темницѣ. 1612.
Хоткѣвичъ, смѣнивъ Гонсѣвскаго, занялъ кремль свѣжимъ 17 марта
войскомъ и только ждалъ Сигизмунда, чтобы сдать ему Москву; между тѣмъ вмѣстѣ съ Сапѣгою и Струсемъ громилъ области Тверскую, Владимірскую, Ярославскую, встрѣчая единственно нестройныя толпы крестьянъ и шайки шишей или партизановъ. Россія была въ какомъ то ужасномъ оцѣпененіи. Одна Троицкая лавра, неусыпно бодрствуя за

Москву, скликала вновь защитниковъ св. вѣры и не находила: неудача перваго возстанія охладила усердіе городовъ: они читали грамматы лавры съ умиленіемъ и отвѣчали ея призывамъ скорбнымъ молчаніемъ. Но бѣдствія Россіи достигли наконецъ предѣла.

召 Мининъ. Въ то время, когда Россія была беззащитною жертвою иноземцевъ или злодѣевъ, когда все въ ней падало, рушилось, разрывалось, среди всеобщаго оцѣпененія умовъ, въ Нижнемъ Новгородѣ мужъ рода незнатнаго, смысла мудраго, души великой, Козьма Мининъ сказалъ согражданамъ, что отечество гибнетъ, что Москва вскорѣ будетъ въ рукахъ Сигизмунда, что пришло время стать за вѣру и Россію. «Ополчимся старъ и младъ, говорилъ Мининъ, най«мемъ людей ратныхъ, продадимъ свои домы, заложимъ «женъ, дѣтей, и выкупимъ отечество.» Нижегородцы искони славились преданностію закону и усердно стекались на зовъ Минина; съ радостію приносили на городскую площадь все, что имъ было драгоцѣнно, для найма ратныхъ людей, и сами вооружались. Вскорѣ составилось сильное ополченіе. Мининъ избралъ военачальникомъ Нижегородской

Пожарскій. рати славнѣйшаго изъ сподвижниковъ Ляпунова, князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, ознаменованнаго ранами въ битвахъ съ Поляками среди пылающей Москвы; но самъ былъ при немъ безотлучно, руководилъ дѣйствіями вождя, участвовалъ во всѣхъ его предначертаніяхъ, распоряжалъ общественною казною и, какъ геній-хранитель, одушевлялъ полки безкорыстною любовію къ отечеству. Для вѣрнѣйшаго успѣха, при самомъ началѣ возстанія, Мининъ принялъ титулъ *Выборнаго человѣка всего Московскаго государства*. Нижегородцы были представителями Россіи; союзниковъ ихъ общее мнѣніе признавало друзьями отечества, противниковъ врагами. Составъ Нижегородскаго ополченія отличался и цѣлію и основаніемъ отъ войскъ, собранныхъ Ляпуновымъ: воевода Рязанскій созывалъ дружины безъ разбора, Русскія, Казацкія, Польскія, и хотѣлъ, очистивъ Мосву отъ Поляковъ, провозгласить царемъ Шведскаго принца, полагая, что только иноземецъ державнаго племени могъ властвовать въ Россіи, и что всякой другой будетъ снова жертвою зависти и крамолы, подобно Годунову и Шуйскому. Мининъ напротивъ того рѣшился возвести на престолъ, кого *Богъ дастъ*, кого изберетъ вся Русская земля, и для

этой цѣли скликалъ подъ знамена Пожарскаго однихъ истинныхъ сыновъ отечества, отвергая всякую помощь иноземную [1].

Ровно чрезъ годъ послѣ возстанія Ляпунова въ Рязани, поднялись Нижегородцы на святое дѣло, на спасеніе отечества, подъ знаменемъ Пожарскаго, по мысли Козьмы Минина. Дружины городовъ низовыхъ, украйнныхъ и поморскихъ спѣшили съ ними соединиться. Сборнымъ мѣстомъ назначенъ былъ Ярославль. Войска горѣли нетерпѣливымъ желаніемъ очистить Русскую землю; князь удерживалъ ихъ рвеніе и около полугода простоялъ въ Ярославлѣ. Виною этой медленности, непонятной для современниковъ, были многія важныя обстоятельства: надлежало образумить князя Трубецкаго, присягнувшаго подъ столицею Псковскому Лжедимитрію, чтобы избѣжать ссоры съ его войсками; надобно было очистить все пространство между Москвою и Новгородомъ отъ шаекъ Хоткѣвича, Лисовскаго и Струся, завладѣвшихъ даже многолюдными городами, чтобы не лишить себя содѣйствія сѣверовосточнаго края; въ особенности было необходимо переговорить съ Новгородскими послами, относительно избранія царемъ Шведскаго королевича. Устроивъ всѣ дѣла въ Ярославлѣ, убѣдивъ Трубецкаго презрѣть самозванца, изгнавъ Поляковъ изъ сѣверовосточныхъ городовъ, отклонивъ Новгородцевъ отъ Шведскаго королевича, Пожарскій въ августѣ мѣсяцѣ 1612 года двинулся къ Москвѣ, въ самое рѣшительное время, когда Сигизмундъ шелъ уже къ предѣламъ Россіи, чтобы короновать Владислава.

Походъ П[о]скаго.

20 августа 1612 Нижегородская рать явилась подъ Москвою и на другой день вступила въ жестокую битву съ гетманомъ Хоткѣвичемъ, который, незадолго предъ тѣмъ выступивъ изъ столицы для собранія, по обыкновенію, съѣстныхъ припасовъ, возвращался съ цѣлымъ обозомъ и хотѣлъ пробраться въ кремль. Пожарскій бился съ нимъ трое сутокъ, по словамъ лѣтописца, не слѣзая съ коней, въ четвертые одолѣлъ: гетманъ, пораженный на голову, бѣжалъ

Изгнаніе По[ля]ковъ.

1. Подробности о Мининѣ неизвѣстны; знаемъ только, что онъ торговалъ мясомъ или, какъ говорятъ лѣтописи, былъ художествомъ говядарь, и завѣдывалъ Нижегородскимъ посадомъ въ званіи старосты. О Пожарскомъ сохранилось болѣе свѣдѣній: онъ родился 1578 г.; въ 1598 въ числѣ стряпчихъ подписалъ избирательную граммату о возведеніи Бориса Годунова на престолъ; въ 1608 разбилъ на голову Тушинскихъ злодѣевъ недалеко отъ Коломны; въ 1609 разсѣялъ скопище разбойниковъ атамана Салькова; въ 1610 при всеобщемъ волненіи, удержалъ Зарайскъ въ вѣрности Василію; въ 1611 бился подъ Москвой, и раненный отвезенъ въ Троицкую лавру, оттуда въ свою отчину Пурецкую волость, гдѣ явился къ нему Мининъ. Онъ имѣлъ званіе стольника и пожалованъ прямо въ бояре при Михаилѣ Феодоровичѣ.

въ Литву. Но храбрый сподвижникъ его Струсь не хотѣлъ сдать кремль и оборонялся до послѣдней крайности; Поляки терпѣли всѣ ужасы голода и ждали Сигизмунда, который, свѣдавъ о пораженіи Хоткѣвича, ускорилъ походомъ. Время было дорого; при королѣ находился и Владиславъ: одно имя его могло уничтожить всѣ усилія Русскихъ, тѣмъ болѣе, что полки Трубецкаго, скопища бродягъ, обнаруживали явную непріязнь къ Нижегородцамъ. Самъ Трубецкой, гордясь званіемъ *боярина*, которое далъ ему воръ Тушинскій, не хотѣлъ дѣйствовать за одно съ *стольникомъ* Пожарскимъ. За Россію бодрствовалъ Козьма Мининъ: при содѣйствіи келаря Троицкой лавры Авраамія Палицина, онъ примирилъ военачальниковъ; въ часъ рѣшительнаго приступа, казаки Трубецкаго поддержали Нижегородцевъ: 22 октября 1612 Струсь положилъ оружіе и сдалъ кремль. Въ то самое время Сигизмундъ былъ уже подъ Вязьмою; не смѣя идти далѣе, онъ вступилъ въ переговоры съ Московскими воеводами; всѣ предложенія его были отвергнуты; онъ хотѣлъ овладѣть по крайней мѣрѣ Вязьмою, и былъ отбитъ; думалъ взять Волоколамскъ, и тутъ не было успѣха. Недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, жестокая стужа и побѣды Русскихъ воеводъ принудили его возвратиться восвояси. Къ концу 1612 года Москва и вся средняя Россія торжествовала свое спасеніе.

IV. ИЗБРАНІЕ МИХАИЛА РОМАНОВА НА ЦАРСТВО *.

1613.

Избраніе Михаила.

Исхитивъ Москву изъ рукъ Сигизмунда, Пожарскій разорвалъ послѣднія узы, связывавшія судьбу Россіи съ именемъ Владислава. Уже около двухъ лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ Ляпуновъ вооружилъ всѣ сословія на Поляковъ, народъ не хотѣлъ слышать о королевичѣ; но не рѣшался приступить къ избранію царя, доколѣ столица была въ неволѣ. Свобода ея казалась необходимымъ условіемъ государственной независимости: только въ Москвѣ Русскіе привыкли видѣть своихъ царей; тамъ они вѣнчались и державствовали, сосредоточивая въ своемъ лицѣ всѣ источники гражданской жизни и дѣятельности; тамъ покоились и бренные останки ихъ. Безъ Москвы, при всей злобѣ къ Сигизмунду, при

* Избирательная граммата, въ Собраніи государственныхъ граммать и договоровъ, ч. I. 1813. — Ивановъ. Описаніе Госуд. разряднаго архива. М. 1842.

всѣхъ бѣдствіяхъ *безгосподарнаго*, ненавистнаго времени, Русскіе не могли отнять скипетръ у Владислава и вручить его иному лицу. Наконецъ она была свободна. Вожди народнаго ополченія извѣстили все государство о спасеніи града первопрестольнаго и призывали *лучшихъ, разумныхъ* людей для избранія государя всею землею. Выборные большей части городовъ, свѣтскіе и духовные, не замедлили явиться и составили земскій совѣтъ. Но вопросъ, кому вручить царство, привелъ всѣхъ въ недоумѣніе. Общій голосъ требовалъ царя православнаго, Русской крови, который могъ бы примирить всѣ партіи и спасти отечество отъ притязаній иноземцевъ: кто же, бояре ли знаменитые заслугами, люди ли родословные, потомки Рюрика, родственники ли послѣднихъ двухъ царей, имѣли болѣе права на престолъ, земскій совѣтъ долго не могъ рѣшить. Избиратели были несогласны въ основныхъ понятіяхъ о правѣ, и крамолы уже раздѣляли ихъ на партіи. Къ счастію, Ермогенъ и по смерти хранилъ Россію. Всѣ знали, кого желалъ благословить на царство великій мученикъ за вѣру и отечество; мысль его озарила всѣ умы яркимъ свѣтомъ: земскій совѣтъ, внимая замогильному гласу его, какъ гласу неба, рѣшился признать государемъ того, кто уже самымъ рожденіемъ былъ исключенъ изъ круга подданныхъ, и 21 февраля 1613 года единодушный выборъ палъ на Михаила Романова, *благоцвѣтущую отрасль благороднаго корени*. Въ тотъ же день вся Москва ему присягнула. За Москвою присягнула вся Россія съ тѣмъ же единодушіемъ, прежде, чѣмъ послы земскаго совѣта успѣли прибыть въ Костромскую Ипатьевскую обитель, гдѣ находился Михаилъ съ матерью своею, старицею Мароою, не вѣдая и не помышляя о великомъ назначеніи своемъ [1].

Воцареніе Михаила.

Михаилъ до 16 года своей жизни, до самой той минуты, когда вся Россія признала его своимъ государемъ, былъ чуждъ не только дѣлъ правленія, но и самаго свѣта: пяти лѣтъ разлученный съ отцемъ, онъ провелъ отроческіе годы большею частію въ кельѣ монастырской, при горестной матери, неволею постриженной въ монахини, и вышелъ на свѣтъ только для того, чтобы видѣть всѣ бѣдствія разру-

1. Михаилъ Ѳеодоровичъ, сынъ боярина Ѳеодора Никитича (въ монашествѣ Филарета), роднаго племянника Анастасіи Романовны, первой супруги Іоанна Грознаго, матери послѣдняго царя Рюрикова рода, Ѳеодора Іоанновича, родился въ правленіе дяди, царя Ѳеодора, 12 іюля 1596 г. и былъ единственною отраслью древняго царскаго дома по женской линіи. Дѣдъ его, Никита Романовичь, былъ женатъ на Евдокіи, дочери к. Александра Горбатаго, потомка князей Суздальскихъ.

шенной Москвы, томиться въ тяжкомъ плѣну и едва не погибнуть подъ ножами злодѣевъ [1]. Не думавъ никогда о престолѣ, онъ съ трепетомъ слушалъ пословъ земскаго совѣта, предлагавшихъ ему царство, и рѣшительно отказался отъ короны. Его ужасала мысль, что Русскіе избрали и свергли уже четырехъ царей, что отецъ его, плѣнникъ Сигизмундовъ, будетъ жертвою мести, что государство, разоренное, истерзанное, погибнетъ среди новыхъ мятежей, которыхъ не въ силахъ укротить слабая рука неопытнаго правителя. Онъ видѣлъ предъ собою бездну, куда влекли его противъ воли, какъ жертву невинную. Съ трудомъ убѣдили его послы вступить въ храмъ св. Троицы, для выслушанія соборнаго посланія; тщетно молили его спасти отечество: Михаилъ былъ непреклоненъ. Духовенство и бояре прибѣгли къ послѣднему средству, взяли св. иконы, пали предъ нимъ на колѣни со всѣмъ народомъ и объявили, что избранный самимъ Богомъ, онъ не имѣетъ права снять воли Божіей, что отказъ его погубитъ государство, что онъ и мать его будутъ отвѣчать предъ судомъ Всевышняго за гибель отечества, за паденіе православной вѣры. Михаилъ не могъ долѣе противиться, и 3 марта 1613 года изрекъ торжественно: «Если того хощетъ Богъ, да будетъ тако!»

Самодержавіе Михаила.

Избраніе шестнадцатилѣтняго юноши главою государства, обуреваемаго внутренними раздорами, терзаемаго со всѣхъ сторонъ хищными сосѣдями, всегда будетъ украшать страницы исторіи Русскаго народа, какъ живое, краснорѣчивое выраженіе одной изъ главныхъ его добродѣтелей. Не крамола, не приступные замыслы немногихъ лицъ или сословій, надѣявшихся воспользоваться слабостію юнаго вѣнценосца, чтобы увеличить права свои, возвели Михаила на царство: онъ призванъ общимъ, единодушнымъ голосомъ всего народа, который наконецъ десятилѣтними страданіями убѣдился, что престолъ есть святыня, доступная только тому, кого избрало Провидѣніе, что никакіе таланты, никакія за-

1. Отецъ Михаиловъ, бояринъ Θеодоръ Никитичъ Романовъ, по навѣтамъ злыхъ людей, въ іюнѣ 1601 года сосланъ царемъ Борисомъ въ Сійскую Антоніеву обитель и тамъ постриженъ съ именемъ Филарета; мать его, Ксенія Ивановна, урожденная Шестова, также постриженная подъ именемъ Марθы, заключена въ Заонежскій погостъ; 5 лѣтній Михаилъ съ теткою кн. Марθою Никитичною Черкасскою отправленъ на Бѣлоозеро. Въ мартѣ 1602 Борисъ, убѣжденный въ невинности Романовыхъ, облегчилъ ихъ участь: Филаретъ посвященъ въ архимандриты; Михаилъ же отданъ матери, которая удалилась въ свою отчину Клинъ, а въ 1606 году въ Ипатьевскій монастырь. Жолкѣвскій, опасаясь правъ Михаила, отдалъ его Гонсѣвскому; онъ находился въ Москвѣ до прибытія Пожарскаго, испытавъ всѣ бѣдствія осажденной столицы. Когда общій голосъ призвалъ его на царство, шайка Поляковъ хотѣла умертвить его: онъ спасенъ незабвеннымъ Сусанинымъ.

слуги не спасутъ державы отъ неустройствъ, если верховная власть будетъ вручена лицу не царской крови. Эта мысль выражалась впрочемъ всегда въ понятіяхъ и дѣйствіяхъ Русскаго народа, и едва ли не живѣе, чѣмъ въ другихъ гражданскихъ обществахъ: самая привязанность къ самозванцамъ проистекала изъ того же источника; но чудное сцѣпленіе обстоятельствъ уклонило нашихъ предковъ отъ правила, которому столько вѣковъ они были вѣрны. Жестокій урокъ наконецъ образумилъ ихъ; они выпутались изъ сѣтей, такъ хитро разставленныхъ честолюбцами, нашли царя истиннаго, законнаго, нашли его такъ неожиданно, незапно, такъ усердно вѣрили въ грядущее благоденствіе, что справедливо могли сказать: «Самъ Богъ избралъ Михаила». При такомъ ходѣ событій, вопреки сказанію Котошихина, не могло быть рѣчи объ ограниченіи правъ новой царственной династіи: ей вручали власть самодержавную въ обширномъ смыслѣ, не предлагая никакихъ условій; желали только, чтобы «Россія сіяла подобно солнцу и на «всѣ стороны ширилась, какъ при царѣ Ѳеодорѣ Іоанно«вичѣ, чтобы окрестъ ея все было въ подданствѣ и послу«шаніи, а внутри царствовали миръ, тишина и православіе». Съ своей стороны всѣ сословія дали клятву: 1) служить Михаилу и потомству его безо всякой хитрости; 2) не искать другаго государя; 3) биться съ врагами и измѣнниками его, не щадя головъ своихъ; 4) исполнять всѣ велѣнія его безпрекословно; оберегать царское здравіе, какъ зеницу ока.

Русскіе не измѣнили своей клятвѣ: поддержали юнаго царя, спасли себя и царство, и обрѣли подъ скипетромъ Михаила миръ и тишину, какъ пловцы послѣ яростной бури. 21 февраля 1613 года было предѣломъ государственнаго перелома, неминуемаго бѣдствія при переходѣ верховной власти отъ древней династіи къ новой. Россія, избавясь отъ него, какъ отъ тяжкаго недуга, вскорѣ уврачевала свои раны и явилась въ томъ же видѣ, въ какомъ оставила ее древняя династія, не измѣнивъ въ главныхъ основаніяхъ своего гражданскаго устройства. Новой династіи дана была власть наслѣдственная, самодержавная; всѣ формы государственнаго организма остались прежнія. Тѣмъ не менѣе слѣдствія внутренней и внѣшней борьбы были ощутительны. Многіе города лежали въ развалинахъ; села опустѣли; государственные доходы пресѣклись; цѣлыя области остались безъ воеводъ и другихъ сановниковъ; земское управленіе ослабло; Конецъ волненію.

повсюду обнаруживались шайки грабителей; вездѣ и во всемъ царствовалъ безпорядокъ. Но главнѣйшимъ плодомъ была взаимная вражда Россіи и Польши: мы не могли простить Полякамъ вѣроломнаго вмѣшательства въ наши неустройства, грабежей и кровопролитія; они злобились на насъ за неудачу въ своихъ замыслахъ, за гибель своихъ единоземцевъ.

ГЛАВА VII.

ЦАРСТВОВАНІЕ ДОМА РОМАНОВЫХЪ ДО ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

I. МИХАИЛЪ ѲЕОДОРОВИЧЪ *.

1613 — 1645.

Состояніе Россіи.

При вступленіи Михаила на престолъ, состояніе Россіи было ужасно: города пограничные, служившіе ей оплотомъ, находились въ рукахъ иноземцевъ, или злодѣевъ; въ Кексгольмѣ, Орѣшкѣ, Копорьѣ, въ самомъ Новгородѣ господствовали Шведы; въ Смоленскѣ, Дорогобужѣ, Путивлѣ, Черниговѣ Поляки; Псковскіе пригороды были добычею Лисовскаго; Рязань, Кошира, Тула съ трудомъ отбивались отъ Татаръ Крымскихъ и Ногайскихъ; въ Астрахани злодѣйствовалъ Заруцкій; въ Казани гнѣздилась крамола. Внутри государства, близъ городовъ и монастырей еще неразоренныхъ, обѣщавшихъ поживу грабителямъ, въ виду самой столицы, бродили шайки Казаковъ Донскихъ и Запорожскихъ, цѣлые отряды Поляковъ и Татаръ. Вся земля была опустошена;

* Берхъ. Царствованіе Михаила Ѳеодоровича. 2 ч. Спб. 1832. — Olearius Reise nach Moscow. Schlesw. 1671. — Акты, изданные Археограф. коммиссіею.

люди ратные умирали съ голода; сборъ земскихъ повинностей прекратился; въ казнѣ не было ни копѣйки. Царскія сокровища, драгоцѣнныя короны, скипетры, каменья, сосуды, все было расхищено и отвезено въ Польшу. Престолъ юнаго государя окружали царедворцы разныхъ партій, и клевреты Годунова, и слуги Отрепьева, и защитники Шуйскаго, и доброжелатели Владислава, самые сообщники вора Тушинскаго, люди противоположныхъ понятій, по равно честолюбивые, непреклонные тамъ, гдѣ дѣло шло о мѣстничествѣ. Сословія низшія, озлобленныя десятилѣтними бѣдствіями, уже привыкали къ безначалію и не безъ труда признавали власть закона.

Съ упованіемъ на одного Бога, Михаилъ принялъ вѣнецъ царскій, и къ удивленію потомства, совершилъ свой трудный подвигъ съ рѣдкимъ успѣхомъ. Въ шестой годъ его правленія, Россія наслаждалась уже миромъ, и только потеря Смоленска, съ утратою городовъ при Финскомъ заливѣ, напоминала ей минувшія бѣдствія. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ сословія, утомленныя безначаліемъ, всѣми силами поддерживали юнаго государя, не щадя за него ни жизни, ни имущества, что неоспоримое право на престолъ было крѣпчайшею опорою его, и что опытные бояре руководили имъ своими совѣтами; тѣмъ не менѣе Михаилу принадлежитъ слава благоразумнаго правителя, соединявшаго въ себѣ всѣ необходимыя качества для успокоенія государства. Величайшее искусство, коего не имѣли ни Годуновъ, ни Шуйскій, состояло въ томъ, чтобы не охладить къ себѣ любви подданныхъ; умы же въ то время такъ были раздражительны, такъ легко принимали всякаго рода впечатлѣнія, что съ одной стороны каждый невѣрный шагъ велъ въ бездну, съ другой каждая мудрая мѣра скрѣпляла союзъ государя съ подданными. Чистый въ совѣсти, непричастный ни одной партіи, Михаилъ покрылъ забвеніемъ всѣ прежніе грѣхи своихъ царедворцевъ: не хотѣлъ знать, кто былъ приверженцемъ Годунова, Отрепьева, Шуйскаго, вора Тушинскаго или Владислава, не возвышалъ никого, самыхъ сродниковъ своихъ, на степень царскихъ любимцевъ, каждому давая дѣло по способностямъ; щадилъ права людей родословныхъ, разбиралъ ихъ споры въ случаѣ мѣстничества, оправдывалъ правыхъ, строго наказывалъ виновныхъ. Предъ судомъ его были всѣ равны: самъ Пожарскій, чрезъ годъ по изгнаніи Поляковъ изъ Москвы, былъ выданъ головою

Достоинст Михаил

за неправое мѣстничество. Судъ нелицепріятный, кротость безъ слабости, твердость безъ жестокости, пріобрѣли Михаилу всеобщую любовь высшихъ сословій; низшимъ угодить было нетрудно: народъ благословлялъ небо, даровавшее отечеству царя православнаго, царской крови, спасителя вѣры, правъ, нравовъ и обычаевъ: болѣе ничего не требовали.

Но въ первыя шесть лѣтъ правленія Михаилова, Россія должна была употребить неимовѣрныя усилія, чтобы избавиться отъ враговъ, тѣснившихъ ее со всѣхъ сторонъ извнѣ, терзавшихъ внутри. Въ одно и то же время она вела войну съ Заруцкимъ, съ Сигизмундомъ, съ Густавомъ Адольфомъ, съ Татарами Крымскими и Ногайскими, съ отрядами Казаковъ и Поляковъ, гнѣздившихся въ городахъ и селахъ. Правительство обнаруживало дѣятельность удивительную; усердіе было всеобщее; враги нерѣдко одолѣвали наши войска, били воеводъ и являлись подъ самою Москвою; но нигдѣ не встрѣчали измѣнниковъ: всѣ сословія стояли грудью за царя православнаго; непріятели исчезли одинъ за другимъ и оставили насъ въ покоѣ.

йна съ Польшею.

Безразсудною политикою лишивъ сына Московской короны, легкомысленный Сигизмундъ еще надѣялся поправить свою ошибку и возвратить то, что было уже невозвратимо. Около 4 лѣтъ онъ не приступалъ однакожъ къ рѣшительной борьбѣ съ Михаиломъ и далъ ему время управиться съ Заруцкимъ, примириться съ Швеціею, обуздать внутреннихъ мятежниковъ. Сигизмундъ былъ не въ силахъ вредить намъ: въ Польшѣ царствовало всеобщее волненіе; на сеймахъ упрекали короля въ безполезныхъ тратахъ; войска, участвовавшія въ Московскомъ походѣ, требовали недоплаченнаго жалованья; шляхта не хотѣла итти въ Россію, доколѣ не получитъ денегъ впередъ, а у короля не было ни гроша. Составились три сильныя конфедераціи, которыя, захвативъ королевскія помѣстья, лишили Сигизмунда всѣхъ средствъ къ продолженію войны съ Россіею. Онъ прибѣгнулъ къ интригамъ, предлагалъ вступить въ мирные переговоры и рѣшить дѣло судомъ цесаря Матѳія, склонивъ его между тѣмъ на свою сторону. Бояре и высшіе сановники Михаиловы, съ коими Польскіе вельможи вели переговоры о мирѣ, отвѣчали имъ съ благородною гордостью: «нечего намъ съ государемъ вашимъ судиться предъ цесаремъ;» исчислили всѣ неправды короля, безсовѣстную осаду Смолен-

ска, вѣроломное занятіе Москвы, плѣнъ царя Василія, разрушеніе столицы, неволю пословъ Голицына и Филарета, смерть патріарха Ермогена, разореніе всей Россіи, поруганіе св. храмовъ; объявили, что самъ король уничтожилъ договоръ Жолкѣвскаго, что Владиславу не царствовать въ Россіи, и что всѣ чины государственные поклялись умереть за Михаила Ѳеодоровича. Нѣсколько разъ съѣзжались уполномоченные съ обѣихъ сторонъ, и не могли согласиться: мы требовали, чтобы король возвратилъ Смоленскъ, вывелъ свои войска изъ Россіи, заплатилъ милліонъ рублей за убытки и призналъ царемъ Михаила; Поляки и посредники цесарскіе предлагали одно средство къ миру, возведеніе Владислава на престолъ Московскій. Между тѣмъ частныя непріязненныя дѣйствія не прекращались: пользуясь очевиднымъ безсиліемъ Сигизмунда, правительство наше спѣшило очистить отъ Поляковъ всѣ города, коими они овладѣли во имя Владислава: Дорогобужъ, Вязьма, Бѣлый были взяты царскими войсками безъ труда; Смоленскъ не сдавался: тамъ находился многочисленный отрядъ Польскій. Послѣ тщетныхъ усилій взять крѣпость приступомъ, царскіе воеводы рѣшились обложить ее со всѣхъ сторонъ, чтобы голодомъ принудить осажденныхъ къ сдачѣ. Эта мѣра могла имѣть успѣхъ; но дѣятельный гетманъ Хоткѣвичъ подоспѣлъ во время съ подвозомъ съѣстныхъ припасовъ, искусною хитростію обманулъ Русскихъ и подкрѣпилъ осажденныхъ. Спустя нѣсколько времени, Гонсѣвскій разбилъ царскихъ воеводъ наголову и принудилъ снять осаду. Мы дѣйствовали слабо подъ Смоленскомъ, бывъ принуждены обратить свои силы на другіе опаснѣйшіе пункты.

Болѣе всего тревожило Михаила и его совѣтниковъ скопище злодѣевъ, главою котораго былъ атаманъ Заруцкій. Свѣдавъ о возстаніи Нижегородцевъ и о походѣ Пожарскаго къ Москвѣ, Заруцкій удалился съ Мариною на берега Дона, въ надеждѣ найти усердныхъ ей защитниковъ въ землѣ Донскихъ Казаковъ. Правительство съ величайшею дѣятельностію спѣшило уничтожить его замыслы, послало на Донъ богатые дары, чтобы удержать Казаковъ въ повиновеніи законному государю, и отправило нѣсколько отрядовъ для преслѣдованія Заруцкаго. Разбитый царскими войсками близъ Воронежа, онъ бросился къ Волгѣ, овладѣлъ Астраханью, провозгласилъ Марину царицею и просилъ по- Плѣнъ Марины.

мощи у шаха Персидскаго. Князь Одоевскій вытѣснилъ его изъ Астрахани, загналъ въ море и, въ Іюнѣ 1614 года схвативъ на Яикѣ, представилъ съ Мариною въ Москву. Заруцкій былъ посаженъ на колъ; Марина кончила жизнь въ темницѣ; сынъ ея повѣшенъ.

Казнь Заруцкаго усмирила безпокойный Донъ; плѣнъ Марины пресѣкъ всѣ новыя попытки самозванцевъ; но еще много стоило труда подавить издыхающее безначаліе: весь сѣверовосточный край былъ добычею злодѣевъ. Казаки Донскіе и Малороссійскіе, Запорожцы, холопи боярскіе гнѣздились въ городахъ и селахъ; грабили беззащитныхъ жителей и въ концѣ 1614 года соединились въ грозное скопище, избравъ атаманомъ Баловню. Все пространство отъ Твери до Вятки и Вологды, отъ Бѣлозерска до Углича и Нижняго было опустошено. Тщетно государь старался смирить ихъ мѣрами кротости, обѣщая забвеніе всего прошедшаго и царскую милость; тщетно духовенство старалось обуздать ихъ вѣрою: они упорствовали въ мятежѣ. Выслано сильное войско; бояринъ Лыковъ преслѣдовалъ грабителей неутомимо отъ Вологды до Москвы, разбилъ ихъ наголову въ виду столицы и загналъ въ Украйну.

Смерть Лисовскаго.

Въ то время, когда Одоевскій усмирялъ юговосточный край, а Лыковъ сѣверовостокъ, князь Пожарскій напрягалъ всѣ силы, употреблялъ все искусство, чтобы избавить Россію отъ страшнаго скопища людей разныхъ вѣръ и націй, преимущественно Польскихъ удальцовъ, злодѣйствовавшихъ подъ начальствомъ полковника Лисовскаго. Бѣглецъ, осужденный въ своемъ отечествѣ на смертную казнь, сей отважный Литвинъ явился въ Россію еще при ворѣ Тушинскомъ, дѣйствовалъ въ его пользу, но не дѣлился съ нимъ добычею, и смѣлостію въ битвахъ, разореніемъ городовъ пріобрѣлъ въ Польшѣ такую славу, что шляхта считала себѣ за честь служить въ отрядѣ *Лисовчиковъ*. Дружина его состояла изъ самыхъ отчаянныхъ головорѣзовъ; брала приступомъ города многолюдные, не щадила ни пола, ни возраста, ни святыни. По избраніи Владислава на Русскій престолъ, онъ удалился въ Псковскую область, гнѣздился тамъ болѣе четырехъ лѣтъ, неоднократно приступалъ къ твердынямъ Пскова и держалъ Псковитянъ въ безпрерывномъ страхѣ. Въ 1614 году Сигизмундъ вызвалъ его къ новому опустошенію Россіи, самъ не имѣя средствъ вредить ей. Лисовскій явился въ южныхъ областяхъ и билъ воеводъ одного

за другимъ. Правительство Михаила, постигая всю опасность, отрядило противъ него славнѣйшаго изъ воеводъ, князя Пожарскаго. Пораженный подъ Орломъ, Лисовскій съ неимовѣрною быстротою переходилъ отъ города къ городу, съ огнемъ и мечемъ опустошенія, разорилъ Бѣлевъ, Перемышль и др. Болѣзнь Пожарскаго развязала ему руки: онъ бросился прямо къ сѣверу, разбилъ при Ржевѣ Шереметева, оттуда обратился къ востоку, тревожилъ Угличъ и Кашинъ, Ярославль и Кострому, Владиміръ и Муромъ; отъ Мурома кинулся въ область Рязанскую. Михаилъ высылалъ рать за ратью для преслѣдованія злодѣя; воеводы не могли его догнать, часто теряли слѣды его, и Москва неоднократно вооружалась, ожидая незапнаго нападенія. Наконецъ Русскія войска настигли его при Алексинѣ и со всѣхъ сторонъ окружили: послѣ жестокой сѣчи, Лисовскій пробился и ушелъ въ Комаринскую волость, замышляя новый походъ во внутренность Россіи. Незапная смерть избавила ее отъ врага лютаго. 1616.

Мiръ съ Швеціею.

Избраніемъ Михаила лишенный надежды видѣть брата своего на Русскомъ престолѣ, Густавъ Адольфъ пересталъ думать о соединеніи Московской короны съ Шведскою, и рѣшился лучше присвоить одну Новгородскую область, подъ предлогомъ вознагражденія за понесенные Швеціею убытки. Царь выслалъ войско подъ начальствомъ князя Трубецкаго, для изгнанія Шведовъ изъ предѣловъ Россіи: Делагарди не допустилъ его до Новгорода и въ 30 верстахъ, при Бронницахъ, разбилъ наголову. Въ то же время самъ король осадилъ Псковъ. Ободряемые мужественнымъ воеводою Морозовымъ, Псковитяне съ блестящимъ успѣхомъ отражали всѣ приступы короля, убивъ на вылазкѣ храбраго фельдмаршала его Горна. Упорная оборона Пскова, при дѣятельномъ посредничествѣ Англійскаго агента Джона Мерика, побудила Густава снять осаду и склониться на мирныя предложенія; онъ удалился съ братомъ своимъ въ Швецію, уполномочивъ Делагарди вступить въ переговоры съ Русскими сановниками. Вскорѣ заключенъ миръ въ деревнѣ Столбовѣ. Россія уступила Швеціи Иваньгородъ, Ямбургъ, Копорье, Орѣшекъ и всю Ингрію, заплативъ сверхъ того 20,000 рублей (240,000 нынѣшнихъ); король возвратилъ всѣ прочіе города, занятые Шведами, Новгородъ, Старую Русу, Порховъ, Гдовъ; братъ его Филиппъ отказался отъ всякихъ притязаній на Московскую корону. Не взирая на значитель-

1614. 1617.

ныя пожертвованія, на потерю приморскихъ городовъ, столь необходимыхъ намъ для сношенія съ Европою, Михаилъ торжествовалъ Столбовскій миръ, какъ побѣду, и въ знакъ благодарности къ усердію Мерика, бывшаго дѣятельнымъ посредникомъ при заключеніи договора, дозволилъ Англичанамъ свободную, безпошлинную торговлю во всемъ государствѣ: ему нужно было сосредоточить всѣ свои силы для отпора непримиримому врагу Россіи, Сигизмунду.

Миръ съ Польшею.

Еще прежде заключенія Столбовскаго мира, Варшавскій сеймъ, по неотступной просьбѣ Сигизмунда, опредѣлилъ послать войско въ Россію, для возведенія Владислава на престолъ Московскій силою оружія. Главное начальство надъ коронными войсками принялъ самъ королевичъ, въ надеждѣ своимъ присутствіемъ поколебать вѣрность Россіянъ къ законному государю. Гетманъ Хоткѣвичъ распоряжалъ военными дѣйствіями, впрочемъ подъ руководствомъ особенныхъ коммиссаровъ, назначенныхъ недовѣрчивымъ сеймомъ. Вступивъ въ предѣлы Россіи, Владиславъ безъ труда овладѣлъ Дорогобужемъ и Вязьмою, гдѣ воеводы считали оборону невозможною. Но Можайскъ, защищаемый храбрымъ бояриномъ Лыковымъ, остановилъ быстрое стремленіе непріятелей, принудилъ ихъ цѣлую зиму провести въ Вязьмѣ, испытать голодъ, холодъ, всѣ невыгоды войны среди народа ожесточеннаго; окрестные города не думали измѣнять Михаилу. Ропотъ въ войскѣ, недостатокъ съѣстныхъ припасовъ и неоднократныя повелѣнія сейма кончить войну переговорами, побудили Владислава предложить миръ. Русское правительство между тѣмъ приняло всѣ мѣры къ защитѣ Москвы, куда съ усердіемъ спѣшили городовыя дружины со всѣхъ сторонъ, и не хотѣло слышать о мирѣ, доколѣ непріятель не выступитъ изъ Русскихъ предѣловъ.

Лѣтомъ 1617.

Не взявъ Можайска, Поляки хотѣли овладѣть по крайней мѣрѣ городкомъ Борисовымъ, близъ Можайска, чтобы открыть путь къ Москвѣ, но и тамъ не было успѣха. Эти неудачи, при непрестанныхъ спорахъ королевскихъ коммиссаровъ съ Хоткѣвичемъ, при неплатежѣ жалованья, такъ озлобили своевольную шляхту, что она толпами удалялась изъ Можайскаго стана и спѣшила восвояси. При Владиславѣ осталось не болѣе 1,000 человѣкъ регулярнаго войска, съ нѣсколькими сотнями Лисовчиковъ. Онъ не зналъ, на что рѣшиться, и уже думалъ отступить съ безславіемъ, безъ

всякаго успѣха, какъ неожиданно прибылъ къ нему Запорожскій гетманъ Сагайдачный, котораго склонилъ Сигизмундъ золотомъ поспѣшить на помощь сыну. Гетманъ привелъ въ станъ королевича 40,000 Казаковъ испытаннаго мужества. Ободренный Владиславъ, оставивъ Можайскъ, двинулся прямо къ столицѣ и изъ Тушинскаго лагеря отправилъ къ Михаиловымъ боярамъ граммату, которою требовалъ немедленнаго повиновенія, грозя въ случаѣ непослушанія местію. Бояре возвратили ее безъ отвѣта. Королевичъ рѣшился взять Москву штурмомъ: приступъ былъ неудаченъ. Окольничій Годуновъ, защищавшій Арбатскіе ворота, на которые направлены были силы непріятельскія, отбилъ враговъ съ полнымъ успѣхомъ. Владиславъ желалъ мира. Переговоры открылись на рѣкѣ Прѣнѣ, въ виду столицы. Царскій уполномоченный, бояринъ Шереметевъ объявилъ королевскимъ коммиссарамъ, что не будетъ рѣчи о мирѣ, если они станутъ называть Владислава царемъ, и какъ скоро Польскіе уполномоченные начали доказывать права его на престолъ Московскій, онъ исчислилъ всѣ неправды короля и удалился. Переговоры пресѣклись. Владиславъ возобновилъ ихъ: соглашался отказаться отъ царскаго титула; но требовалъ, чтобы всѣ чины Московскаго государства отправили торжественное посольство въ Варшаву, просить у него прощенія въ бунтѣ, и чтобы уступили ему Псковъ, Смоленскъ и города Сѣверскіе. Бояре отвергли это предложеніе съ негодованіемъ. Королевичъ отступилъ къ Троицкой лаврѣ, гдѣ намѣренъ былъ зимовать, чтобы весною возобновить войну и разорить въ конецъ все Московское государство. Но войско его не хотѣло служить безъ жалованья, а коммиссары, исполняя повелѣнія сейма, настаивали о мирѣ. Русское правительство съ своей стороны желало избавить Россію отъ лютыхъ Лисовчиковъ и Запорожцевъ. Послѣ продолжительныхъ преній, наконецъ заключено было перемиріе на 14 лѣтъ въ селѣ Деулинѣ (въ 7 верстахъ отъ Троицкаго монастыря). Положено было: всѣ непріязненныя дѣйствія прекратить; Владиславу отказаться отъ титула царскаго, Михаилу отъ Ливонскаго, Черниговскаго и Смоленскаго; Россія уступила Польшѣ области Смоленскую, Черниговскую и Сѣверскую; плѣнниковъ, въ томъ числѣ Филарета и Шеина, освободили. Владиславъ выступилъ и оставилъ насъ въ покоѣ.

1 декабря 1618.

Миръ, прекратившій двѣ главныя войны, Польскую и

Шведскую, былъ купленъ дорогою цѣною. Россія утратила всѣ свои области Прибалтійскія и отказалась отъ права на Ливонію, для пріобрѣтенія которой предшественники Михаила употребляли много усилій; утратила и Смоленскъ, бывшій, по своимъ твердынямъ и по своему положенію, надежнымъ оплотомъ противъ непріязненной Польши. Но сіи утраты далеко уступали тѣмъ выгодамъ, которыя доставили оба договора Столбовскій и Деулинскій: государство пріобрѣло независимость, расчитавшись съ Польшею и Швеціею. Кромѣ того, тяжкая борьба съ иноземцами за вѣру, за народную самостоятельность, скрѣпила неразрывными узами союзъ Михаила съ подданными, не дала времени крамольникамъ затѣять новые мятежи и, украсивъ страницы Русской исторіи новыми дѣлами храбрости, преданности къ престолу, возвысила, облагородила духъ народа: ибо здѣсь дѣло шло не о завоеваніи чуждыхъ странъ, а о спасеніи народной чести, царя и вѣры. Какая борьба могла быть возвышеннѣе?

Дѣла внутреннія.

Совершивъ подвигъ великій, успокоивъ государство извнѣ, доставивъ народу тишину вожделѣнную, Михаилъ, немедленно по замиреніи съ Польшею, приступилъ къ другому дѣлу не менѣе трудному, къ внутреннему устройству. Долговременныя войны оставили глубокіе слѣды: цѣлыя области запустѣли; рѣдкій городъ не пострадалъ отъ грабителей; помѣстья обезлюдѣли, или среди смутъ перешли отъ законныхъ владѣтелей въ чужія руки; цѣлые посады городскіе записались за боярами, чтобы избавиться отъ платежа городскихъ повинностей. Правительство требовало денегъ; подданные просили льготы; главный источникъ государственныхъ доходовъ, сборъ поземельный, при всеобщемъ неустройствѣ такъ былъ скуденъ, что государь для содержанія войска неоднократно долженъ былъ прибѣгнуть къ добровольнымъ приношеніямъ и къ чрезвычайнымъ налогамъ на монастыри и на людей торговыхъ. Безпорядки всякаго рода такъ были многообразны, что требовалось нѣсколько десятилѣтій для возстановленія закона. Къ счастію Россіи, юный царь имѣлъ теперь опытнаго руководителя въ отцѣ своемъ, Филаретѣ. Немедленно по возвращеніи изъ плѣна, возведенный въ санъ патріарха, Филаретъ былъ не только совѣтникомъ, но и соправителемъ своего сына. Имя его являлось во всѣхъ грамматахъ на ряду съ царскимъ; онъ участвовалъ во всѣхъ государственныхъ распоряженіяхъ и нерѣдко давалъ

указы отъ своего лица, даже по такимъ дѣламъ, которыя выходили изъ круга дѣйствій прежнихъ первосвятителей; въ своихъ же многочисленныхъ помѣстьяхъ онъ управлялъ безотчетно, собственною властію назначая подати, опредѣляя наказанія, и безъ доклада государю вершилъ всѣ дѣла, исключая уголовныя. Послы иноземные, въ слѣдъ за царскою аудіенціею, непремѣнно представлялись патріарху, чего прежде никогда не бывало.

Филаретъ, въ самомъ началѣ своего первосвятительства, представилъ государю всѣ внутреннія неустройства и, для устраненія ихъ, предложилъ мѣру простую, но весьма важную по слѣдствіямъ: произвести всеобщую перепись государству. Земскій совѣтъ, одобривъ предложеніе патріарха, назначилъ изъ высшихъ сановниковъ *писцовъ и дозорщиковъ*: первыхъ послали въ города и области неразоренныя; вторыхъ въ мѣста, пострадавшія отъ непріятелей. Тѣ и другіе должны были составить подробныя вѣдомости о пространствѣ земель, принадлежавшихъ городамъ, монастырямъ, казнѣ и частнымъ лицамъ, со всѣми угодьями, о количествѣ собираемыхъ съ нихъ доходовъ, хлѣбомъ, сѣномъ и разными произведеніями, о числѣ дворовъ обывательскихъ. Нѣсколько лѣтъ составлялись эти вѣдомости, такъ называемыя *писцовыя книги*. Слѣдствія были весьма важны: съ одной стороны, правительство, зная съ кого требовать и чего требовать, увеличило свои доходы и военныя силы; съ другой стороны, каждый помѣщикъ имѣлъ опредѣленный рубежъ, далѣе котораго не простиралъ своего притязанія: отъ того большая часть споровъ, тяжбъ пресѣклась сама собою. Почти каждый помѣщикъ получилъ отъ государя жалованную граммату, въ которой именно было означено, какія ему принадлежали земли и деревни.

Водворяя порядокъ внутри, государь въ то же время старался возстановить прежнія отношенія Россіи къ дружественнымъ державамъ. Русскіе послы одинъ за другимъ отправлялись въ Англію, Данію, Нидерланды, къ императору Римскому, къ султану Турецкому, къ шаху Персидскому. Послы иноземные безпрерывно являлись въ Москвѣ съ мирными увѣреніями. Цѣлію этихъ сношеній были преимущественно взаимныя выгоды торговыя. Михаилъ не искалъ ни плодовъ Европейской образованности, ни новыхъ средствъ къ устройству внутреннему: во всѣхъ дѣлахъ онъ неуклон- Вторая война съ Польшею.

но слѣдовалъ правилу привести государство въ то положеніе, въ которомъ оставилъ его послѣдній государь древней династіи, царь Ѳеодоръ Іоанновичъ. При такой политикѣ новая война съ Польшею была неизбѣжна: безопасность государства требовала возвращенія Смоленска и другихъ городовъ, присвоенныхъ Сигизмундомъ во время бѣдствій отечества.

Уже въ 3 годъ по замиреніи съ Польшею, государь объявилъ земскому совѣту, что король нарушаетъ мирное постановленіе, что Владиславъ, вопреки трактату, удерживаетъ титулъ царя и великаго князя Московскаго, что пограничные Литовскіе сановники освоиваютъ Русскія владѣнія, что въ грамматахъ къ двору Московскому Польскіе паны пишутъ укоризны, что Турецкій султанъ Османъ, Шведскій король Густавъ Адольфъ и ханъ Крымскій убѣдительно просятъ вооружиться на общаго врага и уже начали военныя дѣйствія. «Если теперь, говорилъ государь совѣту, при такомъ утѣсненіи, Сигизмундъ не хочетъ дружбы съ Россіею, чего же ожидать въ послѣдствіи, когда онъ примирится съ Турціею и Швеціею? И не потеряемъ ли мы дружбы союзниковъ, если отвергнемъ ихъ предложенія?» Всѣ чины земскаго совѣта отвѣчали государю единодушно, что они рады биться съ королемъ Польскимъ, не щадя головъ своихъ.

Въ самомъ дѣлѣ нельзя было ожидать удобнѣйшаго времени къ вознагражденію всѣхъ потерь, нанесенныхъ Россіи Польшею. Сигизмундъ, вмѣшавшись въ дѣла Молдавіи и войну Семиградскаго князя Бетлема Габора съ Фердинандомъ II, навлекъ на себя мщеніе Турецкаго султана. Знаменитый Жолкѣвскій былъ разбитъ наголову подъ Цѣцорою и вмѣстѣ съ войскомъ потерялъ жизнь въ сей несчастной битвѣ; чрезъ годъ султанъ двинулъ всѣми силами имперіи, и великій визирь Гуссейнъ, съ 300,000 Турокъ и Татаръ, подступилъ къ Хотину, чтобы, овладѣвъ имъ, разгромить Польшу во всѣхъ направленіяхъ. Гетманъ Хоткѣвичъ, еще могшій замѣнить Жолкѣвскаго, умеръ въ Хотинѣ. Между тѣмъ Густавъ Адольфъ овладѣлъ Ригою, Митавою, и завоевалъ всю Ливонію. Намъ стоило только выслать войско, чтобы отнять Смоленскъ. Михаилъ, руководимый правилами чести, не хотѣлъ начать войны безъ предварительнаго объясненія съ королемъ, и чрезъ посольство требовалъ удовлетворенія въ обидахъ. Благопріятное время было упущено: между тѣмъ, какъ дворъ Московскій переписывался съ Вар-

шавскимъ, королевичъ Владиславъ, поддерживаемый гетманомъ Запорожскимъ Сагайдачнымъ, отстоялъ Хотинъ, принудилъ Турокъ отступить и склонилъ султана къ миру, безъ всякой для Польши потери; Густавъ Адольфъ, съ своей стороны довольный успѣхомъ, завоеваніемъ Риги, заключилъ съ Сигизмундомъ перемиріе, при посредничествѣ Франціи. Мы же, послѣ тщетныхъ переговоровъ, остались при прежнихъ неудовольствіяхъ. Король на всѣ представленія нашего двора отвѣчалъ новыми обидами.

Оскорбляемый явною непріязнію Поляковъ, Михаилъ не хотѣлъ ждать окончанія перемирія и спѣшилъ воспользоваться междуцарствіемъ, наставшимъ въ Польшѣ по смерти Сигизмунда. Готовясь къ войнѣ упорной и продолжительной, Русское правительство заблаговременно приняло всѣ мѣры къ успѣху: собрало многочисленное войско; наняло въ Англіи, Голландіи, Швеціи дружины иноземныя; вызвало изъ за границы искусныхъ генераловъ, инженеровъ; закупило множество ружей, пушекъ, пороху; назначило главнымъ полководцемъ воеводу, знаменитаго доблестію, боярина Шеина. Цѣлью похода былъ Смоленскъ. Шеинъ обложилъ его со всѣхъ сторонъ многочисленнымъ войскомъ; между тѣмъ сильные отряды опустошали Литовскія владѣнія отъ Батурина до Полоцка. Поляки были изгнаны изъ всѣхъ Русскихъ городовъ между Днѣпромъ и Вязьмою. Осада Смоленска продолжалась 10 мѣсяцевъ; Голландскія пушки разбивали стѣны; подкопы разрушали ихъ; осажденные, томимые голодомъ, готовы были сдаться; но самъ Владиславъ подоспѣлъ на помощь, и дѣла приняли другой оборотъ. Походъ Шеина.

Съ войскомъ, вчетверо слабѣйшимъ Русскаго, король отбилъ Шеина отъ Смоленска и принудилъ заключиться въ окопахъ, гдѣ Русскіе неоднократно должны были выдерживать стремительныя атаки королевскія. Вскорѣ изъ наступательнаго положенія они перешли въ оборонительное; Владиславъ, какъ опытный полководецъ, занялъ въ тылу ихъ Дорогобужъ, гдѣ была складка съѣстныхъ припасовъ; нѣсколько разъ Шеинъ пытался выйти изъ окоповъ, чтобы смѣлымъ ударомъ рѣшить борьбу, но тщетно: войско упало духомъ. Второстепенные воеводы слабо содѣйствовали главному полководцу; генералы и полковники иностранные ссорились и рѣзались другъ съ другомъ; въ Русскомъ лагерѣ открылись повальныя болѣзни; цѣлые полки бѣжали въ свои области, опустошаемыя Татарами Крымскими, напав-

шими на нашу Украйну по старанію Владислава. Болѣзни и побѣги такъ ослабили войско, что Шеинъ изъ одной Москвы ожидалъ спасенія. Михаилъ выслалъ на помощь ему князей Черкасскаго и Пожарскаго; но они рѣшились итти не далѣе Можайска. Шеинъ принужденъ былъ заключить капитуляцію: оставилъ королю весь свой лагерь, гдѣ было 123 орудія, и вывелъ одно войско, покрывъ безславіемъ свое знаменитое имя. По возвращеніи въ Москву, онъ былъ казненъ, какъ измѣнникъ.

При всѣхъ успѣхахъ, Владиславъ желалъ однако мира: войско его роптало, по обыкновенію, за невыдачу жалованья; Турки, съ коими онъ велъ войну, тревожили его королевство; перемиріе съ Швеціею приближалось къ окончанію. Михаилъ съ своей стороны еще болѣе желалъ прекратить столь бѣдственную войну: кромѣ того, что послѣ пораженія Шеина, трудно было собраться съ новыми силами, онъ въ тоже время оплакивалъ потерю отца, патріарха Филарета, умершаго во время Смоленскаго похода, и заботился о возстановленіи Москвы, опустошенной пожаромъ. Безъ дальнихъ споровъ, заключили вѣчный миръ близъ Вязьмы
1634. на рѣчкѣ Поляновкѣ, на основаніи договора Деулинскаго.

Дѣла съ Крымомъ.

Одною изъ главныхъ причинъ неудачи Смоленскаго похода было вторженіе Крымскихъ Татаръ въ южныя области наши, въ то самое время, когда Шеинъ боролся съ Владиславомъ: ратные люди, свѣдавъ о разореніи своихъ городовъ, толпами бѣжали изъ подъ Смоленска, для спасенія семействъ, и тѣмъ ослабили Шеина. Думая обуздать Крымцевъ, Михаилъ ежегодно посылалъ имъ *поминки* или дары и въ особенности искалъ дружбы Турецкаго султана, посредствомъ котораго могъ удерживать хищниковъ отъ впаденій въ Россію. Но какъ эта политика не всегда имѣла успѣхъ, и ханъ, взявъ отъ насъ золото, нерѣдко въ слѣдъ за гонцами приходилъ съ сильнымъ войскомъ опустошать Елецъ, Ливны, Бѣлевъ и другіе города Украйны, то Русское правительство прибѣгло къ другимъ мѣрамъ для защиты государства, именно къ тѣмъ самымъ, которыми Годуновъ держалъ въ страхѣ южныхъ сосѣдей Россіи. Михаилъ велѣлъ оградить Украйну рядомъ оборонительныхъ линій: одну провелъ отъ верховьевъ Хопра чрезъ Цну по Соснѣ до Оки; другую отъ Воронежа мимо Бѣлгорода до Ворсклы; на этихъ мѣстахъ были построены временные остроги и

постоянные городки, между прочимъ Тамбовъ, Козловъ, Нижній Ломовъ, Верхній Ломовъ, Осколъ и другіе. Съ тѣхъ поръ Татары, по крайней мѣрѣ, не тревожили самой Москвы.

Отважное дѣло Донскихъ Казаковъ давало Михаилу вѣрнѣйшее средство къ обузданію Крыма. Соединившись съ 4,000 Запорожцевъ, Донцы, подъ начальствомъ атамана Осипа Петрова, нагрянули на Азовъ, взяли его штурмомъ и не хотѣли возвратить султану: тщетно приходилъ нѣсколько разъ самъ визирь съ многочисленнымъ войскомъ для изгнанія Казаковъ: цѣлые 6 лѣтъ они отбивали всѣ приступы Турокъ, и въ 1641 году предложили Азовъ Михаилу. Государь долго не зналъ, на что рѣшиться: съ одной стороны, владѣя столь важнымъ городомъ, онъ могъ безпрестанно тревожить хана и отвлекать его отъ Россіи; съ другой стороны, надлежало опасаться упорной войны съ Турціею, которая грозила поднять всѣ свои силы. Михаилъ созвалъ въ Москву земскій совѣтъ, для разсужденія, что дѣлать? Общее мнѣніе было принять Азовъ и послать Казакамъ войско на помощь. Люди ратные изъявляли готовность итти на самого султана. Миролюбивый Михаилъ, испытавъ въ войнахъ съ сосѣдями однѣ неудачи, рѣшился отказаться отъ предложенія Казаковъ и велѣлъ имъ вытти изъ Азова: они повиновались. Султанъ остался по прежнему союзникомъ государя Московскаго.

Не успѣвъ исторгнуть владѣнія предковъ изъ рукъ западныхъ сосѣдей, Михаилъ расширилъ предѣлы своего государства далеко на востокъ: большая часть Сибири покорена въ его царствованіе. Борисъ Годуновъ утвердилъ Русское господство на берегахъ Туры, Тоболя, Иртыша и Оби, обложивъ данью Туралинцевъ, Вогуличей, Самоѣдовъ, Остяковъ Березовскихъ и Нарымскихъ, завоевавъ степи Ишимскую и Барабинскую, построивъ города Пелымъ, Березовъ, Верхотурье, Тобольскъ, Сургутъ, Нарымъ, Томскъ и другіе. Населенные Казаками, плѣнниками, ссыльчными, отчасти Казанскими Татарами и Русскими семействами, эти города держали въ страхѣ мелкія орды и доставляли въ Москву огромное количество мягкой рухляди. Молва о богатствахъ Сибири привлекала туда людей предпріимчивыхъ, подъ именемъ промышленниковъ: они приходили цѣлыми толпами, соединились съ Сибирскими Казаками и, преслѣдуя звѣрей,

Покореніе Сибири.

достигли до самыхъ береговъ Енисея. Поколѣнія Татаръ и Остяковъ, встрѣчавшіяся имъ на пути, должны были признавать себя данниками Московскаго государя.

Смуты самозванцевъ остановили стремленіе промышленниковъ: при всеобщемъ неустройствѣ, Сибирскіе Казаки, не получая изъ Россіи ни хлѣба, ни оружія, оставляли города, или съ трудомъ отбивались отъ хищныхъ Киргизовъ, которые съ неудовольствіемъ смотрѣли на появленіе Русскихъ и старались вытѣснить ихъ; многочисленные приверженцы Кучумова дома ободрились и подстрекали Остяковъ къ изгнанію царскихъ воеводъ; во многихъ областяхъ вспыхнули мятежи. Михаилъ укротилъ волненіе Сибирскихъ народовъ; укрѣпилъ построенные Борисомъ города, населилъ ихъ Русскими, прислалъ ратныхъ людей и оружіе; основалъ многіе слободы; ввелъ порядокъ въ управленіи подвластными народами, раздѣливъ ихъ на волости и назначивъ опредѣленный ясакъ, или сборъ дани мягкою рухлядью, дотолѣ зависѣвшій отъ произвола; во всѣхъ городахъ построилъ церкви и многіе монастыри; вообще старался образовать изъ Сибирскаго края Русскую область и для управленія ею учредилъ особенное вѣдомство въ Москвѣ, подъ именемъ Сибирскаго приказа; для надзора же за благочестіемъ и для обращенія язычниковъ въ Христіанскую вѣру установилъ епархію, назначивъ въ Тобольскъ архіеписко-
1621 помъ мужа ревностнаго и просвѣщеннаго, Кипріана, которому потомство обязано достовѣрными свѣдѣніями о первомъ завоеваніи Сибири: Кипріанъ зналъ сподвижниковъ Ермака и составилъ изъ ихъ сказаній любопытную лѣтопись.

Между тѣмъ предпріимчивые промышленники стремились далѣе и далѣе на востокъ, за Енисей; лѣтомъ по теченію рѣкъ, зимою на лыжахъ, они углублялись въ необозримыя пустыни и дремучіе лѣса; ловили звѣрей, боролись съ климатомъ, съ Татарами, Тунгузами и Якутами; одолѣвали мелкія орды туземцевъ мужествомъ, искусствомъ и огнестрѣльнымъ оружіемъ; брали съ нихъ ясакъ и каждую орду объявляли подвластною Русскому государю. Многіе изъ вождей ихъ не уступали Кортецу ни въ смѣлости, ни въ корыстолюбіи. По слѣдамъ промышленниковъ шли Казаки и ратные люди; строили города и остроги, или укрѣпленные станы, и утверждали власть царя Михаила отъ береговъ Оби до Камчатки. Въ первые годы его царствованія довершено было завоеваніе западной Сибири до Енисея покореніемъ Са-

моѣдовъ и Кузнецкихъ Татаръ; въ слѣдъ за тѣмъ обложены данью Качинцы, Камачинцы и Тубинцы; далѣе Тунгузы и Буряты; потомъ Якуты, Юкагиры и Коряки. По мѣрѣ расширенія Русскаго господства, возникали города Кузнецкъ, Енисейскъ, Красноярскъ, Братскій Острогъ, Илимскъ, Якутскъ, и др. Въ Ирбитѣ установилась ежегодная ярмарка.

II. АЛЕКСѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ *.

1645 — 1676.

Кроткимъ, благоразумнымъ правленіемъ Михаилъ достигъ той цѣли, для которой государственные чины призвали его на царство: прекративъ всѣ споры за Московскую корону, примиривъ партіи, враждовавшія внутри отечества, возстановивъ власть закона, онъ утвердилъ свою династію такъ, что, казалось, не было перерыва между поколѣніемъ Іоанна Калиты и домомъ Романовыхъ. Главный вопросъ былъ рѣшенъ; но многое оставалось еще неоконченнымъ: продолжительныя войны, истощивъ казну, вынудили правительство ввести разные налоги, обременительные для низшихъ сословій; со всѣхъ произведеній, сельскихъ и городскихъ, взимались тягостныя пошлины въ разныхъ видахъ; установлены откупа, обогащавшіе не столько казну, сколько людей частныхъ высшаго сословія; вкрались сверхъ того многочисленныя злоупотребленія: люди знатные, пользуясь прежними неустройствами, закрѣпили за собою цѣлыя слободы и посады въ городахъ, избавили ихъ отъ общественныхъ повинностей и дали имъ средства отбить промыслы у другихъ городскихъ обывателей. Значительныя помѣстья перешли, вопреки постановленіямъ прежнихъ государей, въ вѣдѣніе монастырей и, подобно отчинамъ боярскимъ, пользовались многими выгодами, которыхъ не имѣли земли государственныя. При многочисленныхъ изъятіяхъ, при разныхъ льготахъ, дарованныхъ частнымъ лицамъ и обществамъ, не было равенства ни въ платежѣ податей, ни въ судѣ и расправѣ. Купечество роптало явно на гостей иноземныхъ, присвоившихъ исключительное право безпошлинной торговли и захватившихъ въ свои руки всю внутреннюю промышлен- Состояніе Россіи.

* Котошихинъ. О Россіи въ царствованіе Ал. Мих.—Бергъ. Царствованіе Ал. Мих. 2 ч. Спб. 1831. Mayerberg. Iter in Moscoviam. 1661. — Reutenfels de rebus Moscoviticis. Patav. 1680. — Guy Miege. Trois ambassades du C. de Carlisle. Amster. 1672.—Акты, изд. Археограф. коммиссіею.— Полное собраніе законовъ Россійской имперіи.

ность. Въ кругу людей знатныхъ наконецъ обнаруживался духъ вражды по расчетамъ мѣстничества. Однимъ словомъ, хотя прежнія партіи замолкли, духъ мятежа исчезъ и всѣ сословія изъявляли безпредѣльную преданность къ дому Романовыхъ: но по стеченію обстоятельствъ, внутри государства господствовало общее неудовольствіе. Не менѣе затруднительны были и внѣшнія дѣла. Еще не рѣшенъ былъ окончательно вопросъ о правахъ Швеціи и Польши на Русскія области, отторгнутыя Сигизмундомъ III и Густавомъ Адольфомъ: конечно договорами Столбовскимъ и Поляновскимъ Россія отказалась отъ древнихъ владѣній своихъ по Днѣпру и при Балтійскомъ морѣ; но Швеція и Польша такъ неправильно присвоили ихъ, потерянныя земли такъ были необходимы для безопасности Россіи, что мы не могли забыть своей утраты, и невыгодное положеніе поставляло насъ въ неминуемую непріязнь къ сосѣдамъ. Малороссія наконецъ, родная намъ по вѣрѣ и языку, искони подвластная потомству Рюрика, умоляя защиты Русскаго правительства отъ притѣсненія Поляковъ, грозила вовлечь насъ въ войну тяжкую и въ случаѣ согласія, и въ случаѣ отказа. Преждевременная смерть, похитившая Михаила въ цвѣтущихъ лѣтахъ, не допустила его рѣшить столь важныхъ вопросовъ, съ которыми соединялась судьба нашего отечества. Онъ оставилъ ихъ сыну своему Алексѣю.

Заслуги Алексѣя.

Съ именемъ царя Алексѣя Михайловича, потомство привыкло соединять идею государя мудраго, дѣятельнаго въ устройствѣ внутреннемъ, счастливаго въ дѣлахъ внѣшнихъ. Такъ судятъ объ немъ, не зная вполнѣ его дѣяній: чѣмъ болѣе открывается современныхъ свидѣтельствъ, тѣмъ справедливѣе становится приговоръ потомства. Наслѣдовавъ отъ отца своего державу, еще неисцѣлившуюся отъ ранъ, нанесенныхъ ей самозванцами и вѣроломными сосѣдями, безсильную внутри, слабую извнѣ, носившую въ нѣдрахъ сѣмена неустройствъ, взаимнаго боренія сословій, безъ всякаго вѣса въ политической системѣ западныхъ государствъ, даже безъ надежнаго оплота противъ непріязненныхъ сосѣдей, ожидавшихъ только случая вновь ограбить и унизить ее, мудрый Алексѣй оставилъ своимъ преемникамъ государство сильное, благоустроенное, съ явнымъ перевѣсомъ надъ опаснѣйшею соперницею Польшею, со всѣми средствами къ господству надъ Европейскимъ сѣверомъ, уважаемое на западѣ, грозное на востокѣ и югѣ.

Великіе таланты Алексѣя Михайловича обнаружились не вдругъ: начало его правленія предвѣщало времена безпечнаго Θеодора. Вступивъ на престолъ 16 лѣтъ, юный царь не занимался дѣлами государственными, все время проводилъ въ путешествіяхъ по окрестнымъ монастырямъ, или въ соколиной охотѣ, любимой имъ до страсти; кормиломъ государства правили бояре; главою ихъ былъ Борисъ Морозовъ. Успѣвъ пріобрѣсть довѣренность Алексѣя, какъ воспитатель его, Морозовъ еще болѣе приблизился въ престолу, сочетавшись бракомъ съ младшею сестрою царицы Маріи Ильиничны, первой супруги государя, изъ рода Милославскихъ, и хотѣлъ быть вторымъ Годуновымъ; но могъ равняться съ нимъ развѣ однимъ честолюбіемъ. Сколько Годуновъ умѣлъ заслужить всеобщую признательность мудрымъ правленіемъ, столько Морозовъ навлекъ на себя всеобщую ненависть ненасытнымъ корыстолюбіемъ. Окруживъ престолъ своими родственниками и клевретами, онъ скрывалъ отъ государя бѣдствія народныя, не думалъ облегчать ихъ, даже присоединилъ къ нимъ новыя: ввелъ тягостные налоги, въ особенности на соль; отдалъ въ откупъ многіе необходимые для общежитія предметы. Болѣе всего ропталъ народъ на лихоимство судей и съ негодованіемъ смотрѣлъ на каменныя палаты людей приказныхъ. Естественныя бѣдствія, неурожай, голодъ, падежъ скота, частые пожары привели народъ въ ярость: въ Москвѣ вспыхнулъ страшный мятежъ; чернь до того озлобилась, что разтерзавъ двухъ сановниковъ, дерзнула требовать головы Морозова. Государь, для спасенія своего любимца, самъ вышелъ къ народу и ласковою рѣчью укротилъ недовольныхъ. Морозовъ былъ удаленъ; столица успокоилась, но зло распространилось по всему государству; волненіе Москвы отозвалось во многихъ городахъ; около 4 лѣтъ оно обнаруживалось безпрестанно то въ той, то въ другой сторонѣ, сильнѣе всего въ Новгородѣ и Псковѣ: Новгородцы едва не умертвили своего митрополита Никона, и только твердость сего знатенитаго святителя могла образумить ихъ. Псковъ усмиренъ былъ силою оружія; причемъ пролито много крови. При свѣтломъ умѣ, при добромъ сердцѣ, Алексѣй постигъ истинныя причины народныхъ бѣдствій, не сталъ ввѣряться любимцамъ, во все вникалъ самъ и обратилъ самое заботливое вниманіе на государственное устройство.

Начало его правленія.

1646.

1648. 26 мая.

1650.

Внутреннее устройство.

Двѣ главныя мысли руководствовали Алексѣемъ въ дѣлахъ внутреннихъ: 1) онъ желалъ искоренить многообразныя злоупотребленія, вкравшіяся со временъ самозванцевъ; 2) старался ввести во всемъ порядокъ, согласіе, все основать на законѣ, утвердить добрую нравственность, вліяніе вѣры. Онъ не вводилъ, подобно великому сыну своему, почти ничего новаго; не измѣнялъ формъ управленія, не заботился о народномъ образованіи науками и искусствами, вообще усердно держался прародительскихъ обычаевъ и уставовъ; по каждой отрасли тогдашней гражданской дѣятельности указывалъ мѣсто, давалъ направленіе, назначалъ кругъ дѣйствія. Постоянно слѣдуя системѣ стройнаго единства и порядка, онъ не довольствовался, подобно предшественникамъ, отдѣльными узаконеніями; но всѣ явленія государственной жизни озирая во всемъ объемѣ, издавалъ цѣлые уставы, гдѣ главные случаи были предусмотрѣны и опредѣлены закономъ.

Уложеніе.

Прежде всего онъ старался устроить правосудіе, какъ главный источникъ общественнаго порядка. Немедленно послѣ Московскаго мятежа, государь повелѣлъ собору, составленному изъ лицъ духовныхъ и свѣтскихъ, разсмотрѣть прежніе законы, дополнить ихъ, исправить и ввести въ общее употребленіе. Воля монаршая была исполнена князьями Одоевскимъ и Волконскимъ съ двумя дьяками; въ два мѣсяца съ половиною они совершили великій трудъ: съ рѣдкою отчетливостію разсмотрѣли главные случаи суда гражданскаго и уголовнаго, привели ихъ въ ясную систему, опредѣлили всѣ роды преступленій и каждому изъ нихъ назначили соразмѣрное, по тогдашнимъ понятіямъ, наказаніе. Выборные изъ всѣхъ сословій, призванные государемъ для *великаго царскаго и земскаго дѣла*, слушали составленный Одоевскимъ и Волконскимъ сводъ законовъ, нашли его соотвѣтствующимъ цѣли и одобрили. Этотъ сводъ напечатанъ и введенъ въ государствѣ, подъ именемъ *Уложенія*.

1649. 3 октября.

Основаніемъ его служила великая мысль, которую поняли въ западной Европѣ не ранѣе XVIII вѣка: государь объявилъ, что судъ для всѣхъ лицъ и званій долженъ быть *ровенъ*. Въ послѣдствіи, когда опытъ указалъ необходимость нѣкоторыхъ перемѣнъ въ законодательствѣ, Уложеніе было дополнено такъ называемыми *новоуказными статьями*; важнѣйшею изъ перемѣнъ было смягченіе смертной казни для уголовныхъ преступниковъ. Алексѣй однако не довольство-

вался однимъ изданіемъ законовъ: онъ хотѣлъ, чтобы ихъ свято исполняли, и принялъ на себя трудную обязанность непосредственнаго блюстителя правосудія: каждый обиженный имѣлъ къ нему свободный доступъ и могъ бить челомъ на неправый судъ. Сохранилось преданіе, что въ Коломенскомъ селѣ, гдѣ болѣе всего любилъ жить Алексѣй, предъ дворцомъ, противъ царской спальни, стоялъ жестяной ящикъ: какъ скоро вставалъ государь отъ сна и подходилъ къ окну, являлись челобитчики и, поклонившись до земли, опускали въ ящикъ жалобы, которыя потомъ были приносимы государю.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ обратилъ вниманіе на другой не менѣе важный предметъ. Послѣ всеобщей переписи земель и дворовъ при Михаилѣ Θеодоровичѣ, протекло слишкомъ 20 лѣтъ; многія помѣстья перешли отъ законныхъ владѣльцевъ къ незаконнымъ; люди сильные отняли земли у слабыхъ; въ самыхъ городахъ вельможи закрѣпили за собою цѣлые посады и слободы; сверхъ того отчины монастырскія и боярскія пользовались многими льготами, въ слѣдствіе дарованныхъ имъ тарханныхъ граммать. Вообще не было соразмѣрности въ повинностяхъ, такъ, что вся тягость налога падала на земли государственныя. Алексѣй постепенно уничтожилъ эти неудобства: составлены вновь писцовыя книги, которыя служили единственнымъ средствомъ къ опредѣленію законнаго права на отчины и помѣстья; земли, неправильно присвоенныя частными людьми и монастырями, возвращены законнымъ владѣльцамъ; посады и слободы, приписанные къ людямъ знатнымъ, для уклоненія отъ повинностей, обращены въ государственные: тарханныя граммы, дававшія исключительныя льготы немногимъ людямъ, къ подрыву общаго благосостоянія, большею частію уничтожены. 1672.

Налоги.

Та же мысль о соразмѣрномъ уравненіи правъ и обязанностей побудила государя даровать важныя преимущества торговому сословію. Русское купечество постоянно было опорою престола: во время тягостныхъ войнъ, оно не щадило своихъ богатствъ на пользу государственную, и правительство всегда находило въ усердіи городовъ средства къ исполненію своихъ намѣреній. Но обязанное значительными повинностями, торговое сословіе было затрудняемо въ своихъ оборотахъ двумя важными неудобствами: исключительными правами иноземцевъ и внутренними таможнями.

Торговля.

Иноземные купцы, преимущественно Англійскіе, получивъ при Іоаннѣ Грозномъ многія выгоды предъ Русскими, въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича присвоили право безпошлинной торговли внутри государства. Они завели конторы въ Москвѣ, Новгородѣ, Псковѣ, Архангельскѣ, Вологдѣ, Ярославлѣ; имѣли дѣятельныхъ агентовъ въ другихъ городахъ, и располагая огромными капиталами, при свойственной имъ смѣлости и предпріимчивости, захватили въ свои руки весь сбытъ нашей промышленности. Сверхъ того, дѣйствуя, по выраженію современниковъ, скопомъ и заговоромъ, они покупали Русскіе товары самою ничтожною цѣною, свои же продавали безмѣрно дорого. Русскіе купцы находились въ полной отъ нихъ зависимости и не могли съ ними соперничествовать, именно потому, что Англичане торговали безпошлинно; они же, отправляя товаръ изъ города въ городъ, вездѣ, на рѣкахъ, на дорогахъ, на мостахъ, при выѣздѣ, при въѣздѣ, на каждомъ шагу, встрѣчали таможни и заставы, гдѣ должны были платить пошлины за провозъ, за складку, за сани, за вѣсъ, за продажу и проч. Таможни, собиравшія пошлины частію для казны, частію для монастырей, частію для помѣщиковъ, были отдаваемы на откупъ. Легко вообразить, какъ страдала промышленность и какъ бѣдственно было положеніе торговца. Государь, внявъ жалобамъ Русскаго купечества, устранилъ оба неудобства:
1649. Англичанамъ повелѣлъ объявить, что за многія неправды они должны удалиться изъ внутреннихъ городовъ Россіи и торговать только у Архангельска, съ платежемъ пошлинъ, наравнѣ съ другими купцами иностранными, которыхъ права и обязанности въ послѣдствіи, въ 1667 году, опредѣлены *торговымъ* уставомъ; внутреннія таможни по деревнямъ,
1653. на мостахъ и перевозахъ уничтожены; оставлены только въ городахъ, гдѣ собиралось, исключительно въ пользу казны, при продажѣ товара, по 10 коп. съ рубля.

Войско. Заботясь о порядкѣ внутри государства, Алексѣй Михайловичъ столь же ревностно заботился о внѣшней безопасности его: города пограничные были укрѣплены; на южныхъ предѣлахъ основаны крѣпости; воинству дано лучшее устройство: люди, обязанные ратною службою и содержавшіе себя на собственный счетъ, уравнены помѣстьями и отчинами; многимъ назначено постоянное жалованье; призваны изъ за границы опытные офицеры, для обученія на-

шихъ ратей воинскому искусству по Европейскому образцу; умножены полки драгунскіе и рейтарскіе; усилена артиллерія; увеличено число стрѣльцовъ; изданъ воинскій уставъ, въ которомъ подробно объяснены всѣ обязанности людей ратныхъ, всѣ роды движеній и пріемовъ [1]; вообще въ образѣ войны мы начали подражать Европейцамъ; но составъ войска оставался прежній: исключая стрѣльцовъ, не было постоянной рати; воины, по окончаніи похода, сложивъ оружіе, обращались къ сельскимъ занятіямъ.

Не менѣе достопамятны мѣры къ лучшему устройству церкви. Не уступая ни одному изъ своихъ предшественниковъ въ ревностномъ благочестіи, Алексѣй желалъ, чтобы св. вѣра была исповѣдуема во всей чистотѣ, чтобы люди духовные служили примѣромъ для мірянъ, и православіе царствовало во всемъ государствѣ. Въ стремленіи къ этой цѣли онъ нашелъ весьма дѣятельнаго сотрудника въ патріархѣ Никонѣ. Сынъ Нижегородскаго крестьянина, по любви къ монашеской жизни, отрекшійся міра и суровыми добродѣтелями достигшій званія игумена одной изъ Бѣлозерскихъ пустынь, Никонъ въ самомъ началѣ царствованія Алексѣева успѣлъ обратить на себя вниманіе государя умомъ, даромъ слова и молвою своихъ добродѣтелей. Благочестивый Алексѣй съ перваго свиданія такъ полюбилъ его, что велѣлъ ему остаться въ Москвѣ съ званіемъ архимандрита Новоспасскаго монастыря, часто бесѣдовалъ съ нимъ и дозволилъ докладывать себѣ о всѣхъ безпомощныхъ, сиротахъ или утѣсненныхъ неправосудіемъ. Вскорѣ онъ былъ посвященъ въ Новгородскіе митрополиты, съ правомъ имѣть надзоръ за гражданскими сановниками; а по смерти патріарха Іосифа, возведенъ на степень іерарха и былъ осыпанъ царскими милостями, которыхъ вполнѣ былъ достоинъ; въ томъ и другомъ званіи, онъ оказалъ пламенное усердіе къ престолу: управляя Новгородскою митрополіею, онъ, съ опасностію собственной жизни, укротилъ мятежъ, грозившій важными послѣдствіями; достигнувъ сана патріарха, съ тѣмъ же усердіемъ благоразумными мѣрами остановилъ распространеніе моровой язвы. Но главная заслуга Никона въ томъ, что никто изъ современниковъ не содѣйствовалъ ревностнѣе его мудрому Алексѣю въ постоянномъ стремленіи къ утвержденію порядка, доброй нравственности. Никонъ установилъ

Церковь.

1. Напечатанъ въ 1647 году, подъ заглавіемъ: Ученіе и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей, со многими чертежами. По нѣкоторымъ признакамъ, эта книга переведена съ Нѣмецкаго.

въ церквахъ благолѣпіе, ввелъ живописныя иконы, учредилъ согласное, партесное пѣніе, строго наблюдалъ за нравственностію служителей церкви, съ неменьшею строгостію смотрѣлъ и за государственными сановниками, исправлялъ церковныя книги, собиралъ лѣтописи, заботился о переводѣ на Русскій языкъ съ Греческаго полезныхъ сочиненій. Въ награду за столь великія услуги, государь даровалъ ему несудимую граммату, или право управлять безотчетно духовнымъ вѣдомствомъ, кромѣ дѣлъ уголовныхъ.

Нравы. Наконецъ добрая нравственность народа была предметомъ постоянной заботливости государя. Собственнымъ примѣромъ подавая высокій образецъ жизни семейной и гражданской, Алексѣй требовалъ строго и отъ подданныхъ исполненія гражданскихъ обязанностей. Не довольствуясь многими постановленіями о благочиніи, онъ старался пресѣчь

1652. одинъ изъ главнѣйшихъ источниковъ разврата, пьянство; ненавидя его, подобно Годунову, онъ принялъ мѣры еще болѣе строгія: рѣшительно запретилъ существовавшее дотолѣ вольное куреніе вина и пива, повелѣвъ въ однихъ городахъ и главныхъ селахъ открыть кружечные дворы отъ казны, съ тѣмъ, чтобы горячіе напитки продавались только въ извѣстные сроки въ умѣренномъ количествѣ. — Такимъ образомъ не вводя ни наукъ, ни искусствъ, не учреждая общественныхъ заведеній для успѣховъ промышленности, исправляя только старое, Алексѣй давалъ лучшее направленіе главнымъ условіямъ гражданственности и содѣйствовалъ благоустройству государства.

Внѣшняя политика. Высокая мысль руководила Алексѣемъ въ дѣлахъ внѣшней политики: подобно Димитрію Донскому, Іоанну III, Іоанну Грозному, онъ понималъ необходимость и возможность возстановить Русскую землю въ древнихъ ея предѣлахъ, сосредоточить ее въ одно цѣлое и кончить вѣковой споръ Россіи съ Польшею за Литовское княжество, для блага обѣихъ державъ. Онъ дѣйствовалъ въ этомъ смыслѣ такъ постоянно и вѣрно, что при немъ, ровно за 100 лѣтъ до Екатерины II, Польша добровольно отказалась отъ своей самостоятельности, поручивъ судьбу свою Россійскому государю, и если Алексѣй не успѣлъ скрѣпить союзъ обоихъ народовъ, по стеченію разныхъ случайныхъ обстоятельствъ, по крайней мѣрѣ доказалъ, что рано или поздно Польша должна войти въ составъ Россіи. Мысль о соединеніи Рус-

скихъ земель въ одно цѣлое, обнаружилась въ самомъ началѣ его правленія: еще не вступая въ борьбу съ сосѣдями, присвоившими наши земли, съ Польшею и Швеціею, онъ принялъ титулъ *обладателя всѣхъ сѣверныхъ странъ, отчича и дѣдича*, давая тѣмъ знать, что не думаетъ отказаться отъ достоянія своихъ предковъ, и ждалъ только справедливаго повода къ разрыву съ сосѣдями. Этотъ поводъ доставила ему Малороссія, съ судьбою которой тѣсно связаны всѣ его дѣйствія внѣшней политики.

Въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича, бѣдствія Малороссіи достигли крайняго предѣла: все, что даровалъ ей Стефанъ Баторій, было отнято; земли перешли въ руки Польскихъ помѣщиковъ; Казаки утратили всѣ свои преимущества и были сравнены съ крестьянами; въ судахъ царствовала явная несправедливость; деньги находились въ рукахъ Жидовъ; города лежали въ развалинахъ; болѣе всего страдала церковь православная: Польское правительство рѣшилось или обратить всѣхъ обитателей Малороссіи въ Унію, или предать ихъ въ жертву Татарамъ. Утративъ самую надежду на лучшую долю, Малороссія уже не оборонялась и только молила государя Московскаго, какъ единственнаго защитника, о своемъ спасеніи; въ 1625 году Казаки чрезъ Кіевскаго митрополита Іова искали покровительства Михаила Ѳеодоровича и получили отказъ: царь жалѣлъ о злосчастной долѣ своихъ единовѣрцевъ, но не хотѣлъ начать новой борьбы съ Польшею, испытавъ въ прежнихъ войнахъ только неудачи. Алексѣй былъ смѣлѣе: считая своею обязанностію возстановить Русскую землю въ древнихъ ея предѣлахъ, онъ ждалъ только удобнаго времени къ исполненію мысли, руководившей политикою прежнихъ государей. Это время наконецъ настало. Россія успокоилась отъ внутренняго волненія и могла вступить въ борьбу со всякимъ соперникомъ; Малороссія, между тѣмъ, одушевленная умомъ и храбростью Богдана Хмѣльницкаго, напрягала послѣднія усилія къ сверженію тягостнаго ига.

Бѣдствія Малороссія

Сынъ Чигиринскаго сотника, убитаго въ сраженіи съ Турками подъ Цецорою [1], Хмѣльницкій наравнѣ съ другими Казаками терпѣлъ насиліе отъ Польскихъ помѣщиковъ: Чи-

Хмѣльницкій

1. Въ 1620 близъ Прута; тамъ сражались Казаки подъ знаменами Жолкѣвскаго, который погибъ со всѣмъ войскомъ. Богданъ взятъ былъ въ плѣнъ Турками и получилъ свободу года черезъ два, при размѣнѣ плѣнныхъ. Въ молодыхъ лѣтахъ онъ учился въ Кіевѣ, потомъ у Езуитовъ и хорошо зналъ Латинскій языкъ. Настоящее имя его было Зиновій: Богданомъ назвалъ его крестный отецъ, князь Сангушко.

гиринскій подстароста Чаплицкій отнялъ у него землю, покушался убить его самого. Послѣ тщетныхъ стараній найти удовлетвореніе судебнымъ порядкомъ, онъ подалъ жалобу Владиславу и получилъ въ отвѣтъ, что король не въ силахъ помочь ему и что онъ можетъ искать управы собственною саблею, о чемъ Владиславъ писалъ и къ наказному гетману, на жалобы другихъ Казаковъ. Между тѣмъ Чаплицкій похитилъ его жену и публично наказалъ плетьми любимаго сына. Хмѣльницкій помнилъ королевское слово и рѣшился отмстить за себя и за отчизну. По примѣру всѣхъ недовольныхъ, онъ удалился въ Сѣчь; на зовъ его стеклись Запорожцы; ханъ Крымскій Исламъ, раздраженный отказомъ сейма въ платежѣ обыкновенной дани, прислалъ ему сильное подкрѣпленіе. Болѣе всего однакожъ онъ надѣялся на усердное содѣйствіе Малороссіи, терзаемой Поляками, и не обманулся. Двукратное пораженіе Польскихъ войскъ, при Желтыхъ водахъ и подъ Корсунемъ (въ Кіевской губерніи), ободрило унывшій народъ; онъ ополчился поголовно; нѣ-
1648. сколько тысячъ Польскихъ шляхтичей и Жидовъ, угнетавшихъ Малороссію, были жертвою народной злобы. Неустройства Польши, по смерти Владислава, благопріятствовали успѣхамъ Хмѣльницкаго: провозглашенный гетманомъ Запорожскаго войска и *всей Малороссійской Украйны на обѣихъ сторонахъ Днѣпра*, онъ одерживалъ побѣду за побѣдою. Важнѣйшею была надъ самимъ королемъ Яномъ Казими-
1649. ромъ, преемникомъ Владислава, при Зборовѣ. Здѣсь окруженный Казаками и Татарами, король согласился возвратить всѣ прежнія права Малороссіи; удалить изъ предѣловъ ея Поляковъ, Жидовъ, Езуитовъ; даровать полную свободу послѣдователямъ Грекороссійской церкви не только въ Малороссіи, но и во всемъ великомъ княжествѣ Литовскомъ; митрополиту же Кіевскому дозволить присутствовать въ сенатѣ, наравнѣ съ Римскими епископами. Положено сверхъ того, чтобы число Казаковъ простиралось до 40,000. Они съ своей стороны обязались жить мирно и оберегать предѣлы Польши.

Варшавскій сеймъ, подтвердивъ въ общихъ выраженіяхъ миръ съ Казаками, не думалъ исполнять Зборовскій договоръ: одно изъ главныхъ условій его, о правѣ Кіевскаго митрополита присутствовать въ сенатѣ, было отвергнуто. Угадывая коварство Поляковъ и ожидая грозы, Хмѣльницкій спѣшилъ обезопасить себя союзами съ сосѣдями: безъ

вѣдома короля, велъ сношенія съ государемъ Московскимъ, съ королемъ Шведскимъ, съ ханомъ Крымскимъ, съ султаномъ Турецкимъ, съ господаремъ Молдавскимъ, съ княземъ Трансилванскимъ. Взаимная недовѣрчивость, еще болѣе ненависть народная, была поводомъ сперва къ возобновленію частныхъ битвъ, между отдѣльными отрядами, вскорѣ ко всеобщей войнѣ. Янъ Казимиръ вторично принялъ начальство надъ многочисленнымъ войскомъ, и получивъ отъ папы освященное знамя съ мечемъ для истребленія иновѣрцевъ, двинулся въ Малороссію; Хмѣльницкій въ союзѣ съ ханомъ Крымскимъ встрѣтилъ его подъ Берестечкомъ на берегахъ Стыри и, послѣ кровопролитной сѣчи, отъ малодушнаго бѣгства Татаръ, проигралъ битву. Увлеченный въ 1651.
видѣ плѣнника въ Крымъ, онъ цѣною золота искупилъ свободу, снова явился въ Малороссіи, снова собралъ сильную дружину; но счастіе ему измѣнило: послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ сраженій, онъ вступилъ въ переговоры съ Польскими военачальниками, Потоцкимъ и Радзивиломъ. Миръ 1651.
заключенъ при Бѣлой церкви; положено было: Казакамъ состоять изъ 20,000 и жить только въ Кіевскомъ воеводствѣ; гетману ихъ быть въ зависимости отъ короннаго гетмана; съ сосѣдями не ссылаться; Жидамъ по прежнему предоставить право откуповъ; Польскимъ помѣщикамъ возвратить Малороссійскія земли.

Договоръ Бѣлоцерковскій вовлекъ Малороссію въ тѣже бѣдствія, отъ которыхъ она доселѣ страдала. Поляки считали ее по прежнему вѣрною добычею и начали тѣснить ея обитателей. Казаки, получивъ дозволеніе жить только въ Кіевскомъ воеводствѣ, при недостаткѣ земли, не имѣли средствъ содержать себя, толпами удалялись въ Московскую Украйну, къ верховьямъ Донца и Оскола, основали тамъ слободы (изъ коихъ возникли Харьковъ, Изюмъ, Сумы, Ахтырка) и подъ именемъ Слободскихъ Казаковъ, признали себя подданными Московскаго государя.

Хмѣльницкій недолго могъ стерпѣть угнетеніе своей отчизны. Но уже испытавъ жестокій урокъ подъ Берестечкомъ, онъ видѣлъ невозможность избавить Малороссію собственными силами и, не надѣясь ни на хана Крымскаго, ни на Турецкаго султана, въ 1652 году отправилъ въ Москву посольство ударить челомъ православному государю со всѣмъ Запорожьемъ.

Подданство Малороссіи.

Если Густавъ Адольфъ заслужилъ признательность современниковъ и потомства участіемъ въ судьбѣ Германскихъ протестантовъ, тѣмъ болѣе права имѣлъ Алексѣй Михайловичъ вступиться за Малороссію: не говоря уже о побужденіяхъ вѣры, безъ пощады преслѣдуемой Поляками, о единоплеменности народа, о единодушномъ желаніи Казаковъ быть въ подданствѣ царя православнаго, самая безопасность Россіи требовала, чтобы государь принялъ подъ свое покровительство Малороссію; въ противномъ случаѣ она могла признать надъ собою власть султана: ибо ненависть ея къ Польскому игу была такъ безпредѣльна, что она хотѣла лучше подружиться съ непримиримыми врагами, Крымскими Татарами, и отдаться Туркамъ, чѣмъ быть въ зависимости отъ Поляковъ. Слѣдовательно Россія должна была опасаться весьма невыгоднаго сосѣдства Турокъ, коихъ она постоянно старалась отдалить отъ своихъ предѣловъ. Къ этому присоединилось и личное оскорбленіе государя Польскимъ правительствомъ, оставившимъ, вопреки договору, безъ наказанія многихъ Польскихъ сановниковъ, писавшихъ съ явнымъ неуваженіемъ къ двору Московскому [1].

Еще прежде заключенія Зборовскаго договора, въ 1648 и 1649 годахъ Хмѣльницкій умолялъ государя принять Малороссію подъ свою высокую руку; пораженіе подъ Берестечкомъ заставило его еще усерднѣе желать покровительства Москвы. Алексѣй, предвидя тяжкую войну, хотѣлъ, чтобы все государство приняло участіе въ столь великомъ дѣлѣ, и предложилъ просьбу Хмѣльницкаго на разсужденіе земскому совѣту. Выборные чины изъ всѣхъ сословій, свѣтскихъ и духовныхъ, объявили единогласно, что если король не сдѣлаетъ удовлетворенія Московскому двору въ справедливыхъ жалобахъ и не облегчитъ участи Казаковъ, быть Малороссіи за Россіею. Государь принялъ на себя долгъ посредника: Хмѣльницкому совѣтовалъ примириться съ Польшею; Казимиру чрезъ торжественное посольство объявилъ, что онъ согласенъ забыть личныя обиды, въ коихъ не получалъ удовлетворенія, если Польское правительство дастъ миръ Малороссіи, избавитъ ее отъ Уніи, оставитъ въ покоѣ православную церковь и исполнитъ всѣ условія Зборовскаго до-

1. Въ 1650 полномочные послы обоихъ дворовъ въ Варшавѣ между прочимъ постановили: виновныхъ въ пропискѣ царскаго титула наказать; книги, напечатанныя въ Польшѣ, предосудительныя для Россіи, истребить; самозванца Анкудинова, называвшаго себя сыномъ царя Димитрія, выдать. Варшавскій дворъ не исполнилъ ни одного изъ этихъ условій.

говора. Польскіе сенаторы отвѣчали упреками на столь справедливое предложеніе, говорили, что дворъ Московскій не имѣлъ никакого повода требовать наказанія виновныхъ въ оскорбленіи царской особы, что Хмѣльницкій есть бунтовщикъ, не заслуживающій никакой пощады, и что Унія должна господствовать въ Малороссіи по прежнему. Послѣ такого отвѣта, государь не хотѣлъ долѣе медлить и объявилъ Малороссіи, что онъ согласенъ принять ее въ свое подданство. Въ слѣдъ за тѣмъ царскій бояринъ Бутурлинъ отправился въ Переяславль и тамъ, 8 января 1654 года, привелъ Хмѣльницкаго со многими старшинами къ присягѣ. За нимъ всѣ полки Малороссійскіе на обѣихъ сторонахъ Днѣпра, числомъ 17, поклялись безъ всякаго прекословія быть въ вѣчномъ подданствѣ у царя православнаго [1]. Государь жалованною грамматою подтвердилъ всѣ льготы, дарованныя Стефаномъ Баторіемъ, дозволилъ Казакамъ избирать гетмана, имѣть свой судъ и расправу, своихъ старшинъ и урядниковъ, и опредѣлилъ число Казаковъ до 60,000. Такимъ образомъ, не проливъ капли крови, Алексѣй Михайловичъ, опираясь на свои права, возвратилъ отечеству древнюю область его и принялъ титулъ государя *всея великія и малыя Россіи;* но право владѣть ею надлежало еще утвердить оружіемъ.

Казимиръ, свѣдавъ о подданствѣ Малороссіи Россійскому государю, объявилъ ему войну; Алексѣй, предупреждая враговъ, спѣшилъ нанести Польшѣ рѣшительный ударъ. Многочисленное войско, болѣе 200,000, вступило въ земли, подвластныя Казимиру, четырьмя арміями: главныя силы, подъ личнымъ начальствомъ государя, двинулись къ Смоленску; бояринъ Шереметевъ устремился на Литовско-Русскіе города по Двинѣ; князь Трубецкой на Могилевъ; Казаки на города Сѣверскіе. Блестящій успѣхъ былъ слѣдствіемъ рѣшительныхъ мѣръ, принятыхъ Алексѣемъ. Города Литовскіе, не имѣя ни средствъ, ни охоты обороняться противъ Русскихъ войскъ, одинъ за другимъ сдавались имъ; тщетно коронный гетманъ Радзивилъ старался удержать быстрое стремленіе царя и воеводъ его: пораженный двукратно близь Орши и Шклова князьями Черкасскимъ и Трубецкимъ, онъ

Война съ Польшею.

1654.

1. Полки были: Чигиринскій, Бѣлоцерковскій, Корсунскій, Черкасскій, Каневскій, Уманскій, Брацлавскій, Кіевскій, Паволочскій, Винницкій, Кропивенскій, Переяславскій, Черниговскій, Нѣжинскій, Миргородскій, Прилуцкій, Полтавскій.

удалился къ Нѣману, оставивъ все пространство между Березиною и Десною во власти Русскихъ. Скорѣе чѣмъ въ полгода, они овладѣли Смоленскомъ, Могилевомъ, Полоцкомъ, Витебскомъ, со всѣми окрестными городами, и только моровая язва, распространившаяся по всему государству, остановила быстрые успѣхи нашего оружія.

Карлъ X. Между тѣмъ Польша обратила на себя оружіе другаго врага, не менѣе опаснаго. По отреченіи Шведской королевы Христины отъ престола, Янъ Казимиръ, какъ единственная отрасль знаменитаго дома Густава Вазы, принявъ титулъ короля Шведскаго, навлекъ на себя месть преемника Христины, Карла X, который, помышляя единственно о славѣ завоевателя, о лаврахъ Густава Адольфа, искалъ только предлога къ разрыву съ каждымъ изъ своихъ сосѣдей. Янъ Казимиръ не могъ быть опаснымъ для него соперникомъ, по ненависти Шведовъ къ Сигизмунду III и его дѣтямъ; но Карлъ съ величайшею радостью принялъ вызовъ и устре-
1655. мился на Польшу, съ намѣреніемъ, покоривъ ее, присвоить господство въ сѣверной Европѣ. Въ одинъ походъ онъ завоевалъ всѣ Польскія области на лѣвомъ берегу Вислы, овладѣлъ Варшавою, Краковомъ и загналъ Казимира въ Силезію. Курфирстъ Бранденбургскій охотно согласился содѣйствовать Карлу, чтобы сбросить несносное для его честолюбія званіе вассала Польскаго, и соединилъ свои войска съ Шведскими: Поляки, поражаемые при каждой встрѣчѣ, предложили Карлу королевскую корону, которой онъ впрочемъ не принялъ.

иленскій договоръ. Польша была въ оцѣпенѣніи: пользуясь слабостію ея, Русскія войска, снова предводимыя самимъ государемъ, заняли безъ боя Минскъ, Ковно, Гродно, Пинскъ, Вильну и почти все Литовское княжество; между тѣмъ Хмѣльницкій съ царскимъ воеводою Бутурлинымъ опустошилъ Волынь и Галицію до самаго Люблина. Изгнанный изъ королевства, Янъ Казимиръ прибѣгнулъ къ великодушію Россійскаго государя и вступилъ съ нимъ въ переговоры. Уполномоченные съ обѣихъ сторонъ заключили въ Вильнѣ трактатъ слѣ-
24 октября 1656. дующаго содержанія: 1) признать царя Алексѣя Михайловича королемъ Польскимъ при жизни Казимира, по смерти коего Русскому государю вступить на Польскій престолъ; 2) Бѣлоруссію и Малороссію присоединить къ Московскому государству; 3) послѣдователямъ православной и Римской вѣры въ Польскихъ областяхъ предоставить полную свобо-

ду Богослуженія; 4) Унію искоренить; 5) Россіи и Польшѣ, до окончательнаго соединенія, безъ общаго согласія не заключать мира, ни вступать въ войну съ сосѣдями. Такимъ образомъ то, чего желалъ Баторій, о чемъ думалъ Владиславъ IV, казалось, было суждено совершить Алексѣю Михайловичу; но Поляки какъ будто требовали новыхъ уроковъ, чтобы убѣдиться въ необходимости присоединенія къ Россіи.

Искренно вѣря торжественнымъ обѣщаніямъ Казимира и сенаторовъ его, считая Польшу своею собственностію, Алексѣй Михайловичъ спѣшилъ избавить ее отъ Карла, и оставивъ малочисленные отряды въ Литвѣ, обратилъ побѣдоносныя войска свои на Лифляндію, занятую Шведами. Динабургъ, Кокенгаузенъ, Дерптъ и другіе города сдались ему; одна Рига держалась. Между тѣмъ король Датскій, опасаясь честолюбія Карла, также объявилъ ему войну; Курфирстъ Бранденбургскій разорвалъ союзъ съ Швеціею и примирился съ Казимиромъ, обѣщавшимъ ему полную независимость; императоръ Леопольдъ I, не желая съ своей стороны видѣть въ Карлѣ X втораго Густава Адольфа, объявилъ его врагомъ имперіи. Окруженный со всѣхъ сторонъ непріятелями, Карлъ обратилъ свое оружіе на того изъ нихъ, кто болѣе могъ вредить самой Швеціи, и вступилъ въ упорную борьбу съ королемъ Датскимъ, оставивъ Польшу въ покоѣ. Она оправилась въ своихъ силахъ. Казимиръ, послѣ жестокихъ пораженій, при всеобщемъ неустройствѣ королевства, такъ возненавидѣлъ заботы правленія, что помышлялъ единственно о сложеніи съ себя тягостной короны; видѣлъ невозможность самобытнаго существованія Польши и желалъ искренно дружбы Россійскаго государя. Но сеймъ, постоянно волнуемый партіями, въ особенности интригами королевы, думавшей доставить престолъ Французскому принцу Конде, рѣшился нарушить Виленскій договоръ, и возобновилъ войну съ Россіею, чтобы отнять занятые Русскими войсками города въ Малороссіи и Литовскомъ княжествѣ. Алексѣй, объявивъ войну Швеціи, единственно для спасенія Польши отъ Карла, спѣшилъ примириться съ нимъ и договоромъ въ Веліесарѣ прекратилъ военныя дѣйствія на 3 года, удержавъ завоеванные города въ Лифляндіи, до заключенія вѣчнаго мира. Въ слѣдъ за тѣмъ объявленъ разрывъ съ Польшею; вновь началась утомительная осмилѣтняя борьба, ознаменованная побѣдами Польскихъ вождей, неу-

Война съ Швеціею.

1658. 20 декабр.

дачами Русскихъ воеводъ, но заключившаяся выгоднымъ для насъ миромъ, который утвердилъ перевѣсъ Россія надъ Польшею. Главную роль въ этой войнѣ играла Малороссія.

Устройство Малороссія. Богданъ Хмѣльницкій кончилъ жизнь вскорѣ послѣ Виленскаго договора. Крѣпкая при немъ единодушіемъ, одушевленная желаніемъ свергнуть ненавистное иго, по смерти избавителя своего, Малороссія постоянно была раздираема партіями. Предметомъ интригъ и кровавыхъ споровъ было гетманское достоинство. Со временъ Хмѣльницкаго, оно стало гораздо почетнѣе и прибыльнѣе, чѣмъ прежде: гетманъ имѣлъ способы пріобрѣсть несмѣтныя богатства, считалъ себя въ правѣ сноситься съ сосѣдними государями, управлять Малороссіею самовластно и казнить смертію подчиненныхъ. Избраніе его зависѣло отъ Казаковъ; каждый смѣлый честолюбецъ могъ надѣяться получить булаву гетманскую; искатели являлись одинъ за другимъ безпрестанно: рѣзались другъ съ другомъ, отдавались въ покровительство то Русскаго государя, то Польскаго короля, обманывали обоихъ и накликали месть на свою отчизну. Слѣдуя внушеніямъ единственно честолюбія, не дорожа благомъ своей родины, многіе изъ нихъ, вопреки всѣмъ расчетамъ здраваго ума, считали возможнымъ самобытное существованіе Малороссіи въ видѣ отдѣльнаго государства, неподвластнаго ни Россіи, ни Польшѣ, и добиваясь чести быть независимыми владѣтелями ея, нерѣдко, впрочемъ ненадолго, успѣвали обольщать Казаковъ несбыточными надеждами. Въ стремленіи къ этой цѣли, каждый изъ нихъ сперва старался заслужить довѣренность и благосклонность двора Московскаго и подъ личиною усердія къ государю, склонялъ на свою сторону обитателей Малороссіи, нежелавшихъ ничего, кромѣ покровительства царя православнаго. Въ тоже самое время за Днѣпромъ обыкновенно являлся другой гетманъ, поддерживаемый Поляками; начиналась кровавая борьба; гетманъ, утвержденный Московскимъ дворомъ, въ надеждѣ одолѣть совмѣстника, передавался на сторону Поляковъ съ выгодными для себя условіями; соперникъ его, оставленный Польскимъ правительствомъ, объявлялъ себя подданнымъ Русскаго государя, находилъ всеобщее усердіе въ обитателяхъ Малороссіи, одолѣвалъ предателя, въ свою очередь измѣнялъ Россіи и уступалъ мѣсто другому честолюбцу. Неминуемымъ слѣдствіемъ такой безразсудной по-

литики было безпрерывное волненіе Малороссіи, опустошаемой Поляками, Казаками, Русскими, Татарами. Въ пять лѣтъ, по смерти Хмѣльницкаго, являлось до 12 гетмановъ. Сперва начался споръ между Виговскимъ и Юріемъ Хмѣльницкимъ, сыномъ Богдана. Первый, успѣвъ заслужить довѣренность Московскаго двора, при помощи его, вытѣснилъ соперника и передался Полякамъ, въ надеждѣ быть владѣтельнымъ князем Малороссіи; Казаки выгнали его за дружбу съ Польшею и провозгласили Юрія Хмѣльницкаго, который, подобно Виговскому, присягнувъ сначала Россіи и потомъ передавшись Польшѣ, въ свою очередь былъ вытѣсненъ другими честолюбцами, слѣдовавшими той же политикѣ. Изъ нихъ наиболѣе замѣчательны Брюховецкій и Дорошенко: первый утвердился на лѣвой сторонѣ Днѣпра въ зависимости отъ Россіи; второй на правой, какъ присяжникъ Польши, но скрывая въ душѣ безразсудный замыселъ, давшій поводъ вмѣшаться въ дѣла Малороссіи Оттоманской Портѣ.

При такомъ положеніи дѣлъ, Малороссія, переходя изъ рукъ въ руки, отдаваясь то Россіи, то Польшѣ, поддерживала войну между обѣими державами. Казалось, споръ будетъ безконеченъ. Въ первые четыре года перевѣсъ былъ на сторонѣ Польши. Безопасная отъ Швеціи, дружная съ Крымскими Татарами, она устремила всѣ свои силы на Россію и одержала многія значительныя побѣды. Русскія войска, стоявшія въ Литвѣ, на Волыни и въ Украйнѣ, были разбиваемы по частямъ. Виною нашихъ неудачъ было мѣстничество воеводъ и истощеніе государства неимовѣрными усиліями въ первой войнѣ съ Польшею. Царскіе воеводы, по расчетамъ родословнымъ, питая взаимную зависть, дѣйствуя безъ общаго плана, выдавали другъ друга. Такъ Виговскій, воспользовавшись несогласіемъ князя Трубецкаго съ Ромодановскимъ, нанесъ первому жестокое пораженіе подъ Конотопомъ, второму подъ Нѣжинымъ. Въ слѣдъ за тѣмъ Чарнецкій разбилъ Хованскаго недалеко отъ Слонима, за нимъ Долгорукаго, и очистилъ отъ Русскихъ войскъ всю Литву, кромѣ Вильны, которая, желая остаться въ подданствѣ Алексѣя Михайловича, нѣсколько разъ отражала отъ своихъ стѣнъ самого короля; между тѣмъ Шереметевъ, дѣйствовавшій въ Волыни, былъ окруженъ Любомирскимъ подъ Чудновымъ и положилъ оружіе: слѣдствіемъ этого пораженія была измѣна Юрія Хмѣльницкаго, предавшаго въ руки

Вторая война съ Польшею.

1660. іюнь.

23 октября.

Поляковъ Малороссію. Потери наши въ первые четыре года Польской войны такъ были значительны, что государь спѣшилъ прекратить споры съ Шведскимъ королемъ, для устремленія всѣхъ силъ на Поляковъ, и договоромъ въ Кардисѣ отказался отъ всѣхъ завоеваній въ Лифляндіи, уступивъ
1661. 21 іюня. даже тѣ города, которые оставлены были за Россіею перемирнымъ трактатомъ въ Веліесарѣ.

Изнеможеніе Россіи.

Не имѣя ни одного отличнаго полководца, который могъ бы равняться дарованіями съ Чарнецкимъ, Любомирскимъ, Вишневецкимъ и другими Польскими вождями, прославившими царствованіе Яна Казимира, государь не находилъ искусства и въ ближнихъ боярахъ, завѣдывавшихъ внутреннимъ управленіемъ. Изнурительныя войны, при неоднократныхъ опустошеніяхъ Россіи моровою язвою, истощили казну; для поправленія растроенныхъ финансовъ, царскіе совѣтники прибѣгли къ страннымъ мѣрамъ: велѣно пустить въ ходъ мѣдныя деньги одинаковой величины, формы и *цѣнности* съ серебряными; сначала они пошли въ оборотъ и года два держались въ цѣнѣ; но какъ скоро народъ замѣтилъ, что серебряная монета исчезла, и возродилось подозрѣніе на корыстолюбіе многихъ сановниковъ, скупавшихъ ее для собственныхъ выгодъ, курсъ на новыя деньги быстро началъ понижаться, такъ, что за 12 и 15 рублей мѣдныхъ давали одинъ рубль серебра [1]. Неминуемымъ слѣдствіемъ такой несоразмѣрности была дороговизна жизненныхъ припасовъ; распространился всеобщій ропотъ; въ
1662. 27 іюля. Москвѣ обнаружился ужасный мятежъ, съ трудомъ укрощенный силою оружія, причемъ нѣсколько тысячъ человѣкъ лишилось жизни. Самая отмѣна мѣдной монеты разорила въ конецъ многія сотни семействъ. Внутреннее изнеможеніе препятствовало успѣхамъ войны съ Польшею; при всемъ томъ государь не унывалъ отъ неудачъ и твердо стоялъ за свои права, за свою честь. Неустройства Польши облегчили ему средства кончить войну за Малороссію къ выгодѣ Россіи.

Изнеможеніе Польши.

Польша, не взирая на наши неудачи, на воинскія дарованія Чарнецкаго, быстро утратила перевѣсъ, пріобрѣтенный ею въ первые четыре года. Она достигла высшей степени внутренняго разстройства. Никогда Польскіе сеймы не бы-

1. Въ 1657 и 1658 мѣдныя деньги ходили наравнѣ съ серебряными; въ 1659 рубль серебромъ былъ дороже рубля мѣдью 3 копѣйки; въ 1660, 20 копѣекъ; въ 1661, 70 коп.; въ 1662, 12 рублей.

ли такъ бурны, своеволіе магнатовъ такъ необузданно, фанатизмъ такъ безпредѣленъ, какъ въ царствованіе Яна Казимира, когда одинъ депутатъ могъ уничтожить постановленіе цѣлаго сейма, сказавъ только *не позволяю*, если былъ не согласенъ съ общимъ мнѣніемъ [1]. Рокоши или возстанія недовольныхъ противъ правительства были безпрерывны. Латинское духовенство явно проповѣдывало войну противъ диссидентовъ или иновѣрцевъ. Нельзя обвинять Казимира въ тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя терзали Польшу въ его правленіе: онъ былъ государь добрый, храбрый, дальновидный, и пожиналъ только то, что посѣяли его предшественники, въ особенности Сигизмундъ III.

Угадывая безнадежное состояніе королевства, его неизлечимые недуги, онъ торжественно сказалъ сейму, что Поляки сами погубятъ свое отечество, что Польша рано или поздно будетъ добычею сосѣдей, что Россія, Австрія, Пруссія раздѣлятъ ее по частямъ и уничтожатъ ея самобытность. Поляки не вѣрили прозорливому государю, не хотѣли прекратить своихъ междоусобій, и съ величайшимъ трудомъ соединившись подъ королевское знамя, чтобы опасти Юрія Хмѣльницкаго, тѣснимаго въ Малороссіи Ромодановскимъ, едва перешли Днѣпръ, съ гордымъ намѣреніемъ сокрушить Россію, оставили короля и удалились восвояси, подъ предлогомъ неуплаты жалованья. Любомирскій началъ открытую войну съ Казимиромъ и такъ озаботилъ его, что король упустилъ Малороссію изъ вида.

Пользуясь бездѣйствіемъ Польши, занятой мятежемъ Любомирскаго, царскіе воеводы снова успѣли овладѣть Полоцкомъ, Витебскомъ, Динабургомъ и всѣми городами Малороссійскими на лѣвомъ берегу Днѣпра, гдѣ новый гетманъ, Брюховецкій, вытѣснивъ искателей булавы, согласился признать себя въ безусловномъ подданствѣ Россійскому государю. Царь Алексѣй Михайловичъ могъ бы теперь довершить ударъ и возвратить все Литовское княжество, еслибы совершенно постороннее войнѣ обстоятельство не отвлекло его отъ дѣлъ внѣшней политики. То было несогласіе съ патріархомъ Никономъ *. 1663. сентябрь

Съ обширнымъ умомъ соединяя суровый до излишества нравъ и неуступчивый характеръ, Никонъ вооружилъ про- Дѣло Никон

1. Это право называлось liberum veto; оно вкоренилось въ Польшѣ съ 1652 года.
* Житіе патріарха Никона (сочиненное современникомъ, Ив. Шушеринымъ, однимъ изъ его клириковъ), Спб. 1817. — Грамматы, изд. гр. Румянцевымъ.

тивъ себя всѣхъ царедворцевъ безпредѣльною довѣренностью государя, еще болѣе взыскательнымъ надзоромъ за ихъ поступками, строгостію укоризны, отчасти и неумѣстнымъ тщеславіемъ. Алексѣй Михайловичъ долго былъ недоступенъ наушникамъ, любилъ патріарха какъ друга, поручалъ ему во время Польскихъ походовъ свое семейство, совѣтовался съ нимъ о всѣхъ дѣлахъ важныхъ. Своенравіе Никона до-
1658. ставило завистникамъ случай низринуть его. Осыпанный царскими милостями, патріархъ дерзнулъ огорчить государя по поводу самаго ничтожнаго случая [1], и замѣтивъ къ себѣ минутную холодность, своевольно удалился изъ Москвы въ построенный имъ Воскресенскій монастырь, гдѣ, единственно по внушенію оскорбленнаго самолюбія, говорилъ смѣло про дворъ, про царицу. Этого мало: въ пылу негодованія, онъ написалъ оскорбительное для государя письмо къ Греческимъ первосвятителямъ. Дерзкія рѣчи его были доведены до свѣдѣнія царя; письмо перехвачено. Многочисленные враги Никона, свѣтскіе и духовные, спѣшили очернить его. Патріархъ легко могъ бы возвратить утраченную милость добраго государя, еслибы изъявилъ смиреніе; вмѣсто того онъ сталъ дѣйствовать еще высокомѣрнѣе, торжественно проклиналъ враговъ и самовольно явившись въ Москвѣ, не взирая на прежнее отреченіе отъ патріаршаго престола, спорами съ царскими сановниками въ Успенскомъ храмѣ, произвелъ столь сильное впечатлѣніе въ народѣ, что надлежало опасаться важныхъ безпорядковъ, обыкновенныхъ въ тогдашнее время. Уже возникала соблазнительная распря о предѣлахъ власти царской и патріаршей. Мудрый Алексѣй постигъ всю опасность и спѣшилъ подавить зло въ самомъ началѣ: онъ просилъ вселенскихъ патріарховъ разсудить его съ Никономъ. Первосвятители Александрійскій и Антіохійскій прибыли въ Москву, нарядили судъ, и на торжественномъ соборѣ изъ свѣтскихъ и духовныхъ чиновъ признали Никона виновнымъ въ оскорбленіи царской особы, въ излишнемъ властолюбіи, въ непристойныхъ поступкахъ: онъ былъ
1666. 12 декабря. лишенъ сана и сосланъ въ монастырь въ званіи монаха [2].

1. Случай былъ слѣдующій: 1658, 4 іюля, Грузинскій царевичъ Теймуразъ былъ угощаемъ при дворѣ. Никонъ, не получивъ приглашенія, послалъ во дворецъ спросить о причинѣ стольника своего: тотъ поссорился съ окольничимъ Хитрово; Никонъ грозилъ и требовалъ удовлетворенія. Государь отвѣчалъ ему собственноручнымъ письмомъ, что онъ разсмотритъ дѣло. Патріархъ, подождавъ съ недѣлю, разгнѣвался и торжественно въ Успенскомъ соборѣ сказавъ народу, что онъ болѣе не пастырь, удалился въ Воскресенскій монастырь.

2. Никонъ сосланъ въ Бѣлозерскій Ѳерапонтовъ монастырь; по кончинѣ царя Алексѣя Михайло-

Никонъ безъ всякаго сомнѣнія не хотѣлъ дѣйствовать въ пользу Поляковъ; но неблагоразумные поступки его озаботили царя на цѣлые три года, именно въ то время, когда внѣшняя политика требовала всего вниманія государя; обязанный успѣхами первой войны съ Польшею личному предводительству, устранявшему всѣ споры о мѣстничествѣ, онъ не рѣшался теперь отлучаться изъ Москвы и вести войска свои къ побѣдамъ.

Андрусовскі миръ.

Занятые внутренними неустройствами, соперники вели войну слабо и неоднократно предлагали миръ. Переговоры тянулись цѣлые три года, и вѣроятно, при неуступчивости обѣихъ сторонъ, продлилися бы еще нѣсколько лѣтъ, еслибы вмѣшательство Турціи въ дѣла Малороссіи не ускорило развязки. Поводомъ къ тому было безразсудное честолюбіе Дорошенка. Съ 1665 года Малороссія раздѣлялась Днѣпромъ на двѣ половины: лѣвая сторона, признавая гетмана Брюховецкаго, была въ подданствѣ Россіи; правая, избравъ вождемъ Чигиринскаго Казака Петра Дорошенка, находилась въ зависимости отъ Польши. Оба гетмана, по обыкновенію, питали непримиримую ненависть и старались вытѣснить другъ друга. Брюховецкій, въ надеждѣ удержаться помощію Россіи, ласкалъ Московскій дворъ, принялъ санъ боярина, женился на дочери Шереметева, допустилъ царскимъ намѣстникамъ наложить поголовную подать на Казаковъ. Дорошенко стремился къ иной цѣли, другими путями: рѣшительнѣе всѣхъ предшественниковъ считая возможнымъ самобытное существованіе Малороссіи, въ видѣ отдѣльнаго государства, неподвластнаго ни Польшѣ, ни Россіи, по примѣру Молдавіи и Трансильваніи, онъ успѣлъ взволновать Казаковъ мечтою полной независимости. Мужество въ бояхъ, пылкій нравъ, увлекательный даръ слова, порывы къ необузданной волѣ, все согласовалось съ тогдашнимъ расположеніемъ умовъ, и Казаки привыкли смотрѣть на Дорошенка, какъ на втораго Богдана Хмѣльницкаго. Вооружая противъ себя и Россію и Польшу, для вѣрнѣйшаго успѣха, онъ обратился съ просьбою къ султану принять Малороссію въ покровительство Порты. Султанъ, занятый войною въ Кандіи, не хотѣлъ развлекать своихъ силъ; однакожъ обѣщалъ прислать войско. Переговоры Дорошенка не могли укрыться ни отъ Мо-

вича, переведенъ въ Кирилловъ монастырь, откуда царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ дозволилъ ему возвратиться въ Воскресенскій; онъ умеръ на дорогѣ, въ Ярославлѣ 1681 года.

сковскаго двора, ни отъ Варшавскаго. Предугадывая грозу и не видя надежды удержать Малороссію, Казимиръ спѣшилъ примириться съ Алексѣемъ Михайловичемъ. Договоръ заключенъ въ Андрусовѣ на слѣдующихъ условіяхъ: 1) прекратить непріязненныя дѣйствія на 13 лѣтъ 6 мѣсяцевъ: между тѣмъ условиться о вѣчномъ мирѣ: 2) Смоленску и Сѣверскому княжеству остаться за Россіею: 3) Полоцкъ, Витебскъ и города южной Лифляндіи, занятые Русскими войсками, возвратить Польшѣ: 4) Малороссію раздѣлить на двѣ половины: полкамъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра быть подъ властію Россіи, на правой въ зависимости отъ Польши: 5) Кіевъ возвратить Польшѣ чрезъ два года: 6) Запорожцамъ состоять подъ покровительствомъ обѣихъ державъ, съ обязанностію оберегать предѣлы ихъ отъ Татаръ и Турокъ.

Андрусовскій договоръ, избавивъ Россію отъ тягостной войны съ Польшею и доставивъ ей значительныя выгоды, изъ которыхъ главнѣйшею было расширеніе предѣловъ ея по самый Днѣпръ, не успокоилъ Малороссіи. Казаки съ горестію услышали, что государь отказался отъ Заднѣпровской Украйны, что самый Кіевъ долженъ быть возвращенъ Полякамъ [1]. Болѣе всего не нравились условія договора честолюбивому Дорошенку и митрополиту Іосифу Тукальскому: первый помышлялъ о господствѣ надъ всею Малороссіею; второй опасался прежняго гоненія православной церкви Уніатами. Ропотъ распространился и по Русской Украйнѣ, гдѣ носилась молва, поддерживаемая Нѣжинскимъ епископомъ Меѳодіемъ, что Московскій дворъ ведетъ переговоры съ Варшавскимъ объ уступкѣ Польшѣ всей Малороссіи. Дорошенко возсталъ явно противъ условій Андрусовскаго договора, объявилъ Казимиру, что ни онъ, ни Казаки не хотятъ слышать о повиновеніи Польшѣ, что Полякамъ не владѣть Кіевомъ, и предложилъ Алексѣю принять его въ подданство со всею Малороссіею, какъ было при Хмѣльницкомъ. Царь совѣтовалъ ему смириться. Дорошенко возсталъ и на Россію, какъ союзницу ненавистной Польши, склонилъ на свою сторону Брюховецкаго надеждою Турецкаго покровительства и коварнымъ обѣщаніемъ признать его гетманомъ всей Малороссіи. Брюховецкій радъ былъ случаю избавиться отъ Русскихъ воеводъ, назначенныхъ намѣстниками въ Мало-

1. Неточное исполненіе Поляками Андрусовскаго договора побудило государя удержать Кіевъ. Варшавскій дворъ, послѣ многократныхъ домогательствъ, отказался отъ него въ 1686 году.

россійскіе города, произвелъ всеобщій мятежъ въ подвластной ему Украйнѣ и спѣшилъ встрѣтить, какъ друга, хи- 1668. январь. траго Дорошенка, который велѣлъ его схватить и предать въ жертву разъяреной черни, а самъ провозгласилъ себя гетманомъ всей Малороссіи, независимымъ отъ Польши и Россіи.

Никогда не было въ Малороссіи столь ужаснаго волненія. Разинъ. Оно отозвалось на Дону и по Волгѣ. Буйныя головы Запорожскія, вѣроятно подстрекаемыя Дорошенкомъ, съ намѣреніемъ развлечь наши силы, пробрались на Донъ, возмутили тамъ цѣлыя станицы, которыя правительство старалось унять отъ грабежей, провозгласили атаманомъ удалаго Казака Донскаго Степана Разина и бросились къ берегамъ Волги, гдѣ этотъ злодѣй за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ испыталъ удачу разбоя [1]. Предводительствуя сильнымъ скопищемъ, Разинъ взялъ приступомъ Царицынъ и Астрахань, распустилъ молву, что защиты его ищетъ мнимый царевичъ Алексѣй съ патріархомъ Никономъ, что онъ идетъ освободить крестьянъ отъ помѣщиковъ, и взволновалъ все Приволжье [2]. Саратовъ сдался мятежнику, который съ 200,000 шелъ уже къ Нижнему, ознаменовавъ свой путь неописанными злодѣйствами.

Волненіе южныхъ и восточныхъ предѣловъ могло быть тѣмъ опаснѣе, что султанъ Турецкій уже собиралъ войска для поддержанія Дорошенка. Благоразумныя мѣры правительства прекратили неустройства прежде, чѣмъ Турки появились въ Малороссіи. Спокойствіе въ Украйнѣ было возстановлено безъ труда: государь увѣрилъ обитателей ея, что онъ не предастъ ихъ Полякамъ. Дорошенко же союзомъ съ невѣрными возбудилъ противъ себя негодованіе и долженъ былъ удалиться за Днѣпръ; Казаки охотно согласи- 1669. лись признать гетманомъ полковника Многогрѣшнаго, усердно преданнаго престолу. Долѣе упорствовали сообщники Разина; но мужественная оборона Симбирска бояриномъ Шереметевымъ остановила распространеніе мятежа по Волгѣ, а дѣятельность другихъ царскихъ воеводъ, разбивавшихъ отряды Разина по частямъ, въ особенности боярина Милославскаго, овладѣвшаго Астраханью, такъ ослабила злодѣя, что 1671.

1. Въ 1663 году Разинъ ограбилъ окрестности Астрахани и, разоривъ нѣсколько городовъ Персидскихъ при Каспійскомъ морѣ, едва не вооружилъ на Россію шаха. Разбитый княземъ Львовымъ, онъ смирился тогда и получилъ прощеніе.

2. Въ Астрахани погибъ смертью мученика митрополитъ Іосифъ.

онъ былъ выданъ правительству и получилъ достойную казнь. Строгость наказанія усмирила Донъ и Приволжье.

Вмѣшательство Турціи.

Между тѣмъ, гроза, которую и Россія и Польша равно старались отклонить, разразилась въ Заднѣпровской Украйнѣ, не коснувшись нашихъ предѣловъ. Ненависть обитателей ея къ Польскому владычеству обнаружилась съ такою силою, что утративъ надежду на присоединеніе къ Россіи, они рѣшились признать покровителемъ своимъ лучше Турецкаго султана, чѣмъ Польскаго короля, и охотно стекались подъ знамена Дорошенка, видя въ немъ единственнаго избавителя отъ ненавистнаго ига. Магометъ IV спѣшилъ воспользоваться столь благопріятными обстоятельствами, въ надеждѣ утвердить свою власть не только въ Малороссіи, но и въ Польшѣ, гдѣ царствовала всеобщая анархія, по случаю отреченія Казимира отъ престола. Многочисленное войско Турецкое, подъ личнымъ предводительствомъ султана, со всею Крымскою ордою вступило въ Польскіе предѣлы. Паденіе Каменца Подольскаго, осада Львова и опустошеніе многихъ городовъ до того устрашили преемника Казимирова, Михаила Вишневецкаго, что опасаясь потерять все королевство, онъ предложилъ султану миръ и согласился на
1673. весьма тягостныя условія: договоромъ въ Буджановѣ король обязался платить Туркамъ ежегодно дань и уступить имъ Малороссію. Правда, Варшавскій сеймъ, по удаленіи Магомета, считавшаго войну конченною, не подтвердилъ Буджановскаго договора, и Польскій полководецъ Янъ Собѣскій, возобновивъ войну, поразилъ непріятелей подъ Хотиномъ; но Турки не могли быть вытѣснены изъ занятыхъ ими городовъ въ Польской Украйнѣ. Началась жестокая борьба.

Заднѣпровская Малороссія, осыпанная пепломъ городовъ, облитая кровью несчастнаго народа, неоднократно обращалась къ царю Алексѣю Михайловичу, съ убѣдительною просьбою спасти ее отъ Турокъ и Поляковъ. Государь, уже недовольный Польшею за неоднократное нарушеніе Андрусовскаго договора, за явную непріязнь, за упорное уклоненіе отъ вѣчнаго мира, вознегодовалъ на нее еще болѣе послѣ того, какъ слабое правительство ея, постоянно утѣсняя Казаковъ, допустило Туркамъ вмѣшаться въ дѣла Малороссіи. Очевидно было, что султанъ, овладѣвъ Польскою Украйною, не оставитъ въ покоѣ и Русской. Безопасность государства

возлагала на него обязанность принять участіе въ странѣ, которая такъ усердно желала быть ему подвластною и которую Польскій король такъ равнодушно предалъ въ добычу Туркамъ. 1674. Мартъ. Въ 1674 году государь объявилъ Заднѣпровскимъ Казакамъ, что онъ согласенъ принять ихъ въ подданство. Всѣ десять полковъ, находившіеся за Днѣпромъ, съ радостію присягнули ему, оставили Дорошенка и признали гетманомъ всей Малороссіи Самойловича.

Утверждая власть за Днѣпромъ, Алексѣй Михайловичъ предвидѣлъ, что ни король, ни султанъ не оставятъ его спокойнымъ обладателемъ. Онъ не страшился войны съ обоими совмѣстниками и ревностно готовилъ свои мѣры. Но смерть пресѣкла драгоцѣнную жизнь его въ то самое время, 1676 29 января когда надлежало рѣшить и участь Малороссіи и запутанныя отношенія Россіи къ Польшѣ и Турціи.

III. ΘЕОДОРЪ II *.

1676 — 1682.

Заслуги Θеодора. Царствованіе Θеодора Алексѣевича было въ полномъ смыслѣ продолженіемъ государствованія Алексѣя Михайловича, безъ всякой перемѣны въ политикѣ внѣшней и внутренней. Юный лѣтами [1], обремененный тѣлесными недугами, но крѣпкій духомъ, дѣятельный для блага отечества, Θеодоръ весьма ясно понималъ мысль мудраго отца о необходимости даровать государству положительные законы, для обезпеченія личной безопасности и права собственности, и утвердить господство въ Малороссіи, которое долженствовало вести къ расширенію нашего владычества въ югозападной Руси. При неутомимомъ стремленіи къ той и другой цѣли, онъ успѣлъ ознаменовать кратковременное царствованіе свое многими достопамятными дѣлами; изъ нихъ наиболѣе замѣчательны по вліянію на судьбу Россіи: 1, окончаніе споровъ за Малороссію съ сосѣдями; 2, законы о правѣ собственности; 3, уничтоженіе мѣстничества.

Окончаніе споровъ за Малороссію. Послѣ двадцатилѣтнихъ неустройствъ, въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича, вся Малороссія, исключая Чигиринъ, признала своимъ государемъ Русскаго самодержца

* Берхъ. Царствованіе Θеодора Алексѣевича. 2 ч. Спб. 1834. — Акты, изд. Археограф. коммиссіею.

1. Родился 30 мая 1661, вступилъ на престолъ 29 января 1676, слѣдовательно 15 лѣтъ безъ 4 мѣсяцевъ. Алексѣй назначилъ его преемникомъ предъ самою кончиною.

и провозгласила Самойловича гетманомъ на томъ и на другомъ берегу Днѣпра. Алексѣй не успѣлъ однакожъ окончательно присоединить ее къ своей державѣ. Честолюбивый Дорошенко не сдавалъ Чигирина, звалъ Турокъ, Татаръ; король Польскій Янъ Собѣсскій требовалъ Кіева, на основаніи Андрусовскаго договора, считалъ господство наше за Днѣпромъ нарушеніемъ мира и грозилъ войною; опаснѣе всѣхъ совмѣстниковъ былъ султанъ, который, признавая Заднѣпріе, на основаніи Буджановскаго договора съ Польшею, своею собственностію, рѣшился утвердить власть во всей Украйнѣ. При такомъ положеніи дѣлъ, надлежало опасаться борьбы упорной. Θеодоръ, вѣрный плану отца, зная, что пріобрѣтеніе Малороссіи было первымъ шагомъ къ исполненію мысли Димитрія Донскаго, Іоанна III, Іоанна IV, тѣмъ болѣе Алексѣя Михайловича, не боялся совмѣстничества трехъ соперниковъ и смѣло ополчился на враговъ.

Прежде всего онъ спѣшилъ избавить Малороссію отъ опаснаго честолюбца, Дорошенка, который, вопреки всѣмъ неудачамъ, не переставалъ волновать Казаковъ, въ надеждѣ присвоить надъ ними власть независимую. Многочисленное Русское войско, подъ начальствомъ Ромодановскаго,
1676. сентября подступило къ Чигирину; Дорошенко, тщетно ожидавшій помощи Турокъ и Татаръ, потерялъ наконецъ надежду достигнуть своей цѣли, положилъ оружіе, отдалъ Самойловичу всѣ знаки гетманскаго достоинства, присягнулъ въ вѣрности Россійскому государю и въ послѣдствіи кончилъ дни въ неизвѣстности, частнымъ человѣкомъ [1]. Между тѣмъ Польскій король назначалъ гетмана за гетманомъ для управленія Заднѣпровскою Украйною и требовалъ настоятельно, чтобы Россія не вмѣшивалась въ ея дѣла; но получивъ въ отвѣтъ, что Польша, послѣ уступки Малороссіи музульманамъ, не имѣетъ права спорить объ ней, замолчалъ до времени, ожидая, чѣмъ кончится загорѣвшаяся война Россіи съ Турціею.

Султанъ два раза высылалъ сильное войско къ Чигирину, чтобы, взявъ его, овладѣть Кіевомъ и всею Малороссіею.
1677. Въ первомъ походѣ Турки потерпѣли жестокое пораженіе. Ромодановскій и гетманъ Самойловичъ подоспѣли на помощь храброму воеводѣ Ржевскому, оборонявшему Чигиринъ, разбили визиря и прогнали его за Днѣстръ, отнявъ
1678. весь обозъ и пушки. Султанъ выслалъ другое сильнѣйшее

1. Онъ похороненъ недалеко отъ Москвы въ селѣ Ярополчѣ.

войско. Ромодановскій не пустилъ непріятеля за Днѣпръ и, стараясь вытѣснить его изъ Украйны, вступилъ въ кровавую борьбу. Главныя силы сосредоточились въ окрестностяхъ Чигирина; нѣсколько разъ оба войска схватывались и боролись съ неимовѣрнымъ ожесточеніемъ [1]. Города были разрушены до основанія; все Заднѣпріе отъ самаго Кіева до Запорожья обратилось въ пустыню. Турки наконецъ уступили, ушли восвояси и могли только сказать, что злосчастная Украйна не скоро оживетъ послѣ нанесеннаго ими опустошенія.

Варшавскій дворъ не хотѣлъ, вопреки договорамъ, подать намъ помощь и, думая воспользоваться затруднительною войною Россіи съ Турціею, съ угрозами требовалъ возвращенія всѣхъ городовъ, покоренныхъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Ѳеодоръ былъ непреклоненъ, согласился отдать только Велижъ и Себежъ, занятые послѣ Андрусовскаго договора, и возобновить перемиріе на 13 лѣтъ, въ теченіе коихъ положено было условиться окончательно, при посредничествѣ других державъ, о Кіевѣ и Заднѣпровской Украйнѣ. 3 августа 1678.

Султанъ, испытавъ двукратную неудачу въ войнѣ съ Россіею и намѣреваясь обратить силы свои на Австрію, гдѣ ожидалъ болѣе добычи, не возобновлялъ походовъ, тревожилъ насъ только Крымскими Татарами, впрочемъ безъ важныхъ послѣдствій; наконецъ предложилъ миръ и договоромъ въ Бахчисараѣ отказался отъ всѣхъ притязаній на Заднѣпровскую Украйну, съ тѣмъ, чтобы ни Россія, ни Турція не возобновляли разрушенныхъ тамъ городовъ, исключая Кіевъ, Триполь, Васильковъ и Стайки, уступленные Россіи. Запорожье равнымъ образомъ осталось въ нашемъ подданствѣ. Такимъ образомъ Ѳеодоръ Алексѣевичъ, смиривъ Дорошенка, обуздавъ Турокъ и Поляковъ, имѣлъ утѣшеніе видѣть окончаніе 27 лѣтней войны за Малороссію. Съ тѣхъ поръ ни Турція, ни Польша не рѣшались оспаривать ее у Россіи. 3 января 1681.

Озабоченный дѣлами внѣшними, Ѳеодоръ не упускалъ изъ виду внутренняго устройства: съ самаго начала его правленія неоднократно были издаваемы законы, коими опредѣлено право собственности. Существовавшія доселѣ по- Дѣла внутрен

1. Главное дѣло было на берегу Днѣпра близъ Чигирина 19 августа 1678. Визирь лишился двухъ третей арміи. Ромодановскій могъ бы истребить ее въ конецъ, но оплошалъ и былъ смѣненъ княземъ Черкасскимъ.

становленія имѣли предметомъ преимущественно два первыя условія гражданскаго общества: порядокъ суда и сборъ податей; право владѣнія недвижимою собственностію было также поясняемо, въ особенности Алексѣемъ Михайловичемъ, но не вполнѣ: болѣе руководствовались обычаями. Θеодоръ разсмотрѣлъ столь важный предметъ во всемъ объемѣ его, привелъ въ ясную систему всѣ случаи перехода земель, помѣстьевъ и отчинъ изъ рукъ въ руки, ознаменовавъ свои законы печатью справедливости и уваженія къ праву собственности [1]. Основныя мысли, коими онъ руководствовался, приносятъ ему честь законодателя справедливаго. Кромѣ того, по примѣру отца, Θеодоръ заботился о народной нравственности, въ особенности о просвѣщеніи духовенства, и для образованія его учредилъ первое въ Россіи училище, Славяно-Греко-Латинскую академію [*].

Уничтоженіе мѣстничества.

Но важнѣйшимъ изъ внутреннихъ дѣяній Θеодора Алексѣевича было уничтоженіе мѣстничества, права людей родословныхъ считаться службою предковъ, при занятіи должностныхъ мѣстъ. По общему господствовавшему мнѣнію, два лица не могли служить въ равныхъ званіяхъ, если предки одного стояли хотя одною степенью выше предковъ другаго въ ряду государственныхъ сановниковъ; тѣмъ менѣе считалось приличнымъ сыну или внуку боярина быть подъ начальствомъ сына или внука окольничаго; въ противномъ случаѣ онъ навлекалъ безчестіе себѣ и дому своему. Для разбора родословныхъ отношеній, съ давнихъ временъ существовало въ Москвѣ особенное вѣдомство, подъ именемъ *разряда*: главною обязанностію его было вести разрядныя книги или списки, въ коихъ записывались царскіе указы о назначеніи къ должностямъ сановниковъ придворныхъ, гражданскихъ и военныхъ. Какъ скоро государь объявлялъ походъ, пріемъ посла, торжественный выходъ, пиръ и тому подобное, каждый, до кого только относился царскій указъ, немедленно справлялся по разряднымъ книгамъ, не занимали ль его предки, отецъ, дѣдъ, прадѣдъ, прапрадѣдъ, высшихъ мѣстъ въ сравненіи съ предками его сверстника, назначеннаго въ равную, тѣмъ болѣе въ высшую должность, и если находилъ, что за 10, за 20, даже за 100 и болѣе лѣтъ прародители его дѣйствительно стояли выше, а праро-

1. Важнѣйшія постановленія 10 марта и 24 мая 1676, и 10 августа 1677.
* Исторія Славяно-Греко-Латинской Академіи. Смирнова. М. 1855.

дители сверстника ниже, онъ билъ государю челомъ, что ему служить *невмѣстно*, и высчитывалъ всю свою родословную; тотъ, на кого жаловался недовольный, считалъ притязаніе его обидою для себя, и съ своей стороны билъ челомъ о безчестіи и оборонѣ. Дѣла подобнаго рода казались такъ важными, что обыкновенно самъ государь съ боярами принималъ на себя трудъ справляться по разряднымъ книгамъ, чья просьба справедливѣе, и смотря по обстоятельствамъ, рѣшалъ споръ указомъ: правыхъ оправдывалъ, виновныхъ въ неумѣстномъ притязаніи наказывалъ строгимъ выговоромъ, заключеніемъ въ тюрьму, денежною пенею, батогами, кнутомъ, нерѣдко повелѣвалъ выдавать спорщика обиженному головою, т. е. заставлялъ просить у него прощенія, съ унизительными обрядами.

Первые признаки мѣстничества замѣтны еще до Іоанна III; но онъ, установивъ разрядъ для записки службъ своихъ сановниковъ, положилъ законное основаніе родословнымъ расчетамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что дальновидная политика руководила имъ въ этомъ случаѣ: стремясь къ самодержавію, отнимая у князей всѣ права владѣтельныя, жалуя ихъ въ сановники Московскіе, онъ хотѣлъ внушить имъ мысль, что право на милость государя, на высшій почетъ, принадлежало не тому, кто былъ потомкомъ Владиміра св., а тому, кто могъ похвалиться усердіемъ предковъ къ Московскому престолу; слѣдовательно князья уравнивались съ простыми подданными и занимали мѣста иногда выше ихъ, иногда ниже, смотря по фамильнымъ заслугамъ. Той же политикѣ слѣдовалъ внукъ его Іоаннъ Грозный, казнившій смертью за самый легкій проступокъ и терпѣливо разбиравшій споры воеводъ о мѣстахъ по службѣ предковъ. Такимъ образомъ мѣстничество принесло въ началѣ ту пользу, что ослабило княжескія поколѣнія и усилило власть верховную. Имѣя законное основаніе, оно такъ глубоко вкоренилось въ общественное мнѣніе, такъ тѣсно слилось съ нимъ, что послѣ Іоанна Грознаго считалось уже неприкосновеннымъ, и въ нѣкоторомъ смыслѣ стѣсняло власть самодержавную: воля государя была священна во всѣхъ случаяхъ, кромѣ расчетовъ объ *отечествѣ*; подданные безпрекословно исполняли всѣ велѣнія его, не роптали на самыя тяжкія опалы, отнимавшія у нихъ имущество, свободу, жизнь; но какъ скоро сталкивались права родословныя, обиженный отказывался отъ назначенной ему должности и часто охотнѣе подвергал-

ся ссылкѣ въ Сибирь, чтобы только не запятнать своей чести, т. е. не стоять на равной степени съ товарищемъ, коего прапрадѣдъ былъ въ низшемъ званіи въ сравненіи съ его прапрадѣдомъ. Легко вообразить, до какой степени озабочивали государя пустые споры людей самыхъ близкихъ къ престолу, и сколь пагубны были неминуемыя слѣдствія несогласія, пораждаемаго мѣстничествомъ. Наиболѣе терпѣло отъ него государство въ военное время, во 1, потому, что правительство при выборѣ воеводъ должно было руководствоваться не личными достоинствами, а родословными правами; слѣдовательно выборъ падалъ нерѣдко на людей неспособныхъ; во 2, потому, что при всей заботливости государя нельзя было избѣжать столкновенія родословныхъ правъ: въ такомъ случаѣ самая очевидная опасность не могла образумить людей упрямыхъ; воеводы отказывались отъ мѣстъ и не хотѣли вести войско, когда непріятель былъ уже въ предѣлахъ государства. Мало того: распредѣленіе мѣстъ по *отечеству* нерѣдко обнаруживалось на полѣ брани; воеводы считались службою своихъ предковъ и выдавали другъ друга. Счеты ихъ погубили Шеина подъ Смоленскомъ, Ромодановскаго подъ Конотопомъ, Шереметева подъ Чудновымъ, Хованскаго въ Литвѣ, и проч.

Мѣстничество тѣмъ болѣе приносило вреда, что равно опасно было и обуздывать его и поддерживать. Борисъ Годуновъ хотѣлъ искоренить зло явнымъ пренебреженіемъ родословныхъ счетовъ, строгимъ наказаніемъ ослушниковъ, и вооружилъ противъ себя общественное мнѣніе. Михаилъ Ѳеодоровичъ не рѣшился итти наперекоръ вѣку, разсматривалъ жалобы недовольныхъ и до того уважалъ общій предразсудокъ, что велѣлъ спасителя Россіи, князя Пожарскаго, чрезъ годъ по изгнаніи Поляковъ, выдать головою боярину Салтыкову за неправое мѣстничество. Слѣдствія были не менѣе пагубны: ни одна война не проходила безъ споровъ и каждая оканчивалась пораженіемъ нашихъ войскъ. Алексѣй Михайловичъ вполнѣ понималъ весь вредъ и всю нелѣпость предразсудка; но считая невозможнымъ искоренить его, облегчалъ зло мудрою мѣрою: при началѣ почти каждаго похода, объявлялъ строгое повелѣніе, быть воеводамъ безъ мѣстъ и не считаться родословными правами, съ тѣмъ, что назначеніе ихъ не будетъ принимаемо въ расчетъ въ послѣдствіи и не должно служить имъ укоризною. Правда эта мѣра не всегда имѣла успѣхъ, и не разъ упорство са-

новниковъ разрушало лучшіе планы Алексѣя; но печальные опыты уже доказывали необходимость искоренить зло.

Ѳеодоръ Алексѣевичъ рѣшился уничтожить мѣстничество. Поводомъ къ тому послужила признанная всѣми необходимость лучшаго устройства ратей для отпора новому, опасному врагу, Туркамъ. Государь, немедленно по заключеніи договора съ Оттоманскою Портою, повелѣлъ составить думу изъ выборныхъ чиновъ военнаго сословія, подъ предсѣдательствомъ умнаго, образованнаго вельможи, князя Голицына, съ тѣмъ, чтобы она разсмотрѣла, какія нужно принять мѣры для обороны государства отъ враговъ, обнаружившихъ въ дѣлѣ ратномъ много искусства и новыя хитрости. Дума признала необходимымъ дать лучшее устройство войску, установить единство въ дѣйствіяхъ, раздѣлить полки на роты, вмѣсто же сотенныхъ головъ назначить ротмистровъ и поручиковъ, безъ всякаго отношенія къ правамъ родословнымъ. Въ слѣдъ за тѣмъ, по волѣ государя, она представила примѣрный списокъ ротмистровъ и поручиковъ; но какъ въ этомъ спискѣ не были показаны за малолѣтствомъ дѣти Трубецкихъ, Одоевскихъ, Куракиныхъ, Ромодановскихъ и другихъ вельможъ, слѣдовательно надлежало опасаться упрековъ, гоненій, всеобщаго несогласія въ государствѣ, то *для совершеннаго устроенія*, дума просила не допускать на будущее время родословныхъ расчетовъ ни въ какихъ случаяхъ, ни въ военныхъ, ни въ посольскихъ, ни при дворѣ, ни въ приказахъ. Ѳеодоръ того только и ждалъ: созвалъ торжественный соборъ изъ верховныхъ сановниковъ, свѣтскихъ и духовныхъ, предложилъ имъ мнѣніе выборныхъ людей, описалъ самыми мрачными красками весь вредъ, всю нелѣпость мѣстничества, и требовалъ совѣта. Соборъ единогласно говорилъ, что время уничтожить столь пагубный предразсудокъ. Государь спѣшилъ воспользоваться счастливою минутою, и зная, что одного постановленія недостаточно, что распри возобновятся, если будетъ къ тому поводъ, повелѣлъ принести разрядныя книги и въ присутствіи собора предать ихъ огню; во утѣшеніе же столбовыхъ фамилій, дозволилъ составить *родословную книгу*, единственно съ тою цѣлію, чтобы память предковъ не исчезла *. Соборъ постановилъ быть всѣмъ чинамъ безъ мѣстъ и служить тамъ, гдѣ государь укажетъ, подъ опасеніемъ строгаго наказанія, въ случаѣ прекословія. 12 января 1682.

* Новиковъ. Родословная книга. М. 1787.

IV. ІОАННЪ V И ПЕТРЪ I ПОДЪ ОПЕКОЮ ЦАРЕВНЫ СОФІИ *.

1682 — 1689.

Воцареніе Петра I.

Смерть Θеодора, лишивъ Россію государя умнаго, украшеннаго истинно царскими добродѣтелями, тѣмъ болѣе опечалила отечество, что некому было принять скипетръ изъ рукъ его. Онъ оставилъ по себѣ двухъ братьевъ, Іоанна и Петра. Первый достигъ совершеннолѣтія; но тѣлесные недуги не дозволяли ему заниматься дѣлами правленія; второй отличался умомъ необыкновеннымъ, но былъ только 10 лѣтъ. Къ довершенію несчастія, Θеодоръ не назначилъ ни преемника себѣ, ни правительственной думы, какъ прежде бывало въ подобныхъ случаяхъ, и оставилъ подданныхъ въ недоумѣніи. Между тѣмъ дворъ, уже съ послѣднихъ лѣтъ царствованія Алексѣя Михайловича раздѣлялся на двѣ неpріязненныя партіи, изъ коихъ одна держалась фамиліи Милославскихъ, другая дома Нарышкиныхъ. Милославскіе приблизились къ престолу по свойству съ первою супругою царя Алексѣя Михайловича, Маріею Ильиничною, матерью пятерыхъ сыновей (въ томъ числѣ Θеодора и Іоанна), и шести дочерей, изъ которыхъ наиболѣе достопамятна царевна Софія; Нарышкины были родственники второй царицы, Наталіи Кирилловны, пережившей супруга и имѣвшей одного сына Петра, съ двумя дочерьми. Непримиримая вражда раздѣляла обѣ партіи со времени смерти Алексѣя Михайловича. Милославскіе, чтобы удалить Нарышкиныхъ отъ двора, успѣли обвинить ихъ предъ Θеодоромъ въ намѣреніи возвести на престолъ, по смерти Алексѣя, четырехлѣтняго Петра. Θеодоръ, кажется, не былъ убѣжденъ въ ихъ преступленіи, однакожъ счелъ нужнымъ сослать въ Пустозерскъ главнаго руководителя дома Нарышкиныхъ, Артемона Сергѣевича Матвѣева, мужа знаменитаго умомъ и любовію народною.

По смерти Θеодора, Нарышкины превозмогли своихъ совмѣстниковъ. Люди благомыслящіе были на ихъ сторонѣ: Петръ уже въ младенческихъ забавахъ обнаруживалъ такіе таланты, что всѣ желали видѣть его на престолѣ, и не опасались малолѣтства государя, въ надеждѣ на благоразуміе

* Голиковъ. Дѣянія Петра Великаго.

матери его Наталіи Кирилловны и боярина Матвѣева. Іоаннъ не спорилъ съ братомъ и охотно уступилъ ему корону, когда на вопросъ патріарха Іоакима, кому быть преемникомъ Θеодора, государственные чины отвѣчали единогласно: *Петру*. 27 апрѣля. 1682. Онъ былъ признанъ царемъ въ Москвѣ; за Москвою присягнула ему вся Россія безпрекословно.

Но Милославскіе не хотѣли уступить Нарышкинымъ и Воцареніе Іоанна. ослѣпляемые властолюбіемъ, для сверженія соперниковъ, прибѣгли къ преступнымъ мѣрамъ. Въ Москвѣ и другихъ городахъ, со временъ Іоанна Грознаго, находились отряды постояннаго войска, подъ именемъ стрѣльцовъ. Обязанные безсмѣнною службою, для охраненія общественной тишины и безопасности, они жили въ городахъ особенными слободами, раздѣлялись на полки, зависѣли въ управленіи, судѣ и расправѣ отъ особеннаго высшаго вѣдомства, стрѣлецкаго приказа, пользовались многими преимуществами предъ другими служилыми людьми, получали опредѣленное жалованье, хлѣбъ, воинскіе снаряды, освобождены были отъ податей и могли торговать безпошлинно. Болѣе другихъ ратныхъ людей того времени привычные владѣть оружіемъ, котораго никогда не покидали, они неоднократно содѣйствовали успѣхамъ нашихъ войнъ съ непріятелями и оказывали постоянное усердіе къ престолу. Но съ тѣхъ поръ, какъ имъ дозволено было пускаться въ торговые промыслы, столь несообразные съ воинскимъ званіемъ, многіе изъ нихъ разбогатѣли, считали службу тягостью, предавались роскоши, разгульной жизни, и завели у себя, по казацкому обычаю, круги, въ которыхъ судили и рядили о низшихъ начальникахъ, добираясь и до высшихъ. Признаки солдатскаго своеволія обнаружились предъ самою кончиною царя Θеодора Алексѣевича. Стрѣльцы опредѣлили въ своихъ кругахъ избавиться отъ многихъ полковниковъ, заслужившихъ общую ненависть отчасти строгостію, отчасти притѣсненіями, и приготовили челобитную, исполненную дерзкихъ угрозъ; она представлена была преемнику Θеодора, Петру. Новое правительство, еще слабое, старалось укротить волновавшихся 1682. 30 апрѣля. стрѣльцовъ ласками, и въ угожденіе имъ строго наказало семнадцать полковниковъ. Стрѣльцы, казалось, были довольны и присягнули Петру; но духъ мятежа не исчезъ: требовалось одной искры. Милославскіе рѣшились употребить ихъ орудіемъ своей злобы: вскорѣ разнеслась молва, что Нарышкины, при содѣйствіи иноземныхъ врачей, погубили

Феодора и принять подобное участіе брату его, царевичу Іоанну. Въ преступномъ замыслѣ участвовала и сестра Іоанно-ва, царевна Софія, которая, съ рѣдкимъ умомъ соединяла безмѣрное честолюбіе, досадовала на устраненіе брата сво-его отъ престола, ненавидѣла Наталію Кирилловну и не могла забыть, что если бы Іоаннъ былъ царемъ, кормило правленія непремѣнно досталось бы ей. Агенты ея дѣйство-вали съ успѣхомъ. Черезъ двѣ недѣли по избраніи Петра,
15 мая въ стрѣлецкихъ слободахъ вспыхнулъ мятежъ. Обманутые ложнымъ слухомъ, стрѣльцы съ неистовствомъ ворвались въ кремль, окружили дворецъ, хотѣли видѣть Іоанна, увидѣли его, думали разойтись: но подстрекаемые клевретами Софіи, говорившими, что рано или поздно Нарышкины изведутъ царевича, бросались на обреченныя заранѣе жертвы, умерт-вили до 70 человѣкъ, въ томъ числѣ двухъ братьевъ На-таліи Кирилловны, боярина Матвѣева, Языкова и другихъ сановниковъ; сверхъ того объявили царевича Іоанна госу-
мая даремъ вмѣстѣ съ Петромъ, а Софію провозгласили прави-
29 мая тельницею. Патріархъ и дворъ умоляли ее исполнить жела-ніе войска для спасенія государства отъ новыхъ бѣдствій; она притворно отказывалась; наконецъ согласилась.

Староверы Присвоеніе двадцатипятилѣтнею царевною верховной вла-сти мимо двухъ властвующихъ царей, двухъ тетокъ и двухъ старшихъ сестеръ[1], рѣшительнѣе всего свидѣтель-ствуетъ преступное участіе Софіи въ стрѣлецкомъ бунтѣ. Но дѣла приняли такой оборотъ, что она могла раскаяться въ своемъ желаніи править государствомъ, и ей стоило многихъ трудовъ, чтобы спасти себя, свое семейство, самую церковь отъ тѣхъ опасностей, которыя были слѣдствіемъ ея без-разсуднаго честолюбія. Одно зло раждало другое. Стрѣль-цы, обласканные правительницею, награжденные отчинами своихъ жертвъ, даже похвальными грамматами и почетнымъ наименованіемъ *надворной пѣхоты*, не знали предѣловъ свое-волію: съ шумомъ являлись во дворецъ, спорили съ боя-рами, требовали новыхъ наградъ, тѣснили гражданъ и го-товы были снова взволноваться при первомъ удобномъ слу-чаѣ. Своеволіе ихъ было тѣмъ опаснѣе, что въ то самое время обнаружилось зло инаго рода, грозившее потрясти все государство: секта староверовъ явно возстала на прави-

1 Царицы были: Наталія Кирилловна и Марѳа Матвѣевна, вторая супруга Ѳеодора; тетки: Анна и Татьяна Михайловны; старшія сестры: Евдокія и Марѳа Алексѣевны. Софія родилась въ 1657.

тельство *. Она возникла въ первые годы святительства Никонова, по случаю исправленія церковныхъ книгъ и введенія живописныхъ иконъ. Предшественникъ Никона, патріархъ Іосифъ, замѣтивъ, что рукописныя книги, за недостаткомъ печатныхъ употребляемыя въ церквахъ, наполнены были грубыми ошибками, поручилъ особенной коммиссіи исправить ихъ и напечатать. Выборъ палъ на людей отчасти злонамѣренныхъ, отчасти зараженныхъ предразсудками: то были протопопы Аввакумъ, Стефанъ; попы Лазарь, Никита; діаконы Θедоръ и Григорій, знаменитые въ послѣдствіи ересіархи. Частію по суевѣрію, частію по невѣжеству, можетъ быть даже съ умысломъ, они издали бывшіе въ рукахъ ихъ неисправные списки безъ всякихъ поправокъ, включивъ даже нелѣпыя толкованія. Никонъ, принявъ званіе первосвятителя, спѣшилъ перепечатать книги, изданныя при патріархѣ Іосифѣ, по другимъ спискамъ, свѣреннымъ съ текстомъ, и строго наказалъ прежнихъ поправщиковъ. Преданные суровымъ патріархомъ истязанію, разстриженные и изгнанные изъ Москвы, они удалились въ села и деревни, съ злобою въ сердцѣ, и разгласили въ народѣ, что святая вѣра гибнетъ, что Никонъ отступилъ отъ православія. Вопли ихъ поколебали людей суевѣрныхъ: возникла странная секта старообрядцевъ, сперва въ отдаленныхъ лѣсахъ, потомъ обнаружилась въ селахъ и городахъ; она отвергала, вмѣстѣ съ исправленными книгами, все, что ни вводилъ Никонъ для благолѣпія церкви и торжественности Богослуженія, живописныя иконы, согласное пѣніе и проч. Порожденная суевѣріемъ и невѣжествомъ, не имѣя ни догматическаго основанія, ни политической цѣли, эта секта не заслуживала названія раскола и, слабая въ началѣ, могла быть уничтожена безъ труда мѣрами кротости, или еще скорѣе презрѣніемъ. Никонъ считалъ нужнымъ и возможнымъ истребить ее страхомъ наказанія, и только увеличилъ число людей упорныхъ въ заблужденіи. Лжеучители нашли послѣдователей даже въ духовенствѣ. Соловецкій монастырь, въ послѣдніе годы жизни царя Алексѣя Михайловича, отрекся отъ повиновенія не только патріарху, но и самому государю, выдержалъ долговременную осаду и съ трудомъ былъ усмиренъ оружіемъ. Вопреки всей строгости мѣръ, принятыхъ Алексѣемъ и Θеодоромъ къ уничтоженію нелѣ-

* Іоанновъ. Историч. извѣстіе о расколахъ. Спб. 1831. — Іоакимъ, патріархъ. Увѣтъ духовный. М. изд. 3. 1791 — Епископъ Макарій. Исторія старообрядства. Спб. 1855.

наго соблазна, старообрядцы появилися и въ Москвѣ. Здѣсь они уже давно имѣли многихъ тайныхъ послѣдователей въ стрѣльцахъ; самъ начальникъ ихъ, князь Хованскій, человѣкъ ограниченнаго ума, былъ староверъ.

Ободренные удачею стрѣлецкаго мятежа и тайно подстрекаемые Хованскимъ, старовѣры спѣшили воспользоваться
1682 слабостію правительства, и въ одинъ день окруживъ Успен-
5 Іюля скій храмъ, гдѣ патріархъ Іоакимъ совершалъ литургію, требовали торжественнаго пренія о вѣрѣ. Софія, при явной наклонности Хованскаго и многихъ стрѣльцовъ къ мятежу, не имѣя средствъ обуздать крамольниковъ силою и опасаясь возжечь войну междоусобную, рѣшилась обличить лжеучителей въ нелѣпыхъ толкахъ, и принявъ отъ нихъ челобитную, повелѣла патріарху разсмотрѣть ее. Созванъ былъ соборъ изъ высшихъ сановниковъ духовныхъ и свѣтскихъ, подъ предсѣдательствомъ самой Софіи. Начальникамъ старовѣровъ дозволено также явиться въ палату собора. Святители разсмотрѣли каждый пунктъ челобитной и безъ труда опровергнули ихъ отъ перваго до послѣдняго. Одинъ изъ ересіарховъ, Никита Пустосвятъ, видя слабость своего ученія, до того озлобился на ревностнаго защитника православія, Аѳанасія архіепископа Холмогорскаго, что бросился къ нему и едва не задушилъ его. Такое неистовство, при краснорѣчивыхъ укоризнахъ Софіи, воспламенило въ стрѣльцахъ, непричастныхъ соблазну, усердіе къ престолу и образумило многихъ единомышленниковъ Никиты, увидѣвшихъ въ немъ безразсуднаго мятежника. Вѣрные долгу стрѣльцы спѣшили переловить его сообщниковъ, кои частію разбѣжались; самъ онъ былъ казненъ.

[illegible] Но едва миновала одна опасность, обнаружилась другая: начальникъ стрѣлецкаго приказа, князь Хованскій неумѣреннымъ честолюбіемъ возбудилъ новыя безпокойства. Явнымъ потворствомъ заслуживъ любовь стрѣльцовъ, онъ хотѣлъ самовластія, не слушалъ царскихъ указовъ, грозилъ новыми мятежами и, какъ носилась молва, думалъ даже овладѣть престоломъ. При тогдашнихъ неустройствахъ надлежало всего страшиться. Софія, постигая всю опасность, рѣшилась взять стрѣльцовъ въ свои руки, чтобы избавить государство отъ новыхъ золъ. По обыкновенію, она удалилась въ Троицкій монастырь со всѣмъ царскимъ семействомъ, пригласила Хованскаго съ сыномъ, подъ предлогомъ объясненія по дѣламъ, велѣла схватить ихъ на дорогѣ

и отрубить обоимъ головы. Стрѣльцы хотѣли отмстить за смерть своего покровителя и снова произвели мятежъ; но узнавъ, что дружины городовыя, призванныя царевною, подоспѣли къ ней на помощь, изъявили раскаяніе и выдали главныхъ крамольниковъ. Болѣе другихъ виновные были казнены, прочіе сосланы въ отдаленные города; въ Москвѣ же оставлены только тѣ, на которыхъ Софія могла положиться въ случаѣ надобности, и начальство надъ стрѣлецкимъ приказомъ ввѣрено Шакловитому, готовому исполнять всѣ ея желанія. Духъ мятежа такъ несвойственъ Русскому народу, что безпорядки, бывшіе въ Москвѣ, не простирались далѣе столицы и не нарушали спокойствія государства, наслаждавшагося глубокою тишиною. Обуздавъ стрѣльцовъ, правительница обратила все вниманіе на дѣла внѣшнія, не упуская изъ вида и внутреннихъ. Семилѣтнее господство ея ознаменовано такимъ умомъ, такою заботливостію о лучшемъ порядкѣ суда и расправы, о благоустройствѣ общественномъ, даже о смягченіи народныхъ нравовъ [1], что казалось, возобновилось мудрое правленіе Алексѣя Михайловича, и Софія могла бы назваться достойною исполнительницею его предначертаній, если бы не преступныя мѣры вручили ей верховную власть. 1682. 17 сентября

Польша, какъ и прежде, была главнымъ предметомъ внѣшней политики нашего двора. Софія съ искусствомъ и успѣхомъ пользовалась обстоятельствами времени. Польскій король Янъ III (Собѣсскій), послѣ неудачной войны съ Турками, начавшейся еще при его предшественникѣ, уступивъ султану Подолію, жалѣлъ о потерѣ и помышлялъ поправить неудачу. Для этой цѣли онъ заключилъ союзъ съ императоромъ Леопольдомъ I, также утратившимъ большую часть Венгріи; къ союзу ихъ приступила Венеція; сверхъ того папа обѣщалъ вооружить и всю Европу. Положено было напасть на Турцію со всѣхъ сторонъ. Султанъ хотѣлъ уничтожить въ самомъ началѣ всѣ планы союзниковъ рѣшительнымъ ударомъ. Визирь осадилъ Вѣну. Янъ III подоспѣлъ ей на помощь, разбилъ Турокъ наголову подъ стѣнами столицы, вытѣснилъ ихъ изъ Австрійскихъ владѣній и Московскій договоръ.

1. Главныя узаконенія: 1683 Сыщиковъ наказъ для пресѣченія побѣговъ крестьянъ отъ помѣщиковъ, Писцовый наказъ для размежеванія отчинъ и помѣстьевъ; многія дополнительныя къ Уложенію постановленія о судѣ и расправѣ, о помѣстьяхъ, отчинахъ, благочиніи и друг. Она заботилась объ основаніи театра.

перенесъ оружіе на берега Дуная въ Молдавію и Валахію. Но вся тяжесть войны пала на него одного: императоръ помогалъ слабо и даже спорилъ за трофеи Вѣнской побѣды. Утративъ надежду на помощь Нѣмецкихъ войскъ, король искалъ другихъ союзниковъ, умолялъ всѣхъ Европейскихъ государей предпринять крестовый походъ, велъ переговоры съ Персидскимъ шахомъ, болѣе всего желалъ содѣйствія Россіи, которая, по своему положенію и по своимъ средствамъ, могла развлечь силы султана. Послы его одинъ за другимъ являлись въ Москвѣ съ убѣдительными письмами къ обоимъ государямъ о союзѣ противъ Турокъ. Правительство наше, послѣ заключенія Бахчисарайскаго договора, не имѣло повода къ разрыву съ Турками, и скорѣе могло желать ослабленія Польши, чтобы тѣмъ легче возвратить Русскія земли за Днѣпромъ, о чемъ заботились всѣ Московскіе государи отъ Димитрія Донскаго до Өеодора Алексѣевича; по крайней мѣрѣ такая политика была бы согласна съ правилами Варшавскаго двора, который, вопреки договорамъ, не только не помогалъ намъ во время жестокой борьбы съ Турками, но даже хотѣлъ воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ нашимъ и требовалъ Смоленска, Кіева, со всею Украйною. Съ другой однакожъ стороны, Турки, отнявъ у Польши Подолію, могли овладѣть большею частію Литовскаго княжества и приблизиться къ Московскимъ предѣламъ, чего мы постоянно избѣгали при тогдашней силѣ Оттоманской Порты и при неутомимомъ стремленіи султановъ къ новымъ завоеваніямъ. Кромѣ того, въ награду за содѣйствіе королю, можно было надѣяться, убѣдить его къ прекращенію всѣхъ притязаній Польши на Смоленскъ, Украйну и Кіевъ, неоднократно возобновлявшихся послѣ Андрусовскаго перемирія. Хотя сіи притязанія не имѣли никакого вѣса, тѣмъ не менѣе Софія желала кончить навсегда недоразумѣнія между обоими дворами, какъ для того, чтобы лишить Польшу всякаго повода къ разрыву въ случаѣ войны Россіи съ другими сосѣдями, такъ и для того, чтобы заслужить славу окончанія тридцатилѣтняго спора за Малороссію, изнурившаго государство: она могла пріобрѣсть общее довѣріе и утвердить себя на престолѣ. Дѣйствуя въ такомъ смыслѣ, царевна не отказывалась отъ союза съ королемъ, но требовала, чтобы онъ согласился на вѣчный миръ. Переговоры тянулись около 2 лѣтъ, подъ руководствомъ умнаго вельможи, князя Голицына. Янъ III долго ласкалъ

себя надеждою побѣдить нашу непреклонность; наконецъ долженъ былъ согласиться на всѣ требованія Софіи. Послы его заключили въ Москвѣ въ 1686 году договоръ, коимъ король отказался навсегда отъ всѣхъ городовъ и земель, уступленныхъ Россіи, до извѣстныхъ сроковъ, при Алексѣѣ Михайловичѣ и Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ; сверхъ того обѣщалъ покровительствовать въ своемъ государствѣ послѣдователей православной вѣры. 24 апрѣля.

Исполняя Московскій договоръ и надѣясь блескомъ побѣдъ еще болѣе заслужить общее довѣріе къ своимъ талантамъ, слѣдовательно продлить свое господство, Софія вооружила такое войско, съ какимъ Іоаннъ Грозный завоевалъ Ливонію, Алексѣй все Литовское княжество. Около 200,000 человѣкъ, подъ начальствомъ Голицына, двинулись на Крымъ, чтобы сокрушить послѣднюю Татарскую орду. Голицынъ два раза предпринималъ походъ и каждый разъ неудачно. Въ первомъ походѣ, онъ не дошелъ даже до Перекопа: недостатокъ съѣстныхъ припасовъ, нестерпимый зной, степные пожары принудили его возвратиться безъ боя, съ весьма значительною потерею. Не взирая на явную неудачу, правительница, вѣрная своему плану, наградила Голицына и другихъ воеводъ такъ, какъ прежніе государи не жаловали за самыя блестящія побѣды. Второй походъ былъ равно безуспѣшенъ: Голицынъ достигъ до Перекопа и сразился съ Татарами; но битва была нерѣшительна; войско, истомленное трудными переходами чрезъ степи, потеряло всю бодрость, и Голицынъ поспѣшилъ возвратиться въ Москву, гдѣ Софія осыпала его новыми наградами.

Крымскіе походы. 1687. 1689

Петръ доселѣ не принималъ никакого участія въ дѣлахъ правленія; жилъ съ матерью въ селѣ Преображенскомъ, рѣдко являлся въ Москву, единственно для торжественныхъ случаевъ, для пріема пословъ, для праздничныхъ выходовъ; между тѣмъ достигъ совершеннолѣтія, зналъ свои права и требовалъ, чтобы Софія сложила съ себя правленіе; однакожъ тщетно: царевна упорствовала въ желаніи быть самодержицею, какъ она стала именовать себя, наравнѣ съ обоими царями, со времени заключенія вѣчнаго мира съ Польшею. Неудача послѣдняго Крымскаго похода была поводомъ къ явному несогласію; Петръ порицалъ всѣ дѣйствія правительницы, въ особенности неумѣстныя награды. Съ каждымъ днемъ она убѣждалась болѣе и болѣе въ непре- Удаленіе Софіи.

клонной волѣ брата вступить въ свои права: онъ потребо-
1689. 28 іюня. валъ наконецъ, чтобы Софія не являлась народу при торжественныхъ выходахъ. Тутъ увидѣла царевна, что ей остается или уступить брату, или устранить его самого, и рѣшилась на послѣднее, въ надеждѣ поддержать себя снова
7 августа. стрѣльцами. Шакловитый взялся умертвить Петра, по желанію ли Софіи, или безъ вѣдома ея, неизвѣстно. Но злодѣйскій заговоръ былъ открытъ двумя сообщниками Шакловитаго, которые ужаснулись при мысли о цареубійствѣ и съ раскаяніемъ явились въ Преображенское. Петръ удалился въ Троицкую лавру, какъ единственное убѣжище отъ руки злодѣевъ. За нимъ послѣдовали всѣ вѣрные долгу и присягѣ; число ихъ несравненно превосходило число крамольниковъ. Одни стрѣльцы, и то не всѣ, держали сторону Софіи. Москва не думала за нее вооружаться; равнодушіе къ ней было очевидно; оставленная наконецъ почти всѣми, даже родными сестрами и тетками, удалившимися
сентября. въ Троицкую лавру, царевна смирилась. Петръ заключилъ ее въ Новодѣвичій монастырь, съ торжествомъ вступилъ въ Москву и началъ править государствомъ, не лишивъ царскаго имени Іоанна, который сохранялъ его до самой смерти (1696), безъ дѣятельнаго впрочемъ участія въ правленіи.

ГЛАВА VIII.

ОЧЕРКЪ РУССКОЙ СТАРИНЫ *.

Обозрѣніе. Конецъ XVII вѣка былъ предѣломъ древняго Русскаго міра: съ наступленіемъ XVIII столѣтія, въ государствѣ Московскомъ, подъ скипетромъ Петра Великаго, начинается новый порядокъ вещей, настаетъ новый міръ; въ княжествѣ

* Акты Археографической экспедиціи 4 т. Спб. 1836. — Акты, изд. Археогр. коммиссіею. 5 т. Спб. 1841—42. — Новиковъ. Древняя Россійс. Вивліоѳика. 20 ч. М. 1788 — 99. — Успенскій. Опытъ повѣств. о Русск. древн. Харьк. 1818. — Герберштейнъ, Флетчеръ, Маржеретъ, Мейербергъ.

Литовскомъ обнаруживается сильное вліяніе Польши. Чтобы понять, въ какомъ состояніи нашелъ свое государство Петръ и какую перемѣну произвели Поляки въ судьбѣ западной Руси, необходимо бросить взглядъ на главныя формы, въ коихъ проявлялась жизнь Русскаго народа въ концѣ XVII вѣка, когда въ восточной Руси она вполнѣ развилась изъ собственныхъ началъ и созрѣла предъ серпомъ Петровымъ, а въ западной, послѣ вѣковаго изнеможенія подъ игомъ Поляковъ, едва не угасла. И какъ жизнь народа, достигшаго извѣстной степени гражданскаго устройства, всегда обнаруживается въ трехъ видахъ, въ государственномъ, общественномъ и частномъ или семейномъ, то слѣдуетъ разсмотрѣть: 1, *жизнь государственную*, или тѣ формы, въ коихъ Русь являлась въ кругу прочихъ державъ, какъ общество гражданское, составленное изъ разныхъ сословій и управляемое верховною властію, на основаніи своихъ законовъ; 2, *жизнь общественную*, или тѣ формы, въ коихъ народъ обнаруживалъ свои промышленныя, умственныя и нравственныя силы; 3, *жизнь частную*, формы домашняго быта каждаго сословія. Предметы перваго отдѣленія суть: 1, верховная власть, 2, церковь, 3, народныя сословія, 4, основные законы, 5, образъ управленія, 6, судъ и расправа, 7, дѣло ратное; предметы втораго отдѣленія: 1, промышленность земледѣльческая, мануфактурная и торговая, 2, монета, мѣра, вѣсъ, 3, науки и художества, 4, языкъ; предметы третьяго отдѣленія: 1, нравы и обычаи, 2, одежда, пища и проч. Подробное развитіе сихъ предметовъ служитъ содержаніемъ особенной науки о *Русскихъ древностяхъ*.

I. ВЕРХОВНАЯ ВЛАСТЬ.

Въ Россіи верховная власть законодательная, правительственная и судебная сосредоточивалась въ одномъ лицѣ *государя*, *царя и великаго князя всея Руси*. Права неограниченнаго единодержавія установились со временъ Іоанна III, уничтожившаго всѣ преграды, которыя встрѣчало оно въ удѣльныхъ понятіяхъ и въ притязаніяхъ хановъ Золотой орды. Не надобно впрочемъ думать, будто сей государь присвоилъ то, чего не имѣли его предки: какъ при началѣ Руси, такъ и во время господства удѣльной системы, даже подъ игомъ Монгольскимъ, каждый владѣтельный князь былъ самодержавенъ въ своей отчинѣ, относительно къ под- Царь

данныхъ: онъ спорилъ за удѣлы съ родственниками, съ равными себѣ князьями, но не встрѣчалъ совмѣстниковъ ни въ высшихъ сословіяхъ, ни въ городахъ, ни въ духовенствѣ. Іоаннъ наслѣдовалъ туже власть и только расширилъ кругъ ея дѣйствія за предѣлы Московскаго княжества, присоединивъ къ нему отчины другихъ поколѣній Владиміра св. такъ точно, какъ присоединяли ихъ къ своему княжеству Ярославъ I, Владиміръ Мономахъ, Андрей Боголюбскій, Даніилъ Галицкій, Димитрій Донской. Преемники Іоанновы утвердили его великое дѣло, и хотя Василій Шуйскій, вступивъ на престолъ, далъ присягу, въ угожденіе своей партіи, не казнить никого безъ суда боярскаго, не отнимать имѣній у наслѣдниковъ преступника, а Владиславу предписаны были земскою думою многія другія условія: но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ выражалось не общее желаніе ограничить верховную власть, а совсѣмъ иное побужденіе. Обѣтъ Шуйскаго, исторгнутый немногими лицами, изумилъ всѣ сословія, какъ дѣло неслыханное, и скорѣе повредилъ ему, чѣмъ принесъ пользу. Условія же, предписанныя Владиславу, какъ иноземцу, клонились единственно къ охраненію прежняго порядка вещей: этими условіями земская дума надѣялась спасти то, чѣмъ дорожилъ народъ. Лучшимъ доказательствомъ всеобщаго убѣжденія въ необходимости самодержавія для Россіи служитъ восшествіе на престолъ Михаила Θеодоровича: ему и потомству его государственные чины вручили ту же власть, какую имѣла прежняя династія, безъ всякихъ условій.

ъ царя. Государь имѣлъ исключительное, неограниченное право издавать законы, отмѣнять прежнія постановленія, увеличивать подати, распоряжать государственными доходами, воевать и мириться, судить, награждать и наказывать своихъ подданныхъ по произволу. Особа его была священна и неприкосновенна. Иноземцы, бывшіе въ Москвѣ въ XVI и XVII столѣтіи, единогласно свидѣтельствуютъ, что Русскіе смотрѣли на государя, какъ на земнаго Бога, и безропотно исполняли его велѣнія. Впрочемъ несправедливо говорятъ нѣкоторые изъ писателей иностранныхъ, что Русскіе цари руководствовались однимъ произволомъ: они имѣли неоспоримое право издавать и отмѣнять постановленія, но въ то же время признавали святость закона, такъ, что ни въ одномъ Европейскомъ государствѣ законъ не имѣлъ болѣе силы, чѣмъ въ нашемъ отечествѣ. Съ постепеннымъ развитіемъ

понятія о самодержавіи, установились исключительныя преимущества верховной власти: титулъ, престолонаслѣдіе, коронація, избраніе супруги, дворъ.

Московскіе государи до Іоанна III именовались *великими князьями всея Руси*. Іоаннъ установилъ двоякій титулъ, большой и малый; въ первомъ исчислялись всѣ подвластныя ему области такимъ образомъ: «Божіею милостію великій государь Русскія земли, великій князь Иванъ Васильевичъ, царь «всея Руси, Владимірскій, Московскій, Новгородскій, Псковской, Тверской, Югорскій, Вятскій, Пермскій, Болгарскій «и иныхъ [1].» При каждомъ изъ его преемниковъ царскій титулъ распространялся, по мѣрѣ пріобрѣтенія новыхъ земель; при Василіи III прибавлены слова: «государь и великій князь Новагорода Низовскія земли, Смоленскій, Черниговскій, Рязанскій, Волоцкой, Ржевскій, Бѣльскій, Ростовскій, Ярославскій. Бѣлозерскій, Удорскій, Обдорскій, «Кондійскій» [2]. При Іоаннѣ IV: «царь Казанскій, царь Астраханскій, всея Сибирскія земли и сѣверныхъ странъ повелитель и государь Лифляндскія земли.» При Θеодорѣ I: «всея Русіи самодержецъ.» При Михаилѣ Θеодоровичѣ, вмѣсто Лифляндскія земли: «государь Иверскія земли, Грузинскихъ царей и Кабардинскія земли, Черкасскихъ и Горскихъ князей и иныхъ многихъ государствъ государь и «обладатель.» При Алексѣѣ Михайловичѣ: «государь царь и «великій князь всея великія, малыя и бѣлыя *Россіи*, Литовскій, Волынскій, Подольскій, Витебскій, Мстиславскій.... «и иныхъ многихъ государствъ и земель восточныхъ, западныхъ, сѣверныхъ, отчичъ, дѣдичъ и наслѣдникъ, государь и обладатель». Большой титулъ употреблялся преимущественно въ сношеніяхъ съ иноземными государями, вообще въ дѣлахъ посольскихъ; въ прочихъ случаяхъ, со временъ царя Алексѣя Михайловича, довольствовались словами: «государь царь и великій князь всея великія, малыя «и бѣлыя Россіи» [3]. Титулъ.

1. Іоаннъ III не всегда назывался царемъ, однакожъ нерѣдко; постоянно же такъ именовался Іоаннъ IV съ 1347 года; примѣру его слѣдовали и преемники до Петра Великаго. Слово царь есть не сокращенное caesar, а древнее восточное, сохранившееся въ языкѣ Еврейскомъ и введенное къ намъ переводомъ Библіи. Съ этимъ словомъ соединяли у насъ идею самодержавной власти; отъ того въ лѣтописяхъ и государственныхъ актахъ называются царями императоры Византійскіе, ханы Кипчакскіе, султаны Турецкіе. Западныхъ же вѣнценосцевъ мы называли королями.
2. Въ сношеніяхъ съ Австрійскимъ дворомъ Василій называлъ себя Imperator; цесарь съ своей стороны именовалъ его Kayser. Титулъ императора давали короли Англійскій и Французскій Іоанну IV, Θеодору I и Михаилу Θеодоровичу.
3. Слово Россія встрѣчается въ государственныхъ актахъ и прежде Алексѣя Михайловича, именно при Борисѣ Годуновѣ, но не столь постоянно; чаще писали Государство Московское. Но

естолона-
слѣдіе.

Порядокъ престолонаслѣдія основанъ былъ на правѣ первородства въ прямой нисходящей линіи; онъ установился также со временъ Іоанна III, принявшаго кореннымъ закономъ, что державная власть переходитъ отъ отца къ сыну и притомъ должна быть нераздѣльною. Мысль о естественномъ правѣ сына на отцовское достояніе обнаруживалась и прежде, съ самаго начала Руси; но два обстоятельства препятствовали ея развитію: отъ незрѣлости гражданскихъ понятій думали, что старшій въ семействѣ, дядя, имѣетъ всегда преимущество предъ младшимъ, племянникомъ, и что въ отцовскомъ достояніи каждый сынъ долженъ имѣть свою часть и притомъ равную. Понятія о первородствѣ, о старѣйшинствѣ, о равенствѣ всѣхъ сыновей, сталкивались одно съ другимъ и порождали непрерывныя междоусобія. Въ домѣ Іоанна Калиты, частію отъ политики князей, частію отъ случайныхъ обстоятельствъ, право старѣйшинства было устранено, и верховная власть переходила отъ отца къ дѣтямъ, съ тѣмъ однакожъ, что старшій сынъ великаго князя наслѣдовалъ титулъ и большую часть городовъ отцовскихъ, а младшіе сыновья получали особенные удѣлы, съ правомъ самостоятельнаго господства и съ непремѣнною обязанностію признавать великаго князя общимъ судьею и миротворцемъ. Такой порядокъ престолонаслѣдія обнаруживалъ болѣе зрѣлыя понятія о верховной власти; но для поддержанія его, для единства государственнаго, надобно было отнимать удѣлы у боковыхъ линій, и жестокая борьба Василія Темнаго съ двоюродными братьями могла нѣсколько разъ повториться, еслибы Іоаннъ не успѣлъ установить кореннымъ закономъ нераздѣльность самодержавія въ прямой нисходящей линіи. Василій Іоанновичъ могъ передать престолъ трехлѣтнему сыну, уже безъ всякаго прекословія со стороны братьевъ. Совершеннолѣтіе наслѣдника считалось съ 15 лѣтъ. Въ случаѣ малолѣтства преемника, для управленія государствомъ, царь назначалъ верховную думу или регенство изъ ближайшихъ родственниковъ и знатнѣйшихъ вельможъ.

ронованія.

Со временъ Іоанна III, каждый новый государь, исключая сына его Василія, чрезъ нѣсколько дней по вступленіи на престолъ, *вѣнчался на царство*. Нѣтъ сомнѣнія, что и

всей вѣроятности, оно введено первоначально старинными филологами нашими, которые, основываясь на Греческомъ произношеніи Росъ, стали употреблять его въ актахъ церковныхъ, откуда оно перешло и въ государственные. Въ XVI вѣкѣ Герберштейну говорили, что Россія есть настоящее названіе страны, обитаемой Русскимъ народомъ.

прежде князья, принимая верховную власть, освящали свое право торжественнымъ обрядомъ: по свидѣтельству лѣтописей, многіе изъ нихъ, при занятіи великокняжеской столицы, были встрѣчаемы духовенствомъ со крестомъ и св. иконами, шли прямо въ соборную церковь, брали съ народа присягу и садились на *столѣ отнѣ и дѣднѣ* (на престолѣ отцовскомъ и дѣдовскомъ). Подъ владычествомъ Монголовъ, князья Московскіе объявляемы были великими князьями всея Руси въ соборномъ храмѣ Владимірскомъ. Но торжество въ подобныхъ случаяхъ до конца XV вѣка ограничивалось, кажется, благословеніемъ митрополита и народною присягою. Іоаннъ III установилъ обрядъ коронаціи, впервые совершенный надъ внукомъ его Димитріемъ и въ послѣдствіи дополненный его преемниками. Сей обрядъ происходилъ въ 1498 году такимъ образомъ:

Въ назначенный день, государь, сопровождаемый дворомъ, ввелъ пятнадцатилѣтняго Димитрія въ церковь Успенскія Богородицы, гдѣ приготовленъ былъ амвонъ съ тремя сѣдалищами для государя, преемника и митрополита. Близъ амвона стоялъ налой, на коемъ лежали вѣнецъ и бармы Мономаховы [1]. Послѣ молебна Богоматери и св. чудотворцу Петру, Іоаннъ и митрополитъ сѣли; Димитрій стоялъ на высшей ступени. Государь, обратясь къ митрополиту, сказалъ, что предки его искони давали великое княжество перворероднымъ сыновьямъ своимъ, что онъ также благословилъ старшаго сына своего (Іоанна Младаго); но какъ его не стало, то благословляетъ внука великимъ княжествомъ Владимірскимъ, Московскимъ, Новгородскимъ; въ заключеніе требовалъ благословенія первосвятителя. Митрополитъ пригласилъ князя вступить на амвонъ, осѣнилъ его крестомъ и, положивъ руку на главу его, громко молилъ о благодати Всевышняго. Архимандриты подали бармы. Іоаннъ принялъ ихъ изъ рукъ митрополита и возложилъ на внука; потомъ надѣлъ на него вѣнецъ. Послѣ многолѣтія, Димитрій принималъ поздравленія сперва духовенства, потомъ бояръ и другихъ сановниковъ; слушалъ литургію, ходилъ въ вѣнцѣ и бармахъ на поклоненіе св. иконамъ и мощамъ, также праху предковъ, въ храмы Архангельскій и Благовѣщенскій. При выходѣ изъ Успенскаго собора, сынъ Іоанновъ Юрій

1. Бармы — драгоцѣнное украшеніе, съ священными изображеніями, покрывають грудь и плеча. Ихъ возлагають на себя и донынѣ наши государи при коронаціи.

осыпалъ его въ дверяхъ золотыми и серебряными монетами. Великолѣпный пиръ и дары заключили торжество.

Іоаннъ Грозный вѣнчался на царство почти съ тѣми же обрядами, какъ и Димитрій. Коронація Θеодора Іоанновича была торжественнѣе: митрополитъ вручилъ ему *скипетръ*, помазалъ св. мѵромъ и пріобщилъ св. таинъ; сверхъ того говорилъ рѣчь, въ коей напомнилъ главныя обязанности вѣнценосца: хранить законъ и царство; имѣть духовное повиновеніе къ святителямъ и вѣру къ монастырямъ; уважать бояръ и ихъ родовое старѣйшинство. Въ тотъ же день объявлены многія милости. Вѣнчаніе Θеодора служило образцемъ для его преемниковъ.

Форма народной присяги на вѣрность новому государю установлена Борисомъ Годуновымъ: всѣ чины клялись предъ иконою Владимірскою служить вѣрою и правдою царю, царицѣ и дѣтямъ ихъ; не измѣнять имъ ни словомъ, ни дѣломъ; не вредить ни зеліемъ, ни чародѣйствомъ; доносить о всякихъ скопахъ и заговорахъ; не уходить въ чужія земли.

Избраніе супруги.

Во времена удѣльныя князья избирали себѣ невѣстъ преимущественно изъ княжескихъ и другихъ владѣтельныхъ домовъ: одни женились на Русскихъ княжнахъ; другіе на Греческихъ царевнахъ; третьи на Польскихъ принцессахъ, даже на дочеряхъ Половецкихъ хановъ. Государи Московскіе слѣдовали тому же правилу до великаго князя Василія Іоанновича, который впервые отступилъ отъ господствовавшаго обыкновенія: онъ и преемники его до конца XVII вѣка избирали себѣ невѣстъ изъ класса подданныхъ [1]. Выборъ государевой невѣсты производился обыкновенно, впрочемъ невсегда, изъ числа многихъ дѣвицъ. Для этой цѣли, по царскому указу, дворяне знатные и незнатные привозили въ Москву къ назначенному сроку своихъ дочерей; здѣсь

[1] Симеонъ Гордый женатъ былъ на Маріи, княжнѣ Тверской; Іоаннъ II на Θеодосіи, княжнѣ Брянской; Димитрій Донской на Евдокіи, княжнѣ Нижегородской; Василій I на Софіи, дочери Витолда; Василій II на Маріи, княжнѣ Боровской; Іоаннъ III сперва на Маріи, княжнѣ Тверской, потомъ на Софіи, царевнѣ Греческой. — Василій III на Соломоніи, дочери простаго дворянина Сабурова; по разводѣ съ нею, на Еленѣ, дочери Литовскаго выходца Василія Глинскаго; Іоаннъ Грозный, по смерти первой супруги Анастасіи Романовны, дочери окольничаго Романа Юрьевича Захарьина, на Маріи, дочери Черкасскаго князька Темрюка; въ третьемъ бракѣ на Марѳѣ, дочери Новгородскаго купца Собакина; въ четвертомъ на Аннѣ, дочери незнатнаго сановника Колтовскаго; въ пятомъ на Аннѣ Васильчиковой; въ шестомъ на Василисѣ Мелентьевой; въ седьмомъ на Маріи, дочери незнатнаго сановника, Θедора Нагаго; Θеодоръ I на Иринѣ Годуновой; Борисъ на Маріи Скуратовой; Василій Шуйскій на княжнѣ Буйносовой-Ростовской; Михаилъ Θеодоровичъ сперва на княжнѣ Долгорукой Маріи Владиміровнѣ, потомъ на Евдокіи Лукьяновнѣ Стрешневой; Алексѣй Михайловичъ на Маріи Ильиничнѣ Милославской, по смерти ея на Натальи Кирилловнѣ Нарышкиной; Θеодоръ Алексѣевичъ на Агаѳіи Семеновнѣ Грушецкой, по смерти ея на Марѳѣ Матвѣевнѣ Апраксиной; Іоаннъ Алексѣевичъ на Прасковьѣ Θеодоровнѣ Салтыковой. Первою супругою Петра Великаго была Евдокія Θеодоровна Лопухина.

онѣ представлялись государю, который смотрѣлъ болѣе на личныя достоинства, чѣмъ на знатность рода, и означалъ свой выборъ, вручая платокъ той, которая болѣе другихъ ему нравилась.

Дворъ.

По единогласному свидѣтельству иноземныхъ наблюдателей, царскій дворъ въ концѣ XVII столѣтія, не уступая ни одному изъ дворовъ Европейскихъ въ многолюдствѣ, въ богатствѣ, великолѣпіи, отличался отъ нихъ восточною пышностію и особеннымъ этикетомъ. Московскій этикетъ, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, былъ не подражаніемъ Сарайскому, а слѣдствіемъ политики Іоанна III и постепеннаго развитія идеи о самодержавіи. Монголы не произвели замѣчательныхъ перемѣнъ въ устройствѣ великокняжескаго двора: какъ при нихъ, такъ и до нихъ, царедворцы въ собственномъ смыслѣ были немногочисленны; лица, окружавшія великаго князя, составляли въ одно время и дворъ его, и совѣтъ, и войско; должности гражданскія не различались рѣзкою чертою отъ придворныхъ. Исключительныя званія царедворцевъ съ опредѣленными преимуществами, съ извѣстною степенью въ разрядѣ гражданскихъ сановниковъ, установлены Іоанномъ III, который, вскорѣ послѣ брака съ царевною Софіею, учредилъ санъ конюшаго, ясельничаго, постельничаго, казначея. Уже одно соображеніе времени даетъ поводъ предполагать, что сей умный государь подражалъ не Сарайскимъ ханамъ, а Греческимъ императорамъ. Сходство многихъ чиновъ Московскихъ съ Византійскими, въ особенности же самыхъ обрядовъ придворныхъ, подтверждаетъ эту догадку. Преемники Іоанновы понимали его мысль, увеличивали число должностей, и уже къ концу XVI вѣка образовали дворъ многочисленный, во многомъ сходный съ Византійскимъ.

Въ XVII столѣтіи онъ состоялъ изъ множества сановниковъ, коихъ вообще можно раздѣлить, по различію обязанностей, на три главные разряда: одни имѣли подъ своимъ надзоромъ отдѣльныя части дворцоваго вѣдомства; другіе исправляли разныя должности при особѣ государя; третьи составляли почетную стражу и прислугу. Къ первому разряду относились: 1, *дворецкій*, главный начальникъ дворцоваго приказа и зависѣвшихъ отъ него царскихъ волостей и селъ: соединяя въ лицѣ своемъ обязанности нынѣшняго оберъ-гофмаршала и министра императорскаго двора, онъ имѣлъ надзоръ вообще надъ всѣми царедворцами и въ осо-

бенности надъ лицами, управлявшими отдѣльными частями, изъ коихъ *степенные ключники* завѣдывали дворами сытнымъ, кормовымъ, хлѣбеннымъ; *дворцовые стряпчіе* — царскимъ погребомъ; *казначей* — казною и сокровищами; *оружейничій* — царскимъ оружіемъ; *шатерничій* — всѣмъ, что относилось до украшенія царскихъ палатъ; *истопничій* наблюдалъ за чистотою и порядкомъ внутри дворца. 2, *конюшій* (оберъ-шталмейстеръ) начальствовалъ надъ обширнымъ вѣдомствомъ, конюшеннымъ приказомъ, и приписанными къ нему землями и волостями; помощникомъ ему служилъ *ясельничій*: въ вѣдѣніи его находились *столповые прикащики*, смотрители царскихъ конюшенъ, *стремянные конюхи* (берейторы), *возницы*, и проч. 3, *сокольничій* и 4, *ловчій* управляли двумя отдѣльными, также значительными въ старину частями, соколиною и звѣриною охотою. — Изъ царедворцевъ, исправлявшихъ при особѣ государя разныя должности, замѣчательны: 1, *кравчій*, одинъ изъ важнѣйшихъ сановниковъ, главный надзиратель всего, что относилось до царскаго стола; 2, *чашникъ* наблюдалъ за добротою царскихъ напитковъ; 3, *постельничій* за государевою опочивальнею; 4, *стряпчіе* имѣли въ своемъ вѣдѣніи царскую шапку, рукавицы, посохъ и проч.; 5, *стряпчіе съ ключемъ* держали ключъ отъ царскихъ покоевъ; 6, *рынды* стояли обыкновенно близъ трона во время торжественныхъ случаевъ. — Лица, неисправлявшія при дворѣ опредѣленной должности, служившія отчасти стражею и во время похода составлявшія собственный царскій полкъ, имѣли званіе *стольниковъ*. При торжественныхъ пиршествахъ, они ставили на царскій столъ кушанья и снимали ихъ; угощали пословъ; сопутствовали государю во время путешествій и походовъ; многіе сверхъ того назначались въ разныя гражданскія и военныя должности, воеводами въ города, начальниками отрядовъ, посланниками, гонцами и проч. Наконецъ при дворѣ находилось множество *дворянъ* и *жильцовъ*, людей благороднаго званія, присылаемыхъ изъ городовъ поочередно, для охраненія особы государя, для большей пышности двора и для исправленія разныхъ должностей.

Пышность Русскаго двора болѣе всего обнаруживалась при торжественномъ пріемѣ пословъ иноземныхъ. Дворецъ наполнялся, кромѣ царедворцевъ, государственными сановниками. Всѣ они являлись въ богатыхъ парчевыхъ и бархатныхъ кафтанахъ, въ высокихъ собольихъ и чернолисьихъ шапкахъ. Нерѣдко присутствовало высшее духовенство и

почетное купечество. Царь сидѣлъ на серебряномъ тронѣ, въ одеждѣ, облитой золотомъ, унизанной драгоцѣнными каменьями, съ короною на головѣ, съ скипетромъ въ одной рукѣ, съ державою въ другой. По сторонамъ его стояли рынды, въ бѣлыхъ атласныхъ кафтанахъ, высокихъ шапкахъ, съ золотыми на груди цѣпями, висящими крестообразно, съ сѣкирами на плечѣ. Вдали отъ трона, по обѣимъ сторонамъ пріемной палаты, сидѣли патріархъ, митрополиты, архіепископы, бояре и другіе знатные сановники. Посолъ долженъ былъ нѣсколько разъ кланяться и, привѣтствуя государя, неоднократно повторять весь царскій титулъ. По окончаніи аудіенціи, онъ былъ угощаемъ во дворцѣ (или на дворѣ посольскомъ) роскошнымъ пиромъ, который часто продолжался отъ полудня до вечера. Обиліе яствъ и напитковъ, груды серебра и золота, блестящій нарядъ царедворцевъ, торжественность, съ которою государь угощалъ, все приводило иностранцевъ въ изумленіе.

Великій князь Литовскій

Въ Литовскомъ княжествѣ, при первомъ образованіи его Гедиминомъ, Ольгердомъ и Витолдомъ, верховная власть законодательная, правительственная и судебная, сосредоточивалась такъ же, какъ и въ Московскомъ государствѣ, въ одномъ лицѣ великаго князя, имѣвшаго неограниченное право мира и войны, суда и расправы, награжденія и наказанія. Со времени несчастнаго союза съ Польшею, дѣла приняли иной оборотъ. — Когда Ягелло вступилъ на престолъ Пястовъ, въ Польскомъ королевствѣ обнаружились всѣ признаки грядущаго безначалія : магнаты уже предписывали условія королю и присвоили себѣ многія изъ правъ его. Ягелло не только не думалъ объ усиленіи королевской власти, къ чему тогда стремились всѣ Европейскіе государи, но и въ наслѣдственномъ княжествѣ вводилъ Польскій образъ правленія. Къ этому странному поступку побуждали его два главныя обстоятельства : ревность къ обращенію Русскаго народа, ему подвластнаго, въ Латинскую вѣру и стараніе удержать Литовское княжество, отторгаемое Витолдомъ и Свитригайломъ, за своимъ родомъ. Для достиженія той и другой цѣли, онъ старался уравнять оба народа во всѣхъ правахъ гражданскихъ. Первый шагъ былъ сдѣланъ : преемники его уже не въ силахъ были удержать порывовъ безначалія. Все, что отнимали у короля Поляки, распространялось и на Литовское княжество : Поляки же не знали

мѣры необузданному своеволію, и хотя Литовскіе чины нерѣдко чуждались заносимыхъ изъ Польши нововведеній, несогласныхъ съ Русскимъ характеромъ, съ Русскимъ образомъ мыслей, въ особенности съ Русскими понятіями о необходимости самодержавія; но Польскій сенатъ постоянно былъ вѣренъ правилу уравнивать оба народа, чтобы тѣмъ крѣпче соединить ихъ. Отъ того Польская зараза распространялась и усиливалась въ Литовскомъ княжествѣ при каждомъ новомъ королѣ: ибо каждый потомокъ Ягелла упускалъ болѣе и болѣе королевскихъ правъ изъ рукъ своихъ. При Ягеллѣ начались сеймы изъ высшихъ сановниковъ свѣтскихъ и духовныхъ, для сужденія о дѣлахъ государственныхъ; при сынѣ его Казимирѣ установились сеймики, посылавшіе на общій сеймъ своихъ депутатовъ, изъ мелкаго дворянства, безъ согласія коихъ король не могъ ни на что важное рѣшиться; при Александрѣ, сынѣ Казимировомъ, дворянство захватило въ свои руки большую часть королевскихъ помѣстьевъ и лишило короля обильнаго источника силы; при Сигизмундѣ I оно уже спорило съ королемъ о правѣ войны и налога; при Сигизмундѣ Августѣ стало вмѣшиваться въ семейныя дѣла своего государя, съ угрозою требуя развода съ королевою; Генриху Валуа были предписаны многія условія, съ объявленіемъ, что если онъ не исполнитъ ихъ, Поляки вольны сложить съ себя подданство; Сигизмундъ III былъ судимъ сеймомъ, призналъ себя виновнымъ и, положивъ начало конфедераціямъ или возстанію дворянства противъ короля и сената, велъ съ ними войны и заключалъ договоры, какъ съ сосѣдними державами; наконецъ при Янѣ Казимирѣ получило силу закона liberum veto, или право каждаго сеймоваго депутата уничтожать постановленіе цѣлаго сейма однимъ словомъ: *не позволяю*. Послѣ такихъ ударовъ, власть королевская разрознилась, ослабѣла и къ концу XVII вѣка совершенно изнемогла. Король сталъ не верховнымъ повелителемъ, въ коемъ сосредоточивались бы всѣ пружины власти, какъ было прежде, а высшимъ сановникомъ, коему подданные предписывали законы даже въ семейной жизни его. Утративъ право издавать законы, судить преступленія, распоряжать и господствовать, онъ отличался отъ подданныхъ только тѣмъ, что, по древнему обыкновенію, имѣлъ королевскій титулъ, вступая на престолъ, совершалъ обрядъ коронованія, окружалъ себя многочисленнымъ дворомъ, предсѣдательствовалъ въ сенатѣ,

раздавалъ званія и награды, отъ своего имени обнародовалъ законы, вообще сохранялъ наружные признаки верховной власти; но существенныхъ, королевскихъ правъ ея не имѣлъ: они были у него исторгнуты и достались отчасти сейму, отчасти сенату, еще болѣе дворянству. Въ Польшѣ не было средоточія, которое находимъ и въ республикахъ; тамъ все было въ раздорѣ и разладѣ: даже королевы постоянно спорили съ королями.

Одною изъ главныхъ причинъ ослабленія королевской власти былъ безпорядокъ въ престолонаслѣдіи. Уже при Ягеллѣ было принято за правило, что король при жизни своей не можетъ назначить себѣ преемника и что государственные чины изберутъ изъ его фамиліи достойнѣйшаго. Такое правило влекло за собою множество неустройствъ; по крайней мѣрѣ еще знали, гдѣ искать новаго короля. По пресѣченіи же династіи Ягеллоновой, послѣдняя надежда на лучшее престолонаслѣдіе исчезла: Поляки стали избирать королей изъ разныхъ домовъ чужеземныхъ, скликали кандидатовъ, предлагали имъ условія, раздѣлялись на партіи, ссорились и нерѣдко рѣшали свои споры саблями, дозволяя въ тоже время вмѣшиваться въ свои дѣла иноземцамъ.

Ничто не можетъ сравниться съ тѣми бѣдствіями, которыя испытало вмѣстѣ съ Польшею Литовское княжество, съ постепеннымъ ослабленіемъ верховной власти. Законъ былъ безсиленъ: ибо некому было охранять святость его. Каждый шляхтичъ считалъ себя въ правѣ издавать и отвергать законы. Нельзя однакожъ не замѣтить, что Литовско-Русскіе чины, только по сцѣпленію многихъ запутанныхъ обстоятельствъ, допустили противъ воли водвориться въ ихъ отечествѣ Польскому безначалію: нѣсколько разъ, какъ уже неоднократно мы видѣли, они старались разорвать тягостный союзъ съ Польшею, поручая судьбу свою Московскимъ государямъ.

II. ЦЕРКОВЬ *.

Церковь установилась въ нашемъ отечествѣ на прочномъ основаніи, въ стройномъ видѣ, вскорѣ по введеніи христіанства въ Русскую землю. Въ Византіи, откуда мы заим- Установленіе

* Амвросій. Исторія Россійской іерархіи. 6 ч. М. 1810 — 1822. — Евгеній. Описаніе Кіево-Софійскаго собора и Кіевской іерархіи. К. 1825. — Филаретъ, епис. Рижскій. Исторія Русской церкви. 1848.

ствовали св. вѣру, церковное устройство вполнѣ было опредѣлено задолго до крещенія Руси: главные вопросы, такъ часто и такъ продолжительно колебавшіе умы на западѣ, о догматахъ и обрядахъ, о правахъ и обязанностяхъ духовенства, объ отношеніяхъ его къ міру и верховной власти, на востокѣ, въ Византіи, давно были рѣшены св. отцами, исполненными глубокаго смысла, истиннаго благочестія. Мы приняли церковь въ прекрасномъ образѣ, какъ благодать Неба, какъ мирную наставницу, кроткую въ душѣ, понятную уму и сердцу, съ величественнымъ глаголомъ Славянскимъ: мы встрѣтили ее радостно и полюбили, какъ мать родную.

Въ первоначальномъ видѣ, она установилась по образцу Византійской. Греческіе святители принесли намъ свои догматы и обряды, ввели торжественное велелѣпіе Богослуженія, образовали іерархію; въ послѣдствіи сообщили уставы монастырскіе и Кормчую книгу или собраніе правилъ св. отцевъ и соборовъ по дѣламъ церковнымъ. Единовѣріе и единомысліе поддерживалось особенно тѣмъ, что митрополиты всея Руси и епископы, до конца XIII вѣка, были большею частію Греки [1]. При такомъ образованіи, церковь наша составляла нераздѣльную часть православной вселенской, и Русь считалась въ числѣ екзархій, подвластныхъ Византійскому патріарху, который сосредоточивалъ въ своемъ лицѣ верховную власть духовнаго суда, разрѣшалъ недоумѣнія и посвящалъ митрополитовъ. При всемъ томъ Россійская церковь была болѣе въ союзѣ съ Византійскою, чѣмъ въ зависимости. Три обстоятельства, опредѣленныя при самомъ началѣ, утверждали ея самостоятельность: 1, патріархъ могъ назначить и посвятить митрополита не иначе, какъ съ согласія великаго князя; 2, не вмѣшивался въ дѣла нашей церкви, если мы не обращались къ его суду; 3, Русскіе епископы имѣли право посвятить митрополита, избраннаго великимъ княземъ, не требуя согласія патріаршаго. Сами Византійскіе первосвятители признавали самостоятельность нашего митрополита, присылая къ нему грамматы не за восковою печатью, а за свинцовою: эту честь они оказывали только владѣтельнымъ особамъ.

...сское духовенство.

Такимъ образомъ первосвятителемъ Россійской церкви, въ

1. По счету митрополита Евгенія, до перенесенія митрополіи изъ Кіева во Владиміръ на Клязмѣ въ 1299 году, было у насъ 25 митрополитовъ: въ томъ числѣ Грековъ 18, Русскихъ 5, неизвѣстныхъ 2.

точномъ значеніи слова, былъ митрополитъ Кіевскій и всея Руси. Онъ завѣдывалъ общими дѣлами, наблюдалъ за чистотою вѣры, за точнымъ исполненіемъ уставовъ, посвящалъ епископовъ и только въ особенныхъ случаяхъ обращался къ суду Византійскаго патріарха. Вторую степень послѣ него занимали епископы, управлявшіе дѣлами своихъ епархій, которыхъ въ началѣ было 6: Кіевская, Новгородская, Ростовская, Владимірская на Волыни, Бѣлгородская и Черниговская. Епископы были избираемы князьями съ епархіальнымъ духовенствомъ; посвящались митрополитомъ и вмѣстѣ съ нимъ составляли освященный соборъ. Подвѣдомственное имъ духовенство раздѣлялось также по образцу Византійскому, только съ меньшимъ числомъ степеней и сановниковъ.

Первые князья Христіанскіе даровали духовенству важныя преимущества, содѣйствовавшія прочному утвержденію церкви: со времень Владиміра св. и Ярослава, оно имѣло свой судъ, независимый отъ свѣтскаго; пользовалось всѣми доходами съ данныхъ ему земель; не платило податей и налоговъ; имѣло право разбирать преступленія противъ вѣры и благонравія, семейственные союзы; наблюдало наконецъ за торговыми мѣрами и вѣсами. Руководствомъ по управленію дѣлъ церковныхъ была принята Кормчая книга, дополненная постановленіями соборовъ, бывшихъ въ Россіи.

Заключая въ самомъ началѣ всѣ условія благоустроеннаго общества, гдѣ каждый членъ имѣлъ опредѣленный кругъ, гдѣ все было въ тѣсномъ союзѣ и, при строгой подчиненности, сосредоточивалось къ одной цѣли, Русское духовенство находилось въ самыхъ благопріятныхъ отношеніяхъ къ верховной власти и къ міру. Митрополиты и епископы, зная свои права и обязанности, такъ хорошо опредѣленныя въ Византіи, болѣе всего заботились о православіи народномъ, о чистотѣ св. вѣры, о неизмѣняемости уставовъ, о строеніи церкви, и только по желанію, по призыву князей, принимали участіе въ дѣлахъ государственныхъ. Въ двухъ единственно случаяхъ они выходили на сцену міра и всегда къ чести своего сана: они являлись или умными совѣтниками государей, или кроткими миротворцами въ княжескихъ распряхъ, и никогда не спорили о предѣлахъ власти свѣтской и духовной: ибо одна не сталкивалась съ другою. Брани удѣльныя не могли разъединить церкви или поставить ее въ разладъ съ властію: подъ громомъ междоусобій она наслаждалась тишиною, принимала въ свои нѣдра людей, утом- Отношенія власти верховной.

ленныхъ распрями, и нерѣдко мирила озлобленныхъ родственниковъ. Еще болѣе услугъ оказала церковь государямъ и отечеству, еще тѣснѣе соединилась съ обществомъ, во время Монгольскаго владычества. Ханы Золотой орды, понимая всю важность духовенства, оказывали ему явное уваженіе, въ надеждѣ склонить его на свою сторону, чтобы тѣмъ спокойнѣе господствовать надъ Русью : служители церкви были избавлены отъ податей и разныхъ повинностей; земли ихъ отъ оброка. Эта мѣра только содѣйствовала размноженію духовнаго сословія и усиливала его вліяніе на дѣла міра, ко вреду Монголовъ. Во всѣхъ концахъ Руси возникли монастыри; уже при самомъ введеніи Христіанской вѣры, составились братства изъ благочестивыхъ отшельниковъ, возненавидѣвшихъ суету міра и устроившихъ обители по уставу Студійскаго монастыря; внутреннія междоусобія размножили эти братства; при Монголахъ число ихъ увеличилось [1]. Иноки, воспламеняемые благочестивою ревностію, ободряли унывшій народъ, поддерживали духъ крѣпости и мужества, смотрѣли на Монголовъ, какъ на злодѣевъ Русской земли, вписывали въ хартіи бѣдствія отечества на память вѣкамъ, и между тѣмъ, какъ святители всѣми силами поддерживали родившуюся въ умѣ Іоанна Калиты мысль о единодержавіи, они, при первой борьбѣ съ Монголами, благословляли народъ на брань священную.

ношенія къ міру.

Столь же благодѣтельны были отношенія Россійской церкви къ міру : чуждая духа нетерпимости, она исподоволь, мѣрами кротости и убѣжденія, разливала свѣтъ религіи во всѣхъ странахъ, гдѣ Русскіе князья утверждали власть свою, и принимала подъ кровъ свой покоренныхъ язычниковъ безъ трудной борьбы, безъ насилія. Такъ крещена была страна Суздальская и Пермская, первая при Юріи Долгорукомъ, вторая при Димитріи Донскомъ [2]; въ той и другой возни-

1. Древнѣйшими монастырями, основанными при первыхъ князьяхъ Христіанскихъ, считаются: Кіевовыдубицкій, Кіевозлатоверхомихайловскій, Кіевопечерская лавра, Юрьевъ Новгородскій и Новоторжскій : они возникли въ XI ст ; въ XII основанъ 41 монастырь, въ томъ числѣ Антоніевъ Новгородскій, Авраміевъ Смоленскій, Боголюбовъ Владимірскій, Хутынь Новгородскій: въ XIII, 22, между прочими Великоустюжскій, Отрочъ, Даниловъ, Богоявленскій Московскій; въ XIV. 80, въ томъ числѣ Святогорскій Псковской, Валаамскій, Ипатьевъ, Троицкая Сергіева лавра, Евфиміевъ Суздальскій, Андроніевъ, Борисоглѣбскій, Ростовскій, Чудовъ, Симоновъ, Савинъ Сторожевскій, Кириллобѣлозерскій, Макаріевъ Желтоводскій; въ XV, 70, въ томъ числѣ Лужецкій, Соловецкій, Важецкій, Колязинъ, Печерскій, Псковской, Волоколамскій.

2. Просвѣтителемъ земли Пермской былъ юный монахъ, родомъ изъ Устюга, именемъ Стефанъ. Воспламененный ревностью къ обращенію идолопоклонниковъ, онъ выучился языку Пермскому, изобрѣлъ для него азбуку, перевелъ главныя книги церковныя, и съ Евангельскою проповѣдью явился среди грубыхъ язычниковъ. Пермяне слушали его съ изумленіемъ и крестились тысячами. Тщетно кудесники или жрецы старались вооружить противъ него народъ : Стефанъ кротостію, умомъ и смиреніемъ заслужилъ общую любовь и довѣренность. Идолы были вездѣ

кали храмы прежде, чѣмъ появлялись города и села. Міряне видѣли въ служителяхъ церкви людей благочестивыхъ, незараженныхъ ни духомъ любостяжанія, ни жестокимъ фанатизмомъ, говорившихъ языкомъ понятнымъ и нечуждыхъ общества, съ которымъ они соединялись узами родства кровнаго : бракъ былъ непремѣннымъ условіемъ бѣлаго духовенства. Кромѣ того, міряне находили въ пастыряхъ разумныхъ совѣтниковъ : при постоянныхъ сношеніяхъ съ Византіею, духовенство обладало многими, весьма важными для того времени, свѣдѣніями : знало силу цѣлебныхъ травъ, занималось врачеваніемъ, могло разрѣшать вопросы людей любопытныхъ о чуждыхъ странахъ, о необыкновенныхъ явленіяхъ природы и о дѣлахъ старины отдаленной.

Раздѣленіе іерархіи.

Четыре вѣка съ половиною устроивалась наша церковь, представляя утѣшительное явленіе : извнѣ она была спокойна, огражденная крѣпкою властію князей отъ излишнихъ притязаній Византійскихъ патріарховъ, тѣмъ менѣе доступная Римскому папѣ, уважаемая самими Монголами; внутри наслаждалась глубокою тишиною : ее не возмущали ни секты, ни споры духовной власти съ мірскою, ни даже богословскія пренія, свойственныя Греческому духовенству, несродныя Русскому, которое всегда ихъ чуждалось. Іерархія наша образовала общество благоустроенное, покорное верховной власти, крѣпкое и нераздѣльное по составу своему.

Въ такомъ положеніи была наша церковь, когда Русь раздѣлилась на двѣ системы, на восточную и западную. Съ постепеннымъ образованіемъ двухъ самостоятельныхъ государствъ, возникли двѣ независимыя одна отъ другой митрополіи, Московская и Кіевская. Начало раздѣленію іерархіи положено при митрополитѣ Фотіи въ 1416 году, когда Витолдъ принудилъ епископовъ западной Руси избрать въ Кіевскіе митрополиты Григорія Цимвлака; послѣ Флорентійскаго собора раздѣленіе утвердилось [1]. Съ тѣхъ поръ церковь испытала туже участь, какую имѣли всѣ элементы Русской жизни : въ Московскомъ государствѣ, неуклонно слѣдуя первоначальному назначенію своему, она еще теснѣе прежняго

разрушены; кумирницы преданы огню; мѣсто ихъ заступили св. храмы. Возведенный въ санъ Пермскаго епископа, Стефанъ довершилъ свое великое дѣло и оставилъ въ народѣ благодарное о себѣ воспоминаніе. Онъ скончался въ 1396 году и причтенъ церковью къ лику святыхъ.

1. Къ Московской митрополіи въ началѣ раздѣленія іерархіи причислялись епископства : Новгородское, Черниговское, Суздальское, Ростовское, Владимірское, Переяславское, Бѣлгородское, Юрьевское, Рязанское, Тверское, Сарское или Сарайское.

соединилась съ обществомъ и получила лучшее устройство, припаровленное къ потребностямъ вѣка и народа, не измѣнивъ главнымъ основаніямъ своимъ; въ Литовскомъ княжествѣ, поставленная въ невыгодныя отношенія къ міру и верховной власти, она испытала жестокое гоненіе подъ игомъ иновѣрцевъ.

Митрополія Московская.

Московскіе государи весьма хорошо понимали все, чѣмъ обязана была Русь св. вѣрѣ: они помнили, что церковь спасла самобытность народную, что въ нѣдрахъ ея являлись великіе мужи, которые облегчали отечеству цѣпи рабства, поддерживали единовластіе и служили для мірянъ примѣромъ доброй нравственности. Видя въ церкви священный залогъ бытія народнаго, главный источникъ общественнаго благоустройства и образованія, они старались поставить ее на высокую степень, жаловали духовенству всѣ возможныя льготы, въ тоже время строго смотрѣли за порядкомъ церковнаго управленія, за чистотою вѣры, и тщательно берегли свое право на власть самодержавную, неограниченную.

Государи изъ дома Іоанна Калиты подтвердили духовенству всѣ прежнія права его и увеличили ихъ новыми значительными преимуществами. Митрополиты стали дѣятельнѣе прежняго участвовать совѣтами въ дѣлахъ государственныхъ; благочестивые цари наши не предпринимали ничего важнаго, не спросивъ мнѣнія первосвятителя, имѣя впрочемъ право согласиться съ нимъ и не согласиться. Это участіе обнаружилось при Іоаннѣ Калитѣ, въ особенности при Іоаннѣ II, усилилось при Іоаннѣ III и достигло высшей степени при Іоаннѣ IV, когда митрополитъ Филиппъ убѣждалъ государя отмѣнить опричнину. Съ постепеннымъ возвышеніемъ святительскаго сана, ослабѣвала зависимость митрополита отъ Византійскаго патріарха, частію въ слѣдствіе политики государей Московскихъ, нетерпѣвшихъ чуждаго вмѣшательства въ свои дѣла, частію въ слѣдствіе неустройствъ, порожденныхъ въ Греціи Флорентійскимъ соборомъ. Наконецъ, послѣ завоеванія Турками Царяграда, митрополитъ уже не испрашивалъ патріаршаго утвержденія и былъ посвящаемъ Рускими епископами.

Занявъ высшее мѣсто въ ряду государственныхъ сановниковъ, митрополитъ, на основаніи дарованныхъ ему граматъ государями изъ дома Іоанна Калиты, управлялъ обширными помѣстьями своими независимо отъ свѣтскихъ властей, назначалъ подати и налоги, имѣлъ своихъ бояръ, на-

мѣстниковъ, тіуновъ, стольниковъ, дворянъ и другихъ сановниковъ. Въ судъ его никто не вмѣшивался. Соразмѣрныя преимущества получило и прочее духовенство. Многимъ монастырямъ и соборамъ пожалованы были государями несудимыя и тарханныя грамматы: первыя давали имъ право независимаго суда и управленія въ монастырскихъ земляхъ; вторыя освобождали ихъ отъ разныхъ повинностей, налоговъ, пошлинъ и проч. При такомъ устройствѣ церковнаго управленія, духовенство въ XVI столѣтіи обладало несмѣтными богатствами, имѣло въ своихъ рукахъ обширныя помѣстья и могло выставить цѣлые полки для царской службы.

Не взирая однакожъ на всѣ сіи преимущества, на право самостоятельнаго суда, на изъятіе отъ большей части общественныхъ повинностей, духовенство оставалось по прежнему въ безусловной зависимости отъ власти самодержавной: только государь могъ назначить, по собственному выбору, митрополита и другихъ святителей; только его согласіе давало силу несудимымъ, тарханнымъ и помѣстнымъ грамматамъ; каждый царь имѣлъ неотъемлемое право подтвердить ихъ или уничтожить; такъ при Іоаннѣ IV установлено было закономъ, что монастыри не должны болѣе увеличивать свои помѣстья и укрѣплять за собою безъ царскаго указа новыя земли, если даже онѣ будутъ отказаны духовными завѣщаніями частныхъ лицъ. Въ случаѣ несогласія между свѣтскимъ и духовнымъ вѣдомствомъ, государь рѣшалъ дѣло по своему усмотрѣнію. Однимъ словомъ онъ былъ, какъ и прежде, верховнымъ судіею, законодателемъ, правителемъ.

Патріархъ.

Учрежденіе патріаршаго престола въ Москвѣ, при послѣднемъ потомкѣ Іоанна Калиты, Θеодорѣ Іоанновичѣ, не измѣнило отношеній церкви ни къ міру, ни къ верховной власти. Патріархъ отличался отъ митрополита только высшимъ званіемъ по чину духовной іерархіи, съ большею торжественностію былъ посвящаемъ, священнодѣйствовалъ съ нѣкоторыми отмѣнами и, какъ равный Греческимъ патріархамъ первосвятитель, управлялъ въ полной отъ нихъ независимости дѣлами Россійской церкви. Кромѣ того, вмѣстѣ съ новымъ саномъ, учреждены четыре митрополіи, Новгородская, Казанская, Ростовская, Сарская, шесть архіепископствъ и восемь епископствъ. Церковь получила болѣе блеска, болѣе опредѣлительности въ отношеніяхъ святителей; но по внутреннему составу оставалась въ прежнемъ видѣ. Патріархъ былъ назна-

чаемъ единственно волею государя, имѣлъ всѣ права и обязанности прежняго митрополита, пользовался несудимою грамматою, какъ царскою милостію, не вмѣшивался безъ воли самодержца въ дѣла гражданскія и самъ подлежалъ отвѣтственности.

Патріархи управляли Россійскою церковью съ небольшимъ сто лѣтъ, съ 1589 года по 1700. Ихъ было 10, въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) Іовъ при Θеодорѣ Іоанновичѣ и Борисѣ Годуновѣ; 2) Ермогенъ при Василіи Шуйскомъ и во время междуцарствія; 3) Филаретъ и 4) Іоасафъ I при Михаилѣ Θеодоровичѣ; 5) Іосифъ, 6) Никонъ, 7) Іосафъ II и 8) Питиримъ при Алексѣѣ Михайловичѣ; 9) Іоакимъ и 10) Адріанъ при Θеодорѣ Алексѣевичѣ и Петрѣ Великомъ. Святительство патріарховъ ознаменовано постоянною заботливостію о церковномъ устройствѣ, въ слѣдствіе живой, ясной мысли, пробудившейся съ восшествіемъ на престолъ дома Романовыхъ, о необходимости лучшаго порядка по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія. Церковь наша, имѣя чистыя начала, не допускала въ свои нѣдра значительныхъ безпорядковъ; но по вліянію разныхъ обстоятельствъ, неустройства были неизбѣжны: многое, что приносило пользу Московскому княжеству въ XIV и XV вѣкѣ, напримѣръ увеличеніе монастырскихъ помѣстьевъ, оказалось неудобнымъ для Русскаго царства въ XVII столѣтіи; вкрались сверхъ того злоупотребленія, порожденныя невѣжествомъ. Въ стремленіи патріарховъ къ церковному устройству обнаружился въ полномъ блескѣ кроткій характеръ нашего духовенства, столь несходный съ характеромъ Латинскаго: когда папы, вопреки очевидной невозможности, упорствовали въ старинныхъ предразсудкахъ, шли наперекоръ вѣку и воспламеняли въ Европѣ кровавыя войны, наши благочестивые іерархи, большею частію по собственному побужденію, упреждали время, видѣли все, что было вредно, сознавали необходимость перемѣнъ, даже отказывались отъ многихъ преимуществъ, уступая ихъ міру, и ревностно содѣйствовали, по крайней мѣрѣ не прекословили стараніямъ государей о благоустройствѣ общественномъ. При нихъ изданы многія постановленія о церковномъ благочиніи; низшее духовенство поручено строгому надзору епископовъ и благочинныхъ; отмѣнены тарханныя грамматы, которыми пользовались монастыри, въ подрывъ государственной казнѣ и промышленности; подтверждены указы Іоанна Грознаго о неувеличиваніи церковныхъ земель; исправлены служебныя книги; введено въ церквахъ

согласное пѣніе; опредѣлены ясно права патріарха, обязанности его, отношенія къ духовенству и къ верховной власти, наконецъ для образованія достойныхъ служителей церкви учреждена въ Москвѣ духовная академія, подъ названіемъ Славяно-Греко-Латинской. Такимъ образомъ сохранивъ во всей чистотѣ догматы св. вѣры, получивъ опредѣленное устройство, слившись съ народною жизнію, церковь наша исполнила свое назначеніе и мирно управляла совѣстью людей, ободряя народъ въ годины несчастія, возвышая и укрѣпляя духъ его вѣрою въ Провидѣніе, усердіемъ къ престолу.

При чистотѣ началъ, при опредѣлительности отношеній, при непоколебимости уставовъ, церковь наша не представляла повода къ соблазну, и крѣпкая собственною силою, безъ труда уничтожала всѣ, неизбѣжные въ обществахъ, замыслы людей злонамѣренныхъ или суевѣрныхъ, старавшихся потревожить ея спокойствіе. Такъ въ правленіе Димитрія Донскаго открылась въ Новгородѣ секта *Стригольниковъ*, основателемъ коей былъ какой то изувѣръ Карпъ Стригольникъ: онъ утверждалъ, что іереи, поставляемые, по тогдашнему обыкновенію, съ нѣкоторою платою, недостойны своего сана, и что истинные христіане должны ихъ удаляться. Многіе повѣрили ему и въ Новгородѣ произошло волненіе: раздраженный народъ утопилъ Стригольника въ Волховѣ; секта его тѣмъ болѣе усилилась. Димитрій спѣшилъ извѣстить о томъ патріарха Цареградскаго: патріархъ совѣтовалъ не употреблять насилія и искоренить зло однимъ убѣжденіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, посланный великимъ княземъ въ Новгородъ, Суздальскій архіепископъ Діонисій безъ труда успокоилъ совѣсть людей простодушныхъ, доказавъ, что плата, опредѣленная закономъ, не есть лихоимство, и примирилъ ихъ съ церковью. Ересь пресѣклась въ самомъ началѣ. Секты.

При Іоаннѣ III обнаружилось зло другаго рода, и также въ Новгородѣ. Еврей Схаріа, хитрый врагъ Христіанства, успѣлъ обольстить людей слабоумныхъ, даже изъ духовнаго званія, Іудейскою каббалою, наукою плѣнительною для невѣждъ, основанною будто бы на преданіяхъ Моисеевыхъ, на книгѣ, полученной Адамомъ отъ Бога, на искусствѣ изъяснять сновидѣнія, угадывать будущее, и нашелъ многочисленныхъ послѣдователей, въ самой Москвѣ, даже при дворѣ великаго князя. Онъ дѣйствовалъ тѣмъ успѣшнѣе, что

немногимъ была извѣстна главная цѣль его ученія поколебать Христіанство въ самомъ источникѣ. Но какъ скоро эта цѣль обнаружилась усердіемъ Новгородскаго архіепископа Геннадія и св. Іосифа Волоцкаго, Іоаннъ принялъ свои мѣры : соборъ, по волѣ его, предалъ ересь проклятію, а виновниковъ ея осудилъ на заточеніе. Въ концѣ жизни его, она вновь открылась; государь рѣшился быть строгимъ : главные преступники были сожжены всенародно. Съ тѣхъ поръ жидовская ересь не возобновлялась, не столько отъ строгости великаго князя, сколько отъ нелѣпости самаго соблазна.

Были и другіе случаи, менѣе замѣчательные. Всѣ они имѣли столь слабое основаніе, что не могли породить никакой секты, и если лѣтописцы представляютъ ихъ въ видѣ опаснаго раскола, то это должно приписать единственно пламенному усердію нашего духовенства къ вѣрѣ чистой : самый ничтожный случай воспламенялъ его благочестивую ревность. По крайней мѣрѣ достовѣрно, что никакой расколъ не колебалъ церкви въ Московскомъ государствѣ до половины XVII вѣка, когда возникла секта *старовѣровъ*, начавшаяся при патріархѣ Никонѣ, усилившаяся въ концѣ XVII столѣтія, неискорененная и донынѣ. Она родилась отъ стеченія многихъ, совершенно постороннихъ для церкви обстоятельствъ. Въ характерѣ нашихъ предковъ было вообще замѣтно уклоненіе отъ всякой новизны, какъ вредной, такъ и полезной : они хотѣли жить и думать, какъ жили и думали отцы и дѣды; умѣли цѣнить новое, иноземное; но лучше желали остаться при своемъ, при старомъ. Такой образъ мыслей съ одной стороны былъ источникомъ многихъ благородныхъ дѣяній, съ другой стороны пораждалъ закоснѣлость ума и благопріятствовалъ предразсудкамъ. Всякое новое учрежденіе въ церкви должно было потревожить совѣсть людей простодушныхъ : такъ и случилось. Патріархъ Никонъ, признавъ необходимость исправить напечатанныя при его предшественникѣ, Іосифѣ, служебныя книги, и приступивъ къ дѣлу, при пособіи многихъ ученыхъ иноземцевъ, призванныхъ изъ Греціи, даже изъ Литовскаго княжества, гдѣ уже господствовала Унія, возбудилъ противъ себя сильный ропотъ; личная ненависть прежнихъ издателей книгъ содѣйствовала къ умноженію числа недовольныхъ; наконецъ введеніе живописныхъ иконъ и нѣкоторыя другія перемѣны дали поводъ людямъ злонамѣреннымъ вооружить закоснѣлыхъ въ предразсудкахъ сперва противъ Никона, потомъ

противъ всего духовенства. Излишняя строгость къ пресѣченію зла довершила остальное: образовалась многочисленная секта старовѣровъ, раздѣлявшаяся на многіе толки. Всѣ они принимаютъ за основаніе, что службу должно совершать по книгамъ, напечатаннымъ прежде Никона, покланяться старымъ иконамъ, креститься двумя перстами, имя Спасителя писать Ісусъ, вмѣсто Іисусъ, и проч. сверхъ того каждый толкъ имѣетъ еще свои правила. Сначала старовѣры скрывались въ скитахъ, въ глуши лѣсовъ, потомъ появились въ селахъ и городахъ, наконецъ въ самой Москвѣ, и при царевнѣ Софіи произвели сильное волненіе. Сколь ни бѣдственно было зло, сколь ни пагубны плоды его, но стоитъ только вникнуть въ основанія, чтобы убѣдиться, какъ нелѣпо заблужденіе и какъ легко оно должно исчезнуть само собою, съ постепеннымъ развитіемъ ума: нигдѣ здравый смыслъ такъ не благопріятствуетъ церкви, какъ въ нашемъ отечествѣ; чѣмъ болѣе узнаемъ ее, тѣмъ болѣе чтимъ ея святость.

Виленская митрополія.

Иная была участь православной церкви въ западной Руси. Тамъ, со времени восшествія Ягелла на Польскій престолъ, начался непрерывный рядъ бѣдствій; настало гоненіе православной вѣры, сперва тайное, временное, потомъ съ конца XVI вѣка открытое, постоянное, систематическое. Слѣдствія были ужасны, равно вредны и для Литовскаго княжества и для Польши: обнаружился расколъ; возникли двѣ непримиримыя партіи; умы заразилъ фанатизмъ; запылали религіозныя войны; къ концу XVII вѣка правая сторона изнемогла; гонители взяли верхъ; но не успѣли искоренить вѣры чистой и приготовили горькую чашу своимъ дѣтямъ и внукамъ.

Началомъ бѣдствій православной церкви въ Литовскомъ княжествѣ было обращеніе Ягелла изъ политическихъ видовъ въ Латинскую вѣру; дѣти его и внуки, подобно ему, слѣпо преданные папѣ, не могли быть покровителями православія; правда великіе князья Литовскіе неоднократно издавали постановленія о свободѣ вѣроисповѣданія въ своемъ государствѣ [1]; но вопервыхъ, нерѣдко сами нарушали ихъ, устраняя некатоликовъ отъ занятія государственныхъ долж-

[1] Ягелло въ 1433 году; Казиміръ въ 1440; Александръ въ 1499; Сигизмундъ Августъ въ 1569; Генрихъ Валуа въ 1573; Стефанъ Баторій въ 1576; Сигизмундъ III въ 1587; Владиславъ IV въ 1633; Янъ Казиміръ въ 1649; Михаилъ Корыбутъ въ 1669; Янъ III Собѣскій въ 1676; Августъ II въ 1697.

постей; вовторыхъ, Латинское духовенство, пользуясь явнымъ предпочтеніемъ и покровительствомъ великихъ князей Литовскихъ, утѣсняло православіе, заводя свои монастыри, соблазняя народъ, основывая свои школы для воспитанія юношества; въ особенности усилилось оно послѣ Флорентійскаго собора, когда лжепатріархъ Исидоръ успѣлъ возвести на Кіевскую митрополію клеврета своего Григорія Болгарина. При такомъ затруднительномъ положеніи, мірскія выгоды не могли не поколебать людей слабодушныхъ, соблазняемыхъ кромѣ того Езуитами. Но всѣ старанія Римскаго двора до конца XVI столѣтія большею частію оставались безплодными: Флорентійское соединеніе было отвергнуто; послѣ Григорія Кіевскою митрополіею, въ теченіе 150 лѣтъ, управляли святители, избираемые православными епископами и утверждаемые Греческими патріархами. Духовенство вообще было вѣрно своему долгу и закону праотцевъ; дворянство и народъ, съ немногими исключеніями, были непоколебимы въ православіи. Знатнѣйшія фамиліи въ западной Руси и Литвѣ держались Греческаго закона [1]. Литовское княжество въ концѣ XVI вѣка состояло изъ 9 епархій; ими управляли православные епископы: 1) Владимірскій и Брестскій; 2) Луцкій и Острожскій; 3) Полоцкій и Витебскій; 4) Львовскій и Каменецъ-Подольскій; 5) Перемышльскій и Самборскій; 6) Хельмскій и Бѣльзскій; 7) Пинскій и Туровскій; 8) Кіевскій и 9) Могилевскій. Верховная власть церковнаго управленія сосредоточивалась въ особѣ митрополита, имѣвшаго со временъ Григорія Цимвлака свое пребываніе въ Вильнѣ, отчасти въ Новогродкѣ и Кіевѣ. Митрополитъ въ свою очередь подлежалъ суду Византійскаго патріарха. Догматы, обряды Богослуженія, церковныя правила, все оставалось неизмѣннымъ, какъ было прежде до раздѣленія Всероссійской іерархіи.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда возникла Унія. Встрѣченная всеобщимъ ропотомъ Русскаго народа, но поддерживаемая Польскимъ правительствомъ и Римскимъ дворомъ, въ особенности Езуитами, она быстро распростра-

1. Изъ князей: Вишневецкіе, Волынскіе, Головчинскіе, Друцкіе, Горскіе, Добровицкіе, Заславскіе, Збаражскіе, Корецкіе, Коширскіе, Крошинскіе, Луковскіе, Масальскіе, Огинскіе, Острожскіе, Полубенскіе, Пузины, Рожинскіе, Сангушки, Слуцкіе, Соколинскіе, Соломорецкіе, Чарторижскіе. Изъ дворянъ: Боговитины, Бокѣи, Бржовскіе, Воины, Воловичи, Вяжевичи, Гарабурды, Глѣбовичи, Горностаи, Гулевичи, Дорогостайскіе, Деревинскіе, Ермолинскіе, Загоровскіе, Зеновичи, Калиновскіе, Кирдѣевы, Киты, Кышки, Копецы, Корсаки, Кропивницкіе, Ложки, Мелешки, Мишковы, Обуховичи, Олизаревичи, Павловичи, Пацы, Поцеи, Сапѣги, Сосновскіе, Сѣмашки, Тышкѣвичи, Тризны, Халецкіе, Ходкѣвичи, Хрептовичи, Чолганскіе. Шишкевичи, Ярмолинскіе и многіе другіе.

нилась по Литовскому княжеству и произвела бѣдственный расколъ, ознаменованный ожесточеніемъ партій. Причины успѣховъ Уніи заключались не въ склонности къ ней народа, а въ мѣрахъ, коими Польское правительство ее распространяло.

Въ самомъ началѣ Сигизмундъ III употребилъ насиліе. Вопреки всеобщимъ жалобамъ благочестивыхъ на Михаила Рагозу, какъ на отступника, король поддержалъ его въ санѣ митрополита, изъявилъ милость сообщникамъ его, а по смерти Михаила, избралъ и утвердилъ преемникомъ его главнаго виновника раскола, Ипатія Поцея; между тѣмъ строго запретилъ въѣздъ въ Литовское княжество Греческимъ святителямъ, ловилъ ихъ, какъ самозванцевъ, и не дозволялъ избирать епископовъ православному духовенству, которое вскорѣ, по смерти Гедеона, осталось безъ пастыря, а по смерти Константина Острожскаго, потеряло и послѣдняго защитника. Вся надежда оставалась на единовѣрную Москву; но Москвѣ, терзаемой самозванцами, не время было думать о дѣлахъ Литовскихъ. Ободряемые Рагозою, Поцеемъ, Терлецкимъ, при явномъ покровительствѣ короля, при беззащитномъ положеніи противниковъ, Уніаты быстро увеличивали число своихъ приверженцевъ, надеждою мірскихъ выгодъ.

Въ послѣдствіи, когда возстала за вѣру праотцевъ Малороссія, Польское правительство, опасаясь встрѣтить подобный ропотъ въ другихъ областяхъ Литовскаго княжества, прекратило явное гоненіе и прибѣгло къ другимъ мѣрамъ. Эти мѣры въ XVII столѣтіи были приведены въ систему и постоянно руководствовали королями, сеймомъ, сенатомъ, Римскимъ духовенствомъ. Онѣ были слѣдующія: 1) на каждомъ почти сеймѣ разсуждали о бѣдствіяхъ раскола, порожденнаго Уніею, о необходимости примирить партіи, объ утѣсненіяхъ, которыя терпѣло православное духовенство, и нѣсколько разъ были издаваемы въ этомъ смыслѣ законы, которыми повелѣвалось прекратить всякаго рода насилія, даровать свободу вѣроисповѣданія и обезпечить гражданскія права благочестивыхъ [1]; но исполненіе сеймовыхъ конституцій откладывалось отъ одного сейма до другаго; между тѣмъ Уніаты и Езуиты дѣйствовали неутомимо. 2) Пользуясь явнымъ покровительствомъ королей, Уніаты, въ особен-

1. Таковы сеймовыя конституціи: 1607, 1609, 1618, 1620, 1627, 1631, 1632, 1633, 1635, 1641, 1647, 1648 и т. д.

ности перешедшіе въ Унію Латинскіе монахи для занятія мѣстъ епископскихъ, подъ разными предлогами, прибирали къ своимъ рукамъ богатѣйшіе монастыри и приходы; могли обѣщать тишину, богатства, почести своимъ послѣдователямъ; удѣломъ же православныхъ было постоянное, хотя скрытное, гоненіе; въ особенности терпѣло духовенство: священники были обвиняемы и судимы по ложнымъ доносамъ; подвергались позору и униженію, зависѣли отъ произвола Польскихъ помѣщиковъ, даже отъ Жидовъ, и лишенные всѣхъ средствъ къ образованію, впадая въ нищету и невѣжество, не могли имѣть вліянія на міранъ. 3) Но болѣе всего содѣйствовали успѣхамъ Уніи Езуиты: съ самаго начала XVII столѣтія они успѣли уничтожить всѣ почти школы, основанныя для образованія православнаго духовенства и дворянства, завели свои училища, гдѣ съ свойственнымъ искусствомъ внушали ненависть ко всему Русскому, любовь и уваженіе ко всему Польскому.

При такихъ мѣрахъ, къ концу XVII столѣтія, Уніаты не только утвердились въ Литовскомъ княжествѣ, но и приняли многіе обряды Латинскіе: на Брестскомъ соборѣ 1594 года положено было въ основаніе Флорентійское соединеніе съ тѣмъ, чтобы литургія совершалась по старинѣ, на Русскомъ языкѣ, чтобы всѣ догматы и обряды церковные остались неприкосновенными, чтобы въ избраніи и посвященіи митрополита и епископовъ папы не участвовали: вопреки сему, Уніаты съ каждымъ поколѣніемъ болѣе и болѣе отдалялись отъ православной церкви въ образѣ Богослуженія, въ обрядахъ, въ храмовыхъ украшеніяхъ; наконецъ стали требовать папскаго утвержденія своимъ епископамъ.

Все это жестоко волновало православную церковь въ Литовскомъ княжествѣ, постепенно уменьшая число сыновъ ея; самые ревностные изъ нихъ, терпя горе и униженіе, принимали Унію, дѣти ихъ и внуки вѣру Латинскую. Въ двухъ только пунктахъ поддерживалось благочестіе: въ Кіевѣ, гдѣ со временъ гетмана Сагайдачнаго, возобновленъ былъ санъ православнаго митрополита, и въ Могилевѣ, гдѣ также находился православный архіепископъ. Во всѣхъ прочихъ епархіяхъ епископами были Уніаты; правда и здѣсь низшіе классы народа большею частію не измѣняли закону предковъ; но подвластные иновѣрнымъ помѣщикамъ, поверженные Жидами въ нищету и невѣжество, они были слабою опорою православія.

III. СОСЛОВІЯ НАРОДНЫЯ.

Образовавъ гражданское общество, подъ вліяніемъ Христіанской вѣры и монархической власти, Русскій народъ уже въ первомъ составѣ своемъ заключалъ начала свойственнаго всѣмъ Европейскимъ народамъ раздѣленія на четыре главныя сословія: духовенство, дворянство, средній и низшій классы. Развитіе этихъ началъ совершилось однакожъ при другихъ обстоятельствахъ и произвело иныя слѣдствія. Самостоятельность Россійской церкви, соединенная съ зависимостію первосвятителя ея отъ государя, поставила духовенство въ другія отношенія къ міру; крѣпость монархической власти, при отсутствіи феодальной системы, дала иное направленіе дворянству и, по естественной связи, имѣла рѣшительное вліяніе на составъ средняго и низшаго класса.— Права и обязанности духовенства объяснены въ статьѣ о церкви; здѣсь обратимъ вниманіе на прочія три сословія. Дворянство.

Дворянство, въ смыслѣ благороднаго класса людей, служившихъ государю и отечеству въ разныхъ почетныхъ званіяхъ и пользовавшихся особенными преимуществами, существовало въ Русской землѣ искони. Оно было неминуемымъ слѣдствіемъ установленія монархической власти; лица, окружавшія князя, какъ исполнители воли его, какъ помощники въ управленіи государствомъ, становились на высшую степень, въ сравненіи съ другими подданными, и выходили изъ разряда простолюдиновъ: заслуги отца облагороживали сына, который съ отцовскимъ именемъ и достояніемъ, болѣе другихъ имѣлъ средства приблизиться къ престолу, пріобрѣталъ тоже или высшее званіе и передавалъ воспоминаніе семейныхъ заслугъ потомству, какъ родовую собственность. Такимъ образомъ наслѣдственное благородство установилось уже въ первые вѣки бытія Руси. На немъ основалось Русское дворянство.

Ядромъ нашего дворянства была княжеская *дружина*. Первоначально она состояла изъ Норманскихъ витязей, имѣвшихъ даже титулъ свѣтлыхъ князей, вѣроятно по ихъ происхожденію отъ Скандинавскихъ конунговъ, изъ Славянскихъ старѣйшинъ, или начальниковъ поколѣній, изъ лицъ, доказавшихъ государю свое усердіе, служившихъ ему умомъ и мечемъ. Подъ общимъ именемъ *мужей княжихъ*, они имѣ-

ли разныя званія: самымъ почетнымъ было боярское, которое *жаловалось* немногимъ за особенныя заслуги. Бояре исправляли важнѣйшія должности: были совѣтниками князя, предводительствовали войскомъ, управляли городами и областями, какъ полномочные намѣстники. Вторую степень послѣ нихъ занимали *отроки*, *мечники*, *гридни*, *тіуны*: они были тѣлохранителями государя, избранными воинами, составляли его дворъ, производили именемъ его судъ и исполняли всѣ его велѣнія. Владиміръ св. говорилъ, что серебромъ и золотомъ не добудешь дружины, а дружиною добудешь то и другое. Всѣ потомки его слѣдовали этому правилу: изъявляли своимъ боярамъ и другимъ ближнимъ людямъ особенное уваженіе, совѣтовались съ ними о всѣхъ дѣлахъ важныхъ, удѣляли имъ часть воинской добычи и щедро награждали ихъ преданность.

Въ послѣдствіи, съ постепеннымъ развитіемъ понятій о верховной власти, то, что составляло дружину, стало именоваться *дворомъ* (со временъ Андрея Боголюбскаго); титулъ свѣтлыхъ князей исчезъ, сдѣлавшись собственностію однихъ потомковъ Владиміра св. Отроки, гридни, мечники, получили общее названіе *дворянъ и слугъ* княжескихъ. Впрочемъ обязанности ихъ остались прежнія: они были въ одно время и царедворцами, и тѣлохранителями, и воинами своего государя; исправляли кромѣ того разныя должности гражданскія. Бояре сохранили свой санъ и по прежнему были первостепенными сановниками при дворѣ и на полѣ ратномъ. Каждый потомокъ Владиміра св. имѣлъ свой дворъ или своихъ бояръ и дворянъ, которыхъ избиралъ преимущественно изъ людей благородныхъ, доказавшихъ свое усердіе, и награждалъ ихъ заслуги отчасти пріобрѣтенною добычею, отчасти землями съ наслѣдственнымъ правомъ. И какъ удѣлы дробились съ каждымъ поколѣніемъ, то по мѣрѣ размноженія княжествъ, размножалось число бояръ и дворянъ. Рѣдкій городъ не имѣлъ ихъ: ибо почти каждый значительный городъ имѣлъ своего князя.

Между тѣмъ возникъ другой многочисленный классъ людей свободныхъ, благородныхъ происхожденіемъ, имѣвшихъ свои земли: то были *дѣти боярскіе*. По всей вѣроятности, первоначально такъ назывались потомки бояръ. Званіе боярское было столь почетно, что сыновья ихъ безъ сомнѣнія должны были гордиться своимъ происхожденіемъ, и какъ не всѣ могли получить мѣста при дворѣ, то имъ не остава-

лось болѣе другаго званія, кромѣ дѣтей боярскихъ; это званіе они передавали своимъ дѣтямъ, внукамъ и правнукамъ, вмѣстѣ съ отцовскимъ достояніемъ. Не имѣя опредѣленной должности, они вошли въ составъ помѣщиковъ, свободныхъ владѣльцевъ земли; сохранили однакожъ понятіе о томъ, чѣмъ были ихъ предки, считали себѣ за честь служить князю на полѣ брани, являлись подъ знамена его съ своими людьми и образовали въ нѣкоторомъ смыслѣ земское ополченіе, готовое вооружиться по первому требованію. Князья постигли всю важность этого сословія и старались его увеличить; для того включали въ число дѣтей боярскихъ и не потомковъ бояръ: т. е. давали земли людямъ способнымъ къ службѣ, съ обязанностію быть готовыми къ походу, и называли ихъ дѣтьми боярскими, потому, что это слово уже означало не потомковъ бояръ, а помѣстныхъ владѣльцевъ. Дѣти боярскіе стали имѣть доступъ ко двору и вошли въ сословіе дворянъ, хотя не всѣ преимущества были имъ предоставлены.

Князья Московскіе, по примѣру другихъ князей удѣльныхъ, имѣли своихъ бояръ, дворянъ и дѣтей боярскихъ. Съ постепеннымъ расширеніемъ ихъ княжества, увеличился и дворъ ихъ; въ составъ его вошли: дворяне и дѣти боярскіе князей удѣльныхъ, уступая въ преимуществѣ собственно Московскимъ; знатные выходцы иноземные, получившіе отъ государей земли на правѣ помѣстномъ; въ послѣдствіи всѣ потомки удѣльныхъ князей, отказавшихся отъ правъ владѣтельныхъ: они удержали большею частію титулъ княжескій, но не смѣли и думать о какихъ либо особенныхъ правахъ, и служили наравнѣ съ прочими подданными. Всѣ сіи лица образовали въ совокупности то, что мы привыкли называть дворянствомъ, хотя этого слова, въ нынѣшнемъ его значеніи, не было въ языкѣ нашихъ предковъ.

Русское дворянство могло гордиться своимъ началомъ: представляя благородное сословіе людей, происходившихъ отчасти отъ племени Владиміра св., отчасти отъ витязей, знаменитыхъ заслугами, или преданностію престолу, оно не уступало въ знатности рода ни одному Европейскому дворянству. Назначеніе, данное ему Московскими государями, еще болѣе увеличило его достоинство: Русскій дворянинъ былъ обязанъ непремѣнно служить государю и отечеству въ такомъ званіи, которое соотвѣтствовало старинному понятію о мужахъ княжіихъ, о княжеской дружинѣ. Ни въ одномъ

Европейскомъ государствѣ эта обязанность не была столь опредѣлительна и неизбѣжна, какъ въ Россіи. Каждый служилъ до послѣднихъ силъ, до гроба, царю и отечеству; пользовался уваженіемъ сообразно съ званіемъ, коего достигалъ, и своими заслугами облагороживалъ дѣтей, внуковъ, правнуковъ, такъ, что его потомки гордились службою предковъ и считали ихъ доблесть семейною. Изъ этого только начала могло возникнуть мѣстничество, обычай вредный по слѣдствіямъ, но благородный по началу: ибо въ основаніе расчетовъ, при занятіи должностныхъ мѣстъ, брали фамильныя заслуги.

Отъ того у насъ не было ни почетныхъ титлъ, ни чиновъ, несоединенныхъ ни съ какою должностью; были только степени, означавшія личный санъ, съ опредѣленнымъ кругомъ обязанностей и съ соразмѣрными преимуществами. Первую, высшую степень занимали сановники государственные, бояре, окольничіе и думные люди; вторую придворные, стольники и стряпчіе; третью военные, дворяне Московскіе, дворяне городовые и дѣти боярскіе.

Бояре были первенствующими лицами въ большой думѣ или верховномъ совѣтѣ; занимали первокласныя должности воеводъ, намѣстниковъ, пословъ; управляли приказами; вѣдали Москву во время царскаго отсутствія; вообще считались знатнѣйшими сановниками и имѣли право выѣзжать съ многочисленною свитою. *Окольничіе* завѣдывали преимущественно судомъ, засѣдали въ думѣ съ боярами, назначались большею частію товарищами ихъ или въ должности второстепенныя; нерѣдко впрочемъ исправляли и важныя порученія, наряду съ боярами, посольскія, придворныя, военныя, гражданскія. Число бояръ и окольничихъ въ разное время простиралось отъ 5 до 70. *Думные люди* были тѣ лица, которыя, не достигнувъ еще званія боярина или окольничаго, имѣли однако право присутствовать въ большой думѣ и судить о дѣлахъ государственныхъ.

Стольники и стряпчіе были преимущественно сановники придворные: первые, во время торжественныхъ пиршествъ, ставили яства на царскіе столы и исправляли разныя должности при особѣ государя, постельничихъ, рындъ, возницъ; вторые имѣли въ своемъ вѣдѣніи царскіе покои, одежды, разныя части дворцоваго управленія. Кромѣ того тѣ и другіе были опредѣляемы во многія должности военныя, гражданскія, посольскія, намѣстниками въ города, судьями въ

приказы, воеводами отдѣльныхъ отрядовъ, посланниками, гонцами и проч. Стольники стояли выше стряпчихъ, и часто исправляли такія порученія, которыя давались обыкновенно боярамъ; сверхъ того лучшіе изъ нихъ поступали въ думные люди. Въ концѣ XVII столѣтія ихъ считалось до 3,000 человѣкъ.

Дворяне Московскіе, т. е. благородные люди, имѣвшіе помѣстья въ Московскомъ уѣздѣ, должны были оберегать царскій дворъ, служить тѣлохранителями государя, въ тоже время часто употреблялись для важныхъ порученій, въ почетныя должности судей, воеводъ, посланниковъ. Въ началѣ XVII вѣка ихъ было до 300, а въ концѣ до 2,000. *Дворяне городовые и дѣти боярскіе*, помѣстные владѣльцы, обязанные преимущественно воинскою службою, составляли земское ополченіе и главную силу нашихъ войскъ: они выступали въ походъ по первому приказанію, съ своими людьми, которыхъ вооружали и кормили на собственный счетъ; кромѣ того, по примѣру Московскихъ, служили въ разныхъ гражданскихъ должностяхъ по своимъ городамъ. Лучшіе изъ нихъ, подъ именемъ *выборныхъ и жильцевъ*, отъ 2,000 до 3,000, присылались поочередно въ Москву, для охраненія царскаго двора. Многіе изъ выборныхъ и жильцевъ поступали въ стряпчіе, въ стольники, также назначались гонцами, воеводами небольшихъ городовъ и проч.

Всѣ сіи сановники принадлежали къ тому классу людей, который въ послѣдствіи, со временъ Петра Великаго, получилъ названіе дворянства. Главныя преимущества ихъ были: свобода отъ платежа податей, право владѣть землею и крестьянами (съ конца XVI вѣка), исключительный доступъ ко двору и къ должностямъ почетнымъ. Общею обязанностію была царская служба. Сановники первыхъ двухъ классовъ, государственные и придворные, назначались царскими указами; званіе ихъ было не наслѣдственное, а личное. Впрочемъ, высшія степени принадлежали преимущественно извѣстнымъ родословнымъ фамиліямъ. Два обстоятельства тому содѣйствовали: 1) заслуги отца давали сыну всѣ средства достигнуть равнаго званія, открывая доступъ ко двору и дорогу къ постепенному возвышенію; 2) старинный обычай, имѣвшій силу закона, требовалъ непремѣнно равновѣсія фамильныхъ правъ: потомки знатныхъ фамилій считали неприличнымъ занимать одинаковую должность съ такими лицами, которыя не могли гордиться службою пред-

ковъ: иначе они безчестили свой домъ. Этотъ обычай, извѣстный подъ именемъ мѣстничества, съ одной стороны поставлялъ правительство въ необходимость избирать, для почетныхъ званій, сановниковъ только изъ извѣстнаго круга, изъ людей родословныхъ, или такихъ лицъ, коихъ предки удостоились чести быть вписанными въ разрядѣ; съ другой же стороны, подстрекая самолюбіе, раждалъ благородное соревнованіе между многими семействами и служилъ сильнымъ побужденіемъ къ пріобрѣтенію отличій. Такимъ образомъ высшее дворянство въ нѣкоторомъ смыслѣ было наслѣдственное; по крайней мѣрѣ люди родословные всегда имѣли преимущество предъ неродословными, доколѣ Ѳеодоръ Алексѣевичъ не уничтожилъ этого различія. — Званіе дворянъ и дѣтей боярскихъ обыкновенно переходило отъ отца къ сыну: какъ скоро сынъ достигалъ совершеннолѣтія, ему давали помѣстья для отправленія царской службы и записывали въ званіе отцовское. Для этой цѣли, особенные чиновники, подъ именемъ окладчиковъ, отправлялись, по царскому указу, въ города, разбирали, какіе *недоросли и новики* были годны въ службу, раздѣляли ихъ на статьи, смотря по способностямъ, и отводили имъ участки. Земли давались всѣмъ вообще сановникамъ, не исключая и бояръ, соразмѣрно съ степенью каждаго, отъ 250 четвертей до 100; сверхъ того производилось и жалованье. Усердная служба награждалась повышеніемъ въ санъ, придачею къ помѣстному и денежному окладу, обращеніемъ помѣстьевъ въ отчину, дорогими шубами, кафтанами, золотыми ковшами, цѣпями. Самою лестною наградою было, если государь присылалъ придворнаго сановника спросить воеводу, отличившагося на полѣ брани, о здоровьи. Преступники подвергались наказанію, на основаніи общихъ законовъ: лишенію сана, ссылкѣ, кнуту, смертной казни.

Среднее сословіе.

Среднее сословіе, заключая въ себѣ классъ людей свободныхъ, занимающихся преимущественно городскою промышленностію, возникло въ нашемъ отечествѣ въ первые вѣки бытія его и до нашествія Монголовъ имѣло значительный вѣсъ. Князья благопріятствовали успѣхамъ торговли, въ коей и сами участвовали, покровительствовали людей торговыхъ, дозволяли городамъ имѣть свой судъ и расправу. Владычество Монголовъ, остановивъ развитіе городской промышленности въ самомъ зародышѣ, ослабило и среднее сословіе. По сверженіи ига, города не въ силахъ были под-

няться: ихъ подавляли многообразные налоги, установленные внутри государства на торговые промыслы, права иноземцевъ на безпошлинную торговлю, исключительныя льготы, дарованныя монастырямъ. Тщетно дальновидные совѣтники Іоанна Грознаго старались возвысить среднее сословіе, дозволивъ ему избирать, по примѣру Новгородцевъ, собственныхъ старостъ и цѣловальниковъ или присяжныхъ и даровавъ ему право собственнаго суда, подъ наблюденіемъ царскихъ намѣстниковъ; оно такъ было бѣдно и несло столь тягостныя повинности, что цѣлые посады и мѣстечки охотно записывались за боярами и другими знатными сановниками, считая для себя выгоднѣе быть въ состояніи людей, подвластныхъ помѣщику, чѣмъ пользоваться обременительнымъ правомъ свободы. Въ самомъ дѣлѣ, посады и мѣстечки, приписанные къ боярамъ, имѣя сильныхъ покровителей, избавлялись отъ многихъ налоговъ и подрывали промышленность городскихъ обывателей. Алексѣй Михайловичъ, понимая всю важность торговаго класса, болѣе всѣхъ предшественниковъ содѣйствовалъ его благосостоянію и былъ истиннымъ покровителемъ городовъ. При немъ всѣ торговые мѣстечки и посады, приписанные къ знатнымъ людямъ, были объявлены отчиною государя; внутреннія таможни и заставы, затруднявшія движеніе промышленности, большею частію уничтожены; разнообразныя пошлины съ перевозимыхъ товаровъ облегчены; тарханныя грамматы потеряли свою силу; иноземцы утратили право монополіи. Мудрыя мѣры его нескоро однакожъ могли поставить среднее сословіе на ту степень, которую оно должно было занимать: для сего требовалась дѣятельность промышленности, которая, въ слѣдствіе продолжительнаго вліянія разныхъ бѣдственныхъ обстоятельствъ, находилась въ совершенномъ упадкѣ.

Въ XVII столѣтіи среднее сословіе раздѣлялось на людей торговыхъ и людей служилыхъ. Къ первому классу относились: 1) гости, 2) гостиная сотня, 3) суконная сотня, 4) черная сотня; ко второму: 1) стрѣльцы, 2) казаки, 3) пушкари, 4) станичники и другіе воинскіе люди. Званіе *гостей* было жалуемо государемъ за особенныя, важныя заслуги. Оно доставляло многія преимущества: гость освобождался отъ земскихъ и городскихъ повинностей, отправлялъ за море товары, торговалъ оптомъ, не платилъ пошлинъ, могъ владѣть землею и крестьянами, имѣлъ пріѣздъ ко двору и

были отличены государемъ или боярами [1]. Къ *гостинной* и *суконной сотнямъ* причислялось лучшее купечество Московское, торговавшее оптомъ и сукнами, съ изъятіемъ отъ многихъ пошлинъ. Изъ гостиной сотни выбирались таможенные и кабацкіе головы. Всѣ прочіе мелкіе торговцы, также ремесленники, относились къ черной сотнѣ, къ классу людей тяглыхъ, обязанныхъ податьми и всѣми городскими повинностями. Люди служилые, стрѣльцы, казаки, пушкари, станичники, принадлежали къ среднему сословію въ томъ смыслѣ, что многіе изъ нихъ получали въ собственность небольшіе участки земли, могли отправлять торговые промыслы и пользовались многими льготами, которыхъ не имѣло низшее сословіе.

Низшее сословіе. *Низшее сословіе* раздѣлялось на два класса, на крестьянъ и холопей. *Крестьяне*, вообще всѣ люди, занимавшіеся сельскими промыслами, но неимѣвшіе ни собственной земли, ни дворовъ, до конца XVI вѣка были лично свободны: по собственному выбору, они заключали условія на опредѣленные сроки съ помѣстными владѣльцами, пользовались ихъ землею за извѣстную плату, и по минованіи срока, расчитавшись съ помѣщикомъ, переходили къ другому, или оставались у прежняго. Есть поводъ думать, что съ самыхъ древнихъ временъ былъ срокъ для обоюдныхъ расчетовъ.

Юрьевъ день. Юрьевъ день осенній. Право переходить отъ помѣщика къ помѣщику называлось *крестьянскимъ выходомъ*. Оно влекло за собою множество неустройствъ: народъ, привыкнувъ къ бродяжничеству, къ полукочевой жизни, не заботился о сельскомъ хозяйствѣ: многія земли оставались необработанными: въ государственныхъ доходахъ нерѣдко обнаруживались недоимки: дворяне и дѣти боярскіе не могли выводить полное число ратниковъ для защиты отечества. Для прекращенія столь важныхъ неустройствъ, въ царствованіе Θеодора Іоанновича указомъ 1592 года повелѣно крестьянамъ оставаться на тѣхъ земляхъ, гдѣ они жили: въ 1597 году этотъ указъ былъ подтвержденъ. Борисъ Годуновъ, вступивъ на престолъ, дозволилъ въ 1601 году выходъ крестьянамъ мелкихъ помѣщиковъ; но это распоряженіе было отмѣнено 1606 года въ правленіе Лжедимитрія, боярскимъ приговоромъ и въ особенности указомъ царя Василія Шуй-

1. Несправедливо думаютъ, что было еще торговое званіе выше гостя, званіе именитыхъ людей. Такъ со времени царя Василія Шуйскаго назывались Строгановы, которые были не купцы и не гости, а богатые помѣщики Сольвычегодскіе, имѣвшіе свои города, крѣпости и войско. Наравнѣ съ первыми сановниками, они писались съ вичемъ, наприм. Григорій Дмитріевичъ.

скаго въ 1607 году. Съ сего времени крестьяне были приписаны къ землѣ и стали принадлежать или государю, или духовенству, или частнымъ владѣльцамъ. Различія между ними не было: они обработывали землю, платили оброкъ, подлежали суду владѣльца, исключая уголовныя преступленія, и были продаваемы вмѣстѣ съ землею. Званіе *холопей* существовало также съ самыхъ древнихъ временъ: то были или плѣнники или несостоятельные должники, давшіе на себя кабалу, т. е. крѣпость служить заимодавцу по смерть или до извѣстныхъ сроковъ. Тѣ и другіе находились въ полномъ распоряженіи господина, неимѣвшаго надъ ними только права живота и смерти.

Въ Литовскомъ княжествѣ, до соединенія его съ Польшею, народныя сословія имѣли тѣже названія, находились въ тѣхъ же отношеніяхъ одно къ другому, какъ и въ Московскомъ государствѣ. Со временъ Ягелла, въ слѣдствіе припятаго Поляками правила уравнивать оба народа во всѣхъ правахъ и преимуществахъ, установились Польскія формы; образовались два класса дворянскаго сословія: къ первому относились высшіе сановники духовные и свѣтскіе, подъ общимъ названіемъ *сенаторовъ*, архіепископы, епископы (Римскаго закона), воеводы и каштеляны; ко второму принадлежали всѣ прочія лица благороднаго происхожденія, или возведенныя частію королемъ, частію сеймами, въ дворянское достоинство, подъ именемъ *шляхты*. Сенаторы свѣтскіе были назначаемы изъ знатнѣйшихъ фамилій, сохраняли свое званіе по смерть, составляли совѣтъ государя, участвовали въ сеймахъ и отправляли важнѣйшія должности военныя и гражданскія. Званіе шляхетское было наслѣдственное, переходило отъ отца къ дѣтямъ и соединялось съ значительными преимуществами: шляхтичъ не платилъ никакихъ податей, владѣлъ своею землею и крестьянами безотчетно, участвовалъ въ повѣтовыхъ сеймикахъ и генеральныхъ сеймахъ, если былъ избранъ въ нунціи, поступалъ во всѣ земскія почетныя должности, также въ духовныя званія. Благородное происхожденіе, засвидѣтельствованное законнымъ образомъ, гербъ, утвержденный сеймомъ, исключительное занятіе воинскою или гражданскою службою, вотъ главныя условія, которыя въ совокупности давали право на званіе шляхтича. Онъ терялъ это право, если не хотѣлъ служить или былъ обвиненъ въ уголовномъ преступленіи, въ особенности если отправлялъ торговлю или другой промыселъ. Послѣднее усло- Шляхта.

ніе много содѣйствовало усиленію магнатовъ или высшаго дворянства: съ постепеннымъ размноженіемъ благороднаго сословія, появились цѣлыя толпы бѣдныхъ шляхтичей, которые, не имѣя ни кола, ни двора, не могли содержать себя иначе, какъ милостію богатыхъ фамилій, поступали къ нимъ въ службу, отправляли при дворѣ ихъ разныя должности отъ дворецкаго до кучера, и на сеймахъ стояли грудью за своихъ патроновъ, готовые обнажить сабли по первому ихъ слову.

Мѣщане

При такомъ устройствѣ, гдѣ честный промыселъ мирнаго гражданина считался несовмѣстнымъ съ благороднымъ званіемъ, гдѣ законъ внушалъ презрѣніе къ промышленности, среднее сословіе находилось въ ничтожномъ состояніи. Жители городовъ, подъ общимъ именемъ *мѣщанъ*, не имѣли права ни владѣть землею, ни участвовать въ сеймахъ, несли тяжкія повинности и большею частію находились во власти магнатовъ, которые владѣли цѣлыми городами. Ягеллоны старались поддержать промышленность и давали нѣкоторымъ городамъ право Магдебургское, на основаніи коего мѣщане зависѣли единственно отъ своего войта, избирали своихъ бурмистровъ, имѣли свой судъ, пользовались правомъ разничной торговли, между тѣмъ, какъ иногородцы могли торговать у нихъ только оптомъ, освобождались сверхъ того отъ многихъ налоговъ и пошлинъ; но эта мѣра не имѣла успѣха, вопервыхъ потому, что не всѣ города получали подобныя льготы, вовторыхъ потому, что и Магдебургское право не спасало торговаго класса отъ Евреевъ, которые, захвативъ въ свои руки всю промышленность, разорили въ конецъ и городскихъ и сельскихъ обывателей.

Евреи

Евреи появились въ Литовскомъ княжествѣ и образовали отдѣльное сословіе не прежде Ягеллоновъ. Доколѣ Русскія земли, вошедшія въ составъ Гедиминова государства, находились во власти потомковъ Владиміра св., Евреи были тамъ мало замѣтны: Русскіе князья не дозволяли имъ селиться въ своихъ областяхъ и нерѣдко строго преслѣдовали ихъ. Той же политики держались Московскіе государи; въ особенности не жаловалъ ихъ Іоаннъ Грозный; Ѳеодоръ Алексѣевичъ подтвердилъ старинный законъ не допускать ихъ въ Москву. Въ Польшѣ, напротивъ того, они всегда находили пріютъ; болѣе всего размножились при началѣ крестовыхъ походовъ: гонимые въ Германіи, какъ враги Христовы, они толпами переселялись въ Краковъ, гдѣ изстари былъ

главный притонъ ихъ; оттуда проникали въ другіе Польскіе города. Болеславъ, герцогъ Великопольскій, въ половинѣ XIII вѣка, дозволилъ имъ строить синагоги и заниматься торговлею. Казимиръ Великій, по слѣпой привязанности къ Еврейкѣ Есфири, подтвердилъ граммату Болеславову, давъ ей силу во всемъ королевствѣ. При Ягеллѣ она распространена и на Литовское княжество. Съ тѣхъ поръ народная промышленность пришла въ совершенный упадокъ. Евреи овладѣли всѣми отраслями ея, ко вреду всѣхъ сословій: дворянство было разорено арендаторами, городскіе и сельскіе обыватели доведены до нищеты шинкарями. Тщетно преемники Ягелловы старались поправить зло, повелѣвъ Евреямъ жить въ городахъ отдѣльными кварталами, запретивъ брать болѣе 20 процентовъ и торговать виномъ: они стали необходимы для шляхтичей, мѣщанъ и крестьянъ. Первымъ совѣтникомъ Яна III (Собѣсскаго) былъ Еврей.

Низшее сословіе состояло изъ земледѣльцевъ: они были приписаны къ землѣ и находились въ полномъ распоряженіи помѣщиковъ, недававшихъ никому никакого отчета въ управленіи своими помѣстьями. Крестьянъ государственныхъ почти вовсе не было: всѣ они большею частію принадлежали дворянству.

IV. ЗАКОНЫ И УПРАВЛЕНІЕ.

Законодательство не достигло въ нашемъ отечествѣ къ концу XVII вѣка того полнаго, разнообразнаго развитія, какое находимъ мы въ западныхъ Европейскихъ государствахъ. Два главныя обстоятельства были тому виною: вопервыхъ внутреннія и внѣшнія бѣдствія замедляли вообще успѣхи гражданственности; вовторыхъ предки наши, незнакомые съ Римскимъ правомъ, должны были сами изобрѣтать всѣ свои законы, исключая церковные, между тѣмъ, какъ Германскіе народы находили обильный запасъ основныхъ началъ въ кодексѣ Юстиніановомъ. Отъ того многія условія общественной жизни нашей, даже въ концѣ XVII вѣка, не были опредѣлены уставами письменными и сохранились только въ видѣ обыкновеній, освященныхъ вѣками. При всей неполнотѣ, старинные законы наши были однакожъ достаточны для охраненія личной безопасности и права собственности; постоянно выражали стремленіе къ общественному благоустройству, основанное на здравыхъ, чистыхъ понятіяхъ о доброй Законы.

нравственности, и что всего важнѣе, были чтимы, какъ непреложныя велѣнія верховной власти, коей народъ привыкъ повиноваться безусловно: ибо исключительное право издавать законы искони принадлежало единственно государю. Государи съ своей стороны вполнѣ понимали всю важность своего права: при каждомъ новомъ постановленіи, обыкновенно совѣтовались съ боярами, съ высшимъ духовенствомъ, нерѣдко хотѣли знать потребности всего народа, призывали для этой цѣли выборныхъ чиновъ въ Москву и, по зрѣломъ соображеніи, давъ законъ, строго наблюдали за исполненіемъ его. Въ особенности ознаменовалъ себя истиннымъ духомъ законодательнымъ домъ Романовыхъ.

Древнѣйшіе уставы наши принадлежатъ Владиміру святому и Ярославу I. Нѣтъ сомнѣнія, что и прежде ихъ понятна была необходимость закона: самое пришествіе Рюрика было слѣдствіемъ общаго желанія Славянъ установить въ землѣ ихъ порядокъ; Олегъ въ договорахъ съ Греками ссылался на Русскій законъ; Ольга вводила разные уставы: но по всей вѣроятности, у насъ не было письменныхъ законовъ до принятія Христіанской вѣры, которая, измѣнивъ многія отношенія между людьми, пробудила мысль о законѣ письменномъ. Вмѣстѣ съ Христіанствомъ появилось новое сословіе, духовенство: бывъ первоначально составлено изъ Греческихъ миссіонеровъ, оно спѣшило обезпечить свои преимущества. Владиміръ опредѣлилъ ихъ уставомъ о церковномъ судѣ. Ярославъ, подтвердивъ его и даровавъ духовенству новыя преимущества, въ то же время опредѣлилъ судъ гражданскій *Русскою Правдою*. Дѣти и внуки Ярославовы дополнили ее постановленіями о правѣ собственности. Въ сихъ первыхъ законахъ, кромѣ главнаго предмета ихъ, ясно выражались права верховной власти, отношенія сословій, образъ управленія: слѣдовательно главныя условія юнаго общества были опредѣлены. Чего не рѣшалъ законъ, то рѣшалось обычаемъ.

Внутреннія междоусобія, наставшія по смерти Мстислава Великаго, не давая князьямъ времени думать о внутреннемъ устройствѣ, замедляли успѣхи законодательства; еще менѣе могли благопріятствовать имъ Монголы. Между тѣмъ гражданскія понятія измѣнились; Русская Правда устарѣла и не могла рѣшать всѣхъ случаевъ; немногія грамматы удѣльныхъ князей не могли дополнить этого недостатка, и когда Русь раздѣлилась на двѣ системы, на Московскую и Ли-

товскую, въ той и другой обычаи служили вмѣсто закона. Эти обычаи, освященные вѣками, въ Московскомъ государствѣ постепенно принимали форму закона, измѣняясь и развиваясь по мѣрѣ успѣховъ внутренняго устройства, сообразно съ потребностями вѣка и народа. Право издавать законъ, искони принадлежавшее верховной власти, сохранилось неприкосновеннымъ. Каждый государь изъ рода Іоанна Калиты, тѣмъ болѣе изъ дома Романовыхъ, ознаменовалъ свое царствованіе постоянною заботливостію о приведеніи отечественныхъ уставовъ въ порядокъ и систему. Формы ихъ стали многочисленны и разнообразны. Важнѣйшія изъ нихъ суть: *уложеніе*, полная система всѣхъ вообще государственныхъ законовъ; *судебникъ*, собраніе правилъ о судѣ и расправѣ для всего народа; *уставная граммата*, положеніе о количествѣ пошлинъ судныхъ и таможенныхъ, примѣненное къ мѣстнымъ потребностямъ города или области; *несудимая* граммата, право сословія пользоваться собственнымъ судомъ; *тарханная* граммата, право на изъятіе отъ разныхъ налоговъ и повинностей; *помѣстная* граммата, право на владѣніе землею, и многія другія.

Въ Литовскомъ княжествѣ, даже послѣ перваго соединенія его съ Польшею, долго господствовали старинные Русскіе законы по дѣламъ гражданскимъ и церковнымъ; еще Александръ, сынъ Казимировъ, современникъ Іоанна III, подтверждалъ уставъ Ярославовъ о судѣ и господствовавшіе издревле обычаи, которые сохранились отчасти и въ *Литовскомъ Статутѣ*, составленномъ на Русскомъ языкѣ при Сигизмундѣ I и дополненномъ при Сигизмундѣ II. Въ послѣдствіи Статутъ былъ измѣненъ сеймовыми конституціями, давшими перевѣсъ Польскимъ формамъ надъ Русскими.

Власть верховнаго правителя искони принадлежала князю. Управленіе
Онъ имѣлъ безотчетное право вести войну и мириться, назначать подати, награждать и наказывать. Исполненіе воли его возлагалось на дружину, которая въ одно время составляла и дворъ его, и совѣтъ, и войско. Тотъ же порядокъ сохранился въ главныхъ чертахъ и въ Московскомъ государствѣ: право великаго князя, какъ верховнаго правителя, осталось неприкосновеннымъ. Въ его волѣ были миръ и война, судъ и расправа, награда и наказаніе. Между тѣмъ, съ постепеннымъ развитіемъ гражданскихъ понятій, при возрастающей безпрерывно многосложности дѣлъ, государи Московскіе убѣдились въ необходимости поручать извѣстныя

отрасли управленія не лицамъ, а постояннымъ вѣдомствамъ, изъ которыхъ каждое имѣло свой кругъ, свои права и обязанности. Эти вѣдомства къ концу XVII столѣтія получили опредѣленную форму. Первое мѣсто изъ нихъ занимала *большая дума*: составленная изъ бояръ и высшихъ сановниковъ, подъ предсѣдательствомъ самого государя, она разсуждала о всѣхъ дѣлахъ важныхъ, преимущественно о новыхъ законахъ, и разсматривала дѣйствія всѣхъ вообще вѣдомствъ въ случаѣ жалобъ или недоумѣній. Вторую степень занимали *приказы*: каждый изъ нихъ состоялъ изъ одного боярина, или другаго знатнаго сановника, съ однимъ или двумя товарищами: они слушали дѣла, предлагаемыя дьяками, и давали свои рѣшенія, или представляли объ нихъ государю. По роду дѣлъ раздѣлялись и приказы: важнѣйшіе изъ нихъ въ XVII столѣтіи были: a) по дѣламъ дворцовымъ: большой дворецъ, мастерская палата, оружейный приказъ; b) по дѣламъ иностраннымъ: посольскій приказъ; c) по управленію государственныхъ доходовъ: приказъ большой казны, приказъ денежнаго дѣла, казенный дворъ, новая четь, печатный приказъ; d) по дѣламъ суднымъ: золотая расправная палата, Московскій судный приказъ, земскій дворъ, разбойный приказъ, холопій; e) по дѣламъ военнымъ: разрядъ, пушкарскій приказъ, стрѣлецкій, рейтарскій; f) по управленію областей: Владимірская четь, Галицкая четь, Костромская четь, Новгородская четь, Устюжская четь, Казанскій дворецъ, Сибирскій приказъ, Малороссійскій приказъ; g) по дѣламъ церковнымъ: патріаршій приказъ.

Низшія вѣдомства областныя имѣли общее названіе *земскихъ избъ*: онѣ находились въ каждомъ уѣздѣ и состояли въ вѣдѣніи головъ и старостъ, избираемыхъ міромъ, подъ надзоромъ царскихъ воеводъ и намѣстниковъ.

Въ Литовскомъ княжествѣ, при сильномъ вліяніи Польскихъ формъ, установился чуждый образъ управленія, рѣшительно несогласный съ Русскими понятіями, съ тѣмъ вмѣстѣ нестройный, уничтожавшій всякую мысль о порядкѣ. Тамъ не было одной твердой власти, которая моглабы двигать и одушевлять всѣ пружины государственныя; ее замѣнили бурные сеймы, многочисленныя собранія дворянъ и Римскаго духовенства. Эти сеймы, введенные Поляками, представляютъ безпримѣрное явленіе въ исторіи: у всѣхъ народовъ древнихъ и новыхъ дѣла въ подобныхъ собраніяхъ рѣшались большинствомъ голосовъ: въ Польшѣ требовалось

единогласіе: если даже одинъ нунцій или депутатъ не соглашался на предложенную мѣру, постановленіе цѣлаго сейма было недѣйствительно. При такомъ разстройствѣ, Литовское княжество въ XVI и XVII столѣтіяхъ было жертвою постояннаго безначалія, которое отражалось во всѣхъ отрасляхъ государственнаго управленія.

V. РАТНОЕ ДѢЛО.

Составъ вой

Обязанность защищать отечество отъ внѣшнихъ враговъ лежала преимущественно на благородномъ сословіи, на дворянахъ Московскихъ, дворянахъ городовыхъ и дѣтяхъ боярскихъ. Раздѣляясь обыкновенно на три статьи, на лучшую, среднюю, и худшую, они владѣли въ своихъ уѣздахъ землею опредѣленной мѣры, отъ 300 до 150 четвертей или отъ 150 до 75 десятинъ, иные какъ родовою отчиною, другіе какъ пожизненнымъ помѣстьемъ, съ извѣстнымъ числомъ дворовъ крестьянскихъ; пользовались съ своего участка всѣми доходами и платили въ казну опредѣленныя закономъ подати. Въ мирное время лучшіе изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ являлись къ царскому двору; получали званіе стольниковъ и стряпчихъ; служили тѣлохранителями государя; исправляли должности областныхъ воеводъ и другія обязанности. Прочіе жили въ своихъ отчинахъ и помѣстьяхъ, ожидая указа, чтобы явиться на царскую службу. Ни сами они, ни дѣти ихъ не могли переходить въ другія званія купцовъ, посадскихъ или холопей боярскихъ. Сыновья ихъ, достигнувъ 17 лѣтъ, записывались въ службу въ томъ же классѣ, къ коему принадлежали отцы, и если родовыя отчины были недостаточны, получали помѣстья, смотря по роду и способностямъ. Для того города имѣли своихъ окладчиковъ, которые въ извѣстные сроки, иногда во время самой войны, разбирали новиковъ и недорослей и *верстали* ихъ помѣстьями, иногда и денежными окладами. Каждый помѣщикъ верстанный обязанъ былъ, по первому царскому указу, выступить въ походъ въ опредѣленный срокъ. Отправляясь на войну, онъ являлся въ сборное мѣсто къ своей *десятнѣ* (т. е. отряду) на конѣ и приводилъ съ собою нѣсколько своихъ людей, число коихъ опредѣлялось величиною помѣстья [1], въ полномъ вооруженіи и съ потребнымъ

1. Со 100 и 200 четвертей земли доброй помѣщикъ обыкновенно выставлялъ по 1 всаднику и пѣхотинцу, вооружая ихъ лукомъ, бердышемъ и рогатиною.

на время похода количествомъ съѣстныхъ припасовъ. Городовые воеводы доставляли въ разрядъ подробные списки, сколько приписано къ каждому городу дворянъ и дѣтей боярскихъ, и сколько за ними помѣстьевъ. Соображаясь съ этими списками, разрядъ, по мѣрѣ надобности, опредѣлялъ указами, какіе именно служилые люди, изъ какихъ городовъ и въ какомъ числѣ должны явиться въ сборное мѣсто въ извѣстный срокъ. Тутъ ихъ переписывали; оказавшіеся въ *нѣтяхъ* теряли свои помѣстья и отчины, были высылаемы силою, и подвергались наказанью батогами и тюремному заключенію. Отличавшіеся усердіемъ, мужествомъ, ранами, получали прибавку помѣстьевъ и денежныхъ окладовъ, царскія награды, высшія должности.

Дворяне и дѣти боярскіе, вооружаясь только на время войны, при нечаянныхъ вторженіяхъ не поспѣвали на защиту отечества, и не могли дѣйствовать съ успѣхомъ противъ пѣхоты Польской и Шведской. Государи Московскіе старались замѣнить этотъ недостатокъ введеніемъ пѣшаго постояннаго войска. Оно получило первое начало въ половинѣ XVI вѣка, въ царствованіе Іоанна Грознаго, подъ именемъ *стрѣльцовъ*. Такъ назывались ратники безземельные, набираемые изъ волостныхъ сельскихъ жителей и вооруженные *пищалями*. Они составляли гарнизоны въ Москвѣ и въ городахъ пограничныхъ: въ мирное время охраняли свои города отъ внезапнаго нападенія: въ военное же присоединялись къ войску, служили опорою коннымъ ратникамъ и были употребляемы преимущественно для осады городовъ. Въ концѣ XVI вѣка число стрѣльцовъ Московскихъ простиралось до 10.000. Въ городахъ пограничныхъ было ихъ гораздо болѣе. Они раздѣлялись на приказы или роты въ 500 человѣкъ: каждая рота на сотни: сотни на десятни. Ротою начальствовалъ голова, сотнею сотникъ, десятнею десятникъ. Головы получали жалованья отъ 30 до 60 р. тогдашнихъ, на нынѣшнія деньги отъ 100 до 200 руб. сер., сверхъ того земли отъ 300 до 500 четвертей: сотники отъ 10 до 20 р., десятники до 10 р., стрѣльцы по 4 и 5 рублей (болѣе 15 нынѣшнихъ), да ржи и овса по 12 четвертей. Въ случаѣ похода, давали имъ лошадей на подъемъ изъ царскихъ табуновъ и телѣги для перевоза съѣстныхъ припасовъ: назначены были даже люди, готовившіе имъ пищу. Кромѣ полевой воинской службы, они обязаны были стоять на стра-

жѣ при дворцѣ и въ другихъ мѣстахъ, наблюдали за порядкомъ въ городѣ, употреблялись въ разныя посылки; сверхъ того въ торжественные дни, когда царь принималъ пословъ, относили на посольскій дворъ почетный обѣдъ, въ числѣ 300 или 400 человѣкъ. Въ XVI вѣкѣ, не взирая на свою малочисленность, стрѣльцы много содѣйствовали успѣхамъ нашего оружія. Царь Алексѣй Михайловичъ увеличилъ число ихъ до 40,000 и Уложеніемъ утвердилъ пріобрѣтенныя ими со временъ Іоанна IV преимущества: свободу отъ платежа судныхъ и печатныхъ пошлинъ, право торговли и винокуренія, зависимость отъ особеннаго вѣдомства, стрѣлецкаго приказа. Столь важныя права побуждали многихъ торговцевъ записываться въ стрѣльцы, и дали поводъ къ большимъ безпорядкамъ.

Кромѣ стрѣльцовъ, Іоаннъ IV учредилъ особенный отрядъ тѣлохранителей, подъ названіемъ *опричниковъ*, сперва изъ 1000, потомъ изъ 6000 человѣкъ. Въ опричники были принимаемы большею частію безпомѣстные дѣти боярскіе, обязавшіеся клятвою служить царю вѣрою и правдою, оберегать его денно и нощно, доносить на измѣнниковъ, не дружиться съ боярами, не знать ни отца, ни матери. Это было въ нѣкоторомъ смыслѣ *военное братство*. Вооруженные мечами и бердышами, они носили богатую одежду, нерѣдко парчевую, подъ черною рясою; символомъ ихъ обязанности были собачьи головы и метлы. Сей отрядъ лѣтъ черезъ 6 уничтожился; но мысль о необходимости особенныхъ вѣрныхъ тѣлохранителей царскихъ не исчезала. Обязанность ихъ поручена была въ послѣдствіи иноземнымъ наемникамъ, изъ коихъ Борисъ Годуновъ образовалъ сильную дружину. Она состояла изъ 2,500 Нѣмцевъ, Поляковъ и Грековъ, съ окладами отъ 12 до 60 руб. (отъ 40 до 200 нынѣшнихъ); *капитаны* же ея получали до 120 руб. (до 400 р.) и земли въ помѣстье отъ 600 до 1000 четвертей. Въ смутное время самозванцевъ эта дружина разсѣялась. Михаилъ Ѳеодоровичъ и Алексѣй Михайловичъ стольже благосклонно принимали въ свою службу иноземцевъ, только съ иною цѣлію. Поручивъ свою священную особу Русской вѣрности, они вызывали ихъ частію для усиленія своей рати регулярнымъ войскомъ, которое нанимали только на время войны, частію для введенія въ свои полки Европейскаго устройства. Для первой цѣли приглашалъ ихъ Михаилъ, для второй мудрый сынъ его. Такъ въ трудномъ бореніи съ Польшею, Миха-

[illegible] въ Галиціи. Га- [illegible] Петръ I [illegible] [illegible] Русскій [illegible] 3000 [illegible] [illegible] изъ [illegible] [illegible] въ [illegible] [illegible] и [illegible] [illegible] [illegible] изъ [illegible] [illegible] и [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] въ XVI и XVII [illegible] [illegible] 300,000. Въ [illegible] войны [illegible] [illegible] въ 29 и 30 [illegible] [illegible] [illegible] 300,000 [illegible].

[illegible] времени Іоанна IV до Петра Великаго, [illegible] [illegible] [illegible] въ XVI [illegible] [illegible] Казанцевъ и Крым- цевъ въ XVII [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] Пол- та и Швеціи. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

кусными инженерами. Въ особенности славились твердыни Смоленска, съ подземными выходами, гдѣ осажденные могли противодѣйствовать землянымъ работамъ осаждающихъ. Въ каждомъ городѣ находился постоянный гарнизонъ, изъ дѣтей боярскихъ, смѣняемыхъ по прошествіи извѣстнаго срока другими, изъ стрѣльцовъ и Казаковъ. Сверхъ того по южной границѣ отъ Брянска до Мурома, при Борисѣ Годуновѣ и Михаилѣ Θеодоровичѣ устроена была *засѣка*, линія укрѣпленій, въ мѣстахъ лѣсистыхъ изъ заваловъ срубленными деревьями, въ мѣстахъ безлѣсныхъ изъ земляныхъ валовъ, съ деревянными острожками, по рѣкамъ на переправахъ, изъ свай и кольевъ. На югъ отъ засѣки простирались обширныя, безлюдныя степи, непроходимыя для нашего войска отъ густой, высокой травы, но весьма удобныя для вторженія самыхъ злобныхъ нашихъ враговъ, Татаръ Крымскихъ. Извѣстными только имъ путями или *шлягами* Муравскимъ, Калміюскимъ, Изюмскимъ и другими, они вторгались въ наши предѣлы всегда неожиданно, предавая все огню и мечу, уводя въ плѣнъ множество народа. Для наблюденія за хищниками, мы высылали каждое лѣто въ Украинскія степи станицы (изъ одного Бѣлгорода до 20 станицъ) т. е. небольшіе отряды *ѣздоковъ и вожей*, подъ начальствомъ одного сына боярскаго. Станичники, доѣзжая до урочныхъ мѣстъ (до верховьевъ Самары, до Айдара и проч.), обязаны были немедленно извѣщать городовыхъ воеводъ, если встрѣтятъ Татаръ, увидятъ *сакму* (свѣжій слѣдъ ихъ похода), или узнаютъ отъ языковъ о намѣреніяхъ хана. Попавъ на сакму, они старались узнать по слѣду о числѣ непріятеля, съ опасеніемъ вперяли взоръ въ степи, и нерѣдко табунъ дикихъ лошадей принявъ за отрядъ войска, скакали стремглавъ къ воеводамъ съ пустыми вѣстями, которыя часто заставляли правительство собирать войско.

Ту же осторожность мы наблюдали и на западной границѣ, въ особенности въ отношеніи къ Польшѣ: при малѣйшемъ несогласіи, наши вѣстовщики ловили языковъ и старались вывѣдать отъ нихъ: идутъ ли Ляхи на Москву, нѣтъ ли въ Польшѣ розни, далъ ли король панамъ гроши, на сколько времени и проч. Наконецъ по доставленіи свѣдѣній *полныхъ* (достовѣрныхъ), мы брались за оружіе, дѣйствуя одинаковымъ образомъ въ войнахъ оборонительныхъ и наступательныхъ, касательно сбора и вооруженія людей служилыхъ, раздѣленія ихъ на отряды, назначенія воеводъ и проч.

ченіе.

Прежде всего объявлялся царскій указъ на постельномъ крыльцѣ стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ Московскимъ, жильцамъ и другимъ служилымъ людямъ, о намѣреніи государя итти войною на супостатовъ, или о необходимости оборонять отечество: для того повелѣвалось имъ быть готовыми на государеву службу, лошадей кормить и запасы готовить. Указы подобнаго содержанія разсылались съ гонцами въ города, ближайшіе къ театру войны, для объявленія дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ. Чрезъ нѣсколько времени (иногда чрезъ мѣсяцъ и болѣе) разсылали другіе указы изъ разряда, которыми опредѣлялось: въ какіе города людямъ служилымъ отправлять свои запасы, къ какому сроку и въ какомъ мѣстѣ самимъ явиться. (Въ войнѣ съ Крымцами и Поляками назначали обыкновенно сборнымъ мѣстомъ Серпуховъ, Коломну, Путивль, Смоленскъ и пр. а срокомъ Ильинъ день, Троицынъ день, Свѣтлое воскресенье и т. п.). Спустя мѣсяцъ или болѣе, гонцы скакали съ новыми указами объ отстрочкѣ служилымъ людямъ во всѣхъ дѣлахъ судебныхъ, кромѣ татебныхъ, разбойныхъ и убійственныхъ. Между тѣмъ высыльщики отправлялись въ помѣстья дворянъ и дѣтей боярскихъ, съ объявленіемъ, кто именно долженъ выступить въ походъ, руководствуясь списками, присланными изъ разряда или данными отъ городовыхъ воеводъ: но какъ послѣ подачи списковъ въ разрядъ, многіе дворяне умирали и жребіи службы нерѣдко падалъ на старухъ и вдовъ, то бояре и думные дворяне, съ званіемъ окладчиковъ, верстали въ тоже время, на мѣсто умершихъ, недорослей и новиковъ. Каждый дворянинъ долженъ былъ явиться въ свою *десятню* съ извѣстнымъ числомъ вооруженныхъ людей на коняхъ, смотря по величинѣ помѣстья.

Въ слѣдствіе сихъ указовъ, поднималось наконецъ наше ополченіе: по всѣмъ дорогамъ везли съѣстные припасы, сухари, толокно, сушеное и соленое мясо (ибо каждый помѣщикъ самъ обязанъ былъ заботиться о своемъ продовольствіи на все время похода); дворяне и дѣти боярскіе спѣшили въ сборное мѣсто къ извѣстному сроку. Тутъ дѣлали имъ смотръ. Назначенный для того бояринъ выкликалъ поименно каждаго ратника, наблюдая особенно за тѣмъ, чтобы всѣ были на лицѣ.

ніе вой-ка.

По собраніи всѣхъ служилыхъ людей областныхъ и по присоединеніи къ нимъ стрѣльцовъ, иноземцевъ, Казаковъ,

мурзъ Татарскихъ, людей даточныхъ, войско раздѣляли на 5 полковъ: большой полкъ, правую руку, лѣвую руку, сторожевой полкъ и передовой. Каждый полкъ состоялъ изъ нѣсколькихъ отрядовъ, раздѣленныхъ на сотни и означаемыхъ именемъ городовъ, къ коимъ приписаны были служилые люди. *Большой полкъ* былъ главнымъ войскомъ; *правая рука* и *лѣвая рука* были отдѣльными арміями и часто находились отъ большаго полка въ разстояніи 200 и 300 верстъ; сторожевой полкъ составлялъ резервъ, передовой авангардъ. Каждымъ полкомъ начальствовали непремѣнно два, иногда три генерала, обыкновенно изъ бояръ и окольничихъ, рѣдко изъ стольниковъ, съ именемъ *воеводъ*, имѣя въ своей зависимости *головъ*, *сотниковъ*, и проч. Первый воевода былъ старшимъ, второй товарищемъ. Ихъ назначалъ самъ государь, наблюдая не столько личныя достоинства, сколько знатность рода. Для того обыкновенно справлялись съ *родословными книгами*, чтобы не назначить младшаго по роду первымъ воеводою, или въ большой полкъ, а старшаго вторымъ, или въ сторожевой, въ передовой, въ правую руку и въ лѣвую руку. Въ противномъ случаѣ, въ самыхъ рѣшительныхъ обстоятельствахъ, воеводы ссорились и не хотѣли помогать другъ другу; часто во время похода они присылали просьбы къ царю, жаловались на *безчестье* и просили перевода изъ одного полка въ другой, или отказывались отъ службы. *Снарядъ* (артиллерія) имѣлъ своего собственнаго воеводу. Артиллерія наша была довольно многочисленна: она состояла изъ тяжелыхъ осадныхъ орудій, изъ картаунъ, полевыхъ пушекъ и фальконетовъ. Со временъ Іоанна III, мы умѣли лить орудія сами, сверхъ того много получали изъ Голландіи, Ливоніи и Польши. Въ мирное время снаряды хранились въ Москвѣ, Псковѣ, Смоленскѣ и Новгородѣ.

Походъ.

Войска наконецъ выступали въ походъ. Впереди шелъ *ертоулъ*, т. е. отрядъ легкой кавалеріи, для развѣдыванія пути; за нимъ тянулось все войско, раздѣленное на полки. Воеводы были въ срединѣ съ своими *набатами* (литаврами); обозы сзади. На пути наблюдали величайшую осторожность: *разъѣзды* во всѣхъ направленіяхъ на нѣсколько десятковъ верстъ обозрѣвали страну и развѣдывали о непріятелѣ. Вообще какъ въ оборонительныхъ, такъ и въ наступательныхъ войнахъ, мы старались какъ можно ближе держаться крѣ-

постей и лучше любили ожидать враговъ на стѣнахъ крѣпости, нежели въ чистомъ полѣ. Встрѣтясь съ непріятелемъ въ открытомъ мѣстѣ, мы ограждали себя особеннаго рода укрѣпленіемъ, *гуляемъ*. Такъ назывались нѣсколько сотъ телѣгъ или саней, особеннаго устройства со щитами: ихъ ставили предъ сраженіемъ вокругъ пѣхоты плотно другъ къ другу; за каждою телѣгою располагались по 10 стрѣльцовъ, которые стрѣляли изъ за нихъ, какъ изъ за каменной стѣны. Подъ защитою гуляя, наша пѣхота была непобѣдима.

Битва. Конница начинала сраженіе: бросалась, по Татарскому обычаю, съ ужаснымъ крикомъ и старалась дружнымъ ударомъ поколебать непріятеля: если враги разстроивались отъ перваго натиска, мы выигрывали побѣду; если же они стояли твердо, наши всадники мѣшались и въ безпорядкѣ обращались въ бѣгство: имѣя малыхъ, весьма быстрыхъ коней, наиболѣе Ногайской породы, Русскіе сидѣли на нихъ, поджавъ ноги, такъ, что легко обращались во всѣ стороны и могли стрѣлять и рубить во всѣхъ направленіяхъ, но именно отъ того сидѣли такъ нетвердо и такъ легко были сбиваемы въ схваткѣ, что никогда не выдерживали упорной битвы. Въ случаѣ разстройства кавалеріи, вся надежда оставалась на пѣхоту, которая въ своемъ гуляѣ удерживала непріятеля, давая время искусному воеводѣ снова собрать всадниковъ и вести ихъ въ атаку. Посему личное мужество воеводъ наиболѣе содѣйствовало нашимъ успѣхамъ; въ чемъ свидѣтельствуютъ всѣ многочисленныя войны наши XVI и XVII вѣковъ. Овладѣвъ полемъ сраженія и разсѣявъ врага, мы не столько заботились о преслѣдованіи его, сколько о разореніи непріятельской земли; все предавали огню и мечу, не щадили ни возраста, ни пола. При осадѣ крѣпостей, мы рѣдко отваживались на приступъ: облегали ихъ со всѣхъ сторонъ, пресѣкая подвозъ съѣстныхъ припасовъ и стараясь одолѣть осажденныхъ голодомъ; между тѣмъ безпокоили ихъ непрестанною пальбою: для чего подкатывали подъ самыя стѣны туры, изъ коихъ стрѣляли безъ умолку. Траншеи вели рѣдко, хотя и знали ихъ пользу. Иногда однакожъ прибѣгали къ подкопамъ, къ взрыву стѣнъ и всегда имѣли искусныхъ *размысловъ*, по большей части наемныхъ инженеровъ Нѣмецкихъ.

За удачное окончаніе похода и за блистательную побѣду, царь обыкновенно награждалъ воеводъ такимъ образомъ:

1) спрашивалъ о здоровьи большаго воеводы, меньшихъ и всего войска; 2) присылалъ въ раздачу нѣсколько *золотыхъ* и *полузолотыхъ* Португальскихъ, Венгерскихъ; 3) жаловалъ дорогими шубами, кафтанами, золотыми и серебряными чашами и ковшами, также прибавкою къ окладамъ, къ помѣстьямъ. За ошибки и нерадѣніе наказывалъ опалою (удалялъ отъ двора, лишалъ помѣстьевъ), за измѣну смертною казнію. Войско, по заключеніи мира, распускалось по домамъ.

Литовское войско, въ общихъ чертахъ, въ составѣ и образѣ войны, сходствовало съ Московскимъ. Главная сила его заключалась также въ дворянствѣ, на коемъ лежала обязанность оборонять отечество. Но устройство полковъ, раздѣленіе, вооруженіе, все было Польское. Дворянское ополченіе состояло изъ гусаръ и панцерниковъ; они выступали въ походъ на коняхъ, окруженные своими пахоликами. Къ нимъ присоединялись жолнеры, большею частію пѣхотинцы, получавшіе отъ короля жалованье. Войско раздѣлялось на полки, роты и хоругви. Главнымъ предводителемъ его былъ Литовскій гетманъ, дѣйствовавшій независимо отъ короннаго или Польскаго гетмана.

VI. ЖИЗНЬ ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЧАСТНАЯ.

Общественная жизнь, выраженіе народной дѣятельности въ разныхъ отрасляхъ промышленности и образованности, ни въ Московскомъ государствѣ, ни въ Литовскомъ княжествѣ, не развилась съ такимъ блескомъ и полнотою, какъ въ западныхъ государствахъ. Русскій народъ всегда обнаруживалъ стремленіе къ гражданственности, спасалъ ее среди величайшихъ бѣдствій, отличался предпріимчивостію, смѣтливостію ума; но многое препятствовало развитію добрыхъ качествъ его. Естественное положеніе Руси, окруженной съ сѣвера, востока и юга полудикими племенами, съ запада прилегавшей къ непріязненнымъ сосѣдямъ, отдаленной отъ морей, не могло благопріятствовать успѣхамъ мануфактуръ и торговли. Злосчастное владычество Монголовъ подавило сѣмена промышленности, принесенныя Греками, въ самомъ зародышѣ. Торговыя связи съ Европою, начавшіяся въ Новгородѣ чрезъ Ганзейскій союзъ, усилившіяся со временъ Іоанна IV посредствомъ Англіи, скорѣе вредили намъ, чѣмъ доставляли пользу. Русское купечество, не имѣя силъ соперничествовать съ иноземнымъ, предавало въ его руки

городскую и сельскую промышленность. Не взирая на мудрыя мѣры царя Алексѣя, мы не имѣли ни одной замѣчательной мануфактуры и должны были покупать самые необходимые предметы, сукна, ружья, за границею дорогою цѣною сырыхъ произведеній.

Стольже медленны были успѣхи умственной дѣятельности. Въ однихъ монастыряхъ являлись любознательные люди, которые вписывали современныя событія въ лѣтописи, наблюдали теченіе небесныхъ свѣтилъ, занимались врачеваніемъ, изрѣдка философствовали о предметахъ нравственности и богословія. Но ихъ опыты, драгоцѣнные для потомства, какъ обильный запасъ фактовъ, какъ выраженіе вѣка, были слишкомъ слабы въ смыслѣ науки; ни одна отрасль знанія не была воздѣлана, не получила изящной формы.

Русскій языкъ, еще неопредѣленный умозрительными изслѣдованіями филологіи, раздѣлялся на три нарѣчія: Великороссійское, Малороссійское и Бѣлорусское. Первое господствовало въ Московскомъ государствѣ: здѣсь, въ устахъ народа, оно сохраняло коренныя свойства Русскаго слова, точность идеи, живость и плавность оборота, силу выраженія. Памятниками народнаго языка остались пѣсни и немногіе акты, писанные не приказными людьми. Вмѣстѣ съ языкомъ народнымъ образовался книжный или дѣловой, отличавшійся своими формами, нерѣдко странностію и затѣйливостію выраженія. Бѣлорусское нарѣчіе, господствовавшее въ Литовскомъ княжествѣ, представляло безобразную смѣсь словъ и оборотовъ Русскихъ съ Польскими и Латинскими. Въ Малороссійское вошли, кромѣ того, многія слова Татарскія.

Недостатокъ образованія имѣлъ невыгодное вліяніе на частную жизнь всѣхъ сословій. Высшій кругъ отличался недоступною спѣсью, презрѣніемъ всего иноземнаго, Азіатскою пышностію. Низшіе классы, коснѣя въ невѣжествѣ, заражены были многими предразсудками. Но при всей грубости нравовъ и обычаевъ, предки наши умѣли служить своимъ государямъ, любили пламенно свою вѣру, отечество, свои уставы, нерѣдко являли доблести изумительныя. Въ нѣдрахъ нашего отечества, въ добрыхъ качествахъ Русскаго народа, въ счастливомъ сочетаніи главныхъ условій гражданскаго общества, заключалась исполинская сила: надобно было только пробудить ее, чтобы поставить Россію на высокую степень въ системѣ Европейскихъ государствъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

СТАТЬЯ I.

О СИСТЕМѢ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

(писано въ 1836 году).

При всеобщемъ стремленіи ученаго міра къ раскрытію истинныхъ началъ каждой науки, къ расширенію сферы знаній, къ пріисканію лучшей системы изложенія, при господствѣ всеобщей мысли о необходимости сочетать теорію съ практикою, Русскіе ученые неоднократно и съ успѣхомъ пробовали свои силы въ развитіи наукъ точныхъ. Признавая однакожъ главною потребностію объясненіе всего національнаго, они чаще устремляли испытующій взоръ на такія предметы, которые недоступны ученой Европѣ, понятны только Русскому уму, Русской душѣ. Въ числѣ этихъ предметовъ первое мѣсто занимаетъ отечественная исторія: надъ нею мы болѣе всего трудились, и достигли наконецъ того, что за нѣсколько лѣтъ предъ симъ издано было сочиненіе, которое заслужило живѣйшій восторгъ, и общимъ голосомъ признано было достойнымъ стать наряду съ лучшими произведеніями Европы въ томъ же родѣ. Хотя въ наше время безотчетная похвала уступила мѣсто критическому изслѣдованію, невсегда выгодному для автора; при всемъ томъ, трудъ его служитъ до сихъ поръ почти исключительнымъ, по крайней мѣрѣ, главнымъ источникомъ нашихъ свѣдѣній и понятій о древнѣйшей судьбѣ нашего отечества, въ отношеніи и къ фактамъ и къ общему ходу событій: я говорю о сочиненіи Карамзина: *Исторія государства Россійскаго*. Но какъ науки не могутъ оставаться въ одномъ положеніи, обогащаясь новыми истинами, новыми открытіями, усвоивая направленіе, сообразное съ потребностями вѣка, то весьма естественно, весьма справедливо было желаніе, обнаружившееся еще при жизни Карамзина, дополнить какъ его сказанія, такъ и из-

слѣдованія предшествовавшихъ ему бытописателей, новыми фактами. Съ этою цѣлью въ послѣднія 10 лѣтъ изданы многіе дотолѣ неизвѣстные матеріалы; даже было намѣреніе представить въ иномъ, лучшемъ видѣ, все, что писано и Карамзинымъ, и его предшественниками. Плодомъ этихъ усилій были двѣ истины, въ особенности утвердившіяся въ послѣднее время.

Прежде всего образовалось всеобщее убѣжденіе въ томъ, что едва ли есть народъ, который могъ бы съ такими утѣшительными мыслями оглянуться на прошедшее и получить отъ него столько пользы въ настоящемъ, какъ мы, Русскіе. Съ одной стороны, мы съ справедливою гордостію можемъ сказать, что предки наши, застигаемые неоднократно безпримѣрными бѣдствіями, какихъ не вынесъ бы ни одинъ народъ, спасали себя, не случаемъ, не чужеземною помощію, а собственными силами; что они умѣли выпутываться съ честію и славою изъ самыхъ трудныхъ обстоятельствъ; что страницы нашей исторіи ознаменованы болѣе дѣлами доблести, нежели порока, и что, наконецъ, только она описываетъ дѣянія Петра Великаго. Съ другой стороны, послѣ рѣшительнаго вліянія на насъ Европейскаго образованія, когда пробудилась мысль о народности, обѣщающая столь вожделѣнные плоды въ будущемъ, кто удовлетворительнѣе исторіи скажетъ намъ, въ чемъ заключаются элементы Русской народности, или тѣ основныя начала, изъ которыхъ развилась наша жизнь общественная, гражданская и семейная? Наконецъ Русская исторія должна рѣшить, самымъ положительнымъ образомъ, великій современный вопросъ о Польшѣ и о подвластной ей нѣкогда западной Россіи.

Между тѣмъ, съ постепеннымъ развитіемъ идеи о высокомъ значеніи отечественной исторіи, столь понятномъ для всѣхъ людей просвѣщенныхъ, образовалось убѣжденіе и въ томъ, что большей части нашихъ бытописателей не достаетъ правильнаго критическаго воззрѣнія, что они оставили безъ отвѣта многіе важные вопросы, и что цѣлые періоды нашего государственнаго существованія покрыты непостижимою темнотою, которая лишаетъ насъ почти всѣхъ средствъ извлечь изъ минувшаго пользу для настоящаго. Лучшее, полнѣйшее изъ сочиненій, объясняющихъ древнюю судьбу нашу, *Исторія государства Россійскаго*, многимъ даже невзыскательнымъ читателямъ стало казаться неудовлетворительнымъ: говорятъ, что при всей красотѣ повѣствованія, оно наполняетъ умъ какими-то несвязными картинами, часто образами безъ лицъ, еще болѣе неправильными очерками; что въ немъ напрасно будемъ искать развитія

жизни общественной, успѣховъ законодательства, промышленности. Однимъ словомъ, всѣ постигаютъ высокое значеніе историческаго знанія, и всѣ говорятъ въ одинъ голосъ, что Россія еще не имѣетъ своей исторіи.

Виною столь ощутительнаго въ наше время недостатка могутъ быть два главныя обстоятельства: 1) недостатокъ матеріаловъ; 2) неудачный выборъ плана, или неуспѣшное исполненіе его. Въ самомъ дѣлѣ, нерѣдко случается слышать, что источники Русской исторіи слишкомъ скудны, и что нѣтъ никакого средства объяснить непостижимыя загадки, безпрестанно встрѣчающіяся въ каждомъ періодѣ жизни Русскаго народа. Эта мысль столь распространилась, что многіе изъ нашихъ писателей впадаютъ въ забавныя ошибки; напримѣръ, авторъ книги подъ заглавіемъ: *Царствованіе Алексѣя Михайловича*, говоритъ, что по странному случаю, всѣ акты, относящіеся ко времени сего государя, истреблены, забывъ, что въ Полномъ Собраніи Законовъ напечатано 618 однихъ узаконеній царя Алексѣя Михайловича, и что въ архивахъ хранятся цѣлыя кипы дворцовыхъ записокъ его времени. Для доказательства, какъ неосновательны жалобы на недостатокъ историческихъ матеріаловъ, довольно замѣтить, что Карамзинъ нашелъ свѣдѣнія для 12 томовъ, не коснувшись временъ даже Михаила Өеодоровича и подтвердивъ каждый фактъ ссылкою; что о Петрѣ Великомъ мы имѣемъ 30 томовъ Дѣяній, изъ коихъ по крайней мѣрѣ третья часть достовѣрныхъ, кромѣ 15 томовъ Петровыхъ Узаконеній. Возразятъ, что не всякому удастся быть въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ коихъ находился Карамзинъ; отвѣчаю: вопервыхъ, при заботливости нашего правительства объ успѣхахъ отечественнаго бытописанія, у насъ архивы доступны также, какъ и въ другихъ странахъ; вовторыхъ, отъ бытописателя требуется не только искусство изложенія, но и трудъ пріисканія и обработки матеріаловъ. Скажу болѣе: даже печатные матеріалы наши такъ обильны, что Гиббонъ навѣрное не имѣлъ въ рукахъ такого сокровища, описывая упадокъ и разрушеніе Римской имперіи.

Причины неудовлетворительности нашихъ историческихъ сочиненій скрываются въ самомъ планѣ, отъ коего много зависитъ успѣхъ исполненія. Конечно, ни одна изъ наукъ, въ примѣненіи къ нашему отечеству, не требуетъ, относительно выбора системы, такихъ глубокихъ соображеній, какъ Русская исторія. При начертаніи Русской географіи, Русской статистики, мы съ успѣхомъ можемъ руководствоваться счастливыми опы-

тами Европейскихъ ученыхъ, заимствовать у нихъ основныя начала въ выборѣ предметовъ, въ раздѣленіи ихъ, въ постепенномъ порядкѣ, въ методѣ изслѣдованія; систему же Русской исторіи должны мы создать сами, не придерживаясь ни Юма, ни Миллера: ибо у насъ развитіе государственной и гражданской жизни совершалось по инымъ началамъ, подъ вліяніемъ иныхъ обстоятельствъ. Но трудность удачнаго выбора системы можетъ служить только оправданіемъ нашихъ историковъ, особенно при началѣ поприща, гдѣ ошибки неизбѣжны; положеніе же, что мы не имѣемъ прагматической исторіи, основанной на истинныхъ началахъ науки и соотвѣтствующей потребностямъ времени, остается во всей своей силѣ. Въ доказательство этого положенія, я считаю нужнымъ: 1) изложить главныя условія отечественной исторіи въ смыслѣ науки; 2) представить основныя идеи тѣхъ бытописателей, которые, почерпая свои свѣдѣнія изъ первыхъ матеріаловъ, сами служили источниками для сочиненій, имѣвшихъ предметомъ отдѣльныя части отечественной исторіи.

Русская исторія, въ смыслѣ науки, какъ основательное знаніе минувшей судьбы нашего отечества, должна объяснить постепенное развитіе гражданской жизни нашей, отъ перваго начала ея до позднѣйшаго времени, съ тѣмъ, чтобы разливъ свѣтъ на главныя условія быта общественнаго и раскрывъ, почему они существуютъ такъ, а не иначе, указать, какое мѣсто занимаетъ Россія въ системѣ прочихъ государствъ; какія правила политики внутренней и внѣшней наиболѣе были сообразны съ ея выгодами; какія причины, какъ плоды времени и обстоятельствъ, ускоряли и замедляли успѣхи промышленности и образованности. Цѣлью науки опредѣляется предметъ ея. Русская исторія достигаетъ своей цѣли вѣрнымъ изображеніемъ перемѣнъ, случавшихся въ состояніи Русской державы, съ указаніемъ причинъ тому и слѣдствій. Такимъ образомъ предметъ ея — постепенный переходъ Россіи изъ одного положенія въ другое. Какъ перемѣны государственныя всегда зависятъ отъ стеченія многихъ обстоятельствъ, отъ причинъ ближайшихъ и отдаленныхъ, отъ прямаго и косвеннаго дѣйствія ихъ: то исторія должна обнимать все, что имѣло вліяніе на судьбу государства, что оставило по себѣ слѣды замѣтные. Въ слѣдствіе того, она изображаетъ: достопамятныя дѣйствія людей, управлявшихъ внутреннею и внѣшнею политикою Россіи; успѣхи законодательства, промышленности, наукъ и художествъ; вліяніе религіи, нравовъ и обычаевъ.

Въ такомъ смыслѣ, отечественная исторія займетъ высокое мѣсто въ кругу наукъ общественнаго образованія. Какъ вѣрная повѣсть всего роднаго, какъ завѣтъ предковъ къ потомству, объясняя рядомъ картинъ геній народа, плоды сѣмянъ добрыхъ и злыхъ, озаряя въ неразрывной цѣпи вѣковъ все отечественное, она разовьетъ идею Россіи во всемъ объемѣ ея, покажетъ истинныя свойства народа и потребности государства, подтвердитъ умозрительныя изслѣдованія всего, что относится до Россіи, и послужитъ лучшимъ пособіемъ къ примѣненію всякаго рода уставовъ: ибо все улучшается опытомъ; исторія же есть самый обильный запасъ разнообразныхъ опытовъ.

Два условія необходимы для достиженія высокой цѣли исторіи: прежде всего, самое подробное, вѣрное и отчетливое знаніе фактовъ. Оно пріобрѣтается постояннымъ изученіемъ современныхъ памятниковъ минувшаго и знакомствомъ съ позднѣйшими изысканіями; первые сообщаютъ живое понятіе о старинѣ, вторыя поясняютъ недосказанное ими болѣе или менѣе удачными соображеніями. Но этого еще мало: это ничто иное, какъ приготовленіе, сборъ матеріаловъ: чтобы воздвигнуть величественное зданіе, нуженъ умъ искуснаго зодчаго. Самое подробное знаніе фактовъ не принесетъ существенной пользы, если они не будутъ приведены въ стройную систему, гдѣ каждое явленіе было бы на своемъ мѣстѣ, какъ слѣдствіе предъидущаго и причина послѣдующаго; каждое событіе имѣло бы свое знаменованіе, сообразное съ его важностію, и вело бы къ предполагаемой исторіею цѣли. Для соединенія же фактовъ въ одно стройное цѣлое, въ одну живую картину минувшаго, правильно очерченную и ярко освѣщенную, необходимо: a). вникнуть въ общій смыслъ событій и найти нить, связывающую всѣ явленія непрерывною цѣпью (эта нить образуется самымъ ходомъ событій, вліяніемъ вѣка, геніемъ народа, и, по мѣрѣ измѣненія тѣхъ и другихъ пружинъ, измѣняетъ свое направленіе); b) опредѣлить точки, гдѣ общій ходъ событій получаетъ иной характеръ, въ слѣдствіе стремительнаго переворота дѣлъ, или быстраго развитія гражданственности, и сообразно этому измѣненію раздѣлить всѣ факты на нѣсколько разрядовъ, для лучшаго обзора и уразумѣнія ихъ; c) принаровляясь къ общему историческому ходу, размѣстить всѣ явленія по мѣрѣ важности, такъ, чтобы въ изображеніи ихъ соблюдена была точность и соразмѣрность, съ правильною связью причинъ и слѣдствій. Перспектива, въ особенности правильное освѣщеніе, необходимы какъ въ живописи, такъ и въ исторіи. Вотъ глав-

ныя условія прагматическаго изложенія. Теперь взглянемъ, въ какой степени выполняли ихъ наши бытописатели.

Первоначальною формою нашей исторіи была лѣтопись — хронологическая повѣсть событій, безъ всякой прагматической связи: люди скромные, любознательные, большею частію безъименные, по всей вѣроятности духовные, вносили въ свои сборники замѣтки о томъ, что они видѣли или слышали, и что по духу времени, по ихъ отношеніямъ, казалось имъ достопамятнымъ: записывали междоусобныя войны князей, походы на враговъ внѣшнихъ, вторженіе иноземныхъ народовъ, случаи церковные, знаменія небесныя, естественныя бѣдствія, моръ, засуху и проч. Все это идетъ одно за другимъ, большею частію въ строгомъ хронологическомъ порядкѣ. Здѣсь некстати судить о началѣ и достовѣрности нашихъ лѣтописей; тѣмъ неумѣстнѣе подводить ихъ подъ тѣ условія, которыя мы выше изложили, разсуждая о цѣли, предметѣ и значеніи отечественной исторіи. Довольно замѣтить, что предки имъ вѣрили безусловно, что въ нихъ они искали отрады въ своихъ страданіяхъ, смотрѣли на нихъ также, какъ мы нынѣ смотримъ на акты государственные, и патріархъ Ермогенъ, призывая Русскихъ къ спасенію вѣры и отечества, ободрялъ защитниковъ Россіи тѣмъ, что подвиги ихъ онъ впишетъ въ лѣтописи.

Лѣтописи наши прекратились около того времени, когда быстро исчезли почти всѣ формы древняго Русскаго міра, при Петрѣ Великомъ. Между тѣмъ уже давно пробудилась мысль о сводѣ старинныхъ хроникъ въ одно цѣлое: въ этомъ духѣ составлены были Степенныя книги, лѣтопись Никона; съ тою же цѣлію, въ первой половинѣ XVIII вѣка, трудился и Татищевъ. Предшествовавшіе ему собиратели отличаются отъ лѣтописцевъ только тѣмъ, что иногда вставляли отъ себя немногія разсужденія, чаще выписки изъ Византійскихъ хроникъ, разумѣется, безъ всякихъ признаковъ критическаго изслѣдованія. Татищевъ хотѣлъ составить сводъ ученый: имѣя подъ рукою весьма многіе, по словамъ его, древніе списки, которые большею частію нынѣ утрачены, онъ выбиралъ изъ нихъ все достопамятное, чисто историческое, и размѣщалъ факты по годамъ, въ послѣдовательномъ порядкѣ, не измѣняя ни тона разсказа, ни самаго языка; сверхъ того писалъ примѣчанія, основываясь отчасти на иноземныхъ авторахъ, о народахъ, издревле обитавшихъ въ Россіи, о географическомъ положеніи мѣстъ, о хронологіи и проч. Не взирая на то, что въ текстѣ онъ ограничивался одинѣми Русскими лѣтописями, трудъ его былъ бы чрезвычайно ва-

женъ для послѣдующихъ бытописателей, какъ собраніе матеріаловъ, если бы авторъ выполнилъ свое предпріятіе отчетливо и добросовѣстно. Вмѣсто безполезныхъ и частію забавныхъ толкованій о Скиѳахъ и Сарматахъ, въ особенности о Сарматскомъ языкѣ, слѣдовало объяснить, какіе были въ рукахъ его списки, къ какому времени они относились, и что именно заимствовано изъ того или другаго. Татищевъ не только все это упустилъ изъ вида, но и навлекъ на себя, едва ли не основательное, подозрѣніе въ подлогѣ: онъ предпочиталъ простымъ, достовѣрнымъ сказаніямъ Нестора нелѣпыя бредни такъ называемой Іоакимовой лѣтописи, по всѣмъ признакамъ составленной въ позднѣйшія времена изъ баснословныхъ преданій Скандинавовъ, съ примѣсью свѣдѣній, сохранившихся въ нашихъ хроникахъ. При такихъ недостаткахъ, трудъ Татищева, которымъ такъ дорожили Миллеръ, Болтинъ и другіе, въ наше время, при строгихъ требованіяхъ исторической критики, не имѣетъ почти никакой цѣны, не взирая на то, что въ немъ есть показанія весьма важныя, невстрѣчающіяся въ другихъ источникахъ. Опасеніе подлога, въ родѣ Іоакимовой лѣтописи, устрашаетъ самыхъ довѣрчивыхъ изыскателей.

Татищевъ былъ послѣднимъ представителемъ второй системы нашей исторіографіи, т. е. свода лѣтописей. Незадолго до него, князь Хилковъ, или справедливѣе, секретарь Хилкова, вздумалъ изобразить минувшую судьбу Россіи, въ прагматическомъ разсказѣ, т. е. съ объясненіемъ вліянія одного событія на другое, съ указаніемъ причинъ и слѣдствій, уже не тономъ и не слогомъ лѣтописей, а въ духѣ современномъ, лучшимъ, по его мнѣнію, языкомъ. Съ тою же цѣлію, съ тѣми же притязаніями, въ первой и особенно во второй половинѣ XVIII столѣтія, писали Ломоносовъ, Щербатовъ, Элагинъ, Эминъ, Стриттеръ, Левекъ и нѣкоторые другіе. Входить въ подробное разсмотрѣніе плана каждаго сочиненія, было бы утомительно и безполезно. Какую услугу могли принести отечественной исторіи писатели, изъ коихъ одинъ занимался ею въ Шведской темницѣ, безъ необходимыхъ пособій; другой не могъ отличить Владиміра на Клязьмѣ отъ Владиміра Волынскаго; третій съ трудомъ понималъ Русскій языкъ; четвертый считалъ преданіе объ Ольгиныхъ воробьяхъ такъ значительнымъ, что хотѣлъ собственнымъ опытомъ удостовѣриться въ истинѣ сказанія, и съ приличною важностію описываетъ свои эксперименты; пятый, наконецъ, выдумывалъ не только рукописи, но и печатныя сочиненія, коихъ никогда никто не издавалъ, и на которыя онъ

ссылался! Не взырая на всѣ хлопоты, до временъ Карамзина не было и тѣни прагматической Русской исторіи. Попытки предшествовавшихъ ему писателей нынѣ любопытны только, какъ младенческія лепетанья; у нихъ вы не встрѣтите ни одной яркой мысли, ни одного свѣтлаго взгляда. О точности плана и говорить нечего. Иначе впрочемъ и быть не могло: они занимались исторіею мимоходомъ, частію отъ скуки, частію по приказанію.

Послѣ такихъ писателей, Карамзинъ явился истиннымъ гигантомъ. Литераторъ просвѣщенный, художникъ по призванію, по влеченію души, отказавшійся отъ всѣхъ расчетовъ честолюбія для одной науки, постоянно вѣрный до конца жизни своему зову, онъ рѣшился написать исторію своего отечества съ истиннымъ рвеніемъ художника, съ огромнымъ запасомъ матеріаловъ, со всею отчетливостію, какую только требовала важность предмета, и совершилъ подвигъ великій съ честію и славою. Ему надлежало бороться съ неимовѣрными затрудненіями: не имѣя ни одного надежнаго путеводителя, исключая Шлецера (и то только до Владиміра), онъ долженъ былъ собирать матеріалы, о существованіи коихъ никто даже не предполагалъ; соглашать безпрестанныя противорѣчія въ числахъ, въименахъ лицъ, въ названія городовъ, народовъ; бороться съ укоренившимися предразсудками; однимъ словомъ, разработывать руду неоцѣненную, но почти нетронутую; онъ, говорю, исполнилъ свой долгъ съ честію и славою; самые строгіе судьи его могутъ говорить, разсуждать и спорить только о томъ, что описалъ Карамзинъ: далѣе предѣла, гдѣ пресѣклась его исторія, они не восходятъ.

Главною цѣлью Карамзина было собрать свѣдѣнія о минувшей судьбѣ отечества изъ всѣхъ возможныхъ источниковъ, размѣстить ихъ въ строгомъ хронологическомъ порядкѣ и одѣть въ изящную форму разсказа. Заботливость его о сохраненіи всѣхъ преданій минувшаго простиралась до такой степени, что самые ничтожные случаи, даже сказки, нашли мѣсто въ его сочиненіи, если не въ текстѣ, то въ примѣчаніяхъ. Кромѣ того, ни одно, сколько нибудь важное, показаніе не осталось безъ подтвержденія ссылками на первые источники. Мало того: авторъ не довольствовался однимъ наборомъ фактовъ: держась строго хронологіи, онъ старался дать значеніе каждому событію, угадывалъ характеръ дѣйствовавшихъ лицъ, вникалъ въ духъ времени, собиралъ черты жизни гражданской и семейной, слѣдилъ за промышленностью, законодательствомъ, словесностью,

художествами, ремеслами; однимъ словомъ, хотѣлъ нарисовать самую полную картину Россіи.

Главнымъ средствомъ къ достиженію этой цѣли онъ признавалъ искусство разсказа, говоря, что «знаніе всѣхъ правъ на «свѣтѣ, ученость Нѣмецкая, остроуміе Вольтерово, ни самое «глубокомысліе Макіавеля, въ историкѣ не замѣняютъ таланта «изображать дѣйствія.» Многіе упрекали Карамзина за предпочтеніе разсказа всѣмъ другимъ достоинствамъ бытописателя: ибо въ такомъ случаѣ исторія будетъ повѣстью, сказкою, а не наукою, имѣющею предметомъ развитіе идеи о человѣчествѣ. Упрекъ несправедливый: Карамзинъ смотрѣлъ на искусство повѣствованія, какъ на умѣнье автора выражать ясно, вѣрно, изящнымъ слогомъ, не безотчетныя идеи, а результатъ предварительныхъ критическихъ соображеній. Онъ не хотѣлъ затемнять текстъ изслѣдованіемъ противорѣчій другихъ историковъ, помѣщая свои разысканія въ примѣчаніяхъ, и стараясь представить только то, что послѣ многихъ изслѣдованій считалъ результатомъ.

Не оспаривая началъ, принятыхъ Карамзинымъ, и признавая ихъ совершенно сообразными съ цѣлію исторіи, имѣющей предметомъ развитіе государственной жизни, разсмотримъ, въ какой степени онъ выполнилъ свое предпріятіе. Само собою разумѣется, что здѣсь первый вопросъ о томъ, какъ смотрѣлъ онъ на общій ходъ событій? Основная мысль его о характерѣ Русской исторіи выражена слѣдующимъ образомъ: «Мужъ ученый «и славный, Шлецеръ, сказалъ, что наша исторія имѣетъ пять «главныхъ періодовъ; что Россія отъ 862 года до Святополка «должна быть названа раждающеюся; отъ Ярослава до Монго-«ловъ, раздѣленною; отъ Батыя до Іоанна III, угнетенною; отъ «Іоанна до Петра Великаго, побѣдоносною; отъ Петра до Ека-«терины II, процвѣтающею. Сія мысль, замѣчаетъ Карамзинъ, «кажется мнѣ болѣе остроумною, нежели основательною: 1) вѣкъ «св. Владиміра былъ уже вѣкомъ могущества и славы, а не «рожденія; 2) государство дѣлилось и прежде 1015 года; 3) ес-«ли по внутреннему состоянію и внѣшнимъ дѣйствіямъ Россіи «надобно означать періоды, то можно ли смѣшать въ одно вре-«мя великаго князя Димитрія Александровича и Донскаго, без-«молвное рабство съ побѣдою и славою! 4) вѣкъ самозванцевъ «ознаменованъ болѣе злосчастіемъ, нежели побѣдою. Гораздо «лучше, истиннѣе, скромнѣе, заключаетъ исторіографъ, исторія «наша дѣлится на древнѣйшую отъ Рюрика до Іоанна III, на «среднюю отъ Іоанна до Петра, и новую отъ Петра до Алексан-

«дра. Система удѣловъ была характеромъ первой эпохи, еди-«новластіе второй, измѣненіе гражданскихъ обычаевъ третьей.»

Съ перваго взгляда доводы Карамзина кажутся основательными, и читатель изумляется, какъ могъ такой ученый и отчетливый систематикъ, какъ Шлецеръ, впасть въ столь грубую ошибку. Но вникая въ основныя начала того и другаго писателя, мы находимъ, что раздѣленіе Шлецера, имѣющее свои неудобства, правильнѣе раздѣленія Карамзина. Доказательства наши слѣдующія:

1) Шлецеръ, назвавъ Русь до Святополка, или справедливѣе до Ярослава I, раждающеюся, очевидно хотѣлъ сказать, что не прежде, какъ въ первой половинѣ XI вѣка, установились главныя условія ея бытія, опредѣлились границы Русской земли, исчезло различіе между Славянами и поселившимися среди ихъ Норманнами, означались отношенія великаго князя къ удѣльнымъ; главное же, утвердилась Христіанская вѣра Греческаго закона. Послѣднее условіе рѣшило навсегда судьбу Руси, отдаливъ ее отъ Рима и положивъ начало самобытному государству.

2) Удѣльная система, согласно съ мнѣніемъ Шлецера, была господствующею, главною пружиною, только отъ Ярослава до Монголовъ. Она обнаруживалась и прежде Ярослава, но тогда уступала внѣшнему расширенію Норманновъ, или стремленію ихъ къ завоеванію земли Славянской; обнаруживалась и послѣ нашествія Монголовъ, но тогда ее подавляло господство Золотой орды, дававшее направленіе всѣмъ событіямъ.

3) Столь же правильно опредѣлилъ Шлецеръ общій характеръ времени отъ нашествія Монголовъ до Іоанна III, назвавъ Россію угнетенною. Подвигъ Димитрія Донскаго возвысилъ Москву и князей ея внутри Россіи, показалъ возможность свергнуть иго рабства, но не спасъ отечества отъ Монголовъ: самъ Димитрій, послѣ побѣды Куликовской, платилъ дань; сынъ его ѣздилъ въ орду бить челомъ; внукъ судился тамъ съ родственниками, и только воля хана утвердила его на престолѣ великаго князя.

4) Наконецъ, опровергая мнѣніе Шлецера о четвертомъ періодѣ, когда Россія, по словамъ ученаго кратика, была *побѣдоносною*, Карамзинъ видитъ въ эпохѣ самозванцевъ одно злосчастіе. Но если предки наши восторжествовали, отбились отъ враговъ, тѣснившихъ отечество со всѣхъ сторонъ, кончили борьбу со славою: развѣ это не побѣда? Безъ сомнѣнія тѣмъ славнѣйшая, чѣмъ затруднительнѣе было положеніе Россіи. Притомъ же паденіе Золотой орды, расширеніе предѣловъ на

западѣ, завоеваніе царства Казанскаго, почти всей Сибири, пріобрѣтеніе Малороссіи, все это совершилось въ то время, которое Шлецеръ назвалъ побѣдоноснымъ. Конечно, случались неудачи; но вообще перевѣсъ былъ на нашей сторонѣ. Ниже объяснится односторонность и неполнота раздѣленія Шлецерова. Правильнѣе ли смотрѣлъ Карамзинъ на ходъ нашихъ событій?

Сказавъ: «Русская исторія лучше, истиннѣе, скромнѣе дѣлится на *древнюю*, *среднюю* и *новую*», онъ очевидно принималъ эти слова въ томъ же значеніи, въ какомъ понимаютъ ихъ Европейскіе ученые при разсматриваніи всемірной исторіи: т. е. древняя исторія представляетъ міръ исчезнувшій; средняя служитъ переходомъ отъ древняго къ новому; новая объясняетъ начало и развитіе тѣхъ элементовъ, изъ коихъ образовалась современная жизнь. Если допустить эти основанія, идея о древнемъ Русскомъ мірѣ поведетъ къ ложнымъ умозаключеніямъ. Въ такомъ случаѣ надобно будетъ предположить, что со временъ Іоанна III, послѣ крутаго переворота, начался новый порядокъ вещей, измѣнились отношенія внутреннія и внѣшнія, и весь составъ государства былъ потрясенъ въ своихъ основаніяхъ. Но событія говорятъ противное: Іоаннъ III и преемники его развивали ту же мысль, которая родилась почти за полтораста лѣтъ до него въ головѣ Іоанна Калиты, именно: главною цѣлію всѣхъ государей Московскихъ было сосредоточить Русскую землю въ одно цѣлое, утвердить ее за своимъ родомъ, избавить отъ чуждаго вліянія Монголовъ и Поляковъ. Всѣ они дѣйствовали въ одномъ духѣ, болѣе или менѣе удачно, припаровляя политику къ обстоятельствамъ времени, то лаская враговъ, то сокрушая ихъ оружіемъ. Въ слѣдствіе того, все, что не противорѣчило ихъ намѣреніямъ, оставалось неизмѣннымъ: внутреннее устройство, въ отношеніи къ суду и расправѣ, къ финансовой системѣ, къ управленію церкви, было развитіемъ и поясненіемъ прежняго порядка вещей. Все старое оставалось по старому, если только согласовалось съ политикою государей Московскихъ. Что значатъ судебники, уставныя грамматы, тарханныя, таможенныя? Это ничто иное, какъ выраженіе давно существовавшихъ законовъ, или обычаевъ, имѣвшихъ силу закона, съ дополненіемъ новыхъ правилъ, но въ прежнемъ духѣ. Конечно, удѣльная система исчезла, но не вдругъ, не при Іоаннѣ Калитѣ и рушилась окончательно при Іоаннѣ IV. Иго Монгольское равнымъ образомъ ослабѣвало исподоволь, съ постепеннымъ развитіемъ могущества Московскаго, отъ Іоанна Ка-

литы до конца княженія Іоанна III, если не Іоанна IV. Іоаннъ III безъ сомнѣнія начинаетъ новую эпоху въ Русской исторіи, но въ томъ же почти смыслѣ, какъ служили эпохами правленіе Ярослава I, нашествіе Монголовъ, княженіе Іоанна Калиты, самозванцы, вступленіе на престолъ Михаила Θеодоровича, и раздѣлить временемъ Іоанна III все пространство отъ начала Руси до Петра Великаго на двѣ отличныя половины, мнѣ кажется ошибкою, тѣмъ болѣе важною, что отъ этого зависитъ неправильное воззрѣніе какъ на общій ходъ событій, такъ и на частныя подробности: ибо авторъ долженъ былъ придерживаться главной идеи, принятой имъ за основаніе.

Отличительнымъ характеромъ древней исторіи, говоритъ Карамзинъ, была система удѣловъ. Я согласенъ, что право удѣльное опредѣляло порядокъ престолонаслѣдія и взаимныя отношенія членовъ господствующей фамиліи; но 1) справедливо ли принимать одно право престолонаслѣдія основаніемъ историческаго дѣленія? не слѣдуетъ ли обращать вниманія на другія обстоятельства? особенно когда видимъ, что удѣльная система была господствующимъ явленіемъ, источникомъ событій, только отъ Ярослава до Монголовъ; до Ярослава же, главнымъ явленіемъ было быстрое расширеніе Норманскаго господства надъ Славянами и основаніе Руси, а съ покореніемъ отечества Монголами, начался раздѣлъ Руси, на восточную и западную, и образовались два могущественныя государства, Московское и Литовское; 2) право удѣльное господствовало у насъ до самаго прекращенія Рюриковой династіи въ лицѣ царевича Димитрія Углицкаго, послѣдняго удѣльнаго князя. Слѣдовательно, въ такомъ случаѣ удѣльная система будетъ служить отличительнымъ характеромъ нашей исторіи не до половины XV вѣка, а полтораста лѣтъ далѣе, до конца XVI вѣка. Вы скажете, что послѣ Іоанна III ее замѣнили иныя пружины; я отвѣчаю: то же самое при Монголахъ, особенно если не упустимъ изъ вида западной Россіи, гдѣ удѣльная система рушилась за 100 лѣтъ до Іоанна III.

Касательно идеи Карамзина о средней исторіи, или о пространствѣ времени отъ Іоанна III до Петра Великаго, мы уже выше замѣтили, что этого названія не льзя допустить въ смыслѣ перехода отъ древняго порядка вещей къ новому, тѣмъ болѣе, что здѣсь не было аналогическихъ явленій съ папизмомъ и феодализмомъ. Переходъ отъ древняго міра къ новому у насъ былъ дѣйствительно; но онъ совершился въ одно царствованіе Петра Великаго, въ началѣ XVIII вѣка: здѣсь предѣлъ древ-

няго Русскаго міра и начало тѣхъ элементовъ, изъ коихъ образовалась нынѣшняя сфера наша. Неправильно будетъ названіе средней исторіи и въ томъ смыслѣ, какой даетъ ей Карамзинъ, сказавъ, что отличительною чертою ея было стремленіе къ самодержавію. Это стремленіе родилось въ умѣ Іоанна Калиты, живо обнаружилось при Донскомъ и достигло своей цѣли при Іоаннѣ III. Съ тѣхъ поръ самодержавіе принято за непремѣнное условіе бытія Русской державы такъ точно, какъ Христіанская вѣра Греческаго исповѣданія. Напрасно будемъ приводить въ примѣръ Іоанна IV: Іоаннъ допустилъ на нѣсколько лѣтъ управлять собою Сильвестру и Адашеву, недумавшимъ о правѣ удѣльномъ; но какъ скоро онъ изъявилъ намѣреніе править самъ, никто съ нимъ не спорилъ. Если же Іоаннъ губилъ вельможъ, истреблялъ княжескія поколѣнія, то онъ же губилъ слабыхъ женщинъ, служителей своихъ, иноковъ, родныхъ, наконецъ умертвилъ и собственнаго сына: слѣдовательно, въ дѣйствіяхъ его обнаруживается не потребность вѣка, а болѣзнь души. Самъ авторъ видѣлъ невозможность держаться принятой имъ идеи: ибо чѣмъ наполнилъ онъ разсказъ отъ начала XVI, даже отъ половины XV вѣка, до начала XVII столѣтія? Войнами съ Монголами, съ Польшею, съ Ливонскимъ орденомъ, съ Швеціею, отчасти дѣйствіями внутренняго управленія.

Онъ измѣнилъ своей идеѣ однакожъ только въ средней исторіи; въ древней хотѣлъ быть вѣренъ принятымъ началамъ, и впалъ въ другую, не менѣе важную ошибку. Все пространство времени отъ Рюрика до половины XV вѣка представляетъ непрерывную цѣпь княжескихъ междоусобій, описанныхъ со всѣми мелочными подробностями: ни одно движеніе самаго ничтожнаго князя не оставлено безъ вниманія, если только оно сохранилось въ лѣтописяхъ, между тѣмъ, какъ другіе важнѣйшіе предметы, имѣвшіе рѣшительное вліяніе на судьбу нашего отечества, замѣчены слегка, какъ будто вскользь, и то въ связи съ удѣльными бранями. Въ доказательство моихъ словъ, укажу на главныя явленія, упущенныя имъ изъ вида:

1) Авторъ принимаетъ за истину, что Норманны положили въ землѣ Славянской начало Руси; слѣдовательно, какъ виновники бытія Русской державы, они заслуживали самаго тщательнаго вниманія бытописателя. Мы вправѣ требовать, чтобы онъ далъ ясную идею о Норманнахъ, о характерѣ ихъ дѣйствій въ другихъ странахъ Европы, о правилахъ, коимъ они слѣдовали, утверждая свое господство, объ отношеніяхъ побѣдителей къ побѣжденнымъ, о томъ, что они могли ввести въ покоренныя

страны и что сами могли заимствовать, и проч. Въ такомъ случаѣ, читатель былъ бы въ состояніи смотрѣть съ правильной точки зрѣнія на первые два вѣка своего отечества, когда брошены были сѣмена послѣдующихъ явленій. Вмѣсто того, въ *Исторіи государства Россійскаго* хитрости Ольгины описаны со всѣми подробностями сказки, даже съ догадками и предположеніями; о Норманнахъ мы находимъ нѣсколько словъ. Возраженіе, что авторъ не могъ дополнять лѣтописей, разсказывающихъ о началѣ Руси весьма кратко, будетъ неосновательно: Эверсъ, разсматривая тотъ же предметъ, только въ одномъ отношеніи къ развитію права, нашелъ средства дать ясную идею о господствѣ Норманновъ.

2) Столь же мало развито понятіе о слѣдствіяхъ введенія Христіанской вѣры Греческаго исповѣданія и о вліяніи Византіи. Можно ли умолчать объ этомъ предметѣ, когда размыслимъ, что со введеніемъ Греческаго исповѣданія, судьба нашего отечества приняла совершенно отличное направленіе отъ судьбы западныхъ народовъ, что вѣра Христіанская Греческаго исповѣданія и закона, при самомъ началѣ, посредствомъ перевода Библіи на Славянскій языкъ, слилась съ Русскою жизнію и составила первое, главнѣйшее условіе нашей народности, и что наконецъ изъ Византіи заимствовано все устройство нашей іерархіи, столь сильно дѣйствовавшей во всѣхъ Христіанскихъ государствахъ на гражданскую участь народовъ? Авторъ слегка намекаетъ на означеные нами предметы; но этого мало. По самому свойству, подобныя явленія должны стоять на первомъ планѣ, а не въ тѣни.

3) Къ той же категоріи относится владычество Монголовъ надъ Русскою землею; недостатки изложенія тѣ же. Здѣсь упущены два обстоятельства: первое, какъ властвовали Монголы, почему оставили Русскихъ князей на престолахъ, отъ чего сами не поселились въ нашемъ отечествѣ, въ какихъ отношеніяхъ были къ князьямъ, до какоій степени вмѣшивались во внутреннее управленіе; второе, какія были слѣдствія Монгольскаго ига, какъ долго они сохранялись, когда исчезли, или замѣтны и донынѣ. Авторъ говоритъ о послѣднемъ обстоятельствѣ; но упустивъ изъ вида первое, онъ не могъ вполнѣ обнять втораго. Въ его сочиненіи нѣтъ даже связной исторіи Золотой орды, между тѣмъ, какъ она властвовала надъ нами и была главною пружиною важнѣйшихъ явленій. Нельзя оправдываться недостатками матеріаловъ: изъ записокъ однихъ Латинскихъ мис-

сіонеровъ можно сдѣлать многіе выводы, не говоря объ источникахъ восточныхъ.

Здѣсь однакожъ кстати повторить прежнее наше замѣчаніе: мы не думаемъ обвинять Карамзина. Онъ совершилъ такой подвигъ, что поистинѣ нельзя не удивляться ему, и упрекать его, почему онъ не сдѣлалъ того, другаго, было бы несправедливо. Чтобы написать одну исторію Золотой орды, потребуется, можетъ быть, по крайней мѣрѣ половина труда и времени, употребленнаго Карамзинымъ на сочиненіе 12 томовъ; онъ сдѣлалъ все, что могъ, и безъ сомнѣнія болѣе, чѣмъ ожидали современники, при необработанности нашихъ матеріаловъ. Мы разсуждаемъ только о томъ, въ какомъ положеніи находится наша прагматическая исторія, какіе видимъ въ ней недостатки и на что надобно обратить особенное вниманіе новыхъ тружениковъ.

Но если мы не вправѣ требовать отъ Карамзина огромныхъ ученыхъ разысканій, едва ли даже возможныхъ при тогдашнемъ положеніи матеріаловъ, то съ другой стороны вправѣ желать болѣе отчетливости, болѣе системы въ изложеніи самыхъ фактовъ. Не забудемъ, что искусство изображать событія считалъ самъ исторіографъ главнымъ достоинствомъ бытописателя, выше всякой учености. Въ какой же степени красоты изложенія выкупаютъ недостатки общаго плана?

Искусство разсказа, по моему понятію, состоитъ въ счастливомъ талантѣ повѣствователя: говорить плавно, ясно, сообразно съ предметомъ; сцѣплять всѣ случаи или факты непрерывною цѣпью; давать каждому изъ нихъ свой вѣсъ; удачно опредѣлять тотъ моментъ, когда положеніе дѣлъ измѣняется; наконецъ въ повѣствованіи такихъ случаевъ, гдѣ на сценѣ являются въ одно время многіе дѣйствователи, каждому изъ нихъ указывать свое мѣсто, и притомъ слѣдить не столько лица, сколько общій ходъ событій. Прилагая эти начала къ разсказу Карамзина, я нахожу слѣдующее: слогъ его въ полномъ смыслѣ заслуживаетъ названіе образцоваго, по чистотѣ, ясности, точности языка и по сообразности съ предметомъ. Если авторъ пойметъ свой предметъ, онъ разскажетъ такъ, что самъ Титъ Ливій не превзойдетъ его: звучные, стройные періоды Карамзина, гдѣ каждое слово на своемъ мѣстѣ, гдѣ нѣтъ ничего лишняго, ничего неумѣстнаго, тѣмъ болѣе неправильнаго, доселѣ служатъ образцомъ изящнаго слога и превосходнѣйшею школою для молодыхъ писателей. Можно ручаться, *Исторія госу-*

дарства Россійскаго всегда будетъ стражемъ нашего языка противъ всѣхъ усилій истерзать его нововведеніями.

Но, разсматривая порядокъ изложенія, я встрѣчаю весьма важные недостатки. Авторъ ведетъ не нить событій, постепенно обнаруживавшихся, а рядъ великихъ князей и царей. Сообразно принятому имъ плану, каждая глава его исторіи заключаетъ въ себѣ не общее какое нибудь цѣлое, образовавшееся изъ многихъ частныхъ событій и господствовавшее въ извѣстныхъ границахъ, а біографію великаго князя или государя. Онъ разсказываетъ, напримѣръ, о Владимірѣ Мономахѣ : говоритъ, какъ Владиміръ вступилъ на престолъ, какъ онъ княжилъ въ своихъ удѣлахъ, что въ то же время происходило въ другихъ княжествахъ, хотя Владиміръ тамъ и не господствовалъ; какіе издалъ законы, какъ умеръ, и что наконецъ еще замѣтили лѣтописцы объ его времени : были ли перемѣны въ церкви, случились ли знаменія небесныя, и т. п.; потомъ начинаетъ главу о сынѣ его, Мстиславѣ Великомъ, и разсказываетъ объ немъ въ томъ же порядкѣ, подводя событія разныхъ удѣльныхъ княжествъ подъ одинъ извѣстный годъ. Такой планъ изложенія утомителенъ и для автора и для читателя. Авторъ встрѣчаетъ величайшее затрудненіе соединить разнообразные случаи въ одну раму, особенно, если хочетъ показать еще взаимную связь ихъ. Ему остается держаться тона лѣтописнаго; иначе онъ впадетъ въ погрѣшности, если захочетъ связать факты не хронологіею, а прагматизмомъ. Тѣмъ тягостнѣе читателю, который не имѣя никакой нити къ соображенію, не въ силахъ постигнуть, отъ чего все это было и къ чему все это ведетъ, что разсказываетъ авторъ. Кромѣ того, одинъ князь Черниговскій жилъ въ правленіе трехъ великихъ князей Суздальскихъ : авторъ принужденъ обращаться къ нему 6, 10 разъ, оставлять его и снова выводить на сцену, единственно отъ того, чтобы показать случаи одного года, хотя неимѣющіе никакой связи между собою. Неудобства этого плана въ особенности ощутительны при описаніи событій XI, XII и XIII столѣтій : никакая память не въ силахъ обнять того, что разсказываетъ исторіографъ объ удѣльныхъ браняхъ. Князья являются, спорятъ, толпятся, исчезаютъ, уступаютъ мѣсто другимъ князьямъ; чѣмъ ближе къ Монголамъ, тѣмъ труднѣе сообразить ходъ событій. Между тѣмъ не надобно думать, чтобы удѣльный періодъ былъ такъ запутанъ и непонятенъ : должно только слѣдить общее направленіе событій и не привязывать ихъ къ одному лицу князей Суздальскихъ. Ниже я постараюсь доказать это положеніе.

Раздѣленіе исторіи на главы по царствованіямъ государей, можно допустить со временъ Іоанна Калиты, когда все становится дѣломъ отдѣльнаго лица; но и здѣсь, описывая правленіе какого нибудь государя, необходимо вести болѣе прагматическую нить, нежели хронологическую. Первый вопросъ — какое значеніе извѣстнаго государя, напримѣръ Іоанна III, въ нашей исторіи? Второй — какими средствами дѣйствовалъ Іоаннъ и какъ дѣйствовалъ? Авторъ видитъ въ немъ государя великаго, уничтожившаго иго Монголовъ, познакомившаго Россію съ Европою, наконецъ мудраго строителя державы. Идея справедливая, при всей неполнотѣ ея; но прочтите исторію Іоанна, вникните во всѣ дѣла его: въ умѣ вашемъ останется совсѣмъ не тотъ порядокъ явленій, какого держался исторіографъ. Въ вашей памяти рѣзко запечатлѣются слѣдующія явленія: прежде всего остается мысль о раздѣленіи отечества на многіе удѣлы; далѣе вы видите постепенное уничтоженіе этихъ удѣловъ; потомъ рѣшительный ударъ, нанесенный Новгороду; послѣ того постепенное сверженіе ига; борьбу съ родомъ Гедимина за Русь западную; начало тѣсной связи съ Европейскими государями, и такъ далѣе. Раскрытіе этихъ явленій надлежало, по моему мнѣнію, представить какъ нѣчто цѣлое, въ отдѣльныхъ картинахъ, именно потому, что они большею частію не сцѣплялись одно съ другимъ и развивалась въ своей сферѣ. Всѣ они проистекали изъ одной мысли Іоанна — о необходимости сосредоточить Русскую землю въ одно самостоятельное, независимое государство; но каждое шло своею полосою. Слѣдовательно, безпрестанно разрывать ихъ, единственно для того, что въ такомъ то году случилось то-то и то-то, значитъ писать не прагматическую исторію, а лѣтопись; чего не желалъ однакожъ авторъ. Если бы онъ велъ нить событій однородныхъ, то не впалъ бы во многія погрѣшности. Напримѣръ, въ самомъ началѣ исторіи Іоанна, представляя всеобщее уныніе народа, послѣ предшествовавшихъ бѣдствій при Василіи Темномъ, увеличившееся мыслію о близкомъ концѣ міра, авторъ говоритъ, что великій князь хотѣлъ ободрить народъ и предпринялъ походъ на Казань. Но во 1) едва ли война можетъ служить ободреніемъ народу; во 2) всѣ послѣдующія дѣйствія Іоанна служатъ доказательствомъ, что покореніе Казани онъ считалъ однимъ изъ главныхъ средствъ къ сверженію ига, напрягалъ всѣ усилія для ея обузданія и достигъ своей цѣли. Слѣдовательно, Казанскія войны его имѣютъ высокое значеніе и тѣсно связаны не съ мыслію о представленіи свѣта, а съ рѣшительнымъ намѣ-

реніемъ освободить Россію отъ Татаръ. Приведу другой примѣръ: въ слѣдъ за описаніемъ неудачнаго похода Ахматова на Россію, авторъ говоритъ: «вскорѣ послѣ того великій князь и «всѣ Москвитяне были огорчены преждевременною кончиною «Юрія Васильевича.» Если бы цѣлью его сочиненія было показать, когда радовался и печалился Іоаннъ, извѣстіе о смерти Юрія было бы на своемъ мѣстѣ; но авторъ желалъ изобразить, что было и какъ было въ нашемъ отечествѣ: смерть Юрія была важнымъ событіемъ для удѣльной системы; великій князь присоединилъ его города къ своей отчинѣ. Конечно, послѣдовательный, хронологическій порядокъ событій есть необходимое условіе историческаго сочиненія; не онъ измѣняется по цѣли автора: большее различіе, пишетъ ли онъ лѣтопись, или прагматическую исторію. Въ первомъ случаѣ, онъ обязанъ слѣдить день за день и обращать вниманіе на порядокъ времени, не думая о разнородности событій; во второмъ, онъ размѣщаетъ факты на извѣстные разряды и показываетъ взаимное вліяніе одного на другой. Приведу еще одинъ примѣръ: въ числѣ событій времени Василія Темнаго описанъ Флорентійскій соборъ весьма подробно. Этотъ случай чрезвычайно важенъ въ нашей исторіи, но въ отношеніи не къ Василію Темному, а къ судьбѣ западной Россіи, какъ зародышъ Уніи, которая также разсказана не у мѣста въ исторіи Ѳеодора Іоанновича, между тѣмъ, какъ она имѣла рѣшительное, прямое вліяніе на судьбу не Московскаго государства, а Литовскаго княжества.

Въ подтвержденіе моихъ мыслей о недостаткахъ прагматическаго изложенія Исторіи государства Россійскаго, я обратилъ вниманіе на тѣ части, которыя лучше другихъ отдѣланы. Если бы разсматривать слабѣйшія мѣста, напримѣръ удѣльный періодъ, мы увидѣли бы еще болѣе несообразностей. Довольно замѣтить, что авторъ, описывая XII и XIII столѣтія, выставляетъ на первомъ планѣ обыкновенно князей Суздальскихъ, какъ будто они властвовали надъ всею Русскою землею; между тѣмъ ходъ событій удостовѣряетъ, что въ Русской землѣ въ началѣ XIII столѣтія было по крайней мѣрѣ 10 системъ или государствъ, раздѣленныхъ на многіе удѣлы и имѣвшихъ своего великаго князя. Многіе изъ нихъ, напримѣръ, Галицкіе великіе князья играли роль важнѣе Суздальскихъ.

Сообразивъ все вышесказанное, я вывожу слѣдующее положеніе: Карамзинъ заставилъ насъ забыть почти всѣхъ предшествовавшихъ ему бытописателей и оказалъ величайшую услугу отечественной исторіи тѣмъ, что онъ привелъ въ извѣст-

ность почти всѣ ея источники, выбралъ изъ нихъ факты съ рѣдкою отчетливостью, не упустивъ ни одной черты, ни одного замѣчательнаго слова; представилъ событія въ строгомъ хронологическомъ порядкѣ и приготовилъ матеріалы для прагматическаго бытописателя. Трудъ его всегда будетъ украшать нашу словесность, какъ богатѣйшій запасъ историческихъ свѣдѣній, изложенныхъ самымъ изящнымъ слогомъ. Но прагматическій бытописатель долженъ искать въ немъ однихъ фактовъ, и каждую догадку или предположеніе его подвергать строгой исторической критикѣ: ибо въ слѣдствіе принятаго исторіографомъ плана, при недостаткѣ критическаго воззрѣнія, выводы его не всегда могли быть вѣрны.

Оправдывая незабвеннаго исторіографа самою огромностію предпринятаго имъ труда, и признавая въ немъ явный перевѣсъ достоинствъ надъ недостатками, мы тѣмъ болѣе вправѣ судить строго современнаго намъ писателя, автора *Исторіи Русскаго народа*, который, рѣшившись написать прагматическую исторію послѣ Карамзина, имѣлъ гораздо болѣе готовыхъ матеріаловъ, открытыхъ какъ предшественникомъ его, такъ и другими учеными изыскателями. Мы не станемъ входить въ подробное изслѣдованіе его сочиненія, считая достаточнымъ опредѣлить, лучше ли Карамзина понималъ онъ отечественную исторію, чего искалъ въ ней, что нашелъ и какъ представилъ найденное имъ?

Полевой писалъ не исторію государства Россійскаго, какъ того хотѣлъ Карамзинъ, а *исторію Русскаго народа*. По мнѣнію его, въ словахъ *Русское государство* заключалась главная ошибка прежнихъ писателей: «Государство Русское, говоритъ онъ, «начало только существовать со времени сверженія ига Монгольскаго. Рюрикъ, Сенеусъ, Труворъ, Аскольдъ, Диръ и Рогвольдъ основали не одно, но отдѣльныя, разныя государства. «Три первыя были соединены Рюрикомъ; съ переселеніемъ «Олега въ Кіевъ, послѣдовало отдѣленіе сѣверной Руси и образованіе оной въ видѣ республики. Кіевское государство, усиленное Игоремъ, Ольгою, Святославомъ, Владиміромъ и Ярославомъ, дѣлилось потомъ особо отъ сѣвера и представляло «особую систему феодальныхъ Русскихъ государствъ. При такомъ взглядѣ, заключаетъ авторъ, измѣняется совершенно вся «древняя исторія Россіи, и можетъ быть только исторія Русскаго народа, а не исторія Русскаго государства.» Вотъ всѣ доводы, на коихъ онъ утвердилъ основную идею объ отечественной исторіи. Если даже признать ихъ удовлетворительными,

то автору слѣдовало кончить свой трудъ половиною XV вѣка; отъ сего же времени говорить не о народѣ, а о государствѣ; между тѣмъ онъ намѣренъ довести свое сочиненіе до нашихъ временъ, подъ прежнимъ заглавіемъ, хотя самъ же признается, что со времени Іоанна III идетъ исторія государства, а не народа. Мнѣ кажется, здѣсь явная несообразность.

Кромѣ того, нельзя принять изложенныхъ имъ доводовъ основаніемъ и той мысли, что до половины XV вѣка мы видимъ народъ, а не государство. Что такое государство? Соединеніе поколѣній одного извѣстнаго племени или нѣсколькихъ племенъ въ одно гражданское общество, имѣющее свои законы, свою вѣру и управляемое верховною властію. Допустимъ, что въ первые шесть или семь вѣковъ бытія Руси было въ ней нѣсколько такихъ обществъ, возникшихъ въ Славянскомъ племени и основанныхъ Норманнами: значитъ, что Русь была раздѣлена на нѣсколько государствъ, въ чемъ согласенъ и самъ авторъ; слѣдовательно, надлежало только говорить не объ одномъ, а о многихъ государствахъ: или справедливѣе, надобно было писать исторію Руси, не страны и не народа, а государства, подвластнаго одной господствующей фамиліи, раздѣленнаго сначала, по удѣльному праву, между многими владѣтелями одного дома, въ послѣдствіи между двумя отраслями, между поколѣніемъ Іоанна Калиты и домомъ Гедимина. Все будетъ рѣчь о государствѣ, или, если угодно, о государствахъ, а не о народѣ. По смыслу Русскаго языка, исторія народа можетъ быть въ такомъ только случаѣ, когда главнымъ дѣйствующимъ лицемъ будетъ народъ, такъ точно, какъ напримѣръ, исторія Петра Великаго, Фридриха II, Французской революціи. У Полеваго народъ также рѣдко является на сценѣ, какъ у Карамзина — и весьма естественно: все зависѣло отъ князей; народъ, исключая одинъ Новгородъ и частію Псковъ, былъ въ сторонѣ.

Но этого мало: въ самыхъ доводахъ автора нѣтъ исторической истины; онъ говоритъ: во 1) что въ самомъ началѣ основано не одно, а шесть отдѣльныхъ Русскихъ государствъ. Мнѣніе несправедливое: государство Рюриково, Синеусово, Труворово составляли одну державу, сперва раздѣленную между тремя братьями, по праву удѣльному, потомъ чрезъ два года соединившуюся въ одно цѣлое, по смерти двухъ братьевъ. О Рогвольдѣ Полоцкомъ сказаніе лѣтописи слишкомъ неясно и неопредѣлительно, чтобы изъ него вывести какой нибудь положительный фактъ. Во многихъ лѣтописяхъ именно сказано, что Полоцкъ принадлежалъ Рюрику. Аскольдъ и Диръ дѣйстви-

тельно при Рюрикѣ правили въ Кіевѣ отдѣльно отъ Новгородскаго князя, только нерозно, а вмѣстѣ; но эта отдѣльность ихъ государства отъ Рюрикова, или Кіевскаго отъ Новгородскаго, не подтверждаетъ мнѣнія автора о множествѣ Русскихъ государствъ въ самомъ началѣ; она противорѣчила понятіямъ Норманновъ о правѣ господства въ Русской земли: за что Олегъ умертвилъ Аскольда и Дира? онъ сказалъ имъ: вы не князи, ни бояре, т. е. не были ни членами господствующей фамиліи, которой исключительно принадлежала верховная власть, ни намѣстниками ея. Значитъ присвоеніе Аскольдомъ и Диромъ власти надъ Кіевомъ не имѣло по тогдашнему понятію законнаго основанія, казалось мятежемъ, и Олегъ вступилъ въ Кіевъ безъ сопротивленія. Согласимся даже, что при Рюрикѣ основано 6, 10, 12 Норманскихъ государствъ: но долго ли они существовали независимо? не всѣ ли они при первомъ преемникѣ Рюрика, при Олегѣ, слились въ одно цѣлое (исключая, можетъ быть, только Полоцкъ)? Такъ было дѣйствительно: была одна Русь, подвластная одному дому. Вся разность заключалась въ современномъ понятіи о порядкѣ престолонаслѣдія; до Іоанна III, или справедливѣе до Димитрія Донскаго, право на верховную власть принадлежало всѣмъ членамъ княжескаго дома; послѣ Димитрія, въ особенности послѣ Іоанна, установилось право одного лица, переходившее отъ отца къ сыну; слѣдовательно, до половины XIV вѣка было Русское государство, раздѣленное по удѣльному праву между многими владѣтелями одного дома Владиміра св. 2) Столь же неосновательно мнѣніе автора объ отдѣленіи сѣверной Руси отъ южной и образованіе оной въ видѣ республики, послѣ того, какъ Олегъ утвердился въ Кіевѣ. Вникните въ исторію Новгорода: великіе князья Кіевскіе до половины XII вѣка отдаютъ его въ удѣлъ отчасти своимъ дѣтямъ, отчасти князьямъ другихъ поколѣній, такъ точно, какъ они раздавали города въ другихъ областяхъ. Новгородъ, по стеченію разныхъ обстоятельствъ, пользуясь междоусобіями дома Владиміра св., старается ограничить своего князя, успѣваетъ въ томъ, не прежде, однакожъ, какъ чрезъ 250 лѣтъ послѣ начала Руси, но никогда не можетъ обойтись безъ князя изъ рода Владиміра св. и въ особенности изъ такого поколѣнія, которое было первенствующимъ; выбираетъ только такихъ, которые обѣщаютъ не нарушать граммать, дарованныхъ Ярославомъ. Вся разность Новгорода отъ Кіева, Суздаля, Галича, въ томъ, что Новгородскій князь имѣлъ власть ограниченную,

Кіевскій, Галицкій, Суздальскій правилъ самодержавно: значить ли это — отдѣленіе сѣверной Руси отъ южной?

Мы коснулись только главной идеи автора о Русской исторіи. Изслѣдуемъ, какъ онъ смотрѣлъ на ходъ событій, или на тѣ общія явленія, которыя, составляясь изъ частныхъ, опредѣляютъ характеръ исторіи. Вотъ его основныя мысли: «я не принялъ, говоритъ онъ, для періодовъ исторіи Русскаго народа, «ни дѣленія Шлецерова, ни дѣленія Карамзина, и въ слѣдствіе основной мысли (т. е. что можетъ быть только исторія «народа, а не государства), главы исторіи дѣлилъ не княженіями, но событіями. Полагая, что съ Ярославомъ кончилась «Норманская феодальная система, намъ должно оканчивать первый періодъ смертью Ярослава. Отселѣ особый характеръ Русской исторіи, кончающійся нашествіемъ Монголовъ: періодъ «второй; періодъ третій составляетъ порабощеніе подъ иго Монголовъ и освобожденіе отъ онаго. Сей періодъ продолжается «до Іоанна III. Съ нимъ начинается періодъ четвертый: является одно Русское государство, ибо княженіемъ Василья «Темнаго оканчивается послѣдняя борьба междоусобій удѣльныхъ. Сей періодъ заключается Петромъ Великимъ. Петръ «началъ пятый, Европейскій, періодъ Русской Исторіи.» Слѣдовательно, главныя явленія нашей исторіи, по словамъ Полеваго, суть: до Ярослава — Норманская феодальная система; отъ Ярослава до Монголовъ — какой то особый характеръ, неопредѣленный авторомъ; отъ перваго нашествія Монголовъ до Іоанна III — порабощеніе и сверженіе ига; отъ Іоанна до Петра Великаго — явленіе одного государства; отъ Петра до нашего времени — Европейскій періодъ.

Такое раздѣленіе основано на Шлецеровомъ, съ тѣмъ различіемъ, что Шлецеръ смотрѣлъ на Россію, какъ на общество, которое сперва возникаетъ, потомъ дѣлится, далѣе признаетъ власть чужаго народа, послѣ того одолѣваетъ своихъ враговъ, наконецъ процвѣтаетъ. Шлецеръ былъ вѣренъ по крайней мѣрѣ основной мысли и дѣленіе его логически правильно, сообразуясь въ характеристикѣ каждаго періода до извѣстной степени съ ходомъ событій. Дѣленіе Полеваго не такъ отчетливо. Излишнимъ считаю говорить, что первое условіе логическаго дѣленія есть опредѣлительность извѣстнаго начала, которое мы примѣняемъ къ дѣлимому предмету, и смотря по разности, разсматриваемой съ одной точки зрѣнія, раздробляемъ его на части. Этого правила держался Шлецеръ; тому же правилу слѣдовалъ и Карамзинъ. Трудно опредѣлить, съ какой точки смо-

трѣлъ на Россію Полевой: судя по названію перваго періода, можно было бы предполагать, что онъ приметъ за начало своей классификаціи образъ правленія; но, давъ второму періоду какой то особый, неизвѣстный характеръ, онъ не объяснилъ, съ какой точки смотрѣлъ на время отъ Ярослава; въ третьемъ онъ видитъ порабощеніе и сверженіе ига: слѣдовательно, смотритъ на Монгольское время въ отношеніи не къ праву господства, а къ общему состоянію государства: ибо иго касалось не одного права, а всѣхъ условій гражданскихъ. Означивъ характеръ четвертаго періода словами — является одно государство, — онъ выводитъ опять новое начало, не основанное ни на правѣ, ни на понятіи о судьбѣ Русской земли: это одно государство было Московское; оно заключало въ себѣ только восточную половину Руси Ярославовой; какая же была участь западной, авторъ не говоритъ. Притомъ же одно государство было и въ пятомъ періодѣ, который бытописатель называетъ Европейскимъ, разсматривая судьбу Россіи опять съ иной стороны. Надѣюсь, что замѣчанія мои нельзя назвать привязками къ словамъ: едва ли есть наука, которая требовала бы болѣе, чѣмъ исторія, точности и логической правильности въ словахъ. Не то ли самое будетъ, если мы, разсуждая объ исторіи какого нибудь города, скажемъ: въ судьбѣ его замѣчаемъ пять главныхъ періодовъ; въ первомъ періодѣ онъ былъ управляемъ многими градоначальниками; во второмъ періодѣ имѣлъ особый характеръ; въ третьемъ былъ порабощенъ дикимъ народомъ и освободился отъ ига; въ четвертомъ является одинъ, не сказавъ однако, что цѣлая половина его досталась въ чужія руки; въ пятомъ получаетъ Европейское устройство. — Не выкупаетъ ли по крайней мѣрѣ историческая вѣрность недостатки логики? Разсмотримъ.

До Ярослава, по мнѣнію Полеваго, господствующимъ явленіемъ была Норманская феодальная система. Это значитъ, что феодализмъ былъ главною пружиною; слѣдовательно, мы остаемся въ надеждѣ увидѣть особеннаго рода лены, феоды, вассаловъ, споры князей съ боярами, и тому подобное. Только при такихъ условіяхъ, можемъ сказать, была феодальная система. Но ходъ первыхъ нашихъ событій не обнаруживаетъ и тѣни феодализма; въ Русскомъ языкѣ не сохранилось ни одного слова равносильнаго съ ленами и феодами. Правда, въ лѣтописи сказано, что Рюрикъ и Олегъ роздали своимъ мужамъ извѣстные города, да и только: это ничто иное, какъ посадники; они не дѣйствуютъ; вездѣ является одно лице, князь.

Если даже допустить, что Норманны принесли феодальныя понятія, и въ такомъ случаѣ не феодализмъ, а совершенно другія явленія господствуютъ въ первомъ періодѣ, именно: быстрое расширеніе власти одного дома въ землѣ Славянской, сліяніе восточныхъ Славянъ въ одинъ народъ Русскій, получившій свою вѣру, свои уставы. Всѣ эти явленія образуютъ одно — *основаніе Руси*, т. е. такой державы, въ которой верховная власть принадлежала исключительно одному дому Рюрика, и притомъ всѣмъ членамъ его фамиліи въ мужескомъ колѣнѣ, державы, въ которой господствуетъ Греческій законъ, установляется языкъ письменный, народный, есть уставы. Самъ авторъ въ изложеніи перваго періода говоритъ то же самое и нѣсколько разъ повторяетъ, что уже при Святославѣ не было признаковъ феодальной Варяжской аристократіи: слѣдовательно эта мнимая феодальная система прекратилась задолго до Ярослава.

Особый характеръ, по его выраженію, втораго періода, какъ видно изъ самаго разсказа, состоитъ въ удѣльной системѣ. Черта правильная, но взглядъ на удѣльную систему едва ли сообразенъ съ ходомъ событій. Авторъ раздѣляетъ ее на двѣ половины 1157 годомъ, или перенесеніемъ великаго княжества изъ Кіева во Владиміръ на Клязьмѣ. Въ самомъ дѣлѣ 1157 годъ, годъ смерти Юрія Долгорукаго, весьма достопамятенъ, только не потому, что перенесенъ великокняжескій престолъ изъ Кіева во Владиміръ, а потому, что съ сего времени мысль о первенствѣ великаго князя исчезла и политика Русскихъ князей сосредоточилась не въ одномъ Владимірѣ, а во многихъ пунктахъ, въ Галичѣ, во Владимірѣ Волынскомъ, въ Черниговѣ, въ Новгородѣ Сѣверскомъ, въ Полоцкѣ, въ Смоленскѣ и въ другихъ городахъ; Русь раздѣлилась на нѣсколько системъ, отдѣльныхъ міровъ, изъ коихъ каждый имѣлъ свою сферу, свое средоточіе, принадлежалъ извѣстному роду, въ потомствѣ Владиміра св., имѣлъ своихъ князей великихъ и удѣльныхъ. Въ этихъ мірахъ повторялась прежняя исторія Ярославичей и Мономаховичей; сверхъ того, они еще сталкивались другъ съ другомъ за право владѣнія Новгородомъ и Кіевомъ. Слѣдовательно, надлежало обозрѣвать каждую систему отдѣльно, какъ нѣчто цѣлое, а не сводить всѣ событія въ одну раму, гдѣ на первомъ планѣ стоитъ князь Владимірскій, ограничившій свою власть предъ нашествіемъ Монголовъ одною Суздальскою областью.

Принятый авторомъ планъ изложенія удѣльныхъ событій противорѣчитъ собственному его понятію (впрочемъ неправиль-

ному) объ удѣльномъ періодѣ: онъ видитъ въ немъ рѣшительное расторженіе единства Руси. Если такъ, опять спрашиваю, для чего же привязывать всѣхъ князей къ одному князю Владимірскому, бывшему слабѣе и Галицкаго и Черниговскаго, въ отношеніи къ вліянію на прочія княжества? Кромѣ того, какъ я уже замѣтилъ, самое понятіе о расторженіи единства Руси, неосновательно: это единство не исчезло, поддерживаясь только не господствомъ князей Суздальскихъ, а другими крѣпчайшими узами. Не взирая на раздробленіе Русской земли по праву удѣльному, на безпрерывныя распри князей, даже на родовую вражду поколѣній, присвоившихъ власть наслѣдственную, всѣ части Русской земли соединялись въ одно цѣлое, въ одинъ міръ самобытный; во всѣхъ обитателяхъ Руси выражался одинъ типъ: они говорили однимъ языкомъ, исповѣдывали одну вѣру, имѣли одно устройство внутреннее, одинъ взглядъ на вещи, одни добродѣтели и пороки, находились подъ властію одного дома. Послѣднее обстоятельство требуетъ поясненія: я говорю, верховная власть надъ Русскою землею принадлежала одному дому Владиміра св. Хотя родъ его раздѣлился на многія отрасли самостоятельныя, даже одна другой непріязненныя; но при всемъ раздробленіи, князья, какъ потомки Владиміра, тщательно берегли право своего дома на обладаніе Русскою землею: если угасало одно поколѣніе, другое спѣшило занять его мѣсто. Народъ такъ былъ убѣжденъ въ законности, въ неизбѣжной необходимости княжеской власти, и притомъ одного поколѣнія, что сами Новгородцы не могли жить безъ князя. Тѣмъ менѣе удавалось иноплеменникамъ оторвать хотя часть земли изъ того пространства, которое очертилъ Норманскій мечъ во время Владиміра Св. и Ярослава Мудраго. Венгры и Поляки, пользуясь раздорами князей, неоднократно присвоивали югозападныя области Руси, но не надолго. Если одинъ князь былъ не въ силахъ бороться съ иноплеменниками, другіе спѣшили ему на помощь, нерѣдко забывая личную вражду, и прогоняли коварныхъ сосѣдей. Такъ они дѣйствовали въ отношеніи къ Половцамъ, къ Венграмъ и Полякамъ; отнимали княжества другъ у друга, но иноземцевъ не пускали въ Русскую землю, держась правила: *не тронь нашего*. Кромѣ убѣжденія въ законномъ правѣ одного дома на верховное господство въ Русской землѣ, не исчезала мысль о необходимости единодержавія. Эта мысль обнаруживалась неоднократно, не только въ дѣйствіяхъ Владиміра Мономаха или сына его Мстислава I, но и въ политикѣ Андрея Боголюбскаго, Всеволода Великаго, Мстислава Удалаго. При та-

комъ положеніи дѣлъ, Русь постоянно представляла одно цѣлое, и доказывать расторженіе единства ея будетъ историческою ошибкою.

Столь же неправильно и одностороние воззрѣніе Полеваго на ходъ событій Монгольскаго періода. Не говорю уже о томъ, что авторъ ведетъ исторію порабощенія Руси Монголами отъ перваго столкновенія съ ними нашихъ предковъ при Калкѣ (1224), между тѣмъ, какъ иго началось съ 1243 г. или почти чрезъ 20 лѣтъ послѣ принятаго имъ предѣла; обращу вниманіе на главный недостатокъ: авторъ упустилъ изъ вида большую часть Русской земли и Русскаго народа, страну, гдѣ образовалось Литовское княжество. Кто только внимательно слѣдилъ за ходомъ событій нашего отечества, видитъ, что Русь при самомъ рожденіи простиралась на западъ до истоковъ Вислы и до Нарева, что Русская жизнь до Монголовъ сосредоточивалась преимущественно въ Кіевѣ, Черниговѣ, Полоцкѣ, Минскѣ, на Волыни, въ Галиціи. Тамъ возникла Русь, тамъ кипѣла Русская жизнь. То же было и при Монголахъ. Полевой, со времени покоренія отечества Монголами, вперяетъ взоръ преимущественно въ Суздальскую страну, описываетъ съ величайшею подробностью всѣ бывшія тамъ перемѣны, слегка говоритъ о югозападной Руси и мало по малу упускаетъ ее изъ вида, какъ будто забывъ, что тамъ, за Днѣпромъ, образуется самостоятельное Русское государство, которое споритъ съ Москвою за право владычества въ Русской землѣ, грозитъ завоевать и Польшу и владѣнія Ливонскаго ордена, не страшится борьбы съ Монголами, соединяется съ Польшею, далѣе опять отдѣляется, споритъ съ нею, и хотя въ половинѣ XVI вѣка окончательно сливается, но удерживаетъ надолго условія Русской народности.

Обо всемъ этомъ авторъ Исторіи Русскаго народа говоритъ мимоходомъ, какъ будто о событіяхъ чужой страны, единственно по связи ихъ съ удѣльными бранями князей восточной Руси; даже видитъ въ обитателяхъ Литовскаго княжества какихъ то враговъ Руси, хотя сами они были чисто Русскіе. Но исторія Литовскаго княжества, возникшаго въ Русскихъ земляхъ, сохранившаго главныя условія Русской народности, служившаго поводомъ всѣхъ почти распрей Московскихъ государей съ королями Польскими, наконецъ возвратившагося въ лоно древняго отечества и составляющаго нынѣ неразрывную часть Россійской имперіи, исторія этого княжества заслуживала такого же права на вниманіе бытописателя, какъ и судьба Московскаго государства, особенно если сообразить: 1) что Литовское княжество до окончательнаго соединенія съ Польшею, въ поло-

винѣ XVI вѣка, и до введенія Уніи было въ полномъ смыслѣ Русское; 2) что долго не могли рѣшить спора, кому властвовать въ Русской землѣ, дому ли Іоанна Калиты, роду ли Гедимина; 3) что соединеніе Литовскаго княжества съ Польшею было дѣломъ случая; 4) что въ обитателяхъ его, вопреки всѣмъ усиліямъ Польскаго правительства, никогда не исчезала мысль о родствѣ съ Россіею, или съ государствомъ Московскимъ, живо обнаружившаяся при Іоаннѣ III, Іоаннѣ IV, Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, Алексѣѣ Михайловичѣ; 5) что государи Московскіе тѣмъ менѣе могли отказаться отъ своихъ правъ на западную Русь; 6) что наконецъ стремленіе, съ одной стороны, къ господству во всей Русской землѣ, стараніе, съ другой, не допустить ея до соединенія, были единственнымъ источникомъ всѣхъ войнъ Россіи съ Польшею.

Карамзинъ также упустилъ изъ вида Литовское княжество. Оправданіемъ ему, впрочемъ слабымъ, служитъ то, что исторіографъ основалъ исторію государства Россійскаго на біографіи великихъ князей и царей, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ въ непрерывномъ порядкѣ. Держась этой нити, онъ велъ царей Московскихъ за великими князьями Суздальскими, князей Суздальскихъ за Кіевскими. Слѣдовательно Черниговскіе или Галицкіе князья имѣли мѣсто въ его планѣ только по отношенію къ государямъ Московскимъ, въ томъ же смыслѣ, какъ онъ разсматривалъ королей Шведскихъ или хановъ Крымскихъ, и видѣлъ въ такъ называемыхъ Литовцахъ не Русскихъ, а враговъ Россіи, столь же опасныхъ, какъ и Татары. Говорю, что такой планъ не соотвѣтствуетъ ходу событій: по крайней мѣрѣ исторіографъ не измѣнилъ въ главномъ своей идеѣ. Но авторъ, имѣвшій цѣлію написать исторію Русскаго народа, не вправѣ былъ оставлять безъ вниманія Литовское княжество: не взирая на случайное соединеніе его съ Польшею, оно долго сохраняло всѣ элементы Русской народности, и только послѣ долговременныхъ усилій, Польское правительство успѣло измѣнить его физіономію, не изгладивъ ея однакожъ до послѣдней черты. Показать судьбу Русскаго народа за Днѣпромъ, всѣ бѣдствія, которыя испыталъ онъ подъ игомъ Поляковъ, всю политику Римскаго двора и Варшавскихъ сеймовъ, есть одна изъ важнѣйшихъ задачъ исторіи. Рѣшеніе этой задачи чрезвычайно важно въ чистомъ историческомъ смыслѣ: ибо только въ такомъ случаѣ мы поймемъ истинныя основанія внѣшней политики государей Московскихъ въ дѣлахъ съ Польшею, которая отъ конца XVI до конца XVII вѣка играла главную роль въ нашей исторіи.

Изъ вышесказаннаго очевидна несообразность опредѣленія характера и четвертаго періода: авторъ говоритъ, что въ этомъ періодѣ является одно государство. Не забудьте, что онъ пишетъ исторію Русскаго народа и долженъ говорить о судьбѣ всей Руси; государство же, которое по его словамъ является въ четвертомъ періодѣ, есть Московское: но едва ли оно включало въ себѣ и половину Руси Ярославовой. Слѣдовательно, если даже допустить, что главнымъ явленіемъ судьбы восточной Руси съ половины XV до конца XVII вѣка было постепенное соединеніе всѣхъ областей ея въ одно цѣлое, и въ такомъ случаѣ указанный имъ характеръ будетъ неправиленъ; мы спрашиваемъ: какая же была судьба другой половины Руси, западной, невошедшей въ составъ Московскаго государства? Сверхъ того, опредѣляютъ ли слова его характеръ времени отъ Іоанна III до Петра Великаго? Я не думаю: ибо вижу въ теченіе этого времени, съ одной стороны, постоянную борьбу государей Московскихъ съ Монголами за право самостоятельнаго господства въ восточной Европѣ; съ другой стороны, постоянную распрю ихъ съ Польшею за право на области западной Руси; въ то же время обнаруживается дѣятельность въ устройствѣ внутреннемъ; далѣе выходятъ на сцену, въ слѣдъ за Уніею, самозванцы; наконецъ возобновляется опять постоянная распря съ западными сосѣдями за Русскія земли, утраченныя и прежде и послѣ самозванцевъ; кромѣ того обнаруживается ясная мысль, живѣе чѣмъ прежде, объ органическомъ устройствѣ государства въ духѣ старины. Между тѣмъ въ западной Руси дѣла идутъ своею чередою: она соединяется окончательно съ Польшею и терпитъ злосчастную долю: ее терзаютъ Поляки, Езуиты, Уніаты, Жиды, Татары.

Признавая общій планъ *Исторіи Русскаго народа* неудовлетворительнымъ, я считаю излишнемъ разсматривать въ подробности изложеніе самыхъ событій: мое дѣло показать только основныя начала системы. Впрочемъ нельзя не замѣтить, къ чести автора, что онъ болѣе всѣхъ прежнихъ бытописателей старался развить многіе предметы, тѣсно связанные съ нашею исторіею и обыкновенно выпускаемые изъ вида; такъ онъ весьма подробно разсказываетъ о Норманнахъ, о Монголахъ, намѣкаетъ на многое, что необходимо изслѣдовать и проч. Можетъ быть не всѣмъ понравятся размышленія его о ходѣ дѣлъ въ Европейской исторіи и общіе философскіе взгляды на судьбу человѣка. Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни правильны могутъ быть подобныя воззрѣнія, но едва ли они умѣстны: конечно, ходомъ

всемірной исторіи мы можемъ и должны объяснять ходъ своей исторіи; но аналогія должна быть въ головѣ автора; притомъ же исторіею Франціи можно объяснять и дополнять исторію Германіи и Англіи, гдѣ видимъ тотъ же папизмъ, тотъ же феодализмъ, то же рыцарство, то же сліяніе Германскаго съ Римскимъ, разумѣется въ извѣстной степени. Въ нашей исторіи конечно дѣйствуютъ то же люди; но съ самаго начала Руси, дѣла нашего отечества приняли иной ходъ, совершенно отличный отъ Европейскаго. Далѣе, философскіе взгляды на судьбу человѣка и на Провидѣніе, въ коемъ авторъ между прочимъ видитъ главную причину нашествія Монголовъ на Россію, могутъ дополнить новыми истинами философію, могутъ оживить слогъ повѣствователя, но не ведутъ прямо къ цѣли: намъ нужна Русская исторія, т. е. мы хотимъ знать, что было и какъ было въ нашемъ отечествѣ, до чего довели Русь Норманны, Византійцы, Монголы, Поляки, какъ изнемогала Русь, какъ спасала себя и какъ наконецъ явилась исполиномъ въ мірѣ *.

* Слѣдующій за симъ обзоръ происшествій отъ начала Руси до Іоанна III, въ видѣ плана, по которому должна быть писана Русская Исторія, здѣсь не помѣщается, потому что онъ съ большею подробностію изложенъ въ нашемъ сочиненіи.

СТАТЬЯ II.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ ВОПРОСА: КАКОЕ МѢСТО ВЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ ДОЛЖНО ЗАНИМАТЬ ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ?

(писано въ 1838 году).

—

Основательное знаніе отечественной старины никогда не было столь ощутительною потребностію общества, какъ въ наше время. Русская исторія имѣетъ нынѣ высокое значеніе въ кругу наукъ общественнаго образованія. Въ скрижаляхъ ея мы ищемъ не однихъ любопытныхъ фактовъ, плѣняющихъ воображеніе или согрѣвающихъ наше сердце, даже не одного связнаго, стройнаго раскрытія причинъ и слѣдствій, не однихъ уроковъ, которые замѣняютъ для насъ долговременную опытность: мы слѣдимъ, по ея указаніямъ, за постепеннымъ развитіемъ государственнаго организма, чтобы постигнуть основныя начала своей народности, или тѣ элементы, изъ которыхъ образовалась наша жизнь государственная, общественная и семейная; мы ищемъ въ ней отвѣта на великій вопросъ, что такое Россія? Этотъ вопросъ можетъ быть разрѣшенъ только сравненіемъ настоящаго съ прошедшимъ.

Не взирая однакожъ на высокое значеніе Русской исторіи въ кругу наукъ нашего образованія и на постоянную заботливость ученыхъ изыскателей озарить новымъ свѣтомъ давно минувшіе вѣки, мы еще не успѣли достигнуть той степени убѣжденія, или лучше сказать, той опредѣлительности понятій, относительно многихъ историческихъ вопросовъ, которая такъ необходима для науки, такъ много содѣйствуетъ ея успѣхамъ, такъ благопріятствуетъ ея вліянію на умственное и нравственное обра-

зованіе народа. Скажемъ болѣе: едва ли есть наука, для изученія которой требовалось бы столько трудовъ, столько напряженныхъ усилій, столько тщательныхъ изысканій и съ тѣмъ вмѣстѣ осторожныхъ соображеній, какъ Русская исторія. Поля ея еще такъ мало воздѣланы, что рѣдкій соберетъ съ нихъ обильную жатву. Трудность пріобрѣсть основательное знаніе о минувшемъ времени заключается не въ запутанности событій, даже не въ скудости матеріаловъ: первыя ясны для ума опытнаго и безпристрастнаго, вторые до извѣстной степени удовлетворительны; она заключается преимущественно въ недостаткѣ надежнаго путеводителя, который могъ бы поставить вступающаго въ святилище науки, съ перваго, такъ сказать, шагу на прямую дорогу и избавилъ бы его отъ многихъ недоумѣній. Вообще два важные недостатка замѣтны въ большей части нашихъ историческихъ изысканій: съ одной стороны, при всемъ безпристрастіи и трудолюбіи, мы не имѣемъ счастливаго дара переноситься воображеніемъ въ минувшіе вѣки, отдѣляться отъ современныхъ понятій и представлять событія въ истинномъ ихъ свѣтѣ и значеніи. Кому неизвѣстно, напримѣръ, какъ запутанъ нами удѣльный періодъ, имѣвшій рѣшительное вліяніе на судьбу Руси, — явленіе само по себѣ очень естественное и при всей многосложности совершенно ясное, если только вникнуть въ основныя начала его и отдѣлиться отъ несвойственныхъ ему понятій о правѣ? Мы думали найти въ удѣльномъ періодѣ феодальную систему, и результатомъ одной этой ошибки былъ неправильный, односторонній взглядъ на всю Русскую исторію. Съ другой стороны, въ надеждѣ пролить новый свѣтъ на минувшую судьбу своего отечества, мы пытались представить событія въ иномъ видѣ, отличномъ, даже противоположномъ идеѣ современниковъ: мы захотѣли быть умнѣе своихъ дѣдовъ и прадѣдовъ, доказывая, что они ошибались на каждомъ шагу, и результатомъ нашихъ высшихъ взглядовъ было: во 1) то, что мы не пощадили даже своихъ драгоцѣнныхъ лѣтописей, которымъ Русскіе вѣрили съ такимъ дѣтскимъ простосердечіемъ, которыя берегли они, какъ завѣтъ праотцевъ, вмѣстѣ съ книгами душеспасительными, находя въ нихъ нерѣдко отраду въ своихъ злосчастіяхъ; во 2) мы открыли, что Монголы вовсе не были лютымъ бичемъ, посланнымъ небесами, какъ думали наши предки, страдая подъ ярмомъ Татарскимъ, что нашествіе ихъ замѣнило для Русской земли крестовые походы, что они даже спасли ее отъ какихъ-то страшныхъ Литовцевъ, которые безъ нихъ завоевали бы всю Русскую землю. Въ слѣд-

ствіе подобныхъ взглядовъ, Русская исторія представляется уму малоопытному, непосвященному въ таинства науки, какою-то непрерывною цѣпью задачъ, вопросовъ, противорѣчій. Нѣтъ почти событія, сколько нибудь замѣчательнаго, на которое мы смотрѣли бы съ одной опредѣлительной точки. Конечно, изслѣдованіе предмета, въ особенности историческаго, съ разныхъ сторонъ, въ высокой степени благопріятствуетъ основательности знанія; но эти изслѣдованія не должны ограничиваться одними намеками, или затѣйливыми выводами, тѣмъ менѣе могутъ основываться на доказательствахъ отрицательныхъ. Вспомнимъ, чего не наговорилъ ученый Вихманъ объ избраніи царя Михаила Θеодоровича, полагая, что всѣ акты объ этомъ важномъ событіи въ послѣдствіи уничтожены патріархомъ Филаретомъ, и сколько толковъ не породилъ онъ въ ученой Германіи? Но акты уничтожены не были: чрезъ нѣсколько лѣтъ по изданіи его диссертаціи, они найдены въ подлинникахъ и напечатаны въ Румянцевскомъ Собраніи государственныхъ грамотъ и договоровъ. Замысловатыя предположенія Вихмана рушились сами собою, въ урокъ многимъ изъ подобныхъ изыскателей.

Къ числу задачъ, не вполнѣ удовлетворительно нами разрѣшаемыхъ, принадлежитъ вопросъ, который, и по новости и по важности своей, достоинъ обратить на себя особенное вниманіе. Дѣло въ томъ: какое мѣсто должно занимать Литовское княжество въ Русской исторіи? Этотъ вопросъ возникъ въ недавнее время и возбудилъ всеобщее участіе. Мнѣнія раздѣлились: съ одной стороны многіе охотно приняли мысль, что Литовское княжество, Русское по своему началу, Русское по своему составу, по массѣ народа, по вѣрѣ и языку, должно занять въ отечественной исторіи, по крайней мѣрѣ, такое же мѣсто, какое даетъ бытописатель княжеству Галицкому или Новгородскому. Съ другой стороны нашлось немало и такихъ ученыхъ людей, которые смотрятъ на Литву и соединившіяся съ нею области, какъ на Польскія провинціи, и полагаютъ, что въ Русской исторіи о дѣлахъ Литовскихъ надобно разсуждать не болѣе, ни менѣе, какъ о дѣлахъ Крымскихъ или Ливонскихъ. Впрочемъ ни та, ни другая сторона не подтвердила своего мнѣнія критическимъ изслѣдованіемъ дѣла, и вопросъ о Литовскомъ княжествѣ, подобно многимъ другимъ, остался темою для будущихъ изыскателей.

Для рѣшенія этого вопроса необходимо объяснить: 1) что такое было Литовское княжество, какъ возникло оно въ видѣ самостоятельнаго государства, какъ утратило свою самостоя-

тельность и подпало чуждому вліянію; 2) какъ смотрѣли на него Московскіе государи во времена его величія и паденія; 3) какъ понимали его современные писатели до конца XVII вѣка; 4) что думали объ немъ позднѣйшіе историки наши, имѣвшіе всѣ средства соображать связь событій, причинъ, слѣдствій и отношеній. Объясненіе сихъ четырехъ пунктовъ укажетъ точку, съ которой Русскій бытописатель долженъ смотрѣть на Литовское княжество. Здѣсь не мѣсто входить въ подробное изслѣдованіе и изложеніе фактовъ, извѣстныхъ впрочемъ каждому любителю отечественной исторіи; я постараюсь разрѣшить предложенныя мною задачи въ общихъ историческихъ выводахъ.

1. Основанная мечемъ и умомъ Норманскихъ витязей, исключительно подвластная одному дому Рюрикову, уже въ первый вѣкъ своего бытія Русь вошла въ тѣ предѣлы, которые потомъ остались навсегда рубежемъ Русской народности. На западѣ этотъ предѣлъ простирался до горъ Карпатскихъ, до Бреста, Гродно и Динабурга. Неизбѣжное зло, слѣдствіе современнаго понятія о правѣ всѣхъ потомковъ Рюрика на господство въ Русской землѣ, раздробило ее на мелкіе удѣлы, изъ коихъ въ XII и XIII столѣтіяхъ образовалось множество княжествъ, одно отъ другаго независимыхъ. Не взирая однакожъ на стремленіе князей къ самостоятельности, на взаимную вражду цѣлыхъ поколѣній, мысль о единствѣ Руси никогда не исчезала. Поддерживаемая единствомъ вѣры, церковныхъ уставовъ, языка, одноплеменностію князей и преданіями исторіи, она постоянно и живо обнаруживалась въ разныхъ пунктахъ, въ Кіевѣ, Черниговѣ, Галичѣ, Владимірѣ на Волыни, Владимірѣ на Клязьмѣ, наконецъ съ половины XIV вѣка утвердилась и въ полномъ блескѣ развилась въ Москвѣ. Пользуясь многими благопріятными обстоятельствами, въ особенности всеобщимъ убѣжденіемъ современниковъ въ необходимости положить предѣлъ княжескимъ распрямъ, умные владѣтели Москвы быстро взяли перевѣсъ надъ сосѣдними князьями, покорили ихъ одного за другимъ, и къ концу XV вѣка всѣ почти удѣльныя княжества къ востоку отъ Днѣпра слились въ одно государство Московское, въ одну могущественную, нераздѣльную державу, Великую Россію.

Но въ составъ Московскаго государства вошли удѣлы только восточной Руси; въ западной, изъ Русскихъ княжествъ Полоцкаго, Витебскаго, Минскаго, Туровскаго, Владимірскаго, Луцкаго, Кіевскаго и Черниговскаго, образовалось другое самостоятельное государство, независимое отъ Москвы и подвластное не Рюрикову дому: то было великое княжество Литовское, осно-

ванное Гедиминомъ. Онъ и преемники его дѣйствовали также точно, какъ и князья Московскіе: имѣли на своей сторонѣ перевѣсъ ума и силы, съ успѣхомъ пользовались благопріятными обстоятельствами, и оружіемъ довершили то, что прежде приготовляли искусною политикою, союзами, родствомъ съ потомками Владиміра святаго, господствовавшими въ югозападной Руси.

Вмѣстѣ съ Русскими землями въ составъ Литовскаго княжества вошла и Литва въ собственномъ смыслѣ, отчина Гедимина, заключавшаяся въ предѣлахъ нынѣшней Виленской губерніи. Но Литвинъ, язычникъ, еще мало знакомый съ гражданскими уставами, исчезалъ въ огромной массѣ Русскаго народа, не могъ передать ему ни своей вѣры, ни своего языка, самъ заимствовалъ отъ него то и другое, и Литовское государство, при первыхъ преемникахъ Гедимина, представляло такую же систему княжествъ, какую мы видимъ въ Московскомъ государствѣ до Іоанна III. Тамъ все было Русское, и вѣра, и языкъ, и гражданскіе уставы; самые князья Литовскіе, рожденные отъ Русскихъ княгинь, женатые на Русскихъ княжнахъ, крещенные въ православную вѣру, казались современникамъ потомками Владиміра святаго.

Было даже время, когда и въ западной и въ восточной Руси они брали перевѣсъ надъ князьями Московскими не только силою оружія, могуществомъ своей державы, но и мнѣніемъ народнымъ. Русскіе смотрѣли на нихъ, какъ на истинныхъ государей Руси, и Тверь, Новгородъ, Рязань охотнѣе становились подъ знамена Литовскія, чѣмъ подъ знамена Московскія. Объяснить это явленіе нетрудно. Князья изъ дома Гедимина не платили дани Татарамъ, даже были грозою орды и казались спасителями Руси отъ тягостнаго ига, между тѣмъ, какъ Московскіе князья усердно угождали ханамъ, правда, по расчетамъ политики дальновидной, но еще неясной для современниковъ. Случайное обстоятельство дало иной оборотъ дѣлу.

Внукъ Гедимина, Ягелло, женился на Польской королевѣ Ядвигѣ, и вмѣстѣ съ ея рукою получивъ корону Пястовъ, далъ слово соединить Литовское княжество съ Польскимъ королевствомъ, чего усердно желали и Польскіе магнаты, и Польскіе епископы. Русскіе подданные его съ опасеніемъ и явнымъ ропотомъ смотрѣли на тѣсный союзъ съ страною иновѣрною, чуждою по языку, чуждою по гражданскимъ уставамъ, и какъ бы предчувствуя всѣ бѣдствія, которыя потомъ обрушились на ихъ отечество въ слѣдствіе этого несчастнаго союза, нѣсколько разъ

пытались разорвать его, успѣвали въ своемъ намѣреніи, возвращали свою самостоятельность, имѣли своихъ отдѣльныхъ князей, и не прежде, какъ чрезъ 200 почти лѣтъ послѣ восшествія Ягелла на престолъ Пястовъ, при послѣднемъ потомкѣ его совершилось соединеніе Литовскаго княжества съ Польшею въ одну рѣчь посполитую. Когда угасъ знаменитый домъ Гедиминовъ, и Литовское княжество подпало власти государей не Русской крови, не Русской вѣры, не Русскаго языка, некому было охранять въ немъ священный залогъ народности, въ продолженіе многихъ вѣковъ неприкосновенный: западная Русь сдѣлалась добычею Езуитовъ, старавшихся истребить въ ней все Русское, и къ концу XVII вѣка она дѣйствительно утратила многія черты своей національности: Русскіе законы уступили мѣсто Польскимъ; языкъ былъ искаженъ; нравы и обычаи измѣнились; Унія поколебала и вѣру православную.

II. Между тѣмъ государи Московскіе никогда не упускали изъ виду западной Руси: со временъ Димитрія Донскаго до воцаренія Петра Великаго, всѣ они постоянно выражали мысль, что Литовское княжество, за исключеніемъ Литвы, т. е. не болѣе 12 части его, есть родовая ихъ отчина. Яснѣе всего обнаруживалась эта мысль въ договорахъ Іоанна III съ императоромъ Германскимъ, съ королемъ Венгерскимъ, съ господаремъ Молдавскимъ, съ самимъ великимъ княземъ Литовскимъ Александромъ Казимировичемъ: онъ говорилъ торжественно, что отчина королевская есть Литва и Польша; Русскія же земли, присвоенныя домомъ Гедиминовымъ во время невзгоды отечества, онъ намѣренъ добывать оружіемъ, какъ собственность своего дома. Замѣтимъ важное обстоятельство: Іоаннъ не творилъ и не вымышлялъ ничего новаго; онъ стремился къ той же цѣли, которую имѣли въ виду его предшественники, но стремился твердо, постоянно, съ рѣдкимъ умомъ и искусствомъ. Мысль его о Литовскомъ княжествѣ, или что все то же, о необходимости соединить всю Русскую землю въ одно цѣлое, была основаніемъ политики даже перваго князя Московскаго Іоанна Калиты, который именовалъ себя великимъ княземъ *всея Руси*. Съ той же точки смотрѣлъ Димитрій Донской; также думали и дѣйствовали преемники Іоанна III: сынъ его, Василій, требовалъ короны Литовской, какъ достоянія своего дома; внукъ, Іоаннъ Грозный, обращалъ свое оружіе болѣе на Ливонію; но въ переговорахъ съ Сигизмундомъ Августомъ и Стефаномъ Баторіемъ неоднократно доказывалъ права свои на Литовское княжество. Умный Борисъ старался скрѣпить связь восточной Ру-

си съ западной духовною властію, и едва ли не это побужденіе было главною виною основанія патріаршества въ Москвѣ. Злосчастное время самозванцевъ надолго ослабило Россію, и Михаилъ Θеодоровичъ желалъ возвратить только то, что было утрачено среди междоусобій. Но какъ скоро государство успокоилось и окрѣпло, мудрый Алексѣй вступился сперва за часть Литовскаго княжества, за Малороссію; въ слѣдъ за тѣмъ потребовалъ и остальныхъ областей западной Руси. Намѣреніе его едва не увѣнчалось вожделѣннымъ успѣхомъ. Польскій король Янъ Казимиръ, государь умный, дальновидный, лучше своихъ предшественниковъ понимавшій и состояніе Польши, и отношенія ея къ сосѣдямъ, договоромъ въ Вильнѣ уступилъ Алексѣю Михайловичу все Литовское княжество. Польскіе магнаты и епископы употребили всѣ усилія, чтобы уничтожить это соединеніе: война съ Польшею возобновилась, и государь, озабоченный дѣлами внутренними, въ особенности грозою со стороны Турціи, отказался до времени отъ западной Руси, заключивъ однакожъ съ Польшею, по примѣру предковъ, не вѣчный миръ, а только перемиріе. Послѣднее обстоятельство очень замѣчательно: всѣ вообще Московскіе государи постоянно уклонялись отъ постановленія окончательнаго договора по дѣламъ Литовскимъ, въ надеждѣ собраться съ силами и возобновить свои требованія. Одинъ только Михаилъ Θеодоровичъ долженъ былъ согласиться на вѣчный миръ Поляновскій, но это потому, что въ то время, съ потерею всего войска подъ Смоленскомъ, борьба казалась невозможною, и дѣйствительно Москвѣ и всему государству грозила великая опасность.

Такимъ образомъ, никогда не теряя изъ виду западной Руси, мудрые цари наши постоянно старались исполнить мысль Іоанна III о соединеніи Литовскаго княжества съ Московскимъ государствомъ въ одну державу. Соперники ихъ, Ягеллоны, съ своей стороны естественно не хотѣли отказаться отъ правъ своихъ, напрягали всѣ усилія, чтобы спасти свои владѣнія, имѣли всѣ къ тому средства и боролись съ успѣхомъ. Но подвластный имъ Русскій народъ неоднократно выражалъ живѣйшее желаніе видѣть своимъ государемъ царя православнаго. Это желаніе стало ясно обнаруживаться съ тѣхъ поръ, когда потомки Калиты сверглп съ себя ненавистное для Русскихъ иго Татарское, и озаренные славою дѣлъ, явились достойными владыками Русскаго народа: многія княжества по Днѣпру, присвоенныя домомъ Гедимина, добровольно поддались Іоанну III. Мало того: когда угасъ домъ Ягеллоновъ, Литовскіе чины охотно

предложили корону ихъ Іоанну Грозному; съ тѣмъ же предложеніемъ въ послѣдствіи обратились къ сыну его Ѳеодору Іоанновичу; а Стефанъ Баторій, Владиславъ IV, Янъ Казиміръ имѣли даже намѣреніе включить и Польшу, вмѣстѣ съ Литовскимъ княжествомъ, въ одинъ составъ съ государствомъ Московскимъ. Этотъ рядъ фактовъ ясныхъ, несомнительныхъ, указываетъ намъ на истинныя отношенія западной Руси къ восточной съ конца XIV до конца XVII столѣтія: онъ свидѣтельствуетъ, что мысль о соединеніи обоихъ государствъ въ одно цѣлое, ни въ той, ни въ другой сторонѣ никогда не исчезала, и эта мысль служила главнымъ основаніемъ политики нашего двора до временъ Петра Великаго.

III. Теперь взглянемъ, какъ понимали современные писатели дѣла Литовскія. Лѣтописцы восточной Руси XIV, XV и XVI столѣтій устремляли все свое вниманіе на Москву: судьба ея была главнымъ предметомъ ихъ сказаній. Событія Тверскія, Рязанскія, Смоленскія, Кіевскія, даже Новгородскія только тогда находили мѣсто въ нашихъ лѣтописяхъ, когда они касались Москвы; если же подобнаго случая не было, лѣтописцы молчали объ нихъ. Также точно они смотрѣли и на Литовское княжество: почти не замѣтили основанія его Гедиминомъ и едва мимоходомъ упомянули о соединеніи его съ Польшею, слѣдующими словами: «Оженися великій князь Литовскій Ягайло Олгердовичъ: поялъ «нѣкую королевицу, неимущую ни отца, ни матери, ея же ради «досталось ему королевство въ Лядской землѣ. И крестися Ягай«ло въ Нѣмецкую вѣру и пришедъ въ свою отчину, въ Литов«скую землю, окрестилъ Литву въ Нѣмецкую вѣру». Вотъ все, что наши историки знали о событіи въ высшей степени достопамятномъ, имѣвшемъ рѣшительное вліяніе на судьбу Русскаго народа. Подробнѣе говорятъ они о походахъ Олгерда, Витолда на Московское государство, о войнахъ Іоанна III съ Александромъ, потому что тутъ дѣло шло о Москвѣ; впрочемъ не вникаютъ, по обыкновенію, въ причины ихъ распрей: для нихъ непонятна была дальновидная политика дома Іоанна Калиты въ отношеніи къ Литвѣ, такъ точно, какъ они не постигали политики его въ отношеніи къ ханамъ Татарскимъ. Они видѣли въ Литовскихъ князьяхъ только соперниковъ и опасныхъ враговъ Москвы, старавшихся отнять у нея первенство; въ слѣдствіе того не щадили Ягеллоновъ и съ ужасомъ разсказывали объ ихъ нашествіяхъ. Но, что весьма замѣчательно, эта борьба Москвы съ Литвою изображается въ нашихъ лѣтописяхъ совсѣмъ не тѣми красками, какими описываются нашествія

иноплеменныхъ народовъ: современные историки не скрываютъ, что Литовскіе князья находили нерѣдко въ восточной Руси многихъ доброжелателей, что Новгородъ, Тверь, Рязань неоднократно склонялись на ихъ сторону, и если иногда у лѣтописцевъ вырываются укоризны этимъ опаснымъ соперникамъ Москвы, то ненадобно забывать, что въ томъ же духѣ они разсказывали и о браняхъ удѣльныхъ, когда Русь была подвластна одному дому Владиміра св. Стоитъ вспомнить, какъ отзываются Новгородскіе лѣтописцы о Суздальцахъ, Черниговцахъ, или Волынскіе о Кіевлянахъ. Однимъ словомъ, наши лѣтописцы имѣли темныя, неопредѣлительныя понятія о Литовскомъ княжествѣ; но изъ ихъ сказаній нельзя вывести заключенія о народной враждѣ между восточною и западною Русью. Иначе они стали смотрѣть на Литовское княжество въ XVII столѣтіи, послѣ самозванцевъ, когда Литвинъ и Ляхъ стали для нихъ словами однозначительными.

Лѣтописцы западной Руси прекратили свои сказанія въ XIV столѣтіи, или справедливѣе, труды ихъ продолжателей истреблены временемъ, оставивъ слѣдъ въ полубаснословной исторіи Стрыйковскаго. На Русскомъ языкѣ сохранились немногія извѣстія временъ Уніи, поясняющія это важное событіе. Литовское княжество не имѣетъ своего національнаго историка. Все, что узнала объ немъ ученая Европа, все почерпнуто изъ мутнаго источника, изъ Польскихъ лѣтописцевъ не старѣе конца XVI столѣтія, когда Поляки уже привыкли считать Литву своею древнею провинціею. Въ слѣдствіе этой идеи, они представляютъ какъ образованіе Литовскаго княжества, такъ и судьбу его въ превратномъ видѣ: они смотрятъ на Литовцевъ въ собственномъ смыслѣ, какъ на старинныхъ союзниковъ Польши, покорившихъ, при содѣйствіи Польскихъ пановъ, все пространство отъ предѣловъ Галиціи до Двины, отъ Бреста до Калуги, и воображаютъ, что уже Гедиминъ ввелъ во всѣхъ подвластныхъ земляхъ Литовскіе законы, Литовскіе нравы и обычаи. Соединеніе же Литовскаго княжества съ Польшею, по ихъ понятію, было слѣдствіемъ не личнаго честолюбія Ягелла и домогательства Польскихъ магнатовъ видѣть его своимъ государемъ, а плодомъ усерднаго желанія обоихъ народовъ заключить тѣсный, братскій союзъ. Впрочемъ не всѣ Польскіе современные историки представляютъ это дѣло въ такомъ видѣ: лучшіе изъ нихъ, болѣе основательные и менѣе пристрастные, напримѣръ Кромеръ и въ особенности Кояловичъ, писавшіе въ то время, когда политика Езуитовъ еще не созрѣла, не скры-

ваютъ, что соединеніе Литовскаго княжества съ Польшею совершилось съ большимъ трудомъ, что главнымъ препятствіемъ тому была разноплеменность народовъ, что престолъ великихъ князей Литовскихъ окружали большею частію Русскіе вельможи, что при дворѣ ихъ господствовалъ Русскій языкъ, что подвластные имъ народы съ величайшимъ усердіемъ берегли свою святыню, что Езуиты уже отчаявались поколебать православіе и что въ самой Вильнѣ находилось гораздо болѣе храмовъ Грекороссійскихъ, чѣмъ костеловъ Римскихъ. Новѣйшіе писатели Польскіе утаили всѣ сіи обстоятельства и, разными софизмами запутавъ исторію Литовскаго княжества, успѣли внушить Европѣ мысль, что оно издревле составляло часть рѣчи посполитой. Правда, нѣкоторые изъ ученыхъ писателей Нѣмецкихъ и Французскихъ (Шлецеръ, Малтебрюнъ) старались разсѣять это заблужденіе и представить дѣло въ настоящемъ видѣ; но Польскія понятія взяли верхъ и ввели въ заблужденіе насъ самихъ.

IV. Первая, главная ошибка наша въ томъ, что мы привыкли считать Литву въ собственномъ смыслѣ народомъ могущественнымъ, племенемъ господствующимъ, бравшимъ надъ обитателями западной Руси рѣшительный перевѣсъ и силою оружія и гражданскимъ устройствомъ. Такъ говоритъ одинъ изъ критическихъ писателей нашихъ (Полевой) о Литвѣ временъ Гедимина: «Литва, могущественная, превышающая великое кня«жество Московское силою, образованностію, поставленная ру«кою Гедимина въ рядъ государствъ самобытныхъ, обхватила «все, что прежде называлось на Днѣпрѣ и за Днѣпромъ Русью, «преобразовала нравы, обычаи тамошнихъ Руссовъ». Вотъ точка, съ которой мы обыкновенно смотримъ на Литовское княжество: т. е. мы видимъ въ образованіи его повтореніе весьма обыкновеннаго въ исторіи случая, когда нашествіе сильныхъ иноплеменниковъ уничтожаетъ самостоятельность слабаго народа и даетъ начало новому государству, въ коемъ господствуютъ законы, языкъ, нравы и обычаи побѣдителей. Такъ возникли Германскія государства на развалинахъ Римской имперіи; такъ возникло, въ слѣдствіе вышеприведеннаго мнѣнія, и Литовское государство на развалинахъ Русскихъ заднѣпровскихъ княжествъ: отъ того на дѣла его мы смотримъ, какъ на чужія, и не даемъ имъ мѣста въ своей исторіи. Идея неосновательная! Литва въ собственномъ смыслѣ, заключаясь въ предѣлахъ нынѣшней Виленской губерніи, обитая среди дремучихъ лѣсовъ въ бѣдности, въ грубомъ невѣжествѣ, до временъ Гедимина съ трудомъ отбивалась отъ Русскихъ князей, отъ Ли-

вонскихъ рыцарей, всегда была народомъ малочисленнымъ, слабымъ, и тѣмъ менѣе могла взять перевѣсъ надъ сосѣдами въ гражданскомъ устройствѣ, что до исхода XIV столѣтія она постоянно была погружена въ язычество и не имѣла письменныхъ законовъ. Не силою, не храбростью Литвы, а умомъ, искусствомъ, политикою Гедимина, соединились Русскія княжества за Днѣпромъ въ одно цѣлое и образовали великое княжество Литовское. Онъ дѣйствовалъ Русскими противъ Русскихъ такъ точно, какъ и государи Московскіе, и гордился именемъ Русскаго князя. Отъ того при немъ и первыхъ преемникахъ его, въ основанномъ имъ государствѣ все было Русское, вѣра, языкъ, гражданскіе уставы, понятія, нравы, обычаи, какъ удостовѣряетъ въ томъ цѣлый рядъ письменныхъ памятниковъ XIV и XV столѣтій, самый ходъ событій. Мы не вникли ни въ то, ни въ другое, повѣрили Польскимъ писателямъ, смѣшали Литву съ Польшею, вообразили, что Литовское княжество возникло по тѣмъ же началамъ, какъ образовались Германскія государства, и исключили его изъ своей исторіи.

Эта ошибка породила другую не менѣе важную : взирая на Литовское княжество глазами Польскихъ историковъ, видя въ немъ государство чуждое, непріязненное, опасное для Россіи, мы не замѣчали мудрой политики государей Московскихъ, и постоянный споръ дома Іоанна Калиты съ домомъ Гедимина казался намъ обыкновеннымъ соперничествомъ двухъ сосѣдей, равно властолюбивыхъ, изъ коихъ одинъ старался усилиться на счетъ другаго. Мы не могли только понять этой безпрерывной брани, удивлялись, какъ самые ничтожные предлоги могли породить столь кровавыя войны, жалѣли о бѣдствіяхъ народовъ, и обременяя князей Литовскихъ строгими упреками, не щадили и государей Московскихъ, за ихъ мнимое излишнее честолюбіе. Еслибъ мы вникли, что и потомки Гедимина и потомки Калиты стремились къ господству надъ всею землею Русскою, что и тѣ и другіе были убѣждены въ справедливости своихъ притязаній, и что распря ихъ до конца XVI вѣка была распрею семейною, а не враждою народною, мы увидѣли бы, что они спорили не по личному честолюбію, а въ слѣдствіе неизбѣжной необходимости, и дѣла Литовскія, такъ несвязныя, такъ утомительныя подъ перомъ нашихъ бытописателей, имѣли бы высокое значеніе въ нашей исторіи.

Къ симъ двумъ главнымъ ошибкамъ присоединилась и третья: на соединеніе Литовскаго княжества съ Польшею мы привыкли смотрѣть какъ на дѣло постороннее, и если упоминаемъ объ

немъ мимоходомъ, то для того только, чтобы дать понятіе о могуществѣ князей Литовскихъ, которые, располагая силами двухъ народовъ, тѣмъ опаснѣе были для Москвы. Главное, что наиболѣе должно обратить на себя вниманіе Русскаго историка, остается безъ всякаго изслѣдованія и результата. Это соединеніе было источникомъ тягостнаго ига, которое досталось въ удѣлъ цѣлой половинѣ Русскаго народа и около четырехъ вѣковъ, какъ лютая язва, терзало страну, гдѣ возникла и въ полномъ блескѣ развилась Русская жизнь, гдѣ было истинное наше отечество, гдѣ покоятся и бренные остатки нашихъ князей, прославившихъ Русское имя въ странахъ отдаленныхъ, и нетлѣнные мощи св. угодниковъ, хранителей Русскаго народа. Видѣть, какъ страдала Русь подъ ярмомъ Польскимъ, какъ боролась она съ своими гонителями, какъ изнемогала, падала, изобразить всѣ бѣдствія нашихъ единоплеменниковъ, отторгнутыхъ отъ лона общей матери случайнымъ сцѣпленіемъ обстоятельствъ, и снова возвращенныхъ подъ кровъ родимый, представить все это, есть безъ сомнѣнія одна изъ важнѣйшихъ задачъ для Русскаго бытописателя. Онъ привыкъ разсказывать о величіи, блескѣ, славѣ государства Московскаго, т. е. одной Руси восточной; пусть же покажетъ намъ и злочастную долю единовѣрной, единоплеменной намъ Руси западной. Этого требуетъ полнота науки; иначе воззрѣніе наше на судьбу Русскаго народа будетъ одностороннее, слѣдовательно неправильное.

Кромѣ того соединеніе Польши съ Литовскимъ княжествомъ имѣло самое рѣшительное вліяніе на главный ходъ событій нашего отечества: съ одной стороны, оно надолго отсрочило сліяніе западной Руси съ восточною, которое безъ того, по всей вѣроятности, совершилось бы еще въ концѣ XVI вѣка, когда угасъ домъ Ягеллоновъ и въ права его долженъ былъ вступить домъ Калиты; съ другой стороны оно вовлекло и Польшу въ предѣлы Русскаго міра: судьба ея такъ тѣсно была связана съ судьбою Литовскаго княжества, что самобытное существованіе ея было невозможно, какъ скоро государство Ягеллоновъ вошло въ составъ Россійской имперіи. Такимъ образомъ, событіе, почти незамѣтное подъ перомъ нашихъ бытописателей, было источникомъ важнѣйшихъ явленій нашей исторіи; это былъ узелъ, который необходимо надлежало распутать; цѣлые четыре вѣка мы трудились надъ нимъ, — доколѣ умъ Екатерины II не разрѣшилъ его.

Послѣ всего вышесказаннаго мною, надѣюсь, нетрудно указать Литовскому княжеству мѣсто въ Русской исторіи. Доколѣ

оно было самостоятельно, имѣло своихъ князей изъ дома Гедиминова, сохраняло всѣ черты Русской народности и спорило съ Москвою о правѣ господствовать надъ всею Русью, историкъ обязанъ говорить съ равною подробностью о дѣлахъ Литовскихъ и Московскихъ и вести оба государства рядомъ, такъ точно, какъ до начала XIV столѣтія онъ разсказывалъ о борьбѣ удѣльныхъ Русскихъ княжествъ, Кіевскаго, Черниговскаго, Галицкаго, Суздальскаго, Рязанскаго, Новгородскаго и другихъ. Положеніе дѣлъ будетъ одно и то же, съ тою единственно разностью, что въ удѣльное время было нѣсколько системъ, а тутъ только двѣ: Московская и Литовская. Это будетъ продолжаться до исхода XVI вѣка. Когда угаснетъ домъ Гедимина и отчина его соединится съ Польшею, Русскій бытописатель изобразитъ на главномъ планѣ государство Московское или Россію, потому что въ нѣдрахъ ея сохранились и развились основныя начала общественной и семейной жизни Русскаго народа, сѣмена, насажденныя Рюрикомъ, Владиміромъ св., Ярославомъ мудрымъ, взлелѣянныя потомками Калиты и принесшія величественный плодъ подъ благословенною державою дома Романовыхъ. На второмъ планѣ этой картины стоитъ великое княжество Литовское, опутанное цѣпями иноплеменниковъ; историкъ не обязанъ разсказывать о всѣхъ дѣлахъ Польскихъ, въ коихъ принимало участіе Литовское княжество, — потому что это предметъ посторонній; но онъ обязанъ непремѣнно показать, какимъ образомъ въ западной Руси, подъ игомъ Поляковъ, постепенно исчезали главныя черты ея народности, какъ она боролась съ своими гонителями, чтобы спасти свою вѣру, свой языкъ, главное, почти единственное наслѣдіе, оставшееся ей отъ предковъ; какъ подавали ей руку помощи мудрый Алексѣй, великій Петръ, доколѣ Екатерина II не рѣшила этого стариннаго, столь запутаннаго вопроса о восточной и западной Руси: та и другая сливаются въ одно цѣлое, въ одну Россійскую имперію, и съ тѣхъ поръ Литовская исторія должна умолкнуть.

КОНЕЦЪ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

—

ГЛАВА II.

РАЗДРОБЛЕНІЕ РУСИ НА УДѢЛЬНЫЯ КНЯЖЕСТВА.

—

ГЛАВА III.

РАЗДѢЛЕНІЕ РУСИ НА ВОСТОЧНУЮ И ЗАПАДНУЮ ПОДЪ ИГОМЪ МОНГОЛОВЪ.

—

ГЛАВА IV.

МОСКВА И ЛИТВА.

—

ГЛАВА V.

РУССКОЕ ЦАРСТВО ВЪ БОРЬБѢ СЪ ТАТАРАМИ И ПОЛЯКАМИ.

—

ГЛАВА VI.

УНІЯ И САМОЗВАНЦЫ.

—

ГЛАВА VII.

ЦАРСТВОВАНІЕ ДОМА РОМАНОВЫХЪ.

ГЛАВА VIII.

ОЧЕРКЪ РУССКОЙ СТАРИНЫ.